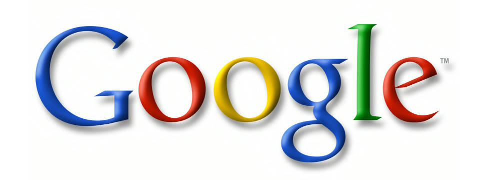

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

LIBRAIRIE FRANÇAISE ET ÉTRANGÈRE A. FRANCK 67, RUE RICHELIEU, PARIS

LIBRAIRIE ÉTRANGÈRE QUAI DES BERGUES, GENÈVE

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ ежемѣсячно въ Лондонѣ, — цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square., *W. C.*

ЛИСТЪ 7.

1 Января 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 39, Rupert Street, Haymarket, London. Price six-pence.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ!

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

(съ 1857 года.)

(Продолженіе.)

Мы хотѣли слѣдить за всѣми подробностями правительственныхъ распоряженій за прошлый годъ, но подробности исчезаютъ передъ великими событіями, которыя совершаются въ отечествѣ и вмѣсто преслѣдованія мелкихъ частностей, мы начинаемъ 1858 годъ привѣтствіемъ Александру II за начало освобожденія крѣпостнаго состоянія. Мы убѣждены, что онъ неравнодушно приметъ это горячее привѣтствіе людей, которымъ не нужно его бояться, которые для себя лично отъ него ничего не ждутъ и ничего не просятъ, привѣтствіе свободныхъ людей русскихъ—царю,уничтожающему рабство. Мы счастливы, что можемъ этимъ начать новый годъ; да будетъ онъ дѣйствительно новой эрой для Россіи.

Освобожденіе крѣпостнаго состоянія началось въ трехъ западныхъ губерніяхъ и перешло въ губернію санктпетербургскую. Мы искренно желаемъ, чтобы эта географическая постепенность освобожденія не привела къ какимъ нибудь смутамъ; для мирнаго продолженія великаго дѣла надо поболѣе готовности со стороны дворянства сообразоваться съ благородной волей государя. Надо, чтобы дворянство проникнулось мыслію, что по мимо всѣхъ чувствъ человѣколюбія и человѣческаго достоинства несовмѣстнаго съ состояніемъ рабства,—есть еще иная необходимость какъ можно скорѣе сообразоваться съ волей государя: если дворянство станетъ медлить и упорствовать въ сохраненіи своихъ неестественныхъ правъ, то крестьяне, какъ они ни смирны, не вытерпятъ географической постепенности, и видя освобождающихся сосѣдей, захотятъ быть свободными; присылать команды для усмиренія невинныхъ крестьянъ, справедливо возставшихъ противъ барскаго упорства царскому желанію, будетъ поздно—когда крестьянскій топоръ промелькнетъ по барскимъ головамъ; положимъ команда и усмиритъ крестьянъ, но снесенныхъ головъ къ дворянскимъ шеямъ она не приставитъ. Надо, чтобы дворянство проникнулось мыслію, что оно должно поскорѣе сообразоваться съ волей государя—изъ чувства самохраненія, если уже оно неспособно отыскать въ себѣ болѣе благороднаго чувства.

Мы убѣждены, что сила обстоятельствъ заставитъ дворянство понять наконецъ простую истину, которую мы сей часъ сказали, и потому рескриптъ Александра II виленскому и санктпетербургскому генералъ-губернаторамъ мы считаемъ рескриптомъ для всей Россіи. Разборъ этаго рескрипта, равно какъ предписанія и циркуляра Г. Министра внутреннихъ дѣлъ—составляетъ теперь задачу нашей статьи.*

Мы нисколько не сомнѣваемся, что дворянство виленской, ковенской и гродненской губерніи предложило освобожденіе своихъ крестьянъ по вызову правительства; какъ бы то ни было—честь перваго предложенія останется за дворянствомъ литовскихъ губерній, какъ неотъемлемое право на благодарность Россіи и какъ горькій укоръ великорусскому дворянству, которое и тутъ не умѣло занять перваго мѣста, не умѣло сдѣлать перваго шага на поприщѣ гражданской доблести. Явленіе грустное, которое мы впослѣдствіи постараемся объяснить, но котораго оправдать никто не можетъ.

Въ рескриптѣ 2 Декабря (20 Ноября) Александръ II говоритъ, что намѣренія ковенскаго, виленскаго и гродненскаго дворянства сообразны съ его видами и желаніемъ. Нигдѣ въ рескриптѣ освобожденіе крѣпостнаго состоянія не названо по имени, и только подразумѣвается подъ выраженіемъ: улучшенія крестьянскаго быта. Ради чего сдѣлана эта уступка въ рескриптѣ? Ради ли помѣщиковъ, чтобы не потревожить призрака ихъ власти, или ради крестьянъ, чтобы не разпалить ихъ стремленія къ освобожденію,—мы не знаемъ; но какъ бы то ни было—дѣло въ дѣлѣ, а не въ названіи. Мы вполнѣ понимаемъ затруднительное положеніе, въ которое правительство поставлено при рѣшеніи вопроса объ освобожденіи крестьянъ,—упорствомъ со стороны помѣщиковъ. Правительство, котораго желаніе въ этомъ случаѣ совершенно согласно съ желаніемъ массы народной и образованнаго меньшинства, правительство встрѣчаетъ въ большинствѣ дворянства не готовность помогать ему въ великомъ дѣлѣ, а враждебность своекорыстія и худо-понятаго разсчета. Отъ этаго правительство принуждено приниматься за дѣло, больше основываясь на собственной силѣ, чѣмъ на надеждѣ, что дворянство само пособитъ ему привести въ исполненіе благо-

(*) Мы жалѣемъ, что мы еще не имѣемъ русскаго текста и должны удовольствоваться французскимъ текстомъ Норда.

Digitized by Google

родное и великое намѣреніе. На этомъ совершенно справедливомъ, на дѣлѣ оправдывающемся недовѣріи правительства къ дворянству, основана большая часть положеній рескрипта 20 Ноября.

"Каждый комитетъ подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, долженъ состоять изъ слѣдующихъ членовъ: a) по одному помѣщику съ уѣзда, избранному землевладѣтельнымъ дворянствомъ уѣзда; b) двухъ членовъ, избранныхъ изъ среды образованныхъ помѣщиковъ губерніи и назначаемыхъ самимъ губернаторомъ."

"Общій комитетъ долженъ состоять изъ слѣдующихъ членовъ: a) двухъ членовъ съ каждаго губернскаго комитета, избранныхъ самими губернскими комитетами; b) образованнаго помѣщика, избраннаго генералъ-губернаторомъ изъ среды самыхъ образованныхъ помѣщиковъ и c) одного члена депутата отъ Министерства внутреннихъ дѣлъ. Генералъ-губернаторъ назначаетъ президента общаго комитета по своему усмотрѣнію изъ помѣщиковъ, членовъ комитета."

Уже изъ этихъ положеній очевидно, что генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ предоставлена огромная власть при рѣшеніи вопроса, что лица ими назначаемыя въ члены губернскихъ комитетовъ и въ президенты общаго комитета, должны играть огромную роль. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что нѣтъ достаточнаго основанія для увѣренности, что губернаторъ или генералъ-губернаторъ способенъ рѣшить —кто именно между дворянами образованный человѣкъ; съ перваго взгляда можетъ показаться, что выборъ дворянства скорѣе бы указалъ на способныхъ и образованныхъ людей. Но тутъ то и является затруднительное положеніе правительства: оно не можетъ повѣрить дворянству въ благородномъ дѣлѣ; оно должно опасаться, что выборъ дворянства падетъ именно на людей, своекорыстно и невѣжественно отстаивающихъ свою грязную, уродливую, для государства, для народа, для самаго дворянства раззорительную власть. И вотъ правительство вынуждено деспотизму помѣщиковъ—противупоставить деспотизмъ администраціи. Министерство внутреннихъ дѣлъ вступаетъ въ борьбу съ дворянствомъ, и не дворянство, а министерство внутреннихъ дѣлъ играетъ въ этомъ случаѣ благородную роль; какъ это лестно для россійскаго дворянства. О! Россійское дворянство умѣетъ жертвовать престолу и отечеству: оно сбираетъ съ крестьянскихъ душъ извѣстное число рублей и копѣекъ, чтобы дать балъ при проѣздѣ члена царской фамильи, или какаго нибудь важнаго лица; оно въ военное и невоенное время, по нуждѣ и безъ нужды, ставитъ рекрутъ изъ своихъ крѣпостныхъ людей, полагая, что тяжело не человѣку, котораго убьютъ на войнѣ, а помѣщику, который его отдалъ въ рекруты; оно только не умѣетъ жертвовать тогда, когда государь вызываетъ великій вопросъ, отъ котораго зависитъ спокойствіе, благосостояніе и честь государства. Со времени рескрипта Литовскимъ губерніямъ, только одна русская губернія, и та потому, что въ ней резиденція правительства, откликнулась на вызовъ государя.

Мало этаго: отъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ о томъ, что дворянство ихъ губерній можетъ сообразоваться съ рескриптомъ 20 Ноября и предложеніемъ трехъ литовскихъ губерній, отъ этого циркуляра высшіе сановники въ Петербургѣ перемутились и стали уговаривать государя не разсылать циркуляра. Вотъ они враги отечества, высшіе представители своекорыстнаго и неразумнаго дворянства, которые мѣшаютъ правительству дѣйствовать разумно и благородно! Видно — въ какіе мундиры ихъ ни одѣнь, какими звѣздами ихъ ни усыпь, а все отъ нихъ будетъ разить помѣщичьей грязью.

И затруднительное положеніе правительства все увеличивается: самые эти губернаторы и генералъ-губернаторы, которые должны выбирать образованныхъ помѣщиковъ, тоже помѣщики; и у многихъ изъ нихъ, можетъ быть, узкій помѣщичій интересъ стоитъ на первомъ планѣ, и они втайнѣ враждебны намѣреніямъ правительства, хотя оффиціально и служатъ ему? Что же тутъ дѣлать?

Тутъ правительству больше нечего дѣлать, какъ мѣнять губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ, какъ скоро на нихъ падаетъ тѣнь подозрѣнія, что они враждебно смотрятъ на вопросъ освобожденія крестьянъ, и удалять высшихъ сановниковъ, перечащихъ ему въ рѣшеніи этого вопроса. Когда начинается такое важное и великое дѣло, тутъ уже поздно разбирать имѣетъ ли такой то господинъ достаточный чинъ чтобъ занять губернаторское или какое иное мѣсто; надо разбирать только одно — согласенъ ли этотъ господинъ съ намѣреніемъ правительства освободить крестьянъ. Согласенъ— вотъ вамъ губернаторское мѣсто; не согласенъ—идите прочь.

Да, мы требуемъ отъ правительства, чтобъ оно было сильно и рѣшительно, непоколебимо и безбоязненно въ осуществленіи освобожденія крѣпостнаго состоянія. Теперь это единственный способъ предовратить смуты, которые вызоветъ упорство помѣщиковъ. Слишкомъ много желчи накопилось въ крестьянскихъ душахъ отъ долговременнаго помѣщичьяго насилія, слишкомъ громко поставленъ на ноги вопросъ объ освобожденіи, чтобы спокойствіе сохранилось, если помѣщики станутъ упорствовать. Правительство обязано дѣйствовать быстро и рѣшительно, не смотря ни на какіе возгласы высшихъ сановниковъ, отупѣвшихъ въ смрадѣ военно-бюрократическихъ, и полицейски-помѣщичьихъ понятій, и неспособныхъ понять ни намѣренія государя, ни смысла народнаго. Правительство обязано дѣйствовать быстро и рѣшительно для спасенія Россіи, для того, чтобы узелъ ея основнаго экономическаго вопроса былъ распутанъ, а не разрубленъ.

У насъ обычно, по крайнѣй мѣрѣ большей частію, губернаторы хвастаются своимъ вліяніемъ на дворянство, берутъ въ свою пользу взятки съ откупщиковъ, исправниковъ и судовъ, грабятъ такимъ образомъ народъ черезъ посредство другихъ, покровительствуютъ помѣщикамъ въ злоупотребленіи ихъ власти и доносятъ правительству, что во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ все обстоитъ благополучно: отъ чегоже они такъ мало употребляютъ теперь свое вліяніе въ дѣло, что съ появленія рескрипта только одна губернія отвѣчала на вызовъ государя? Во имя народа и образованнаго меньшинства мы невольно побуждены сказать правительству: берите людей новыхъ, берите людей новыхъ; съ вашими старыми управителями губерній вы ни дочего не дойдете, кромѣ смутъ, которыя и вамъ, и намъ, и всякому здравомыслящему и честному Русскому хотѣлось бы отвратить отъ отечества.

И почему дворянство такъ упорно держится за крѣпостное право? Точно ли это изъ разсчета, изъ боязни потерять какую нибудь часть дохода, еще болѣе запутать свои дѣла, и безъ того запутанныя и окончательно раззориться? Мы этаго недумаемъ.

Digitized by Google

Потеря, которую можетъ понести дворянство, будетъ кратковременна, и при постепенности замѣны крѣпостнаго труда рентою, какъ предложено правительствомъ, она будетъ нечувствительна; съ освобожденіемъ крестьянъ у помѣщиковъ развяжутся руки на всякую промышленную дѣятельность; помѣщики,—имѣющіе большіе капиталы употребятъ ихъ съ выгодой, помѣщики—неимѣющіе большихъ капиталовъ—будутъ невольно вовлечены въ промышленный трудъ и переходя изъ тунеядства къ удободвижимости, пріобрѣтутъ, вознаградятъ съ лихвою свою мнимую потерю. Мало того, что крестьяне освободятся отъ помѣщичьей розги, но самые помѣщики освободятся отъ своей прикованности къ землѣ, при обработкѣ которой они до сихъ поръ не разсчитывали стоимости труда и не получали дѣйствительнаго дохода; съ освобожденіемъ крестьянъ само дворянство вступитъ наконецъ въ естественную колею, которая ему предназначена силою обстоятельствъ, и дворяне сдѣлаются дѣятельными промышленниками въ государствѣ; къ этому ихъ уже давно подстрѣкаютъ обстоятельства: средства дворянъ къ образованію даютъ имъ возможность понимать промышленную дѣятельность; ихъ запутанное положеніе, происходящее большей частію отъ ошибочнаго разсчета незаплатнаго труда, наталкиваетъ ихъ на промышленныя предпріятія, и не смотря на то, что именно крѣпостное состояніе мѣшаетъ развитію ихъ предпріимчивости, насильно удерживая ихъ въ обычномъ родѣ дѣятельности, при обычномъ способѣ работы, не смотря на это, мы видѣли, что съ каждымъ годомъ число фабричныхъ заведеній у помѣщиковъ умножалось и число дворянъ, поступающихъ въ купцы—росло. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія, дворянство ринется въ промышленность, въ этотъ естественный путь, на которомъ оно найдетъ себѣ исходъ. Если теперь дворянство не хочетъ понять своей естесвенной сферы дѣятельности, то необходимость скоро заставитъ его понять ее и свое великое назначеніе—быть средою, которая оживитъ всѣ богатыя производительныя силы Россіи.

Но не разсчетъ, не боязнь потери и раззоренія заставляетъ дворянство упорно держаться за крѣпостное право,—а привычка. "Сладостная привычка жизни", говоритъ Эгмонтъ, передъ эшафотомъ "и съ тобой долженъ я разстаться!"—"Сладостная привычка сѣчь мужиковъ", говоритъ дворянство передъ освобожденіемъ крѣпостнаго состоянія, "и съ тобой я должно разстаться!" Но разсудите же сами: перестать жить—дѣйствительно не легко, но перестать сѣчь—это и легко и полезно, хотя бы для спасенія души. Когда я припоминаю, какъ въ симбирской губерніи одна барыня остригла рѣсницы у дворовой дѣвки, чтобъ лучше видѣть спитъ она за пяльцами или нѣтъ, когда тысячи случаевъ въ томъ же духѣ приходятъ мнѣ на память — обидно и больно становится за дворянство, что именно изъ за возможности дѣлать безнаказанно подобныя мерзости, оно держится за крѣпостное право. Но покамѣсть какіе нибудь Закревскіе, отличавшіеся на службѣ разстрѣливаніемъ безъ суда людей въ первую холеру, будутъ покровительствовать всякимъ Вреде, сѣкущимъ мужиковъ по воскресеньямъ; покамѣсть Эльстоны-Сумароковы будутъ воображать, что производить слѣдствіе значитъ пороть мужиковъ —до тѣхъ поръ правительство не можетъ надѣяться вызвать въ большинствѣ дворянства никакаго разумнаго и человѣческаго побужденія.

Изъ рескрипта можно понять, что правительство вводитъ въ комитеты образованныхъ помѣщиковъ, избранныхъ губернаторами, и депутата отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ членовъ, которые могутъ отстоять интересы крестьянъ; члены, назначаемые правительствомъ, являются въ комитетахъ единственными представителями крестьянъ. Какъ же осторожно должно быть правительство въ ихъ выборѣ! Какъ велико становится значеніе губернаторовъ! Чуть выборъ ошибоченъ,—члены, назначаемые правительствомъ въ комитеты, вмѣсто того, чтобы быть защитниками крестьянъ, примкнутъ къ партіи, которая захочетъ обременить ихъ повинностями. А это дастъ поводъ къ смутамъ....

Первое положеніе рескрипта: "помѣщикъ сохраняетъ право собственности надъ всей землею, но крестьяне сохраняютъ усадьбу (т. е. дворъ, огороды и конопляннники, по крайней мѣрѣ такъ мы понимаемъ французскій текстъ предписанія г. министра внутреннихъ дѣлъ); усадьбу они имѣютъ право пріобрѣсти посредствомъ выкупа, уплачиваемаго въ опредѣленный срокъ; сверхъ того они получаютъ въ пользованіе—смотря по мѣстностямъ—количество земли, необходимое чтобы обезпечить ихъ существованіе и дать имъ средства выполнять повинности казенныя и помѣщичьи. Въ вознагражденіе за это пользованіе землею крестьяне или платятъ помѣщику подать или работаютъ на него."

Это положеніе поясняется предписаніемъ министра. Усадьбы крестьяне могутъ пріобрѣтать общиной, могутъ пріобрѣтать и лично. Въ первомъ случаѣ усадебные участки будутъ мірскіе; во второмъ случаѣ личный владѣтель участка все же остается членомъ общины и долженъ подчиняться всѣмъ общиннымъ распоряженіямъ. Выкупъ усадьбы можетъ быть производимъ деньгами или работой, независимо отъ подати за пользованіе землей (пахотной).—За пользованіе же сверхъ-усадебной (пахотной) землей крестьяне платятъ помѣщикамъ подать или работой, или деньгами (оброкъ) или натурой. (Послѣднее, сколько мы можемъ понять, входитъ въ систему половниковъ,—métayers). Земля, разъ отданная въ пользованіе міру не можетъ быть у него отнята, и промѣнъ ея общій, или по частямъ для причисленія вновь къ помѣщичьей землѣ, можетъ только быть сдѣланъ съ согласія міра и по рѣшенію судовъ, учреждаемыхъ въ каждомъ уѣздѣ по новому постановленію.— Все это называется переходнымъ, транзиторнымъ положеніемъ крестьянъ, которое должно продолжиться не свыше 12 лѣтъ, и въ продолженіи этаго срока крестьяне не имѣютъ права переселяться въ другія мѣстности, переселеніе, которое послѣ этого срока, будетъ имъ дозволено на извѣстныхъ условіяхъ по распоряженію правительства.

Но не смотря на пояснительное предписаніе Министра внутреннихъ дѣлъ,—вопросъ поставленъ не ясно; дѣйствительнаго рѣшенія или разъясненія мы можемъ ждать въ дальнѣйшихъ трудахъ самихъ комитетовъ. Мы и станемъ терпѣливо, безъ оппозиціи ждать этого разъясненія; но все же мы не можемъ не сдѣлать теперь же весьма важнаго вопроса: послѣ двѣнадцати лѣтъ переходнаго положенія, земля, отдаваемая міру въ пользованіе, будетъ ли окончательно принадлежать міру, или нѣтъ? Русскій народъ убѣжденъ, что часть земли принадлежитъ неотъемлемо ему; въ положеніяхъ министерскаго предписанія сказано, что она у него никогда отнята быть не можетъ, что можетъ быть сдѣланъ промѣнъ, но не отнятіе земли; слѣдственно пользованіе здѣсь равносильно собственности. Не можетъ же эта собственность быть

Digitized by Google

пріобрѣтена за обязательство вѣчно работать на помѣщика,— это было бы опять крѣпостное состояніе; или за вѣчный оброкъ,—что было бы нелѣпостью, которую исторія пожалуй сотретъ насильственнымъ образомъ. Что же остается: оброкъ съ погашеніемъ выкупа, или зачитаніе въ выкупъ 12ти лѣтнихъ повинностей, такъ что послѣ 12 лѣтъ земля будетъ отдана не въ пользованіе, а въ собственность общинъ? Вотъ вопросы, которые мы не знаемъ какъ рѣшатся, но мы на нихъ указываемъ какъ на вопросы, которыхъ обойти не возможно.

Вслѣдъ за положеніемъ (§ 5) министерскаго предписанія, въ которомъ сказано, что земля, разъ данная (allouée) крестьянамъ, остается навсегда въ распоряженіи общины, слѣдуетъ положеніе, что выкупъ долженъ быть опредѣленъ не одной цѣнностью усадьбы и строеній, но и промышленными выгодами и другими благопріятными условіями мѣстности. На тѣхъ же основаніяхъ долженъ быть установленъ оброкъ, повинности, или работы въ замѣнъ сверхъусадебной (пахотной) земли.—При этомъ не худо замѣтить, что тамъ, гдѣ крестьянскія строенія были выстроены не изъ барскаго лѣса, или, гдѣ крестьяне уже заплатили помѣщику за лѣсъ, взятый на избу,—ставить въ счетъ цѣнность строеній будетъ несправедливо, а это найдется въ большей части помѣщичьихъ деревень; весьма не многіе помѣщики дарятъ крестьянамъ лѣсъ на избу, и по мимо того, что подаренное не льзя ставить въ счетъ,—спрашивается: за что же мужикъ долженъ платить барину за избу, имъ—самимъ мужикомъ— на свои деньги поставленную?—Еще важнѣе опредѣленіе ренты, или оброка, или работъ въ замѣнъ пахотной земли. Какъ ни сильно будетъ вліяніе образованныхъ помѣщиковъ, выбранныхъ въ члены комитета—положимъ—весьма благонамѣреннымъ губернаторомъ, какъ ни сильно будетъ вліяніе депутата Министерства внутреннихъ дѣлъ на дѣйствія комитета, но все же у членовъ комитета будетъ поползновеніе какъ можно больше воспользоваться мѣстными промышленными выгодами и благопріятными условіями, чтобы возвысить цифру оброка или число рабочихъ дней до maximum, до нельзя, и тѣмъ обременить народъ, т. е. поползновеніе вычеркнуть изъ русскаго языка названіе крѣпостнаго состоянія, оставивъ его на дѣлѣ. Къ этому повлечетъ дворянъ обычный произволъ въ назначеніи оброка и злоупотребленіе барщины. Упрутся дворяне хлѣбопашественныхъ имѣній, хотя все же поймутъ что они могутъ, безъ всякихъ злоупотребленій, работать наймомъ съ выгодою, поймутъ скорѣе, чѣмъ помѣщики оброчныхъ имѣній, которые произвольно назначаютъ оброкъ, разсчитывая на талантъ лица, какъ бы мало земли при имѣньи ни было, и не захотятъ поступиться своимъ правомъ безнаказанно обращать въ свою пользу весь трудъ и умѣнье крестьянина. Этой жадностью къ несправедливому и безчеловѣческому доходу и объясняется упорное молчаніе великорусскихъ дворянъ на вызовъ государя, и, какъ мы сказали, объясняется, но не оправдывается. Въ средней полосѣ Россіи дворянскія имѣнья большей частію оброчныя, и вы увидите, что самая Москва, которой бы слѣдовало стоять во главѣ русскаго движенія, покроется позоромъ, т. е. откликнется на вызовъ государя позже хлѣбопашественныхъ южныхъ и юговосточныхъ губерній. Дворянство хлѣбопашественныхъ губерній менѣе, дворянство оброчныхъ имѣній болѣе, но все же вообще дворянство, или большинство дворянства, по необходимости, противъ своей воли согласуясь съ волей государя, захочетъ въ своихъ комитетахъ приравнять нулю благородное намѣреніе государя и, освобождая крѣпостное состояніе, обременить мужиковъ самой тяжелой рентой, будь она денежная или трудовая. Кто же подастъ въ комитетахъ голосъ въ пользу мужика? Образованные помѣщики, избранные губернаторомъ, и депутатъ министерства внутреннихъ дѣлъ? Можетъ быть! Но и губернаторы, и образованные помѣщики, и депутаты министерства—дворяне; ихъ заступничество за крестьянъ можетъ быть основано исключительно на ихъ личномъ достоинствѣ, но не имѣетъ корня въ интересахъ ихъ общественнаго положенія; не мудрено и ошибиться въ выборѣ столькихъ людей для комитетовъ по всей Россіи; люди съ истинно благороднымъ направленіемъ рѣдки. Слѣдственно, не смотря на все желаніе правительства, крестьяне въ сущности не имѣютъ представителей въ комитетахъ, и тѣмъ опаснѣе становится возможность, что комитеты будутъ стараться приравнять нулю благородную волю государя.

Министерское предписаніе говоритъ о судахъ (tribunaux), которые будутъ устроены въ каждомъ уѣздѣ для рѣшенія дѣлъ между помѣщиками и крестьянами. Развѣ эти суды будутъ представители, защитники мужика? И этого мудрено ожидать. Суды, какъ кажется изъ министерскаго предписанія, будутъ устроены отъ казны, вѣроятно изъ дворянъ или чиновниковъ; выборъ такаго количества людей по всей Россіи еще затруднительнѣе, ошибки въ выборѣ еще возможнѣе, и вмѣсто того, чтобъ защитить мужика, эти суды прижмутъ его и вызовутъ смуты. Стоить эти суды казнѣ будутъ страшныя деньги. Есть болѣе легкій, болѣе справедливый и болѣе дешевый способъ устроить ихъ: въ случаяхъ спора между помѣщиками и крестьянами, или несогласія крестьянъ на какія нибудь условія,— дозволить третейскія суды;—крестьяне выберутъ своихъ членовъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали, для третейскаго суда; помѣщикъ самъ выберетъ такое же число членовъ, лишь бы помѣщикъ не имѣлъ ничего сказать противу лицъ выбранныхъ крестьянами, и крестьяне противу лицъ выбранныхъ помѣщикомъ, т. е. чтобы и та и другая сторона не имѣла подозрѣнія ни на кого изъ членовъ третейскаго суда, и тогда дѣло пусть рѣшается согласіемъ членовъ суда, или большинствомъ голосовъ. Эти суды будутъ раціональнѣе и справедливѣе и не увеличатъ собою массы чиновничества и безъ того уродливо огромной? Наконецъ, если бы и въ эти суды вкрались ошибки, то гораздо легче устроить для пересмотра дѣлъ комитетъ изъ немногихъ членовъ подъ предсѣдательствомъ—положимъ великаго князя Константина Николаевича, членовъ выбранныхъ самимъ государемъ— не по чину, а по ихъ направленію и ихъ познаніямъ,—гораздо легче устроить такой комитетъ, чѣмъ учреждать суды по всѣмъ уѣздамъ имперіи изъ безчисленнаго количества чиновниковъ.

Притомъ—пусть же наконецъ попробуютъ, чтобы эти третейскія суды были гласны. Это было бы еще новой порукою за ихъ справедливость. Ктому же эти суды будутъ —новые суды, внѣ обычныхъ присутственныхъ мѣстъ; тутъ нечего мѣнять или исправлять что нибудь старое; тутъ съ разу начинается дѣло новое, такъ надо же его начать во всей возможности правосудія, т. е. съ гласностью судопроизводства. Начать хорошо новое всегда легче, чѣмъ поправлять что нибудь старое.

Digitized by Google

Дворяне скажутъ, что наше требованіе, чтобы крестьяне имѣли своихъ представителей въ дѣлѣ, къ нимъ такъ близкомъ,—происходитъ изъ демократическаго чувства: мы и не отрекаемся отъ нашего демократическаго чувства, мы уважаемъ въ себѣ это чувство; но не въ немъ теперь дѣло. Дѣло въ томъ, что если крестьяне, при освобожденіи, будутъ обижены, то Россія не останется спокойною; слѣдственно надо, чтобы крестьяне не были обижены.

Въ предписаніи Министра сказано, что онъ беретъ въ соображеніе правила, нѣкогда съ той же цѣлью (т. е. съ цѣлью освобожденія крестьянъ) принятыя въ ост-зейскихъ губерніяхъ. Эти слова можетъ быть и не имѣютъ особой важности и сказаны мимоходомъ; но мы не можемъ не остановиться на нихъ и не замѣтить, что это напоминовеніе объ освобожденіи крестьянъ въ нѣмецкихъ губерніяхъ совершенно лишнее и сдѣлано не кстати. Крестьяне ост-зейскихъ губерній освобождены совсѣмъ на другихъ основаніяхъ. И къ чему намъ русскимъ, начинающимъ дѣло новое, цѣпляться за узкую точку зрѣнія нѣмецкихъ бароновъ-плантаторовъ? Въ остзейскихъ губерніяхъ не существуетъ общины, то есть тамошняя община (Gemeinde) при освобожденіи крестьянъ, была только устроена какъ округъ для сбора податей, а сама въ себѣ не имѣетъ никакаго смысла, потому что не имѣетъ никакаго общиннаго владѣнія. Она была устроена для того, чтобы, при несостоятельности какаго нибудь члена общины, слѣдующую съ него подать можно было разложить на общину. (Смотри собраніе законовъ Т. XXXIII, учрежденіе эстляндскихъ крестьянъ 1816 Мая 23, § 52.) Изъ всѣхъ правъ, данныхъ освобожденнымъ остъ-зейскимъ крестьянамъ, одно только можно считать дѣйствительно правомъ: оно состоитъ въ томъ, что "крестьянинъ наказывается токмо по суду."* Но вся экономическая часть при освобожденіи остъ-зейскихъ крестьянъ была направлена противъ крестьянъ, а не въ пользу крестьянъ. Во первыхъ она была направлена противъ хозяевъ (Bauerwirthe) въ пользу помѣщиковъ, а во вторыхъ противъ работниковъ (Dienstbote) въ пользу хозяевъ, т. е. чтобы не сдѣлать никакой уступки хозяевамъ, помѣщики всю тяжесть общественнаго положенія свалили на работниковъ. Этотъ принципъ нѣмецкой свободы намъ не по нутру. Разсчетъ помѣщиковъ, что имъ непремѣнно надо, чтобъ было сто сорокъ тысячъ ревизкихъ душъ въ губерніи и потому переселеніе крестьянину дозволено только, если циффра народонаселенія превышаетъ сто сорокъ тысячъ; запрещеніе крестьянамъ селиться въ городахъ; предоставленіе кредитору права самому арестовать должника, если нѣтъ полицейскаго, —что очевидно относится къ праву помѣщика, по мимо правительственной власти, схватить мужика, за которымъ есть недоимка*: всѣ эти нѣмецко-рыцарскія понятія о свободѣ не совпадаютъ ни съ духомъ русскаго народа, ни съ здравымъ пониманіемъ правосудія. Нѣтъ! намъ не надо подражать Нѣмцамъ. Будетъ съ насъ и того, что они втерлись въ русскую администрацію, въ русскую службу, на которой являются самыми хищными чиновниками и самыми бездушными формалистами; а подражать имъ въ томъ общественномъ устройствѣ, которое они создали для несчастнаго леттскаго племени ост-зейскихъ губерній намъ не приходится. Русскіе помѣщики не бароны, и русскій народъ не завоеванный народъ. Намъ не нужно, изъ подражанія Нѣмцамъ, искажать смыслъ нашего народа и его коренные обычаи. Наша община есть нѣчто само по себѣ, а не только сборище людей для платежа повинностей. Въ ея основаніяхъ лежатъ болѣе свѣжіе элементы государственнаго благоустройства и человѣческой справедливости, чѣмъ въ какихъ нибудь статутахъ, сочиняемыхъ высокорожденными нѣмецкими баронами для завоеваннаго низкорожденнаго народа. Но говорить о русской общинѣ, о ея современномъ положеніи и ея внутреннемъ значеніи—приходится такъ много, что мы оставляемъ это до слѣдующаго № Колокола. Покамѣсть скажемъ только, что мы съ глубокой радостью видимъ изъ рескрипта и министерскаго предписанія, что правительство сознаетъ важность русскаго общиннаго устройства и, нисколько не стѣсняя личной собственности, не хочетъ измѣнять его ("sans porter atteinte à l'organisation de la commune"). Измѣнять устройство сельскихъ общинъ въ Россіи было бы даже опасно; этого устройства народъ не уступитъ. Но кромѣ опасности, оно было бы вредно. Нисколько не видя въ русскомъ общинномъ бытѣ идеала общественной жизни, мы не можемъ не видѣть въ немъ зародыша ея болѣе спокойнаго, раціональнаго и гуманнаго развитія. Погубить этотъ зародышъ великой будущности русскаго экономическаго устройства изъ за нѣмецкихъ понятій о собственности, которыя и Европу не привели ни къ какому утѣшительному результату—было бы непростительно, и мы убѣждены, что правительство этого не захочетъ. Что намѣренія правительства склоняются въ пользу общиннаго устройства, мы видимъ уже изъ того, что оно, не только воспрещаетъ помѣщикамъ, во время транзиторнаго двѣнадцатилѣтія, брать мужиковъ во дворъ, но и желаетъ, чтобы дворовые люди были обращены въ крестьянство, что очевидно не иначе можетъ быть сдѣлано, какъ припискою ихъ къ общинамъ.

На одно противурѣчіе мы не можемъ не указать: Помѣщикъ, во время транзиторнаго двѣнадцати-лѣтія, сохраняетъ право отдавать въ рекруты за проступки, и въ тоже время предоставлено общинамъ право назначать рекрутъ. Общины конечно схватятся за старую очередную систему рекрутства, какъ обычную наиболѣе справедливую и слѣдственно наименѣе разорительную для крестьянъ; они тѣмъ болѣе схватятся за эту систему рекрутства, что у нихъ на виду казенныя крестьяне изстрадались отъ жеребьевой системы рекрутства, неразумной, потому что предоставляетъ рѣшеніе участи человѣка судьбѣ, а не разсудку, и гибельной, потому что дастъ поводъ къ безконечнымъ взяткамъ; учрежденіе же вольно-наемнаго войска какъ въ англіи, можетъ быть, для Россіи, на сію минуту, невозможно. Но если общины подчинятся рекрутскимъ очередямъ, за чѣмъ же вводить чуждое очереди начало —начало рекрутства, какъ наказаніе отъ помѣщика. Зло, происходящее отъ того, что какой нибудь провинившійся мужикъ, не будетъ наказанъ, т. е. отданъ въ солдаты, безконечно меньше зла, которое происходитъ отъ права помѣщика отдать мужика въ солдаты, будто бы въ наказаніе, а въ сущности по разнымъ личнымъ ненавистямъ, ищущимъ найти виновность тамъ, гдѣ ее нѣтъ.

Но какъ бы то ни было, если даже и найдутся кой какія противурѣчія въ настоящихъ постановленіяхъ, они могутъ сгладиться дальнѣйшей разработкой вопроса, и все же великій шагъ къ освобожденію крѣпостнаго состоянія сдѣланъ, и мы въ заключеніе можемъ только повторить наше искреннее, го-

(*) Учрежденіе эстляндскихъ крестьянъ §§ 220, 222, 225.

Digitized by Google

рячее привѣтствіе Александру II. Такое же горячее привѣтствіе мы скажемъ ему по поводу его желанія уничтожить табель о рангахъ, (извѣстіе, напечатанное въ Le Nord) что составитъ не менѣе великій шагъ въ русской жизни. Объ этомъ вопросѣ мы также намѣрены говорить въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ Колокола.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ написанъ умно. Министръ сообщаетъ имъ, что государь приглашаетъ дворянство русскихъ губерній послѣдовать благородному примѣру литовскаго дворянства. И что же? Молчитъ русское дворянство! Больно и стыдно!

Р. Ч.

P. S. Въ то время какъ мы дописывали эти строки, Нордъ принесъ извѣстіе, что Нижегородская губернія откликнулась на вызовъ Государя и согласна на освобожденіе крестьянъ. Это одна изъ центральныхъ губерній; теперь уже другимъ не льзя отстать, не льзя упорствовать. Дѣло рѣшено. Впередъ, Россія, впередъ!

ЧТО ЗНАЧИТЪ СУДЪ БЕЗЪ ГЛАСНОСТИ.

Торжественнѣе думали мы начать нашъ звонъ на 1858 г. видно нашему Колоколу несуждено еще издавать полные радостные звуки, звать на праздники и ликованія, возвѣщать благія вѣсти. Видно еще на долго онъ будетъ обрѣченъ на долю тюремнаго звонка, печально возвѣщающаго всякой разъ что преступленіе, что несчастье взошло или вышло, что явился палачь, заплаканная мать переступила порогъ или процессія двинулась къ лобному мѣсту.

А какъ искренно, какъ горячо хотѣлось намъ, чтобъ было иначе, съ какимъ сердечнымъ упованіемъ смотримъ мы на усилія Александра II вырвать у упорно-своекорыстнаго дворянства—веревку на которой оно держитъ крестьянъ въ кабалѣ. "Опора престола" стала бревномъ на дорогѣ, когда государь захотѣлъ сдѣлать доброе дѣло!

Еще хуже съ гласностью въ судѣ. Панины и компанія, умѣли остановить проэкты, заставили молчать объ этихъ жизненныхъ вопросахъ. Съ этими гирями па ногахъ недалеко уйдетъ Александръ Николаевичъ—спутанный формализмомъ, этикетомъ, ограниченный табелью о рангахъ, окруженный политическими старообрядцами и дворянствомъ которое выбрало себѣ девизомъ "я сѣку!" и за это право умѣетъ стоять.

Государь очевидно стремится вырваться изъ заколдованнаго круга, но не слыша свободнаго голоса, не имѣя средствъ узнать истины, теряется.

Князь Долгорукій послѣ заграничнаго путешествія государя, поднесъ ему полную "Хрестоматію" составленную Прянишниковымъ изъ подпечатанныхъ писемъ, свидѣтельствующихъ о крамольныхъ мысляхъ и крайнемъ неудовольствіи благороднаго россійскаго дворянства, при слухѣ объ освобожденіи крестьянъ. Отчего же онъ ему не доставляетъ Колоколъ? Ужъ коли доносить, такъ все доносить, что тутъ за выборы!

Государь не услышитъ отъ насъ ничего оскорбительнаго.

Мы ему скажемъ, будьте мужественны, человѣчество глядитъ на васъ, исторія записываетъ ваши дѣла, бѣдная Россія ждетъ, но что же исторія запишетъ если Россія ничего не дождется, если вы ее оставите на произволъ новымъ Аракчеевымъ и новымъ Клейнмихелямъ?

"У него было доброе сердце и слабая воля!" неужели ваше самолюбіе не идетъ дальше?

Вамъ, такъ благородно поступившему въ дѣлѣ Липранди, предлагавшаго академію шпіонства*, очень легко узнавать людей и дѣлить ихъ ошую и одесную, шиболетъ вашъ совсѣмъ готовъ. Кто противъ гласности, кто противъ освобожденія крестьянъ, тотъ врагъ народа, тотъ вашъ врагъ...

Отчего Вы небоитесь гласности—а Панинъ и Вяземскій боятся?

Отчего Вы хотите искоренить взятки, а Ланской призывалъ двухъ литераторовъ и запретилъ имъ касаться этаго предмета освѣщеннаго вѣками?

Постараемся показать на дѣлѣ отчего.

Къ новому году намъ прислали выписку изъ однаго дѣла—нисколько нечрезвычайнаго, но очень характеристическаго для объясненія почему запертыя двери необходимы вертепамъ называемымъ у насъ **судами**.

И—ръ.

13 Іюня, 1853 года, въ домѣ и квартирѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Льва Викторовича Кочубея раздался выстрѣлъ, и изъ комнатъ князя выбѣжалъ австрійскій подданный Игнатій Зальцманнъ, раненный изъ пистолета въ грудь (рана въ 1¼ дюйма, близь соединенія 8 ребра съ грудиною). Зальцманнъ объясняетъ что, не получивъ, за всѣми просьбами и оффиціальными жалобами слѣдующихъ ему отъ князя Кочубея по прежнему управленію домомъ его 875 рублей, онъ подалъ на князя жалобу государю императору, въ которой выставляетъ причиною отказа ему отъ должности управляющаго то, что князь Кочубей занимается контрабандой. Черезъ нѣсколько времени по подачѣ этой жалобы, онъ былъ приглашенъ къ князю Кочубею управляющимъ его, чиновникомъ Богоявленскимъ. Когда онъ, Зальцманнъ, вошедши въ кабинетъ князя остался съ нимъ и Богоявленскимъ, то князь требовалъ отъ него подписки въ томъ, что жалоба его поданная государю императору, ложная, а когда Зальцманнъ несоглашался на это, то послѣ крупнаго разговора, князь схватилъ пистолетъ и приставилъ его къ груди Зальцманна, угрожая выстрѣломъ. Зальцманнъ хотѣлъ отвести пистолетъ, и въ это время раздался выстрѣлъ. Князь же Кочубей показалъ, что онъ никогда Зальцманна къ себѣ не приглашалъ, что онъ въ кабинетѣ его, князя, не былъ, а выстрѣлилъ въ себя въ его домѣ, для того чтобъ возвести на него, князя, ложный извѣтъ въ такомъ преступленіи. Это событіе представляемое съ каждой стороны въ совершенно противуположномъ видѣ, подвергнуто было изслѣдованію, которое по существу и разнородности показаній, множества спрошенныхъ лицъ ‡, собранныхъ отовсюду свѣденій по тѣмъ даннымъ, которыя выводятся изъ осмотровъ раны Зальцманна, сдѣланныхъ докторами Марійнской больницы, Физикатомъ, медицинскимъ совѣтомъ и извѣстнымъ профессоромъ Пироговымъ—соста-

* Извѣстный "Энтузіастъ" (это счастливое выраженіе Модеста Корфа не должно пропасть) Липранди подалъ государю глубокообдуманный проэктъ, о составленіи разсадника шпіоновъ. Онъ предлагалъ поручить инспекторамъ въ гимназіяхъ, чтобъ они отмѣчали мальчиковъ, которые доносятъ на товарищей, поощрять ихъ, слѣдить за ними въ университетѣ, и если они тамъ также ревносно будутъ выдавать своихъ товарищей, принимать ихъ въ особенное отдѣленіе полиціи. Государь прочитавши этотъ гнусный проэктъ, написалъ на немъ—"Липранди какъ вреднаго человѣка впредь ни въ какую службу не опредѣлять и воспретить ему въѣздъ въ столицы."

И тутъ нашлись герои, которые вступились за Липранди и упросили государя оставить въ Петербургѣ невинно-угнетѣннаго "неосторожнаго, но пламенно любящаго отечество." А еще обвиняютъ нашъ вѣкъ въ эгоизмѣ!

‡ Зальцманнъ допустилъ всѣхъ, служащихъ у князя Кочубея и даже крѣпостныхъ его, которые и спрошены вопреки закона, подъ присягою.

Digitized by Google

вляетъ одно изъ любопытныхъ и замѣчательныхъ явленій въ исторіи уголовныхъ процессовъ.

Но не менѣе любопытна и замѣчательна другая сторона этаго дѣла, именно: тотъ оборотъ, который былъ приданъ событію 13 Іюня, направленіе производства слѣдствія, усилія запутать его, уклоненіе отъ всѣхъ законныхъ формъ достиженія истины и нарушеніе всякой справедливости....

1) Въ событіи 13 Іюня участниками два лица: князь Кочубей и Зальцманнъ. Но князь Кочубей далъ по дѣлу только одно объясненіе, затѣмъ выступаетъ на сцену чиновникъ Богоявленскій, который дѣйствуетъ не по довѣренности князя (такъ какъ довѣренность въ такомъ уголовномъ дѣлѣ выдавать никому нельзя, а долженъ каждый дѣйствовать за себя лично), а отъ своего лица объясняясь во всемъ и повсюду за себя и князя, и всѣ его показанія и доводы принимаются всѣми какъ показанія и доводы князя Кочубея и никакое лицо, и ни одно судебное мѣсто не потребовало ни личной явки князя, ни даже одобренія съ его стороны дѣйствія чиновника Богоявленскаго, какъ будто они представляютъ одно лицо.

2) Событіе 13 Іюня представлено въ дѣлѣ не какъ происшествіе, въ которомъ два лица обвиняютъ другъ друга—а какъ доносъ Зальцманна на князя Кочубея въ преступленіи; такимъ образомъ въ тотъ же день 13 Іюня, въ квартирѣ Зальцманна дѣлается обыскъ тотчасъ послѣ происшествія. Зальцманнъ берется въ съѣзжій домъ, гдѣ свидѣтельствуютъ его рану, переводится за тѣмъ въ Маріинскую больницу, гдѣ приставляется къ нему караулъ, и наконецъ 23 Іюня отправляется въ тюремный замокъ, въ которомъ содержится до самого рѣшенія дѣла первой степенью суда—надворнымъ уголовнымъ судомъ, который опредѣляетъ, "князя Кочубея по предмету взведеннаго на него Зальцманномъ обвиненія отъ суда освободить, освободивъ отъ суда и самаго Зальцманна по предмету ложнаго извѣта на Кочубея въ преступленіи," и Зальцманнъ изъ подъ стражи освобождается.

Но С. Петербургская Уголовная Палата придумала рѣшеніе замысловатѣе; она опредѣлила: оговоръ Зальцманна въ нанесеніи ему к. Кочубеемъ раны выстрѣломъ изъ пистолета, какъ бездоказательный, оставить безъ послѣдствій—а его Зальцманна, по предмету ложнаго извѣта на князя Кочубея оставить въ подозрѣніи, и потомъ, согласно распоряженію графа Орлова, выслать за границу.

Во время производства дѣла все тотъ же чиновникъ Богоявленскій, а не князь Кочубей, безъ всякаго уполномочія со стороны послѣдняго, или съ чьей бы то ни было, примѣшиваетъ къ событію 13 Іюня и вводитъ въ слѣдствіе слѣдующіе предметы: 1) Обвиняетъ Зальцманна въ растратѣ вина и овса, принадлежащихъ князю; 2) доказываетъ переправку Зальцманномъ паспорта; 3) обвиняетъ Зальцманна въ нанесеніи ему обидъ тѣмъ, что онъ назвалъ его, Богоявленскаго, "разбойникомъ, свиньей, собакой;" 4) доказываетъ что Зальцманнъ обидѣлъ иностранца Крипеля; 5) что Зальцманнъ поссорился съ иностранцемъ Принцемъ; 6) что Зальцманнъ неправильно называетъ себя лейтенантомъ австрійской службы. Наконецъ всѣхъ, кто принималъ какое либо участіе въ судьбѣ несчастнаго Зальцманна, или, лучше и вѣрнѣе сказать, всѣхъ, кто показывалъ въ дѣлѣ беспристрастіе—чиновникъ Богоявленскій, клеймилъ не подозрѣніемъ а прямо обвиненіемъ въ содѣйствіи преступнику Зальцманну; такъ обвиняя ихъ въ содѣйствіи въ преступленіи, въ просьбахъ генералъ-губернатору, сенату, приобщавшій Зальцманна, послѣ выстрѣла св. Тайнъ, священникъ Марцынкевичъ, докторъ Маріинской больницы, членъ надворнаго Уголовнаго Суда, освободившіе Зальцманна изъ подъ стражи и суда, лица писавшія Зальцманну просьбы—и даже на самаго профессора Пирогова наброшена тѣнь сомнѣнія въ томъ, что онъ благодѣтель Зальцманна!

Освобожденный судомъ изъ подъ стражи, Зальцманнъ пользуется свободою недолго: черезъ 2 недѣли его приглашаютъ въ часть, гдѣ онъ берется подъ стражу безо всякаго объявленія повода къ тому и отправляется для содержанія въ исправительное заведеніе. На просьбу жены Зальцманна объ освобожденіи мужа ея, поданную правительствующему сенату, куда между тѣмъ поступило это дѣло—Правительствующій сенатъ (по I отдѣленію V департамента, 11 Августа, 1854 г.), опредѣляетъ: "Объявить ей " Зальцманнъ, что какъ мужъ ея подвергнутъ содержанію " въ исправительномъ заведеніи не по распоряженію " судебныхъ мѣстъ, разсматривавшихъ о немъ дѣло—то и " освобожденіе его изъ означеннаго заведенія отъ сената " не зависитъ." Жена Зальцманна въ слѣдствіе этаго бросается къ генералъ-губернатору, который объявляетъ ей, что хотя мужъ ея "и арестованъ по его распоряженію*—но " какъ ему неизвѣстно, будетъ ли Зальцманнъ оправданъ " сенатомъ, въ коемъ нынѣ разсматривается дѣло его съ " княземъ Кочубеемъ—то по сему и не можетъ его осво" бодить, и освобожденіе его зависитъ отъ сената."

Какъ жена Зальцманна, въ слѣдствіе этаго указанія, обратилась со вторичной просьбою въ сенатъ, то оный 11 Ноября, 1854 г., заключилъ: "Какъ изъ вторичнаго про" шенія Зальцманна не видно, чтобъ обстоятельства служив" шія сенату поводомъ къ отказу на первое ея прошеніе " измѣнились—то, по сему, не находя основанія къ измѣне" нію состоявшагося въ сенатѣ по первому ея прошенію " заключенія, правительствующій сенатъ опредѣляетъ объ" явить о семъ просительницѣ."

Такъ какъ всѣ усилія къ обвиненію и опутанію Зальцманна въ разныхъ взведенныхъ на него преступленіяхъ оказались недѣйствительными, ибо двѣ судебныя инстанціи не могли найти къ тому достаточнаго повода и доказательствъ—то чиновникъ Богоявленскій, въ Іюлѣ 1854 г., подаетъ въ правительствующій сенатъ прошеніе, въ которомъ излагаетъ доносъ на Зальцманна и жену его въ томъ. что послѣдняя совращена мужемъ ея изъ православія въ католическую вѣру†, что бракъ ихъ былъ совершенъ однимъ католическимъ священникомъ потому, что скрыто было настоящее имя и званіе невѣсты; сверхъ того бракъ русской подданной съ иностранцемъ совершенъ безъ особаго дозволенія—и потому, какъ незаконный, подлежитъ разторженію, а дѣти Зальцманна, какъ рожденые въ незаконномъ бракѣ, должны быть признаны незаконнорожденными; что жена Зальцманна по вступленіи уже въ бракъ неправильно, будтобы получала два раза въ 1849 г., изъ главнаго казначейства пенсію, слѣдовавшую ей какъ дѣвицѣ за службу ея отца.

По этой просьбѣ правительвующій сенатъ 11 Августа 1854 г., заключилъ: "Что выведенное Богоявленскимъ " обвиненіе на жену Зальцманна, не имѣетъ ничего общаго " съ дѣломъ, производящимся въ сенатѣ, особому же про" изводству со стороны сената не подлежитъ, какъ еще не " обслѣдованное и не разсмотрѣнное въ порядкѣ судебныхъ " инстанцій—а потому правительствующій сенатъ опре" дѣлилъ объявить Богоявленскому, что выводимое имъ " обвиненіе на жену Зальцманна, если желаетъ, можетъ " доказывать установленнымъ въ законахъ порядкомъ."

Богоявленскій подаетъ, въ силу этаго, доносъ свой въ С. Петербургское губернское правленіе, которое предписываетъ царскосельской градской полиціи произвесть строгое поэтому предмету слѣдствіе, а правительствующій сенатъ (по I отдѣленію 5 департамента) не имѣющій никакого права—безъ особаго высочайшаго дозволенія, не только

* Но почему именно—не объяснено, и доселѣ остается неразгаданной тайной.

† Жена Зальцманна была опредѣлена девяти лѣтъ въ Николаевскій-Сиротскій Институтъ, по особому повелѣнію государыни императрицы, гдѣ и воспитывалась въ католической религіи.

Digitized by Google

перемѣнить, но и частію измѣнить или что либо добавить въ своемъ рѣшеніи, вопреки рѣшенію своему 11 Августа, въ которомъ признавался доносъ Богоявленскаго не имѣющимъ ничего общаго съ дѣломъ, производящимся въ сенатѣ, черезъ пять мѣсяцевъ послѣ того, разсуждалъ, " что взводимыя на Зальцмана обвиненія въ совращеніи " жены его изъ православія и въ неправильномъ вступленіи " съ нею въ бракъ должны быть разсмотрѣны въ совокупности со всѣми преступными дѣяніями Зальцмана," обратилъ все дѣло въ уголовную палату, съ тѣмъ чтобъ она, принявъ мѣры къ скорѣйшему окончанію слѣдствія производящагося о Зальцманѣ и женѣ его, и истребовалъ отъ Зальцмана доказательствъ на право его наименованія лейтенантомъ австрійской службы, постановила вновь приговоръ по всѣмъ преступнымъ дѣйствіямъ Зальцмана* и представила за тѣмъ вновь все дѣло въ правительствующій сенатъ.

И такъ объясненіе князя Кочубея въ преступленіи стираясь мало по малу въ этихъ хитросплетеніяхъ и удаляясь все болѣе и болѣе на задній планъ, наконецъ совершенно изчезло въ высшей инстанціи—и о князя Кочубеѣ нѣтъ въ сенатѣ и помину, а въ виду и въ дѣйствіи одно преступленіе Зальцмана въ обвиненіи князя и многія другія.

Между тѣмъ царскосельская градская полиція принявъ къ своему производству доносъ Богоявленскаго, распорядилась вытребовать жену Зальцмана въ царское село и заключить ее тамъ подъ стражу, о чемъ и сообщила С. Петербургской Управѣ Благочинія. Такимъ образомъ заключивъ два существа въ тюрьму, въ двухъ городахъ, и лишивъ каждаго изъ нихъ взаимной помощи и ходатайства другъ за друга, легко было бы окончательно запутать и устроить все по желанію, или продлить все слѣдствіе на такое долгое время, что больной Зальцманъ съ пулей въ груди могъ бы наконецъ умереть.

Въ эту критическую минуту поданная женою Зальцмана въ I. департаментъ сената просьба пріостановила нѣсколько грозу, которая готова была рушиться надъ несчастной семьей, состоящей кромѣ двухъ супруговъ, изъ двухъ малютокъ, которыхъ ожидала по заточеніи и матери ихъ подъ стражу, ужасная участь быть содержимыми въ тюремномъ пріютѣ!...

Первый департаментъ сената предписалъ производить слѣдствіе не въ царскосельской градской полиціи, а въ С. Петербургѣ—а разсмотрѣніе вопроса о томъ, слѣдуетъ ли жену Зальцмана заключать подъ стражу, отнесъ къ обязанности слѣдователя, предписавъ ему поступить въ этомъ по точнымъ предписаніямъ закона, послѣ 19 мѣсячнаго заключенія, освобожденъ изъ подъ стражи и самъ Зальцманъ, не по распоряженію суда, а точно также, какъ и былъ посаженъ по ходатойству генералъ-адъютанта К.

Еще нѣсколько эпизодовъ того дѣла могутъ окончательно охарактеризировать отсутствіе всякой гарантіи для лица, имѣющаго несчастіе имѣть дѣло съ болѣе сильнымъ его, и уклоненіе лицъ, которымъ ввѣрена судьба и защита прибѣгающихъ къ покровительству закона—отъ всякой справедливости :—

I) Заключенный подъ стражу и незнающій писать по русски Зальцманъ подаетъ, черезъ губернскаго прокурора, строго обязаннаго закономъ защищать дѣла арестантовъ и преподавать имъ всѣ способы къ оправданію въ правительствующемъ сенатѣ просьбу о допущенію его къ рукоприкладству подъ сенатскою запискою, чтобъ видѣть, всѣ ли обстоятельства помѣщены въ ней и чтобы представить изъ дѣла доводы къ своему оправданію, каковое право предоставлено закономъ каждому подсудимому—и правительствующій сенатъ возвращаетъ эту просьбу Зальцману, черезъ прокурора же, потому что она написана безъ высочайшаго титула.

Зальцманъ подаетъ вторичную просьбу черезъ того же прокурора но и эта просьба возвращается ему, потому что—послѣ высочайшаго титула написано и проч и проч, титулъ написанъ въ 5, а не въ 4 строки, тогда какъ форма приложенная къ законамъ гражданскимъ указываетъ что титулъ долженъ быть именно написанъ въ 5 строкъ, т. е., такъ какъ написалъ Зальцманъ.

И дѣло доложено по тому правительствующему сенату безъ рукоприкладства Зальцманна! Когда же является отъ Зальцманнов просьба написанная по формѣ и потому немогущая быть возвращенною безъ производства, тогда Богоявленскій подаетъ всюду и всемъ жалобы на принятіе этой просьбы, называетъ ее ябедническою и требуетъ настоятельно открытія сочинителя и переписчика этой просьбы для преданія ихъ суду за доставленіе Зальцманнамь средствъ къ оправданію.

II) За нѣсколько недѣль до рѣшенія сенатомъ дѣла—Зальцманъ лишенный правительствующимъ сенатомъ средствъ и права сдѣлать рукоприкладство, пишетъ изъ тюрьмы къ министру юстиціи графу Панину письмо, въ которомъ ссылаясь на всѣмъ извѣстное дружество оберъ-секретаря, у котораго производилось его дѣло, съ Богоявленскимъ, умоляетъ министра передать дѣло его къ производству другому оберъ-секретарю. Подъ предлогомъ перевода этого письма, писаннаго на нѣмецкомъ языкѣ, губернскій прокуроръ, мимо котораго не проходитъ ничего, что исходитъ отъ арестанта, держитъ это письмо—и ордеръ графа Панина о передачѣ этого дѣла въ производство другому оберъ-секретарю, приходитъ въ сенатъ тогда, когда дѣло уже рѣшено сенатомъ!

III) Освобожденный изъ подъ стражи Зальцманъ является къ оберъ-прокурору I отдѣленія I департамента правительствующаго сената, и проситъ выдать ему свидѣтельство на проживаніе—такъ какъ паспортъ всякаго уголовнаго подсудимаго отбирается и находится при дѣлѣ объ этомъ подсудимомъ, подсудимому, если онъ на свободѣ выдается отъ мѣста, гдѣ производится его дѣло свидѣтельство; но оберъ-прокуроръ рѣшительно въ томъ ему отказываетъ, неимѣя и не смѣя имѣть къ отказу никакого основанія! Зальцманъ обращается съ требованіемъ свидѣтельства на пропитаніе въ уголовную палату, въ которую пересылается между тѣмъ, изъ сената его дѣло; но и палата невыдаетъ ему, а между тѣмъ полиція не держитъ и непускаетъ его на квартиру жены—и вотъ уже два года, какъ Зальцманъ живетъ по виду, выданнаго ему отъ австрійскаго посольства! Но съ этимъ видомъ никто неможетъ дать ему никакой должности, ни даже принять его Зальцмана въ услуженіе, и онъ не лишенъ покуда единственной возможности нищенствованія изъ за угла.

Всѣ, или, покрайней мѣрѣ, большая часть тутъ вышеизложенныхъ дѣйствій судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ составляютъ канцелярскую тайну, т. е. не должны быть никому извѣстны и, разглашеніе ихъ составляетъ уголовное преступленіе, влекущее за собою неминуемое наказаніе.

* Еслибы въ обсужденіе слѣдствія по новому доносу Богоявленскаго окончилось въ I инстанціи—чтобъ сталось съ рѣшеніемъ сената, которымъ предписано обсудить дѣло и новый доносъ во II инстанціи, и представить все это сенату!

Печатается: ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА на 1858 (книжка IV),

Продается у Трюбнера вновь вышедшее:

14 ДЕКАБРЯ 1825 и ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ.

(по поводу книги Барона Корфа).

8 Листъ КОЛОКОЛА выйдетъ черезъ недѣлю.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

Digitized by Google

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ ежемѣсячно въ Лондонѣ, — цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square., *W. C.*

ЛИСТЪ 8.

1 Февраля 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 30, Rupert Street, Haymarket, London. Price six-pence.

ИМПЕРАТОРЪ И СТУДЕНТЫ.

Спѣшимъ передать резолюцію Александра II на докладѣ о дѣлѣ Московскихъ студентовъ. "Цвиленева, Морозова и Симонова (первый частный приставъ, два вторые квартальные надзирателя) судить военнымъ судомъ, а студента Гапусевича, принимая во вниманіе, что онъ былъ въ необходимости учинить нарушеніе закона, оставить свободнымъ отъ суда и взысканія."

Съ глубокимъ уваженіемъ печатаемъ мы это рѣшеніе... какъ оно ни просто, ни естественно... но мы въ немъ видимъ новое доказательство, какъ далеко уже осталось за нами то несчастное время, когда полиція была во всемъ права!

РУССКІЕ ВОПРОСЫ.

Крестьянская Община

Въ послѣднее время вопросъ о русской общинѣ возбудилъ толки въ литтературѣ и вниманіе въ публикѣ. Что такое община? спрашивали любопытные. Это коренное, исключительно славянское устройство общества, идеалъ всего сущаго, къ которому мы должны стремиться, или лучше сказать не должны отъ него уклоняться, принимая разныя нововведенія не русскія, слѣдственно никуда не годныя, и намъ надо возстановить и сохранить общинный бытъ во всей его первобытной чистотѣ, т. е. чѣмъ ближе къ наидревнѣйшему порядку вещей—тѣмъ лучше. Вотъ что отвѣчала одна сторона. Другая сторона отвѣчала, что общинное устройство не есть исключительно русское, а являлось у всѣхъ варварскихъ народовъ, какъ первоначальная форма общественнаго устройства въ младенческомъ возрастѣ государственнаго развитія, что общинное устройство даже не было нормой русской жизни въ дальнихъ вѣкахъ, а водворилось въ XVIII столѣтіи вслѣдствіе разпоряженій правительства, которое для основанія государственнаго порядка, должно было кочующій, или лучше бродящій народъ сдѣлать крѣпкимъ землѣ и заставить жить и трудиться на опредѣленныхъ мѣстахъ. Поднялся споръ. Вопросъ сдѣлался археологическимъ, т. е. пересталъ быть живымъ. Изъ среды дѣйствительности и ея возможнаго развитія ударился въ изысканія о прошедшемъ, весьма важныя безъ сомнѣнія, но нисколько не подвинувшія рѣшенія задачи будущаго русскаго развитія. Враждующія стороны остались каждая при своемъ. Одна, находясь въ направленіи равно безумномъ и преступномъ обратнаго шествія, видитъ будущность назади, смотритъ впередъ затылкомъ; другая просто разработываетъ исторію, добросовѣстно и съ пользой для науки, но не даетъ ничего прилагаемаго къ дальнѣйшему развитію современной дѣйствительности.

Вотъ что дѣлаетъ литтература. Чего же требуетъ общество? Общество требуетъ средствъ выйти изъ состоянія тяжелаго, вездѣ встрѣчая косность, останавливающую проявленіе его живыхъ силъ, отсутствіе правосудія и присутствіе учрежденій, мѣшающихъ ему жить и двигаться. Общество требуетъ, чтобъ ему указали его больныя мѣста и средства врачеванія. Ему рѣшительно все равно существовала ли община при Рюрикѣ, или установилась при Петрѣ. Для него крестьянская община въ Россіи—фактъ, и оно спрашиваетъ долженъ ли этотъ фактъ рушиться и уступить мѣсто другимъ общественнымъ формамъ, или онъ можетъ имѣть свое живое развитіе, свою будущность? Во всякомъ случаѣ что теперь дѣлать? Бездѣйственно оставаться въ тяжеломъ состояніи нельзя и опасно. Все можетъ рухнуться отъ какаго нибудь дикаго столкновенія. Литтература даетъ археологическія пренія; общество требуетъ реформы. Оставимъ литтературу въ сторонѣ и станемъ искать съ обществомъ рѣшенія животрепещущихъ вопросовъ.

Крестьянская община въ Россіи—фактъ, и тутъ сила обычая такъ велика, что его измѣнить невозможно. Община владѣетъ землей и даетъ своимъ членамъ участки въ пользованіе; эти участки для хлѣбныхъ посѣвовъ разпредѣляются вслѣдствіе трехпольнаго сѣвооборота па три года. Огороды составляютъ владѣнія подворныя такъ какъ и гумны. Въ общемъ владѣніи лугами каждый имѣетъ свой пай. Выгоны общіе.* Избу, скотъ, полевыя орудія каждый имѣетъ на свой счетъ. Земля дѣлится по тягламъ; слѣдственно при умень-

* По смыслу устройства каждый долженъ бы имѣть свой пай въ пользованіи лѣсомъ, что и существуетъ у немногочисленнаго сословія свободныхъ хлѣбопашцевъ; но по смыслу узаконеній лѣсъ принадлежитъ помѣщику или правительству и пользованіе лѣсомъ дозволяется крестянамъ помѣщикомъ или администраціей при различныхъ условіяхъ.

Digitized by Google

шеніи тяголъ участки больше, при приращеніи тяголъ участки меньше. Вотъ весьма несложное, всякому русскому извѣстное распредѣленіе собственности у крестьянъ. Общинная собственность исключительно земельная; всякая остальная крестьянская собственность—собственность личная. Земельная собственность не наслѣдственна, личная собственность наслѣдственна.

Что же тутъ худаго и почему крестьянинъ находится въ жалкомъ положеніи? Почему онъ необразованъ и бѣденъ, и живетъ грязно? Что онъ необразованъ—это фактъ; объ этомъ никто спорить не станетъ, развѣ тѣ, которые сочтутъ идеаломъ общественной жизни все невѣжественное, лишь бы оно было русское. Что крестьянинъ въ жалкомъ положеніи относительно средствъ существованія и образа жизни, объ этомъ тоже никто спорить не станетъ, кромѣ тѣхъ, которые своекорыстно захотятъ утверждать, что комфортъ крестьянина долженъ ограничиться исключительно неумираніемъ съ голода. Это сгнетенное и невѣжественное положеніе крестьянина есть ли слѣдствіе общиннаго устройства, или слѣдствіе другихъ причинъ, или слѣдствіе общиннаго устройства и другихъ причинъ вмѣстѣ?

Что же худаго въ общинномъ устройствѣ, т. е. въ общинномъ владѣніи землею? Едва ли кто нибудь, глядя на предметъ прямо, безъ постороннихъ соображеній, скажетъ, чтобъ въ этомъ устройствѣ лежало непроходимое зло для человѣка. Но многіе, разсуждая по аналогіи, скажутъ, что образованные европейскіе народы вышли изъ общиннаго быта, отбросили его, и что слѣдственно общинный бытъ не годится, какъ младенческое состояніе общества, несовмѣстное съ развитіемъ образованія. Но отбросили ли образованные европейскіе народы общинный бытъ добровольно, встрѣтивъ въ немъ препятствіе своему развитію, или они отбросили его вслѣдствіе вліяній чуждыхъ внутренней жизни народовъ, а именно — вслѣдствіе завоеваній и дѣлежа земли между завоевателями? Феодализмъ отнялъ земельную собственность у народовъ и сосредоточилъ ее въ рукахъ немногихъ. Въ Англіи это сосредоточеніе осталось неприкосновеннымъ. Въ другихъ государствахъ, переходя изъ рукъ въ руки, земельная собственность раздробилась на клочки, составившія отдѣльныя владѣнія частныхъ лицъ. Доказываетъ ли это, что общинное устройство, сложившееся въ младенческомъ состояніи обществъ, несовмѣстно съ дальнѣйшимъ развитіемъ образованія? Нисколько. Исторія можетъ доказать только, что общинное устройство, если оно лежало въ основѣ европейскихъ обществъ, было вытѣснено совершенно внѣшними причинами. Разъ вытѣсненное—конечно оно не могло проявиться въ развитіи европейскаго образованія. Но если современное положеніе европейскихъ народовъ и сложилось не изъ общиннаго устройства, то еще вопросъ—хорошо ли это положеніе?

Въ Англіи сосредоточеніе земельной собственности въ немногія руки повергло большинство народонаселенія въ страшную нищету. Развитіе сосредоточенія собственности съ одной стороны и нищеты съ другой не останавливается и теперь. Въ 1786 году почва Англіи принадлежала 250,000 корпорацій и собственниковъ; а уже въ 1822 году только 32,000.* Нищета растетъ соразмѣрно; образованіе низшихъ классовъ равно нулю, страданія ихъ равны безконечности. Куда вынесетъ Англію это ужасное положеніе—неизвѣстно, но мы безошибочно можемъ заключить, что сосредоточеніе земельной собственности заставляетъ ее страшно страдать въ настоящемъ и грозитъ въ будущемъ еще большими бѣдствіями. Земельная собственность, сосредоточенная въ нѣсколькихъ рукахъ, переходитъ посредствомъ найма отъ крупныхъ фермеровъ къ постепенно мелкимъ фермерамъ и до простаго работника, на котораго слѣдственно обрушивается отрицательно вся сумма предшествующихъ выгодъ землевладѣтелей и фермеровъ, т. е. всѣ выгоды землевладѣтелей и постепенно понижающіяся выгоды крупныхъ и мелкихъ фермеровъ соединяются въ одну невыгоду для работника. Очевидно, что такое положеніе народа невыносимо и если не исправится путемъ реформы, то рано или поздно государство лопнетъ какъ кратеръ.

Дробное землевладѣніе представляетъ также весьма шаткій видъ. Возьмемъ въ примѣръ Францію. Около двухъ третей народонаселенія землевладѣтели.* Съ 1789 года народонаселеніе увеличилось на 8 милліоновъ; но земледѣльческое населеніе находитъ средства къ прокормленію себя. Земледѣліе въ хорошемъ положеніи. Путешественники сравниваютъ съ садомъ видъ воздѣланной почвы. А между тѣмъ Франція бѣдствуетъ. Кровавыя революціи повторяются судорожно и безплодно, принося вмѣсто гражданской свободы позорный деспотизмъ, и всегда снова готовы вспыхнуть и потухнуть, не имѣя силы создать общественную форму, удовлетворяющую народнымъ потребностямъ. И это въ то время, когда дробное землевладѣніе обезпечиваетъ двѣ трети народонаселенія; слѣдственно несчастіе падаетъ только на одну треть. Дѣйствительно, вопросъ поставился такъ, что двѣ трети населенія могутъ въ обрѣзъ прокормить себя, а треть населенія должна гибнуть. Попробуйте сдѣлать эту треть участницею въ землевладѣніи, тогда вы подымете двѣ трети мелкихъ землевладѣльцевъ, которые не захотятъ уступить своей собственности. А между тѣмъ самая эта собственность, подраздѣляясь по праву наслѣдства между членами семейства, должна съ увеличеніемъ народонаселенія дойти или до нелѣпой дробности, или вытолкнуть еще часть народонаселенія изъ среды землевладѣльцевъ въ среду бездомныхъ работниковъ, т. е. ограничить дробность и удариться въ маіоратъ и сосредоточеніе земельной собственности въ немногія руки. Положеніе безвыходно. Въ Германіи уже начинается доказательство справедливости нашего замѣчанія: въ Баваріи и Нассау правительство ограничило закономъ мѣру дробности земельной собственности; Прусское правительство предлагало тоже въ Рейнскихъ провинціяхъ.† Во Франціи, Швейцаріи, Германіи и вообще во всѣхъ странахъ, гдѣ дробность земельной собственности выходитъ изъ предѣловъ возможности для большей части собственниковъ продовольствовать свои семейства, земледѣльческое населеніе ищетъ выхода въ воздержаніи отъ произведенія дѣтей. Насколько этотъ принципъ естественъ и возможенъ, на долго ли онъ поможетъ сводить концы,—предоставляемъ судить самому читателю. Конечно такое воздержаніе лучше, чѣмъ случаи такъ часто повторяющіеся между бездомными работниками (особенно въ Ан-

* Emerson, English Traits. Chap. XI. London. 1856. — Надо вдобавокъ замѣтить, что Эмерсонъ поклонникъ Англіи.

* Laing. Notes of a traveller. Vol. I, chap. 2. London, 1854.

† Stuart Mill. Principles of political economy. Vol. I, chap. 7. London, 1852. Third edition.

Digitized by Google

ніи), когда отцы и матери убиваютъ дѣтей, чтобъ имѣть возможность прокормить остающихся въ живыхъ; но тѣмъ не менѣе особенной нравственной прелести не лежитъ и въ этомъ воздержаніи, которое можно назвать предубійствомъ.

Половники (métayers), снимающіе изъ полу господскіе земли, хотя по большей части представляютъ въ Европѣ довольно несчастное народонаселеніе, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Италіи находятся въ состояніи довольства. Такъ Сисмонди* восхваляетъ состояніе крестьянъ-половниковъ въ Val di Nievole въ Тосканѣ. Тутъ землевладѣніе сложилось изъ двухъ началъ: изъ аристократической земельной собственности и дробнаго найма, который по обычаю (не по закону) сдѣлался наслѣдственнымъ въ семействахъ, такъ, что одни и тѣже семейства изъ роду въ родъ сидятъ на тѣхъ же земляхъ съ незапамятныхъ временъ. По обычаю, т. е. по традиціональной привязанности къ однимъ мѣстамъ, половникъ считаетъ себя столько же землевладѣльцемъ какъ и самый собственникъ. Для земледѣльца сложилось положеніе болѣе чѣмъ сносное изъ двухъ формъ землевладѣнія—аристократической и дробной—изъ которыхъ каждая порознь ставитъ Европу на край гибели. Но и тутъ удачный результатъ не столько относится къ соединенію слишкомъ внѣшнему двухъ разнородныхъ началъ, сколько къ способу уплаты найма, по которому всѣ невыгоды падаютъ на собственника, а не на наемщика. Половникъ платитъ наемъ условленной частью произведеній, а не цѣною, условленной на наличныя деньги. Слѣдственно всѣ несчастные годы падаютъ на счетъ собственника, и сверхъ того обычай ставитъ на его счетъ поземельные налоги и расходы по тяжбамъ. Но при всемъ томъ Сисмонди, выставляя довольство и нравственность населенія, приходитъ къ слѣдующей, наивно восхваляемой имъ картинѣ: "Никогда въ одномъ и томъ же семействѣ нѣсколько сыновей вдругъ не женятся и не составляютъ новыя пары; одинъ изъ нихъ женится и беретъ на себя попеченіе о домашнемъ бытѣ; ни одинъ изъ его братьевъ не женится, развѣ только когда у женатаго нѣтъ дѣтей, или когда одному неженатому предлагаютъ половничество въ другомъ мѣстѣ."— Изъ этого мы можемъ заключить, что и тутъ дробное землевладѣніе потому не приводитъ населеніе въ несчастное положеніе, что ставитъ само себѣ границы и образуетъ родъ маіората, осуждая члены семейства, кромѣ одного, на безбрачіе. Вотъ лучшій, хотя исключительно мѣстный результатъ дробнаго землевладѣнія тамъ, гдѣ обычай ставитъ границу дробности. Тамъ же гдѣ нѣтъ границъ дробности землевладѣнія, оно доходитъ до нелѣпости и болѣе или менѣе выталкиваетъ часть народонаселенія въ бездомничество и нищету.

И такъ двѣ формы земельной собственности, которыя развило европейское образованіе,—сосредоточеніе ея въ нѣсколькія руки и подраздѣленіе въ безконечность—поставили Европу въ самое тяжелое, бѣдственное положеніе, которое до сихъ поръ безвыходно. Уродливость сосредоточенной земельной собственности въ общемъ экономическомъ положеніи народа слишкомъ очевидна и не требуетъ доказательствъ. Дробное землевладѣніе еще можетъ имѣть свою привлекательную сторону для мыслителя. Воображенію является человѣкъ—отецъ семейства, у котораго свой собственный, маленькій участокъ земли; на немъ онъ поставилъ свой уютный, чистенькій домикъ; вся семья съ тщательной любовью трудится надъ воздѣлываніемъ своего маленькаго участка и все цвѣтетъ и зрѣетъ подъ вліяніемъ ихъ наблюдательнаго труда; весело смотрѣть на ихъ заботливо содержанный скотъ, весело видѣть ихъ несложный, но сытный обѣдъ. И между тѣмъ они свободны, они полные хозяева своего дома и участка. Тутъ есть даже что то идиллически прекрасное. И между тѣмъ эта форма землевладѣнія увлекаетъ государство къ гибели, когда треть людей не участвуетъ въ землевладѣніи и не имѣетъ ни дома, ни пристанища, и когда участки, мельчая по праву наслѣдства, становятся недостаточными. Изъ идилліи мы переброшены къ картинамъ нужды и страданія. Невольно приходишъ къ мысли, что еслибъ всѣ люди въ государствѣ могли имѣть участокъ земли и если отнять право наслѣдства, доводящее дробность участковъ до нелѣпости,—то дробное землевладѣніе еще могло бы быть лучшей формой земельной собственности. Эти два условія, при которыхъ дробное землевладѣніе не гибельно мы находимъ въ общинномъ землевладѣніи нашихъ деревень. Что же русскій крестьянинъ какъ не мелкой землевладѣлецъ, который не имѣетъ права раздробить своего участка порядкомъ наслѣдственнаго раздѣла? И что же русскій крестьянинъ какъ не человѣкъ всегда имѣющій долю въ общинномъ землевладѣніи и слѣдственно никогда не бывающій бездомникомъ? Онъ воленъ отдать свой участокъ въ наймы и уходить на дальніе заработки, но все же его право на мѣсто для дома и на земельной участокъ въ общинѣ—неотъемлемо. Онъ никогда не пролетарій. Но можетъ быть у насъ отсутствіе пролетаріата происходитъ отъ того, что еще слишкомъ много земли и народонаселеніе не такъ тѣсно, чтобы кого нибудь выбросить внѣ права на земельный участокъ и что съ увеличеніемъ народонаселенія, при малоземеліи, общинное устройство дойдетъ до такихъ же бѣдственныхъ результатовъ какъ и дробная собственность въ Европѣ? Если такъ, то конечно общинное землевладѣніе не содержитъ никакаго зачатка развитія болѣе прочнаго чѣмъ дробная собственность, потому что всегда можно вообразить, что наконецъ земли будетъ мало для населенія, и на этомъ основаніи мы можемъ придти только къ заключенію, что дѣло не въ формѣ землевладѣнія, а въ количествѣ земли на душу. Но это не совсѣмъ такъ, и основанія отношеній между владѣльцами земли и способъ владѣнія ею играютъ свою роль въ счастіи и бѣдствіи народовъ.

Революція 1789 года требовала гражданскихъ правъ. Буржуазія требовала права на самостоятельность. Крестьянинъ требовалъ, чтобы его не давили дворянскія преимущества. Уже Тюрго замѣчаетъ, что крестьяне бѣдствуютъ, потому что весь налогъ падаетъ на нихъ, а землевладѣльцы, т. е. дворянство избавлены отъ налога.* Революція измѣнила гражданскія отношенія; крестьянинъ сдѣлался собственникъ; землевладѣніе перешло въ дробное. Но вотъ съ тѣхъ поръ прибавилось 8 милліоновъ ртовъ и новая революція, и та революція, которая теперь въ народномъ сознаніи,—требуетъ измѣненія устройства земельной собственности. Съ другой стороны все утѣшеніе, которое представляютъ экономисты, заключается въ томъ, что будто при воздержаніи отъ дѣтопроизводства относительное участіе въ дробномъ землевладѣніи не должно мѣняться †, что будто смертность и рожденія

* Sismondi.—Nouveaux Principes d'Economie Politique, liv. III, ch. 5.

* Turgot.—Mémoire sur la Surcharge qu'éprouvait la Généralité de Limoges, adressé au conseil d'état en 1766.

‡ Странно, что экономисты не хотятъ знать, что дѣти родятся и по мимо браковъ, что воздержаніе отъ дѣтопроизводства законнаго можетъ быть возна-

Digitized by Google

и разпредѣленіе браковъ сыновнихъ и дочернихъ должны сохранять постоянно одно и тоже отношеніе въ числѣ землевладѣльцевъ, т. е. что всегда будетъ столько то землевладѣльцевъ съ тысячью фунтовъ стерлинговъ дохода, столько то съ стами ф., столько то съ десятью фунтами*, забывая при томъ, что уже теперь дробныя земельныя собственности во Франціи заложены въ двойной стоимости и что собственники платятъ по 5 0/0 кредиторамъ, получая дохода съ земли maximum 3 0/0. Въ этомъ утѣшеніи два ложныхъ основанія: 1) въ разсчетъ не взяты люди вовсе не имѣющіе собственности и 2) взято въ разсчетъ условіе воздержанія, не подлежащее никакому контролю. Такимъ образомъ это утѣшеніе ничего не доказываетъ и революціонное требованіе измѣненія земельной собственности остается въ своей силѣ.

Теперь представте себѣ общинное землевладѣніе при малоземеліи, неудовлетворяющемъ чрезмѣрности населенія. Во всемъ этомъ населеніи никому однако не отказано въ земельномъ участкѣ; не собственника нѣтъ и у всѣхъ участки равны. Жаловаться придется наконецъ только на ограниченіе государства или земнаго шара. Измѣненія способа землевладѣнія требовать не льзя, потому что участки разпредѣлены справедливо; къ революціонному кровопролитію нѣтъ повода; людямъ остается два естественныхъ выхода, — выселокъ и усиленіе артельной промышленности. Выселокъ при общинномъ устройствѣ имѣетъ естественное стремленіе къ общинной колонизаціи на новой почвѣ. Выселокъ при дробномъ землевладѣніи совершается отдѣльными лицами, предпринимающими путешествіе на авось для пріисканія заработка. Германоирландскія переселенія въ Америку совершаются или слишкомъ мелкими землевладѣльцами, или совершенными бездомниками, имѣя въ виду передъ собою опять бездомничество; вся надежда на скорѣйшее пріисканіе работы и лучшую заработную плату. Наемъ работниковъ въ Европѣ основанъ на конкурренціи; но Стюартъ Милль справедливо отрицаетъ существованіе этой конкурренціи; какая въ сущности можетъ быть конкурренція тамъ, гдѣ необходимость пропитанія заставляетъ людей рѣшаться на какую бы то ни было чрезмѣрно низкую цѣну труда и какую бы то ни было чрезмѣрно высокую цѣну найма земли? Отдѣльный мелкій собственникъ и бездомникъ равно дома и при переселеніи пропадаютъ подъ тяжестью давящей его системы землевладѣнія. Во Франціи только теперь, послѣ страшныхъ бѣдствій и неудачь революцій, работники начинаютъ соединяться въ артели; между тѣмъ какъ у насъ артель выходитъ непосредственно изъ основаній общиннаго землевладѣнія. Въ каждой деревнѣ, гдѣ крестьяне занимаются какимъ нибудь мастерствомъ вы найдете, что они соединяются въ артель; также артелью они идутъ работать на фабрики. У нихъ развился общинный смыслъ. Такимъ образомъ мы логическимъ путемъ придемъ къ заключенію, что общинное землевладѣніе представляетъ болѣе выгоды для народа и болѣе прочности для государства, чѣмъ сосредоточенная и дробная форма землевладѣнія.

Съ другой стороны наблюденіе показываетъ намъ, что въ Европѣ развилось уваженіе къ неприкосновенности лица, неприкосновенности дома (home), неприкосновенности собственности, понятіе чести, гласность суда и мнѣнія, гласность законодательныхъ собраній, развилась наука, наконецъ и самое земледѣліе и промышленность, словомъ все что мы привыкли соединять въ понятіи образованности. Между тѣмъ въ Россіи наглость обращенія всякаго мало мальски высшаго съ низшимъ и крѣпостное состояніе доказываютъ совершенное неуваженіе къ лицу. Ни единый человѣкъ, выше тебя поставленный, не постыдится оскорбительно и нахально переступить порогъ твоего дома, особенно если этотъ домъ—изба. Понятіе чести замерло передъ этимъ нахальствомъ. Личность не выработалась до самостоятельности, и не смотря на нашу храбрость въ бою, гражданская трусость сдѣлалась нашимъ отличительнымъ свойствомъ. Всякая защита своего права и правды у насъ считается бунтомъ, а подлость, если не доблестью, то по крайней мѣрѣ дѣломъ естественнаго порядка вещей. Крѣпостное состояніе и чиновничество стерли неприкосновенность собственности. Судятъ и осуждаютъ людей въ тихомолку, основываясь на подкупѣ, лицепріятіи и притѣсненіи. Мнѣнію высказаться вслухъ не льзя и на устахъ русскаго лежитъ печать молчанія. Какія постановленія дѣлаетъ администрація, какія разпоряженія, куда дѣваютъ всѣ суммы не мытьемъ такъ катаньемъ сбираемыя съ народа,—никому неизвѣстно, какъ будто никто этимъ не заинтересованъ, какъ будто Россіи дѣла нѣтъ до того, что съ ней дѣлаютъ. Даже само правительство по большей части не знаетъ, что дѣлаетъ администрація и не имѣетъ никакой путеводной нити для повѣрки отчетовъ, потому что дѣйствительная повѣрка и гласность не раздѣльны. Наша наука отстала, наша промышленность и особенно наше земледѣліе въ совершенномъ младенчествѣ. Въ правѣ ли мы заключить, что образованность выросла на почвѣ разъединеннаго землевладѣнія и не выросла на почвѣ общиннаго устройства? Едва ли.

Феодализмъ развилъ въ Европѣ понятіе чести и неприкосновенности лица; революціи утвердили неприкосновенность собственности. Нигдѣ феодализмъ не достигъ такаго развитія, выросши и оставшись на основаніяхъ сосредоточеннаго землевладѣнія, какъ въ Англіи, и нигдѣ понятіе неприкосновенности лица не пустило такіе глубокіе корни въ общественномъ мнѣніи. Полицейскій никогда не является въ видѣ какаго то забіяки, который такъ вотъ сей часъ и схватитъ васъ за воротъ, чуть ему что не понравится. Англійскій полисмэнъ уважаетъ въ васъ личность человѣка и никогда не арестуетъ васъ, если вашъ поступокъ не поименованъ въ законѣ, какъ случай подлежащій аресту. Уваженіе къ дому развито такъ, что полицейскій не имѣетъ права арестовать васъ на квартирѣ безъ судебнаго приговора. Уваженіе къ лицу естественно ведетъ за собою такое уваженіе къ независимости мнѣнія, что шпіонство невозможно. Лондонскіе полицейскіе отказались служить министерству политическими шпіонами и грозили подать въ отставку, если бы имъ стали дѣлать предложенія подобнаго рода. Но развившись въ эту сторону уваженія къ лицу, Англія достигла въ этомъ и до уваженія полной свободы лица умереть съ голоду. Сосредоточенность землевладѣнія сосредоточила и уваженіе къ лицу только для собственника,— понятіе чести только для собственника. Для собственника и то и другое существуетъ дѣйствительно. Но для несобственника это уваженіе становится дѣломъ пустаго формализма. Когда Ирландскіе лорды хотятъ свои поля обратить въ луга для ското-

граждено дѣтопроизводствомъ побочнымъ и что побочныя дѣти также приращаютъ народонаселеніе, но народонаселеніе бездомниковъ, и слѣдственно все же необходимость реформы земельной собственности растетъ.

* Stuart Mill, idem.

Digitized by Google

промышленности, они сгоняютъ населенія въ сотни тысячь душъ, нанимавшія ихъ земли, и сотни тысячь душъ идутъ частью умирать съ голоду, частью какъ попало на скорую руку переселяться въ Америку. Очевидно уваженіе къ лицу и собственности лордовъ дѣйствительное, а уваженіе къ лицу наемщика земли мнимое, формальное. Въ самой Англіи подобнаго происшествія не можетъ случиться отъ землевладѣльца къ наемщику, потому что наемъ земли дѣлается обыкновенно фермеромъ капиталистомъ въ большомъ размѣрѣ и по долголѣтнему контракту; но оно становится возможнѣе при передачи большаго участка земли отъ оптоваго фермера мелкимъ фермерамъ и повторяется ежедневно въ отношеніяхъ фермеровъ къ поденному работнику-хлѣбопашцу. Воображеніе не такъ поражено при видѣ этихъ частныхъ отдѣльныхъ несчастій, какъ при видѣ сплошнаго несчастія ирландскаго народонаселенія, но сумма этихъ отдѣльныхъ несчастій немногимъ уступитъ суммѣ ихъ въ Ирландіи. Законъ и общее мнѣніе скажутъ, что работникъ конечно воленъ ѣхать въ Америку, если желаетъ, или пріискать себѣ другую землю или работу, если на то его воля. Законъ и общее мнѣніе въ этомъ случаѣ лицемѣрные формалисты и, выставляя на показъ самостоятельность лица, проходятъ молчаніемъ то, что у этаго лица отняты всѣ матеріальныя средства къ независимости и свободѣ. Феодализмъ развилъ самостоятельность лица такъ, что правительство должно дѣйствовать въ границахъ невмѣшательства въ частныя и судебныя дѣла и двигаться исключительно въ сферѣ администраціи, обязанной давать парламенту отчетъ съ своихъ дѣйствіяхъ. Все это составляетъ высокое гражданское развитіе и все это пришло къ безплодному формализму, потому что рядомъ съ формальной прочностью гражданской свободы создало новый видъ рабства, при которомъ для большинства народонаселенія гражданская свобода равна нулю. Среднее сословіе, развившись въ томъ же направленіи сосредоточенія движимыхъ капиталовъ, какъ феодализмъ развился въ сосредоточеніе недвижимыхъ имуществъ, совершенно усвоило себѣ формальность гражданской свободы, всегда оставляющую всѣ выгоды на его сторонѣ въ ущербъ народонаселенію неимѣющему собственности. Результаты англійскаго формализма выходятъ слѣдующія: 1) Всякій воленъ искать своего права по суду, но онъ долженъ внести въ обезпеченіе иска сумму равносильную проторямъ и штрафамъ въ случаѣ проигрыша иска; такимъ образомъ бѣдный человѣкъ не въ состояніи даже начать отыскивать свое право. Судъ и правосудіе существуютъ только для меньшинства. 2) Даже и для собственниковъ страхъ судебныхъ издержекъ дошелъ до того, что законодательство предоставило на волю тяжущимся быть судимыми присяжными (jury), что стоитъ дороже, или просто судьей; въ уголовныхъ дѣлахъ королевскій юристъ рѣшаетъ способъ преслѣдованія дѣла по своему усмотрѣнію, и такимъ образомъ судъ присяжныхъ назначается только для самаго небольшаго числа дѣлъ.* 3) Наконецъ самые присяжные избираются исключительно изъ числа собственниковъ, и несобственникъ можетъ ожидать не суда, а только осужденія. 4) Адвокатство по наслѣдству образовалось въ касту, которой плата за дѣлопроизводство составляетъ огромный грабежъ, утвержденный узаконеніями. 5) Всѣ судебныя и административныя мѣста покупныя на законномъ основаніи, даже военные чины. Въ другихъ странахъ пріобрѣтеніе судебныхъ, административныхъ и военныхъ мѣстъ за деньги считается подкупомъ; въ Англіи это законная покупка. Такимъ образомъ всѣ мѣста заняты въ пользу меньшинства. 6) Наука и грамотность составляютъ удѣлъ меньшинства; большинство невѣжественно до дикости. 7) Свобода печати и мнѣнія устранена дороговизною права на изданіе журнала или какаго нибудь рода сочиненій, содержащихъ новости (news) и недоступностью клубовъ и библіотекъ для небогатыхъ людей.* Свобода печати и мнѣнія существуетъ только для меньшинства; большинству негдѣ высказаться, потому что это слишкомъ дорого. 8) Сельское хозяйство и промышленность, хотя бы и улучшались, улучшаются только ко вреду большинства, потому что каждое улучшеніе, совершаясь въ пользу сосредоточенной собственности, отнимаетъ какія нибудь выгоды у народа. Такъ дешевизна фабричныхъ издѣлій всегда сопряжена съ пониженіемъ заработной платы и увеличивающейся дрянностію издѣлій. Индустрія вмѣсто успѣха становится только надувательствомъ со стороны собственниковъ. Такъ огромность земледѣльческихъ оборотовъ, требуя быстроты въ работѣ, даже препятствуетъ улучшенію сельскаго хозяйства и постоянно только стремится къ пониженію заработной платы и повышенію найма. 9) Интересы собственниковъ дошли до того развитія, что парламентъ, ихъ представитель, сдѣлался формальнымъ собраніемъ, никогда не составляющимъ дѣйствительной оппозиціи администраціи, и дозволяющимъ ей все, лишь бы она работала въ смыслѣ собственниковъ.

Такимъ образомъ начало сосредоточеннаго землевладѣнія развилось въ Англіи въ самостоятельность личности и правосудія для меньшинства, давящаго большинство всѣмъ формализмомъ узаконеній. Уродливость такаго экономическаго и юридическаго состоянія общества перебросила искреннихъ людей въ чартизмъ, т. е., въ стремленіе къ измѣненію настоящей формы землевладѣнія. Это возникающее направленіе и упорство англійскаго консерватизма готовятъ Англіи будущность невообразимыхъ ужасовъ. Натянутость положенія едва ли допуститъ развитіе постоянной реформы, которая была путемъ Англіи до ея революціи, до образованія конституціонной монархіи. Съ тѣхъ поръ Англія окристаллизовалась въ какомъ то консервативномъ китаизмѣ и едва ли ей теперь доступна благоразумная мягкость постоянной реформы.

Иначе развились интересы на западномъ континентѣ Европы. Раздробивъ землевладѣніе на частныя, мелкія собственности, Франція должна была стремиться къ усиленію административной централизаціи. Отдѣльная личность сомостоятельна когда сильна; но мелкій собственникъ ищетъ защиты своихъ интересовъ внѣ себя. Такимъ образомъ удаливъ феодализмъ съ старшей линіей Бурбоновъ, Франція смѣнила его на чиновничество.

Администрація, защищая права дробной собственности, поглотила жизнь общественную и самостоятельность лица. Неудавшаяся революція привела прямо къ безграничному деспотизму. Въ 1830 г., въ Департаментѣ Indres-et-Loire, считалось по одному чиновнику на 76 человѣкъ жителей. Токвиль считаетъ для всей Франціи по одному чиновнику на 230 жителей. Лэйингъ, въ 1854 г., считаетъ одно чиновничье семейство на 46 семействъ. 138,000 чинов-

* Bucher.—Der Parlamentarismus wie er ist. Berlin, 1855.

* Bucher.—Idem.

Digitized by Google

ничьихъ мѣстъ по разсчету Токвиля стоятъ ежегодно Франціи 200 милліоновъ франковъ. Замѣчательно, что это кромѣ таможенныхъ чиновниковъ и полиціи! Прибавте къ этому таможни, полицію и ту часть войска, которая содержится исключительно для охраненія общественнаго порядка—и для всякаго станетъ очевидно, что на основаніи дробной собственности выросла во Франціи администрація, поглощающая всѣ живыя силы народа. Неприкосновенность лица, свобода цензуры и общественнаго мнѣнія, все поникло передъ административной централизацией. Защищая интересы собственности, администрація естественно пришла къ тому, чтобъ взять подъ свое покровительство мелкаго собственника противъ несобственника и крупнаго собственника противъ того и другаго. Такимъ образомъ крупный капиталъ путемъ индустріи и таможенъ обременяетъ существованія мелкаго собственника и несобственника; мелкій собственникъ съеживается и останавливаетъ развитіе крупной торговли тѣмъ, что ничего не покупаетъ. Внутренняя враждебность общества усложняется. Администрація и крупная собственность стали въ враждебность интересовъ противъ мелкихъ собственниковъ и несобственниковъ; мелкіе собственники противъ крупныхъ собственниковъ и несобственниковъ; несобственники противъ тѣхъ и другихъ.

При такомъ положеніи разъединенія интересовъ конечно только централизація можетъ дать внѣшнее единство, которое бы не на долго поддержало statu quo. Наука осталась занятіемъ миноритета, какъ дѣло недоступное не только для несобственника, но и для мелкаго собственника; имъ заниматься ею нѣкогда. Невѣжество земледѣльческаго класса во Франціи признано всѣми, кто сколько нибудь знаетъ Францію. Наука, какъ занятіе миноритета, служитъ интересомъ собственниковъ и администраціи. Притѣсненное большинство народонаселенія, стоящее внѣ науки, не могло уяснить себѣ своего недовольства и вопросовъ общественной реформы съ научной отчетливостью и, удовлетворяясь революціонной фразеологіей, готовится къ взрыву безъ опредѣленныхъ понятій. Но одна мысль, у всѣхъ бродящая почти на степени предчувствія, это реформа права собственности, измѣненіе дробной собственности въ общинную.

Тоже движеніе, хотя можетъ и еще смутнѣе, бродитъ и въ Германіи, также склонившей голову передъ административной бюрократіей.

Но мы ограничимся этимъ быстрымъ, далеко неполнымъ очеркомъ Франціи и Англіи, тѣмъ болѣе, что въ Германіи русской умъ не найдетъ что перенять, передъ чѣмъ остановиться съ тѣмъ уваженіемъ, какъ на примѣръ передъ гражданскою самостоятельностью лица въ Англіи. Германія не развила ни самостоятельности лица, ни громадной индустріи; она развила метафизику и бюрократію. Распространяя въ народѣ грамотность, германская администрація не довела ее до общественнаго образованія, не смотря на всѣ частныя попытки популяризировать науку. Выросши на враждебно смѣшанныхъ основаніяхъ аристократической и дробной собственности, Германія дошла до экономическихъ результатовъ подобныхъ результатамъ тѣхъ же началъ во Франціи и въ Англіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ до того же бродящаго втайнѣ стремленія измѣнить существующія формы разъединеннаго землевладѣнія въ землевладѣніе общинное.

Но скажутъ намъ, идеалъ общиности, къ которому стремится Европа, совсѣмъ не то, что общинное землевладѣніе у нашихъ крестьянъ, которое только форма землевладѣнія, бывшая вообще у народовъ въ младенческомъ возрастѣ ихъ развитія. Положимте, что такъ. Но гораздо же легче идеалъ общинности развить изъ формы общиннаго землевладѣнія чѣмъ изъ формъ собственности совершенно противуположныхъ. На основаніи противуположныхъ формъ землевладѣнія, стремленіе къ общинности можетъ идти только посредствомъ насильственныхъ кризисовъ, потому что надо ломать существующее, между тѣмъ какъ при общинности землевладѣнія надо только оставить это начало свободно, безпрепятственно и естественно развиваться безъ всякихъ общественныхъ потрясеній. Мы только можемъ придти къ одному заключенію что весьма счастливо, что въ Россіи нельзя стереть форму общиннаго землевладѣнія. Народъ не уступитъ ее никакой силѣ; какъ ни безсознателенъ обычай, но онъ укоренился и весьма счастливо, если онъ совпадаетъ съ разумностью.

Но на почвѣ общиннаго устройства выросло совершенное пренебреженіе къ лицу, крѣпостное состояніе, отсутствіе суда и правосудія для народа, также чиновничество, да еще хуже чѣмъ на Западѣ, потому что не подлежитъ контролю общественнаго мнѣнія, основаннаго на самостоятельности лица. Общественное мнѣніе не существуетъ за отсутствіемъ гласности. Образованность и наука достаются также и еще больше на долю самаго маленькаго меньшинства какъ и на Западѣ. Индустрія развилась плохо, земледѣліе въ совершенномъ младенчествѣ. Стало быть общинное землевладѣніе принесло подобные же и еще болѣе горькіе плоды, какъ принесло на Западѣ сосредоточенное или дробное владѣніе.

Когда правительство прикрѣпило крестьянъ къ землѣ, часть изъ нихъ была прикрѣплена за помѣщикомъ, часть изъ ихъ подпала подъ власть чиновничества. Петръ Великій принялъ государство въ хаотическомъ состояніи и долженъ былъ для водворенія порядка прибѣгнуть къ какому нибудь чуждому началу, это начало было—бюрократія. Помѣщикъ и чиновникъ составили два элемента, которые разомъ поставили границу развитію общиннаго начала и осудили эго на пребываніе въ statu quo. Образованіе Россіи пошло по мимо общиннаго начала. Развивалась только администрація. Помѣщичество, по обязанности или обычаю служить, слилось съ чиновничествомъ, а не съ народомъ, даже утратило (а можетъ и не имѣло) характеръ наивной патріархальности, замѣнивъ его плантаторствомъ. Помѣщикъ и чиновникъ не уничтожили общинности землевладѣнія у крестьянъ; это было для нихъ равнодушно; но только они не дали общинному началу дальнѣйшаго хода. Такимъ образомъ наше судопроизводство не развилось изъ общиннаго начала, наша администрація не развилась изъ общиннаго начала; а все перенесено цѣликомъ изъ нѣмецкой бюрократіи, со всѣмъ ея формализмомъ и варварскими названіями. Помѣщикъ общинное управленіе замѣнилъ своимъ, чиновникъ своимъ. Лучшаго изъ этаго ничего не вышло, кромѣ того, что народъ отупѣлъ.

Возмите какую нибудь русскую крестьянскую общину, случайно избавленную отъ вмѣшательства помѣщика и чиновника, и посмотрите какъ она существуетъ по своему обычаю. Возмите на примѣръ оброчное имѣніе какаго

Digitized by Google

нибудь помѣщика, который для общины не болѣе какъ миѳъ, получающій ленты черезъ плечо въ Петербургѣ. Для общины дѣйствительность составляетъ только оброкъ, ежегодно посылаемый миѳу. Положимте, что оброкъ этотъ не великъ и уплачивается легко; а миѳъ—лишь бы получалъ его—не вмѣшивается въ управленіе и крестьяне управляются сами собой; а между тѣмъ чиновникъ боится миѳа и не тѣснитъ ихъ. Что происходитъ въ этой общинѣ? Она выбираетъ старосту и смѣняетъ его, если имъ недовольна. Раздѣливъ землю по тягламъ, она не вмѣшивается въ частную жизнь человѣка, лишь бы онъ несъ общественную тягу наравнѣ со всѣми. При спорахъ между собою крестьяне обыкновенно обращаются къ старшимъ, довѣряя имъ разсудить ихъ, т. е. полагаются на третейскій судъ; въ самыхъ важныхъ случаяхъ ихъ разбираетъ міръ. Оброкъ и повинности собираетъ староста и въ употребленіи сборныхъ суммъ даетъ отчетъ на міру. Міръ (suffrage universel) выбираетъ и отмѣняетъ старосту и другія лица, занимающія какія нибудь сельскія должности. Иногда вы услышите жалобы, что міръ слишкомъ вмѣшивается въ частныя дѣла и тѣснитъ отдѣльныя личности; но замѣтьте, что вы застаете общину на степени младенческаго развитія. Не мѣшайте ей—изъ столкновенія личности и мірской власти, община естественно дойдетъ до того, что опредѣлитъ случаи подлежащія и неподлежащія мірскому суду и оградитъ личность, предоставивъ міру только рѣшеніе дѣлъ общественныхъ. Тутъ человѣкъ естественно идетъ къ тому, чтобы устроить свою независимость, сохраняя чувство общественнаго долга. Диктаторская власть старосты, ограниченная учетомъ, мірской повѣркой его дѣйствій и смѣною, никогда не переступитъ своихъ границъ, когда ей внѣ общины не на что опереться. И потомъ власть старосты чисто исполнительная; разкладка повинностей зависитъ отъ міра. Я зналъ одно богатое село въ Рязанской губерніи, гдѣ разкладка оброка и повинностей дѣлалась на міру такимъ образомъ, что богатый крестьянинъ платилъ болѣе въ счетъ повинностей, бѣдный менѣе, каждый платилъ по состоянію; состояніе же человѣка всегда извѣстно общинѣ, какъ бы кто ни скрывалъ его для избѣжанія повинностей, падающихъ на его долю. Въ этой общинѣ только половина крестьянъ жила дома; половина разъѣжалась на заработки во всѣ концы Россіи. Стало общинное устройство нисколько не стѣсняло ихъ образа жизни, лишь бы каждый уплачивалъ свою общественную повинность. Попробуйте не мѣшать такому устройству развивать всѣ лежащія въ немъ зачатки, и взглядъ любаго экономиста остановится на немъ съ удовольствіемъ.

Р. Ч.

(Продолженіе въ слѣдующемъ Листѣ.)

СМѢСЬ.

На дняхъ мы получили письмо строго критикующее Колоколъ.

Письмо это проникнуто такимъ теплымъ чувствомъ любви къ дѣлу и желаніемъ добра отъ нашихъ изданій, что намъ остается искренно поблагодарить анонимнаго критика и воспользоваться тѣми изъ его совѣтовъ, съ которыми согласна наша совѣсть.

Намъ очень жаль, что въ письмѣ именно сказано, чтобъ мы его не печатали, намъ хотѣлось бы сообщить его нашимъ читателямъ.

Одно замѣчаніе мы позволимъ себѣ. Авторъ письма могъ видѣть съ перваго листа Колокола до послѣдняго, какъ усердно мы просимъ всѣхъ сообщающихъ намъ вѣсти, подвергать ихъ прежде строгой критикѣ. Какіе же мы можемъ имѣть средства повѣрки? Если и въ нашихъ листахъ, какъ во всѣхъ журналахъ прокрадываются ошибки, мы готовы ихъ поправить—но не всегда можемъ предупредить.

Мы въ VI. листѣ сказали что московскій оберъ-полицмейстеръ Берингъ—остался, а онъ подалъ въ отставку. "Le Nord" имѣющій полуоффиціальныя корреспонденціи, говоря объ окончаніи студентской исторіи въ Москвѣ, сообщилъ только объ отставкѣ частнаго пристава. Вслѣдъ за тѣмъ получили мы письмо, въ которомъ обращается вниманіе на то "что Закревскій отстоялъ Беринга." Дней десять спустя, мы увидѣли что Берингъ замѣненъ Кропоткинымъ. Намъ остается повиниться въ ошибкѣ, поблагодарить государя, и посовѣтовать Закревскому сдѣлать намъ такой же милый сюрпризъ.

Что касается до смѣшнаго, мы не совсѣмъ согласны съ нашимъ критикомъ. Смѣхъ, одно изъ самыхъ сильныхъ орудій противъ всего что отжило и еще держится Богъ знаетъ на чемъ, важной развалиной—мѣшая рости свѣжей жизни и пугая слабыхъ. Повторяю, что предметъ о которомъ человѣкъ не можетъ улыбнуться, не впадая въ кощунство, небоясь угрызеній совѣсти—фетишъ и человѣкъ подавленъ имъ; онъ боится его смѣшать съ рядовыми предметами.*

Смѣхъ вовсе дѣло не шуточное и имъ мы не поступимся. Въ древнемъ мірѣ хохотали на Олимпѣ и хохотали на землѣ слушая Аристофана и его комедіи, хохотали до самаго Лукіана. Съ IV. столѣтія человѣчество перестало смѣяться, оно все плакало, и тяжелыя цѣпи пали на умъ середь стѣнаній и угрызеній совѣсти. Какъ только лихорадка изувѣрства начала проходить, люди стали опять смѣяться. Написать исторію смѣха, былобы чрезвычайно интересно. Въ церкви, во дворцѣ, во фрунтѣ, передъ начальникомъ департамента, передъ частвымъ приставомъ, передъ нѣмцомъ управляющимъ, никто не смѣется. Крѣпостные слуги, лишены права улыбки въ присутсвіи помѣщиковъ. Одни ровные смѣются между собой.

Если нисшимъ позволитъ смѣяться при высшихъ, или если они не могутъ удержаться отъ смѣха, тогда прощай чинопочитаніе. Заставить улыбнуться надъ богомъ Аписомъ, значитъ растричь его изъ священнаго сана, въ простые быки. Снимите рясу съ монаха, мундиръ съ гусара, сажу съ трубочиста, и они не будутъ страшны ни для малыхъ, ни для большихъ. Смѣхъ нивелируетъ — а этаго то и не хотятъ люди, боящіеся повиснуть на своемъ собственномъ удѣльномъ вѣсѣ. Аристократы всегда такъ думали, и жена графскаго дворецкаго Фигаро, жалуясь въ La Mère Coupable, па горькіе слѣды 1789 года, говоритъ, что теперь всѣ сдѣлались—какъ всѣ, comme tout le monde!

Въ русскомъ характерѣ вообще есть азіатская склонность къ вычурному подобострастію съ одной стороны, и къ надмѣнному чванству съ другой. Объясните иностранцу и въ особенности не-нѣмцу, что простой смертный носитъ рубашку—а баринъ сорочьку, что одинъ—спитъ, а другой почиваетъ, одинъ пьетъ чай, а другой "изволитъ

* Письма изъ Франціи и Италіи Искандера.

Digitized by Google

его кушать," все это пришло изъ золотой Орды и изъ томпаковой Германiи.

И отчего это мы такъ обидчивы, когда дѣло идетъ о шуткѣ и такъ выносливы когда насъ бранятъ сверху? Это уже лѣтъ пятнадцать тому спрашивалъ Бѣлинскiй. Перелистуйте лондонскiй Пуншъ, посмотрите на политическiя карикатуры его, въ которыхъ всего меньше пощаженъ мужъ королевы —что же дѣлаетъ Викторiя, что дѣлаетъ Альбертъ—глядятъ Пуншъ и смѣются съ другими. Вотъ лучшее доказательство какъ совершеннолѣтна Англiя. Съ другой стороны посмотрите это изступленiе, эту тревогу, съ которой преслѣдуютъ каждый свистокъ, каждую улыбку во Францiи..... и подумайте о причинахъ.

Другой кореспондентъ пишетъ что въ исторiи о слѣдствiи, дѣланномъ Эльстонъ - Сумароковымъ, фамилiя помѣщика продавшаго имѣнiе не вѣрно выставлена. Въ Теймсѣ была только фамилiя Пашкова—въ письмахъ нами полученныхъ три разныя фамилiи—но обстоятельства разсказаны одинакимъ образомъ, а въ этомъ то и сущность. Мы совершенно убѣждены, что каждый изъ благороднаго сословiя помѣщиковъ, мѣшающихъ государю освободить крестьянъ, способенъ также поступить. Тѣмъ не менѣе мы благодаримъ за поправку и готовы впредь и всегда печатать всякое опроверженiе, основанное на фактахъ,

ОХАБКА ДРОВЕЦЪ СТАРУШКИ.

Смѣшно и больно видѣть, какъ въ полицейскомъ хорѣ окружающемъ теперь уцѣлѣвшаго Бонапарта, участвуютъ безъ всякой необходимости, второстепенныя газеты, второстепенныхъ городовъ и странъ—"такъ таки и скажите, что Бобчинскiй и Добчинскiй, въ сильномъ негодованiи противъ Англiи."

Разъ въ тѣ счастливыя времена, когда еще людей жгли за мысли, инквизицiя приготовлялась во славу католической церкви зажарить великаго Славянина. Все было въ порядкѣ—попы и палачи, монахи и сторожа суетились, нарядныя дамы хохотали вокругъ на приготовленныхъ мѣстахъ. Костеръ уже былъ зазженъ. Вдругъ сквозь толпу продирается, торопится полоумная старушенка. "Ахъ, батюшки, кричитъ она, пустите меня старую, да хворую—охъ, не поспѣю, мою то охабочку дровецъ бросить на костеръ ему злодѣю, еретику, чтобъ ему ни дна, ни покрышки не было! Авось, господь Богъ, увидитъ жертву моего усердiя!"—"Пропустите ее, сказалъ мученикъ обращаясь къ палачамъ—развѣ вы не видите ея горячую вѣру."

Хотя по правдѣ мы не видимъ горячей вѣры, но легенду эту вспомнили, читая, съ какимъ остервененiемъ Бельгiйскiй журналъ Le Nord (отъ 18 Января) требуетъ высылки иностранцевъ изъ Англiи... требуетъ дикихъ полицейскихъ мѣръ отъ свободной страны. И все это въ какомъ то нервномъ болѣзненномъ припадкѣ. "Умъ остается смущеннымъ говоритъ онъ, и воображенiе цѣпенѣетъ, при одной мысли о такомъ злодѣйствѣ." Въ эти горячечныя минуты, всего лучше молчать, а то смущенный умъ, можетъ ввести въ самыя забавные промахи. Le Nord заключаетъ свою статью тѣмъ, что еслибъ въ Англiи узнали о скопищѣ торговцевъ невольниками, гдѣ нибудь за океаномъ, то всѣ филантропы и раскричались бы и потребовали бы самыхъ дѣятельныхъ мѣръ, противъ этихъ добрыхъ людей, а противъ дикаго сообщества извергов и злодѣевъ посылающихъ убiйцъ, ядры, кинжалы не беретъ террористическихъ мѣръ, по одному слову шпiоновъ и другихъ клевретовъ....., и это только потому, что доказательствъ нѣтъ. Нужно очень доказательства въ дѣлѣ, гдѣ идетъ рѣчь о высочайшемъ здравiи,—по помѣщичью, обоихъ высѣчь, да и дѣло въ шапкѣ!

А каковъ примѣръ, о торговцахъ черными крѣпостными? Мы знали со временъ перестройки Зимняго Дворца, что усердiе все превозмогаетъ, но не знали, что оно превозмогаетъ самый умъ!

Мы вообще немѣшаемся въ полемику европейскихъ журналовъ, и тѣмъ больше не сказали бы ни слова, объ дикихъ завываньяхъ какой нибудь газеты, издаваемой въ Брюжже, Малинѣ или Вервье,—но этотъ журналъ не даромъ назвалъ себя "Сѣверомъ." Его принимаютъ въ журналистикѣ оффицiёзнымъ органомъ Россiи.

Ненависть народовъ къ Россiи, которую возбудилъ Николай —начинаетъ теперь проходить, зачѣмъ же ее подновлять, то защищая короля Лаццарони, то комическiя права Гогенцолерна на Невшателѣ, то безплодными криками противъ Англiи, которая съ британскимъ презрѣнiемъ смотритъ на бѣснующихся.

Надобно нашимъ дипломатамъ новые прописи, новые словари! Или неужели мы при Александрѣ II доживемъ до союза (о которомъ мы пророчили въ 1854 году*), двухъ императоровъ, противъ единой свободной и сильной страны въ Европѣ?

"Неужели вы думаете," писалъ я тогда, "что они оставятъ въ покоѣ въ 12 часахъ, отъ усмиреннаго Парижа —свободный Лондонъ; Лондонъ—открытую гавань всѣмъ спасающимся, отъ оргiи деспотизма!—Никогда!"

Англiя страшное бѣльмо на глазу у всѣхъ континентальныхъ властей; они ее не понимаютъ, они ее ненавидятъ инстинктомъ, они ее ненавидятъ угрызенiями собственной совѣсти—пусть ихъ, да намъ то, вступая въ новую жизнь, за чѣмъ соваться? Тѣмъ больше, что крики эти ничего не дѣлаютъ. Помните что въ гербѣ Англiи, написано великое слово—Je maintiendrai!

* La Russie et le Vieux Monde.

ТАМБОВСКОЕ ДВОРЯНСТВО не хотѣло освободить крестьянъ и только когда на него прикрикнулъ министръ, послало предводителя въ Петербургъ. Чтобы ни обрушилось на тамбовское дворянство—гнѣвъ Государя, или топоръ народный,—все будетъ справедливо и вѣчный позоръ его запишется въ русскую лѣтопись!

А крамольники! вѣрноподданные рабы! Заговорили вы — жаль растаться съ розгой, плантаторы.... непокорные холопы... Во имя чего смѣете вы роптать?

ЗАКРЕВСКIЙ БУНТУЕТЪ!—Арсенiй Андреевичь,—что это съ вами, всю жизнь вы были фельдфебелемъ, и вдругъ мѣшаете освобожденiю крестьянъ? Къ лицу-ль вамъ эти лица?—Идти противъ Государя!—противъ дисциплины!

Въ отставку стараго лакея, въ страннопрiемный домъ, въ сенатъ, въ совѣтъ, въ синодъ—вреднаго инвалида! только вонъ изъ Москвы!

IV книжка ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДЫ выйдетъ въ Мартѣ мѣсяцѣ.

У Трюбнера и Ко. поступили въ продажу:

14 ДЕКАБРЯ 1825 и ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ

(по поводу книги Барона Корфа).

СТАРЫЙ МIРЪ И РОССIЯ, Письма Искандера къ В. Линтону (1854)— Переводъ съ французскаго съ предисловiемъ автора.

На дняхъ поступитъ въ продажу второе изданiе ПИСЕМЪ ИЗЪ ФРАНЦIИ И ИТАЛIИ Искандера, (1847—1852), съ предисловiемъ автора и его портретомъ, гравированнымъ на стали.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографiи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London,

Digitized by Google

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ ежемѣсячно и два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 d. Получается въ Вольной Русской Типографіи—2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

ЛИСТЪ 9.

15 Февраля 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 39, Rupert Street, Haymarket, London. Price six-pence.

Еще не стало въ Россіи дѣльнаго, честнаго, благороднаго человѣка, однаго изъ самыхъ любимыхъ товарищей Грановскаго. Профессоръ Московскаго Университета, Петръ Николаевичь Кудрявцевъ скончался въ Москвѣ, съ 17 на 18 число Января стараго стиля. Онъ не пережилъ жены, къ которой былъ страстно привязанъ.

Насъ просятъ напечатъ это извѣстіе въ Колоколѣ "гдѣ всякій, честно служившій отечеству человѣкъ имѣетъ право быть помянутъ добрымъ, почетнымъ словомъ."

ЧЕРЕЗЪ ТРИ ГОДА.

(18 Февраля 1858 года.)

"Ты побѣдилъ Галилеянинъ!" и намъ легко это сказать потому, что у насъ въ нашей борьбѣ не замѣшано ни самолюбіе, ни личность. Мы боролись изъ дѣла, кто его сдѣлалъ тому и честь.

Середь общаго сѣтованія, перерываемаго дикими криками бѣсновавшихся реакціонеровъ и солдатъ пьяныхъ отъ крови, середь нелѣпой войны и глубокаго паденія всего западнаго материка—мы со страхомъ гадая обращали взглядъ нашъ на молодаго человѣка шедшаго занять упраздненное мѣсто на желѣзномъ тронѣ, котораго тяжелыя ножки, далеко вдавились въ нашу грудь.

"Отъ васъ ждутъ кротости," говорили мы ему, "отъ васъ ждутъ человѣческаго сердца—вы необыкновенно счастливы!" и робко, мучимые сомнѣніемъ прибавляли. "Дайте свободу русскому слову? Смойте съ Россіи позорное пятно крѣпостнаго состоянія."

И потомъ мы ждали съ внутреннимъ трепетомъ надѣясь, негодуя, прислушиваясь къ движенью, къ вѣстямъ. Послѣ тридцатилѣтняго ожиданія—нетерпѣніе простительно..!

Книга Корфа оскорбила насъ, она такъ грубо дотронулась до воспоминаній святыхъ намъ, она такъ безпощадно напомнила намъ свинцовое время въ которое мы столько страдали.

.....А тамъ это старье, эта олицетворенная подагра правительства, эти мозоли мѣшающія ему идти впередъ.... надежды удалялись, мы становились еще бѣднѣе и готовились скреста руки на груди, остаться печальными обличителями нѣмыхъ злодѣйствъ совершающихся въ мракѣ канцелярскихъ тайнъ.

Но съ того дня какъ Александръ II подписалъ первый актъ, всенародно высказавшій что онъ со стороны освобожденія крестьянъ, что онъ его хочетъ, съ тѣхъ поръ наше положеніе къ нему измѣнилось.

Мы имѣемъ дѣло уже не съ случайнымъ преемникомъ Николая—а съ мощнымъ дѣятелемъ открывающимъ новую эру для Россіи, онъ столько же наслѣдникъ 14 Декабря какъ Николая. Онъ работаетъ съ нами—для великаго будущаго.

Имя Александра II отнынѣ принадлежитъ исторіи; еслибъ его царствованіе завтра окончилось, еслибъ онъ палъ подъ ударами какихъ нибудь крамольныхъ олигарховъ, бунтующихъ защитниковъ барщины и розогъ—все равно. Начало освобожденія крестьянъ сдѣлано имъ, грядущія поколѣнія этаго не забудутъ!

Но изъ этаго не слѣдуетъ чтобъ онъ могъ безнаказанно остановиться. Нѣтъ, нѣтъ, пусть онъ довершитъ начатое—пусть полный вѣнокъ закроетъ его корону. Гнилое, своекорыстное, дикое, алчное противудѣйствіе закоснѣлыхъ помѣщиковъ, ихъ волчій вой—не опасенъ. Что они могутъ противупоставить, когда противъ нихъ власть и свобода, образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе.

И пуще всего общественное мнѣніе. Лишь бы теперь нашимъ плантаторамъ и ихъ противникамъ, позволено было вполнѣ высказаться, помѣриться... И тутъ какъ во всемъ поневолѣ бьешся въ другое великое искомое современной Россіи—въ гласность. Гласность ихъ казнитъ, прежде нежели дойдетъ дѣло до правительственнаго бича или до крестьянскаго топора.

Посмотрѣли бы мы право au grand jour, на этихъ защитниковъ розогъ и крещеной собственности, забрызганныхъ кровью жертвъ, на этихъ грабителей по дворянской грамотѣ, на этихъ людокрадовъ отнимающихъ у матерей дѣтей, торгашей продающихъ дѣвокъ, барышниковъ рекрутами. Выходите же на арену—дайте на васъ посмотрѣть родные волки великороссійскіе, можетъ вы поумнѣли со временъ Пугачева, какая у васъ шерсть, есть ли у васъ зубы, уши?

Digitized by Google

Знаете что—до помѣщичьяго права добираются, до вольности дворянской; это мужика то и не посѣчь, и не заставить поработать четвертый и пятый день, двороваго то и непоколотить. Помилуйте! Выходите же изъ вашихъ тамбовскихъ и всяческихъ берлогъ—Сабакевичи, Ноздревы, Плюшкины, и пуще всего Пѣночкины, попробуйте не розгой, а перомъ, не въ конюшнѣ, а на бѣломъ свѣтѣ высказаться.—Помѣряемтесь!

Вамъ можно было отпустить грѣхъ неправаго наслѣдства, преемственнаго стяжанія, преступленія—вашихъ злодѣевъ-отцовъ, вашихъ извергов-матерей, за раскаяніе, за молчаніе, за умѣнье понести потерю, за угрызенія совѣсти. Но вы упорствуете, вы защищаете ваше право... стало вы сознательно, обдуманно берете на себя всю отвѣтственность. Вы никогда не осмѣливались даже поворчать когда вашихъ дѣтей ссылали въ Сибирь, когда съ самими вами обращались какъ съ холопами и вы осмѣливаетесь теперь показывать зубы. Исторія васъ разсудитъ съ Императоромъ Александромъ II и съ народомъ русскимъ—смотрите только какъ бы она для васъ не настала слишкомъ скоро. Подумайте объ этомъ!

Что касается до насъ—нашъ путь впередъ назначенъ, мы идемъ съ тѣмъ кто освобождаетъ и пока онъ освобождаетъ; въ этомъ мы послѣдовательны всей нашей жизни. Какъ бы слабъ нашъ голосъ ни былъ, все же онъ живой голосъ, и какъ бы нашъ Колоколъ ни былъ малъ, все же его слышно въ Россіи, а потому скажемъ еще разъ, что мы убѣждены что Александръ II не равнодушно приметъ привѣтствіе людей, которые сильно любятъ Россію—но также сильно любятъ и свободу, "которымъ не нужно его боятся и которые для себя лично ничего не ждутъ, ничего не просятъ."

Но ничего не прося они желали бы чтобъ Александръ II видѣлъ въ нихъ представителей свободной русской рѣчи, противниковъ всему останавливающему развитіе, во всемъ ограничивающемъ независимость—но не враговъ! Они потому этаго хотятъ, что имъ стало дорого мнѣніе освободителя крестьянъ!

"Ты побѣдилъ Галилеянинъ!"

Искандеръ.

ОТЪ Н. П. ОГАРЕВА.

Другъ Искандеръ,

Съ тѣхъ поръ, какъ Александръ II сталъ во главѣ великаго русскаго дѣла—освобожденія крестьянъ, мнѣ больно прятаться отъ него подъ псевдонимомъ. Я слишкомъ уважаю его, чтобъ дѣлать что нибудь не въявь и неоткровенно, и потому прошу тебя печатать мои стихи и прозу съ моимъ именемъ и замѣнить имъ буквы Р. Ч., которыхъ таинственность основывалась на недовѣріи къ власти.

Н. Огаревъ.

РУССКІЕ ВОПРОСЫ.(*)

Крестьянская Община

(Продолженіе)

Но вотъ миеоъ перестаетъ быть миеомъ, помѣщикъ является управлять имѣньемъ, или присылаетъ управляющаго. Положимте—чтобъ не касаться безобразія барщеннаго положенія—что передъ нами имѣнье все же оброчное. Развитіе общины тотчасъ останавливается. Староста перестаетъ быть избираемымъ и отрѣшаемымъ по усмотрѣнію общины. Онъ превышаетъ свою власть, опираясь на власть помѣщика. Третейскій судъ между крестьянами замѣняется судомъ помѣщика. Оброкъ налагается на всѣхъ и каждаго па волѣ помѣщика. Кто изъ крестьянъ жилъ и работалъ не сторонѣ призывается домой по волѣ помѣщика. Личность крестьянина стерлась; онъ чувствуетъ, что онъ рабъ, онъ боится и лжетъ. Этимъ ограничивается его нравственное развитіе. Община остается дѣйствительно при своей точкѣ отправленія—общинномъ землевладѣніи, и дальше не можетъ сдѣлать ни шагу впередъ,

Тоже вліяніе, которое производитъ вмѣшательство помѣщика на крѣпостныхъ крестьянъ, производитъ вмѣшательство администраціи на государственныхъ крестьянъ. До киселевскаго министерства крестьяне были подвергнуты грабительственнымъ набѣгамъ земской полиціи. Набѣги земской полиціи и нынѣ продолжаются во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ; эти набѣги не ссорятъ земскую полицію съ палатою государственныхъ имуществъ. Оба управленія идутъ дружно; только крестьянамъ приходится отплачиваться вдвое. Теперь они, кромѣ набѣговъ земской полиціи, подвергнуты грабительственнымъ набѣгамъ чиновниковъ палаты государственныхъ имуществъ. Но этого мало—администрація достигла путемъ узаконеній до остановки развитія общиннаго начала. Старшина въ общинѣ избирается и отмѣняется съ разрѣшенія начальства. Голова избирается волостью, но утверждается палатой государственныхъ имуществъ съ разрѣшенія губернатора. Отмѣняется также съ разрѣшенія начальства, потому что хотя онъ и избирается на три года, но можетъ остаться и долѣе, если начальство его не смѣнитъ.* Вмѣсто добровольныхъ судовъ явились суды непремѣнные подъ заглавіемъ сельскихъ и волостныхъ разправъ.† Выборы совершаются подъ угрозой административной розги. Жалованье всѣмъ этимъ крестьянамъ-чиновникамъ назначено непремѣнное, а не по соглашенію общины. Превышать свою власть всѣ эти выборные, но начальствомъ утвержденные крестьяне-чиновники, могутъ всегда, опираясь на палату государственныхъ имуществъ. Передъ администраціей стерлась личность человѣка. Администрація поглотила общину, остановивъ ее при ея точкѣ отправленія, т. е. при общинномъ землевладѣніи и не пуская развиваться далѣе. Даже не многочисленный классъ свободныхъ хлѣбопашцевъ министерство государственныхъ имуществъ поглотило въ общую бездну администраціи.‡

Послѣ этаго можемъ ли мы сказать къ какому развитію способно начало общиннаго землевладѣнія и въ чемъ оно останавливаетъ развитіе образованія въ государствѣ? Мы еще не видали развитія общиннаго начала; мы только видимъ препятствія, которыя ему поставлены. Отнимите препятствія и тогда посмотрите.

Съ одной стороны мы видимъ, что сама западная Европа, перепробовавъ всѣ формы раздѣльнаго землевладѣнія, стремится къ созданію общиннаго начала, чтобъ вынырнуть изъ своего тяжелаго и опаснаго положенія. Съ другой стороны

(*) Читатели вспомнятъ, что статья эта была подписана буквами Р. Ч.

* Управленіе государственныхъ имуществъ, статья 4314.

† Idem. ст. 4712 и 5128.

‡ Idem. ст. 4739.

Digitized by Google

мы видимъ, что у насъ препятствія къ развитію образованія встрѣчаются не въ общинѣ, а въ томъ что чуждо общинному началу и развивается въ ущербъ ему, т. е. въ помѣщичей власти и бюрократіи.

Однако помѣщики единственно образованное сословіе въ государствѣ, только ихъ трудъ и ихъ власть могутъ разпространить образованность въ народѣ, улучшить земледѣліе и создать раціональное сельское хозяйство. Однако администрація разпространила школы и грамотность, и устроила примѣрные хутора для разпространенія раціональнаго сельскаго хозяйства.

Это все только похоже на праву, а въ сущности ложь. Помѣщики, или лучше сказать нѣкоторые изъ помѣщиковъ, дѣйствительно составляютъ образованную часть государства, и это очень счастливо, это очень важно; это показываетъ, что образованность вошла элементомъ въ государство, и что ея не сотрешь. Но это не доказываетъ, чтобы этотъ миноритетъ имѣлъ вліяніе на разпространеніе образованія посредствомъ своей власти надъ крѣпостными людьми. Этотъ миноритетъ ростетъ воспитаніемъ, которое даетъ своимъ дѣтямъ, ростетъ умноженіемъ образованныхъ личностей; но чѣмъ болѣе онъ ростетъ, тѣмъ болѣе онъ приходитъ къ сознанію несовмѣстности крѣпостнаго права съ образованіемъ, къ сознанію, что онъ и не способенъ распространить образованіе въ народѣ именно потому, что существуетъ крѣпостное право. Вмѣсто того, чтобы посредствомъ своей власти образовать крестьянина, помѣщикъ, употребляя власть, самъ теряетъ свое образованіе. Онъ приходитъ въ столкновенія, гдѣ дѣйствуетъ вопреки своимъ понятіямъ и убѣжденіямъ. Крестьянинъ спервоначала не можетъ имѣть къ нему довѣрія, какъ къ притѣснительной власти, и не принимаетъ его поученій. Помѣщикъ не поучаетъ, а только приказываетъ. Да и чѣмъ же въ сущности помѣщикъ до сихъ поръ разпространялъ просвѣщеніе между крестьянами? Кое-гдѣ неудавшимися школами и хозяйственными нововведеніями, больше похожими на шутку чѣмъ на дѣло? Еще большую массу понятій вводили въ народъ тѣ помѣщики, которые безъ особенной ревности къ просвѣщенію, пускались въ промышленныя заведенія просто изъ коммерческаго разсчета, какъ и всякій иной смертный изъ купцовъ. Но и тутъ за пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ мануфактурныхъ понятій, крестьяне платили усугубленной барщиной и работали съ ненавистью къ помѣщику и его промышленному предпріятію. Сохранимте доброе вліяніе образованности высшаго класса, но перестанемте подозрѣвать существованіе этаго вліянія тамъ, гдѣ его нѣтъ, и безбоязненно уничтожимте власть, которая мѣшаетъ общинѣ свободно развиваться.

Съ своей стороны администрація, если и устроила школы, то можетъ быть околостоличные крестьяне воспользовались случаемъ выучиться грамотѣ, потому что для нихъ нужда въ ней ощутительнѣе; но уѣзжайте немного по дальше отъ столицы и вы увидите, что существуютъ учителя и зданія для школъ, а грамотность не разпространена. Въ этомъ администрація не успѣла; но въ чемъ она несомнѣнно успѣла—это въ раззореніи крестьянъ и остановкѣ общиннаго развитія. Примѣрные же хутора никогда не принимались ни крестьянами, ни администраціей за серьозное дѣло; они существуютъ какъ шутка, поддерживаются какъ административная шалость. Да иначе и не могло быть. Администрація вникала не въ потребности народнаго развитія, а только создавала и развивала самое себя въ систематичность, сотканную изъ формализма и насилія. Късожалѣнію администрація, гордая своей систематичностью и самобытностью, смотритъ на народъ какъ на жалкую массу, которую нечего развивать по законамъ ея внутренней жизни, а слѣдуетъ кроить и шить по мѣркѣ, изобрѣтенной самою администраціей. Администрація презираетъ народъ и видитъ въ немъ только невѣжественную нелѣпость, которую надо замѣнить просвѣщеніемъ, пропитавшимъ администрацію и пышащимъ изо всѣхъ ея поръ. Ошибка важная уже и потому, что народъ насильно толкаютъ по не-естественному пути мнимаго образованія и преграждаютъ ему путь его естественнаго развитія; но кромѣ того ошибка еще большая потому, что въ самой администраціи лежитъ не просвѣщеніе, а невѣжественная нелѣпость на свой манеръ. На примѣръ администрація услыхала, что въ Европѣ садятъ картофель и гонятъ водку изъ картофеля; администрація тотчасъ принялась жесточайшимъ образомъ пороть крестьянъ, заставляя ихъ садить картофель. Крестьяне не хотѣли; отъ административныхъ розогъ отдѣлывались взятками и картофель не вышелъ изъ границъ огороднаго растенія. Администрація приписала это упорству и невѣжественной нелѣпости крестьянъ. А между тѣмъ дѣло заключалось въ простой причинѣ: рожь была дешевле картофеля, сѣять рожь было дешевле чѣмъ садить картофеля. Очевидно, что картофель, разпространившійся въ Европѣ какъ pis aller, какъ болѣе дешевая замѣна недостающаго зерноваго хлѣба, не могъ разпространиться тамъ, гдѣ зерноваго хлѣба было достаточно и гдѣ его воздѣлываніе обходится дешевле воздѣлыванія картофеля. Кто же у насъ былъ въ этомъ случаѣ невѣжа, просвѣщенная администрація, не понявшая простыхъ экономическихъ данныхъ, или невѣжественный мужикъ, просто нежелавшій дѣлать того, что ему приносило не прибыль, а убытокъ?

Пора намъ перестать шалить. Благодѣтельное вліяніе помѣщиковъ и администраціи на земледѣліе, и вредъ приносимый земледѣлію общиннымъ землевладѣніемъ, т. е. дѣлянками земли—вѣдь это все неправда. Помѣщики и администрація не улучшили сельскаго хозяйства у крестьянъ, и не дѣлянки земли держатъ его въ младенческомъ состояніи. Говорятъ, что помѣщичьи земли лучше обработаны нежели крестьянскія. Должны бы быть лучше обработаны, потому что помѣщику не мѣшаетъ работать никакое насиліе, но лучше ли они обработаны, это весьма сомнительно. Это больше обычное мнѣніе нежели фактъ. Все что мы можемъ сказать, что иногда встрѣчаются помѣщичьи земли лучше обработанныя, а по большей части онѣ также плохо обработаны какъ и крестьянскія. Единственно существенное различіе между господскимъ и крестьянскимъ хлѣбомъ, въ пользу господскаго, то, что крестьяне продаютъ хлѣбъ по большей части сыромолотный, а господскій хлѣбъ сушится, да еще не въ овинахъ, а въ ригахъ. Это различіе наводитъ насъ на мысль, что оно лежитъ не въ раціональности помѣщичьяго и не-раціональности крестьянскаго хозяйства, а въ томъ, что помѣщикъ достаточно богатъ, чтобъ выстроить ригу и дать себѣ время высушить хлѣбъ, между тѣмъ какъ крестьянинъ спѣшитъ намолотить что сможетъ и продать на

Digitized by Google

базарѣ, чтобъ удовлетворить нуждамъ не терпящимъ отлагательства, на примѣръ когда съ него требуютъ подать, или взятку вмѣсто подати, почти приставя ножъ къ горлу, или лучше сказать розгу къ спинѣ. Это еще не есть различіе въ способахъ обработованія земли. А взгляните на самые эти способы, они одинаковые у тѣхъ и у другихъ. Крестьянинъ пашетъ сохой, и помѣщикъ пашетъ сохой; помѣщики, которые вводятъ у себя плугъ, составляютъ незамѣтное меньшинство въ Великороссіи. Въ Малороссіи всѣ пашутъ плугомъ и помѣщики и крестьяне. Вездѣ у тѣхъ и у другихъ трехпольное хозяйство; помѣщиковъ, которые ввели у себя плодоперемѣнное хозяйство, можно перечесть по пальцамъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что плодоперемѣнное хозяйство у насъ не можетъ приняться по весьма простой причинѣ, потому что корнеплодныхъ растеній не требуется на рынкахъ имперіи и потребность въ нихъ не превосходитъ размѣры огородной промышленности. Эта причина очевидно проще и рѣшительнѣе, чѣмъ всѣ причины, отыскиваемыя въ недостаткѣ образованія. Я не спорю, что недостатокъ образованія тоже фактъ, но въ этомъ случаѣ, не въ немъ дѣло. Наши рынки не требуютъ корнеплодныхъ растеній, и ни крестьяне, ни помѣщики не захотятъ работать надъ произведеніемъ, котораго некуда сбыть. Мало того, наши рынки не требуютъ даже того количества зерноваго хлѣба, которое земля могла бы производить, и до сихъ поръ ни крестьяне, ни помѣщики, не поставлены въ необходимость дѣйствительно заботиться о добываніи хлѣба болѣе, нежели сколько его родится при небрежномъ воздѣлываніи земли. Вотъ основная причина почему земледѣліе въ младенческомъ состояніи.

Россія легко прокормливается тѣмъ хлѣбомъ, который родится. Въ самые голодные года цѣна на хлѣбъ не возвышается до его обыкновенной цѣны въ западной Европѣ. Наши плодоносныя земли приносятъ менѣе чѣмъ неблагодарныя почвы въ Европѣ; но народъ прокормленъ, винокуренные заводы въ ходу и есть еще излишекъ для отправки за границу. Никто и не заботится объ улучшеніи земледѣлія; а когда кто заботится, то это болѣе изъ артистическаго чувства въ промышленности, чѣмъ изъ живой, торговой потребности. Отъ этого и забота эта кидается въ шалость, т. е. вниманіе помѣщика-агронома большей частью разтрачивается на небрежные опыты перенять изобрѣтенія нейдущія къ дѣлу, а самое земледѣліе не улучшается. Пользуясь крѣпостнымъ правомъ, помѣщикъ имѣетъ досугъ пошалить въ агрономіи и, расплываясь въ этомъ досугѣ, теряетъ всякую инииціативу въ торговлѣ. Къ нему купецъ самъ пріѣзжаетъ закупать хлѣбъ для отправки въ другія губерніи и за границу. Ни одному помѣщику въ голову не приходило, что и онъ могъ бы свезти хлѣбъ подалѣе чѣмъ пристань ближней судоходной рѣки, или сосѣдній винокуренный заводъ, и продать по выгоднѣе. Почти ни одинъ помѣщикъ не продаетъ зерноваго хлѣба мукою. Не пройдетъ десятилѣтія, и Россія покроется желѣзными дорогами, и возить хлѣбъ въ гавани будетъ легко; а помѣщики, если бы осталось крѣпостное право (не говоря уже о томъ что барщинная работа плоха) по собственной косности не улучшили бы сельскаго хозяйства и не стали бы продавать хлѣба болѣе чѣмъ теперь. Но, благодаря Александру II, крѣпостное право скоро исчезнетъ и помѣщикъ очнется отъ своей косности, и при пособіи желѣзныхъ дорогъ сдѣлается исправнымъ торговцемъ и станетъ въ самомъ дѣлѣ заботиться о количествѣ и качествѣ своихъ произведеній. Тогда онъ дѣйствительно употребитъ капиталъ и трудъ на улучшеніе сельскаго хозяйства; да и крестьянинъ, вышедъ изъ подъ его убійственной родительской опеки, развернетъ свои силы и станетъ работать не хуже его. Напрасно Тенгоборскій (какъ ни важенъ его трудъ какъ первой опытъ сборника статистическихъ свѣденій о Россіи) полагаетъ, что въ дѣлежѣ земли по тягламъ больше причинъ дурнаго земледѣлія, чѣмъ въ самомъ крѣпостномъ состояніи. Не только въ помѣщичьемъ крѣпостномъ правѣ мы отыщемъ болѣе причинъ къ неулучшенію земледѣлія, чѣмъ въ общинномъ владѣніи землею, но и у казенныхъ крестьянъ мы наткнемся на административное насиліе, какъ на главную причину невозможности сельскимъ общинамъ улучшать свое хозяйство. Тенгоборскій можетъ не захотѣлъ договорить этого, потому что онъ все же былъ человѣкъ оффиціальный и не смѣлъ высказывать открыто своего мнѣнія. Серьезно говоря— дѣлимыя земли по клочкамъ, какъ бы разбросаны ни были клочки, не могутъ заставить крестьянина пренебречь обработкой земли, потому что на слѣдующій сѣвооборотъ такой то клочекъ достанется не ему; во первыхъ онъ можетъ достаться и ему; во вторыхъ ему нѣтъ выгоды дурно работать на зло сосѣду, потому что работая дурно онъ и въ этотъ сѣвооборотъ получитъ меньше, да еще долженъ бояться, что и сосѣдъ на зло ему станетъ дурно работать и въ результатѣ былобы, что всѣ члены общины живутъ на зло другъ другу,—нелѣпость, которая de facto не существуетъ, и конечно выгода общины въ томъ, чтобы всѣ члены ея работали исправно. Но обыкновенно думаютъ, что неувѣренность въ сохраненіи извѣстнаго участка порождаетъ нерадѣніе; даже иные крестьяне такъ думаютъ. Мы очень сомнѣваемся, чтобы причина нерадѣнія заключалась именно въ неувѣренности сохранить извѣстный участокъ, при увѣренности все же имѣть участокъ и со временемъ тотъ же участокъ. Нерадѣніе встрѣчается и у отдѣльныхъ собственниковъ, большей частью тогда, когда отдѣльная собственность такъ мелка, что не въ состояніи прокормить семью, когда мелкаго землевладѣтеля одолѣваютъ долги, и онъ не видитъ исхода въ жизни, и впадаетъ въ отчаяніе. Надо предположить страшную силу характера, чтобы при такихъ данныхъ человѣкъ не упалъ духомъ и продолжалъ бы хорошо трудиться, не смотря на безвыходность положенія. А русскій мужикъ всегда находится въ безвыходномъ положеніи; барщина—розга, оброкъ—розга; сегодня день удобенъ для работы, но погонятъ на барщину; сегодня мужикъ хотѣлъ заняться какимъ нибудь предпріятіемъ, но его гонятъ въ извозъ; у него руки падаютъ, онъ отупѣлъ, онъ не знаетъ что ему дѣлать, вотъ отъ чего онъ нерадивъ. Это для помѣщичьихъ крестьянъ; тоже у государственныхъ: подать—розга; иди работать на дорогу, когда пришло время работать въ полѣ; нейдешь—давай взятку, не даешь взятки—розга. Вотъ отъ чего онъ не радивъ; не въ сохраненіи или несохраненіи такаго то клочка земли онъ не увѣренъ,—онъ не увѣренъ въ спокойствіи своей жизни; все его достояніе не обезпечено отъ насилія помѣщичьей и административной власти; у него руки падаютъ, онъ отупѣлъ,—вотъ отъ чего онъ нерадивъ. И то, что все же большинство нашихъ

Digitized by Google

крестьянъ не иные—свидѣтельствуетъ только о выдержкѣ ихъ характера, которая поддерживаетъ человѣка, не смотря ни на какія насилія. Нашелъ же Гакстгаузенъ успѣшное хозяйство у Менонистовъ, не смотря на общинное владѣніе и дѣлянки земли; почему?... Потому что въ Россіи наименѣе притѣсняютъ Нѣмцевъ. (Конечно никто не подумаетъ, что мы этимъ изъявили желаніе притѣсненія Нѣмцевъ; мы только желаемъ, чтобъ перестали давить Русскихъ).

Но если правда, что иные крестьяне думаютъ, что дѣлянки земель вредны для ихъ хозяйства, если ихъ мнѣніе основательно,—то дайте общинѣ спокойно и свободно развиваться, она дойдетъ до болѣе удобнаго дѣлежа земли своимъ разсудкомъ и силою обстоятельствъ. Повторяемъ: мы и не принимаемъ общину, какъ она теперь существуетъ, за идеалъ общиннаго устройства, но за основаніе, за зародышъ, за зерно этого устройства, зерно, которое способно съ развитію, если ему не будетъ мѣшать внѣшнее насиліе.

Говорятъ, что общинное устройство подавляетъ свободу лица. Но у насъ, при общинномъ устройствѣ, личность не опредѣлила своего права независимости, община не опредѣлила границы своей власти надъ лицомъ, потому что имъ нѣкогда договориться до этого. Личность, подавлена по мимо общины, помѣщикомъ, администраціей, безсудіемъ; она не заявляетъ своихъ правъ передъ общиной, потому что это массивное, общинное устройство насколько нибудь спасаетъ ее отъ высшихъ насилій. Дайте общинѣ свободно развиваться, она договорится до опредѣленія отношеній лица къ общинѣ; она дастъ право лицу (какъ и теперь уже существуетъ, хотя недовольно опредѣленно), свободно избирать мѣсто жительства, не отстраняясь отъ общины, или вовсе удаляться отъ этой общины и причисляться къ другой съ ея согласія, или сдѣлаться совершенно отдѣльнымъ собственникомъ, словомъ община дастъ право независимости лицу; но удержитъ свое право, когда лицо принадлежитъ къ ней, требовать отъ него подчиненія общинности землевладѣнія, участія въ общественныхъ повинностяхъ, подчиненія общинному судебному приговору.

Говорятъ, что общинность землевладѣнія при дѣлежѣ земли, дастъ въ результатѣ такихъ же дробныхъ собственниковъ какъ и на западномъ континентѣ Европы. Это несправедливо. Мелкій, отдѣльный землевладѣтель въ Европѣ передаетъ свою маленькую землю въ наслѣдство дѣтямъ и она мельчаетъ до тѣхъ поръ, пока люди не выброшены въ голодающія сословія совершенныхъ бездомниковъ. Конечно такіе землевладѣтели не имѣютъ возможности улучшить земледѣлія; они не въ состояніи пріобрѣсти новой земельной собственности; они не въ состояніи переселиться на новую землю; они уходятъ въ поденщики. Въ нашемъ общинномъ устройствѣ право наслѣдства на участокъ земли не существуетъ; земли достаточно пока ея достаточно у общины. Положимъ и тутъ есть граница, послѣ которой является малоземеліе, но эта граница приходитъ не такъ быстро и не такъ удручительно какъ въ дробномъ, наслѣдственномъ землевладѣніи. Послѣ этой границы люди не переходятъ въ необходимость бездомной поденщины; они только естественно переходятъ къ потребности выселка, колонизаціи, новой общины, явленіе, составляющее географическую необходимость въ родѣ человѣческомъ.

За чѣмъ обрушивать на общинное устройство вину дурнаго земледѣлія тогда, когда оно происходитъ отъ другихъ причинъ? А именно: отъ достаточности хлѣба и недостаточности сбыта, отъ крѣпостнаго права и давящей администраціи?

У насъ расходъ на улучшеніе земледѣлія не былъ бы покрытъ соразмѣрно усиленнымъ доходомъ. До сихъ поръ положеніе земледѣлія большей частью такое, что чѣмъ больше расхода на обработку полей, тѣмъ меньше съ нихъ дохода. Это явленіе, не исключительно принадлежащее Россіи, всегда естественно совпадаетъ съ несоразмѣрностію земли и населенія.* Мы его встрѣчаемъ когда земли слишкомъ мало, или слишкомъ много сравнительно съ народонаселеніемъ; въ первомъ случаѣ является невозможность улучшенія, во второмъ отсутствіе необходимости въ улучшеніи. У насъ многоземельность при недостаточности сбыта. Улучшенное земледѣліе западной Европы, при легкости сбыта въ странахъ, не только потребляющихъ весь свой хлѣбъ, но нуждающихся въ привозѣ иностраннаго хлѣба,—вовсе не можетъ быть примѣнено къ нашему положенію. Мы естественно можемъ искать себѣ сравненія, аналогіи и предметовъ достойныхъ подражанія и избѣжанія въ Америкѣ. Какъ и Россія—Соединенные Штаты растянуты на огромномъ пространствѣ при соразмѣрно небольшомъ народонаселеніи. Первое, что поражаетъ насъ въ отношеніи къ земледѣлію, это заграничная торговля хлѣбомъ. Россія, не смотря на свои успѣхи въ этой торговлѣ въ послѣднее время, вывозитъ изъ 250 милліоновъ четвертей ежегодно производимаго зерноваго хлѣба—maximum 5,700,000 четвертей за границу, т. е. около 2¼ % годоваго урожая; между тѣмъ какъ Соединенные Штаты вывозятъ изъ 19,047,875 четвертей (110 милліоновъ бушелей) пшеницы — 4,859,623 четвертей (28,063,879 бушелей), и изъ 79,654,720 четвертей (460,000,000 бушелей) кукурузы—3,633,742 четвертей (21,052,971 милл. бушелей), т. е. двухъ сортовъ зерна (кромѣ рису и другихъ хлѣбныхъ растеній) изъ 98,702,625 четвертей—7,493,365 четвертей, т. е. 7½ % годоваго урожая.† Въ Штатахъ для внутренняго продовольствія остается 91,209,260 четвертей на 23,297,498 жителей, т. е. 3,9 четверти на душу; у насъ остается 244,300,000 четвертей на 62,000,000 жителей, т. е. 3,6 четверти на душу. Въ Штатахъ пахатной земли 43,869,574 десятины (118,435,178 acres), т. е. по 1,8 десятины на душу; у насъ пахатной земли 89,647,000 десятинъ, т. е. по 1,4 десятины на душу. Очевидно внутреннее продовольствіе и числю десятинъ пахатной земли на душу и тутъ и тамъ почти одинаково; но результатъ американскаго земледѣлія превышаетъ нашъ почти на 5 %, не говоря уже о томъ, что въ Америкѣ не хлѣбныя растенія занимаютъ большее пространство обработанной земли чѣмъ у насъ, и слѣдственно дѣйствительный урожай хлѣбныхъ растеній долженъ давать гораздо болѣе 5 % больше чѣмъ у насъ. Причины этой разницы могутъ быть климатическія условія и способы обработки. Уступите климатическимъ условіямъ половину; все же результатъ американскаго земледѣлія превышаетъ нашъ слишкомъ на 2½ 0/0. Къ тому же добавимъ

* T. D. B. De Bow. "Encyclopedia of the Trade and Commerce of the United States."

† Tengoborsky, t. IV, p. 252.

Digitized by Google

что въ заграничной торговлѣ Штатовъ пшеница и кукуруза составляютъ только семидесятую долю цѣнности всего вывоза, а нашъ зерновой хлѣбъ составляетъ пятую долю всего вывоза. Промышленное движенiе Штатовъ является намъ гигантскимъ всравненiи съ нашимъ. Въ 1845 году наша заграничная торговля простиралась на 441,943,880 франковъ;* въ томъ же году заграничная торговля Штатовъ была на 531.253,800 франковъ,† слѣдственно почти на 90 миллiоновъ болѣе нашей. Заключенiе просто: народонаселенiе слишкомъ вполовину меньшее производитъ въ промышленномъ отношенiи болѣе чѣмъ народонаселенiе вдвое большее, т. е. производитъ слишкомъ вдвое болѣе. Удѣлимте половину лишка въ пользу климатическихъ условiй, выйдетъ, что оно при равныхъ климатическихъ условiяхъ производитъ въ полтора раза болѣе. Какiя же этому причины? Вотъ онѣ:

1. Штаты по традицiи получили образованность, т. е. примѣняемость науки къ промышленности, и капиталы. Мы являемся въ среду образованныхъ государствъ сто лѣтъ позже и должны создавать и промышленность и капиталы.

2. Администрацiя, воображая что можетъ просвѣщать насъ, въ сущности мѣшаетъ намъ развиваться. Въ Штатахъ администрацiя выходитъ изъ народа и идетъ съ народомъ и слѣдственно не можетъ мѣшать его развитiю. "Янки какъ и русскiе знаютъ тайну пересоздавать степи", говоритъ Вагнеръ†: "Вмѣсто казаковъ они высылаютъ колонны людей, желающихъ занять землю, и передъ ними исчезаютъ кочевые народы и буйволы. Новая почва населяется и организуется на американскiй манеръ, т. е. вмѣсто исправника и русской полицiи является общественное устройство, школа, церковь и совѣстный судъ. Община управляется сама собою и преуспѣваетъ сама по себѣ. Руки движутся, красивыя жилища устроиваются; кукуруза, пшеница и картофель зеленѣютъ и зрѣютъ, не по приказу картофельныхъ инспекторовъ, которыхъ имя до сихъ поръ приводитъ въ ужасъ крымскихъ Татаръ, а потому что каждый колонистъ самъ чувствуетъ стремленiе быть сытымъ и богатымъ."

3. Правительство и народъ въ Штатахъ движимы одинакимъ интересомъ и идутъ по одному прямолинейному пути. У насъ правительство и народъ отгорожены другъ отъ друга бюрократiей, чиновничествомъ, грабящимъ народъ и обманывающимъ правительство.

Промышленность и пути сообщенiя росли разомъ въ Штатахъ, безпрерывно подстрѣкая другъ друга. У насъ пути сообщенiя далеко отстали отъ промышленности. Тутъ надо замѣтить, что промышленность является у насъ какъ результатъ силъ и усилiй народныхъ, между тѣмъ какъ пути сообщенiя являются какъ результатъ намѣренiй и заботъ администрацiи. Очевидно здѣсь просвѣщенная администрацiя отстала отъ дѣятельности народной. Правительство конечно хотѣло за одно съ народомъ устроивать пути сообщенiя; но бюрократiя мѣшала правительству, превращая его желанiя въ грабежъ и до сихъ поръ только обременяла народъ, безплодно притѣсняя его вездѣ во всѣхъ работахъ, касающихся путей сообщенiй, такъ что въ народѣ часто на эти работы смотрѣли съ ненавистью. Николаевская желѣзная дорога, уединенно пролегающая между Москвой и Петербургомъ, не могла сдѣлаться дѣйствительнымъ товарнымъ путемъ, потому что ея учрежденiе ничего не измѣнило въ путяхъ сообщенiя до Москвы. Отъ этого и отъ того, что лихоимство вогнало ея построенiе и содержанiе въ неслыханную цѣну, николаевская желѣзная дорога приноситъ казнѣ постоянный убытокъ.

Въ Штатахъ люди, наслѣдовавшiе отъ западной Европы капиталы и примѣняемость науки къ промышленности, люди нестѣсненые, свободные въ своихъ начинанiяхъ, сдѣлали чудеса въ промышленности. Но и тутъ, обращаясь опять къ земледѣлiю, надо замѣтить великую разницу между сѣверными штатами и южными. Въ то время какъ прилагаемость науки къ земледѣлiю достигла высокаго развитiя въ сѣверныхъ штатахъ при свободномъ трудѣ, совсѣмъ иное происходитъ въ южныхъ штатахъ, работающихъ рабами. Вотъ что мы находимъ въ книгѣ De Bow, профессора политической экономiи въ Луизiанѣ: "Трудно даже и въ настоящее время увѣрить плантаторовъ, что имъ можно кое что дѣлать и по мимо заведенной рутины. Въ цѣломъ штатѣ нѣтъ никакаго уѣзднаго (parish) земледѣльческаго общества. Даже не льзя подстрѣкнуть плантаторовъ, чтобы они завели хотя одно центральное земледѣльческое общество, такъ велика у нихъ всеобладающая апатiя, конечно есть между ними благородныя исключенiя, но отъ чего же нѣтъ общаго земледѣльческаго интереса?" Не правда ли какъ это напоминаетъ русскихъ помѣщиковъ? Между тѣмъ какъ De Bow является защитникомъ рабства негровъ въ южныхъ Штатахъ, онъ невольно поставленъ въ необходимость жаловаться на косность плантаторовъ, на недостаточность желѣзныхъ дорогъ, на неразвитiе промышленности въ сравненiи съ успѣхами сѣверныхъ Штатовъ, и никакъ ему въ голову не приходитъ простаго заключенiя, которое выведетъ всякiй безпристрастный читатель, что причина косности и отсталости южныхъ Штатовъ—рабство. Подобному же явленiю мы найдемъ одинакую причину и у насъ въ крѣпостномъ трудѣ, при которомъ крестьянинъ не имѣетъ никакаго повода къ старательной работѣ, а помѣщикъ коснѣетъ въ праздности и лѣни. Еще мы имѣемъ то превосходство надъ южными штатами, что общинное землевладѣнiе въ нашемъ крѣпостномъ сословiи, при чемъ крестьяне считаютъ себя землевладѣльцами вопреки праву помѣщика на земельную собственность, это общинное землевладѣнiе спасло насъ отъ ужасовъ рабства, которые совершаются въ южныхъ штатахъ и которые даже и у насъ невообразимы. Хотя наши дворовые и подходятъ къ положенiю негровъ, но все же ихъ и дѣйствительная и инстинктивная связь съ крестьянской общиной вошла такимъ элементомъ въ умъ помѣщика и крѣпостнаго человѣка, что есть границы насилiю, которыя переступаютъ только иногда, и это переступленiе все же считается преступленiемъ, и тиранство не составляетъ естественаго, признаннаго, законнаго явленiя въ обществѣ. Даже и у насъ никогда не доходили на примѣръ до того, что хозяева собираютъ женщинъ и дѣвокъ негритянокъ въ одно мѣсто и приглашаютъ равно черныхъ и бѣлыхъ мущинъ для приплоду, чтобы умножить число своихъ рабовъ вновь родящимися. Это и у насъ не бываетъ, хотя мы у себя и встрѣчаемъ много гадкаго, отъ чего приходится краснѣть.

Самостоятельность лица, даже и тамъ гдѣ дѣло не касается до негровъ, не приведенная въ границы разумности никакимъ общиннымъ началомъ, развила въ Америкѣ личность

* De Bow., p. 329.

† Wagner und Scherzer, "Die Republik Costa Rica,"—Leipzig, 1856.

Digitized by Google

въ произволъ. Земли еще слишкомъ много, чтобы дать мѣсто нищенству, какъ въ западной Европѣ; но отдѣльный человѣкъ, имѣющій одну цѣль—захватить себѣ отдѣльную собственность, чѣмъ больше тѣмъ лучше, и не сознавая себя въ чемъ бы то ни было обязаннымъ передъ общиной, дошелъ до уродства. Не нуждаясь въ европейскомъ формализмѣ, гражданинъ соединенныхъ штатовъ, какъ необузданный собственникъ, на свободѣ развернувшійся буржуа, дошелъ до совершеннаго самоуправства, которому даже становятся ненужными совѣстные суды, ибо можно кончать дѣла дуэлью или убійствомъ. Буржуазное стремленіе къ отдѣльной собственности, признавъ и негра за собственность, не останавливается ни передъ какимъ средствомъ распространить власть своего уродливаго своеволія, и дѣйствительно слэвгольдеры достигли большинства въ штатахъ и привели ихъ къ кризису, грозящему имъ разпаденіемъ. Да мимо насъ идетъ чаша сія, это буржуазное развитіе отдѣльной собственности, которое не смотря на высокія основанія гражданственности, не смотря на огромный успѣхъ промышленности, привело человѣческое общество къ нечеловѣческому образу.

Теперь перечтемъ результаты всего нами сказаннаго:

Сосредоточенная земельная собственность, хотя и развила самостоятельность лица, безъ которой нѣтъ ни человѣческаго достоинства, ни разумной общественности, но не привела общества къ счастливымъ результатамъ. Дробная собственность не привела къ счастливымъ результатамъ и даже заставила съежиться самостоятельность лица. Отдѣльная крупная земельная собственность, т. е. таже дробная собственность, не дошедшая до мѣлкости дѣленія (какъ въ Америкѣ) развила ad absurdum личный произволъ и не привела къ счастливымъ результатамъ.

По неволѣ намъ остается на выборъ общинная земельная собственность, которой развитія мы еще нигдѣ не могли наблюдать, но за развитіе, которой мы должны приняться уже и потому, что находимъ ее у себя какъ фактъ.

Отсутствіе самостоятельности лица логически нисколько не истекаетъ изъ общиннаго землевладѣнія; оно происходитъ у насъ отъ помѣщичьяго права и административнаго насилія, т. е. отъ всего того, что мѣшаетъ общинному началу развиваться. Община поглощаетъ лица, пока имъ нѣкогда договориться о своихъ взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ. Вдобавокъ, у насъ, по мимо общиннаго землевладѣнія, остается и частное землевладѣніе (у помѣщиковъ, у всѣхъ кто лично владѣетъ землею). Въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи, эти двѣ точки зрѣнія на земельную собственность, сосуществуя рядомъ, скорѣе могутъ уяснить здравыя понятія народнаго благоустройства, чѣмъ одна точка зрѣнія, развитая ad absurdum, какъ частное землевладѣніе въ Европѣ.

Отсутствіе правосудія не только не истекаетъ изъ общиннаго начала, но помѣщичье право и административное насиліе мѣшаютъ всякому проявленію правосудія, къ которому способно общинное начало.

Дурное состояніе земледѣлія и промышленности происходитъ не отъ общиннаго начала, а отъ помѣщичьяго права и административнаго насилія, при недостаточности путей для сбыта произведеній и присутствіи постановленій стѣснительныхъ для торговли.

Замкнутость научнаго образованія въ такомъ маленькомъ меньшинствѣ, что оно ничтожно и передъ тѣмъ меньшинствомъ, которому наука доступна въ Европѣ, происходитъ не изъ общиннаго начала, а отъ помѣщичьяго права и административной самоувѣренности. У насъ въ сущности ни для помѣщика, ни для чиновника не существуетъ побудительной причины учиться; и тотъ и другой можетъ добиться своихъ корыстныхъ цѣлей не учась. Учатся у насъ только благородныя исключенія, какъ называетъ ихъ de Bow. Сохранивъ крѣпостное право и чиновничество, мы не распространимъ образованія даже въ высшихъ классахъ, и конечно не привьемъ образованія къ нисшимъ классамъ обычнымъ путемъ насилія и обученія мужиковъ грамотѣ, въ которую не вносимъ никакаго содержанія, въ ихъ жизни прилагаемаго, полезнаго, или по крайней мѣрѣ интереснаго.

Потомъ мы не должны забывать, что въ Европѣ и Америкѣ науки и образованость существуютъ по традиціи, а мы дали имъ къ себѣ доступъ недавно, да и то, давши доступъ, въ видѣ противуядія поставили помѣщичье право и административное насиліе.

Также мы не должны выпускать изъ виду, что при свободномъ развитіи, общинное землевладѣніе можетъ достичь большихъ результатовъ земледѣльческой промышленности, потому что въ его внутреннемъ смыслѣ лежатъ двѣ системы обработки: система сосредоточенной собственности, потому что община есть большой землевладѣтель, и система дробной собственности, потому что каждый крестьянинъ есть дробный собственникъ (замѣтьте—не наемщикъ)—и обѣ системы сливаются въ одну свободную общину. Будущность общиннаго землевладѣнія можетъ сдѣлаться плодоносною. Не уничтожать слѣдуетъ намъ начало общинной собственности, а дать ему развиваться. Лучше устроить такъ, чтобы не было ни единаго человѣка въ Россіи, который бы не имѣлъ своего земельнаго участка въ общинѣ, чѣмъ искать для Россіи другихъ формъ землевладѣнія, въ глазахъ нашихъ осуждаемыхъ историко-экономическимъ опытомъ. Если мы видимъ въ Европѣ, что земледѣліе въ несравненно болѣе цвѣтущемъ состояніи чѣмъ у насъ, а нисшіе классы бѣдствуютъ вслѣдствіи разпредѣленія землевладѣнія, то мы не должны забывать, что земледѣліе существуетъ для человѣка, а не человѣкъ для земледѣлія и что намъ нечего прибѣгать къ формамъ землевладѣнія, истощившимъ Европу, только для того чтобъ улучшить наше земледѣліе. Намъ не приходится поставить какъ догматъ: уничтожимте общинное началю, чтобъ улучшить земледѣліе; намъ надо поставить вопросъ: какимъ образомъ при общинномъ началѣ улучшить земледѣліе? Съ этимъ вопросомъ мы дѣйствительно пойдемъ по пути развитія нашей цивилизаціи.

Не станемте же гнать общиннаго начала, но примемте его за фактъ и дадимте ему всѣ способы къ своеобразному гармоническому развитію.

Прежде всего снимемте препятствія къ этому развитію, т. е. помѣщичье право и чиновничество, потомъ станемте пещись о распространеніи образованія не на основаніяхъ насилія.

Въ этомъ и состоятъ наши три животрепещущіе вопросы:

Уничтоженіе помѣщичьяго права началось, благодаря благороднымъ стремленіямъ Александра II.

Уничтоженіе чиновничества и преобразованіе управленія и судопроизводства, и распространеніе въ народѣ образованія безъ насилія, составятъ предметъ нашихъ слѣдующихъ статей.

Н. ОГАРЕВЪ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ЛАКЕИ И НѢМЦЫ НЕ ДОПУСКАЮТЪ.

И ты Саксонія?—Sachsen, wo die shoene Mädchen wachsen!

Указомъ 29 Января запрещены въ Саксоніи Колоколъ, Полярная Звѣзда, и Голоса изъ Россія. Въ Пруссіи давно уже учрежденъ ценсурный кордонъ противъ насъ. Говорятъ что самъ принцъ Липпе-Вальдекъ-Зондергаузенъ и Мейнингенъ хочетъ взять мѣры дѣятельныя и энергическія—если это правда мы пропали!

Все это дѣлается внѣшними и внутренными нѣмцами, сговорившимися съ дворовыми генералами, крѣпостными министрами, и вообще съ людьми, на которыхъ шапка горитъ.

Ни печати, ни сбыта русскихъ книгъ, они не остановятъ этими мѣрами, которыя намъ же служатъ даровыми рекламами, и придаютъ нашимъ изданіямъ международную важность.

Объяснимся разъ навсегда. Дѣло русской пропаганды для насъ не капризъ, не развлеченіе, не кусокъ хлѣба—а дѣло нашей жизни, наша религія, кусокъ нашего сердца, наша служба русскому народу.

Мы работали не унывая, тогда когда не было никакаго успѣха. Неужели теперь, когда русское министерство иностранныхъ дѣлъ и нѣмецкіе министры дѣлъ отечественныхъ признаютъ нашу силу, наше вліяніе—мы остановимся?

Будьте увѣрены что нѣтъ. Съ рукою на сердцѣ присягаемъ мы передъ лицомъ Россіи—продолжать работу нашу до послѣдняго біенія пульса. Она даже не прервется съ нашей смертью. Мы не одни, и умирая завѣщаемъ нашъ станокъ грядущему, юному поколѣнью—которое примется за него съ новыми силами, съ свѣжими идеями.

Насъ остановить можно только уничтоженіемъ цензуры въ Россіи, а вовсе не введеніемъ русской цензуры въ нѣмецкихъ краяхъ.

Не надобно думать чтобы мѣры эти, были взяты только противъ насъ, они столько же и еще больше взяты противъ государя. Чернильное и казарменное масонство, завоевавшее четырнадцать степеней лѣстницы, ведущей къ дворцовой передней старается обвернуть языкъ Колокола—нѣмецкими препятствіями, для того чтобъ его звонъ не доходилъ до зимняго дворца!

Лѣстница разсердилась не за наши теоріи—мы теперь никакихъ непроповѣдуемъ, мы взяли за девизъ:

Освобожденіе крестьянъ—отъ помѣщиковъ,

Освобожденіе слова—отъ ценсуры,

Освобожденіе всѣхъ—отъ побоевъ.

Не ужели это анархія, крамола, грабежъ, бунтъ, пожаръ, Содомъ и Гомора?

Они осерчали за то, что мы начали указывать на лица. Это мѣшаетъ заговорщикамъ обманывать государя, и обкрадывать народъ.

Желая непремѣнно довести до свѣденія государя объ этихъ мѣрахъ загораживающихъ отъ него истину—мы впервый разъ посылаемъ "Колоколъ" въ запечатанномъ пакетѣ на его имя и притомъ въ собственныя руки.

Дойдетъ онъ или нѣтъ?,... Пари держать трудно! Подъ надзоромъ полиціи государь или нѣтъ? Распечатываютъ его письма или нѣтъ?

Увидимъ! И—ръ.

САКСОНСКОМУ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

(Переводъ съ письма)

Господинъ Министръ,

Приказомъ 29 Январа вы запретили въ Саксоніи, мои лондонскія изданія на русскомъ языкѣ. Въ приказѣ вашемъ вы говорите что они содержатъ "клеветы на правительство и на самое лицо государя."

Что вы, будучи саксонскимъ министромъ занимаетесь русской полиціей—это естественное послѣдствіе того жалкаго состоянія въ которомъ находится теперь ваше отечество; но усердно исполняя приказанія которыя вамъ насылаютъ изъ канцеляріи Горчакова—вы ничего не потеряли бы не повторяя ложныхъ обвиненій.

Я имѣю убѣжденія—которыя весьма вѣроятно съ вашими не сходны, я служу моей родинѣ по своему, восполняя сколько могу недостатокъ публичности въ ней, моими изданіями. Вы можете это находить преступнымъ, но вы не имѣете права—невызвавъ съ моей стороны отвѣта—публиковать что я печатаю клѣветы.

Чистота моихъ намѣреній очень хорошо извѣстна въ Петербургѣ—и на немъ то основана моя сила. Я вызываю русско-саксонское правительство указать хоть одну клѣвету напечатанную въ Колоколѣ, Полярной Звѣздѣ или Русскихъ Голосахъ—хоть одну!

Были ошибки—мы ихъ тотчасъ указывали сами.

Сверхъ того, я никогда ничего не говорилъ противъ нынѣшнаго императора, я жалѣлъ о томъ что Александръ II такъ скверно окруженъ; но ни разу не нападалъ на него. Конечно не я стану хулить его, въ то время какъ онъ освобождаетъ крестьянъ. Его имя уже принадлежитъ исторіи—и совершенно инымъ образомъ нежели имена его товарищей по трону.

За тѣмъ—не будучи злопамятнымъ—я искренно желаю чтобъ вы получили Анну на шею и прошу принять впередъ мои поздравленія съ наступающимъ крестомъ.

А. ГЕРЦИНЪ.

10 Февраля 1858.

IV книжка ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДЫ выйдетъ въ Мартѣ мѣсяцѣ.

У Трюбнера и Ко. поступили въ продажу:

14 ДЕКАБРЯ 1825 и ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ

(по поводу книги Барона Корфа).

СТАРЫЙ МІРЪ И РОССІЯ, Письма Искандера къ В. Линтону (1854)—Переводъ съ французскаго съ предисловіемъ автора.

На дняхъ поступитъ въ продажу второе изданіе ПИСЕМЪ ИЗЪ ФРАНЦІИ И ИТАЛІИ Искандера, (1847—1852), съ предисловіемъ автора и его портретомъ, гравированнымъ на стали.

10 Листъ Колокола выйдетъ къ 1 Марту. Въ немъ будутъ напечатаны: Циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и ложный доносъ на насъ, Ordre du jour губернатора П. Новосильцова, Разграбленіе монастыря Черниговскимъ губернаторомъ и проч.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

Digitized by Google

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи—2, Judd Street, Brunswick Square, *W. C.*

ЛИСТЪ 10.

1 Марта 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 39, Rupert Street, Haymarket, London. Price six-pence.

ПРОКЛАМАЦІЯ ГУБЕРНАТОРА П. НОВОСИЛЬЦОВА

и возъ розогъ.

Между многими, столь разнообразными примѣрами возмутительныхъ нелѣпостей въ нашихъ административныхъ распоряженіяхъ, не послѣднее мѣсто занимаютъ тѣ мѣры, которыя мѣстными губернскими властями принимаются для укрощенія такъ называемыхъ унасъ "бунтовъ" помѣщичьихъ крестьянъ. Эти "бунты" всегда, разумѣется бываютъ вызываемы разными мерзостями со стороны помѣщиковъ, и ограничиваются тѣмъ, что бѣдные крестьяне, испробовавъ всѣ законные пути для огражденія себя отъ претерпѣваемыхъ притѣсненій, и ни у предводителей, ни у земской полиціи, ни у губернскихъ властей, не найдя никакой защиты, но бывъ даже еще сами обвинены, рѣшаются наконецъ заговорить всѣмъ міромъ. Но и тутъ не бываетъ ни малѣйшаго съ ихъ стороны насилія, ни малѣйшаго буйства. Вся оппозиція ограничивается тѣмъ, что перестаютъ исполнять крестьянскія работы и неслушаютъ приказаній своихъ вотчинныхъ начальниковъ, назначаемыхъ помѣщикомъ. Объ этомъ, разумѣется, сей часъ дается знать земской полиціи, а та доноситъ губернатору "О происшедшемъ возмущеніи".—Не разбирая дѣла, немедленно посылаютъ въ имѣніе военную экзекуцію; крестьянъ грабятъ, порятъ тѣхъ, кто не успѣлъ убѣжать куда нибудь въ лѣсъ,—подъ розгами заставляютъ наконецъ несчастныхъ мужиковъ сознаваться въ небывалой винѣ и обѣщать полное повиновеніе, и такимъ образомъ усмиривъ "бунтовщиковъ" власти уѣзжаютъ. Обыкновенно при этихъ тамерлановскихъ расправахъ присутствуетъ и самъ губернаторъ. О жалобахъ крестьянъ, о томъ что заставило ихъ не повиноваться, и не думаютъ спрашивать: дѣло только въ томъ, чтобы усмирить "бунтъ." Бунтъ усмиренъ, крестьяне замолчали, кто подъ розгами, кто изъ страха, чтобы не попасть подъ нихъ,—чегоже больше? Остается исполнить формальности, т. е. чрезъ временное отдѣленіе земскаго суда произвести слѣдствіе о зачинщикахъ, облечь все это въ канцелярскую обрядность, и нѣсколько человѣкъ засадивъ въ острогъ, отослать "дѣло" на судебное разсмотрѣніе. Это разсмотрѣніе кончается тѣмъ, что мужиковъ порятъ вторично, уже по суду, и ссылаютъ. Вотъ и вся процедура! За тѣмъ, остальные крестьяне бунтовавшаго имѣнія должны, по прежнему, терпѣть притѣсненіе отъ помѣщика, и даже еще въ большей мѣрѣ, ибо оказались "непокорными",—и терпѣть до тѣхъ поръ, пока снова уже не въ терпежъ становится, тогда—опять "бунтъ" опять таже расправа!

Какъ ни отвратительны эти тиранства, какъ ни возмущаютъ душу эти ничѣмъ необуздываемыя глумленія дикаго безнравственнаго чиновничьяго своеволія надъ несчастнымъ крестьяниномъ,—но такія мѣры все таки хоть сколько нибудь моглибы быть оправдываемы общимъ духомъ всего нашего управленія, еслибы онѣ достигали предполагаемой цѣли, и приводились въ исполненіе хотя съ какою нибудь разумностію. Тогда гнусность принципа, съ одной стороны, опиралась бы —на практическую необходимость, а съ другой—сами исполнители моглибы извинять себя по крайней мѣрѣ успѣхомъ. Но у насъ и этого нѣтъ: наши мудрые администраторы, даруемымъ имъ закономъ правомъ палача—пользуются какъ личной привиллегіей, съ упоеніемъ предаются этому раздолью дикаго самовластья, и нисколько не думая о томъ, чтобы гнусность орудія искупить, по возможности, по крайней мѣрѣ достиженіемъ полезной, хотя и превратно понимаемой, цѣли, —дѣйствуютъ очертя голову, съ омерзительнымъ тупоуміемъ, и бездарностью, и забавляются тиранствомъ какъ какою нибудь игрушкою, для собственнаго лишь удовольствія. Вотъ одинъ изъ примѣровъ такаго тупоумія, бездарности, самаго глупаго и невѣжственнаго цинизма въ дѣлѣ глумленія надъ человѣческими правами.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ этого года, Рязанской губерніи, въ большомъ помѣщичьемъ селѣ Мурминѣ произошелъ такъ называемый "бунтъ." Губернаторъ (П. П. Новосильцевъ, бывшій нѣкогда адьютантомъ Кн. Дм. Вл. Голицына), извѣстилъ объ этомъ и собираясь отправиться, съ военной экзекуціей, въ бунтующее имѣніе, сдѣлалъ распоряженіе, изложенное въ данной имъ по этому случаю земскому исправнику инструкціи, читая которую, право подъ часъ подумаешь, что это въ насмѣшку выдуманая пародія, или сочиненіе человѣка совсѣмъ спятившаго съ ума. Вотъ она:

"12 Іюня, въ среду, военная команда выступаетъ изъ Ря-"зани въ 12 часовъ по полуночи и слѣдуетъ на ночлегъ въ с. "Льгово. Исправникъ слѣдуетъ за командою, и распорядится

Digitized by Google

"рано утромъ 13 числа собрать 200 человѣкъ въ д. Казахъ, "гдѣ они должны ожидать его приказанія."

"13 Іюня, въ четвергъ, военный отрядъ выступаетъ въ 6 часовъ, и на перевозѣ чрезъ Оку дѣлаетъ привалъ на 1 часъ, "и слѣдственно будетъ въ Мурминѣ около 11 часовъ. Исправникъ 13 числа рано утромъ распорядится заготовить 1) возъ "розогъ, и непремѣнно возъ, который и отправить съ командою, а самъ ѣдетъ впереди, прямо въ Мурмино, гдѣ не "объявляя о слѣдованіи отряда, сейчасъ же собираетъ мужиковъ "на сходку, къ квартерѣ начальника губерніи, которую отведетъ въ срединѣ села, лучшую избу, и непремѣнно на селѣ, "приказываетъ ее вычистить, выйти всей семьѣ къ сосѣдямъ, "очистить ее совершенно, и распоряжается чтобы собранные "понятые изъ Казари явились къ нему въ Мурмино;—понятые тоже должны стоять у квартиры начальника Губерніи "особенно, и не разговаривать съ крестьянами с. Мурмина. "Исправникъ черезъ понятыхъ дѣлаетъ молча приготовленіе "къ наказанію, не входитъ ни въ какіе разговоры съ Мурминскими мужиками и въ особенности долженъ ихъ стращать. "Но если они спросятъ кто ѣдетъ къ нимъ, долженъ сказать: "Начальникъ губерніи," и что совѣтуетъ имъ, умилостивить "его съ перваго его появленія совершенною покорностью, "неприносить никакихъ извиненій, а только умолять о прощеніи, и вытерпѣть все, что онъ прикажетъ, какъ "бы это нибыло для нихъ тяжело, и что только въ этомъ "полагаетъ ихъ спасеніе;—во всемъ другомъ онъ долженъ отвѣчать, что говорить имъ ничего не можетъ, ибо ѣдетъ самъ "начальникъ губерніи. Кабакъ онъ долженъ запереть и строго "запретить впускать когобы то ни было во все время пребыванія Г. Начальника губ. въ Мурминѣ; приготовивъ все "это, онъ ожидаетъ военный отрядъ.

"Начальникъ отряда, подходя къ селу, отряжаетъ на право "и на лѣво, при унтеръ-офицерѣ, команды по 20 человѣкъ "каждую, которыхъ разставляютъ на часахъ, позади строеній "въ 30 шагахъ одного отъ другаго, и такимъ образомъ оцѣпляютъ все село; —часовые прохаживаются въ обѣ стороны "другъ къ другу и наблюдаютъ, а начальникъ ихъ обо всемъ "доноситъ начальнику отряда. Исправникъ разставляетъ "съ ними своихъ понятыхъ въ числѣ отъ 50 до 80, которые "съ своей стороны доносятъ обо всемъ, что увидятъ, исправнику, и стараются воспрепятствовать побѣгамъ изъ села, "насколько это будетъ возможно. Отрядъ же слѣдуетъ къ квартирѣ начальника губерніи, ставитъ часовыхъ, 2 у воротъ "и 2 у дверей квартиры и караулъ у воротъ 30 человѣкъ "съ офицеромъ, а отрядъ раздѣляетъ на два взвода, ставитъ "ихъ поперекъ улицы, лицемъ другъ къ другу, такъ, чтобъ "сходка мужиковъ с. Мурмина была въ срединѣ, и образовалась бы между двухъ фронтовъ большая площадь, по "крайней мѣрѣ на 200 сажень. По прибытіи начальника "губерніи караулъ отдаетъ ему честь, а прочіе стоятъ ружья "у ноги, у каждаго боевой патронъ долженъ быть за бортомъ "мундира, и приготовленъ пистонъ. Солдаты не должны шумѣть и разговаривать съ мужиками и позволять подходить "къ фронту и къ квартирѣ начальника губерніи: пусть стоятъ "въ кучкѣ. Начальникъ губерніи выѣзжаетъ изъ Рязани "въ 9 часовъ, и будетъ въ Мурминѣ около 12 часовъ. Еслибы "мужики вздумали приготовить хлѣбъ-соль, исправнику не "мѣшать, но молча улыбаться. Вѣроятно начальникъ "губерніи прикажетъ все опрокинуть и разбросать и тогда "начнетъ распоряжаться."

Вотъ по какого рода программамъ дѣйствуютъ у насъ въ такихъ случаяхъ, которые по самому уже названію своему "бунтъ," признаются случаями важными. Вотъ до какой степени тупы, невѣжественны умы лицъ, въ рукахъ которыхъ находится судьба двухъ и трѣхъ миліоновъ людей. Примѣръ жалкій и вмѣстѣ поучительный, по своему глубокому, возмущающему душу безобразію,—примѣръ тому, до какой нелѣпости, до какого ребяческаго и вмѣстѣ варварскаго тиранства можетъ дойти своеволіе тамъ, гдѣ деспотическія начала неуправляются, не говоря уже религіей,—мы съ ней никогда не были знакомы,—но даже и тѣмъ общечеловѣческимъ здравымъ смысломъ, въ которомъ не отказано природой и самымъ дикимъ племенамъ человѣческаго рода.

Развязка Мурминской исторіи заключается въ слѣдующемъ: распоряженіе о привалѣ команды на одинъ часъ въ 3 верстахъ отъ села, въ которомъ происходилъ "бунтъ," было причиною, что всѣ почти крестьяне успѣли разбѣжаться изъ имѣнія, такъ что къ пріѣзду губернатора изъ 989 душъ осталось только 124 человѣка, которые вѣроятно и поплатились одни за весь прочій міръ, своими спинами и имуществомъ. —Хлѣбъ-соль, какъ предугадивали губернаторскія программы дѣйствительно были поднесены, и губернаторъ, опять согласно съ тою же программой, дѣйствительно оприкинулъ поднесенное и разбросилъ все по полу. Эта бездушная, тупоумная, варварская выходка привела, говорятъ, крестьянъ въ крайнее негодованіе. Но кому что сдѣлается отъ этаго негодованія?..... Бѣднякъ все таки долженъ терпѣть и терпѣть, до тѣхъ поръ, пока наконецъ все, что вѣками накипѣло въ этой горькой, истерзанной, придавленной, никакой отрады незнающей душѣ, разомъ прорвется наружу, какъ наболѣвшій нарывъ, и ужасенъ будетъ тогда расчетъ притѣсненныхъ съ притѣснителями!

Не найдете-ли Вы возможнымъ помѣстить эту статейку въ одномъ изъ изданій Вашихъ?

НЕВСКІЯ ПИСЬМА.

I.

Помните ли вы, какъ Гулливеръ, проснувшись съ восходомъ солнца, почувствовалъ, что не можетъ встать, опутанный крошечными Лиллипутами, которыхъ онъ могъ бы раздавить ногтемъ, но которые ловко связали его во время долгаго сна и заставили лежать неподвижно. Такъ Россія проснулась послѣ холодной, мертвящей николаевской ночи, и пробудясь увидѣла, что опутана по рукамъ и ногамъ безчисленнымъ роемъ служебныхъ пигмеевъ, которыхъ породилъ и взлелѣялъ смердящій воздухъ тридцатилѣтняго деспотизма.

Тяжело сидѣть въ заперти, съ завязанными глазами, и не знать, что дѣлается вокругъ; но еще мучительнѣе видѣть ежеминутно позорныя сцены невѣжества и произвола, сознавать силу и возможность къ подавленію зла и въ то же время лежать и не двигаться, въ сѣтяхъ безчисленнаго множества крошечныхъ тирановъ. Вотъ настоящее положеніе Россіи.

Вашъ Колоколъ звонитъ конечно не затѣмъ, чтобы

Digitized by Google

сзывать православныхъ къ молебну съ акафистомъ въ зимній дворецъ или къ панихидѣ по Незабвенномъ въ Успенскій соборъ, но вы вѣдь не откажете сказать громкое слово о молодомъ царѣ. Извѣстно, что дворня Николая, еще при жизни покойнаго своего барина, ославила будущаго наслѣдника его—человѣкомъ безхарактернымъ, вѣроятно оттого, что не замѣчала въ немъ фельдфебельскаго величія, которое такъ импонировало холопамъ. Вдругъ этотъто человѣкъ является въ главѣ великаго государства, истощеннаго войною, униженнаго врагами, покрытаго сплошной сѣтью грабительствъ, съ замкнутымъ ртомъ, безъ слова, безъ ходатаевъ. Молодаго царя окружаютъ люди, воспитанные въ мракѣ прошлаго царствованія, и тѣснясь плотной толпою около трона, отталкиваютъ народъ и заглушаютъ его голосъ. Что тутъ дѣлать человѣку съ слабымъ характеромъ? Давать пиры, наслаждаться маневрами и разводами и отдыхать отъ этихъ царственныхъ трудовъ, слушая лесть своихъ потѣшныхъ. Но мы должны прежде всего говорить правду! Окруженный жалкой толпою людей, которые къ родовой бездарности русско-нѣмецкихъ баръ прибавили новое тупоуміе, дерзость николаевскихъ выкормленниковъ, — Александръ II не потонулъ еще въ грязномъ омутѣ своего антуража. Правда, онъ слишкомъ любитъ играть въ солдаты, даже въ память 14 Декабря, онъ не достаточно сближается съ преданнымъ ему народомъ и слишкомъ долго терпитъ людей въ родѣ Закревскихъ и Паниныхъ; но что касается до его характера, то кажется придворные Лабрюйеры нѣсколько ошиблись. Какъ бы ни было, онъ не смотря на всѣ противодѣйствія утвердилъ постройку желѣзныхъ дорогъ иностранной кампаніей, не смотря на частныя жалобы и доносы, никого не посадилъ въ крѣпость, никого даже не сослалъ въ Вятку. Говорятъ, еще недавно Долгорукій, по новому доносу лондонскаго шпіона, представилъ царю списокъ лицъ, которые будто бы знакомы болѣе или менѣе съ редакціей Колокола— и Александръ II велѣлъ оставить это безъ всякихъ послѣдствіи. Наконецъ послѣднее дѣло освобожденія крестьянъ! Если этотъ вопросъ, начатый теперь какъ-то робко, уклончиво, но кажется уже не шутя, разрѣшится чѣмъ нибудь добрымъ, то конечно за это надобно будетъ сказать спасибо не министрамъ и сатрапамъ Александра II, а благородному меньшинству молодой Россіи, да самому государю. Онъ рѣшительно презрѣлъ враждебный голосъ дворянской черни, и вотъ мы прочли наконецъ манифестъ четыремъ губерніямъ.

Еслибы вы могли заглянуть въ большіе и маленькіе углы Петербурга, гдѣ не только уже играютъ въ карты, но и говорятъ—вы услышали бы разговоры и толки, чрезвычайно характеристическіе. Либералы съ Владиміромъ на шеѣ и римскими цыфрами на груди, недовольны частной жизнью молодого царя, не находя въ немъ какого-то величія, которымъ будто бы одаренъ былъ его родитель. Я помню, какъ одинъ статскій совѣтникъ сильно негодовалъ на то, что царь любитъ ѣздить на охоту. „Ну, хорошо ли, говорилъ этотъ почтенный николаевецъ, прилично ли коронованной особѣ давить медвѣдей! Покойный императоръ этого не дѣлалъ."—„Да, возразили ему, тотъ чтобъ задавить когонибудь далеко въ лѣсъ не ѣздилъ!" Говорятъ, есть люди, у которыхъ кожа безъ частаго сѣченья чешется и требуетъ доброй припарки. Вотъ эти-то больные и кричатъ теперь, не довольные, что ихъ перестали сѣчь! Военные, особенно давно марширующіе и танцующіе, жалуются на то, что эполеты и каски замѣнены теперь погонами и фуражками. Какая въ самомъ дѣлѣ горькая потеря! Вѣдь съ этой реформой они утратили много марсовскаго, очаровывающаго купеческихъ дочекъ и институтокъ, импонирующаго департаментскимъ фрачникамъ. Видите ли, какъ кожа свербитъ! Помѣщики, пока дѣло шло о взяткахъ и формѣ, играли роль сыновъ отечества, а какъ только дѣло коснулось освобожденія крестьянъ, запѣли совсѣмъ на другой мотивъ. Любезновѣрное россійское дворянство зазвонило громче вашего Колокола. Послушали бы вы, что говорятъ теперь эти люди, которые обыкновенно кричали кстати и не-кстати о своемъ патріотизмѣ и готовности всѣмъ жертвовать для царя и отечества. Пока эти пожертвованія ограничивались крестьянскимъ потомъ и кровью, все это были патріоты, готовые отдать жизнь за царя, положить голову за отечество; но какъ скоро пришлось показать патріотизмъ на дѣлѣ, отказатся отъ чужихъ тѣлъ и душъ, тутъ все вознегодовало на новые порядки. Грабители, которые не признавали за крестьяниномъ даже собственности его рукъ, разбойники, которые не всегда позволяли крѣпостному человѣку пользоваться правомъ на его жену, заговорили теперь о священномъ значеніи права, о неприкосновенности частной собственности, на что, изволите видѣть, посягаетъ Александръ II. Разумѣется, всѣхъ этихъ жалобъ и криковъ слѣдовало ожидать: на Петра еще не такъ кричали!

Теперь спрашивается—можно ли надѣяться, что Александръ II будетъ сбрасывать съ себя постепенно вериги прошлаго, вымететъ Россію отъ николаевскаго сора, или его добрыя намѣренія заглохнутъ въ окружающей его средѣ, и опутанный Лиллипутами, онъ вмѣстѣ съ Русью осужденъ будетъ на бездѣйствіе? Мы видили отъ него уже нѣсколько добрыхъ началъ, но въ то же время видимъ такую нерѣшительность, такую скудную вѣру въ народъ и гласность, что не можемъ сказать, чѣмъ разрѣшится этотъ вопросъ. Государю слѣдовало бы убѣдиться въ одномъ несомнѣнномъ фактѣ: все, что только есть теперь въ Россіи порядочнаго, благороднаго, патріотическаго—все на сторонѣ его реформъ и готово помогать ему. Противъ него обратились только консервативные подонки николаевской школы, тотъ эгоизмъ, взяточничество, самовластіе, солдатская грубость, которыхъ нарѣканіе должно служить ему ободреніемъ. Если онъ искренно любитъ Россію и чувствуетъ необходимость реформъ, въ чемъ мы и не сомнѣваемся, онъ долженъ твердо приготовиться къ борьбѣ съ тупою и невѣжественной оппозиціей. Такая борьба высока, прекрасна, благородна! За нее скажутъ объ немъ доброе слово въ исторіи не бароны Корфы.

II.

Послѣ смутныхъ слуховъ и толковъ объ освобожденіи крестьянъ, послѣ этой грустно-комической игры въ жмурки, явились наконецъ рескрипты 20 Ноября и 5 Декабря 1857 года. Великій вопросъ русскій вступилъ наконецъ въ новый фазисъ; Россія слышала слово, котораго такъ давно и мучительно ждала. Но что же сказало это давно ожиданное слово?

По прочтеніи рескриптовъ ковенскому и петербургскому генералъ-губернаторамъ пришлось призадуматься. Манифесты эти показали съ одной стороны—добрую волю

Digitized by Google

Александра II, съ другой—неблагонамѣренность людей, которымъ поручена была ихъ редакція. Мы не помнимъ указовъ, которые были бы такъ многозначительны, касались вопроса болѣе великаго, служили сигналомъ новой жизни въ Россіи. И что же? Вмѣсто обращенія ко всей имперіи, манифесты даются только двумъ ея угол камъ.* И призывъ обращенъ не къ патріотической Москвѣ, не къ кореннымъ русскимъ губерніямъ, а къ дворянству западному, встрѣтившему съ негодованіемъ даже инвентары Бибикова, да къ дворянамъ петербургскимъ, которыми наполнены министерства и государственный совѣтъ. Вѣроятно, сановные противники освобожденія, принужденные наконецъ уступить, придумали эту мѣру, чтобъ парализировать заранѣе вопросъ. Можетъ быть царю представили, что за такое дѣло нельзя принятся вдругъ, а надобно начать съ одного угла—и тутъ могли быть двѣ надежды: если не удастся вовсе ускользнуть отъ дѣла, то по-крайней-мѣрѣ въ Петербургѣ и западныхъ губерніяхъ дворяне будутъ дѣйствовать въ видахъ и на виду аристократовъ, а слѣдовательно опредѣлятъ норму освобожденія и для остальной Россіи; или, что еще лучше, во время толковъ въ четырехъ губерніяхъ, гдѣ-нибудь возникнетъ волненіе, и его можно будетъ представить государю какъ бунтъ, какъ начало революціи, и тѣмъ удастся остановить все дѣло. Что эта мысль была въ головѣ не одного совѣтника, это не подлежитъ сомнѣнію. Теперь уже начинаютъ ходить слухи, что въ одномъ мѣстѣ не спокойно, въ другомъ мѣстѣ тревога—и разумѣется эти слухи распускаютъ помѣщики. Вѣроятно, они и сами попробуютъ вынудить гдѣ-нибудь смятеніе, чтобы напугать государя. А тутъ выступятъ на сцену флигель-адьютанты, солдаты, плети—и можетъ быть все останется по старому. Такая надежда живетъ не въ одномъ сердцѣ.†

Обратимся къ редакціи рескриптовъ. Кто знаетъ русскій народъ, тому понятно, что въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ освобожденіе крестьянъ, прежде всего должна быть благородная откровеность, твердая и ясная рѣчь. Вмѣсто того мы находимъ въ манифестѣ робость и двусмысленность. Введеніе начинается несправедливой и личной фразою, которая весь подвигъ освобожденія приписываетъ дворянству. Что въ средѣ этого сословія есть просвѣщенные и безкорыстные патріоты, въ этомъ никто не сомнѣвается. Теперь Давыдовъ, Пашковъ, и нѣсколько другихъ помѣщиковъ, выразили желаніе освободить крестьянъ какъ-можно льготнѣе, и надѣлить ихъ землею въ количествѣ пяти десятинъ на душу. Но извѣстно и то, какую оппозицію встрѣтило ихъ предложеніе въ массѣ дворянъ. Къ чему же такая высочайшая лесть.

Во всемъ рескриптѣ нѣтъ ни слова о несправедливости владѣнія людьми, о необходимости искорененія этого зла, не произнесено даже ни разу слово—освобожденіе. Когда же русскій царь перестанетъ слушать внушенія людей, увѣряющихъ его, что народъ нашъ состоитъ только изъ бунтовщиковъ. Или это несчастное, не понятое ими 14 Декабря вѣчно будетъ нашимъ пугаломъ. Такова ли должна быть рѣчь государя, который говоритъ русскому народу объ освобожденіи! И не лучше ли напечатать имена тѣхъ, которые дѣйствительно желаютъ добра крестьянамъ, чѣмъ благодарить всѣхъ поголовно. Мы встрѣчали помѣщиковъ, которые говорятъ открыто: пускай освобождаютъ мужиковъ—мы имъ покажемъ въ эти двѣнадцать лѣтъ, что такое воля!

Какъ введеніе рескрипта проникнуто робостью и недостаткомъ правдивости, такъ самыя статьи его отличаются темнотою и даютъ обширное поле жадной несправедливости. Въ первой статьѣ говорится: "помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю," и тутъ же прибавлено "крестьянамъ предоставляется въ пользованіе надлежащее количество земли, за которое они платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщикамъ." Какъ же правительство думаетъ освободить крестьянъ? Что освобожденіе должно быть съ землею, объ этомъ никто изъ благомыслящихъ людей уже не споритъ. А между-тѣмъ, благодаря этой сфинксовой загадкѣ рескрипта, петербургскіе плантаторы начинаютъ толковать, что государь хочетъ освободить крестьянъ совсѣмъ безъ земли. Передъ выборами въ комитеты для составленія проэкта положенія объ измѣненіи быта крестьянъ, нѣкоторые предводители писали циркулярныя письма къ дворянамъ или отбирали отъ нихъ подписки, что они будутъ давать голоса именно въ этомъ смыслѣ. Вотъ первые плоды темнаго языка!

Вторая статья говоритъ, что "крестьяне должны быть раздѣлены на сельскіе общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція." Другими словами, эта статья отдаетъ на двѣнадцать лѣтъ спины крестьянъ подъ розги помѣщиковъ. Правительство знаетъ, сколько совершается у насъ жестокостей, сколько засѣкаютъ крестьянъ и въ обыкновенное время—что же будетъ теперь, когда самая дикая, необразованная часть помѣщичьяго сословія раздражена, а со стороны крестьянъ неизбѣжно должно проявиться нѣкоторое чувство будущей независимости и человѣческаго достоинства? Не постараются ли наши плантаторы въ эти переходные годы содрать съ крестьянъ послѣднюю кожу и послѣдній грошъ! Не употребятъ ли они всѣ средства, чтобъ довести мужиковъ до совершеннаго раззоренія и потомъ сказать—посмотрите къ чему привела васъ свобода!

Въ заключеніе рекомендуется генералъ - губернаторамъ наблюдать, "чтобъ крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали злонамѣреннымъ внушеніямъ." Но если бы рескрипты были ясны и точны, какихъ тогда бояться внушеній? Не разумѣются ли ужъ подъ этимъ мнѣнія людей, убѣжденныхъ въ необходимости освобожденія крестьянъ съ землею. Да русскіе мужики и сами, безъ всякихъ внушеній, не понимаютъ инаго освобожденія; мы принадлежимъ господину, а земля принадлежитъ намъ, говоритъ обыкновенно крестьянинъ. Воли безъ мірской земли не захочетъ ни одна земледѣльческая деревня.

Мы высказали первое чуство, возбужденное въ насъ чтеніемъ рескриптовъ Александра II. Съ перваго взгляда доказываютъ они благую волю государя и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаютъ робкую нерѣшительность правительства и привычку дѣлать все въ темнотѣ, въ тихомолку. Мы не думаемъ, чтобъ царь, освобождая крестьянъ, имѣлъ въ виду только суетное желаніе заслужить похвалы и привѣтствія въ Европѣ и видѣть во французскихъ журналахъ лестную фразу—la servitude en Russie est abolie! А если онъ думаетъ дѣй-

* Коренныя то не очень торопятся и теперь. Съ чего же было къ нимъ обращаться?—Ред.

† Но она не сбылась!—Ред.

ствительно о благѣ простаго народа, о прочномъ и счастливомъ устройствѣ деревенскаго быта, безъ потрясеній въ будущемъ, ему стоитъ только спросить открыто народное мнѣніе, то есть дозволить гласно обсуживать вопросъ въ журналахъ и брошюрахъ. Но можно ли ожидать этого отъ вѣтхозавѣтнаго министерства Авраама Норова?

(За недостаткомъ мѣста, мы оставляемъ третье Письмо до слѣдующихъ Листовъ Колокола.—Ред.)

КОЕ ЧТО ОБЪ ОТКУПАХЪ.*

Винный откупъ, всегда бывшій зломъ, пріобрѣлъ со времени введенія "акцизнаго коммисіонерства" такую открытую наглость, о которой еще никому и не снилось. Впрочемъ эта система имѣетъ и одно достоинство; она поставила правительство въ такое положеніе, что ему уже не возможно отговариваться даже невѣжественнымъ незнаніемъ откупнаго дѣла. Не надо знать этого дѣла, чтобы понять на какія безчестные подвиги вызываетъ правительство откупщиковъ, когда предлагаетъ имъ такое условіе:—

"Кто купитъ у казны извѣстное количество вина по опредѣленной цѣнѣ, продастъ его народу безъ повышенія цѣны и за это заплатитъ казнѣ вдесятеро?"

Заключая подобныя сдѣлки съ откупщиками, правительство конечно — не только не можетъ преслѣдовать откупныхъ злоупотребленій, но даже вынуждено покровительствовать имъ; иначе оно желало бы чуда, требовало бы отъ откупщиковъ невозможнаго! Слѣдовательно, допуская и даже вызывая откупщиковъ на разрѣшеніе такой трудной задачи, правительство грабитъ народъ сознательно и награбленное дѣлитъ съ откупщиками и прочими участниками преступленія. Но можетъ быть оно вынуждено къ этому необходимостью, невозможностью придумать что либо лучшее? Посмотримъ, и вглядѣвшись ближе въ дѣло, увидимъ что оно придумано такъ несовершенно, что казна получаетъ такъ мало выгоды соразмѣрно съ потерями народа, что вѣроятно всякій скажетъ съ отвращеніемъ—стоило ли изъ за этого марать свою честь и совѣсть.

Предваряемъ, что представляемыя свѣденія почерпнуты изъ показаній вполнѣ отвѣтственнаго судьи въ этомъ дѣлѣ и потому достовѣрны—вотъ расчетъ откупной операціи въ одной великой Россіи за 1851-55 года:—

a) Сумма извлекаемая изъ народа.

1) Считая годовую пропорцію вина безъ малаго въ 16,000,000 ведеръ, а сложную продажную цѣну откупщиковъ по всѣмъ 30 губерніямъ въ 5 р. с., получимъ выручки,	80,000,000 р. с.
2) Съ 15 0/0 воды, которые не входятъ въ общій расчетъ, а считаются у откупщиковъ подъ статьею особенныхъ доходовъ отъ градусовъ, получится	12,000,000
3) Дѣйствительнаго акцизнаго сбора съ трактировъ, погребовъ, пива, меда, и пр.	3,000,000
4) Служащіе по откупу обманами украдутъ у народа,	11,000,000
И того извлекается изъ народа	106,000,000 р. с.

b) Не доходитъ ни до казны, ни до откупщиковъ.

1) Выше замѣчено, что служащіе по откупу украдываютъ у народа	11,000,000 р. с.
2) Темные расходы откупщиковъ на чиновниковъ по 30 губерніямъ	5,000,000
3) Вина отпускается чиновникамъ даромъ на	2,000,000
4) 360 управляющихъ, пользуясь дозволеніемъ откупщиковъ выступать изъ предѣловъ кондицій, украдутъ въ сложности	1,000,000
5) 360 ревизоровъ украдутъ столько же	1,000,000
6) 25,000 разныхъ повѣренныхъ, каждый украдетъ не менѣе 300 р. с.	7,000,000
7) 20,000 сидѣльцевъ, каждый обмѣритъ на 200 р. с.	2,000,000
И того, не доходитъ ни до казны, ни до откупщиковъ .	29,000,000 р. с.

c) Остается въ казнѣ.

1) Акцизныхъ	6,184,722 р. с.
2) Собственно за вино	46,021,240
	52,205,962 р. с.
3) Но въ дѣйствительности, за исключеніемъ заготовительной стоимости вина, вся наддача на торгахъ 1851-55 г. была ничто иное, какъ обманъ, и казна получила чистаго дохода только около	35,000,000

d) Остается въ рукахъ откупщиковъ.

Изъ 106,000,000 р. с., которые какъ исчислено выше извлекаются изъ народа, расходуется:

1) На служащихъ чисто откупу и служащихъ коронѣ, и откупу вмѣстѣ [см. выше]	29,000,000 р. с.
2) Въ казну поступаетъ [см. выше]	52,000,000
3) Откупщики дозволяя своимъ повѣреннымъ мошенничать должны имѣть много лишнихъ людей для надзора, дабы изъ доходовъ, незаконно извлеченныхъ повѣренными получить хоть двѣ-трети; но дѣйствительный контроль, при общемъ мошенничествѣ, не возможенъ даже самимъ откупщикамъ. И такъ законные расходы откупщиковъ на содержаніе надзора по 30 губерніямъ простираются до	9,000,000
И того	90,000,000 р. с.
Слѣдовательно, изъ 106 милліоновъ въ рукахъ откупщиковъ остается не болѣе	16,000,000 р. с.

И такъ,—откупщики получаютъ.........	16,000,000 р. с.
казна получаетъ....................	35,000,000 р. с.
а народъ платитъ.................	106,000,000 р. с.

Кажется, послѣ этого смѣшно и извинять винный откупъ тѣмъ, что лучшаго ничего нельзя придумать, для доставленія вѣрнаго дохода казнѣ; она рѣшилась вмѣшаться въ грабежъ за одну треть добычи!

Теперь посмотримъ на другую систему, введенную министромъ Врончено въ прежнія "привилегированныя" губерніи (кромѣ остзейскихъ). Тамъ до Вронченко существовала вольная продажа вина, неприкосновенность которой закрѣплена была государственными актами; но—"въ видахъ уменьшенія пьянства, столь губительнаго для народнаго здравія и народныхъ нравовъ,"—Вронченко предложилъ допустить торги и въ этихъ губерніяхъ, но на другихъ основаніяхъ. Именно онъ предложилъ такую задачу:

"Изъ такаго то винокуреннаго завода распродается столько то ведеръ вина въ годъ, съ платою такой то акцизной суммы; кто согласится собрать именно эту сумму, не болѣе, доставитъ ее въ казначейство и заплатитъ за это втрое, вчетверо или даже вдесятеро?"

Задача трудная, на взглядъ даже невозможная, но предлагая ее, правительство конечно не надѣялось имѣть дѣло съ честными людьми;—и охотники явились большею частью евреи; но къ нимъ пристали, конечно не подъ своимъ именемъ, и наши аристократы. Что же побудило явившихся на торги платить правительству за обязанность сбора и доставки акциза? ясно что возможность грабить и тѣснить заводчиковъ; ибо иначе принявъ на себя эту обязанность, они потеряли бы одни расходы, не они должны

* Редакція Колокола, благодаря неизвѣстнаго корреспондента за сообщеніе свѣденій объ откупахъ, извиняется, что по причинамъ, которыя г. корреспондентъ вѣроятно оцѣнитъ, она должна была устранить личности, которыя нисколько не мѣняютъ сущности дѣла.

Digitized by Google

были бы платить правительству, а правительство должно было бы платить имъ.

И такъ, при малѣйшемъ желанiи понять откупное дѣло, нельзя не увидать всей его гадости, всей его подлости. Но взглянемъ еще на него съ другой стороны.

Вызывая откупщиковъ на злоупотребленiя, правительство (не говоря уже о дурномъ примѣрѣ) открываетъ широкое поле взяточничеству: 1) Оно ставитъ откупщиковъ въ необходимость подкупать; 2) оно даетъ имъ возможность прiобрѣтать влiянiе даже на постороннiя дѣла посредствомъ подкуповъ, потому что всѣ чиновники у нихъ па жалованьи; 3) оно дозволяетъ чиновникамъ, даже требуетъ отъ нихъ беззаконныхъ дѣлъ въ пользу откупа, 4) и открываетъ имъ тысячу средствъ для беззаконныхъ дѣлъ въ ихъ собственную пользу. Изъ этого выходитъ вотъ какая странность—правительство даетъ своимъ чиновникамъ жалованье за то, чтобъ они служили честно, и вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ откупщиковъ и даетъ имъ средства подкупать тѣхъ же самыхъ чиновниковъ на дѣла безчестныя! Что же дѣлаютъ чиновники? Они разумѣется служатъ тѣмъ, отъ кого получаютъ болѣе, т. е. откупщикамъ, а жалованье отъ правительства припрятываютъ кстати въ свои карманы; поступокъ въ этомъ случаѣ совершенно согласенъ съ видами правительства, — потому что безъ жалованья отъ правительства, они не были бы его чиновниками, не могли бы содѣйствовать откупщикамъ, выполнять принятыя ими обязательства. И такъ, жалованье отъ правительства есть только личина, накладываемая на служителей откупа, чтобы заставить народъ думать, что правительство заботится о его благосостоянiи; другими словами, правительство не имѣетъ чиновниковъ, — всѣ они служатъ откупу, одни содѣйствiемъ, другiе поблажкой или молчанiемъ. Вотъ къ чему мы пришли съ этой откупной системой! Можно ли послѣ этого вѣрить, что правительство хочетъ искорененiя взяточничества? Я не вѣрю этому до тѣхъ поръ, пока оно не уничтожитъ откуповъ, ибо иначе оно само бы себѣ противорѣчило.

При откупной системѣ правительство само себя грабитъ, и потому не имѣетъ ни права, ни возможности преслѣдовать грабителей!

Ну вотъ является новый проэктъ примѣръ вреднаго управленiя финансами Брока. Еще въ 1854 г., при покойномъ государѣ, Брокъ предложилъ новую систему откуповъ подъ ложнымъ заглавiемъ "Вольной продажи вина." Система эта заключается въ слѣдующемъ — что вино будетъ продаваться всюду, во всѣхъ лавкахъ, домахъ и магазинахъ, которые согласятся платить въ казну опредѣленную сумму; сборъ этой суммы будетъ отдаваться на откупъ; титулы откупщика и коммиссiонера будутъ замѣнены титуломъ распорядителя. Вотъ и все. Цѣль этого проэкта, между прочимъ,—отвратить вредное скопленiе въ кабакахъ праздной толпы и улучшить качество продаваемаго вина посредствомъ возбужденiя частнаго соперничества продавцевъ; будто праздная толпа собирается въ кабакахъ только потому что они называются кабаками, а не потому что въ нихъ продается вино; будто каждый магазинъ не можетъ обратиться въ кабакъ; будто частная конкуренцiя можетъ существовать, когда всѣ конкуренты находятся во власти одного лица: откупщика—распорядителя!!! Пресытясь, благодѣтельной цѣлiю этого проэкта, покойный государь Николай Павловичь не замѣтилъ, что черезъ осуществленiе его вмѣсто одного кабака заведется ихъ по сотнѣ на 100 шагахъ; что вмѣсто однихъ кабаковъ, трактировъ и харчевень, подвѣдомственныхъ теперь откупщикамъ, имъ сдѣлаются подвѣдомственны чуть ли не всѣ торговыя заведенiя. Онъ не замѣтилъ этого и обнялъ, говорятъ, Брока, сказавъ ему съ гордостью: "Ты одинъ понялъ меня!" Нѣтъ, не хотѣлось-бы вѣрить, что Брокъ понялъ покойнаго государя, затѣя эту систему; гораздо прiятнѣе думать, что государь не понялъ ни Брока, ни его системы. Неужели и нынѣшнiй государь, который, разумѣется, уже никакъ не можетъ сочувствовать вампирическимъ качествамъ откупщиковъ и Брока, поддастся подъ тотъ же обманъ? Носится слухъ—что систему Брока введутъ съ весны нынѣшняго года! Время дорого; поспѣшите напечатать хоть эту статью, если не имѣете болѣе основательныхъ по этому предмету;—можетъ быть, она возбудитъ въ комъ нибудь благородное негодованiе на отравителей Россiи и побудитъ ихъ къ твердому и смѣлому сопротивленiю отравителямъ.

Изъ всѣхъ, имѣвшихъ возможность противиться введенiю злодѣйскаго проэкта Брока, до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, противились только трое: Сенаторъ М. Н. Жемчужниковъ, подавшiй свою записку еще въ 1854 и отказавшiйся участвовать въ составленiи кондицiй для введенiя этой системы; казачiй атаманъ Хомутовъ, возставшiй противъ введенiя этой системы въ землѣ войска донскаго; и, какъ я слышалъ, членъ государственнаго совѣта графъ Гурьевъ. Честь имъ, слава и русское спасибо!

Обыкновенно на всѣ порицанiя винно-откупной системы возражаютъ: "мы согласны, что это зло; но порочить легко, а попробуйте-ка указать, откуда правительству взять столько денегъ, особенно при теперешнихъ крайнихъ его обстоятельствахъ." Конечно, еслибы отъ меня зависѣло избранiе мѣръ для поправленiя финансовъ Россiи, я ни въ какой крайности не присовѣтовалъ бы ей такихъ безчестныхъ мѣръ, какъ винный откупъ; лучше бы ей уже просто ограбить всѣхъ своихъ подданныхъ безъ развращенiя ихъ нравовъ и безъ порчи ихъ здоровья! Но предшествующiе выводы ясно, кажется, показываютъ, что или всѣ мы глупы, или мы можемъ придумать что либо лучшее теперешней системы откуповъ. Не придумаю я, не придумаете вы, — придумаетъ третiй. Рѣшитесь допустить гласный диспутъ объ этомъ предметѣ, предложите его на обсужденiе въ видѣ задачи, назначте премiю, сдѣлайте конкурсъ, — и будьте увѣрены, вопросъ будетъ рѣшенъ гораздо удовлетворительнѣе теперешняго. И отчего бы не предложить такой честной задачи, если предлагали такiя безчестныя, какъ приведенныя выше?

Что до меня касается, я не желалъ бы и боюсь одного, — чтобъ при теперешнемъ развитiи предпрiятiй компанiями, не вызвалась избавить правительство отъ откупа какая нибудь компанiя, которая станетъ посредникомъ между правительствомъ и винокурами. Кажется нѣтъ сомнѣнiя, что посредничество должно быть допускаемо только по необходимости, что оно тѣмъ сноснѣе, чѣмъ менѣе имѣетъ самостоятельнаго значенiя, т. е. чѣмъ менѣе отдѣляетъ тѣхъ, между которыми посредничествуетъ; представьте же себѣ, какое значенiе получила бы компанiя, еслибы она затѣялась, которая стала бы поперегъ правительства и всѣхъ винокуровъ въ Россiи;—это былъ бы громадный откупъ, такiе же акцизные откупщики, какiе существуютъ въ привиллегированныхъ

Digitized by Google

губерніяхъ, но гораздо сильнѣе ихъ. Не проще ли прямо перейти къ свободной продажѣ вина, обложивъ винокуренные заводы акцизомъ съ того количества вина, какое каждый изъ нихъ способенъ выкуривать, и обезпечивъ казенный доходъ разными мѣрами, напримѣръ— во-первыхъ правиломъ, чтобы акцизъ вносился по истеченіи каждой трети года, и чтобы заводъ, съ котораго акцизъ не внесенъ въ извѣстный срокъ, отдавался въ наемъ или въ опеку и т. п.; во-вторыхъ, точнымъ опредѣленіемъ случаевъ (на пр. общій неурожай, пожаръ и т. п.), которые давали бы заводчику право не платить акциза или платить менѣе положеннаго; въ-третьихъ правиломъ, чтобы передѣлка завода производилась не иначе, какъ съ разрѣшенія назначенныхъ для того лицъ; и въ-четвертыхъ, чтобы сборщики акциза и надзиратели надъ заводчиками были избираемы, разумѣется съ жалованьемъ, самими заводчиками и изъ ихъ среды.

Если въ этомъ эскизѣ новой системы винной продажи сдѣланы какія либо недомолвки или ошибки, то прошу не порочить за нихъ, а постараться ихъ исправить, потому что одно пороченье не подвинетъ дѣла и въ нѣкоторыхъ случаяхъ докажетъ только пристрастіе. Я же разумѣется, не имѣлъ въ виду печатать здѣсь цѣлую систему, а только хотѣлъ и считалъ долгомъ указать на кое-какіе вопросы виннаго дѣла.

ЛОЖНЫЙ ДОНОСЪ НА НАСЪ И БЕЗГРАМОТНЫЙ ЦИРКУЛЯРЪ О НАШИХЪ КНИГАХЪ.

Третье отдѣленье сообщило Ланскому что государь, по доведенію до его свѣдѣнія что въ Лондонѣ изготовляется для пересылки сюда воззваніе къ крестьянамъ для возбужденія ихъ къ восстанію приказалъ "принять всѣ мѣры, чтобы воззванія эти не проникли въ Россію."

Такъ какъ доносъ былъ ложный и мы вовсе не думали о воззваніяхъ къ дикому насилью, зная намѣреніе Александра II, то разумѣется не существовавшія воззванія и не проникнули.

Но министерство внутреннихъ дѣлъ, сочло нужнымъ издать слѣдующій циркуляръ. Приславшій его намъ говоритъ, что его сочинилъ А. И. Левшинъ; мы не думаемъ,—его сочинилъ кто нибудь изъ сторожей министерства и то въ понедѣльникъ утромъ. Вотъ онъ:

Секретно.

М. В. Д.
Департаментъ Полиціи Исполнительной.
Отдѣленіе II,
Столъ 2,
28 Октября 1857.
No. 141.

Господину Начальнику Губерніи.

Циркуляромъ 26 Декабря 1855 г., за N. 267, было мною предложено всѣмъ Начальникамъ Губерній строго наблюдать за водвореніемъ (?!?) издаваемыхъ за границею на русскомъ языкѣ разныхъ сочиненій, и своевременно останавливать этотъ незаконный промыселъ.

Между тѣмъ сочиненія эти продолжаютъ печататься за границей (!!!). Министерству Внутреннихъ Дѣлъ извѣстно, что нѣкоторыя изъ нихъ появляются въ Россіи, и находятся въ обращеніи между частными лицами.

Въ отвращеніе сего, вновь предлагаю Вашему Превосходительству, усилить мѣры осторожности и самымъ тщательнымъ образомъ слѣдить за появленіемъ всѣхъ вообще издаваемыхъ за границею на русскомъ языкѣ предметовъ книгопечатанія (это уже за то не на русскомъ языкѣ) изготовляемыхъ тамъ нынѣ возмутительныхъ сочиненій,— имѣющихъ цѣлью поколебать основанія гражданскаго устройства нашего, и въ случаѣ открытія сей контрабанды немѣдленно оную конфисковать, и доставлять въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, адресуя прямо ко мнѣ въ собственныя руки.

[Подписалъ] С. Ланской,
Министръ Внутреннихъ Дѣлъ.

[Скрѣпилъ] С. Ждановъ, Директоръ.

РАЗГРАБЛЕНІЕ МОНАСТЫРЯ И ПОХОДЪ ЧЕРНИГОВСКАГО ГУБЕРНАТОРА ПРОТИВЪ МОНАХИНЬ.

(Посвящается Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ.)

Извѣстно ли въ Россіи, что въ 1857 году черниговскій губернаторъ насильственно отнялъ пристанище у старухъ раскольницъ, мирно жившихъ и по своему молившихся Богу. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ онъ пріѣзжалъ съ угрозами, толкуя о высочайшемъ повелѣніи "перековать монахинь и отобрать у нихъ ключи." Монахини сослались на дарованныя имъ права и ключей не выдали. Губернаторъ удалился; но накапунѣ Введенія (21 Ноября) въ 12 часовъ ночи явился съ священникомъ Сергіемъ, съ жандармами и полицейскими, разбилъ двери у храма казанской Божіей матери и у другой церкви—потомъ приказалъ солдатамъ отобрать все имущество инокинь, иконы и ключи, а окны и печи перебить. Бѣдныхъ женщинъ онъ отправилъ колодницами въ городъ—а церковь освятилъ съ отцемъ Сергіемъ въ единовѣрческую. Послѣ этаго старухъ выпустили на голодную смерть.

Мы очень бы желали чтобъ эта исторія полученная нами изъ совершенно вѣрнаго источника, была опровергнута на пр. въ журналѣ М. В. Д.

Неужели въ царствованіе Александръ II не прекратится это татарское своеволье, напоминающее времена печенежскихъ набѣговъ и альбигойскихъ войнъ.

Гоненіе раскольниковъ—глупо, безобразно несовременно —и только даетъ новый поводъ къ грабежу и самоуправству.

Благодаря душевно особу доставившую намъ исторію о набѣгѣ попа Сергія съ черниговскимъ атаманомъ на старицъ, мы просимъ братски всѣхъ раскольниковъ, какого бы толку они нибыли, посылать намъ вѣсти о гоненіяхъ насылаемыхъ на нихъ нѣмецкими попами и православными квартальными дабы мы ихъ мученичество закрѣпили въ памяти людской.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

В. А. КОКОРЕВЪ.

Мы не думаемъ чтобъ В. А. Кокореву было непріятно увидѣть свое имя въ Колоколѣ; Колоколъ нашъ ему звонитъ не такъ какъ Закревскимъ и Панинымъ — а празднично и дружески за его благородное, прекрасное предложеніе, сдѣланное на московскомъ предпраздновaніи грядущаго освобожденія крестьянъ.

Примѣръ поставленный В. А. Кокоревымъ, его имя не будетъ забыто исторіей.

Мы тѣмъ болѣе должны оцѣнить рѣчь г. Кокорева что будучи самъ откупщикомъ, онъ публично призналъ вредъ и недобросовѣстность системы винныхъ откуповъ.

Солидарность.

"Русскій Инвалидъ", говорятъ здѣшніе журналы, журитъ Англію за то, что она еще не измѣнила тѣмъ великимъ началамъ, на которыхъ выросла ея сила и слава, и хочетъ судить своихъ и чужихъ по законамъ своего Common law, а не по полицейскимъ инструкціямъ шпіоновъ и правительствъ ими представляемыхъ.

Что это мнѣніе, — правительственное или только инвалидное?

Въ послѣднемъ случаѣ намъ до него дѣла нѣтъ, хотя и считаемъ, что неприлично всякій разъ позорить имя русское, прибавляя его для вѣса ко всякому топору, ко всякой гнусной мѣрѣ; вѣдь еще не забыли ту страстную нѣжность, ту трогательную настойчивость, съ которой Николай просилъ выдачу Кошута и его товарищей изъ Турціи.

Если же это мнѣніе "Кабинета-Горчаковъ" по французскому выраженію, то мы не можемъ не сказать, что оно недостойно современнаго состоянія дѣлъ въ Россіи. Да полноте вамъ соваться впередъ и заявлять ваши сочувствія съ всякой дикой властью, съ всякимъ насиліемъ, съ всякимъ нарушеніемъ правъ, съ всякимъ кованіемъ въ колодки. Дайте намъ отъучить западнаго человѣка, чтобъ онъ не произносилъ рядомъ со словомъ Россія—слово кнутъ. Гдѣ вашъ интересъ въ этомъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ вы не понимаете, что государству, едва вступающему теперь въ новую эпоху, нельзя дѣлить всѣ пороки падающихъ народовъ. (*)

Англія дала великій примѣръ государственной нравственности и силы. Англія единая страна, гдѣ есть справедливость. А вы будете ей тамъ давать совѣты, объявлять неудовольствія, вы, неимѣющіе ни правъ, ни законовъ; вы, которые не можете дойти до того, чтобъ судьи не были воры, чтобъ дворяне не брали за свое знамя — розги, чтобъ квартальные не дрались по улицамъ?

Учитесь лучше у Англіи, да занимайтесь своимъ дѣломъ!

И—ръ.

¿ПРАВДА ЛИ—что посолъ Монтебелло цаловалъ руку Наполеону отъѣзжая въ Петербургъ, и правда ли что послѣ этаго Александръ II принялъ его?

(*) Мы вскоромъ времени представимъ нашимъ читателямъ нѣсколько общихъ мыслей о новомъ отношеніи Россіи къ Западу.

не стыдно ли?

Петербургскіе полицейскія Вѣдомости извѣщаютъ о возобновленіи полицейскаго самоуправства въ Петербургѣ. Случай ими разсказанный, грустно напоминаетъ намъ черное время прошедшаго царствованія, которое мы tout de bon считали прошедшимъ. Г. Мухинъ за публичное чтеніе (вѣрно онъ читалъ какому нибудь пріятелю вслухъ?), чего то печатаннаго за границей (не Колокола ли? все таинственность!) и притомъ преступнаго содержанія* сосланъ подъ надзоръ полиціи въ отдаленную губернію (въ какую?—что за секреты!—вѣдь и Красноярская губернія не близко.)

Новость эта очень важна. До нея мы еще не слыхали о политическихъ гоненіяхъ Александра II. Что же это начало ихъ, что ли? И что за вздоръ все вмѣстѣ. Точно мы наканунѣ возстанія въ Петербургѣ,—надобно брать чрезвычайныя мѣры для спасенія отечества, религіи, престола. Такъ то хотятъ гласности? И зачѣмъ у насъ судебныя мѣста, когда опять какая нибудь канцелярія можетъ ссылать, по доносу шпіона, за чтеніе чего то неназваннаго; и кто нашелъ преступнымъ содержаніе—трактирщикъ, квартальный, жандармъ, половой, Игнатьевъ, Долгорукій?

Неужели намъ придется раскаяться въ томъ, что мы вѣрили въ искренное желаніе государя—начать человѣческую эпоху въ русскомъ развитіи и поторопились сказать это?

И—ръ.

* Такъ сказано въ французскомъ текстѣ Норда.

¿ПРАВДА ЛИ, что во время послѣдняго денежнаго кризиса Штиглицъ отправлялъ на пароходахъ большія суммы золотомъ за границу? Откуда онъ его бралъ въ то время, какъ золота изъ размѣнныхъ кассъ никому не выдавали. Промѣнъ былъ 70—80 на полуимперіалъ. Если Штиглицъ долженъ былъ платить проценты по государственнымъ долгамъ, то чего Брокъ секретничаетъ. Если это пошло на уплату страшныхъ суммъ, издержанныхъ за границей царской фамиліей, мы понимаемъ, что въ такомъ случаѣ стыдно признаться; да вѣдь стыдно тогда и экономничать въ курсахъ. За что-же купцы наивно вѣровавшіе въ русскія ассигнаціи, должны были поплатиться за свое суевѣріе?

Охъ пора Брока послать, ну хоть посломъ къ Его Величеству съ мягкимъ мозгомъ въ Потдамъ, или къ прежнему австрійскому императору совсѣмъ безъ мозгу. Тутъ же и Карльсбадъ недалеко, пищевареніе свое можно поправить, да и русскіе финансы тоже.

¿ПРАВДА ЛИ, что у дирекціи московскихъ театровъ было потребовано въ Петербургъ 70,000 сер. остаточныхъ суммъ и велѣно было казначею передѣлать счетныя книги такъ, чтобы остатковъ не значилось и будто бы казначей вслѣдствіе этого повелѣнія вышелъ въ отставку?

IV книжка ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДЫ поступила уже въ продажу.

Въ слѣдующемъ листѣ Колокола, который выйдетъ въ 15 Марта, будетъ помѣщенъ драматическій очеркъ; "Русскіе въ Парижѣ"; мы отложили для этихъ характеристическихъ и чрезвычайно современныхъ сценъ статью: О преобразованіи Чиновничества, Н. Огарева, которая будетъ напечатана въ 12 Листѣ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

Digitized by Google

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи—2, Judd Street, Brunswick Square, *W. C.*

ЛИСТЪ 11.

15 Марта 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 39, Rupert Street, Haymarket, London. Price six-pence.

РУССКІЕ ВЪ ПАРИЖѢ
въ 1858 году.

Сцены для коммедіи.

(Разговоръ происходитъ въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ.)

Дѣйствующія лица:

СЕНАТОРЪ, и вмѣстѣ богатый помѣщикъ.
КАММЕРГЕРЪ изъ аристократовъ.
ГОСПОДИНЪ X., дворянинъ средней руки, путешествующій для удовольствія, 47 лѣтъ.
ПОЛКОВНИКЪ кавалерійской гвардіи.
СЛАВЯНОФИЛЪ, } молодые люди, окончившіе курсъ въ Московскомъ
ЗАПАДНИКЪ, } Университетѣ.

Сенаторъ, (обращаясь къ Каммергеру.)

Что новенькаго?

Каммергеръ.

Изъ Россіи? Ничего утѣшительнаго—хаосъ, страшный хаосъ.

Сенаторъ (качая головой.)

Чтожъ такое?

Каммергеръ.

Все тѣже толки объ эмансипаціи; хотятъ раззорить насъ во что бы то ни стало, раззорить въ пухъ. Мнѣ сказывали уже, что во многихъ губерніяхъ были волненья.

Сенаторъ.

Да этаго и слѣдуетъ ожидать. Позволили кричать, говорить свободно, пустили всѣхъ за границу, вотъ они и начитались Герцена. Да что Герценъ? Даже le Nord, и тотъ туда же лѣзетъ; за Францію небось заступается, а насъ все въ пропасть подталкиваетъ.

Каммергеръ.

И чего право хотятъ эти господа? Нашей погибели. Вѣдь какъ все было у насъ хорошо устроено, помѣщики были лучшіе помощники правительству, они замѣняли полицію въ Россіи, и все было у насъ тихо и спокойно. Вспомните только, что въ то время, когда Европа бунтовала, одна Россія была спокойна и сильна, а отчего? Хотя бы они объ этомъ подумали серьозно, отчего? Отвѣчать кажется не трудно; именно отъ того, что у насъ крѣпостное право и что государь опирался на дворянъ.

Сенаторъ.

Разумѣется дворяне—столбы государства, къ тому же я того мнѣнья, что русскій человѣкъ прежде всего боится палки и что безъ палки съ нимъ ничего не сдѣлаешь.

Каммергеръ.

Нѣтъ, да вы вотъ что замѣтьте. Какъ эти господа хитрятъ и обманываютъ. Увѣряютъ, что нашъ мужикъ несчастливъ, что онъ рабъ, что онъ мученикъ. Вѣдь все это клевета, сущая клевета, ложь. Посмотрите на нашего крестьянина какъ онъ доволенъ, сытъ, силенъ. Если бы ему въ самомъ дѣлѣ было такъ дурно, какъ они увѣряютъ, то онъ бы не имѣлъ такой здоровый видъ. А что его иной разъ посѣкутъ, да что это за бѣда? Посѣчь не мѣшаетъ, вѣдь и насъ сѣкли, когда мы были дѣтьми.

Славянофилъ (Западнику на ухо).

Его то видно сѣкли мало.

Каммергеръ.

Къ тому же вѣдь сѣкутъ только дурнаго, виноватаго;—хорошаго мужика никто сѣчь не станетъ. Да что говорить! Я увѣренъ, что все это у нихъ только одинъ предлогъ; просто хотятъ взбунтовать всю Россію. Повѣрьте, что у насъ все отнимутъ и мы всѣ раззоримся, всѣ пойдемъ по міру.

Сенаторъ.

Ну, этого я не думаю; вы князь уже слишкомъ пугаетесь и видите будущее въ черномъ цвѣтѣ. Повѣрьте, что революціи не будетъ, а такъ сепаратныя убійства, маленькія волненья, которыя по необходимости должно будетъ усмирять силою закона и строгими полицейскими мѣрами. Я полагаю что и правительство наше объ этомъ подумаетъ; мнѣ даже сказывали на дняхъ, что въ польскія губерніи уже двинули двѣ дивизіи.

Каммергеръ.

Ну нѣтъ, а я такъ увѣренъ, что мы сдѣлаемся нищими и потому весной ѣду въ Россію, что успѣю продамъ и переведу всѣ капиталы въ Парижъ, или что еще вѣрнѣе, въ Лондонъ. Съ чего же въ самомъ дѣлѣ рисковать состояньемъ, а можетъ быть жизнью? Пусть себѣ расправляются какъ хотятъ; заварили кашу, такъ пусть сами ее и расхлебываютъ. Теперь хорошо въ Россіи только тому, кто хочетъ въ мутной

Digitized by Google

водѣ рыбу ловить; а намъ людямъ порядочнымъ, которые до сихъ поръ имѣли и состоянье и положенье въ обществѣ, намъ дѣлать тамъ нечего.

Сенаторъ (улыбаясь).

О! да вы человѣкъ рѣшительный, князь, вы собираетесь уже эмигрировать, ну нѣтъ я еще подожду; полноте отчаяваться, я не поручусь, что правительство наше еще можетъ возвратиться къ прежней системѣ, то есть къ порядку; очень можетъ быть, что оно еще одумается; вотъ какъ въ одной губерніи взбунтуются, да въ другой зарѣжутъ помѣщика, такъ они по неволѣ увидятъ тогда, что затѣяли дѣло недоброе. Чего, чего не видалъ я на своемъ вѣку; всего насмотрѣлся, были и высочайшія повелѣнья да отмѣнялись—и ничего; были разныя запрещенья, разные нововведенья и все опять таки возвращались къ старому. И указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, и строгія предписанья на счетъ злоупотребленья помѣщичьей власти, а все ничего. Нѣтъ я еще не теряю надежды. Да и въ самомъ дѣлѣ, скажите, кто въ сущности желаетъ уничтоженья крѣпостнаго права?— Никто. Помѣщики не желаютъ, крестьяне тоже не желаютъ, купцамъ до этого дѣла нѣтъ, чиновникамъ у которыхъ нѣтъ крестьянъ тоже; съ чего же подняли этотъ шумъ? Кто это затѣялъ? Все наши умники, журналисты, писатели, студенты.

Каммергеръ.

Однимъ словомъ люди, у которыхъ ни гроша за душою, которымъ терять нечего. Читали вы объ обѣдѣ, который эти негодяи устроили въ Москвѣ?

Сенаторъ.

Читалъ и содрогался. Удивляюсь, какъ это Закревскій, умный человѣкъ, позволилъ имъ собираться и говорить рѣчи.

Каммергеръ.

Да вы замѣтьте, что на этомъ обѣдѣ не было ни одного помѣщика, а все профессора, учителя, да еще купцы, и какіе то докторишки. Я полагаю, что у всѣхъ 200 человѣкъ не было двухъ сотъ душъ. И что за манера говорить спичи, ораторствовать? Все перенимаютъ отъ Французовъ да отъ Англичанъ, все это не свое, а взято изъ книгъ самыхъ вредныхъ. Нѣтъ, при покойномъ государѣ не посмѣли бы такъ ораторствовать, тотъ за эти спичи давно сослалъ бы ихъ въ какую нибудь Пермь, или даже подальше куда нибудь. И по дѣломъ, чтобы не въ свое дѣло не вмѣшивались, и народъ не мутили бы.

Сенаторъ.

Я одного не понимаю, какъ это люди близкіе къ государю, допускаютъ до него такія вредныя мысли. Почему бы ему не обратиться за совѣтомъ къ людямъ извѣстнымъ своею опытностью, которые вѣрно, безпрекословно служили его отцу и готовы были бы и теперь помогать ему въ великомъ дѣлѣ управленія государствомъ. А то нѣтъ, по всему видно, что съ ними онъ мало совѣтуется. Все можно бы было исправить, что дѣйствительно дурно, кое что измѣнить, почему нѣтъ? Я не врагъ просвѣщенья, но все это слѣдуетъ сдѣлать тихо, постепенно, въ какіе нибудь 30, 50 лѣтъ.

Каммергеръ.

Да полноте, я не вижу право зачѣмъ и измѣнять. Все кажется было у насъ такъ хорошо, мы въ просвѣщеньи догнали Европу, вѣдь Петербургъ совершенно европейскій городъ. Всѣмъ было жить такъ удобно, покойно, всѣ были довольны; вѣдь мы просто благоденствовали.

Полковникъ (подходя къ Каммергеру).

Пріятно русскому сердцу встрѣчать такихъ истинныхъ патріотовъ; да-съ пріятно видѣть, что есть еще люди, которые такъ думаютъ и отдаютъ справедливость своему отечеству. Позвольте мнѣ, князь, какъ соотечественнику съ вами познакомиться, я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣнье.

Каммергеръ.

Помилуйте..... очень пріятно.... что это васъ такъ удивили мои слова? Я полагаю, что всѣ благомыслящіе люди такъ думаютъ и такъ чувствуютъ.

Полковникъ.

Я покрайней мѣрѣ вполнѣ съ вами согласенъ. При покойномъ государѣ дышать было легко, всякій зналъ что дѣлаетъ и что его ожидаетъ. Напримѣръ, мы военные, мы вѣчно будемъ ему благодарны, какъ онъ заботился объ насъ, какъ входилъ въ наше положеніе! А теперь? Въ три года все совершенно измѣнилось. Толкуютъ о взяткахъ, а не понимаютъ, что это не взятки, а просто безгрѣшные доходы, о которыхъ зналъ самъ государь, и которые онъ предоставлялъ офицерамъ, чтобы они могли существовать прилично и содержать свою честь въ блестящемъ видѣ. Эскадронные командиры имѣли выгоды, это правда; но за то они держали по три лошади верховыхъ, одѣвались съ иголочки, имѣли также лошадей упряжныхъ, экипажъ, вѣдь все это стоитъ очень дорого, а для кого это дѣлается?—для мундира, для гвардейскаго мундира, чтобы не ударить лицомъ въ грязь и быть порядочнымъ человѣкомъ. Кромѣ того, каждый изъ насъ служилъ прежде охотно, потому что зналъ почти навѣрно, что его ожидало впереди; каждый изъ насъ добивался мѣста полковаго командира, потому что это мѣсто служило ему наградой за его долговременную безпорочную службу и вполнѣ обезпечивало его существованіе на старость лѣтъ. Въ какіе нибудь три, четыре года коммандованія полкомъ можно было составить себѣ порядочный капиталъ и потомъ выдти въ отставку, уступивъ свое теплое мѣстечко другому, который тогоже добивается. Спрашивается, кому отъ этого было дурно, почему эту экономію называютъ взяткою? Я право не понимаю. Ну что за бѣда, что я отъ каждой лошади возьму напримѣръ по горсти, только по одной горсти овса, кому отъ этаго убыль, кто теряетъ, кому нужна эта горсть? И лошадь сама мнѣ кажется не замѣтитъ, что ей дали горстью менѣе, а между тѣмъ отъ каждой лошади по горсти, а мнѣ это составитъ нѣсколько четвертей въ день, которые я могъ продавать и такимъ образомъ въ годъ набиралось иногда эскадронному коммандиру тысячь до пяти. Скажите пожалуйста, развѣ такія средства экономіи непозволительны?

Каммергеръ.

Нѣтъ..... я право не вижу..... Мнѣ кажется что это такой вздоръ, что на него не стоило обращать вниманія; почему въ самомъ дѣлѣ не помочь бѣдному офицеру.....

Сенаторъ.

Это такъ, почему не помочь; но говорятъ, что полковые командиры прибѣгали иногда къ средствамъ непозволительнымъ, отнимали у солдатъ ихъ артельные деньги, не выдавали имъ назначенной отъ казны одежды; однимъ словомъ, дѣлали разныя злоупотребленья. Не знаю правда ли это?

Digitized by Google

Полковникъ.

Помилуйте, все это клевета. Какія злоупотребленья?—эти доходы получались совсѣмъ не отъ злоупотребленій, а отъ благоразумныхъ распоряженій полковаго командира. Напримѣръ, они много выигрывали на сѣнѣ; но вѣдь имъ отпускается на этотъ предметъ извѣстная сумма по справочнымъ цѣнамъ. Ну, а полковой командиръ не хочетъ покупать сѣна, а нанимаетъ луга, да самъ коситъ ихъ и такимъ образомъ разумѣется получитъ тоже количество сѣна, только гораздо дешевле, чѣмъ оно значится въ справочной цѣнѣ; ну кому же послѣ этого, должны принадлежать остаточныя деньги? Разумѣется ему, за его хлопоты, за его распорядительность.

Сенаторъ.

Это въ самомъ дѣлѣ очень любопытно; но скажите, онъ нанимаетъ крестьянъ, чтобы косить сѣно?

Полковникъ.

Нѣтъ, траву обыкновенно косятъ солдаты; и это дѣлается для ихъ же пользы; солдату никогда не слѣдуетъ оставаться празднымъ. Незабудьте еще и то, что полковой командиръ очень часто долженъ дѣлать солдатамъ новые мундиры, для разныхъ смотровъ царскихъ и въ случаѣ пріѣзда иностранныхъ принцевъ, чтобы щегольнуть своимъ полкомъ. Вѣдь казна не даетъ ему на это денегъ, вѣдь онъ ихъ расходуетъ изъ своего кармана; такъ какъ же ему не заготовить себѣ деньжонокъ для такихъ непредвидѣнныхъ случаевъ?

Западникъ.

(который сидитъ за особымъ столомъ и внимательно вслушивался въ разговоръ.)

Извините меня, полковникъ, что я сдѣлаю вамъ одинъ вопросъ; я не понялъ одного обстоятельства: скажите пожалуйста за всѣми этими непредвидѣнными расходами вѣдь остается же полковому командиру еще довольно большая сумма, изъ которой какъ вы изволите говорить можно въ три, четыре года составить себѣ порядочный капиталъ?....

Полковникъ.

Ну да, такъ чтоже? Я объ этомъ то и говорю, что прежде было изъ чего служить, когда имѣлся въ виду этотъ капиталъ...

Западникъ.

Ну, а мнѣ кажется, что эти то доходы, которые остаются за всѣми непредвидѣнными росходами, слѣдовало бы обращать въ казну, или составлять изъ нихъ особый капиталъ при полкахъ,—а просто класть эти деньги въ карманъ, я полагаю не совсѣмъ справедливо.

Полковникъ.

Это что за рыцарство? Помилуйте кто себѣ врагъ. Къ тому же вы все забываете какъ мы служимъ,—не по вашему,—мокнемъ подъ дождемъ, голодаемъ на маневрахъ, тратимъ наше здоровье на службѣ, такъ я полагаю, что не грѣшно за такую каторжную жизнь имѣть вѣрный кусокъ хлѣба, хотя подъ старость лѣтъ. Нѣтъ, повѣрьте мнѣ, господа, что теперь съ новыми порядками никто изъ порядочныхъ людей не станетъ служить, le jeu ne vaut pas la chandelle.

Господинъ Х.

Ну служить все таки будутъ—было бы болото, а черти будутъ.

Полковникъ.

Ну, а это хорошо развѣ, что теперь уничтожили разомъ болѣе 100,000 войска, пустили безъ мѣстъ такое огромное количество офицеровъ, назначаютъ полковыми командирами все флигель-адъютантовъ, которые вовсе не знаютъ фронтовой службы. Выводятъ въ люди только князей, да графовъ, по протекціи.

Каммергеръ.

Ну, на это вы напрасно нападаете, я думаю что давно пора было обратить вниманіе на порядочныхъ людей и давать видныя мѣста людямъ высшаго круга. Они и образованнѣе другихъ, и потомъ всѣ болѣе или менѣе comme il faut...

Сенаторъ.

И во всякомъ случаѣ представляютъ болѣе гарантіи чѣмъ люди низкаго происхожденья и безъ состоянья. Не худо бы эту систему принять и въ гражданской службѣ. Какъ ни вертитесь, а человѣкъ богатый и аристократическаго происхожденья имѣетъ уже съ дѣтства чувства благородныя. Онъ служитъ совсѣмъ иначе чѣмъ эта голь, которая нуждается въ насущномъ хлѣбѣ. Вѣдь и взглядъ такого человѣка, на службу какъ то шире, возвышеннѣе...

Западникъ.

Это странно; почему же вы полагаете что какой нибудь богачъ и князь всегда благороднѣе и честнѣе человѣка не знатнаго рода, но который могъ тоже получить отличное нравственное воспитаніе и усвоить себѣ благородныя правила?

Сенаторъ.

Исключенья вездѣ бываютъ; но я говорю только, что оно естественнѣе встрѣтить честность и безкорыстіе въ человѣкѣ богатомъ и высокаго происхожденія; къ тому же я основываю мои замѣчанья на фактахъ, милостивый государь. У насъ въ сенатѣ теперь много молодыхъ людей изъ училища правовѣденья, которые всѣ болѣе или менѣе люди съ достаткомъ, а по этому и взятокъ не берутъ, даже и простой благодарности я думаю не примутъ.

Западникъ.

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ! Не берутъ взятокъ отъ того только что не имѣютъ въ нихъ нужды. А я такъ думаю, что не берутъ взятокъ такіе чиновники, которые получили нравственное воспитаніе въ дѣтствѣ и потомъ образовали свой умъ, и слѣдовательно понимаютъ всю гнусность этаго поступка; а такъ какъ наше среднее сословіе гораздо образованнѣе и нравственнѣе, такъ называемой нашей аристократіи, то я полагаю.....

Каммергеръ (Сенатору на ухо).

Это красный, соціялистъ какой то.....

Сенаторъ.

Для меня признаюсь это совершенная новость. Какъ?—Среднее сословіе образованнѣе высшаго. Помилуйте гдѣ вы это видѣли?

Славянофилъ (Западнику).

Да развѣ вы не видите, что вы никогда не будете одного мнѣнія съ этими господами и никогда не поймете другъ друга, потому что вы и они различно понимаете просвѣщенье и то, въ чемъ оно заключается. Я увѣренъ въ этомъ; къ сожалѣнью многіе у насъ въ Россіи считаютъ знанье иностранныхъ языковъ, и умѣнье вести себя прилично въ обществѣ высшимъ признакомъ человѣка просвѣщеннаго.

Каммергеръ.

Я думаю что и вы согласитесь, что нельзя быть просвѣщеннымъ человѣкомъ, не зная иностранныхъ языковъ, вѣдь всѣ ваши книги писаны въ Европѣ, и не по русски.

Digitized by Google

Сенаторъ.

Но зачѣмъ мы удаляемся отъ предмета нашего разговора? Господа, полноте спорить, поговоримъ лучше о томъ, что совершается у насъ теперь въ Россіи, о всѣхъ этихъ перемѣнахъ и улучшеніяхъ, о которыхъ такъ много толкуютъ. Что вы скажете объ этомъ обѣдѣ, который былъ данъ въ Москвѣ въ честь освобожденія крестьянъ? Я съ своей стороны нахожу, что этотъ обѣдъ представляетъ явленіе уродливое. Радуются освобожденію тѣ, до которыхъ это нисколько не относится и которые по этому не должны имѣть и голоса въ этомъ дѣлѣ.

Каммергеръ.

Да что и говорить..... я нахожу что послѣ всѣхъ этихъ обѣдовъ въ Россіи жить нельзя... одинъ этотъ Кокоревъ такихъ тамъ вещей наговорилъ, что волосъ дыбомъ становится.....

Господинъ X.

Оно въ самомъ дѣлѣ странно! Хотя до меня это нисколько не относится, потому что я наврядъ ли вернусь въ Россію; но признаюсь я тоже удивляюсь, что у насъ это позволяютъ...

Полковникъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго; все дѣлается съ намѣреніемъ, желаютъ взбунтовать Россію; посудите сами . . . начинаютъ такія важныя и страшныя вещи, а войска распустили, полицію не устроили. Кто же будетъ удерживать порядокъ, защищать помѣщиковъ?

Западникъ.

Нѣтъ, господа, вы напрасно боитесь революціи, напрасно не хотите понять и оцѣнить какъ слѣдуетъ, всѣ эти рѣчи, всѣ эти обѣды, все это движеніе умовъ...

Сенаторъ.

Какое умовъ! движеніе языковъ, вотъ все что мы видимъ.

Западникъ.

Какъ? вы не видите, что освобожденіе крестьянъ тѣсно связано съ просвѣщеніемъ Россіи, вы не видите, что это будетъ имѣть сильное вліяніе на всѣ сословія государства? Сдѣлать нашихъ крестьянъ свободными — это значитъ дать имъ возможность просвѣтиться. Только тогда, когда они сдѣлаются собственниками, они почувствуютъ въ себѣ достоинство человѣка и начнутъ трудиться для себя и для своего семейства; имъ открывается широкій путь для дѣятельности и время повѣрьте мнѣ сдѣлаетъ очень скоро свое дѣло...

Сенаторъ.

Ну да, время, а у насъ все это дѣлается такъ скоро, и потомъ съ плеча, безъ подготовки...

Западникъ.

Для разрѣшенія этого вопроса время уже давно наступило. А если васъ удивляетъ, что на обѣдѣ были только одни литераторы, профессора и доктора, а не помѣщики, то это именно потому, что наши помѣщики люди не просвѣщенные и не понимаютъ даже своихъ собственныхъ выгодъ. Къ тому же позвольте спросить васъ, кто такіе наши помѣщики, какимъ образомъ пріобрѣли они эти помѣстья, какимъ образомъ сдѣлались душевладѣльцами? Иной всю жизнь бралъ взятки съ просителей, грабилъ казну и потомъ купилъ себѣ тысячу душъ и толкуетъ съ важностью о своихъ дворянскихъ правахъ; другой получилъ свое имѣнье отъ предковъ, это правда, да предкамъ то достались эти несчастные крестьяне вслѣдствіе страшной несправедливости, о которой не молчитъ исторія. Знаете ли вы какимъ образомъ вся Малороссія сдѣлалась крѣпостною? Любимцу своему пожаловала Екатерина II по ошибкѣ нѣсколько тысячъ душъ людей свободныхъ. Чтобы исправить ошибку и остальныхъ прикрѣпили къ землѣ. Да и вообще всѣ значительныя имѣнья были пожалованы царями и царицами своимъ любимцамъ, фаворитамъ и за дѣла часто не совсѣмъ благородныя. И эти то помѣщики смѣютъ говорить теперь о своихъ правахъ и не хотятъ принести ни малѣйшей жертвы для такаго общаго, полезнаго и нравственнаго дѣла. Какъ же не радоваться людямъ образованнымъ, этимъ профессорамъ и журналистамъ, о которыхъ вы отзываетесь съ такимъ негодованіемъ, какъ имъ не радоваться и не торжествовать, когда нашъ царь рѣшился вопреки необразованному общественному мнѣнію уничтожить рабство въ своей землѣ, смыть съ насъ этотъ грѣхъ и возстановить справедливыя и человѣческія отношенія между владѣльцами земли и крестьянами?

Славянофилъ.

Все это совершенно справедливо, еслибы дѣлалось дѣйствительно для счастія крестьянъ, но я признаюсь, не вижу въ этомъ освобожденіи дѣйствительнаго освобожденія. Нѣтъ, это не праздникъ для русскаго народа! По всему видно, что это дѣлается для Европы, для громкихъ фразъ, для какаго то пустаго щегольства, а не во имя любви и справедливости. Къ чему такая излишняя осторожность, къ чему всѣ эти недомолвки? Зачѣмъ наконецъ не посадить въ комитеты выборныхъ изъ крестьянъ; зачѣмъ предоставить однимъ помѣщикамъ устроивать судьбу крестьянъ и всегда считать нашъ народъ какою то вещью? Одни помѣщики не могутъ быть судьями въ этомъ дѣлѣ. Вотъ почему я не раздѣляю вполнѣ вашей радости и тоже вижу въ этихъ обѣдахъ и рѣчахъ, одну безполезную демонстрацію, желаніе щегольнуть во всеуслышаніе остроумной фразой или необыкновеннымъ благородствомъ чувствъ. Я и въ этомъ московскомъ обѣдѣ и въ томъ, который былъ данъ нѣкоторыми Русскими здѣсь въ Парижѣ, вижу тоже, нашу всегдашнюю, жалкую страсть подражать иностранцамъ. Какъ не пошумѣть во имя любви къ человѣчеству, во имя западнаго просвѣщенья!

Западникъ.

Зачѣмъ же западнаго? Просто во имя просвѣщенья.

Сенаторъ.

Нѣтъ, вы очень хорошо сказали, дѣйствительно у насъ любятъ пошумѣть и все это затѣваютъ люди непрактическіе. Вообще у насъ мало обращаютъ вниманія на службу, на людей служившихъ и опытныхъ. Забываютъ, что служба тоже въ своемъ родѣ наука.

Славянофилъ.

Ну нѣтъ, о службѣ вы уже не говорите, я всегда полагалъ, что чиновничество сгубило Россію и потому самъ никогда не не хотѣлъ служить. Это учрежденіе совершенно противное русской жизни, сдѣлало намъ много вреда. Вотъ почему нашъ чиновникъ существо самое безполезное въ государствѣ. Я всегда говорилъ: это ложный порядокъ вещей, слѣдовательно порядочному человѣку не слѣдуетъ къ нему прикасаться...

Сенаторъ (къ каммергеру въ полголоса)

Вы слышите . . . вотъ какъ они разсуждаютъ — ложный порядокъ вещей, чиновникъ безполезное существо, — какая самонадѣянность!

Каммергеръ (Сенатору на ухо)

Этотъ кажется еще хуже, все ему мало. (Громко) Нѣтъ, я

Digitized by Google

рѣшительно продаю все, все, и вонъ изъ Россіи,—это невозможно, просто невозможно...

Сенаторъ (Славянофилу)

Однакожъ позвольте, это прелюбопытно какъ вы объясните, что чиновникъ существо безполезное. Да кто же полезнѣе чиновника? Вѣдь онъ одинъ кажется дѣлаетъ дѣло?

Славянофилъ.

Вы ошибаетесь, онъ дѣлаетъ дѣла, а не дѣло; это большая разница. Вся бѣда у насъ оттого, что вся Россія служитъ. Впрочемъ вопросъ этотъ повелъ бы насъ слишкомъ далеко. Я надѣюсь, что онъ скоро разрѣшится на практикѣ, когда уничтожатъ чины.

Сенаторъ (вскакивая)

Какъ уничтожатъ чины! Что вы говорите?

Славянофилъ.

Да, чины уничтожаются; развѣ вы не читали статьи объ этомъ въ le Nord? Говорятъ, что въ Петербургѣ очень серьезно занимаются этимъ вопросомъ и я жду отъ уничтоженія чиновъ важныхъ и благодѣтельныхъ послѣдствій для Россіи. Чины, это наша язва, гораздо опаснѣе чѣмъ многіе думаютъ.

Сенаторъ.

Что такое? Я право не понимаю... я вѣроятно не вслушался —это что то странное вы сказали...

Славянофилъ.

Да такъ, очень просто—я сказалъ, что въ Россіи теперь поговариваютъ объ уничтоженіи чиновъ.

Сенаторъ.

Да какъ же можно уничтожить чины? Помилуйте . . . вы вѣрно ошибаетесь, это что нибудь не такъ.

Каммергеръ.

Я тоже слышалъ объ этомъ, да не вѣрю, это пустяки, одна болтовня.

Славянофилъ.

Отчего же пустяки? Что вы находите въ этомъ страннаго и невозможнаго? Кажется пора бы уничтожить это китайское учрежденіе? Вѣдь это тормазъ, которымъ задерживается всякій прогрессъ, всякое развитіе. Развѣ васъ не поражаетъ эта безсмыслица? Посудите сами, человѣкъ достигаетъ перваго мѣста въ государствѣ, значенія, почета, наконецъ потомственнаго дворянства не за какія нибудь заслуги, не за способности, а за то, что жилъ долго и имѣлъ ослиное терпѣніе безъ пользы просидѣть всю жизнь въ какой нибудь канцеляріи.

Сенаторъ (съ жаромъ)

Да помилуйте, вѣдь я служилъ, писалъ, приносилъ пользу, вѣдь меня награждали, я достигъ важнаго чина; и вдругъ все это прочь. Да за что же? Вѣдь я становлюсь равенъ первому мальчишкѣ, вышедшему изъ гимназіи,—и онъ безъ чина и я тоже. Да гдѣ же справедливость?

Славянофилъ (улыбаясь)

Равенства не будетъ, потому что остаются мѣста; но за то, если вы человѣкъ неспособный, то служите хотя сто лѣтъ, а вы все таки ни до чего не добьетесь, потому что вамъ не дадутъ дѣльнаго мѣста. Протекція и время не положатъ на васъ клейма тайнаго или другаго совѣтника, съ которымъ вы отправляетесь повсюду играть важную роль въ обществѣ, не смотря на всю вашу неспособность. Если же вы дѣйствительно способны и образованы, то чинъ не помѣшаетъ вамъ возвышаться и быть полезнымъ отечеству. Развѣ хорошо что у насъ теперь на высшихъ мѣстахъ сидятъ все люди старые, отжившіе, которые сидятъ на этихъ мѣстахъ, только потому, что они тайные совѣтники. Они уже никуда не годны, они равнодушны къ добру, они эгоисты отъ старости, отъ болѣзней, а вы вручаете имъ судьбу нѣсколькихъ милліоновъ людей, въ то время когда способные, образованные молодые люди, полные энергіи и силы сидятъ на незначительныхъ мѣстахъ, потому что не имѣютъ большаго чина.

Сенаторъ.

Да какъ же это будетъ? Я рѣшительно ничего не понимаю; ну вотъ я напримѣръ тайный совѣтникъ, ну что же я буду тогда?

Славянофилъ.

Успокойтесь, я полагаю, что съ васъ чина не снимутъ, вы вѣроятно останетесь тайнымъ совѣтникомъ; законъ обратнаго дѣйствія имѣть не будетъ, а впрочемъ не знаю ничего положительнаго.

Сенаторъ.

Да кто это все тамъ выдумываетъ? Жили же мы наконецъ въ этомъ порядкѣ, были и чиновниками и помѣщиками, служили вѣрой и правдой царю и отечеству, и вдругъ ни съ того ни съ сего все стали находить дурнымъ, устарѣлымъ, вреднымъ.

Каммергеръ.

Я вамъ говорилъ, что оставаться въ Россіи страшно. Развѣ вы не видите, что они хотятъ все перевернуть вверхъ дномъ.

Сенаторъ.

Часъ отъ часу не легче. Я рѣшительно не могу сообразить что изъ всего этого выйдетъ. Просто ума не приложу, опомниться не могу. Какъ это всю Россію лишить чиновъ и дворянства, и замѣтьте безъ суда и слѣдствія. Ну ужъ Александръ Николаевичъ! И кто могъ ожидать этого? Бѣдная Россія! Чтобы сказалъ Николай Павловичь еслибы всталъ изъ гроба и взглянулъ бы на то что теперь между нами совершается. Гдѣ этотъ порядокъ, это спокойствіе, эта дисциплина, которой завидовала Европа?

Западникъ.

Какая Европа?

Полковникъ.

Да, Николай былъ великій человѣкъ! Онъ зналъ, что дѣлалъ когда запрещалъ принимать въ Университеты всякой сбродъ, когда преслѣдовалъ всякія ученыя собранія, учредилъ строгую цензуру и держалъ въ ежевыхъ всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ и ученыхъ. Онъ понималъ, что отъ нихъ все зло и что только однимъ войскомъ можетъ держаться порядокъ въ государствѣ.

Каммергеръ.

А какой былъ тонкій политикъ покойный государь! Дай Богъ ему царствіе небесное! Я помню какъ вездѣ принимали Русскихъ, какъ насъ боялись въ Германіи, какой вездѣ былъ намъ почетъ и все благодаря ему.

Сенаторъ.

Да, это былъ человѣкъ незамѣнимый; мудрый правитель и съ желѣзной волей. Какой вездѣ водворилъ онъ порядокъ, никто пикнуть не смѣлъ. А теперь? Да что и говорить! Прежде была тишина, скромность, чинопочитаніе, и пословица даже отъ этого вышла: чинъ чина почитай, а теперь когда уничтожатъ чины, такъ и почитать то некого будетъ.

Господинъ X.

Какъ подумаешь какъ люди то неблагодарны. Вотъ этотъ

Digitized by Google

Герценъ напримѣръ и другіе, все нападаютъ на покойнаго государя, а онъ кажется и подобнаго себѣ царя въ исторіи не имѣетъ. Вы замѣтьте только какъ много сдѣлалъ онъ для просвѣщенья, какъ работалъ неутомимо и вездѣ и всѣмъ занимался самъ. Посмотрите только что онъ сдѣлалъ изъ Петербурга, какъ онъ его украсилъ, какъ онъ развилъ у насъ общественную жизнь. Я помню когда я начиналъ службу, то кромѣ Крестовскаго Острова, Екатерингофа и Краснаго Кабачка не было въ Петербургѣ никакихъ удовольствій, никакихъ рѣшительно удобствъ; а при немъ все у насъ точно воскресло. Все процвѣтало — маскарады, Излеръ, итальянская опера, балеты, театральная школа, les femmes galantes, все, все завелось какъ въ Парижѣ. Особенно маскарады какіе были великолѣпные! И онъ всему этому покровительствовалъ, не пропускалъ ни однаго bal masqué, ни однаго представленья, вездѣ являлся и все поощрялъ!

Славянофилъ.

И вы называете это просвѣщеніемъ? Помилуйте, онъ просто бралъ отъ Запада все гнилое, скверное, безнравственное и заводилъ это у насъ, а между тѣмъ губилъ мысль, давилъ все умное, высокое и благородное! Помилуйте, вѣдь Россія при немъ была огромная арестантская рота, которой онъ былъ старшимъ фельдфебелемъ. Вѣдь жить нельзя было, дышать тяжело было. А въ Европѣ онъ игралъ роль какой то пожарной команды, которая являлась вездѣ, гдѣ только начинался пожаръ и за это оберъ-полицмейстерство вооружилъ противъ себя всѣхъ; что и оказалось въ послѣднюю войну. Впрочемъ не будемте говорить объ этомъ, оставимте его въ покоѣ. Я убѣжденъ, что онъ невиненъ, потому что не вѣдалъ что творилъ. Къ тому же онъ былъ достаточно наказанъ за свое ослѣпленіе, за свою страшную гордость.

Западникъ.

Я съ вами согласенъ, оставимъ его въ покоѣ, и поговоримъ лучше о свѣтломъ будущемъ, къ которому мы теперь приближаемся. Сколько предстоитъ теперь Россіи труда, какія важныя, великія реформы должны вскорѣ совершиться! Освобожденіе крестьянъ, гласное судопроизводство, желѣзныя дороги, и наконецъ новый разумный цензурный уставъ.

Славянофилъ.

Не забудьте также и уничтоженіе чиновъ.

Западникъ.

Ну, я не придаю этому большой важности.

Славянофилъ.

Какъ! вы находите, что это не важно?

Западникъ.

Скажу вамъ болѣе, я полагаю, что это можетъ быть даже вредно.

Славянофилъ.

Это любопытно, какъ вы это объясните?

Сенаторъ.

Какъ не объяснить! Я увѣренъ, что это можно доказать какъ дважды два четере.

Каммергеръ.

А! Такъ и вы тоже не желаете уничтоженія чиновъ, прекрасно, вотъ это дѣло. Странно только что вы оба желаете уничтоженія крѣпостнаго права. А вѣдь это тоже задѣваетъ дворянъ...

Западникъ.

Да развѣ вы думаете, что я не желаю уничтоженія чиновъ потому что это будетъ посягательствомъ на дворянскія права? Ошибаетесь господа, я боюсь уничтоженія чиновъ именно потому, что тогда дворянство рѣзко отдѣлится отъ всѣхъ другихъ сословій. Табель о рангахъ — это учрежденіе чисто демократическое. Это былъ послѣдній ударъ, нанесенный Петромъ упавшему мѣстничеству. Теперь съ чинами и вы князь изъ дома Рюрика и я изъ крѣпостнаго сословія, развѣ мы оба дѣйствительные статскіе совѣтники — не равны и въ обществѣ и передъ закономъ. Когда же уничтожатся чины, то дворянство сдѣлается кастою, въ которую уже никто не проникнетъ. Богатые дворяне перестанутъ служить и составятъ что то серьозное, особенное...

Славянофилъ.

Это то и хорошо! Вѣдь большею частью всѣ эти господа дурно учились, мало работали, ни къ чему себя не готовили, слѣдовательно на службѣ могутъ быть только вредны. Пусть себѣ отдѣляются отъ всѣхъ другихъ сословій, пусть себѣ составляютъ касту людей безполезныхъ, что за нужда, бѣды въ этомъ не будетъ, а польза будетъ та, что они не будутъ имѣть вліяніе на общественныя дѣла. А покуда въ этомъ вся сила. Намъ надобно прежде всего позаботиться о томъ, чтобы личность и собственность каждаго была у насъ ограждена отъ несправедливости и насилій. И пусть чиновники тоже отдѣлятся отъ дворянства и составятъ особенное сословіе, ученое, образованное и всѣми уважаемое. Тѣмъ лучше, этого надобно желать.

Западникъ.

Да, но все это будетъ только со временемъ, а до тѣхъ поръ, съ уничтоженіемъ чиновъ наши начальники начнутъ раздавать лучшія мѣста своимъ племянникамъ, да родственникамъ. Вездѣ будетъ деспотизмъ, произволъ. Теперь все таки чинъ мѣшаетъ имъ иногда роднаго человѣчка сдѣлать прямо губернаторомъ или директоромъ какимъ, а тогда и этой помѣхи не будетъ.

Славянофилъ.

Нѣтъ, повѣрьте мнѣ, что вы ошибаетесь; важныхъ, дѣльныхъ мѣстъ эти господа сами искать не будутъ. Чиновъ не будетъ, изъ чего же они станутъ служить. Служба съ преобразованіемъ администраціи, съ преобразованіемъ нашихъ судебныхъ мѣстъ сдѣлается дѣломъ не легкимъ, и безъ труда, безъ знаній, безъ способностей просто нельзя будетъ служить. Все это сейчасъ разъяснится, когда у насъ заведется жюри, когда уничтожится эта пагубная централизація. Нѣтъ, тогда шутки въ сторону, тогда нельзя будетъ начальнику или предсѣдателю выѣхать на своемъ секретарѣ, извольте-ка сами дѣло дѣлать, полно вамъ чужими руками жаръ загребать.

Западникъ.

Можетъ быть вы и правы; я не слишкомъ стою за чины и потомъ признаюсь еще мало думалъ объ этомъ предметѣ. Покуда вижу только одну несомнѣнную выгоду въ уничтоженіи чиновъ, это ту, что молодые люди могутъ тогда занимать важныя мѣста, а въ этомъ уже давно чувствуется потребность.

Сенаторъ (съ негодованіемъ)

Помилуйте господа, позвольте наконецъ и мнѣ сказать свое слово. Вы молоды, я постарше васъ, опытнѣе васъ и потому надѣюсь, что вы меня выслушаете.

Западникъ.

Сдѣлайте одолженіе.

Digitized by Google

Сенаторъ.

Какъ? вы думаете не шутя, что молодой человѣкъ можетъ съ большею пользою занять важное мѣсто, чѣмъ человѣкъ старый, искушенный на службѣ? Развѣ вы ни во что ставите опытность, благоразуміе, хладнокровіе, всѣ эти достоинства, которыя пріобрѣтаются только съ лѣтами?

Камергеръ.

Да, господа, извольте-ка подумать объ этомъ?

Господинъ Х.

Помилуйте, во всемъ нужна постепенность.

Полковникъ.

И въ военной службѣ тоже. Кто не командовалъ эскадрономъ, тотъ будетъ плохимъ командиромъ полка.

Западникъ.

Все это совершенно справедливо, да только въ томъ бѣда, что служба такая, какая была до сихъ поръ въ Россіи, не могла дать вамъ никакой опытности, никакихъ дѣйствительныхъ знаній.

Славянофилъ.

Именно такъ. Не забудьте также, что и мы желаемъ постепенности.

Сенаторъ.

Да какъ же вы хотите всѣхъ стариковъ вонъ?

Западникъ.

Это необходимо.

Славянофилъ.

Безъ этого нельзя ожидать никакихъ полезныхъ результатовъ и всѣ реформы ни къ чему не приведутъ.

Сенаторъ (Камергеру)

Вы слышите... вотъ они куда мѣтятъ.

Камергеръ.

Повѣрьте мнѣ, что надобно оставить Россію навсегда и поселиться въ Парижѣ.

Господинъ Х.

Я такъ и сдѣлалъ.

Западникъ.

Да вы выслушайте насъ, я увѣренъ, господа, что вы согласитесь съ нами.

Камергеръ.

Никогда, милостивый государь, никогда.

Западникъ.

Да вы не сердитесь, господа, а выслушайте меня хладнокровно; вѣдь я говорю безъ всякой злобы, я не имѣю къ нашимъ сановникамъ никакой личности, я хочу только одной пользы, одного счастія Россіи; но развѣ вы не видите, что покуда они сидятъ на верху, всякій прогрессъ невозможенъ. Положеніе нашего государя самое тяжелое. Гдѣ найдетъ онъ людей, гдѣ будетъ искать ихъ? Разумѣется въ спискѣ чиновниковъ первыхъ трехъ классовъ, которыхъ оставилъ ему въ наслѣдство Николай Павловичъ, а эти три класса нисколько не сочувствуютъ его благимъ начинаніямъ, даже не могутъ понять ихъ. Развѣ Панинъ можетъ сочувствовать мысли о введеніи гласнаго судопроизводства? О преобразованіи нашей судебной части? Развѣ Закревскій не противился въ Москвѣ дѣлу освобожденія крестьянъ, котораго желалъ самъ государь? Развѣ Брокъ будетъ когда нибудь серьезно думать объ измѣненіи системы откуповъ? Развѣ наше хромое министерство народнаго просвѣщенія способно понять всю важность гласности и необходимость новаго цензурнаго устава? А князь Долгорукій согласится ли онъ когда нибудь что его жандармы вредны и что слѣдуетъ совсѣмъ уничтожить и мѣсто имъ занимаемое и все III отдѣленіе? Да помилуйте, господа, дѣло говоритъ само за себя. Нашъ великодушный государь хочетъ реформъ для блага Россіи, это ясно, онъ убѣдился уже, что вся прежняя система управленія, весь прежній порядокъ никуда негодятся, такъ какъ же держать все на тѣхъ же мѣстахъ людей, которые были главными дѣятелями прежняго безпорядка, которые его создали и поддерживали въ продолженіи тридцати лѣтъ. А другіе, всѣ эти Адлерберги съ Миной Ивановной, всѣ эти Бутковы, Суковкины, развѣ они могутъ вдругъ переродиться и понять, что наступило иное время, что выигривать тяжбы своимъ вліяніемъ—подло, что награждать недостойныхъ вслѣдствіе родства, дружбы или другихъ связей и раздавать мѣста по протекціи развратныхъ женщинъ — безнравственно, что ссылать безъ суда и слѣдствія невинныхъ, выгонять изъ службы беззащитныхъ и думать только о себѣ, о своей мамонѣ—грѣшно. Нѣтъ господа, что съ ними церемониться, вѣдь всего человѣкъ двадцать какихъ нибудь, а къ сожалѣнію эти двадцать человѣкъ всему дѣлу помѣха!

Сенаторъ (вскакиваетъ и беретъ Камергера за руку)

Пойдемте, пойдемте отсюда . . . онъ мнѣ кажется совсѣмъ пьянъ или не въ своемъ умѣ.

Камергеръ (уходя съ Сенаторомъ)

Всѣхъ бы ихъ на одну осину.

Сенаторъ.

Не могу опомниться.

Камергеръ.

Всѣхъ бы на цѣпь, нѣтъ мало—въ Сибирь, въ рудники.

Сенаторъ (задумчиво)

Да! трудно, трудно становиться жить теперь. Съ такою критикою, съ такимъ разборомъ трудновато жить, нечего сказать. Вотъ до чего мы дожили!

Камергеръ.

Я вамъ говорилъ. Одно спасеніе въ эмиграціи, вы увидите что многіе это сдѣлаютъ.., изъ чего въ самомъ дѣлѣ.....

[оба уходятъ]

Западникъ.

Не понимаю, зачѣмъ государь съ ними церемонится. Взялъ бы примѣръ съ Франціи.

Славянофилъ (вставая)

Старая истина! Для новаго вина потребны новые мѣха. А господа эти кажется не на шутку разсердились?

Западникъ.

Правда глаза колетъ. [оба уходятъ]

Полковникъ (господину Х.)

Что вы на это скажете? . . . Право не знаешъ что дѣлать. Выдти въ отставку или въ запасныя войска? Именно въ запасныя, чтобы не было отвѣтственности, или лучше уже совсѣмъ въ отставку и то правда, вѣдь полкъ теперь не стоитъ выѣденнаго яйца. Вотъ какія времена пришли! [уходитъ]

Господинъ Х. (догоняя его)

Э! Господи! Что за отчаяніе! Повѣрьте мнѣ, все перемелется, мука будетъ. Мнѣ собственно все равно, чтобы у насъ тамъ ни творилось. Капиталы мои всѣ за границей, въ вѣрныхъ рукахъ, проценты хорошіе, и въ Россію я не скоро вернусь. Зачѣмъ? Я давно уже догадался, что Парижъ первый городъ въ мірѣ. Истинный парадисъ на итальянскомъ бульварѣ вечеромъ въ хорошую погоду, когда зажгутъ газовые фонари и освѣтятъ всѣ магазины. Вотъ тебѣ настоящій парадисъ. А тамъ себѣ хоть трава не рости. Женщины здѣсь

Digitized by Google

такія ловкія, развязныя, ножки у нихъ такія соблазнительныя, кафе здѣсь такія свѣтлыя, просторныя; театры, maison dorée, Селларіусъ, чего еще желать право? (Выходя на улицу) — Эй Cocher! Rue Joubert No. 4! [уѣзжаетъ]

НЕВСКІЯ ПИСЬМА.

письмо

III.

Въ настоящее время всѣ, у кого только голова не отупѣла отъ тисковъ прошлаго царствованія, убѣждены, что ни одинъ изъ нашихъ общественныхъ нарывовъ не можетъ быть залеченъ безъ гласности судопроизводства и гласности книгопечатанія, основанныхъ на твердыхъ, опредѣленныхъ уставахъ. Безъ этого нѣтъ средствъ искоренить ни взяточничества, ни невѣжества, ни грубаго произвола. Дѣло не въ выборѣ лицъ на судейскія и цензорскія мѣста, а въ постоянной гарантіи, которая ограждала бы лицо цензора и судьи отъ всякихъ произволовъ и толкованій, и обуздывала ихъ собственный произволъ. У насъ нѣкоторые воображаютъ, что вся задача въ томъ, чтобъ чиновники были честны въ душѣ, бѣгали отъ соблазна и пылали негодованіемъ при одномъ словѣ взятка; а цензора любили бы литературу, уважали бы званіе писателя и не придирались бы къ двусмысленностямъ. Что за дѣтство! Пора убѣдиться, что намъ нужны не идеальныя утопіи, а практическое дѣло, не олицетворенная добродѣтель въ лицѣ цензора или въ вицмундирѣ чиновника, а открытый, публичный судъ, опредѣленный цензурный уставъ, огражденный отъ всякихъ уже толкованій и поясненій. Сила не въ томъ, чтобъ судья былъ добродѣтеленъ или цензоръ либераленъ, а въ томъ, чтобъ и взяточникъ былъ не вреденъ въ судѣ, и Елагинъ могъ бы разсматривать книги, обуздываемые присутствіемъ публики въ судѣ и печатаніемъ процессовъ въ журналахъ. Тогда и Шемякинъ судъ выведется, и Вяземскій будетъ не вреденъ на своемъ мѣстѣ. У насъ все ждутъ исправленія нравовъ отъ безъимянной сатиры; но вѣдь сатирическое направленіе у насъ не новость: съ Кантемира до послѣднихъ журнальныхъ статей въ нашей литературѣ постоянно преслѣдовали взятки и невѣжество, и не смотря на это, грабительство дошло до чудовищныхъ размѣровъ, а произволъ задавилъ всякое проявленіе личности.

Никогда гласность суда и слова не были такъ нужны Россіи, и никогда не было эпохи болѣе благопріятной для опытовъ по этому важному вопросу. Общее сознаніе раздирающихъ насъ язвъ, развитіе литературы и журналистики, надежды на патріотизмъ царя—все говоритъ въ пользу настоящей минуты. А между тѣмъ, благодаря составу нашихъ министерствъ, до сихъ поръ гласность встрѣчаетъ только противодѣйствія. Чевкинъ жалуется на повѣсть, въ которой указаны кой-какіе источники доходовъ у офицеровъ Путей Сообщенія, Панинъ жалуется на всякую мысль о гласности, всѣ министры вмѣшиваются безпрестанно въ дѣла Норова; а онъ, получая со всѣхъ сторонъ щелчки, переноситъ все съ христіанскимъ терпѣніемъ, да съ своей стороны и самъ не упускаетъ случая давить литературу. До сихъ поръ о крестьянскомъ вопросѣ не дозволяли сказать ни слова, даже въ видахъ правительства. Недавно въ Сынѣ Отечества напечатаны были циркуляры 20 Ноября и 5 Декабря, а въ фельетонѣ того же номера небольшая статья о поземельной собственности въ Остзейскихъ губерніяхъ, безъ всякихъ разсужденій и выводовъ. Норовъ нашелъ это возмутительнымъ, велѣлъ цензору Бекетову подать въ отставку, и только энергическое заступленіе попечителя Щербатова успѣло спасти его. Да за что же? спросите вы. За то, изволите видѣть, что напечатанная въ одномъ листѣ съ циркулярами, эта статья можетъ навести читателей на мысль, что видно въ самомъ дѣлѣ у насъ собираются освободить крестьянъ! Долго ли это право они будутъ играть съ нами въ гулючки на открытомъ полѣ! Не пора ли Авчааму Сергѣевичу опять въ Нубію, да ужъ вмѣстѣ бы съ Вяземскими, Гаевскими, Кислорскими, Берте, и другими болѣе или менѣе усердными сотрудниками по части народнаго помраченія.

Позвольте кстати разсказать свѣжій анекдотъ, который теперь всѣмъ извѣстенъ въ Петербургѣ. На святкахъ попечитель Щербатовъ уѣзжалъ въ отпускъ и въ отсутствіе его въ Цензурномъ Комитетѣ предсѣдательствовалъ помощникъ его, Вяземскій fils, сынъ автора Русскаго Бога. Проникнутый идеями достойнаго родителя и важностью своего временнаго положенія, онъ обратился къ цензорамъ съ рѣчью, въ которой жаловался на то, что журналисты начинаютъ говорить о предметахъ, не подлежащихъ ихъ обсужденію, вмѣшиваются въ правительственные вопросы, и въ заключеніе рекомендовалъ цензорамъ не допускать такихъ безпорядковъ. Одинъ цензоръ замѣтилъ на это, что литература также можетъ высказать что нибудь полезное и практически дѣльное для правительства. "Я не согласенъ съ этимъ —возразилъ достойный предсѣдатель—по моему чиновникъ земскаго суда больше приноситъ пользы, чѣмъ какойнибудь литераторъ!" Прекрасный урокъ Лажечникову и Гончарову!

До сихъ поръ гласность ограничивается у насъ дозволеніемъ говорить о взяткахъ и выказывать злоупотребленія по службѣ, разумѣется на мѣстахъ не очень высокихъ, и притомъ не называя никого по имени. Впрочемъ люди, привыкшіе къ темнотѣ, находятъ и это слишкомъ либеральнымъ. На петербургскомъ театрѣ даютъ теперь комедію, въ которой нѣтъ ничего рѣзкаго, кромѣ изношенной со временъ Капниста мысли, что взятки — дѣло безчестное. И въ Петербургѣ цѣлый мѣсяцъ говорили, что піесу непремѣнно запретятъ. Генералъ - губернаторъ Игнатьевъ призывалъ автора и совѣтовалъ смягчить комедію, не смотря на то, что она была уже напечатана и двадцать разъ сыграна. При этомъ свиданіи генералъ былъ однакожъ очень любезенъ, наговорилъ Львову много лестнаго насчетъ его таланта, хотя—какъ знатокъ искуства—и высказалъ кое-какія критическія замѣчанія. "Въ вашей комедіи, сказалъ онъ между прочимъ, я нахожу несообразности: вы представляете мелкаго и дробнаго чиновника, который отказывается отъ хорошей взятки. Мнѣ кажется, это вовсе неестественно!" Во всей комедіи Львова нѣтъ ни одной такой драгоцѣнной фразы!

— Оканчиваю письмо новостью, которая только сей-часъ сдѣлась извѣстною. Государь разрѣшилъ наконецъ обсуживать въ журналахъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Не подумайте, что это сдѣлалось по представленію Норова; онъ конечно въ этомъ дѣлѣ также играетъ роль, да только вовсе не ходатая, а парализатора и гасителя. Государь прямо приказалъ министру разрѣшить обсуживанье вопроса объ освобожденіи крестьянъ, а Норовъ посылая объ этомъ бумагу въ Цензурный Комитетъ говоритъ, чтобъ не мѣшать только печатанію историческихъ и статистическихъ статей касательно устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ, но съ другой стороны не допускать въ беллетристикѣ никакихъ сценъ, представляющихъ печальное состояніе крѣпостныхъ людей и жестокое обращеніе съ ними помѣщиковъ. Видите, какъ ловко эти лиллипуты - министры опутываютъ Александра II.

Нѣтъ, пока онъ не выберетъ себѣ помощниками людей новыхъ, прямыхъ и свѣтлыхъ, до тѣхъ поръ невѣжество и коварная злопамѣренность не перестанутъ налагать своего парализующаго veto на всѣ его добрыя намѣренія для блага возрождающейся Россіи.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

Digitized by Google

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, *W. C.*

ЛИСТЪ 12.

1 Апрѣля 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 39, Rupert Street, Haymarket, London. Price six-pence.

РУССКІЕ ВОПРОСЫ

Преобразованіе Чиновничества.

Развитіе чиновничества въ уродливую цѣлость достигло въ Россіи до такихъ крайнихъ предѣловъ, что само правительство не можетъ болѣе двигаться въ настоящемъ порядкѣ вещей. Оно поставлено между двумя противурѣчіями, между которыми выборъ слишкомъ страненъ: идти за одно съ чиновничествомъ — значитъ стать во главѣ организованной шайки разбойниковъ, грабящихъ Россію; идти за одно съ народомъ — значитъ идти противъ чиновничества. Мы не сомнѣваемся, что Александръ II станетъ во главѣ народа, а не во главѣ чиновничества; но задача не легка, зло пустило слишкомъ глубокіе корни. Правительство пытается то тутъ, то тамъ отдать подъ судъ взяточника, наказать злоупотребляющаго власть — и все безуспѣшно. На мѣсто наказаннаго взяточника — выростаетъ новый; злоупотребленіе власти наказывается въ лицѣ такаго то и рядомъ торжествуетъ въ лицѣ другаго. Политковскаго хоронятъ безъ воротника въ то время, какъ цѣлыя орды чиновниковъ съ воротниками живутъ и наживаются въ крымскую войну, служа причиной ея неудачамъ. Беринги выходятъ въ отставку въ то время, какъ Закревскіе продолжаютъ царствовать. Когда въ огородѣ разрастается негодная трава—ее никакъ не выведешъ тѣмъ, что кой-гдѣ оборвешъ какую нибудь травку; приходится все перепахать. Правительство чувствуетъ, что нужно коренное преобразованіе чиновничества, что иначе злу не поможешъ. Съ освобожденіемъ крѣпостнаго состоянія необходимость этого преобразованія становится еще очевиднѣе; при обычномъ безсудіи и обычномъ насиліи мудрено, почти не возможно привести самое освобожденіе къ концу правильно и справедливо. Утомленная чиновничьимъ разбоемъ—Россія жаждетъ преобразованія чиновничества. Безъ этото нельзя шагу сдѣлать впередъ ни въ чемъ. Оставить вещи какъ они теперь — невозможно: народъ разсорится, правительство разсорится, государство разсорится.

Дѣло каждаго благомыслящаго Русскаго искать методу, по которой можетъ совершиться преобразованіе чиновничества, разумный способъ этого преобразованія. Опредѣленіе этого способа составитъ предметъ нашей статьи, нашъ посильный, искренній трудъ.

Что такое наше чиновничество?

Начало его, конечно, положено Петромъ великимъ и составляетъ одну изъ невольныхъ, но страшныхъ ошибокъ, главную ошибку великаго преобразователя Россіи. Петръ засталъ государство въ хаотическомъ положеніи. Оно управлялось на татарскій маперъ, на маперъ восточныхъ пашалыковъ. Воеводу посылали править провинціею, для того, чтобъ онъ покормился, т. е. посылали сбирать подать, предоставляя ему въ вознагражденіе за эту службу — безнаказанно грабить. Все что Петръ великій могъ встрѣтить въ управленіи европейскихъ государствъ должно было показаться ему болѣе человѣчнымъ, чѣмъ эта татарщина. Онъ наткнулся на австрійскую бюрократію (которая по нынѣ одна изъ самыхъ худшихъ бюрократій въ Европѣ) и перенесъ ее на русскую почву. Что же изъ этаго вышло? Вся гадость татарщины и вся гадость нѣмецкаго бюрократизма, слились въ единую гадость и Россія явилась опутанною цѣлой прочно-сотканной сѣтью грабительства. Административная бюрократія поглотила въ себя судебную бюрократію, основалось систематическое безсудіе, судебная власть или явилась грязною помощницею администраціи въ ея грабительствахъ, или сами администраторы сдѣлались судьями. Кто же у насъ не судья? Уголовная палата судья, но рядомъ съ ней и Закревскій судья, и III отдѣленіе судья и всякая слѣдственная коммиссія судья. При этомъ безсудіи дворянство увлеченное служебными выгодами, перешло въ бюрократію, слилось съ ней; собственно-бюрократія, получая право на дворянство посредствомъ чина, слилась съ дворянствомъ. Ихъ выгоды общія; дворянство и чиновничество слились въ одну организацію грабежа.

Кто же остался въ дуракахъ? Правительство и народъ. Бюрократическое дворянство—или дворянская бюрократія — грабитъ равно и правительство и народъ и заслоняетъ ихъ другъ отъ друга. Когда правительство сдѣлаетъ какое нибудь порядочное разпоряженіе,—чиновничество торопится исказить его въ приложеніи, и народъ ропщетъ на правительство; когда народъ взываетъ къ правительству о спасеніи, т. е. о правосудіи, чиновничество торопится показать правительству, что это бунтъ—и правительство наказываетъ народъ. Очевидно, что такой порядокъ вещей держаться не можетъ и что правительство изъ чувства самохраненія, должно измѣнить его.

Digitized by Google

Кто у насъ судитъ чиновника? Опять чиновникъ, такой же чиновникъ, котораго вся выгода въ томъ, чтобъ подать руку помощи грабящему собрату.

Для крестьянъ суда нѣтъ и быть не можетъ. Крѣпостной человѣкъ до сихъ поръ не имѣлъ ни права, ни возможности жаловаться по суду на помѣщика. Кто будетъ судить? чиновникъ? Но чиновникъ—дворянинъ.

Государственный крестьянинъ можетъ жаловаться на окружнаго — палатѣ государственныхъ имуществъ. Результатъ ясенъ: палата становится судьей и подсудимымъ (juge et partie)—и мужика сѣкутъ.

Гдѣ бы правительство ни захотѣло произвести контроль надъ чиновничествомъ,—этотъ контроль будетъ произведенъ тѣмъ же чиновничествомъ. Изъ этого выходитъ, что неограниченная власть правительства не въ рукахъ государя, а въ рукахъ чиновничества, которое все—и судья, и исполнитель, и законодатель.

Правительству хочется сказать слово истины; но это слово подъ перомъ чиновничества, переходитъ въ несчетныя стопы бумаги, въ которыхъ уже никакой человѣческій смыслъ не добьется толку.

Правительство ищетъ свѣжихъ, т. е. честныхъ людей, для порученія имъ должностей, — нельзя! Честный человѣкъ, побившись на службѣ, отстаетъ отъ чиновничества, думая: "блаженъ мужъ иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ," и зная, что не-грабящаго чиновника — все чиновничество считаетъ за сумашедшаго, если онъ не опасенъ для грабителей, или за либерала, если онъ опасенъ для грабителей. Свѣжему человѣку нельзя дать мѣста, гдѣ бы онъ могъ быть полезенъ: у него еще чинъ не по мѣсту. И правительство принуждено набирать для важныхъ должностей стариковъ—конечно чиновныхъ—но закоснѣлыхъ въ рутинѣ, или выжившихъ изъ ума, и не смѣетъ взять себѣ въ помощники и исполнители свѣжаго человѣка. Самодержавное правительство не смѣетъ! Вотъ какова сила табели о рангахъ и удушливаго формализма!

А чиновничество въ тихомолку смѣется надъ этимъ формализмомъ, пользуется имъ и грабитъ,

Для того, чтобъ видѣть все вліяніе чиновничества на Россію прослѣдимте за его дѣйствіями въ одной, любой губерніи.

Губернаторъ получаетъ 5,000 сер. жалованья, но ѣстъ и пьетъ на счетъ купцовъ губернскаго города, а сверхъ того проживаетъ 15,000 сер. съ откупщиковъ, потому что каждый откупщикъ ежегодно ему платитъ около 1500 р. с., а такъ какъ уѣздовъ примѣрно десять, то это выходитъ 15,000. За то откупщикъ имѣетъ полное право отпирать кабаки во всякое время, разбавлять вино какъ ему угодно и даже корчемствовать; во всѣхъ слѣдственныхъ дѣлахъ по откупу, — откупъ всегда бываетъ правъ, хотя, если дѣло важно, то придется откупу къ обычнымъ 1500 р. приплатить смотря по важности дѣла. Тутъ губернаторъ входитъ въ дружескія сношенія съ казенной палатой; они взаимно прикрываютъ дѣйствія другъ друга и — или не мѣшаютъ другъ другу брать взятки, или берутъ вмѣстѣ. Для обиходныхъ дѣлъ съ дворянъ, купцовъ и мужиковъ, со всѣхъ имѣющихъ нужду до губернатора, взятки беретъ правитель канцеляріи и передаетъ Его превосходительству, получивъ свой пай. Въ губернскомъ правленіи губернаторъ царствуетъ; все присутствіе согласно съ его мнѣніемъ, или онъ съ мнѣніемъ всѣхъ, не смотря на то, что свиду вице-губернаторъ кажется его заклятымъ врагомъ. Губернское правленіе грабитъ безнаказанно и Его превосходительство получаетъ свой процентъ. Чиновники особыхъ порученій грабятъ на слѣдствіяхъ и дѣлятся съ губернаторомъ. Предсѣдатель палаты государственныхъ имуществъ, подобно вице-губернатору, показывая видъ заклятаго врага губернатора, грабитъ съ нимъ за одно. Земская полиція грабитъ въ уѣздахъ; городничій и исправникъ обязаны внести губернатору извѣстную часть своей добычи; это для нихъ единственное средство упрочить себѣ свои мѣста; иначе губернаторъ всегда имѣетъ предлогъ и право удалить ихъ отъ должности. Губернаторъ не мѣшаетъ Гражданской и Уголовной палатѣ брать взятки, т. е. никогда не доноситъ министру Юстиціи о всѣхъ ужасахъ, совершаемыхъ въ этихъ храмахъ правосудія; за то всѣ дѣла, которымъ покровительствуетъ губернаторъ, всѣ дѣла, возникающія по отношеніямъ губернскаго правленія, по слѣдствіямъ произведеннымъ чиновниками особыхъ порученій, — рѣшаются въ томъ смыслѣ, въ какомъ угодно Его превосходительству. Разъ въ годъ губернаторъ ѣздитъ ревизовать уѣзды. Тутъ онъ шумитъ необычайно, и всѣ откровенно трепещутъ. А между тѣмъ все это комедія. Всѣ знаютъ, что губернаторъ не мѣшаетъ, а поощряетъ брать взятки. Если уѣздный судъ постановилъ какое нибудь рѣшеніе не въ смыслѣ губернатора, и если, не смотря на то, губернатору неловко удалить отъ должности уѣзднаго судью, — губернаторъ отставляетъ секретаря суда; а секретарь—это душа уѣзднаго суда; черезъ него и судья получаетъ свои средства существованія; слѣдственно уѣздный судъ находится въ полномъ повиновеніи у губернатора, и пользуясь высокимъ покровительствомъ его превосходительства, грабитъ гдѣ только можетъ. Такимъ образомъ губернаторъ прокатясь съ шумомъ и быстротою паровоза по уѣздамъ ввѣренной ему губерніи, возвращается въ губернскій городъ продолжать спокойно и безнаказанно поддерживать организованную систему грабежа. Если же онъ въ комъ нибудь изъ дворянъ находитъ честнаго человѣка, противурѣчащаго этой системѣ, — онъ доноситъ о немъ III отдѣленію какъ объ опасномъ человѣкѣ, либералѣ, коммунистѣ и т. п. и обманутое правительство начинаетъ преслѣдовать этого человѣка. Прокуроръ, поставленный, или лучше сказать посаженный для протеста, т. е. для препятствія неправосудію и злоупотребленію власти, только подписываетъ — "читалъ, читалъ, читалъ — такой то", и грабитъ за одно съ остальными. Но не только эти господа, даже представители науки—предсѣдатель врачебной управы и лекаря примыкаютъ къ шайкѣ грабителей и грабятъ гдѣ только возможно, а при рекрутскихъ наборахъ неминуемо. Жандармскій полковникъ рѣдко является врагомъ губернатору и грабитъ, гдѣ можетъ за одно съ губернскими властями и пишетъ доносы съ согласія губернатора, если кому изъ нихъ нужно утопить человѣка. Третье отдѣленіе, по уставу своему, предназначено было доносить о взяткахъ и несправедливостяхъ; долгій опытъ показываетъ, что этаго назначенія оно не исполнило, а только преслѣдовало людей политическихъ партій въ государствѣ, гдѣ никакихъ политическихъ партій не существуетъ и этимъ преслѣдованіемъ мнимыхъ преступленій помогало губернаторамъ зажимать ротъ всякому честному человѣку. Не знаю платятъ ли губернаторы въ министерства для поддержанія себя на мѣстахъ, или поддерживаются только подлой услужливостью и низкопоклонствомъ. Общее мнѣніе въ Россіи то, что губернаторы платятъ въ министерства. Если министръ чест-

Digitized by Google

ный человѣкъ, это ничего не доказываетъ, конечно министръ управляетъ государствомъ, но министромъ управляетъ канцелярія, т. е. чиновничество, т. е. грабежъ и формализмъ. При настоящемъ порядкѣ вещей министръ не можетъ освободиться отъ этого вліянія.

Нынѣ правительство сокращаетъ дѣлопроизводство; это полу-мѣра. Министръ в. д. самъ сознается въ этомъ въ своемъ циркулярѣ и ждетъ блаженнаго времени, когда чиновники будутъ проникнуты мыслію, что исполненіе ихъ служебнаго долга состоитъ не въ посылкѣ бумагъ, а въ существенномъ исполненіи дѣлъ. Кто же заставитъ ихъ проникнуться этой мыслію, когда цѣль всей настоящей системы чиновничества—грабежъ. Можно связать человѣка, посадить въ тюрьму, сослать на каторгу, но заставить человѣка проникнуться мыслію, которой онъ внутренно враждебенъ,— нельзя. Такія выраженія въ циркулярахъ ксожалѣнію составляютъ комизмъ и роняютъ циркуляры въ общемъ мнѣніи.

Говорить ли послѣ всего сказаннаго нами о дѣйствіяхъ и вліяніи городничихъ, исправниковъ, становыхъ, гражданской и уголовной палатъ и уѣздныхъ судовъ, казенной палаты и уѣздныхъ казначействъ, винныхъ приставовъ и т. д.? Все это вертится въ одной системѣ — грабить все что ниже ихъ и платить подать всему что выше ихъ. Но нельзя не обратить особое вниманіе на министерство государственныхъ имуществъ.

Одинъ изъ самыхъ умныхъ, благонамѣренныхъ и честныхъ министровъ—графъ Киселевъ создалъ администрацію, больше всего губящую Россію. Онъ впалъ въ ту же ошибку, въ которую впалъ Петръ великій, т. е. перенесъ нѣмецкую бюрократію въ народную жизнь и эту жизнь исказилъ страшно на гибель народу.

Мы уже въ прошлой статьѣ показали какимъ образомъ подъ вліяніемъ Киселевскаго министерства администрація поглотила общину. Выборные крестьянами старшины, головы, добросовѣстные и пр. сдѣлались чиновниками. Головы перестали служить общинѣ, а стали служить окружному и помогать ему грабить народъ. Окружные ѣздятъ сбирать подать въ тѣ времена года, когда у мужиковъ нѣтъ денегъ. Мужики просятъ отсрочки и платятъ за нее до 50 копѣекъ серебромъ съ души окружному. Эта исторія повторяется нѣсколько разъ въ годъ. Недоимка растетъ, народъ становится нищимъ; окружные и головы богатѣютъ. Конечно окружные отплачиваются въ палату государственныхъ имуществъ, и чѣмъ больше имъ надо платить выше, тѣмъ больше они грабятъ крестьянъ. Къ этому присоединилась изобрѣтенная Кисилевымъ жеребьевая рекрутская система; фальшивыя жеребья, взятки съ богатыхъ семейныхъ крестьянъ, совершенное раззореніе не многодушныхъ семействъ, т. е. тройниковъ, двойниковъ, одинокихъ, — вотъ результаты этой иностранной системы, замѣнившей русскую очередную, гдѣ рекрутство падало на тѣхъ, кому было легче вынести это неизбѣжное зло. На нашихъ глазахъ одинъ окружной въ одинъ наборъ взялъ больше десяти тысячь рублей серебромъ взятки; на нашихъ глазахъ головы, изъ ничего, въ одинъ годъ составляли себѣ по десяти тысячь рублей серебромъ капитала. (*)

Все сказанное нами не есть преувеличенная картина. Все это мы видѣли своими глазами, осязали своими руками, выстрадали своей душою. Мы не дѣти! Грѣхъ намъ было бы скрывать отъ себя, что положеніе Россіи вслѣдствіе нѣмецкой системы чиновничества—невыносимо. Сердце надрывается, здравый смыслъ страдаетъ.

Посмотримъ также какую трату денегъ производитъ все это чиновничество для правительства и для народа. Возмемъ прежде всего одну губернію въ десять уѣздовъ и опредѣлимъ приблизительно сколько правительство расходуетъ на жалованье чиновникамъ въ губерніи.

А) Административная часть:

Число лицъ.		Жалованье на одного.		Сумма.
1	Губернаторъ	5,500	..	5,500 р. с.
1	Правитель канцеляріи	400	..	400
	Канцелярія губернатора			1,000
2	Чиновника особыхъ порученій	300	..	600
1	Вицегубернаторъ	1,350	..	1,350
1	Секретарь губернск. правл.	375	..	375
2	Совѣтника губернск. правл.	750	..	1,500
1	Губернскій землемѣръ	575	..	575
1	Губернскій архитекторъ	475	..	475
	Канцелярія губернск. правл.			7,000
1	Полицмейстеръ	450	..	450
4	Частныхъ пристава	300	..	1,200
8	Квартальныхъ	200	..	1,600
	Канцелярія полицмейстера			300
1	Жандармскій полковникъ	450	..	450
1	Жандармскій офицеръ	300	..	300
	Гарнизонъ			1,730
1	Офицеръ путей сообщенія	450	..	450
10	Городничихъ	375	..	3,750
20	Квартальныхъ	200	..	4,000
20	Канцелярій			1,000
10	Исправниковъ	300	..	3,000
20	Дворянскихъ засѣдателей	200	..	4,000
20	Крестьянскихъ	60	..	1,200
10	Секретарей земскаго суда	200	..	2,000
10	Канцелярій земскаго суда*			3,000
20	Становыхъ	200	..	4,000
1	Предсѣдатель врачебной управы	700	..	700
1	Операторъ	500	..	500
1	Акушеръ	500	..	500
10	Уѣздныхъ лѣкарей	300	..	3,000
	Канцелярія и разъѣзды			300
1	Предсѣдатель палаты государ. имущ.	1,500	..	1,500
1	Товарищъ предсѣдателя	800	..	800
2	Совѣтника палаты	600	..	1,200
1	Секретарь	375	..	375
10	Уѣздныхъ окружныхъ	375	..	3,750
	Канцелярія палаты			5,000
	Канцелярія окружныхъ			1,900
20	Волостныхъ головъ	100	..	2,000
100	Сельскихъ старшинъ	50	..	5,000
	Разныхъ добросовѣстныхъ и расходовъ			3,000
1	Губернскій лѣсничій	300	..	300
1	Ученый лѣсничій	300	..	300
10	Уѣздныхъ лѣсничихъ	200	..	2,000
1	Предсѣдатель казенной палаты	1,500	..	1,500
3	Совѣтника	600	..	1,800
1	Секретарь	375	..	375

(*) Говорятъ, что нынѣшній министръ — Муравьевъ предлагалъ государю управленіе государственными крестьянами устроить такъ, какъ управленіе удѣльными! Это значитъ дать чиновничеству помѣщичью власть, кромѣ обычной чиновничей. Да и что же вамъ такъ нравится въ управленіи удѣлами? Развѣ истребленіе лѣсовъ? Потому что раззореніе крестьянъ такое же какъ и у государственныхъ. Да! конечно такая мысль не пришла бы въ голову Муравьеву-мученику, котораго повѣсили; она бы не пришла въ голову и тому Муравьеву, подъ благороднымъ вліяніемъ котораго нижегородское дворянство такъ скоро откликнулось на вызовъ государя къ освобожденію крестьянъ. Такая мысль могла придти въ голову только тому Муравьеву, который хвастался тѣмъ, что вѣшаетъ.

* Такъ называемый нижній земскій судъ есть и судебное и административное учрежденіе, подобно животнымъ низшаго разряда, которыхъ натуралистъ причисляетъ то къ плѣсени, то къ полипамъ.

Digitized by Google

3 Чиновника особыхъ порученій........	300	..	900	
2 Ассессора	400	..	800	
4 Присяжныхъ унтеръ-офицера..........	90	..	360	
10 Уѣздныхъ казначеевъ...............	300	..	3,000	
20 Унтеръ-офицеровъ..................	90	..	1,800	
10 Винныхъ приставовъ................	200	..	2,000	
Канцелярія казенной палаты..........			7,000	
1 Губернскій почтмейстеръ............	1,500	..	1,500	
Канцелярія..........................			2,000	
10 Уѣздныхъ почтмейстеровъ...........	200	..	2,000	
Ихъ канцелярій......................			1,000	
И того по администраціи.............			109,265	р. с.

Б) Судебная часть:

1 Предсѣдатель гражданской палаты....	1,500	..	1,500	р. с.
1 Товарищъ ——	800	..	800	
1 Совѣтникъ ——	360	..	360	
4 Засѣдателя ——	360	..	1,440	
1 Секретарь ——	375	..	375	
Канцелярія ——			10,000	
1 Предсѣдатель уголовной палаты.....	1,500	..	1,500	
1 Товарищъ ——	800	..	800	
1 Совѣтникъ ——	600	..	600	
4 Засѣдателя ——	360	..	1,440	
1 Секретарь ——	375	..	375	
Канцелярія ——			7,000	
1 Совѣстный судья..................	600	..	600	
4 Засѣдателя —	360	..	1,440	
2 Засѣдателя отъ поселянъ —	100	..	200	
Канцелярія —			390	
10 Уѣздныхъ судей..................	300	..	3,000	
20 Засѣдателей отъ дворянъ —	250	..	5,000	
20 Засѣдателей отъ крестьянъ —	60	..	1,200	
10 Секретарей —	200	..	2,000	
Канцелярія —			7,000	
1 Губернскій прокуроръ..............	675	..	675	
2 Губернскихъ стряпчихъ —	360	..	720	
10 Уѣздныхъ стряпчихъ —	200	..	2,000	
Канцелярія —			300	
И того по судебной части...........			50,335	р. с.
На освѣщеніе, отопленіе, перестройки казенныхъ домовъ въ губерніи не менѣе			50,000	р. с.

Слѣдственно:

Администрація....................	109,265	р. с.
Судебная часть...................	50,335	
Содержаніе строеній..............	50,000	
Стоятъ въ одной губерніи...........	209,600	р. с.

Принявши 44 губерніи европейской Россіи, мы получимъ приблизительную цифру содержанія губернскаго чиновничества около десяти милліоновъ рублей серебромъ.

Не меньшую сумму мы должны положить на содержаніе общихъ присутственныхъ мѣстъ — Совѣта, Сената, Синода, Министерствъ, столичныхъ полицій, особенныхъ генералъ-губернаторовъ, поддержку для всего этого, и слѣдственно можемъ заключить, что законнымъ образомъ, т. е. жалованіемъ и поддержкой строеній, чиновничество стоитъ Россіи по меньшей мѣрѣ двадцать милліоновъ рублей серебромъ.

А потомъ разныя слѣдственныя и неслѣдственныя коммиссіи, коммиссіи разныхъ построеній и раззореній, придворный штатъ и пр. и пр... Мы очень хорошо знаемъ, что нашъ перечень чиновничества и его жалованья не вѣренъ, или вѣренъ только приблизительно; мы могли сообразоваться только съ книгой штатовъ, весьма измѣненной по плюсу, а не поминусу, и съ собственными воспоминаніями. Мы только хотѣли сдѣлать опытъ перечня того что стоитъ чиновничество государству; этотъ опытъ не можетъ быть удовлетворителенъ и мы умоляемъ нашихъ соотечественниковъ, знающихъ дѣло, прислать намъ подробный расчетъ — сколько чиновничество стоитъ ежегодно правительству однимъ жалованіемъ и содержаніемъ строеній, чтобы правительство — хотя бы изъ Колокола, покамѣсть гласность не существуетъ въ Россіи, узнало — какихъ законныхъ суммъ ему стоитъ всеобщее раззореніе Россіи. Но ограничимся нашимъ перечнемъ и посмотримъ къ какимъ заключеніямъ онъ насъ приведетъ.

Очевидно съ перваго взгляда, что сумма—смотря по числу чиновниковъ—не только не велика, но слишкомъ мала, и что всѣ чиновники должны быть недовольны своимъ жалованьемъ и грабить. Это на дѣлѣ и существуетъ. Но какъ цифра жалованья относится къ цифрѣ налоговъ — это другое дѣло. Тутъ мы увидимъ, что цифра жалованья—огромная.

Если принять за дѣйствительный законный налогъ — подушный сборъ и число ревизскихъ душъ въ европейской Россіи около двадцати пяти милліоновъ, а налогъ съ души немного болѣе трехъ руб. сер. (*), выйдетъ, что съ европейской Россіи подушныхъ собирается около осьмидесяти милліоновъ рублей серебромъ. Слѣдственно расходъ (20 милліо.) употребляемый изъ этой суммы на чиновниковъ есть четвертая часть сбора, или 25 %.

Въ сущности значеніе чиновниковъ не можетъ быть иное, — какъ значеніе повѣренныхъ государства для устройства общественныхъ дѣлъ. Какой же торговый домъ станетъ платить своимъ прикащикамъ 25 % съ дохода? А если взять въ расчетъ, что эти прикащики только для того и существуютъ, чтобы грабить своихъ довѣрителей, — то безуміе всего положенія государства поражаетъ своей уродливостью.

Канцелярскій чиновникъ, получающій 1 руб. 80 копѣекъ жалованья въ мѣсяцъ, безъ сомнѣнія не можетъ быть доволенъ своимъ жалованьемъ. Но этотъ самый чиновникъ проживаетъ около 10 руб. сер. въ мѣсяцъ, слѣдственно онъ крадетъ въ мѣсяцъ около 8 руб. 20 коп., т. е. по крайней мѣрѣ 500 %. Возвышаясь по четырнадцати градусной лѣстницѣ табели о рангахъ, онъ крадетъ соразмѣрно своему жалованію, т. е. чѣмъ болѣе онъ получаетъ жалованья, тѣмъ болѣе онъ крадетъ. Но принявъ за норму, что чиновничество въ Россіи крадетъ 500 % относительно своего жалованья, выйдетъ, что оно стоитъ государству не 20 милліоновъ, но по крайней мѣрѣ сто милліоновъ рублей серебромъ, а вѣроятно и болѣе. Слѣдственно одно штатское чиновничество даетъ противъ подушныхъ 20 милліоновъ убытку. (†) Откуда казна, откуда народъ возметъ денегъ для удовлетворенія этой бездонной, всепоглащающей бездны? Правительство прибѣгнетъ къ займамъ, мужикъ продастъ послѣднюю коровенку... Разумѣется государство должно раззориться!

И все это для того, чтобы судопроизводство равнялось неправосудію, администрація — насилію и побоямъ, и то и другое организованному грабежу!

Есть изъ чего платить налоги! Бѣдный народъ!

(*) Мы ставимъ приблизительно цифру подушныхъ и не входимъ въ разбирательство системы налоговъ въ Россіи, надѣясь со временемъ заняться этимъ предметомъ въ Колоколѣ.

(†) Намъ скажутъ—почему же мы выставляемъ только цифру подушныхъ? У казны есть и другіе источники доходовъ. — Потому мы выставляемъ только подушный сборъ, чтобъ показать, что онъ весь поглощенъ на содержаніе чиновниковъ, весь поглощенъ на принесеніе огромнаго вреда Россіи, и еще подушныхъ не хватаетъ и казна должна пополнять изъ другихъ доходовъ содержаніе чиновничества. А между тѣмъ у правительства не мало и другихъ расходовъ; возьмите одно содержаніе войска и разныхъ военныхъ чиновниковъ, которые украдутъ не меньше штатскихъ!

Digitized by Google

Есть изъ чего собирать налоги! Бѣдное правительство!

Чѣмъ же помочь горю?

Во-первыхъ правительству надо уничтожить чинъ, чтобъ имѣть возможность окружить себя порядочными людьми.

Теперь пойдемте далѣе.

"Ваше государство чрезвычайно счастливо поставлено," говорилъ Бентамъ императору Александру I; "ему не нужно трудиться позабыть римское право."

Да! это очень счастливо. Но чтобъ счастье было полное, надо ему потрудиться забыть нѣмецкую бюрократію. И возможность этого счастія въ рукахъ правительства.

На сію минуту забудемте же мы сами нѣмецкую бюрократію и попробуемте обратиться къ русской народной жизни; такимъ образомъ мы не выйдемъ изъ исторіи въ какую нибудь утопію, а напротивъ того войдемъ въ настоящее русло, по которому можетъ развиваться русская жизнь. Обратимтесь притомъ къ здравому смыслу, какъ единственному мѣрилу нашихъ дѣйствій и двигателю народностей по историческому пути.

Возмемте опять русскую крестьянскую общину. Мы не боимся повтореній, какъ бы насъ ни обвиняли въ нихъ: надо много и часто говорить объ одномъ и томъ же, чтобы дотолковаться до правды. Вдобавокъ село — главное основаніе государства; государство — это сумма селъ; устройте село и вы устроите государство. И такъ возмемте опять русскую крестьянскую общину и ея несложное и разумное утройство, когда ей не мѣшаетъ ни баринъ, ни чиновникъ.

Старшина и десяткіе выбираются съ общаго согласія на міру. Кому они даютъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, въ расходахъ мірскихъ суммъ? Міру.— Кто ихъ смѣнитъ, если ихъ дѣйствія клонятся не къ благу общины? Міръ. — Чего они боятся, поступая несправедливо или корыстно? Позора на міру и отрѣшенія отъ должности.— Какъ сборщикъ сбираетъ подать? Зная когда у крестьянъ есть деньги, исподволь, благоразумно, не притѣсняя, не оскорбляя. — Какъ судятся крестьяне въ своихъ распряхъ и тяжбахъ? Они выбираютъ себѣ стариковъ для третейскаго суда; этотъ судъ происходитъ словесно и гласно, т. е. на міру, боится позора и не покривитъ душою.

Какое значеніе старшины, или старосты, или головы — назовите какъ хотите—и другихъ выборныхъ? Они сельская полиція. Но если эта сельская полиція кого нибудь обидитъ или станетъ съ кого взыскивать неправедно, — тотъ имѣетъ право жаловаться міру и полагается на мірской судъ. Если міръ (suffrage universel) ошибся во Франціи выборомъ властителей для всей Франціи, то міръ всегда ошибется, если заставятъ выбирать чиновниковъ надо всѣми селами въ государствѣ; но онъ никогда не ошибется въ выборѣ для своего села; тутъ ему все извѣстно, тутъ онъ дома и знаетъ что дѣлаетъ. Попробуйте забыть существованіе окружныхъ и палатъ, исправниковъ и помѣщиковъ; дайте общинѣ спокойно выбирать своихъ сельскихъ начальниковъ и волости своихъ волостныхъ, требовать отъ нихъ отчета на міру и отрѣшать отъ должностей по мірскому усмотрѣнію, и чтобы ни губернскія, ни уѣздныя власти въ эти выборы, отчеты и перемѣны не вмѣшивались. Пусть сельское управленіе и сельская полиція будутъ въ самомъ дѣлѣ сельскія. Вѣдь этого еще никогда не пробовали, хотя это коренное русское устройство. Результатъ можно предсказать навѣрно: крестьяне будутъ жить спокойно и недоимки въ государственныхъ податяхъ не будетъ. Сборщики станутъ вносить ее своевременно въ уѣздныя казначейства.

Попробуйте узаконить крестьянамъ ихъ третейскіе суды на міру безъ вмѣшательства властей и наконецъ мужикъ увидитъ, что и для него существуетъ правосудіе. Что такое третейскій судъ на міру? Это судъ, въ рѣшеніе котораго обѣ тяжущіяся стороны вѣрятъ, потому что выбрали судей съ взаимнаго согласія, судъ, который не скрывается въ темныхъ путяхъ келейности, а происходитъ при всѣхъ, уважаетъ общественное мнѣніе и находится подъ страхомъ у гласности.

То что вы даете селамъ — дайте тоже и городамъ. Дайте городу право выбрать своего городничаго и городскую полицію, и другихъ начальниковъ, какихъ городъ сочтетъ для себя полезными. Дайте городу право судить своихъ начальниковъ за незаконные поступки на городовыхъ собраніяхъ, на городовомъ міру, и отрѣшать ихъ отъ должностей по усмотрѣнію. Дайте городу право выбирать своихъ сборщиковъ податей, и въ городѣ всѣ будутъ справлять свои повинности спокойно и охотно. Дайте городу тѣже третейскіе суды для гражданскихъ судебныхъ дѣлъ.

Дворянство и землевладѣльцы составляютъ особое сословіе, которое не принадлежитъ ни къ городамъ, ни къ сельскимъ общинамъ. Оставте дворянству его выборы, его предводителей съ тѣмъ, чтобы всѣ эти лица давали дворянству отчетъ на выборахъ, и могли бы быть отрѣшаемы дворянствомъ равно по желанію, какъ и за незаконные поступки. До сихъ поръ выборные дворянствомъ давали отчетъ не дворянству, а губернаторамъ и только за одно грабили. Но не позволяйте имъ вмѣшиваться въ сельскія выборы и управленіе; какъ только вы это позволите, вы поставите дворянство и крестьянъ на ножи, а этого мы всѣми силами стараемся избѣгнуть.

Если завяжется тяжебное дѣло, или какой споръ о уплатахъ между сельскимъ обывателемъ и городскимъ обывателемъ, между сельскимъ обывателемъ и дворяниномъ, между общиной и городомъ, между общиной и дворянствомъ, между горожаниномъ и дворяниномъ, между городомъ и дворяниномъ, — дайте право тяжущимся сторонамъ избрать съ взаимнаго согласія третейскихъ судей, по равному числу лицъ изъ тяжущихся сословій. Зачѣмъ намъ постоянные уѣздные суды и гражданскія палаты въ дѣлахъ гражданскаго судопроизводства, когда въ смыслѣ русскаго человѣка лежитъ третейскій судъ? Дайте намъ тяжущимся о землѣ, о наслѣдствѣ и т. д. выбрать себѣ судей, которымъ бы мы обѣ тяжущіяся стороны вѣрили. Мы охотно заплатимъ имъ за рѣшеніе спора извѣстный процентъ съ стоимости дѣла, и это будетъ совершенно справедливо. Постоянное судопроизводство содержится на счетъ всего народа, который нисколько не участвуетъ въ тяжбѣ и которому дѣла нѣтъ до того Иванъ или Петръ владѣетъ такою то вещью; а третейскій судъ исключительно содержится на счетъ тяжущихся, на счетъ тѣхъ, кого данный тяжебный случай интересуетъ. Права владѣнія, долга и платежей и пр. опредѣлены сводомъ законовъ; приложить статью свода къ случаю, не мудрено; гораздо мудренѣе разобрать самое дѣло; а уже конечно третейскій судъ словесный и гласный лучше разберетъ дѣло чѣмъ уѣздный судъ или гражданская палата, которые, пользуясь негласностію суда, ограбятъ обѣ тяжущіяся стороны и рѣшатъ корыстно, прилыгая къ данному случаю статью свода законовъ. Съ уѣздными судами и гражданскими

Digitized by Google

палатами всякій легко начинаетъ неправый искъ; а при гласныхъ третейскихъ судахъ всякій побоится начать неправый искъ, и тяжбъ и споровъ будетъ гораздо менѣе. А это важно для общаго благоденствія и для общественной нравственности.

Тяжущіяся стороны, по нашему предположенію, заплатятъ третейскому суду извѣстный процентъ съ стоимости дѣла; но не надо забывать, что въ смыслѣ русскаго человѣка назначать на міру жалованье и головѣ, и десятскому, и писарю. Это важно потому, что міръ знаетъ сколько надо дать жалованья человѣку, чтобъ онъ могъ править свою должность безгрѣшно, да и знаетъ сколько людей ему нужно выбрать для смотрѣнія за порядкомъ, сообразуясь и съ необходимостью вещей и съ средствами общины. Тоже знаетъ и городъ; тоже знаетъ и округъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Стало казнѣ нечего платить жалованье выбраннымъ разными сословіями людямъ для смотрѣнія за порядкомъ: каждое сословіе само станетъ платить имъ, сколько положитъ на своемъ совѣщаніи, и платя имъ жалованье конечно уже будетъ умѣть потребовать съ нихъ отчетъ и въ тратахъ общественныхъ и во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ; даромъ, или за нанесеніе обществу вреда и убытка — никто не станетъ платить жалованья. Тутъ будетъ настоящій контроль, а не мнимый. Тутъ воровству нѣтъ мѣста, а казнѣ нѣтъ никакаго расхода и убытка.

Одно еще надо сказать о разныхъ актахъ, которые совершаются въ уѣздныхъ судахъ и гражданскихъ палатахъ, какъ то купчихъ, закладныхъ, условіяхъ, заемныхъ письмахъ и векселяхъ. Конечно никакому суду нечего ихъ совершать; это дѣло маклеровъ, какъ оно и дѣлается въ купеческомъ сословіи. Право совершенія актовъ прежде всего надо отнять у судовъ, иначе выходитъ, какъ теперь и есть, что судья совершаетъ незаконный актъ, да потомъ самъ же его и судитъ законенъ онъ, или нѣтъ. Разумѣется онъ оправдаетъ то, что самъ сдѣлалъ. Но въ смыслѣ правосудія—это нелѣпость.

Теперь посмотримъ же какъ, по нашему предположенію, устроится губернія.

Суды по гражданскимъ дѣламъ существуютъ только третейскіе; платятъ за нихъ только тяжущіяся стороны. Акты всякаго рода совершаются маклерами за извѣстный процентъ съ стоимости дѣла. Сельское управленіе и сельская полиція избирается селами; платятъ имъ жалованье и отчетъ отъ нихъ требуютъ селы. Городское управленіе и городская полиція избирается городскими обывателями; платятъ имъ жалованье и отчетъ отъ нихъ требуютъ городскіе обыватели. Дворянство избираетъ своихъ предводителей, само платитъ имъ жалованье и само требуетъ отъ нихъ отчетъ.

Какое же выходитъ теперь дѣло правительства? Самое разумное и самое благородное. Оно составитъ связь всего. Оно отряжаетъ въ губернію губернатора, или какъ хотите его назовите, — посланнаго отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, котораго обязанность объявлять и дворянству, и городамъ, и сельскимъ общинамъ разпоряженія правительства и требовать ихъ исполненія. Такой человѣкъ можетъ спросить, объявляя разпоряженія правительства сословію, до котораго оно относится, или всѣмъ сословіямъ, если дѣло общее по губерніи,— не имѣютъ ли они чего сказать противъ разпоряженія, или что прибавить для его улучшенія, — и объ этомъ мнѣніи тотчасъ обязанъ донести государю. А государь и рѣшитъ оставить ли разпоряженіе какъ оно было, или измѣнить его согласно съ представленнымъ мнѣніемъ. Вотъ гдѣ сыщется истинная связь правительства и народа, вмѣстѣ стремящихся къ благоустройству; а не та мнимая связь, которая теперь существуетъ, связь палки со спиною. Да и губернаторовъ государь, не стѣсненный ни чиномъ, ни формализмомъ, можетъ выбирать изъ людей достойныхъ и знающихъ дѣло, а не то чтобъ брать ихъ изъ приказныхъ разжившихся до дѣйствительнаго статскаго совѣтника, или генералъ-маіоровъ, которые никогда и не грезили о томъ, что такое общественное дѣло.

Еще надо правительству отъ министерства юстиціи прислать прокурора, который бы слѣдилъ за третейскими судами, и, если рѣшеніе суда находитъ незаконнымъ, то представлялъ бы дѣло на разсмотрѣніе сената, какъ высшаго аппелляціоннаго суда. Для этого надо опять, чтобы прокуроры были назначаемы не по чину, а по знанію законовъ, да и сенатъ то долженъ состоять не изъ отжившихъ генераловъ, а изъ людей обучавшихся законамъ въ школѣ ли правовѣденія, или въ университетахъ.

Еще надо правительству отъ министерства финансовъ прислать казначея для пріема податей и расходованія денегъ по предписаніямъ министерства.

Вотъ три человѣка, которыхъ надо правительству прислать въ губернію. Тремъ человѣкамъ конечно можно дать за труды такое жалованье, чтобъ имъ было грѣшно — быть недовольными, и достаточно для того, чтобъ они нанимали себѣ помощниковъ, какихъ гдѣ нужно; лишнихъ они не наймутъ.

Такимъ образомъ народъ будетъ жить на правахъ человѣческихъ, т. е. свободно, спокойно, по здравому смыслу и доброй совѣсти, а правительство будетъ настоящею связью всѣхъ интересовъ и той властью, которая даетъ людямъ покой и такое благоустройство, какое они для себя считаютъ лучшимъ. При такой связи правительства съ народомъ всѣ сословія также охотно станутъ исполнять разпоряженія правительства, какъ и правительство станетъ содѣйствовать ихъ выгодамъ. Выгода правительства и народа будетъ одна; ихъ взаимная связь будетъ дѣйствительна, т. е. искренна и благоразумна.

Но у насъ еще остается одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ: Какъ устроить уголовное судопроизводство? Оно у насъ не существуетъ. У насъ существуетъ только одинъ чиновничій произволъ. Мужика на слѣдствіи бьютъ, понятыхъ сѣкутъ, обвиняютъ и оправдываютъ кого хотятъ. Съ дворянами поступаютъ не лучше: если совершена дворяниномъ кража или убійство, его обвиняютъ или оправдываютъ, смотря по тому могъ или не могъ онъ откупиться отъ суда—и только. А если онъ замѣшанъ по политическому преступленію, т. е. если назвалъ вора мошенникомъ, то его безъ всякаго суда ссылаютъ.

Наказъ Екатерины II говоритъ: лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ наказать однаго невиннаго. Это только слова, на дѣлѣ бываетъ совсѣмъ противоположное. Да иначе и быть не можетъ. Выгода слѣдователя или судьи не оправдать подсудимаго, а обвинить,—или для того, чтобъ ограбить, или, чтобъ подслужиться начальству. Дѣло происходитъ келейно; а когда оно келейно, то слѣдователь или судья могутъ дѣлать что хотятъ, безотвѣтно и безнаказанно.

Чтобы поддержать мысль Екатерины II, — надо чтобъ уголовное судопроизводство было гласнымъ; но прежде всего

Digitized by Google

надо, чтобъ правительство опредѣлило неизмѣннымъ закономъ, что никто безъ жалобы и безъ слѣдствія не отдается подъ судъ, и никто безъ суда не наказывается. Мы сказали : безъ жалобы потому, что за кражу разумно нельзя отдать подъ слѣдствіе, если никто на кражу не жалуется ; кража дѣло частное. Кто нибудь да долженъ жаловаться, или частный человѣкъ на вора, обокравшаго его, или сама казна на чиновника, обокравшаго ее, и въ этомъ случаѣ казна совершенно на правѣ частнаго человѣка; и частный человѣкъ и казна жалуются на такую то кражу. Случилось убійство, или увѣчье, — надо, чтобъ на увѣчье жаловался увѣченный; надо, чтобъ на убійство жаловалась полиція (сельская, городская, или дворянская). Во всякомъ случаѣ надо, чтобъ кто нибудь жаловался, потому что преступленіе, на которое никто не жалуется, не есть преступленіе. Третейскому суду тутъ нѣтъ мѣста, потому что дѣло не спорное, а просто происшествіе. Но не можетъ же судить о происшествіи тотъ, кто о немъ доноситъ, или на него жалуется : надо, чтобъ кто нибудь разсудилъ точно ли человѣкъ, который доноситъ о происшествіи, не вретъ. Для этого нужно, чтобы было опредѣлено, что такое то происшествіе дѣйствительно случилось. Для этого надо понятыхъ, которые бы опредѣлили, что была кража, или убійство, или увѣчье; если понятые скажутъ, что происшествіе не солгано, а достовѣрно, то надо произвести слѣдствіе. Многіе подумаютъ : это длинное дѣло; пожалуй и виновнаго не откроешъ. Да мы не съ той точки зрѣнія и выходили : можетъ мы и не откроемъ виновнаго; но главное дѣло — мы не осудимъ невиннаго. Если первые понятые сказали, что не надо производить слѣдствія, или что жалоба ложная, или что виновнаго нѣтъ,—то просто не станемте производить слѣдствія. Ошибка понятыхъ все же менѣе важна, чѣмъ отдать человѣка подъ слѣдствіе ни за что ни про что. Если же понятые скажутъ, — надо произвести слѣдствіе : кто же будетъ производить его?

Слѣдствіе можетъ производить, смотря по дѣлу, сельская, городская или дворянская полиція. Если дѣло только маленькая кража, — этого и достаточно. Если же дѣло важное, на примѣръ убійство (а вѣдь кромѣ кражи—преступленія противъ движимой собственности, и убійства или увѣчья—преступленія противъ лица, — другихъ преступленій нѣтъ), то мѣстныхъ полицій не достаточно для слѣдствія. Онѣ могутъ мирволить преступнику, или злобствовать на невиннаго человѣка. Пусть будетъ слѣдователь отъ правительства. Пусть онъ производитъ слѣдствіе вмѣстѣ съ мѣстною полиціей. Если и онъ и мѣстная полиція согласны,—тѣмъ лучше; если не согласны, то все же дѣло должно пойти къ суду.

Кто же разсудитъ?

Какъ бы ни былъ иногда (весьма рѣдко) судъ присяжныхъ пристрастенъ или ошибоченъ, но мы до сихъ поръ не встрѣчали формы уголовнаго суда лучше, т. е. всѣ другіе суды ошибочнѣе, пристрастнѣе и несправедливѣе.

Стало примемте судъ присяжныхъ.

Чтожъ это значитъ : пусть каждая губернія выберетъ для рѣшенія виновности или невиновности подсудимаго, людей изъ разныхъ сословій, которые на данный случай собираются сказать свое убѣжденіе. Слѣдствіе произведено; присяжные, вѣря слѣдствію, скажутъ человѣкъ виноватъ; не вѣря слѣдствію —скажутъ : нѣтъ, человѣкъ не виноватъ. И достаточно. Этимъ людямъ и жалованья не нужно; они обязаны потратить, ради общества, свое время на обсужденіе уголовнаго дѣла, потому что весь судъ производится только ради общественной, слѣдственно и ихъ судей, безопасности, чтобы общество не держало въ своей средѣ какаго нибудь злодѣя на равнѣ съ хорошимъ человѣкомъ.

Присяжные рѣшили — не виноватъ человѣкъ,— отпустите его. Рѣшили виноватъ — пусть судья приложитъ статью уложенія о наказаніяхъ къ винѣ, и преступникъ будетъ наказанъ.

Кто же будетъ судья? Да пусть онъ будетъ избранъ всѣми сословіями и утвержденъ правительствомъ изъ людей, знающихъ законы, только бы онъ не смѣлъ произносить судъ противно мнѣнію присяжныхъ. Все его дѣло прилагать статью уложенія къ винѣ подсудимаго, признанной присяжными. Жалованье ему общественное. Пусть такой судья будетъ назначенъ на извѣстное пространство, или извѣстное число душъ; тѣмъ лучше, если округъ судебной и административной власти — разный, т. е. если губернаторъ завѣдываетъ одной губерніей, а судья половиной этой губерніи и половиной другой; чѣмъ независимѣе судебная власть отъ административной — тѣмъ лучше, тѣмъ больше надежды на правосудіе. Пусть подсудимый имѣетъ право жаловаться—не на рѣшеніе присяжныхъ, а на приложеніе судьею статьи уложенія — въ Сенатъ, какъ высшій аппелляціонный судъ.

Въ этомъ случаѣ есть какая нибудь надежда на правосудіе.

Этотъ порядокъ скорѣе англійскій, чѣмъ русскій. Но русскаго уголовнаго порядка вовсе нѣтъ, есть только русскій уголовный безпорядокъ; поневолѣ надо прибѣгнуть къ подражанію странѣ, гдѣ неприкосновенность лица ограждена всего болѣе, т. е. гдѣ полицейскій не смѣетъ никого — ни побить, ни запереть въ тюрьму безъ того, чтобы судья или понятые, избранные обществомъ, рѣшили, что надо человѣка посадить въ тюрьму, а о побояхъ полиціей и говорить нечего, онѣ въ Англіи вовсе неизвѣстны.

Стало мы выиграемъ что? Что никто, безъ опредѣленія понятыми, не можетъ быть отданъ подъ слѣдствіе, никто безъ слѣдствія не можетъ быть отданъ подъ судъ, и никто, безъ рѣшенія присяжныхъ, не можетъ быть по суду наказанъ.

Только этото и надо. Этимъ наказъ Екатерины II, что лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго, — будетъ приведенъ въ исполненіе. Это согласно и съ совѣстью и съ здравымъ смысломъ.

Стало правительству еще надо содержать въ губерніи слѣдователя. Одному человѣку можно дать достаточное жалованье, чтобы онъ содержалъ себя прилично и нанималъ себѣ помощниковъ сколько нужно. Лишнихъ не найметъ.

Всего правительству, по нашему предположенію, надо содержать въ губерніи четыре человѣка, и требовать отъ нихъ отчетъ. Да надо представить каждому сословію особо, и всѣмъ вмѣстѣ и каждому человѣку порознь, жаловаться на нихъ за беззаконіе или превышеніе власти въ I департаментъ сената, потому что надо, чтобъ былъ настоящій судъ между лицами, назначенными правительствомъ, и обществами —сельскими, городскими и дворянскими, потому что цѣль правительства— правосудіе.

Такимъ образомъ правительству остается содержать въ каждой губерніи по четыре человѣка, и на общій счетъ — общій аппелляціонный судъ : Сенатъ, и общее законодательное совѣщаніе : государственный совѣтъ, и министерства. Остальное все можетъ содержаться на мѣстный общественный счетъ.

Digitized by Google

И правительству будетъ легко, и народу будетъ легко. Связь между ними будетъ дѣйствительна.

Только надо, чтобы правительство поручило знающимъ людямъ пересмотрѣть сводъ законовъ, въ особенности уголовное уложеніе, которое и жестоко и нелѣпо, и законы о правахъ торговли для разныхъ состояній, которыя ужасно стѣснительны для крестьянъ, слѣдственно стѣснительны для общаго благоденствія, о чемъ мы со временемъ надѣемся поговорить въ Колоколѣ.

Еще правительству надо позаботиться пересмотрѣть и улучшить систему налоговъ, которые, съ перваго взгляда по цифрѣ кажутся не очень велики, а на дѣлѣ для народа страшно обременительны, о чемъ Колоколъ также со временемъ скажетъ свое мнѣніе.

Если правительство приметъ рѣшительныя мѣры для преобразованія чиновничества, то надо приказать тяжебныя нерѣшенныя дѣла, теперь существующія, покончить въ годовой срокъ, съ тѣмъ, что гдѣ дѣла не покончатся въ годовой срокъ—чиновничество подлежитъ уголовному суду и наказанію.

Спрашивается : куда же пойдутъ упраздненные чиновники? Разогнать ихъ не будетъ ли слишкомъ жестоко?

Еще жесточе оставить ихъ грабить и тѣснить шестьдесятъ милліоновъ жителей.

Когда строилась петербурго-московская желѣзная дорога, всѣ говорили : что же станется съ ямщиками, которые возили по шоссе?

Слава Богу ни одинъ изъ этихъ ямщиковъ не умеръ съ голоду и всѣ нашли работу.

Тоже будетъ и съ упраздненными чиновниками.

Мы не намѣревались здѣсь написать уставъ новаго устройства. Это людямъ одинокимъ не по силамъ. Мы хотѣли только указать путь къ устройству, наиболѣе народный и наиболѣе сообразный съ здравымъ смысломъ. Мы старались указать его посильно. Мы вѣримъ, что Александръ II станетъ во главѣ русскаго развитія и приметъ изъ нашихъ мнѣній то, что возможно и удобно.

Въ заключеніе мы напомнимъ только одно : государство есть сумма селъ; устройте село—и вы устроите государство.

Н. ОГАРЕВЪ.

СМѢСЬ.

Письма полученныя нами печальны. Партія Александра Николаевича рѣшительно не въ авантажѣ. Орловы и Панины въ Петербургѣ, Закревскіе въ Москвѣ одолѣваютъ и смѣло ведутъ Россію и царя вспять.

Середь полнѣйшей тишины, въ то самое время, какъ связь государя съ народомъ дѣлается связью не страха, а любви,—заговорщики поддерживаютъ въ государѣ мысль о близкомъ мятежѣ. Въ Москвѣ Закревскій выдаетъ боевые патроны и заводитъ полицейскіе сигналы.

Когда новый оберъ - полицеймейстеръ Крапоткинъ приказалъ полицейскимъ чиновникамъ обращаться вѣжливѣе съ народомъ, Закревскій сказалъ ему, что онъ нововведеній терпѣть не можетъ, и что Москву надобно держать въ ежевыхъ рукавицахъ.

Носился слухъ, что его накопецъ сдадутъ на покой въ государственный совѣтъ, но совсѣмъ напротивъ : онъ надняхъ отвѣтилъ одному генералу, спросившему его—правда ли, что онъ оставляетъ Москву.—"Я счелъ бы себя подлецомъ, еслибъ оставилъ Москву въ такое смутное время." Ужъ не пойдетъ ли и Клейнмихель опять на службу—спасать отечество?—La patrie est en danjer!.. Минины, Пожарскіе, да и только.

Вмѣсто уничтоженія цензуры—цензуру удвоили, запутали; прежде цензировали — цензоры, попы и тайная полиція; теперь всѣ вѣдомства будутъ цензировать, каждое министерство приставитъ своего евнуха къ литературному сералю, и это въ то время какъ ждали облегченія цензуры. И дѣйствительно новый проэктъ былъ поданъ въ комитетъ министровъ, но Панинъ и за нимъ всѣ единогласно (за исключеніемъ в. к. Константина Николаевича)—отвергли всякое улучшеніе съ благороднымъ негодованіемъ. Право мы начинаемъ думать, что все это дѣлается для Колокола и для Полярной Звѣзды. Заставить молчать, позволивши хоть немного говорить,—трудно и нелѣпо. Русская литература переѣдетъ въ Лондонъ. Мы ей сверхъ англійской свободы и роднаго привѣтствія—приготовимъ лучшую бумагу и отличныя чернила.

Говорятъ, что въ нынѣшнемъ году Константинъ Николаевичъ ѣдетъ по Россіи осмотривать все ли ладно и хорошо. Губернаторы и исправники, не имѣющіе еще оффиціальнаго распоряженія, начинаютъ уже притѣснять народъ, хлопочутъ чтобъ скрыть отъ него Россію, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хотятъ дѣлать новыя дороги. Неужели и онъ позволитъ себѣ отвести глаза такими жалкими и грубыми фокусниками?

¿Правда ли, что въ Москвѣ и по губерніямъ сѣкутъ безпрерывно крестьянъ и особенно дворовыхъ за то, что они говорятъ объ освобожденіи??? — Тутъ ужъ и ума не приложишь, такъ это отвратительно!

ПОЛЬЗА ОТЪ ГЛАСНОСТИ.

Московскій полицмейстеръ Сечинскій, пустилъ въ ходъ записку по дѣлу дѣвицы Янсонъ, умершей въ тюрьмѣ, гдѣ она была заключена беззаконно полиціей. Дѣло это, забытое совѣстью виновныхъ, равнодушіемъ постороннихъ и преступнымъ потворствомъ начальства, поднято статьею, бывшей въ 5 Листѣ Колокола. Фактъ этотъ очень важенъ. Полицмейстеръ оправдывающійся передъ публикой—примѣръ превосходный. Безъ сомнѣнія онъ на это имѣетъ полное право.

Какъ же правительство и общество не понимаютъ всей пользы гласности? Панинъ прочитавши въ Колоколѣ, вытребовалъ дѣло и на первый случай только удивился, что рѣшеніе сиротскаго суда въ статьѣ помѣщенной нами,—списано слово въ слово. Подождемъ какъ онъ разберетъ дѣло, копіи онъ сличаетъ мастерски. Вѣдь министръ юстиціи — генералъ-прокуроръ, око царево и такъ высоко поставленное притомъ, что оно все можетъ видѣть какъ съ каланчи, начиная съ Топильскаго и окончивая почтенной Маріей Бредау, содержательницей "дѣвокъ вольнаго обращенія".

Сечинскій не согласенъ съ царевымъ окомъ на счетъ вѣрности изложенія, и оканчиваетъ свое оправданіе страшнымъ ругательствомъ—намъ, или лучше нашему корреспонденту (не выдумали же мы въ Лондонѣ исторію Янсонъ).

Недостатокъ мѣста въ нынѣшнемъ Колоколѣ, заставилъ насъ отложить любопытную промеморію, пущенную въ Москвѣ Сечинскимъ. Олимпическій гнѣвъ сопровождаемый квартальной бранью и риторикой управы благочинія, обязываетъ насъ передать ее нашимъ читателямъ. Еслибъ онъ могъ оправдаться, мы кротко приняли бы его брань и готовы были бы просить у него прощеніе. Но его записка не оправдываетъ его, и если въ частностяхъ нашего корреспондента — есть различія съ свѣдѣніями, данными Маріей Бредау, содержательницей публичнаго дома, и приставомъ частнаго дома, то одно личное знакомство и дружба съ ними можетъ вселить къ нимъ довѣріе; мы же съ ними вовсе не знакомы, а что касается до пріятнаго ремесла Маріи Бредау, оно не вселяетъ особеннаго довѣрія.

Да еслибъ и все было правда и строптивость характера дѣвицы Янсонъ и незаплаченные долги и развратное поведеніе (???) въ публичномъ домѣ, то все же она не подлежала заключенію безъ суда и смертной казнѣ въ тюрьмѣ; но объ этомъ въ слѣдующемъ Листѣ Колокола.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

Digitized by Google

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, *W. C.*

ЛИСТЪ 13.

15 Апрѣля 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 39, Rupert Street, Haymarket, London. Price six-pence.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ

РАЗБОРЪ РЕСКРИПТА ОТЪ 5/17 ДЕКАБРЯ 1857 И МИНИСТЕРСКАГО ОТНОШЕНІЯ ПО ЕГО ПОВОДУ. (*)

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

Сочиненія и изданія ваши возбуждаютъ живое, горячее сочувствіе большей и лучшей части нашего молодаго поколѣнія. Это вамъ извѣстно. Они выполняютъ отчасти пустоту, которую мы вокругъ себя чувствуемъ, даютъ пищу и возможность выраженія нашей мысли, опредѣляютъ во многихъ случаяхъ направленіе нашихъ стремленій. Благодаримъ васъ, искренно благодаримъ васъ за это.

Уничтоженіе крѣпостнаго права есть вопросъ, возбужденіемъ и правильнымъ пониманіемъ котораго мы частью обязаны вамъ. Разумное разрѣшеніе этого вопроса, т. е. освобожденіе крестьянъ съ землей, сдѣлалось нашей первой задачей, нашимъ пламеннымъ, нетерпѣливымъ желаніемъ. Съ этой стороны вы вполнѣ достигли вашей благородной цѣли.

Прочитавъ "высочайшій рескриптъ 5/17 Декабря 1857" и "отношеніе министра в. д. къ петербургскому в. г. губернатору, первымъ движеніемъ моимъ было взяться за перо, чтобы откровенно изложить мои мысли объ этомъ предметѣ. Мнѣ какъ то больно было промолчать и не высказаться о немъ. Я рѣшился написанныя мною замѣчанія послать къ вамъ съ просьбою помѣстить ихъ гдѣ хотите: въ Колоколѣ, въ Полярной Звѣздѣ, въ Голосахъ.

Мнѣ близко знакомы разнородныя мнѣнія объ этомъ предметѣ, раздѣляющія между собой нашихъ дворянъ-помѣщиковъ. Нѣкоторые, по счастію немногіе, зрѣлые не умомъ, а возрастомъ, ослѣпленные робкимъ, недально-виднымъ эгоизмомъ, не вѣрятъ въ необходимость освобожденія крѣпостныхъ, не постигаютъ пагубныхъ послѣдствій безумнаго отлагательства. По ихъ мнѣнію пора еще не пришла, еще русскій народъ не достигъ степени развитія необходимой чтобы быть съ пользою свободнымъ. Какъ будто возможно умственное развитіе крѣпостнаго народа, народное развитіе безъ свободы? Другіе, люди практическіе, считаютъ освобожденіе крестьянъ неизбѣжной непріятностью, которая можетъ лишить ихъ части доходовъ съ имѣній, или заставитъ приложить руки къ хозяйству, и потому покоряются событіямъ безъ внутренняго убѣжденія въ ихъ необходимости . . . холодно, почти непріязненно. Наконецъ очень многіе, хотя и желаютъ искренно освобожденія крѣпостныхъ, хотя вполнѣ убѣждены въ дикой неестественности помѣщичьяго права, но къ сожалѣнію, этимъ и ограничиваются. Они смотрятъ на все это слегка, какъ на вопросъ не очень интересный и незаслуживающій исключительнаго (конечно временнаго) занятія онымъ. Для нихъ все равно какъ бы дѣло не устроилось, лишь бы спокойно, безъ шуму, безъ чувствительнаго переворота; лишь бы не бросалось въ глаза Европѣ и не оскорбляло нашего слуха позорное слово "крѣпостной" такъ непріятно затрогивающее дворянскую совѣсть. Только бы явно не продавали людей, а тамъ Богъ съ ними, какъ нибудь будутъ жить, вѣдь жили же до сихъ поръ, а хуже чѣмъ теперь наврядъ ли для нихъ можетъ быть!

Этихъ то послѣднихъ, слабо-нервныхъ господъ мнѣ особенно и хочется помочь расшевелить, заставить понять, что дѣло не въ номинальномъ освобожденіи крестьянъ, а въ томъ, чтобы изъ массы населенія образовать народъ свободный на дѣлѣ; въ томъ, чтобы поддержать и развить въ немъ слабый зародышь соціализма, глубоко укоренившійся въ славянской общинѣ... и тѣмъ самымъ основать будущее счастіе Россіи... можетъ быть Европы!

За несвязность и неизящность слога не взыщите: во 1хъ. я не литтераторъ и не записной грамотѣй, а это мой первый опытъ; во 2хъ. разборъ мой былъ писанъ первоначально не для печати. Предоставляю вамъ полную свободу выбросить изъ статьи то, что вамъ покажется лишнимъ и напечатать это письмо, если вы почтете это нужнымъ.

РАЗБОРЪ РЕСКРИПТА (*)

Молодое правительство наше кажется стыдится своего

(*) Съ искренной радостью печатаемъ мы эту статью. Въ общемъ мы съ нею совершенно согласны; мы сами хотѣли писать о томъ же вопросѣ, но охотно уступаемъ мѣсто новому сотруднику, предоставляя себѣ право впослѣдствіи поговорить объ этомъ предметѣ. Послѣднія строки статьи ненапечатанныя нами, даютъ намъ право сердечно и горячо пожать руку неизвѣстнаго намъ автора, онѣ глубоко насъ потрясли и тронули. И—ръ.

(*) Подобный рескриптъ, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ числѣ избирательныхъ и коронныхъ членовъ комитета данъ 20 Ноября 1857 года Виленскому военному, Гродненскому и Ковенскому генералъ-губернатору. Въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ получено полу-оффиціальное приглашеніе послѣдовать примѣру литовскихъ и петербургской губерній, для чего созваны въ губернскіе города предводители дворянства всѣхъ уѣздовъ. Иныя губерніи просили отсрочки, отвѣта, для предварительныхъ совѣщаній.

Digitized by Google

желанія освободить крестьянъ, оно боится высказать свои намѣренія прямо — на чистую — и вслѣдствіе того являются подобные рескрипты:

"Дворянство Петербургской губерніи изъявило желаніе улучшить и упрочить бытъ своихъ крестьянъ точнымъ опредѣленіемъ ихъ обязанностей и отношеній къ помѣщику."

Еслибы мы не были увѣрены въ добрыхъ намѣреніяхъ государя и еслибы не очевидна была цѣль скрыть отъ крестьянъ, до поры, до времени, важныя измѣненія предстоящія ихъ судьбѣ, то можно бы право подумать, что дѣло идетъ о мѣстномъ введеніи новыхъ инвентаріевъ или чего нибудь подобнаго. И къ чему эта тайна? Развѣ для того только, чтобъ по аналогіи, освобожденіе крестьянъ произвести за ихъ спиной и безъ ихъ вѣдома, точно также какъ совершено ихъ прикрѣпленіе къ землѣ, а потомъ окончательная отдача во власть помѣщиковъ? Къ тому же она невозможна ужъ теперь: въ каждомъ помѣщичьемъ имѣніи, въ каждой господской передней только и разговору что о свободѣ. Состояніе умовъ повсюду напряжено ожиданіемъ, неизвѣстность томительна; повиновеніе крѣпостныхъ, особенно дворовыхъ, съ каждымъ днемъ становится болѣе шаткимъ. Народъ считаетъ сословіе дворянъ препятствіемъ къ своему освобожденію; отсюда развивается невависть къ намъ, конечно часто заслуженная, но въ большей части случаевъ неимѣющая другаго источника, кромѣ медленности и какой то, въ этомъ случаѣ неумѣстной, постепенности, правительственныхъ мѣръ. Крестьяне губерній, въ которыхъ еще не приступили къ уничтоженію крѣпостнаго права, считаютъ себя обиженными, забытыми . . . и все это приписываютъ помѣщикамъ, а не правительству.

Далѣе сказано: "Я предоставляю дворянству Петербургской губерніи приступить къ составленію проэктовъ, на основаніи которыхъ подобныя похвальныя намѣренія могутъ быть приведены въ исполненіе соотвѣтственно моимъ видамъ и желаніямъ."

Но гдѣ же высказаны эти высочайшіе виды и желанія; неужели подъ этимъ должно разумѣть ниже изложенныя замѣчанія, кромѣ 1го, бѣдныя значеніемъ.

Затѣмъ слѣдуетъ повелѣніе составить въ петербургской губ. комитетъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ членовъ выбранныхъ изъ среды себя дворянами, по 2 отъ уѣзда и 2 опытныхъ помѣщиковъ той же губерніи по назначенію в. г. губернатора. Почему же опытныхъ, а не просвѣщенныхъ, въ чемъ же должна состоять ихъ опытность? Въ долголѣтней привычкѣ что ли притѣснять крестьянъ, какъ говорится выжимать изъ нихъ сокъ? А отъ этихъ то несчастныхъ — отъ крѣпостныхъ, въ дѣлѣ касающемся ихъ существованія, представителей вѣрно не нужно? Оно и лучше: мужикъ глупъ, гдѣ ему разсудить что для него хорошо, что дурно; пожалуй добровольно откажется отъ патріархальнаго покровительства и отеческихъ наказаній помѣщика. А тамъ, чего добраго, еще выдумаетъ, что оброкъ платить и барщину отбывать дѣло лишнее, ненужное. А вѣдь мужикъ безъ оброку и безъ барщины человѣкъ пропащій: облѣнится, взбѣсится, сопьется съ кругу. Такъ разсуждаютъ опытные помѣщики. И въ самомъ дѣлѣ лучше уже дѣло обдѣлать безъ него; ему же лучше: онъ думать не привыкъ и долженъ быть благодаренъ, что другіе за него думаютъ, предоставляя ему болѣе легкое дѣло физическаго труда.

Основаніе, которымъ комитетъ долженъ руководствоваться состоитъ въ 3 пунктахъ: Помѣщикъ сохраняетъ право на всю землю; по крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они пріобрѣтаютъ посредствомъ выкупа; сверхъ того они получаютъ потребное количество земли, за которое отбываютъ барщину или платятъ оброкъ. Да помилуйте, это все и теперь такъ, изъ за чего же хлопотать? Усадебную осѣдлость крестьяне имѣютъ безъ выкупа, а за оброкъ или барщину получаютъ извѣстное количество земли, которое обрабатываютъ въ свою пользу. Я тутъ не вижу улучшеніе несчастнаго и беззаконнаго состоянія крѣпостныхъ крестьянъ. Гдѣ оброкъ и барщина, тамъ нѣтъ свободы! Усадебная осѣдлость, безъ пахатной земли, пустой звукъ, выраженіе лишенное значенія и смысла. Мы по ост-зейскимъ губерніямъ знаемъ, что значитъ для крестьянина-земледѣльца свобода безъ земли. Положеніе ихъ нисколько не лучше, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже несравненно хуже крѣпостнаго. Пункты 2 и 3(*) также ничего новаго не говорятъ: все это есть, существуетъ, можетъ быть подъ другими названіями, но развѣ въ названіи дѣло?

Развитіе этихъ основаній (по русски вершковъ) предоставляется комитету. Интересно знать, что разовьетъ изъ нихъ комитетъ, а кажется вѣроятнѣе, что совьетъ новыя путы крестьянамъ, да и помѣщикамъ. Видно не даромъ при "незабвенномъ" крестьянъ отпущенныхъ на волю безъ земли, называли общинными.

Господину в. генералъ-губернатору предоставляется давать комитету надлежащія наставленія, или проще бы сказать приказанія... Можетъ быть это и поможетъ... если не дѣлу, то по крайней мѣрѣ комитету.

Заключеніе. "Я увѣренъ, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе мною оказываемое сему сословію, призваніемъ его къ участію въ этомъ важномъ дѣлѣ."

Ну одолжили! Да какъ же, скажите на милость, дворянству то не участвовать въ собственномъ дѣлѣ, довольно кажется отстраненія отъ участія въ немъ другой причастной стороны, стороны пассивной, крѣпостной. Неужели это дѣло чиновниковъ или полиціи явной и тайной? Здѣсь правительство съ здравымъ смысломъ, очевидно можетъ быть только посредникомъ (mediateur), а не дѣйствующимъ лицомъ. Это понимаютъ даже крестьяне, и потому при случаѣ возмущаются и будутъ возмущаться противъ помѣщиковъ, а не противъ правительства, которое отъ нихъ далеко, съ которымъ они не имѣютъ другаго соприкосновенія какъ черезъ взятки и притѣсненія земской полиціи, да по временамъ еще черезъ рекрутскіе наборы. Далѣе: "и что при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянства, дѣло будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ." Ужъ не знаю будетъ ли божія помощь, а на просвѣщенныхъ дворянъ расчитывать трудно, призывая опытныхъ, т. е. закоснѣлыхъ въ старыхъ предразсудкахъ, твердо-вѣрующихъ, что помимо самодержавія и розогъ нѣтъ спасенія.

Военному генералъ-губернатору предоставляется строго наблюдать, чтобы крестьяне оставались въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ и не внимали злонамѣреннымъ толкамъ. Легкое дѣло... да какъ же заставить ихъ не внимать толкамъ, каковы бы они ни были, когда изъ единственнаго, дозволен-

(*) Содержаніе ихъ мы изложили при разборѣ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ, гдѣ они повторяются съ большими подробностями.

Digitized by Google

маго имъ источника, изъ рескрипта, именно толку-то и не добьешься.

А не надо бы медлить, по крайней мѣрѣ въ этихъ реформахъ, которыхъ необходимость правительство чувствуетъ, хотя и не сознается еще въ томъ откровенно. Полумѣры здѣсь, какъ и вездѣ, никуда не годятся: съ ними и особенно съ строгимъ наблюденіемъ, дождутся того, что мужикъ, не предвидя близкаго разрѣшенія своей судьбы, возмется за топоръ и рѣшитъ ее по своему.

Если государь сказалъ: "Господа, лучше чтобы эти перемѣны сдѣлались сверху, нежели снизу"... то пусть же онъ станетъ во главѣ реформы, пусть направляетъ ихъ къ разумной цѣли, а не упирается противъ нихъ, колеблясь и уступая, какъ бы нехотя, шагъ за шагомъ. И реформація началась сверху; но что же сдѣлали для нея соборы въ Пизѣ и Констанцѣ: вмѣсто того чтобы уничтожить въ папской власти и въ устройствѣ церкви то, что было несообразно съ здравымъ смысломъ и съ той степенью развитія, которой въ то время уже достигла Европа, они сожгли 2 еретиковъ, низложили и вновь избрали 3 папъ, убѣгая однако разрѣшенія главныхъ коренныхъ вопросовъ. Тогда реформація стала восходить снизу: изъ среды народа явились смѣлые реформаторы, которые открыто отвергли власть папы и нелѣпые уставы католической церкви. Индивидуализмъ торжествовалъ, но побѣда его праздновалась среди кровавыхъ религіозныхъ войнъ. Теперь настала очередь коммунизма; въ его раннемъ или позднемъ торжествѣ мы не сомнѣваемся; чѣмъ здѣсь будетъ куплена побѣда неизвѣстно: мирными ли путями достигнутъ народы лучшаго человѣческаго устройства или терпѣніе ихъ лопнетъ подъ усиленнымъ давленіемъ всеобщей реакціи,—все будетъ зависѣть, какъ ни больно въ этомъ сознаться, отъ независящихъ отъ насъ обстоятельствъ, отъ непредвидѣнныхъ и непредвидимыхъ случайностей.

ОТНОШЕНІЕ МИНИСТРА В. Д. КЪ СПБ. В. Г. ГУБЕРНАТОРУ.

По подробнѣе рескрипта, но въ сущности повтореніе того же самаго другими словами. Только нѣкоторые пункты особенно интересны: какъ бы не хотя проговариваясь, они противъ воли, обличаютъ нелѣпость цѣлаго.

Первые 3 касаются правила избранія членовъ и кандидатовъ изъ дворянъ для составленія комитета; 4ой. дозволяетъ комитету приглашать, съ разрѣшенія в. г. губернатора, для совѣщаній, помѣщиковъ спб. губерніи (безъ сомнѣнія опытныхъ же), кои могутъ доставить ему полезныя для него (т. е. вѣроятно для комитета) свѣденія и объясненія. Да что же за комитетъ безъ достаточныхъ свѣденій и нуждающійся въ объясненіяхъ по дѣлу, для котораго онъ созванъ?

Пунктъ 5. "Предоставить дворянству, если оно (т. е. губернскій предводитель и комитетъ) признаетъ нужнымъ, производить изъ своихъ суммъ пособіе членамъ, имъ избраннымъ и также издержки на разныя по комитету надобности." Какая удивительная риторика: дозволить то, чего нельзя запретить, для того, чтобы не сказать: "возложить на дворянъ" или "приказать имъ." По неволѣ вспомнишь о "Правахъ Русскаго Народа," такъ характеристически-вѣрно изложенныхъ во II книгѣ Полярной Звѣзды (1856). Насъ, какъ дѣтей, все еще тѣшатъ какими-то мнимыми феодально-рыцарскими правами, и въ самомъ дѣлѣ не лестно ли это: мы, дворяне имѣемъ право выдавать свои деньги по приказанію правительства! Удивительно благодѣтельное право! Если я не ошибаюсь, тутъ проглядываетъ олицетвореніе конституціоннаго начала въ самодержавной власти.

На основаніи 6 пункта комитетъ можетъ не стѣсняясь прежними своими положеніями, а слѣдовательно и своими мнѣніями исполнять приказанія в. г. губернатора. Для чего же въ такомъ случаѣ созывать комитетъ? На то есть у генералъ-губернатора своя канцелярія.

Пунктомъ 7 назначается шестимѣсячный срокъ работамъ комитета. А если да къ тому времени онѣ (что весьма вѣроятно, если члены будутъ получать жалованье или пособіе) не будутъ кончены, тогда что? Отсрочка трехъмѣсячная, или можетъ быть годовая?

8 "Комитету въ своихъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ ограничиваться тѣми предметами, кои представлены его разсмотрѣнію." Этотъ намекъ или предосторожность, въ отношеніи къ комитету, состоящему изъ опытныхъ помѣщиковъ, уже я чисто не понимаю. Не опасается ли правительство, чтобы мирные комитеты не превратились въ грозное assemblée constituante или во что нибудь подобное?

Далѣе слѣдуютъ соображенія г. министра (или кого нибудь изъ дѣловыхъ секретарей министерства), долженствующія служить пособіемъ комитету:

"I. Будущее, на основаніяхъ въ высочайшемъ рескриптѣ изложенныхъ, устройство сословія(?) помѣщичьихъ крестьянъ (объ уничтоженіи котораго именно идетъ дѣло) должно быть приведено въ исполненіе не вдругъ, а постепенно." Да это несравненно труднѣе чѣмъ вдругъ! "Для этого крестьяне должны быть сначала въ состояніи переходномъ," да кто же возмется удержать ихъ въ этомъ переходномъ состояніи? Изъ физики извѣстно какъ непрочно и подвижно переходное состояніе. Развѣ по старому возмемся за розги, а въ случаѣ недостаточности убѣдительной силы ихъ, за штыки и пушки... И все это изъ мнимыхъ выгодъ помѣщиковъ "дабы не нарушать существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній" все это для того, чтобы внезапнымъ переворотомъ не лишать ихъ годъ, другой части доходовъ. Далѣе: "болѣе или менѣе крѣпки землѣ", что здѣсь должно разумѣть подъ болѣе или менѣе, понятно развѣ одному г. министру, да и то сомнительно; "а потомъ уже въ окончательномъ (не будетъ ли послѣ окончательнаго состоянія еще какаго нибудь — завершительнаго?) когда правительство разрѣшитъ имъ выходъ изъ одной мѣстности въ другую съ надлежащими ограниченіями и условіями." Вотъ те бабушка и Юрьевъ день! Опять ограниченія, да еще какія то надлежащія; у насъ кажется всему положены ограниченія, кромѣ самодержавной власти. "Для переходнаго состоянія слѣдуетъ назначить опредѣленный срокъ по усмотрѣнію комитета не свыше 12 лѣтъ." Ну потерпите мужички: 12 лѣтъ не вѣчность, пройдутъ какъ разъ, а тамъ... посмотримъ... Богъ не безъ благости, а царь не безъ милости!

"II. На основаніи началъ, указанныхъ въ высочайшемъ рескриптѣ (кажется старикъ Ланской, чтобы не забыть, по своему безпамятству, этихъ высочайшихъ основаній, опирается на нихъ при всякомъ удобномъ случаѣ), помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ, въ видахъ предотвращенія вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи (какіе человѣколюбивые виды!), оставляется ихъ усадебная осѣдлость, прі-

Digitized by Google

обрѣтенная ими посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованье (т. е. не въ собственность) крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ(!) для обезпеченія ихъ быта и для восполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ (опять человѣколюбіе!), количество земли, за которую они или платятъ оброкъ или отбываютъ работу (барщину) помѣщику." Слѣдовательно, въ сущности, освобожденіе это есть все таки освобожденіе безъ земли: освобожденіе въ голодъ и безпріютность (Крещеная Собственность). Усадебная осѣдлость пріобрѣтается выкупомъ въ теченіи извѣстнаго срока. Не забывайте, что усадебная осѣдлость крестьянъ, значеніе которой объяснено ниже: (I) Подъ усадебной осѣдлостію или крестьянскою усадьбою слѣдуетъ разумѣть ихъ жилья и хозяйственныя строенія съ землею подъ оными и огородами", занимаетъ на семейство отъ 1 до 3 тяглъ не болѣе 1/8 — 1/5 десятинъ и слѣдовательно стоитъ не дороже 5—8 р. с. Строенія было бы совершенно несправедливо считать собственностію помѣщика: онѣ и теперь вполнѣ принадлежатъ крестьянамъ. Къ чемужъ въ такомъ случаѣ разсрочка платежа; развѣ для того только, чтобы крестьянинъ пріобрѣлъ свою усадьбу также постепенно, не вдругъ и притомъ именно тогда, когда окончится переходное состояніе и онъ получитъ право выхода въ другую мѣстность, а помѣщикъ право выслать его изъ имѣнья или лишить пахатной земли, (которая остается собственностію помѣщика), что имѣетъ равносильное значеніе? Затѣмъ слѣдуютъ 12 замѣчаній, которыя должны служить руководствомъ комитету при исполненіи II пункта. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманіе:

"3.) Означенная уплата (выкупъ за усадьбу) можетъ быть произведена деньгами или особыми работами" и т. д. Какъ хлапочетъ г. министръ объ уплатѣ какихъ нибудь 3—5 р. с. съ тягла (по общему расчету, принимая цѣнность десятины даже въ 40 р., что слишкомъ дорого, больше не придется); подумаешъ дѣломъ занимается!

"5.) Земля однажды отведенная въ пользованье крестьянъ должна постоянно оставаться въ распоряженіи міра, и обмѣнъ ея или части оной съ присоединеніемъ къ господскимъ полямъ, не можетъ быть допущенъ иначе какъ по соглашенію съ міромъ и съ утвержденія тѣхъ особыхъ по уѣздамъ присутствій, которыя будутъ учреждены на основаніи новаго положенія." Этотъ пунктъ дѣльнѣе и важнѣе всѣхъ министерскихъ соображеній вмѣстѣ взятыхъ; жаль только, что и здѣсь не обошлось безъ ненужной оговорки, которая непремѣнно поведетъ къ злоупотребленіямъ. Допуская обмѣнъ общинной земли съ разрѣшенія особыхъ уѣздныхъ присутствій, дается возможность помѣщику за деньги дѣлать его и безъ согласія міра.

Пункты 6 и 7 объ установленіи размѣровъ выкупа, оброка и барщины замѣчательны только какъ обширное поле чиновническимъ взяткамъ и помѣщичьимъ злоупотребленіямъ. Кто дороже заплотитъ чиновнику, тотъ вслѣдствіе "мѣстныхъ удобствъ и выгодъ" получитъ больше оброку. А что же скажутъ освобожденные крестьяне? Крестьяне? Вы шутите, развѣ ихъ спросятъ?

8.) Опять же въ 3 разъ о раскладкѣ выкупа крестьянской усадьбы. Я рѣшительно начинаю думать, что подъ усадебной осѣдлостью разумѣется совсѣмъ не то, что г. Ланской изложилъ въ 1 пунктѣ своихъ соображеній, а что нибудь въ родѣ личной свободы, за которую платится выкупъ какъ за право не быть крѣпостнымъ.

"9.) Не нарушая существующаго мірскаго устройства, слѣдуетъ сохранить каждому семейству (т. т. тяглу хотите вы сказать) право на надѣлъ въ его пользованье землею, стараясь не допускать частаго передѣла и дробленія полей." О чемъ вы безпокоитесь? Не нарушайте только сельской общины (это слово, вѣроятно по антипатіи къ коммунистическимъ началамъ, ни разу не встрѣчается ни въ рескриптѣ, ни въ отношеніи министра, а замѣняется то міромъ, то обществомъ) право тягла (т. е. рабочей пары силъ) на участокъ земли, составляетъ краеугольный камень этого устройства. Что же касается частаго передѣла и дробленія полей, то оно при общинномъ владѣніи ими неизбѣжно (каждое тягло имѣетъ въ каждомъ изъ 3 полей отъ 20 — 25 полосъ или загоновъ разбросанныхъ по нимъ и означаемыхъ воткнутыми въ землю палочками съ различными нарѣзками, которыя составляютъ, какъ гербъ, исключительное, наслѣдственное право семействъ) да и не такъ вредно при настоящемъ положеніи нашего землевладѣнія, какъ думаютъ многіе статистики и издатели сельско-хозяйственныхъ книгъ и журналовъ.

"10.) Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо сохранить и опредѣлить права главы семьи крестьянской, права наслѣдства относительно усадебъ и тягловыхъ участковъ." При общинномъ устройствѣ право на тягловой участокъ вовсе не наслѣдственное, это то и есть одно изъ главныхъ преимуществъ нашего сельскаго устройства: каждый взрослый работникъ въ семействѣ (сколько бы ихъ не было), получаетъ отъ міра такой участокъ; такимъ образомъ поддерживается равенство состояній внутри общины, независимо отъ собственности наслѣдственной, пріобрѣтаемой отдѣльными членами ея. О правахъ же "главы семьи крестьянской," и т. п. нечего толковать; лучше всего предоставьте сохраненіе этихъ правъ самимъ крестьянамъ, а напишите ли вы ихъ въ Сводѣ Законовъ, или нѣтъ, для нихъ все равно. Мужикъ нашъ свято держится дѣдовскихъ обычаевъ, писанные же законы привыкъ почитать орудіемъ чиновническихъ уловокъ и полицейскихъ прижимокъ и потому не имѣетъ къ нимъ ни довѣрія, ни уваженія.

"11.) Натуральныя повинности и работы отправляются (понимайте будутъ отправляться) по особымъ урочнымъ положеніямъ, кои должны быть составлены комитетомъ на основаніяхъ, сколь возможно простыхъ и несложныхъ." Воображаю что за урочныя положенія составитъ комитетъ на основаніяхъ простыхъ, да еще и несложныхъ. Того и гляди что перещеголяетъ прежніе инвентаріи Западныхъ Губерній. И не лучше-ли, не проще-ли бы было отдать крестьянамъ въ полное владѣніе землю, которой они владѣютъ фактически, или по крайней мѣрѣ необходимую часть ея безъ всякихъ обязанностей относительно помѣщика, кромѣ уплаты общиною извѣстной суммы за предоставленную ей землю въ извѣстное число лѣтъ и срочной уплаты общиною же долги Опекунскаго Совѣта. Такимъ образомъ помѣщикъ былъ бы удовлетворенъ вполнѣ, а крестьяне получили бы дѣйствительную свободу съ землей.* Для совершенія же посѣвныхъ работъ предоставте помѣщикамъ нанимать полюбовно крестьянъ своихъ или чужихъ. Работа же даромъ, хотя и по

* Возможность такого удовлетворенія помѣщиковъ крестьянами, безъ обремѣненія послѣднихъ, можно доказать ариѳметически. Возмемъ для примѣра имѣнье въ 100 тяглъ, полагая на тягло пахатной плуговой земли по 5 десят., выйдетъ всего 500 десятинъ. Имѣнье при 100 тяглахъ имѣетъ болѣе 200 душъ, даже и въ среднихъ губерніяхъ Россіи, исключая конечно нѣкоторыя оброчныя

Digitized by Google

урочнымъ положеніямъ, останется по прежнему, барщиной и крѣпостное состояніе крестьянъ, не смотря на пышныя фразы, нисколько не уничтожится, — можетъ быть найдутъ законныя средства сдѣлать его еще тягостнѣе.

"12.) Въ случаѣ неисправности во взносѣ оброка, крестьяне обращаются на работы натурою." Опять поводъ къ тысячѣ мелкихъ прижимокъ и взятокъ старостъ, прикащиковъ, управляющихъ и помѣщиковъ. Не лучше ли обязать платежомъ общину, съ тѣмъ чтобы она отвѣчала за исправный платежъ солидарно. "Независимо отъ сего должны быть опредѣлены мѣры обезпечивающія исправное исполненіе крестьянскихъ какъ денежныхъ такъ и прочихъ повинностей помѣщику." Какія будутъ эти мѣры? Безъ сомнѣнія полицейскія, а слѣдовательно уже по существу своему вредныя.

"III. Вотчинная полиція оставляется помѣщику." Прекрасно, съ точки зрѣнія отстраненія ядовитаго вмѣшательства становыхъ и исправниковъ; но здѣсь-то кажется нужнѣе бы съ точностію опредѣлить закономъ права помѣщика и предѣлы его власти, чѣмъ "права главы семьи крестьянской" и пр. и пр. "Крестьяне должны быть распредѣлены на мірскія общества." Пустословіе, — они и такъ распредѣлены или правильнѣе соединены въ сельскія общины. "Завѣдываніе мірскими дѣлами и мірская расправа предоставляется мірскимъ сходамъ и составленнымъ изъ крестьянъ мірскимъ судамъ подъ наблюденіемъ и съ утвержденія помѣщика." Также вопросъ весьма сбивчивый: все зависитъ отъ того подлежитъ ли съ своей стороны распоряженіе помѣщика относительно членовъ общины утвержденіе крестьянскихъ сходовъ, или нѣтъ? Впрочемъ мірскіе сходы и разбирательные крестьянскіе суды, независимо отъ вліянія на нихъ помѣщичьей власти, весьма важны, потому что лежатъ въ духѣ нашего народнаго, общественнаго устройства, и могутъ имѣть благодѣтельные результаты для всѣхъ состояній. Не знаю согласно ли это съ видами правительства?

"IV. Для надзора за введеніемъ и соблюденіемъ новыхъ правилъ, для разбора недоразумѣній, могущихъ возникнуть между помѣщиками и крестьянами, могутъ быть установлены особыя въ каждомъ уѣздѣ присутствія." Видно еще мало существующихъ... или новыя можетъ будутъ лучше? Не думаю, для искорененія зла нужны не новыя присутствія, а коренное преобразованіе административнаго и судебнаго порядка. Присутствіе же при настоящемъ устройствѣ, само собой уже предполаетъ голодную стаю чиновниковъ съ недостаточнымъ жалованьемъ и жадностію саранчи. Разумѣется, что здѣсь, какъ и вездѣ, кто заплотитъ, кто предсѣдателю пошлетъ муки, а засѣдателямъ крупы и масла, тотъ и будетъ правъ. А такъ какъ всего этого у помѣщика больше, чѣмъ у крестьянина, то послѣдній и будетъ безъ вины виноватъ. Защитою крестьянъ новыя присутствія могли бы служить въ такомъ только случаѣ, еслибы интересы ихъ были отстаиваемы выборными крестьянскими депутатами, а на это правительство кажется не рѣшится.

"V. По утвержденію новаго положенія и по введеніи его въ дѣйствіе." Когда же черезъ 6 мѣсяцевъ или по истеченіи 12 лѣтъ?

"1.) Продажа, дареніе и всякое отчужденіе крестьянъ безъ земли равно переселеніе крестьянъ противъ воли ихъ и обращеніе въ дворовые должны быть запрещены." Отчужденіе безъ земли запрещается, а съ землею стало можно? И такъ крещеная Собственность остается къ стыду правительства, къ стыду Россіи! Что же это наконецъ: освобожденіе крестьянъ или точнѣйшее опредѣленіе, узаконеніе крѣпостнаго состоянія съ нѣкоторыми ограниченіями права собственности помѣщиковъ? Къ стати о дворовыхъ-то ни слова: ни въ рескриптѣ, ни въ отношеніи министра, неужели они останутся въ кабалѣ? Не думаемъ, а между тѣмъ запрещеніе обращать крестьянъ въ дворовые, предполагаетъ существованіе сословія дворовыхъ. И это не стыдно писать, печатать, когда вся Россія въ нетерпѣливомъ трепетѣ ждетъ уничтоженія крѣпостнаго права, уничтоженія пятна, которое заставляетъ стыдиться передъ Европою?!

2 Пунктъ предоставляетъ помѣщикамъ право, во время переходнаго состоянія, сдавать крестьянъ въ рекруты, или отдавать въ распоряженіе правительства съ утвержденія новыхъ уѣздныхъ присутствій. Зачѣмъ ограниченія тамъ, гдѣ они ни къ чему не служатъ? Утвержденіе присутствій... для чего, — можетъ быть въ предупрежденіе несправедливыхъ распоряженій помѣщика? Ни чуть ни бывало: для того, чтобы и новымъ чиновникамъ было чѣмъ поживиться. Какъ будто не довольно съ насъ: военныхъ пріимщиковъ, лекарей, исправниковъ и прочихъ піявокъ, черезъ которыхъ отдача совершенно здороваго, годнаго рекрута обходится крестьянамъ руб. въ 100 или 200, кромѣ въ этомъ случаѣ закономъ опредѣленныхъ издержекъ?

Наконецъ пунктъ 6 и послѣдній гласитъ объ опредѣленіи проэктомъ правилъ отправленія помѣщику крестьянами рекрутской повинности (того и гляди, что и здѣсь введутъ нелѣпую жеребьевую систему рекрутства, существующую для казенныхъ крестьянъ), объ устройствѣ общественныхъ магазиновъ, учрежденіи мірскихъ запашекъ и капиталовъ, о мѣрахъ необходимыхъ (?) для утвержденія между крестьянами православной вѣры (уже не новые ли крестовые походы противъ раскольниковъ?) и нравственности (вѣроятно то и другое черезъ развратное и презираемое народомъ сословіе долговолосыхъ поповъ?), для распространенія грамотности, полезныхъ ремеслъ, для призрѣнія пристарѣлыхъ и увѣчныхъ, для пособія больнымъ и т. п. Эта статья въ концѣ соображеній очевидно имѣетъ трудное назначеніе, своей христіанской добродѣтелью, загладить неблагопріятное, удушливое впечатлѣніе, произведенное на читателей, предидущими пунктами. Она была бы дѣйствительно прекрасна, еслибы не осталась, подобно многимъ добрымъ намѣреніямъ правительства, на словахъ.

безземельныя имѣнья въ 1000 — 1500 десятинъ земли. Слѣдственно помѣщику собственно остается 500 до 1000 десятинъ (конечно включая лѣса, болота и неудобную землю). Уплата въ Опекунскій Совѣтъ или другое кредитное установленіе съ такого имѣнья составитъ въ годъ не болѣе 890 р. с., а на тягло 8 р. 90 коп. Уплата за уступленную крестьянамъ землю по 30 р. за десятину, въ 30 лѣтъ составитъ 15,000, а ежегодно 500 р. Слѣдственно съ тягла 5 р. с. и того 13 р. 90 к. Причисливъ сюда казенную подать около 3 р., выйдетъ всего въ годъ съ тягла 17 р. с. Въ настоящее же время въ среднихъ губерніяхъ Россіи тягло плотитъ, кромѣ подушной подати, 20 до 25, 30 р. оброку, да отбываетъ еще подводы и нѣсколько рабочихъ дней въ году. Въ 30 лѣтъ крестьянинъ можетъ очистить свой долгъ помѣщику и тогда остается ему только платить казенныя подати и отбывать казенныя повинности. Если уже имѣнье заложено давно на пр. 10 лѣтъ, то уплата въ Опекунскій Совѣтъ кончается уже черезъ 20 лѣтъ съ небольшимъ; такъ что въ слѣдующіе за тѣми года, крестьяне легко могутъ выплатить за землю и скорѣе. Помѣщику же кромѣ уплаты долга въ Опекунскій Совѣтъ и 15,000 за землю остается еще большее количество земли, чѣмъ то, которое онъ въ настоящее время обработываетъ, такъ что въ значительныхъ и многоземельныхъ имѣніяхъ, онъ легко можетъ увеличить главную господскую запашку и основать небольшія самостоятельныя запашки (Vorwerk) въ отдаленныхъ частяхъ имѣнья.

Digitized by Google

Отношеніе г. министра в. д. окончивается вѣжливостями его Превосходительству Милостивому Государю, Господину петербургскому в. г. губернатору и просьбой въ случаѣ несогласія [?] комитета, съ которымъ нибудь изъ его соображеній по мѣстнымъ (почему же и не по-личнымъ?) уваженіямъ, поручить ему объяснить подробно причины препятствующія принятію оныхъ.

Мы пребываемъ и т. д.

Если за помѣщикомъ признается полное право на всю землю, почему же не можетъ онъ удѣлить ея въ полное владѣніе крестьянъ съ возмездіемъ или безъ онаго?

А вѣдь не можетъ, на все есть законная форма.

А сказать вамъ почему не можетъ?

Потому, что еслибы два или три помѣщика въ губерніи захотѣли освободить крестьянъ съ землею и привели бы это въ исполненіе, то остальные были бы принуждены своимъ крестьянамъ сдѣлать тоже.

ЗАКРЕВСКІЙ ПОСТАВЩИКЪ СУКОНЪ И ЗАВОЕВАТЕЛЬ КАЗАРМЪ.

Мы получили изъ Россіи слѣдующее письмо:

"По нашимъ постановленіямъ о поставкѣ суконъ на армію, — количество поставокъ зависитъ отъ количества аппаратовъ на фабрикахъ. На суконной фабрикѣ Гжи. Закревской, въ селѣ Елизаровѣ, находится ихъ не болѣе 25, а показывается 90. Этою фабрикою управлялъ и распоряжался всею суконною операціей Гжи. Закревской извѣстный въ Москвѣ своими продѣлками купецъ Волковъ, (*) который, пользуясь близкими связями съ генералъ-губернаторомъ, т. е. съ мужемъ Гжи. Закревской, назвалъ какой-то сарай въ Москвѣ суконною фабрикою, показалъ, что въ немъ 40 аппаратовъ и по количеству ихъ получилъ поставку. Такимъ образомъ главнѣйшая часть суконной поставки въ московскій коммиссаріатъ въ рукахъ Закревскаго и его управляющаго. Суконные фабриканты все это знаютъ, но не смѣютъ гласно обнаружить эту вредную для нихъ монополію, боясь власти Закревскаго, который съумѣетъ отплатить имъ за это по своему.

"Точно тоже и по поставкѣ вина. И здѣсь Закревскій, какъ винокуренный заводчикъ, получаетъ въ обиду другимъ въ московской казенной палатѣ большую противъ прочихъ поставку. Ближайшіе свидѣтели этихъ злоупотребленій — управляющій московской коммиссаріатской коммиссіей и предсѣдатель казенной палаты зависятъ отъ Закревскаго почти также какъ и отъ своихъ министровъ, опредѣляются въ эти должности съ согласія Закревскаго, и за все то, что они дѣлаютъ для Закревскаго, могутъ сами дѣлать все что имъ угодно. Эта круговая порука такъ укоренилась у насъ, приведена въ такую систему, что безспорно составляетъ одно изъ величайшихъ золъ омрачающихъ наше государственное управленіе. Всѣ эти Клейнмихели, Закревскіе и прочіе большіе и малые рыцари съ девизомъ "рука руку моетъ" и доселѣ бодро стоятъ на стражѣ беззаконія и произвола.

"Вотъ еще небольшой эпизодъ изъ этаго товарищества и взаимной поддержки. Въ московскую коммиссаріатскую коммиссію назначенъ ревизоръ статскій совѣтникъ Домонтовичъ. Ревизоръ пріѣхалъ и что же оказывается: Гжѣ. Закревской выдано изъ коммиссіи 70 тысячъ рублей, а сукна отъ нея въ поставкѣ нѣтъ ни одной половинки. Благодаря скорости сообщенія, изъ Петербурга сейчасъ дано знать Домонтовичу, чтобъ онъ сдѣлался боленъ. Онъ исполнилъ это въ точности,—заболѣлъ внезапно. Осмотръ магазиновъ остановился до пріѣзда новаго ревизора, а между тѣмъ успѣли съ разныхъ фабрикъ навести въ магазины сукна пожертвованнаго волею и неволею въ пользу супруга Гжи. Закревской. Здѣсь рыцарь Сухозанетъ подалъ руку помощи старому пріятелю Закревскому,—и обѣ руки чисты.

"Кстати объ операціяхъ Закревскаго по военному министерству. Съ давнихъ поръ и чуть ли не съ учрежденія военнаго министерства всѣ московскія казармы были въ вѣдомствѣ этого министерства; вся строительная ихъ часть была въ заведываніи особаго управленія и никто на это не жаловался, и казармы были сносны и управленіе сыто. Но должно быть кусочекъ этотъ былъ не только сытъ, но и лакомъ. Вдругъ ни съ того ни съ сего Закревскій призналъ за благо взять казармы въ свое заведываніе и министерство приняло это предложеніе. Теперь въ казармахъ огромныя перестройки изъ общественныхъ суммъ и дѣлаются экономическимъ образомъ, да за 160 тысячъ руб. сер. купленъ для казармъ давно брошенный домъ у калугской заставы, за который владѣлецъ его охотно бы взялъ и половину." (*)

ДѢЛО ПОЛИЦМЕЙСТЕРА Г. ПОДПОЛКОВНИКА СЕЧИНСКАГО.

Правительство получивъ рапортъ Колокола о томъ, какъ оный г. Полицмейстеръ заморилъ "дѣвку вольнаго обращенія", разпорядилось переслѣдовать дѣло. Г. Сечинскому это конечно не понравилось и онъ пустилъ въ обращеніе рукопись (замѣчательно, что и господинъ Сечинскій, подполковникъ и полицмейстеръ, не разъ отбиравшій рукописи, недозволенныя цензурой, и онъ идетъ противъ законовъ о цензурѣ и онъ пробирается въ подземную литературу; какъ развивается у насъ потребность гласности!). Рукопись эта — его оправданіе передъ публикой. И то дѣло! наконецъ и полицмейстеръ начинаетъ уважать общественное мнѣніе. Она такъ драгоцѣнна по слогу, содержанію и приложенному документу, что мы рѣшаемся сохранить ее для потомства и потому цѣликомъ печатаемъ ее въ Колоколѣ, съ нѣсколькими примѣчаніями.

ЗАПИСКА ИЗЪ ДѢЛА УМЕРШЕЙ ЛЮБАВСКОЙ МѢЩАНКИ АННЫ ЯНСОНЪ.

1855 года въ Февралѣ мѣсяцѣ, московская мѣщанка, содержательница дѣвокъ вольнаго обращенія Марія Бредау, будучи въ С. Петербургѣ, вывезла любавскую мѣщанку Анну Янсонъ, которая жила въ С. Петербургѣ у содержательницы дѣвокъ

(*) Черезъ этого Волкова Закревскій поставлялъ свои сукна на ополченіе. Смотрѣвшіе на эти кисейныя произведенія фабрики Закревскаго Губернаторъ и Предводитель, нѣсколько пострадали, а фабрикантъ генералъ-губернаторъ и вмѣстѣ поставщикъ не только вышелъ чистъ изъ этой исторіи, но явился еще обличителемъ злоупотребленій, бывшихъ при сборѣ московскаго ополченія.

(*) Мы сообщаемъ факты такъ какъ ихъ получили. Всякую поправку, всякое объясненіе мы напечатаемъ тотчасъ. До насъ дошли слухи, что г. Закревскій велѣлъ тоже написать свое оправданіе. Душевно рады, милости просимъ, объясняться подъ колоколами передъ всѣмъ честнымъ народомъ, а намъ позвольте ужъ сѣсть на судейское мѣсто. Начинайте — неробѣя, личностей у насъ нѣтъ, и судимъ мы не по своду, а по здравому смыслу.

Ред.

Digitized by Google

вольнаго обращенія Анны Михайловой Гейдеръ *, заплативъ ей 200 р. денегъ, перебранныхъ Янсонъ. По пріѣздѣ Янсонъ въ Москву, она съ первыхъ дней, слишкомъ рано стала обнаруживать не только строптивость своего буйнаго характера, но даже развратнымъ разгуломъ своего поведенія, она представляла исключеніе между прочими дѣвками. Не подчиняясь ни правиламъ, ни порядку того мѣста гдѣ она пребывала, въ слѣдствіе необузданности своего характера. Не признавая никакихъ правилъ, она произвольно бросила заведеніе, гдѣ была должна, скиталась безъ вѣсти по городу, или переходила своевольно въ другія заведенія, гдѣ новымъ буйствомъ, нетрѣзвымъ поведеніемъ, вреднымъ вліяніемъ на прочихъ дѣвокъ, возмущала ихъ и возстановляла противъ всякаго порядка (1) и установленнаго обычая. Такимъ образомъ совершая безпрестанные переходы изъ однаго заведенія въ другое, оставляя въ каждомъ долги и разительные слѣды своего буйства (2), Янсонъ вынудила каждую изъ содержательницъ, гдѣ она временно пребывала, жаловаться комитету, ища законной защиты и справедливаго вознагражденія за всѣ ея убытки. Жалобы приносились содержательницами на Янсонъ по заведенному порядку словесно, и по личной повѣркѣ полицмейстера или старшаго комитетскаго надзирателя, Янсонъ было сдѣлано строгое внушеніе, тѣлесному же наказанію подвергнута никогда не была, 10 Мая и 25 Іюля 1857 года, содержательницы Жихарева и Чернецкая подали свѣденія, содержаніе коихъ по изложеннымъ въ нихъ обстоятельствамъ были предложены обсужденію частнаго засѣданія комитета, о чемъ послѣдовали заключенія по журналамъ 18 Мая и 8 Іюля 1857 года, жалобы эти по распоряженію ближайшимъ начальствомъ были подтверждены и оправданы повѣркою старшаго комитетскаго надзирателя и полицмейстера. Принимая во вниманіе, что развратное поведеніе дѣвки Янсонъ, буйное и немѣрное сопротивленіе противъ всѣхъ мѣръ кротости и убѣжденія и угрозъ, не произвели ни малѣйшаго вліянія на Янсонъ, но продолженіе ея поступковъ заставили комитетъ, по журналу 8 Іюля, предоставить члену комитета полицмейстеру Сечинскому войти съ представленіемъ къ предсѣдателю комитета и просить законнаго распоряженія объ отсылкѣ Янсонъ на родину, а до того времени, согласно правиламъ комитета, въ Смирительный Домъ и съ этимъ вмѣстѣ, чтобы прекратить буйную и пьяную жизнь Янсонъ, полицмейстеръ Сечинскій предписаніемъ на имя Рогожскаго частнаго пристава отъ 9 Іюня 1857 за No. 2056, приказалъ задержать Янсонъ въ Частномъ Домѣ, въ ожиданіи разрѣшенія начальника губерніи, которое послѣдовало 18 Іюня 1857 за No. 14,481, (3) и въ тотъ же день исполнено; съ каковаго времени вліяніе Сечинскаго на участь Янсонъ прекратилось.

Что полицмейстеръ Сечинскій въ задержаніи Янсонъ, видѣлъ необходимую мѣру административнаго взысканія, какъ единственное средство, чтобы предупредить буйный разгулъ дѣвицы Янсонъ и оградить общественное спокойствіе (4) отъ дальнѣйшихъ послѣдствій ея развратныхъ дѣйствій, и что онъ не имѣлъ въ виду ни истязанія, ни притѣсненія, ни даже преслѣдованія Янсонъ, что это доказывается предписаніемъ его Рогожскому частному приставу, чтобы при задержаніи Янсонъ, отведена была ей особая комната, и сверхъ того подтверждено было частному приставу, если Янсонъ пожелаетъ имѣть обѣдъ или чай со стороны, то чтобы исполнять ея требованія. Для большой очевидности и доказательства правды, было бы весьма полезно послать благонадежное лице въ Рогожскій Частный Домъ и личнымъ осмотромъ комнаты, въ которой содержалась Янсонъ, убѣдиться, что это содержаніе нисколько не возбуждаетъ сомнѣнія, или подозрѣнія въ пристрастныхъ дѣйствіяхъ полицмейстера Сечинскаго. (5)

При этомъ положеніи вопроса, полицмейстеръ Сечинскій получаетъ отношеніе губернскаго прокурора отъ 25 Іюня за No. 3103, въ которомъ прокуроръ основываясь на поданномъ къ нему прошеніи сестры Янсонъ, тоже женщины вольнаго поведенія, (6) съ жалобою на дѣйствія полицмейстера Сечинскаго, требуетъ отъ него объясненія по этому предмету. Полицмейстеръ Сечинскій увѣдомляетъ губернскаго прокурора тогдажъ, что буйныя дѣйстія дѣвицы Янсонъ были въ разсмотрѣніи комитета, по распоряженію котораго, представлено начальнику губерніи объ отправленіи Янсонъ въ Смирительный Домъ и при этомъ полицмейстеръ Сечинскій объяснилъ, что дальнѣйшія подробности по этому дѣлу онъ не считаетъ себя вправѣ объяснять, потому что по званію члена комитета гдѣ порядокъ дѣйствій и засѣданіе основаны на коллегіальномъ началѣ, слѣдовательно всякій членъ, внѣ засѣданія, по духу коллегіи, не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія, и личность его совершенно изчезаетъ. (7) Затѣмъ губернскій прокуроръ препроводилъ жалобу въ Совѣстный судъ. Совѣстный судъ имѣя въ виду изъ препровожденнаго губернскимъ прокуроромъ отвѣта полицмейстера Сечинскаго, въ которомъ полицмейстеръ Сечинскій на основаніяхъ приведенныхъ въ своей бумагѣ, отрицаетъ всякое юридическое значеніе въ своемъ лицѣ, внѣ засѣданія комитета. Но тѣмъ не менѣе Совѣстный судъ не убѣждаясь на буквальномъ смыслѣ коренного закона, (8) опредѣляющаго существо и начала коллегіи и не принимая во вниманіе сдѣланное полицмейстеромъ Сечинскимъ толкованіе и объясненіе законнаго порядка, изложенныя въ отношеніи губернскому прокурору первымъ своимъ дѣйствіемъ по этому дѣлу, вышелъ изъ легальнаго порядка, и все таки обратился къ лицу полицмейстера Сечинскаго, требуя отъ него объясненія по этому дѣлу и о доставленіе содержащейся въ Смирительномъ Домѣ Янсонъ. Полицмейстеръ Сечинскій въ отвѣтѣ своемъ Совѣстному Суду повторяетъ указаніе, что Совѣстный судъ не въ надлежащемъ порядкѣ обратился къ нему. (9) Между тѣмъ среди этой переписки, веденной съ губернскимъ прокуроромъ и совѣстнымъ судомъ, вопреки всякаго порядка и формъ гражданскаго дѣлопроизводства, (10) губернскій прокуроръ и совѣстный судъ въ настоятельномъ домогательствѣ защитить развратную и позорную дѣвку, уже нѣсколько лѣтъ продолжающей постыдное ремесло, изыскиваютъ всѣ возможныя средства, чтобы или обвинить дѣйствія полицмейстера Сечинскаго, или по крайней мѣрѣ выставить ихъ въ весьма невыгодномъ свѣтѣ и всему ряду распоряженій полицмейстера Сечинскаго дать характеръ двусмысленный. (11)

Наконецъ Совѣстный судъ въ исправленіе своей ошибки, рѣшился обратиться къ губернскому начальству и просить его, чтобы сдѣлать распоряженіе о доставленіи дѣвки Янсонъ въ Совѣстный судъ, къ давно желанному допросу. По по болѣзни Янсонъ, не имѣла она возможности прибыть въ судъ, что подало поводъ Совѣстному суду откомандировать члена и секретаря въ мѣсто содержанія Янсонъ. (12)

* Изъ свѣденія Маріи Бредлу.

Digitized by Google

Смерть Янсонъ послѣдовавшая въ Смирительномъ Домѣ, пріостановила исполненіе по распоряженію московскаго военнаго генералъ-губернатора о высылкѣ Янсонъ за дурное поведеніе на мѣсто родины. При такомъ изложеніи обстоятельствъ и при такомъ сближеніи фактовъ, выведенныхъ изъ послѣдовательнаго развитія цѣлаго хода дѣла, дѣло получаетъ очевидную достовѣрность, (13) подтвержденную оффиціальною перепискою, и вотъ юридическая сторона дѣла; но теперь надо перейти къ вопросу, въ томъ положеніи, какъ представляется клеветою, вымысломъ, безсовѣстнымъ включеніемъ такихъ событій и обстоятельствъ, которыя даже не существовали въ дѣлѣ.

И такъ развратное поведеніе Янсонъ, (14) признанное положительными фактами, вызвало живое участіе нѣкоторыхъ людей, которые во имя благороднаго стремленія, защищаютъ невинную жертву, и рѣшились прибѣгнуть къ постыдному вымыслу и настоящее дѣло представили въ слѣдующемъ видѣ: 1.) Развратная дѣвка любавская мѣщанка Янсонъ, перерождается въ дворянку, (15) дѣлается жертвою молодаго человѣка, который обманомъ привозитъ ее изъ С. Петербурга въ Москву, наконецъ бросаетъ ее безъ гроша, безъ пріюта, посреди совершенно чуждаго ей города.—Положеніе женщины весьма трогательно. 2.) Но чтобы еще болѣе одраматизировать публичную женщину, изобрѣтательный авторъ прибавляетъ, что полицмейстеръ Сечинскій узнавши о юной несчастной жертвѣ приказалъ представить ее къ себѣ, и послѣ личнаго съ нею объясненія велѣлъ препроводить ее въ домъ публичныхъ женщинъ, (16) гдѣ, конечно, она гнушаясь по своей невинности развратомъ, не согласилась и бѣжала изъ дому, преслѣдованіе Сечинскаго возобновлялось каждый разъ — и наконецъ онъ встрѣтивъ окончательное ея сопротивленіе, приказалъ высѣчь розгами въ Частномъ Домѣ и отправить ее въ Смирительный Домъ. Жестокое наказаніе Сечинскаго было причиною болѣзни, (17) которую нѣжное тѣло Янсонъ не могло переносить и черезъ это послѣдовала смерть. На этихъ двухъ основаніяхъ созданы обвиненія Сечинскаго. (18)

Въ общей массѣ человѣческихъ дѣйствій есть преступленіе крови, которое заставляетъ блѣднѣть человѣка и трепетать сердце. Но восколько для человѣка нравственно развитаго честь дороже жизни, настолько преступленіе противъ чести выше всякаго кроваваго злодѣянія. Еслибы это неблагородное обвиненіе противъ Сечинскаго имѣло видъ или характеръ доноса, тогда Сечинскій имѣлъ бы полную возможность отразить клѣвету и разразить клѣветника, но авторъ лишилъ его и этой послѣдней благородной защиты, онъ направилъ свой лживый доносъ такимъ путемъ, что предоставляя полную гарантію недостойной своей личности, онъ бросилъ на позоръ цѣлой Россіи оклѣветанное имя Сечинскаго, до сей минуты признаваемое и начальствомъ и общественнымъ мнѣніемъ чистымъ и безукоризненнымъ.

Этотъ поступокъ есть прѣзренный въ самомъ своемъ источникѣ и въ своемъ проявленіи, потому что онъ потрѣсаетъ всѣ начала человѣческихъ законовъ, въ этомъ поступкѣ поднято знамя разрушенія всего человѣчества, всего святаго на землѣ, (19) это противорѣчіе духу времени, это отчаянный протестъ противъ всѣхъ принциповъ современнаго. Вотъ почему Сечинскій пребываетъ въ полной вѣрѣ, что подобный поступокъ, который такъ безнаказанно стремится опозорить честнаго человѣка, вызоветъ въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ, благородное негодованіе съ клеймомъ позора на главу хищника чести, (20) который спасается невозможностію огласить его имя.

Приложеніе.—Копія съ свѣденія умершей родной сестры Янсонъ, вдовы солдатки Екатерины Яснпевой, даннаго ею Приставу Тверской Части:

На требованіе Вашего Высокоблагородія во исполненіе предписанія полицмейстера г. подполковника Сечинскаго, имѣю честь объяснить: я и сестра моя Анна Луиза Шарлота Доротея Янсонъ, родились въ г. Либавѣ отъ тамошняго мѣщанина Іогана Мартына Янсона и жены его Анны; сестра моя дѣвица Анна во время отсутствія моего изъ Либавы лѣтъ пять тому назадъ, изъ дома родителей уѣхала въ С. Петербургъ для прінсканія себѣ мѣста; въ С. Петербургѣ она жила года три съ небольшимъ, гдѣ я съ ней не видалась, а изъ одного письма ея къ родителямъ было видно, что она живетъ на большой Садовой улицѣ, но въ чьемъ домѣ не упомню; впослѣдствіи было получено отъ нея письмо, что она по приглашенію какой-то госпожи переѣхала въ Москву, у которой находится въ услуженіи; въ письмѣ писала адресъ этой госпожи фамиліи не упомню, Срѣтенской части, въ Пильниковомъ переулкѣ, но въ чьемъ домѣ тоже не упомню, по прибытіи моемъ въ Москву изъ Либавы осенью прошлаго 1856 года для прінсканія какого либо мѣста, я обратилась по вышеозначенному адресу сестры, въ домъ состоящій въ Пильниковомъ переулкѣ, гдѣ взошедши въ сѣни была встрѣчена дѣвицею, изъ обращенія коей я могла замѣтить, что тутъ живутъ дѣвицы вольнаго обращенія, на спросъ мой о сестрѣ, она сказала, что у насъ ее нѣтъ, а указала домъ напротивъ, — справиться нѣтъ ли въ томъ домѣ ея,—гдѣ по приходѣ на дворъ, вышли двѣ или три дѣвицы, какъ замѣтила такого же разряда, у которыхъ я спросила про сестру и онѣ сказали, что она живетъ у Александрины, и одна хотѣла меня отвести къ ней, но извощикъ, который со мною пріѣхалъ сказалъ, что онъ знаетъ квартиру Александрины; по прибытіи куда нашла сестру свою Анну живущею у содержательницы; между разговорами она, Анна, объяснила мнѣ, что въ С. Петербургѣ жила у содержательницы дѣвокъ вольнаго обращенія, откуда по приглашенію прибывшей изъ Москвы такой же содержательницы Бредау отправилась съ ней въ Москву и жила у нея, но сколько времени и у кого жила еще у другихъ подобныхъ содержательницъ, она мнѣ ничего не говорила; отъ Александрины же, у которой я нашла ее, она перешла къ другой содержатильницѣ Жихаревой, отъ оной къ прежней Бредау, гдѣ проживши съ недѣлю по распоряженію комитета возвратилась къ Жихаревой, отъ нея къ Александринѣ.

Изъ разговоровъ сестры видно, что она въ Москвѣ постоянно проживала у содержательницъ дѣвокъ вольнаго обращенія, занятія ея были обыкновенно какъ дѣвицы такого обращенія; проживала ли она подъ чужимъ именемъ и съ присвоеніемъ не принадлежащаго ей званія, мнѣ не извѣстно, только знаю, что въ этихъ заведеніяхъ ее звали Клименсою; чтобы сестра моя подвергаема была когда либо въ Москвѣ тѣлесному наказанію, я отъ нея никогда не слыхала, а еслибы была подвергаема, то навѣрно мнѣ бы сказала, тоже никогда не слышала, чтобы дѣлаемы ей были какія либо истязанія или притѣсненія. Отъ Александрины она была взята и содержалась въ Рогожскомъ Частномъ Домѣ, изъ онаго переведена

Digitized by Google

въ Смирительный Домъ гдѣ и умерла; при чемъ дополняю, что покойною сестрою моею Анною было подаваемо прошеніе г. оберъ-полицмейстеру объ освобожденіи ея изъ заведенія Жихаревой по слабости ея здоровья. (21)

Подлинное свѣденіе вмѣсто вдовы солдатки Екатерины Іогановой Ясиневой, занеумѣніемъ ея русской граммотѣ по личной ея просьбѣ подписалъ старшій пасторъ евангелической св. апост. Петра и Павла церкви консисторіальный ассессоръ—Гейнрихъ Дикгофъ.

Свѣденіе отбиралъ Приставъ Тверской Части —Акуньковъ.

ПРИМѢЧАНІЯ РЕДАКЦІИ.

(1) Вотъ что значитъ быть полицмейстеромъ, вездѣ видишь либерализмъ, бунтъ, нарушеніе идеи порядка, даже въ б..! Говорятъ, что Валевскаго смѣняютъ, вотъ бы ужъ Сечинскаго на его мѣсто? Для Россіи это было бы очень полезно; побольше Сечинскихъ во Франціи, тамъ на нихъ теперь большое требованіе, а намъ бы съ рукъ долой.

(2) Какіе же это слѣды? Зачѣмъ же не сказать? Оправдываться—такъ ужъ на чистоту.

(3) Арестъ безъ суда по закону можетъ быть только три дня, а Ясонъ держали десять дней въ Части, не объявляя ей причины. Или законъ для полицмейстеровъ не писанъ?

(4) О! г. подполковникъ, куда вы заѣхали! Подумаешь, что государство рушится.

(5) А это уже все вздоръ. Ясонъ сидѣла въ секретной сибиркѣ. Да хорошо и предложеніе справиться у полиціи виновата ли полиція въ томъ, въ чемъ ее обвиняютъ.

(6) Изъ приложеннаго Сечинскимъ документа этого не видать. Г. подполковникъ! Зачѣмъ же клеветать на женщину, какаго бы званія она ни была?

(7) Какъ? Такъ вы въ коллегіи можете дѣлать всякія мерзости и на это суда не будетъ? Стало правительство учредило прокуроровъ съ правомъ протеста — такъ, сдуру? Да онъ властей не признаетъ!... по крайней мѣрѣ судебныхъ, потому что безъ суда можно поступать беззаконно и безнаказанно. О! квартальный либерализмъ!

(8) Во-первыхъ и закона такого нѣтъ, да наконецъ что же такая за таинственность по дѣлу о публичной дѣвкѣ?

(9) Укрываться отъ суда никто не имѣетъ права ни подъ какимъ предлогомъ. Укрываются отъ суда только виновные, боящіеся наказанія.

(10) Сечинскій признаетъ себя не юридическимъ лицомъ: какое же право онъ имѣетъ указывать закономъ установленному суду что ему надлежитъ дѣлать?

(11) Почему же г. Сечинскій не подалъ отзывъ, что онъ весь московскій совѣстный судъ и губернскаго прокурора—подозрѣваетъ въ личностяхъ противъ него Сечинскаго?

(12) Почему Ясонъ умерла не въ больницѣ, а въ Смирительномъ Домѣ? Если она была больна — ее нельзя было держать ни въ Сибиркѣ, ни въ Смирительномъ домѣ. Если же она была посажена въ Смирительный домъ здоровая: какою же болѣзнію она могла умереть въ два, три дня? Гдѣ же медицинское свидѣтельство?

(13) Достовѣрность въ чемъ? Въ томъ что Ясонъ умерла? Ну! да это достовѣрно. А почему она умерла, почему была посажена въ тюрьму — тутъ достовѣренъ только одинъ полицейскій произволъ, который основанъ не на какомъ нибудь законномъ слѣдствіи, а на стачкахъ съ бандершами, этими безкорыстными блюстительницами общественнаго спокойствія.

(14) А Марьѣ Бредау вѣроятно придется дать пряжку за безпорочное поведеніе!

(15) Ктожъ говоритъ, что она была дворянка? Этого въ Колоколѣ нѣтъ. Да Колоколъ никогда и не думалъ, чтобы только дворянки нельзя заморить, а мѣщанку можно.

(16) И это вздоръ. Такихъ сплетней у насъ не было. Г. подполковникъ изобрѣтаетъ ихъ какъ средство къ оправданію.

(17) И этого въ Колоколѣ нѣтъ.

(18) А такъ какъ всего этого въ Колоколѣ нѣтъ, то обвиненіе Сечинскаго и сдѣлано не на этихъ основаніяхъ.

(19) Ухъ! какъ хорошо сказано! Шекспиръ—Сечинскій, да и только.

(20) Хищникъ вашей чести, г. Сечинскій, вы сами. Не дѣлайте беззаконныхъ и варварскихъ поступковъ — никто васъ и обвинять не будетъ. Повторяемъ, не въ Лондонѣ изобрѣтена исторія Ясонъ. А вы сердитесь — стало вы виноваты.

(21) Этотъ документъ очень важенъ. Во-первыхъ изъ него видно, что Ясонъ подавала просьбу оберъ-полицмейстеру объ освобожденіи ея изъ публичнаго дома, по слабости здоровья. Чтожъ по этой просьбѣ было сдѣлано? О незабвенный Беринтъ! Но стало Ясонъ была не либералка и не бунтовщица, а просто больная женщина, которая просила начальство спасти ее. А начальство ее уморило. Хорошъ порядокъ! Во-вторыхъ: зачѣмъ вытребованъ этотъ документъ? Для оправданія Сечинскаго? Да онъ нисколько его не оправдываетъ. Онъ только доказываетъ, что Сечинскій имѣетъ право послать всякаго частнаго пристава вытребовать какое угодно показаніе. Что же такое за судебная власть Акуньковъ? Но всѣ эти продѣлки не помогаютъ: и этотъ документъ и все оправданіе г. полицмейстера, подполковника Сечинскаго доказываетъ только, что онъ кругомъ виноватъ.

СМѢСЬ.

ЛОГИКА И КРАСНОРѢЧІЕ СЕНАТА.

Въ саранскомъ уѣздѣ, пензенской губерніи, тянулось лѣтъ двадцать дѣло о какой то землѣ между господами Гавриловымъ и Желябугинымъ. Наконецъ вышло рѣшеніе правительствующаго сената (вѣроятно 8 департамента), сочиненное оберъ-секретаремъ Петровымъ. Вотъ оно: "Правительствующій сенатъ слушали..... приказали: по вопросу о томъ кому принадлежитъ земля Г. или Ж.— правительствующій сенатъ, обращаясь къ смыслу существующихъ узаконеній и находя, что въ настоящее время состоялся манифестъ о полюбовномъ размежеваніи,—опредѣляетъ: Предписать кому слѣдуетъ приказать кому нужно разрѣшить этотъ вопросъ на основаніи существующихъ узаконеній."

Получивъ такой указъ, Пензенская Гражданская палата, для отклоненія отъ себя всякой отвѣтственности, переписавъ сенатскій указъ, переслала его въ саранскій уѣздный судъ съ предписаніемъ разрѣшить вопросъ въ точности по указу Сената.

Саранскій уѣздный судъ рѣшилъ дѣло въ пользу Гаврилова. Саранскій уѣздный судъ, помнится, даже рѣшилъ справедливо. Это случайность! Но тутъ всѣ юридическія понятія опрокинуты верхъ дномъ. Дѣло началось въ уѣздномъ судѣ, а высшій аппелляціонный судъ, который долженъ былъ завершить дѣло, обращаетъ его снова въ первую инстанцію гдѣ оно началось, и эта инстанція рѣшаетъ вмѣсто высшаго аппелляціоннаго суда!

О ГРАФЪ ВИКТОРЪ НИКИТИЧЪ!

Въ "Нордѣ" (No. 97) есть нѣсколько подробностей о проэктѣ II отдѣленія собственной канцеляріи е. в. Весь проэктъ очевидно составленъ съ цѣлью, чтобъ обмануть государя и совѣтъ, чтобы за многословіемъ скрыть намѣреніе не только не измѣнить наше отвратительное судопроизводство, но еще болѣе затемнить его, если возможно.

Digitized by Google

1.) "Отнынѣ всѣ документы будутъ вносимы въ особую книгу, чтобы тяжущіеся могли всегда отыскать ихъ."

Стало будетъ новое лицо для веденія этой книги, (а между тѣмъ книга входящихъ и исходящихъ бумагъ и теперь существуетъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ). Стало будетъ новый чиновникъ, новое жалованье, новое продажное мѣсто, котораго будутъ добиваться, то цалуя руку у г. Панина, то платя взятку кому слѣдуетъ. Да кто же поручится, чтобы при безгласности, такой господинъ не вписалъ въ книгу или искаженный документъ, или вовсе не существующій, а потомъ и будутъ судить, за утратою оригинала, по оной книгѣ.

"Докладъ о дѣлѣ будетъ составленъ и читанъ передъ присутствіемъ не секретаремъ—а членомъ суда."

Но при безгласности судопроизводства — кто бы ни былъ докладчикъ — докладъ все останется въ рукахъ чиновничьяго произвола. Да еще и этого члена докладчика создадутъ новаго —новый чиновникъ, новое продажное мѣсто, новый способъ брать взятки!

Г. министръ юстиціи полагаетъ, что учрежденіе адвокатовъ опасно для правительства, потому что:

"Не надо забывать, что вредно и опасно для государства, если глубокое знаніе права будетъ разпространено въ классѣ людей, не состоящихъ на государственной службѣ."

Цинизмъ невѣжества, вражда противъ всякаго успѣха рѣдко выражались съ такой наглой дерзостью, даже у католическихъ монаховъ. Не многому же научился Панинъ въ оксфордскомъ университетѣ. Его предокъ служившій при Екатеринѣ, былъ современнѣе его.

Нѣтъ, не вывезетъ Александръ Николаевичь изъ грязи государственную колымагу, пока въ ней будутъ такие свинцовые министры.

Summum jus—summa injuriæ; не оттого-ли, что министръ юстиціи такъ высокъ—ни одна человѣческая мысль не можетъ возвысится до чела его, а ходятъ какъ облака по Альпамъ — оставляя сухую каменную вершину мерзнуть на солнце.

Попробовать бы маленькаго министра юстиціи, — можетъ будетъ и лучше.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ ПРОФЕССОРАМЪ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Профессоръ Григорій Семеновъ Рындовскій въ качествѣ старшины дворянскаго клуба, узнавъ, что служители сдѣлали между собой складчину, и собрались дружески отпраздновать начало освобожденія крестьянъ, ворвался въ залу съ другими старшинами и разогналъ мирно пировавшихъ служителей.

Григорій Семеновъ при этомъ дрался — единственнымъ кулакомъ, который у него остался.

Мы предлагаемъ профессорамъ харьковскаго университета выгнать изъ своей среды этаго негодяя.

Лужинъ можетъ его опредѣлить въ городовую полицію, Долгорукій — въ корпусъ Жандармовъ, но въ университетѣ его держать нельзя.

Жаль, что служители дворянскаго собранія не знали о томъ какъ Базилевскаго сѣкли дворовые его люди, — это леченіе можно было бы съ успѣхомъ приложить къ профессору терапіи.

ПОБѢДА.

Сей часъ мы получаемъ извѣстіе объ отрѣшеніи Брока, Порова и Вяземскаго. Это большое торжество разума, большая побѣда Александра II надъ рутиной. Съ нетерпѣніемъ станемъ мы ожидать, что сдѣлаетъ новый министръ финансовъ. Во всякомъ случаѣ долой откупъ, потому что откупъ — подкупъ чиновничества; пока онъ существуетъ, государство ни шагу не сдѣлаетъ впередъ.

Ну! а когда же Панина-то съ Закревскимъ? Пора бы, пора бы!

L'APPETIT VIENT EN MANGEANT.

Послѣ нелѣпой нападки па книгопродавца Трулова, издавшаго брошюрку Адамса — Tyrannicide is it justifiable? — здѣшнее правительство сдѣлало новое посягательство на свободу книгопечатанія ..... оно добудится львинаго зыка свободной Британіи, если французское похмѣлье переживетъ Пальмерстова. Марта 23, утромъ былъ арестованъ и отданъ подъ судъ польскій изгнанникъ Станиславъ Тхоржевскій за изданіе письма Феликса Пья къ членамъ парламента.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА книжка IV.

На дняхъ поступили въ продажу у Трюбнера & Co., 60 Paternoster Row:

LA FRANCE OU L'ANGLETERRE?

Variations russes sur le thême de l'attentat du 14 Janvier 1858

PAR ISCANDER.

СЪ ТОГО БЕРЕГА (второе изданіе)

РОССІЯ И СОЦІАЛИЗМЪ (письмо къ И. Мишле, переводъ съ французскаго)

печатается:

КНЯЗЬ М. ЩЕРБАТОВЪ И А. РАДИЩЕВЪ (изъ Екатерининскаго вѣка)

Изданіе Трюбнера съ предисловіемъ Искандера.

ТЮРЬМА И ССЫЛКА (Искандера второе изданіе).

Н. ТРЮБНЕРЪ и Ко., 60, Paternoster row, London, объявляютъ о новомъ изданіи своемъ: "ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ" (THE LITERATURE OF AMERICAN ABORIGINAL LANGUAGES, by HERMANN LUDERWIG) Германа Людервига, съ прибавленіями профессора В. Турнера. Изданіе Трюбнера и Ко., 284 страницъ in 8vo., прочно переплетенное въ англійскую холстину.

Книга эта, служащая необходимымъ пособіемъ при сравнительномъ изученіи языковъ,—есть первый опытъ приведенія въ систематическій порядокъ свѣденіи объ американскихъ языкахъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

Digitized by Google

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, *W. C.*

ЛИСТЪ 14.

1 Мая 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 39, Rupert Street, Haymarket, London. Price six-pence.

СЪ ТОГО БЕРЕГА.

Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаха
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.

ПУШКИНЪ (Полтава).

На утесѣ на твердомъ сижу я и слушаю:
Море темное плещетъ, колышется;
И хорошъ его шумъ и безрадостенъ,
Не наводитъ на помыслы свѣтлые.
Погляжу я на берегъ на западный—
И тоска беретъ, отвращеніе;
Погляжу я на дальній на востокъ—
Сердце бьется со страхомъ и трепетомъ.
Голова такъ и клонится на руки,
И я слушаю, слушаю волны—да думаю,
А что думаю—говорится вслухъ,
Не то оно пѣсня, не то сказаніе.

Погляжу я на берегъ на западный,—
Вотъ что было тамъ, что случилося.
Мерзлымъ утромъ рано-ранехонько
Выступали полки, шли по улицѣ;
Громко конница шла, стуча копытами,
Мѣрно пѣхота шла, разъ въ разъ, не сбиваяся;
Гулъ тяжелый несся отъ поступи.
Барабаны трещали безъ умолку,
Впереди несли знамя военное,
А на знамени орелъ сидитъ,
А орелъ—птица кровожадная!
И пришли полки, стали на площадь,
Середь площади плаха воздвигнута.
За полками народу тьма тьмущая;
Всѣ на плаху глядятъ и безмолствуютъ,
Тишина была страшная, гробовая.
Вотъ на площадь ввели двухъ колодниковъ,
Что задумали подорвать кесаря;
Не хотѣли они орла кровожаднаго,
Али ястреба, падалью сытаго.
Вотъ ввели ихъ двухъ колодниковъ,
А ввели ихъ со солдатами,
А солдаты со саблями съ обнаженными,—
Для двухъ скованныхъ сила грозная!
И пришли они два колодника,
По морозцу пришли босоногіе;
Два попа имъ лгали милость божію.
И пришли они два колодника,
А затылки у нихъ острижены,
Топору чтобъ помѣхи не было.
И надѣли на нихъ на колодниковъ
Покрывало черное на каждаго:
За отцеубійство казнить ихъ велѣно.
Да отецъ то гдѣжъ, вы скажите мнѣ?
Развѣ тотъ отецъ, кто казнить велитъ,
Кто казнить велитъ, а не миловать?
Ахъ, лжецы вы, лжецы окаянные!
Погляжу на васъ да послушаю,—
Такъ съ отчаянья индо смѣхъ беретъ.

И пошли на плаху колодники,
Шли спокойно они и безропотно,
Передъ смертью только воскликнули:
"Эхъ! да здравствуетъ наша родина
И другая страна, столь любимая,
Гдѣ теперь мы слагаемъ головы,
А въ любви къ ней не разкаялись!"
И попадали обѣ головы.
И палачъ склалъ обѣ головы въ мѣшокъ,
А безглавыя тѣла повалилъ на телѣгу,
Повезли спозаранку къ ночлегу.

И безмолвный народъ по домамъ пошелъ,
Кто понурясь пошелъ съ горькой горестью,
А иной былъ радъ, что богъ милость далъ
Увидать на вѣку дѣло рѣдкое.
Постояли полки,—дѣлать нечего,
И пошли опять стройной выстройкой,
Только гулъ стоналъ отъ ихъ поступи.
Впереди несли знамя военное,
А на знамени орелъ сидитъ,
А орелъ—птица кровожадная!

Кровожадная она и не новая:
Въ стары годы ее на знамени
Гордо-лютые носили Римляне.
И у нихъ былъ Брутъ, убилъ кесаря,
И была ему слава великая.
Да не въ прокъ пошло убіеніе,—
Самъ народъ былъ рабъ, по душѣ былъ рабъ,
И пошли все кесари да кесари;
Много крови лилось человѣческой...
Сказка старая, невеселая!

Погляжу я на дальній на востокъ:
Тамъ мое племя живетъ, племя доброе.
Кесарь хочетъ ему самъ свободу дать,
Хочетъ самъ да побаивается.
Если кесарь самъ намъ свободу дастъ,
Онъ не кесарь—новый духъ святой!
Ну! да какъ же кесарю намъ свободу дать?
У него всежъ орелъ на знамени:

Digitized by Google

Духъ святой являлся въ видѣ голубя,—
А орелъ—птица кровожадная!
Вѣрить хочется и не вѣрится,
Съ думы сердце въ груди надрывается.
И все жаль мнѣ ихъ—этихъ двухъ людей,
Что сложили свои головы
Такъ спокойно и такъ доблестно,
Передъ смертью только воскликнули:
"Эхъ! да здравствуетъ наша родина
И другая страна, столь любимая,
Гдѣ теперь мы слагаемъ головы,
А въ любви къ ней не раскаялись!"
Моя пѣсня—не просто сказаніе,
Моя пѣсня—надгробное рыданіе
По людямъ, убіеннымъ за родину,
За любовь къ волѣ человѣческой,
По мученикамъ, по праведнымъ,
Святой вольности угодникамъ.
Моя пѣсня—не просто сказаніе,
Моя пѣсня—надгробное рыданіе:
Изъ груди она съ болью вырвалась,
Отъ глубокой тоски сказалася...
Ты лети-жъ, моя пѣсня скорбная,
Черезъ море, море шумное,
Долетай до людскихъ ушей,
Пусть ихъ слушаютъ хотя-не-хотя.
Кто въ душѣ грѣшонъ—тотъ пусть бѣсится,
До него мнѣ и дѣла нѣтъ;
А прямая душа—пусть прочувствуетъ,
Горькой думою призадумается.
А не тронешъ изъ нихъ ни единаго,—
Лучше-жъ, пѣсня ты моя скорбная,
Потони ты въ плескѣ волнъ морскихъ,
Безъ слѣда развѣйся по вѣтру.

Н. ОГАРЕВЪ.

СЛУХИ.

Въ Парижѣ разнесся слухъ и былъ поддержанъ какой-то пьэмонтской газетой — будто было посягательство на жизнь Александра II, будто его хотѣли отравить ядомъ въ ваннѣ, но что онъ изъ нея вышелъ и велѣлъ химически разложить воду, гдѣ былъ найденъ ядъ.

Мы этому не вѣримъ,—такъ, потому что не хочется вѣрить, потому что для насъ Александръ II "счастливая случайность", какъ сказалъ Александръ I Mme. de Stael. Но поручиться за то, чтобъ это было невѣроятно—мы не можемъ. Мы только скажемъ одно: конечно ни одинъ благородный человѣкъ въ Россіи не захочетъ смерти царя, который идетъ за одно съ народомъ и съ образованіемъ.

Но чего хочетъ старая дворня— за это поручиться нельзя. Да прогоните же наконецъ старую дворню. Оно будетъ спокойнѣе, доблестнѣе, человѣколюбивѣе и—безопаснѣе!

ВАТЕРЛОО 17 АПРѢЛЯ 1858.

Семнадцатаго Апрѣля, въ мрачной залѣ Олдъ-Бейльи, въ присутствіи четырехъ главныхъ судей острова,— свобода Англіи одержала великую побѣду надъ французскимъ деспотизмомъ. СИМОНЪ БЕРНАРЪ былъ найденъ присяжными не виноватымъ. Двѣнадцать Англичанъ изъ народа, не рѣшились (какъ того хотѣла аристократія и богатое мѣщанство) жизнію Бернара снова купить благорасположеніе императора отъ полиціи.

Наполеону-мира—мирное Ватерлоо. А народу англійскому честь, слава и свобода!

И—ръ.

ЕЩЕ ОБЪ ОСВОБОЖДЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ.

Новый рескриптъ министра внутреннихъ дѣлъ с. петербургскому генералъ-губернатору отъ 17 Февраля,(*) и опять рескриптъ ничего не поясняющій, ничего не опредѣляющій.

Въ этомъ рескриптѣ опять говорится, что государь довѣрилъ дворянству принять мѣры къ улучшенію быта крестьянъ, т. е. иными словами довѣрилъ дворянству освобожденіе крестьянъ. Довѣріе дѣло благородное, но надо, чтобъ оно было на чемъ нибудь основано. Интересы крестьянъ, какъ мы уже замѣтили, въ комитетахъ никѣмъ не представлены. Чиновники отъ министерства, которые будутъ засѣдать въ комитетахъ, не будутъ представлять интересы крестьянъ; образованные, или какъ въ другомъ мѣстѣ сказано, опытные помѣщики, избранные губернаторами (!) не только не будутъ представлять интересовъ крестьянъ, но даже нѣтъ никакого ручательства, чтобъ эти образованные и опытные были дѣйствительно образованные и опытные. Дайте же этихъ образованныхъ и опытныхъ помѣщиковъ выбрать самимъ крестьянамъ; повѣрьте, что крестьяне выберутъ себѣ по крайней мѣрѣ умныхъ и честныхъ, сочувствующихъ ихъ интересамъ. Какъ же можно довѣрить исключительно одной партіи рѣшить вопросъ въ пользу партіи, которой выгоды противуположны? Не станемте требовать отъ людей какого-то сверхъестественнаго героизма; естественное стремленіе дворянства будетъ организовать новый видъ рабства, и вмѣсто благонамѣреннаго желанія правительства примирить партіи, выйдетъ распря между дворянами и крестьянами. Новаго вида рабства крестьяне не вынесутъ. Дайте крестьянамъ своихъ представителей въ комитетахъ; только въ этомъ случаѣ дѣло можетъ рѣшиться миролюбиво, и освобожденіе крестьянъ будетъ дѣйствительнымъ улучшеніемъ ихъ быта.

Также весьма странно все толковать о какихъ-то судахъ между помѣщиками и крестьянами. Комитеты ничего не могутъ знать объ этихъ судахъ. Какіе это суды? обыкновенные или необыкновенные? Надо было по крайней мѣрѣ сказать о какихъ судахъ говоритъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ.

Мы хотѣли сдѣлать подробный разборъ новаго министерскаго предписанія генералъ-губернатору, но послѣ статьи неизвѣстнаго сотрудника въ прошломъ листѣ Колокола, нашъ разборъ становится лишнимъ, потому что въ новомъ предписаніи ничего нѣтъ новаго противъ перваго предписанія, и если комитеты изъ перваго предписанія не поняли что имъ надо дѣлать, то изъ втораго они поймутъ не болѣе.

Отъ чего эта неясность? Очень просто: министерство само не знаетъ, чего оно хочетъ—общиннаго ли владѣнія землей прикрѣпленной за крестьянами съ платой за нее ренты, или только выкупа для крестьянъ отдѣльныхъ усадебныхъ участковъ. Министерству втайнѣ хочется перваго, а сказать этого

(*) Le Nord No. 70.

Digitized by Google

оно не хочетъ; хочетъ, чтобъ дворянство само рѣшило въ этомъ смыслѣ; а дворянству этого смысла вовсе не хочется, а между тѣмъ оно боится министерства. Министерство, лавируя между всѣми подводными камнями, настаиваетъ на выкупѣ усадебной земли. Но не въ усадебной землѣ рѣчь; усадебную землю степные помѣщики даютъ и вольнонаемнымъ рабочимъ, потому что работнику надобно гдѣ нибудь жить. Усадебная земля условіе — безъ котораго нѣтъ и работника. Полагать ее въ какую нибудь цѣну—мудрено и для крестьянъ обидно. Все дѣло въ пахатной землѣ. Такимъ образомъ министерство и дворянство хотятъ сражаться какими-то задними мыслями, и никто не смѣетъ сказать чего хочетъ. Этимъ лавированіемъ не доплывешь до берега!

Зачѣмъ вся эта политика? Зачѣмъ напечатано: улучшеніе быта крестьянъ,—читай: освобожденіе; напечатано: условная рента за пахатную землю,—читай: выкупъ земли для общины....?

Что лучше: дипломатія, или искренность?

Искренность—это сила. Дипломатія—это ложь.

Ложь—безплодна. Искренность создаетъ.

Мы умоляемъ правительство подумать объ этомъ.

Вы хотите быть реформаторами—такъ будьте же.

Что же наконецъ доказываетъ весь этотъ рескриптъ? Онъ доказываетъ только одно, — что видно дѣло идетъ туго, т. е. что дворянство сильно противится освобожденію крестьянъ, и что государь наконецъ будетъ вынужденъ прибѣгнувь къ общей правительственной мѣрѣ освобожденія крестьянъ, т. е. къ мѣрѣ финансовой, къ общему выкупу крѣпостныхъ людей съ землею въ Россіи. Иной мѣры быть не можетъ. Еще въ 4 листѣ Колокола мы радовались намѣренію освобожденія крестьянъ на основаніи полюбовныхъ сдѣлокъ, какъ началу чего нибудь, все же предпочитая общую финансовую мѣру. Глубоко и искренно мы привѣтствовали Александра II за то, что вопросъ освобожденія былъ имъ поставленъ. Но обстоятельства имѣютъ свою силу: на пути полюбовныхъ сдѣлокъ результатъ, кажется, выходитъ только тотъ, что дворянство упорствуетъ.

Комитеты вѣроятно предложатъ только новый видъ рабства, а это и не въ желаніи народномъ, и не въ желаніи образованнаго меньшинства дворянъ, и не въ видахъ правительства. Если вопросъ поставится такъ, онъ рѣшится не сверху, а снизу. А кто будетъ въ этомъ виноватъ? Только большинство дворянства. Конечно оно поплатится собственными головами, но отъ этого людямъ благонамѣреннымъ не легче.

Какъ бы ни былъ подверженъ критикѣ проэктъ выкупа крестьянъ съ землею, представленный мною великому князю Константину Николаевичу, я рѣшаюсь теперь напечатать его, исправивъ на сколько хватило умѣнья. Я убѣжденъ въ истинности основаній этого проэкта, и хотя бы въ немъ было много ошибочнаго, все же, печатая его, я надѣюсь, что онъ обратитъ вниманіе на вопросъ и побудитъ знающихъ людей разработать вопросъ для блага общаго.

Освобожденіе крестьянъ безъ земли не можетъ лежать въ видахъ правительства, потому что это совершенно противно духу русскаго народа, которому и въ голову не приходитъ, чтобы земля могла быть не его. Это не лежитъ въ видахъ правительства еще и потому, что благоразумное правительство не можетъ хотѣть создать пролетаріатъ въ странѣ, гдѣ его нѣтъ и сосредоточить землевладѣніе въ рукахъ дворянства, тогда какъ дворянство естественный антагонистъ и правительства и народа, ибо arrière pensée и цѣль всякаго дворянства невольно есть олигархія, которой бѣдственное вліяніе славянскій міръ уже видѣлъ въ Польшѣ.

Такъ какъ съ освобожденіемъ крѣпостныхъ пріобрѣтеніе земельной собственности покупкою будетъ доступно каждому, то различіе, доводящее Европу до трагическихъ результатовъ, различіе высшаго, средняго и низшаго сословія—естественно исчезаетъ, уступая мѣсто только двумъ элементамъ: собственнику-общинѣ и собственнику-лицу. Собственникъ-община имѣетъ характеръ консерватизма, крѣпкаго храненія земельной собственности, какъ основанія народной жизни; собственникъ-лицо вноситъ въ государство характеръ промышленной удободвижимости, творчества въ промышленности. У насъ собственникъ-лицо не можетъ походить на мелкаго собственника или фармера, изнывающихъ подъ бременемъ нужды въ западной Европѣ; у насъ собственникъ-лицо всегда явится достаточнымъ собственникомъ, имѣющимъ возможность быть дѣятельнымъ производителемъ въ промышленномъ мірѣ, потому что наши мелкіе собственники останутся членами собственника-общины.

Взаимное вліяніе собственника-общины и собственника-лица, т. е. твердаго общественнаго основанія и живой предпріимчивости необходимо должно принесть для промышленной жизни и государственной силы огромные результаты.

До сихъ поръ у насъ крестьянская община была въ загонѣ, никогда не жила самобытно; покупка земель была недоступна среднему сословію, потому что земля продавалась съ крестьянами, могла быть покупаема только наслѣдственными дворянами; дворянство же не получаю надлежащаго дохода съ земли, потому что легкость пользованія крѣпостнымъ трудомъ освобождало его отъ дѣятельнаго участія въ промышленной жизни. Отъ этого Россія, не смотря на все превосходство почвы и все богатство природы, представляетъ страну бѣдняковъ, которые едва въ состояніи заплатить государственную подать. Съ освобожденіемъ крѣпостныхъ людей съ землею, т. е. при отсутствіи пролетаріата, Россія оживетъ и разбогатѣетъ.

Освободить крестьянъ съ землею такъ, чтобы интересъ помѣщика не страдалъ можно только посредствомъ выкупа. Гдѣ же правительство возметъ капиталъ для такаго огромнаго дѣла, скажутъ мнѣ? Нигдѣ, потому что для этого никакого капитала не нужно. Этотъ капиталъ—сама почва; пустить его въ оборотъ можно только посредствомъ общественнаго кредита. Надѣюсь доказать эту мысль совершенно очевидно.

Настоящее положеніе земельной и крѣпостной собственности помѣщиковъ приблизительно слѣдующее: *

Всей помѣщичей земли..........................		106,228,520 десятинъ.
Изъ нихъ неудобной..........................		25,190,270
Слѣдственно удобной..........................		81,032,250
Число крѣпостныхъ ревизскихъ душъ заложенныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ..........	5,945,533	
Свободныхъ отъ залога..................	5,124,528	
Всего ревизскихъ душъ..........	10,870,061†	
Или положимте..........................		11,000,000
У нихъ въ пользованіи помѣщичей земли удобной и подъ поселеніями всего..........................		33,000,000
За тѣмъ у помѣщиковъ въ своемъ пользованіи удобной		

* Я пользовался трудами Кеппена и Тенгоборскаго.

‡ Эта цифра Кеппена. По 9ой. ревизіи 10,599,000. Слѣдственно была убыль въ народонаселеніи. Хорошо благодѣтельное управленіе помѣщиковъ!

Digitized by Google

земли....................................	48,038,250
и неудобной................................	25,190,270
Всего исключительно помѣщичей земли........	73,228,520 десятинъ.

Слѣдственно выкупить надо 33 милліона десятинъ съ ихъ населеніемъ. Помѣщики охотно бы согласились взять выкупъ, но у большей половины, т. е. у тѣхъ, у которыхъ имѣнья заложены, денегъ въ рукахъ не останется. Большинство помѣщиковъ скажетъ, что у нихъ нѣтъ капиталовъ для вольнонаемной обработки земли. Надо создать имъ капиталы и тогда они легко согласятся.

Прежде всего взглянемъ на настоящее положеніе нашихъ кредитныхъ учрежденій. Вотъ оно: *

Основныхъ капиталовъ въ государственномъ заемномъ банкѣ..............................	12,633,308 р. с.
Сохранныхъ казнахъ воспитательныхъ домовъ........	75,430,799
Приказахъ общественнаго призрѣнія...........	13,009,541
Всего основныхъ капиталовъ...........	101,073,648
Вкладовъ по всѣмъ онымъ учрежденіямъ...........	668,575,794
Ссудъ.....................................	998,354,969 р. с.

Очевидно, что основный капиталъ этихъ учрежденій составляетъ едва $\frac{1}{7}$ долю вкладовъ и 0, 1 ссудъ, что конечно никакихъ случайностей покрыть не можетъ и приводитъ насъ къ мысли, что еслибы этотъ основный капиталъ и вовсе не существовалъ, то тѣмъ не менѣе государственныя кредитныя установленія дѣлали бы свое дѣло обычнымъ порядкомъ.

Сосредоточимте въ Опекунскомъ совѣтѣ все дѣло выкупа крѣпостныхъ людей съ землею, т. е. всѣ обороты, по залогамъ помѣщичьихъ имѣній изъ государственнаго банка, причислимте къ одному изъ опекунскихъ совѣтовъ, подчинимте ему другой опекунскій совѣтъ и приказы общественнаго призрѣнія, потому что по сущности своей приказы могутъ быть только конторами опекунскаго совѣта и относятся къ министерству финансовъ, а совсѣмъ не къ министерству внутреннихъ дѣлъ, какъ это учредилось безъ всякой достаточной причины. И такъ центръ выкупа крѣпостнаго состоянія съ землею—Опекунскій совѣтъ. Я потому настаиваю на этомъ по видимому равнодушномъ фактѣ, что ухо русскаго помѣщика и даже мужика привыкло къ этому имени и что, слѣдственно, на сколько бы перемѣна отношеній между сословіями ни была коренною, ее примутъ легче, потому что дѣло будутъ вести съ старымъ знакомымъ, съ которымъ находятся въ непрерывныхъ сношеніяхъ.

Положимте, что этотъ опекунскій совѣтъ не имѣетъ никакаго инаго капитала кромѣ того, который нуженъ для содержанія своихъ конторъ и для печатанія своихъ бумагъ въ продолженіи одного года. Этотъ совѣтъ предлагаетъ сдѣлаться посредникомъ между крестьянами, откупающимися на волю съ землею и помѣщиками, продающими имъ волю и землю.

Опекунскій совѣтъ выдавалъ помѣщикамъ подъ залогъ ихъ имѣній ссуду среднимъ числомъ по 70 р. с. на душу, при чемъ вся земля имѣнья поступала въ залогъ. Теперь онъ предлагаетъ для выкупа туже цѣну за душу съ количествомъ земли около $\frac{1}{3}$ противъ прежняго. Онъ предлагаетъ 70 р. с. за душу при томъ количествѣ земли, которою крестьяне въ сію минуту de facto владѣютъ, т. е. на которой живутъ и которую обработываютъ для себя. Но не имѣя наличныхъ денегъ, Опекунскій совѣтъ выдаетъ помѣщикамъ по 70 р. с. на душу векселями на себя. Самъ же онъ взыскиваетъ съ крестьянъ 70 руб. съ души на прежнихъ основаніяхъ, т. е. въ теченіи 37 лѣтъ, взимая по 5% съ ссуда и по 1% въ уплату капитала. Въ теченіи 37 лѣтъ на этомъ основаніи крестьяне выплатятъ ему капиталъ, а онъ въ теченіи 37 лѣтъ выкупитъ свои векселя; проценты (5% въ годъ) остаются въ его пользу.

* Спб. календарь 1856 года.

Векселя Опекунскаго совѣта обязаны ходить какъ деньги. Уплату же съ крестьянъ совѣтъ принимаетъ ходячею монетою или государственными кредитными билетами и по мѣрѣ полученія выкупаетъ свои векселя.

На 11 милліоновъ душъ по 70 р. с. на душу, — Совѣтъ выдастъ помѣщикамъ векселей на себя 770 милліоновъ р. с.

Тѣ имѣнья, которыя уже заложены, конечно получатъ векселей не на всѣ 70 р., а только на ту сумму, которая придется при перезалогѣ съ опредѣленнаго дня. Тѣ имѣнья, которыя не заложены, получаютъ сполна векселя въ 70 р. на душу съ того же дня.

Здѣсь я долженъ замѣтить вопреки мнѣнію всѣхъ проэктовъ, предлагавшихъ постепенное освобожденіе крѣпостнаго состоянія, что финансовая мѣра и постепенность освобожденія совершенно несовмѣстны, потому что финансовая мѣра только тогда и возможна, когда она общая. Постепенная же общая мѣра есть non sens. А мирное рѣшеніе задачи не посредствомъ финансовой мѣры мудрено. Поневолѣ надо начать выкупъ съ опредѣленнаго дня для всей Россіи. Иначе мы вмѣсто успѣха увидимъ гибель, потому что никакое финансовое учрежденіе не вынесетъ постепенности не обанкрутившись, да и самый народъ не вынесетъ хвалимой постепенности, и губернія, въ которой крѣпостное состояніе будетъ ожидать своего часа освобожденія, видя что въ сосѣдней губерніи крѣпостное состояніе уничтожено, пойдетъ на ножи.

Въ сущности мой проэктъ состоитъ въ переводѣ долга опекунскаго совѣта на крестьянъ, а тамъ, гдѣ имѣнья не заложены, въ заложеніи оныхъ, считая долгъ на крестьянахъ такъ что всѣ крестьяне будутъ выплачивать свой выкупъ съ землею опекунскому совѣту въ теченіи 37 лѣтъ. Цифру эту 37 лѣтъ я беру потому, что мы къ ней привыкли и что въ этомъ дѣлѣ очень важно не мѣнять привычки. Но все это должно начаться въ единый день и единый часъ, чтобы весь финансовый оборотъ пустился въ ходъ разомъ, какъ общая государственная мѣра.

Помѣщикамъ остается та земля, которую они обработывали на себя, или яснѣе сказать та земля, которую они не давали въ пользованіе крестьянамъ. Они могутъ опять заложить ее въ опекунскій совѣтъ, получивъ за нее векселя опекунскаго совѣта и выплачивать свой долгъ въ теченіи 37 лѣтъ на обычныхъ основаніяхъ. Совѣтъ можетъ, не рискуя, предложить подъ залогъ этихъ исключительно помѣщичьихъ земель двѣ трети ихъ стоимости, т. е. если десятина удобной земли среднимъ числомъ стоитъ 24 р. с., то совѣтъ выдастъ подъ залогъ оной 16 р. с. Неудобной земли ему нельзя принять въ залогъ, потому что стоимость ея не можетъ быть опредѣлена. Такъ какъ всей удобной помѣщичей земли 48 милліоновъ десятинъ, то предполагая, что всѣ владѣльцы заложатъ свои земли, Опекунскій совѣтъ выдастъ помѣщикамъ въ ссуду векселями на себя 768 милліоновъ р. с., т. е. сумму почти равную ссудѣ выданной крестьянамъ. Такимъ образомъ Опекунскій совѣтъ всей ссуды крестьянамъ и помѣщикамъ вмѣстѣ выдастъ 1,538 милліоновъ р. с., долгъ который можетъ быть уничтоженъ въ теченіи 37 лѣтъ, или, — какъ теперь дѣлается—возобновляемъ ad infinitum.

Digitized by Google

Какую же роль играетъ при этомъ Опекунскій Совѣтъ?

Онъ ничто иное какъ коммиссіонеръ, посредникъ между земельной собственностью и общественнымъ кредитомъ. Онъ ручается передъ обществомъ за состоятельность (solvabilité) земельной собственности. Вмѣсто того, чтобы землевладѣлецъ искалъ капиталиста, который бы далъ ему денегъ подъ залогъ земли, опекунскій совѣтъ принимаетъ это дѣло на себя, выдаетъ землевладѣльцу на себя вексель, который землевладѣлецъ тотчасъ можетъ размѣнять на ходячія деньги, а поэтому векселю уплачиваетъ самъ опекунскій совѣтъ, выкупая свой долгъ въ опредѣленные сроки, сроки соразмѣрные полученію съ землевладѣльцевъ 1% погашенія долга.

Чтобы быть этимъ коммиссіонеромъ, посредникомъ, поручителемъ, опекунскій совѣтъ долженъ быть непреложно увѣренъ, что земельная собственность, за которую онъ ручается, состоятельна. А въ этомъ онъ можетъ быть увѣренъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

1.) За состоятельность крестьянъ передъ Опекунскимъ совѣтомъ ручается правительство, которое посредствомъ своей администраціи сбираетъ съ крестьянъ какъ подать, ежегодные проценты, слѣдующіе на уплату опекунскому совѣту. Правительство можетъ безошибочно взять на себя это поручительство, потому что выкупаемые крестьяне, должные Совѣту по 70 р. с. съ души, обязаны вносить ежегодно процентовъ съ погашеніемъ капитала 2 р. 80 к. с. съ души, или по 5 р. с. 60 к. с. съ тягла, что равняется такому легкому оброку, что недоимка становится невозможною.

2.) Помѣщики получающіе новую ссуду подъ залогъ своихъ земель, отвѣчаютъ этою землею, которую опекунскій совѣтъ въ случаѣ неуплаты залогодателя продаетъ съ публичнаго торга за наличныя деньги, погашающія векселя совѣта. Съ освобожденіемъ крестьянъ право покупать землю становится доступнымъ для всѣхъ сословій, слѣдственно опекунскій совѣтъ въ случаѣ неуплаты со стороны залогодателя не будетъ какъ теперь нуждаться въ покупщикахъ. Охотниковъ покупать земли будетъ много и цѣнность земли не понизится, а ужасно повысится.

Изъ этого мы смѣло можемъ заключить, что ручательство опекунскаго совѣта за состоятельность земельной собственности непреложно, что слѣдственно векселя опекунскаго совѣта, эта номинальная цѣнность реальной стоимости почвы, будутъ всегда въ ходу рубль въ рубль, потому что стоимость почвы не можетъ понизиться. Тутъ даже не будетъ cours forcé, а совершенно естественный курсъ.

Но скажутъ мнѣ: Опекунскій совѣтъ самъ долженъ по вкладамъ 669 милліоновъ. Какъ же онъ ихъ выплатитъ. Не усомнятся ли вкладчики? Не потребуютъ ли разомъ уплаты?

Едва ли вкладчики разомъ потребуютъ уплату вкладовъ, если имъ будетъ ясно доказано, что Опекунскій совѣтъ даже въ томъ положеніи какъ я его беру, т. е. безъ всякаго основнаго капитала, и выдавъ векселей на 1,538 милліоновъ — совершенно состоятеленъ; а это доказать легко.

Для легкости счета положимте..............	1,508,000,000 = 1000
Слѣдственно........................	669,000,000 = 435

И такъ Опекунскій совѣтъ выдалъ векселей, по которымъ получаетъ уплату на 1000 р. с., а самъ долженъ 435 р. с.

Черезъ 37 лѣтъ его положеніе слѣдующее:

Онъ получитъ по 5 процентовъ съ 1000, при постепенной уплатѣ капитала въ 37 лѣтъ всего процентовъ............	= 1,203 р. с.
Онъ получитъ по 1 проценту..........................	= 1,000
	2,203 р. с.
Онъ заплатитъ:	
Съ 435 по 4 процентовъ (15,40 въ годъ) въ 37 лѣтъ....	569,80
Капиталъ..	435
	1004,80 р. с.
Онъ выкупитъ своихъ векселей..........................	1000
Слѣдственно всего онъ уплатитъ........................	2004,80 р. с.
Получивъ же самъ 2203 онъ имѣетъ въ барышѣ...........	198,20 р. с.

Или раздѣливъ 198,20 на 37 выйдетъ въ годъ 5,35. Возводя къ первоначальной цифрѣ ссуды, мы увидимъ что за всѣми уплатами, опекунскій совѣтъ имѣетъ ежегоднаго барыша 8,228,300 р. с., что совершенно достаточно на содержаніе совѣта и приказовъ, и даже воспитательныхъ домовъ.

Слѣдственно опекунскій совѣтъ совершенно состоятеленъ.

Но еслибы вкладчики разомъ потребовали вклады, то опекунскій совѣтъ имъ можетъ уплатить, промѣнявъ билеты сохранной казны на свои ходячія векселя, но срочныя, разсчитывая ихъ сроки съ возможностью выкупа; такимъ образомъ опекунскій совѣтъ отсрочитъ свой долгъ на соразмѣрное время. Но этого требованія нельзя ожидать; состоятельность опекунскаго совѣта слишкомъ очевидна. Будутъ требованія вѣроятно, потому что освобожденная отъ крѣпостной неподвижности земля, привлечетъ много покупщиковъ, которые скорѣе захотятъ положить свой капиталъ на пріобрѣтеніе земли, чѣмъ въ сохранную казну. Если бы не хватило основнаго капитала совѣта на удовлетвореніе такихъ требованій, то пусть онъ отдѣлается отъ нихъ своими срочными векселями. Дѣло въ томъ, что собственно вкладовъ для своего оборота опекунскому совѣту вовсе не нужно. Если совѣтъ допуститъ вклады, то это будетъ только изъ уваженія къ привычкѣ общества вносить деньги въ сохранную казну. На первый случай совѣтъ можетъ ограничиться признаніемъ вкладовъ, которые имѣются въ сію минуту и не допускать новыхъ вкладовъ, чтобъ не принимать на себя новый не нужный для него долгъ. Частные капиталы найдутъ себѣ въ промышленномъ мірѣ помѣщеніе болѣе полезное, чѣмъ пребываніе ихъ въ сохранной казнѣ.

Всякій частный банкъ, тѣмъ состоятельнѣе, чѣмъ больше ему должны сравнительно съ вкладами, т. е. съ его собственнымъ долгомъ. Но частный банкъ нуждается въ частномъ займѣ, а опекунскій совѣтъ, въ нашемъ предположеніи, выдавая на себя векселя, ходячіе какъ деньги, нисколько не нуждается въ реальномъ частномъ займѣ; его заемъ номинальный; онъ является поручителемъ за совершенно состоятельную земельную собственность; общество ему вѣритъ и принимаетъ его векселя au pair. Получая же въ уплату съ залогодателей ходячія деньги, онъ выкупаетъ свои векселя своевременно и пользуется съ залогодателей процентами за коммиссію. Вотъ и все его дѣло. Вклады для него лишній грузъ, который онъ можетъ нести только изъ уваженія къ вкладчикамъ и то въ границахъ опредѣленной цифры. Если кредитныя учрежденія имѣютъ теперь только 4 милліона барыша а не 8 милліоновъ, то это только потому, что не имѣютъ право на общій кредитъ, какъ въ нашемъ предположеніи ходячихъ векселей опекунскаго совѣта, и прибѣгаютъ къ вкладамъ, т. е. къ частному займу. Это ограничиваетъ дѣятельность кредитнаго учрежденія и связываетъ его опасеніемъ внезапнаго требованія уплатъ, не сораз-

Digitized by Google

мѣрныхъ срокамъ полученій. Къ тому же неудобопродаваемость земли при крѣпостномъ состояніи до сихъ поръ не могла дозволить кредитнымъ учрежденіямъ расширить кругъ своихъ дѣйствій. Сущность жизни кредитнаго учрежденія такаго, какъ опекунскій совѣтъ въ нашемъ предположеніи, состоитъ въ томъ, что чѣмъ болѣе у него заложенныхъ земель, тѣмъ онъ богаче; и слѣдственно чѣмъ болѣе онъ выдалъ векселей на себя, тѣмъ онъ богаче; чѣмъ болѣе онъ долженъ, тѣмъ онъ богаче, потому что весь долгъ его только поручительство за непреложную состоятельность земельной собственности. Въ нашемъ предположеніи опекунскій совѣтъ есть посредникъ между частными лицами и общественнымъ кредитомъ, поручитель за частную недвижимую собственность передъ обществомъ, поручитель за котораго ручается въ свою очередь все государство, т. е. summa summarum вся земельная собственность общества. Вотъ отъ чего дѣятельность и состоятельность Совѣта непреложны, и со временемъ онъ можетъ выдавать ссуды не только для выкупа крѣпостнаго состоянія и нуждъ частныхъ землевладѣльцевъ, но даже и общинамъ государственныхъ крестьянъ, если бы нѣкоторыя изъ этихъ общинъ нуждались въ капиталѣ для какаго нибудь общиннаго предпріятія.

Но, скажутъ мнѣ, опекунскій совѣтъ при этомъ предположеніи выдастъ вдвое болѣе ссудъ подъ тоже количество земли, чѣмъ выдаетъ обыкновенно.

Тѣмъ лучше. Это доказываетъ только, что онъ теперь выдаетъ слишкомъ мало и теперь онъ правъ, потому что замкнутость покупки земель въ кругѣ наслѣдственнаго дворянства мѣшаетъ его дѣятельности; съ освобожденіемъ крѣпостнаго состоянія эта преграда исчезаетъ, ибо землей владѣть можетъ всякій, и опекунскій совѣтъ смѣло можетъ выдавать въ ссуду подъ залогъ земли ¾ ея стоимости.

Мнѣ кажется, что большинство помѣщиковъ должно согласиться съ этимъ проэктомъ, потому что онъ имъ самимъ развязываетъ руки и даетъ средства къ обогащенію.

Вопреки общепринятому мнѣнію, что легче произвести освобожденіе крѣпостныхъ людей въ оброчныхъ имѣніяхъ, чѣмъ въ барщенныхъ, я думаю, что на оборотъ оброчныя имѣнья именно и представятъ наибольшую оппозицію освобожденію крестьянъ со стороны помѣщиковъ. Я не говорю о колоссальныхъ оброчныхъ имѣньяхъ, какъ имѣнья Шереметевыхъ, Воронцовыхъ, и пр. Эти имѣнья многоземельныя. Я говорю о малоземельныхъ имѣньяхъ небольшихъ помѣщиковъ, имѣньяхъ, которыя потому оброчныя, что земли слишкомъ мало, чтобы завести барщену, и гдѣ помѣщики берутъ съ крестьянъ неимовѣрные оброки. При этихъ имѣньяхъ богатство помѣщиковъ вертится не на почвѣ, а на талантливости людей, съ которыхъ они берутъ оброкъ тѣмъ больше, чѣмъ человѣкъ промышленнѣе. Не надо обманывать себя: такихъ имѣній очень много. Но сколько я ни думалъ объ этомъ—тутъ правительству не остается дѣлать ничего болѣе какъ разрубить этотъ гордіевъ узелъ, и въ этомъ случаѣ я только могу повторить то, что сказалъ великій экономистъ нашего времени—Стюартъ Миль, въ ирландскомъ вопросѣ: Больше ничего не остается дѣлать какъ рѣшить противъ помѣщиковъ. Да! эти помѣщики не останутся въ выигрышѣ, даже и при моемъ проэктѣ, дающемъ столько выгодъ землевладѣльцу, потому что исключительно помѣщичьей земли у нихъ почти вовсе не можетъ остаться, а имѣнья заложены и перезаложены, слѣдственно при новомъ перезалогѣ имъ и денегъ почти вовсе не достанется. Но надо замѣтить, что и доходъ ихъ не только безнравственный, но даже и противузаконный, ибо подать, которою они облагаютъ своихъ крестьянъ, далеко превышаетъ стоимость трехдневной барщенной работы.

Еслибы правительство какъ нибудь не захотѣло возбудить ропотъ въ этой категоріи помѣщиковъ, то можно бы имъ предложить въ вознагражденіе—земли въ дальнихъ малонаселенныхъ губерніяхъ сѣвера и юга Россіи и въ Сибири, — по дешевой цѣнѣ, дозволивъ имъ взять подъ залогъ этихъ земель векселя опекунскаго совѣта и ими уплатить правительству. Да и это едва ли нужно!...

Подобное же неудовольствіе возникнетъ между мелкопомѣстными дворянами и въ необрочныхъ имѣньяхъ; въ этомъ случаѣ я полагаю всего лучше предложить имъ вознагражденіе покупки дальнихъ земель въ долгъ. Это уже и тѣмъ было бы полезно, что сдвинетъ съ мѣста и заставитъ быть дѣятельнымъ отдѣлъ дворянъ самый отвратительный по грязности образа жизни и тупоумной косности.

Вообще сама собою бросается въ глаза истина, что въ случаѣ малоземелія, легче сдвинуть съ мѣста помѣщика, чѣмъ крестьянъ.* Помѣщикъ получивъ вознагражденіе, можетъ переѣхать добровольно безъ большихъ хлопотъ и немедленно; а переселять крестьянъ насильно—дѣло трудное. Можетъ быть современемъ малоземеліе и заставитъ крестьянъ селиться въ дальнихъ губерніяхъ, но пусть же это будетъ тогда, когда освобожденіе крѣпостнаго состоянія будетъ совершено, надежды, ожиданія и толки народные, удовлетворясь, утихнутъ. Тогда правительство можетъ переселять крестьянъ съ ихъ добровольнаго согласія, мирно и въ совершенномъ порядкѣ, и также дозволить общинамъ покупать у помѣщиковъ земли для выселковъ на добровольныхъ условіяхъ.

Еще важенъ вопросъ о дворовыхъ людяхъ. Такъ какъ крѣпостные крестьяне освобождаются съ землею и правительство такимъ образомъ совершенно отстраняетъ возможность пролетаріата, то я не вижу никакой пользы и нужды создать новый классъ пролетаріата изъ освобожденныхъ дворовыхъ людей.† Дворовыхъ людей 1 на 25 человѣкъ съ небольшимъ или 5% всего крѣпостнаго населенія. Въ большей части случаевъ помѣщики всегда могутъ выдѣлить имъ отъ своей земли такое же количество десятинъ на душу какъ и у крестьянъ, и тогда дворовые станутъ подъ одинъ финансовый расчетъ съ крестьянами. Въ другихъ случаяхъ надо опредѣлить закономъ выкупную цѣну двороваго человѣка безъ земли, заплатить ее векселемъ опекунскаго совѣта помѣщику, а человѣка приписать къ той общинѣ, которая согласна принять его и дать ему въ своей межѣ участокъ земли, или къ любой многоземельной общинѣ по разпоряженію правительства. Не въ томъ дѣло, чтобы этотъ человѣкъ поселился въ извѣстной общинѣ и сдѣлался земледѣльцемъ; вѣроятно онъ и не сдѣлаетъ этого, а будетъ продолжать или заниматься своимъ мастерствомъ или служить лакеемъ, смотря по тому къ чему онъ привыкъ, а свой участокъ земли станетъ отдавать въ наймы. Дѣло въ томъ, что онъ становится не бездомникомъ,

* Правительство, кажется, хочетъ поступать обратно и выселить крестьянъ, скупивъ ихъ у мелкихъ помѣщиковъ. Это жаль! Лучше скупить крестьянъ съ землею и предоставить помѣщикамъ право уѣхать.

† Правительство уже пришло къ этому мѣры. И хорошо!

Digitized by Google

а членомъ сельской общины; цѣль правительства—избѣжаніе пролетаріата — достигнута, а опекунскій совѣтъ обезпеченъ въ уплатѣ за взнесенный за выкупъ двороваго человѣка вексель уже тѣмъ, что, если этотъ человѣкъ и не сдѣлается землепашцемъ, а отдаетъ свой участокъ въ наймы, то этотъ наемъ покроетъ его ежегодный взносъ въ опекунскій совѣтъ, и въ крайнемъ случаѣ наемщикъ земли можетъ не давать деньги за наемъ лицу отдающему въ наймы, а прямо представлять ихъ въ то мѣстное казначейство, которое сбираетъ ежегодныя уплаты въ опекунскій совѣтъ.

Теперь я сдѣлаю перечень проэкта:

1.) Опекунскій совѣтъ (т. е. кредитное учрежденіе для выкупа крѣпостнаго состоянія, что впрочемъ не препятствуетъ другому отдѣлу его дѣятельности: credit mobilier, т. е. ссудѣ подъ залогъ движимой собственности) выдаетъ помѣщикамъ векселя за выкупъ крѣпостныхъ людей съ тѣмъ количествомъ земли, которою они de facto владѣютъ, векселя пользующіеся правомъ размѣна на равнѣ съ государственными ассигнаціями всякаго рода, и получаетъ съ крестьянъ на обычномъ основаніи своихъ оборотовъ, уплату наличными деньгами или государственными ассигнаціями, взимаемую администраціей какъ всякая другая подать.

2.) Опекунскій совѣтъ выдаетъ помѣщикамъ такіе же векселя подъ залогъ ихъ исключительной земельной собственности въ ⅔ ея стоимости.

3.) Опекунскій совѣтъ выдаетъ векселя на земли въ отдаленныхъ губерніяхъ тѣмъ помѣщикамъ, которымъ правительство рѣшилось продать такія земли за дешевую цѣну.

4.) Опекунскій совѣтъ выдаетъ векселя помѣщикамъ за дворовыхъ людей, по цѣнѣ опредѣленной закономъ съ тѣмъ, чтобы эти люди были приписаны къ сельскимъ общинамъ и пользовались ихъ правами землевладѣнія на равнѣ съ остальными крестьянами.

Вотъ и все. Повторять что было сказано о томъ, что тутъ опекунскій совѣтъ въ своихъ оборотахъ является не только состоятельнымъ, но даже можетъ расширить кругъ своей дѣятельности, кажется уже излишнимъ.

Теперь вотъ въ чемъ вопросъ:

Опасно ли для правительства привести этотъ проэктъ въ исполненіе и что требуется для приведенія его въ исполненіе?

Конечно не опасно. Наше правительство такъ сильно, что почеркомъ пера можетъ уничтожить всѣ противурѣчія, лишь бы оно шло согласно съ движеніемъ живыхъ силъ народа, а не за одно съ мертвыми привычками statu quo, съ обычной рутиной, убивающей государство.

Но наконецъ если правительство боится учредить банкъ поземельнаго кредита безъ капиталовъ, если боится что вкладчики потребуютъ свои капиталы изъ существующихъ кредитныхъ учрежденій, то обратите вниманіе на слѣдующее: Кокоревъ предлагалъ купечеству пожертвовать капиталъ на выкупъ усадебной земли для крестьянъ (разумѣется крестьяне со временемъ выплатили бы его). Расширимте эту благородную мысль: пусть правительство созоветъ капиталистовъ, имѣющихъ вклады въ совѣтахъ и другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ; пусть оно спроситъ и вкладчиковъ по именнымъ, и вкладчиковъ по безъименнымъ билетамъ (по вызову и безъименные вкладчики откликнутся)—кто хочетъ оставить свои вклады, не требуя ихъ обратно въ продолженіи 37 лѣтъ (или болѣе) и на какихъ условіяхъ—для подобнаго оборота, какой предложенъ въ этомъ проэктѣ.

Наконецъ Опекунскій совѣтъ можетъ перемѣнить свои билеты изъ срочныхъ на безсрочные, такъ что вкладчики станутъ получать вѣчный процентъ, и билеты станутъ мѣняться на деньги по биржевому курсу, какъ дѣлается со всѣми rentes sur l'Etat въ Европѣ.

Правительство увидитъ, что по крайней мѣрѣ половина вкладчиковъ оставятъ капиталы. Вкладовъ, мы сказали, 669 милліоновъ, слѣдственно половина — положимъ — 300 милліо. Стало для обезпеченія оборота 300 милліоновъ вѣрныхъ. Maximum ссудъ 1,538 милліоновъ. Слѣдственно вы имѣете въ капиталѣ пятую часть вашихъ билетовъ или векселей. Да нельзя себѣ представить лучшаго положенія банка! Гдѣ же тутъ опасность?

Поземельный кредитъ во Франціи, учрежденный въ 1856 году разчитываетъ только $\frac{1}{20}$ акцій противъ облигацій * и не падаетъ, и не боится, и если погибнетъ, то не изъ экономическихъ данныхъ, а развѣ отъ политическаго переворота, котораго намъ нечего ожидать.

Между тѣмъ въ нашемъ предположеніи — вкладчики таже компанія на акціяхъ для выкупа крестьянскихъ земель.

Но для учрежденія подобнаго выкупнаго банка поземельнаго кредита нужно:

1.) Чтобы правительство разъ на всегда отказалось назначать изъ банка суммы для употребленія по предметамъ неотносящимся до банка.

2.) Чтобы директоры или совѣтъ банка были избраны вкладчиками, (оставляющими свои капиталы на число лѣтъ, необходимое для выкупа крѣпостныхъ людей съ землею); чтобы директоры давали отчетъ вкладчикамъ, и чтобы отчеты были публикованы. Иначе нельзя: директорамъ-чиновникамъ никто не повѣритъ.

3.) Чтобы совѣтъ банка былъ независимъ отъ министра финансовъ, иначе вкладчики будутъ сомнѣваться.

4.) Для обезпеченія уплаты процентовъ крестьянами, нужно чтобы не чиновники сбирали и вносили ихъ; а сами крестьяне черезъ своихъ выборныхъ сборщиковъ.

5.) Чтобы винный откупъ былъ уничтоженъ, потому что откупъ и чиновничество двѣ коренныя причины всѣхъ крестьянскихъ недоимокъ.†

Н. ОГАРЕВЪ.

СМѢСЬ.

Въ Миланѣ писана, въ Берлинѣ напечатана à la Korf — тайнымъ изданіемъ брошюра П. Безобразова: "Объ усовершеніи узаконеній касающихся до вотчиныхъ правъ дворянства." Сочиненіе іезуитское и вредное, писанное

---

* Смотри брошюру Credit Foncier. 1856. Paris. Imprimerie administrative.

† Мы бы желали, чтобы русскимъ журналамъ было дозволено возражать намъ, не потому, чтобы мы хотѣли отстаивать свое мнѣніе, хотя бы оно было ошибочно, не потому, чтобы мы хотѣли спорить во-чтобы ни стало; а потому что мы хотѣли бы честно дотолковаться до правды, до того что возможно, что полезно. Безплодныхъ споровъ мы не уважемъ. Когда мы слышимъ, что въ Россіи есть порядочные люди, изъ которыхъ однихъ называютъ славянофилами, а другихъ западниками, и что эти люди между собой враги—это поражаетъ насъ прискорбіемъ. Какъ? У Россіи въ виду положительное дѣло, а вы расходитесь изъ за сомнительныхъ теорій?—Стыдно!

Digitized by Google

съ цѣлью противудѣйствовать освобожденію крестьянъ и для того напечатанное для избранныхъ. Издатель обязуется сочинителю напечатать только сто экземпляровъ, возвратить корректурные листы, перенумеровать всѣ книжки — подъ опасеніемъ пени, суда и пр. Задача которую себѣ задалъ авторъ, очевидна: онъ хотѣлъ, чтобъ брошюра была только извѣстна правительственнымъ лицамъ, но онъ считалъ безъ Лондонской Типографіи и потому ошибся. Въ слѣдующемъ листѣ Колокола мы представимъ отрывки изъ брошюры Н. Безобразова вмѣстѣ съ нашимъ разборомъ. Ничто въ свѣтѣ не служитъ лучшимъ противуядіемъ подобнаго рода тайнымъ публикаціямъ, какъ явное обличеніе ихъ, какъ гласность въ самомъ дѣлѣ.

Считаемъ долгомъ удостовѣрить честнымъ словомъ, что брошюра г. Безобразова попала въ наши руки не черезъ издателя.

ДВУСПАЛЬНЫЙ ЛИСТЪ.

Мы очень серьезно совѣтуемъ князю Горчакову разувѣрить Европу, что Le Nord русскій полуоффиціальный органъ, или не удивляться тому, что русскій кабинетъ будетъ смѣшанъ съ кабинетомъ французскаго начальника общественнаго спокойствія. Что за promiscuité такое! Есть же въ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ писцы, которые не только читаютъ по французски, но и умѣютъ понимать, — пусть же к. Горчаковъ велитъ имъ слѣдить за французскими статьями этого журнала, цинизмъ раболѣпія ихъ превышаетъ Patrie и Constitutionnel. Если надобно имѣть органъ въ Европѣ, неужели нельзя имѣть свой собственный? Аугсбургская газета давно ужъ толкуетъ о французской болѣзни Норда. Что это за однокоротничество?

Вѣдь и противъ балованнаго дитяти Le Nord — неаполитанскаго короля, кричалъ за то, что онъ сковалъ Поэріо чертъ знаетъ съ кѣмъ!

ПОПРАВКА.

Въ нашей книгѣ: "14 Декабря 1825 года и императоръ Николай", — пишетъ намъ одинъ кореспондентъ, вкралась важная ошибка (стр. 248—249). Юшневскій скончался не на похоронахъ Н. Муравьева, а другаго товарища, Вадковскаго.

Спѣшимъ исправить ошибку и при томъ не можемъ не повторить, что мы просимъ, умоляемъ всѣхъ соотечественниковъ имѣющихъ въ своихъ рукахъ какіе нибудь документы о нашихъ мученикахъ, о нашихъ герояхъ, доставлять ихъ намъ. Вѣдь для нихъ настала исторія, это призналъ уже самъ государь, напечатаніемъ Корфовой книги. Мудрено ли, что мы надѣлали ошибокъ, не имѣя рѣшительно никакихъ документовъ, кромѣ воспоминаній о двухъ-трехъ разговорахъ шопотомъ за запертыми дверями. Пусть же намъ помогутъ — сыновья, братья, друзья — великихъ предшественниковъ нашихъ.

¿ Правда ли, что въ херсонской губерніи земская полиція беретъ съ крестьянъ взятки за то, чтобы не ставить истиннаго числа головъ скота въ свѣденія, которыя она обязана доставлять статистическому комитету, увѣряя крестьянъ, что свѣденія эти собираются для того, чтобы сдѣлать ихъ уланами. И богатый крестьянинъ платитъ по 2 р. отъ каждой утаенной коровы и по 1 р. отъ овцы, а бѣдный утаиваетъ весь скотъ.

¿ Правда ли, что когда у управляющаго палатой государственныхъ имуществъ той же губерніи (онъ же и членъ статистическаго комитета) стали дѣлать перепись скота, онъ до того разгнѣвался, что сказалъ: "Я государя моего дѣйствительный статскій совѣтникъ и у меня записываютъ всякую корову и лошадь."?

¿ Правда ли, что Модестъ Корфъ хочетъ отвѣчать на нашу книгу "о 14 Декабрѣ 1825 года"? — Просимъ и желаемъ.

Еще побѣда! — Вмѣсто Сухозанета назначенъ исправляющимъ должность военнаго министра Васильчиковъ, — человѣкъ, о которомъ мы слышали прекрасные отзывы.

Съ удовольствіемъ узнали мы, что авторъ знаменитаго циркуляра, помѣщеннаго нами въ 10 Листѣ Колокола — П. Новосильцевъ, Рязанскій губернаторъ удаленъ отъ должности. C'est autant de pris sur le diable. Говорятъ, — боимся вѣрить, что и Панинъ близокъ къ закату. Въ какомъ же сиротствѣ останется Закревскій? — Орловъ и онъ — это Касторъ и Полуксъ русской реакціи.

Вновь поступили въ продажу у Трюбнира & Co., 60 Paternoster Row:

LA FRANCE OU L'ANGLETERRE?

Variations russes sur le thême de l'attentat du 14 Janvier 1858

PAR ISCANDER.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА книжка IV.

СЪ ТОГО БЕРЕГА (второе изданіе)

РОССІЯ И СОЦІАЛИЗМЪ (письмо къ И. Мишле, переводъ съ французскаго)

печатается:

КНЯЗЬ М. ЩЕРБАТОВЪ И А. РАДИЩЕВЪ (изъ Екатерининскаго вѣка)

Изданіе Трюбнира съ предисловіемъ Искандера.

ТЮРЬМА И ССЫЛКА (Искандера второе изданіе).

КОЛОКОЛЪ выходитъ два раза въ мѣсяцъ.

Н. ТРЮБНЕРЪ и Ко., 60, Paternoster row, London, объявляютъ о новомъ изданіи своемъ: "ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ" (THE LITERATURE OF AMERICAN ABORIGINAL LANGUAGES, by HERMANN LUDERWIG) Германа Людервига, съ прибавленіями профессора В. Турнера. Изданіе Трюбнира и Ко., 284 страницъ in 8vo., прочно переплетенное въ англійскую холстину.

Книга эта, служащая необходимымъ пособіемъ при сравнительномъ изученіи языковъ, — есть первый опытъ приведенія въ систематическій порядокъ свѣденій объ американскихъ языкахъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

Digitized by Google

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, *W. C.*

ЛИСТЪ 15.

15 Мая 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 39, Rupert Street, Haymarket, London. Price six-pence.

РОЗГИ и РОЗГИ!

Газеты сообщаютъ изъ Россіи вѣсти о мѣстныхъ крестьянскихъ бунтахъ. Этого надо было ожидать, потому что вопросъ освобожденія крестьянъ, не былъ разрѣшенъ общей государственной мѣрой. Теперь болѣе чѣмъ когда нибудь нужны во главѣ правительства люди твердыхъ убѣжденій, которые шли бы впередъ, не пугаясь ни своекорыстнаго ропота помѣщиковъ, ни мѣстныхъ волненій и не обращаясь изъ эманципаторовъ въ истязатели.

Пора приступить къ общей государственной мѣрѣ выкупа крестьянъ съ землею. Или мы пойдемъ на встрѣчу страшныхъ несчастій. Они начались—и сердце обливается кровью при мысли что теперь дѣлается!

Злодѣйства совершатся, людей засѣкутъ, какъ это было въ кіевской губерніи годъ тому назадъ! Злодѣйства эти скроются —благодаря второму бичу русской жизни — безгласности, народъ будетъ оклеветанъ. Какой нибудь Вреде вызоветъ его на мятежъ и какой нибудь Эльстонъ-Сумароковъ всѣчетъ его въ порядокъ. Ужасъ! Ужасъ!

Нельзя служить двумъ господамъ, нельзя разомъ освобождать крестьянъ и сѣчь ихъ!

РАЗБОРЪ БРОШЮРЫ Н. БЕЗОБРАЗОВА.

"ОБЪ УСОВЕРШЕНСТВОВАНІИ УЗАКОНЕНІЙ, КАСАЮЩИХСЯ ДО ВОТЧИННЫХЪ ПРАВЪ ДВОРЯНСТВА".

Эта странная брошюра, въ которой будущность Россіи приносится въ жертву узкому помѣщичеству, напечатана въ Берлинѣ на слѣдующихъ условіяхъ :

"1. Напечатать ее только въ числѣ ста экземпляровъ, выставя на каждомъ изъ оныхъ печатный номеръ;

"2. Всѣ сіи экземпляры и корректурные листы немедленно передать сочинителю, возвративъ ему и подлинную его рукопись;

"3. По напечатаніи тотчасъ разобрать сдѣланный для того наборъ, и, безъ дозволенія сочинителя, болѣе показаннаго числа экземпляровъ не печатать ни самому, ни чрезъ другихъ;

"4. Еслибъ оказалось, что, вопреки сего условія, мною самимъ, или чрезъ мое посредничество, напечатаны другіе экземпляры сего сочиненія, сверхъ вышепоказаннаго числа, то отвѣчать мнѣ предъ судомъ какъ за нарушеніе довѣрія и подвергнуться мнѣ, сверхъ того, пени, къ какой приговоритъ меня судъ.—Э. Бокъ."

Зачѣмъ подобныя условія? Очевидно авторъ хочетъ скрыть свое сочиненіе отъ публики; оно и дѣло : охоты ни у кого не бываетъ выставлять самого себя защитникомъ рабства. А между тѣмъ пустить нѣсколько экземпляровъ въ ходъ для людей власть имѣющихъ, тоже не худо. И дѣло скрыто, и, можетъ, помѣщичій интересъ будетъ отстоенъ, благородныя намѣренія государя обмануты, законныя надежды народа обмануты, Россія останется во власти отдѣльныхъ тираній помѣщиковъ и чиновниковъ, и эти господа пойдутъ себѣ опять жить припѣваючи на счетъ правительства и народа.

Вотъ введеніе автора :

"Рѣшеніе вопроса, неправильно называемаго освобожденіемъ крестьянъ, въ дѣйствительности же состоящаго во введеніи болѣе точности и правомѣрія въ отношеніяхъ дворянства съ подвластнымъ ему сословіемъ, по мнѣнію нашему не столь затруднительно и не такъ многосложно, какъ съ перваго взгляда показаться можетъ. Все зависитъ отъ точки зрѣнія, съ которой предметъ будетъ обсужденъ, и отъ избранія пути къ осуществленію желаемыхъ усовершеній. Если, при этомъ, принять въ основаніе понятія новыя или чуждыя, удалиться отъ духа нашего законодательства и требовать совершенной перемѣны обычныхъ воззрѣній и отношеній, то число препонъ само собою увеличится и на столько же удалится достиженіе видовъ правительства. Если, напротивъ того, утвердиться на началахъ, предлагаемыхъ разумомъ собственнаго нашего законодательства, выяснить благотворныя ихъ стороны, во всемъ соотвѣтствующія нашему быту, и такимъ образомъ направить улучшенія, чтобы общія требованія самобытнаго духа нашего приведены были въ соглашеніе съ условіями различныхъ мѣстностей; то выводъ, несомнѣнно будетъ утѣшительнѣйшій и избѣгнутся тѣ потря-

Digitized by Google

севія и гибельныя случайности, которыхъ иногда человѣческая мудрость предвидѣть не въ состояніи.

"Да будетъ намъ дозволено развить здѣсь наши мысли о семъ предметѣ. Изложеніе свое мы раздѣлимъ на двѣ части: первая будетъ посвящена оцѣнкѣ принятыхъ въ послѣднее время правительственныхъ мѣръ, для рѣшенія означеннаго вопроса; во второй мы представимъ собственное наше въ семъ отношеніи мнѣніе."

Изъ этого ясно, что авторъ боится понятій новыхъ и чуждыхъ, а хочетъ утвердиться на началахъ духа и разума нашего законодательства и на благотворныхъ сторонахъ этихъ началъ — сторонахъ совершенно соотвѣтствующихъ нашему быту. Изъ за этого чиновничье-семинарскаго языка проглядываетъ мелко помѣщичья уловка: всякое новое начало назвать чуждымъ, а разумнымъ и благотворнымъ только то, что существуетъ, т. е. то что губитъ Россію. По этому авторъ такъ хитро отклоняетъ даже названіе—освобожденія крестьянъ. Новое доказательство, что министерство ошиблось въ предписаніи генералъ губернатору, не назвавъ вещей по имени: эти недомолвки только даютъ поводъ неблагонамѣреннымъ людямъ пользоваться ошибками министерства.

Тутъ слѣдуетъ: "разборъ правилъ, преподавныхъ комитетамъ, учреждаемымъ для опредѣленія отношеній помѣщиковъ съ зависящими отъ нихъ крестьянами."

Авторъ проводитъ ихъ въ кратцѣ:

"1.) Крѣпостное состояніе должно быть уничтожено не вдругъ, а постепенно, для сего крестьяне должны первоначально находиться въ положеніи переходномъ, т. е. болѣе или менѣе крѣпкими землѣ;

"2) Помѣщикъ сохраняетъ право собственности на всю свою землю; но крестьяне, во избѣжаніе бродяжничества, сохраняютъ усадебную осѣдлость... сверхъ того имъ предоставляется право пользоваться нужнымъ количествомъ земли, и которая однажды отдѣлена, остается навсегда въ неприкосновенномъ видѣ;

"3.) Для разбора несогласій, могущихъ возникнуть между помѣщиками и крестьянами, должны быть особые суды."

"Сихъ трехъ основныхъ мыслей для насъ достаточно"— говоритъ авторъ и нападаетъ на то, что правительство смѣшало два понятія: крѣпостное состояніе и прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ.

"Первое есть послѣдствіе права, основаннаго на крѣпостяхъ, или документахъ; а второе есть понятіе, о которомъ законы наши вовсе не упоминаютъ, и которое въ ходу только въ разговорномъ языкѣ и подъ перомъ нѣкоторыхъ писателей. Только о мнимомъ укрѣпленіи крѣстьянъ къ землѣ и о происхожденіи будто бы отъ сего крѣпостнаго состоянія основанъ на ошибочномъ историческомъ взглядѣ и, въ особенности, на стремленіи объяснять и оцѣнивать наши собственныя отношенія съ точки зрѣнія западныхъ умовъ. Въ дѣйствительности же, это понятіе не имѣетъ у насъ значенія; ибо примкновеніе личности къ землѣ противно общинному устройству, служащему основаніемъ быта большей части народонаселенія нашего, и состоящему именно въ подвижности надѣла поземельнаго. Крѣпостное право, основываясь не на укрѣпленіи къ землѣ, а единственно на законныхъ крѣпостяхъ,— отъ чего и получило свое названіе, — проявляется въ двухъ видахъ: вотчинномъ или помѣстномъ обладаніемъ народонаселенія, и собственностію земли. Сіи два вида по существу своему составляютъ два права, совершенно другъ отъ друга отличныя. Первое состоитъ въ чиненіи суда, расправы и распорядка среди населенія; второе въ вещественной принадлежности земли крѣпостному владѣльцу. Узаконенія, въ особенности изданныя въ послѣдніе 30 лѣтъ, довольно ясно указали на сіе различіе, ограниченіями помѣщичьей власти. Много предлежитъ еще къ усовершенію въ вотчинномъ или помѣстномъ управленіи; но во всякомъ случаѣ оно являетъ собою порядокъ земскаго устройства, форму внутренняго управленія государствомъ."

Что значитъ: "примкновеніе личности къ землѣ противно общинному устройству, служащему основаніемъ быта большей части народонаселенія нашего, и состоящему именно въ подвижности надѣла поземельнаго"? Что значитъ подвижность надѣла поземельнаго? Разумѣетъ-ли авторъ ненаслѣдственность земельныхъ участковъ? надѣлъ земли по тягламъ? Да это нисколько не доказываетъ, чтобъ община имѣла право свободно сдвинуться съ мѣста, или чтобъ человѣкъ имѣлъ право свободно переѣхать на другое мѣсто. Не только помѣщичьи крестьяне крѣпки землѣ, но и казенные крестьяне крѣпки землѣ; этимъ прикрѣпленіемъ къ землѣ были покончены крестьянскіе переходы съ мѣста на мѣсто и крестьяне, которые не были ни казенные, ни помѣщичьи, а вольные— раздѣлились на два разряда — на крѣпостныхъ казенныхъ и на крѣпостныхъ помѣщичьихъ, смотря потому были ли поселены на казенныхъ или на помѣщичьихъ земляхъ. Это существуетъ и теперь. За чѣмъ же обвинять историческій взглядъ въ ошибочности и особенно "въ стремленіи объяснять и оцѣнивать наши собственныя отношенія съ точки зрѣнія западныхъ умовъ", когда тутъ на лицо статистическій фактъ подтверждающій исторію?

Не знаю съ точки зрѣнія какихъ умовъ авторъ искажаетъ исторію, но вижу ясно, что это дѣлается съ практической цѣлью — не дать крестьянамъ земли. Авторъ ужасно боится, какъ бы въ самомъ дѣлѣ прикрѣпленіе къ землѣ не доказало, что и крестьянинъ имѣетъ право на землю. Чтобъ яснѣе указать изобрѣтенное имъ различіе крѣпостнаго состоянія и прикрѣпленія къ землѣ, авторъ ссылается на узаконенія последнихъ 30 лѣтъ, утверждающихъ это различіе. На какія же это? Ужъ не на указъ ли императора Николая, запрещающій дворянамъ имѣть крѣпостныхъ людей ни къ какой землѣ не приписанныхъ? Это одно уже доказываетъ, что смыслъ нашихъ узаконеній совершенно противурѣчитъ выводамъ г. Н. Безобразова.

Г. Н. Безобразову его тонкій анализъ крѣпостнаго права нуженъ не только для того, чтобъ доказать, что крестьянамъ не надо давать земли; но чтобы доказать, что, если прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ никогда не было, то никто не можетъ мѣшать помѣщику согнать крестьянъ съ своей земли. О! въ этой оцѣнкѣ настоящаго положенія собственности въ Россіи, весьма хитро сокрыта великая корыстная будущность для мало и много-земельнаго помѣщичества, — не говорю аристократіи, потому что, по преданіямъ благородства,—аристократическій взглядъ вѣроятно по великодушнѣе.

Г. Н. Безобразовъ спрашиваетъ: "на какомъ основаніи помѣщики могутъ быть принуждены къ уступкѣ крестьянамъ въ полную собственность усадебной земли?" Онъ не считаетъ возможнымъ, чтобы "потребовалась вынужденная уступка для осуществленія большаго блага большаго числа людей."

Digitized by Google

Вотъ какъ! Да зачѣмъ же вынужденная? Мы думаемъ, что для большаго блага большаго числа людей—благородному человѣку можно добровольно жертвовать. Если этого принципа нѣтъ въ сводѣ, то онъ глубоко лежитъ въ нравственности человѣческой.

Да и не жертвы требуется, требуется уступки за деньги, просто продажи—и не одной усадебной, но и пахатной земли. Требуется этого по весьма простой причинѣ, потому что если дворянство не послушается правительства и не сдѣлаетъ уступки, то мужики дворянъ перевѣшаютъ. Правительство хочетъ предупредить рѣзню. Правительство въ этомъ случаѣ поступаетъ благоразумно и благородно; и если дворянство упорствуетъ, то это и не благоразумно и не хорошо.

На счетъ усадебной земли авторъ боится, что возникнетъ множество мелкихъ владѣтелей со всѣми правами собственниковъ и каково тогда будетъ положеніе помѣщиковъ? "Не представится ли тогда горестное зрѣлище внутренняго междоусобія, въ которомъ грубая сила, основываясь на изданныхъ правилахъ, вступитъ въ борьбу съ ухищреніемъ и искуствомъ, которыя въ свою очередь, будутъ опираться на непотрясаемомъ основаніи неприкосновеннаго права собственности."

Намъ тутъ по крайней мѣрѣ то нравится, что г. Н. Безобразовъ уже не говоритъ, какъ водится, о высокой образованности помѣщиковъ, а только о ихъ ухищреніи и искуствѣ, что впрочемъ очевидно доказываетъ смыслъ всей брошюры.

Далѣе авторъ обращается "къ предоставляемому крестьянамъ праву пользоваться опредѣленнымъ количествомъ земли."

"Казалось бы въ этомъ ничего нѣтъ новаго; ибо и теперь крестьяне платятъ оброкъ и исправляютъ господскія работы въ замѣнъ пользованія землею, предоставляемою имъ отъ помѣщика. Но теперича крестьянинъ побуждается къ работѣ, частью собственною выгодою, частью сознаніемъ существующей надъ нимъ помѣщичьей власти."

Гдѣ же это г. Н. Безобразовъ нашелъ помѣщичьяго крестьянина, который былъ бы побуждаемъ къ работѣ собственной выгодой? А! Можетъ г. Н. Безобразовъ считаетъ, что страхъ передъ розгой равняется выгодѣ.

Какъ заставить насильно работать крестьянина? Вотъ вопросъ, который сильно безпокоитъ автора, потому что, если крестьянинъ будетъ расчитывать, что помѣщикъ во всякомъ случаѣ обязанъ дать крестьянину землю, то крестьянинъ будетъ плохо работать, а высѣчь его уже нельзя.

"Въ преподданныхъ правилахъ ясно обнаруживается намѣреніе, со введеніемъ новыхъ понятій сохранить сколь возможно прежнія отношенія. Но это именно и неосуществимо. Освобождая крестьянина, нельзя не оставить свободнымъ и владѣльца; взаимная потребность должна уравновѣсить обоюдныя отношенія.

"И такъ, вмѣненіе владѣльцу въ обязанность отдѣлять изъ своей земли непремѣнные участки въ пользованіе крестьянъ, столь же стѣснительно, какъ и вынужденная уступка усадебной земли. Послѣдствія одинаковы, съ тою только разницею, что въ вызываемой борьбѣ невѣжественная сила возметъ перевѣсъ, ибо въ ней довольно станетъ хитрости, чтобы, не прибѣгая къ насилію, преодолѣть и раззорить владѣльцевъ. Временность переходнаго положенія здѣсь не поможетъ. Гораздо менѣе чѣмъ въ 12 лѣтъ, нанесется сокрушительный ударъ благосостоянію дворянства и земледѣльческой его промышленности. Нельзя будетъ о семъ не сожалѣть. Извѣстно, что казенные крестьяне, составляющіе другую половину сельскаго сословія, не изобилуютъ земледѣльческими произведеніями: въ сложности имъ не достаетъ отъ $\frac{1}{7}$ до $\frac{1}{10}$ части ежегодно нужнаго имъ продовольствія, которое они пріобрѣтаютъ другими промыслами. А между тѣмъ города снабжаются хлѣбомъ, чужіе краи ведутъ съ Россіею значительный хлѣбный торгъ: весь этотъ избытокъ производится земледѣльческою промышленностію дворянскихъ имѣній."

Мы замѣтимъ, что, если у крестьянъ нѣтъ избытковъ, и что они живутъ въ обрѣзъ, только не умирая съ голоду, то это потому, что надъ ними тяготѣетъ помѣщичья и чиновничья власть. Именно продолженія этого гнета и не хочется ни образованному меньшинству, ни народу, ни государю.

Авторъ не вѣритъ ни будущимъ судамъ, ни комитетамъ. О будущихъ судахъ мы ничего не можемъ сказать, не зная на какихъ основаніяхъ они будутъ существовать. Въ комитеты мы сами плохо вѣримъ, потому что въ нихъ представители только дворянства, а выгоды крестьянъ ни кѣмъ не представлены. Поэтому мы готовы согласиться съ авторомъ, что съ комитетами вопросъ затянется на 80 лѣтъ, какъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, только пора уже перестать ссылаться на остзейскія губерніи, гдѣ было сдѣлано не освобожденіе, а новый видъ рабства. Мимоходомъ замѣтимъ, что у автора, который вездѣ является врагомъ западныхъ умовъ и иностранцевъ, въ дѣлѣ освобожденія проглядываетъ симпатія къ остзейскимъ нѣмцамъ; да еще замѣтимъ, что затянуть вопросъ освобожденія на 80 лѣтъ—у русскаго мужика терпѣнія не хватитъ. Vous comptez sans votre hote, baron!

Но самое замѣчательное въ брошюрѣ г. Н. Безобразова,—это ея второй отдѣлъ. Для облегченія вниманія читателя, мы сдѣлаемъ нашъ разборъ этого отдѣла въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ выписываемому тексту.

"ПРЕДЛОЖЕНІЕ СПОСОБА КЪ КОРЕННОМУ УЛУЧШЕНІЮ ВОТЧИННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ."

"При всѣхъ возраженіяхъ, вызываемыхъ какъ существомъ преподданныхъ правилъ, такъ и направленіемъ, избраннымъ для дальнѣйшаго приведенія ихъ въ дѣйствіе, мы вполнѣ однако сознаемъ, что вотчинныя или помѣстныя наши постановленія требуютъ коренныхъ улучшеній, и что желанія и виды, проявляемыя высшею властію и столь свойственныя высокимъ ея стремленіямъ встрѣчаютъ теплое сочувствіе...

"Здѣсь рождается вопросъ: постигаемъ ли мы сіи желанія и виды? Смѣемъ отвѣтствовать утвердительно.

"Мы не выразимъ ихъ словами: даровать свободу. Выраженіе свобода слишкомъ неопредѣлительно и понимается различно."

Тутъ авторъ объясняетъ слово свобода и продолжаетъ:

"Но не такъ опредѣлятъ это слово многіе, даже изъ числа людей нѣсколько образованныхъ и, въ особенности слѣдующихъ теченію понятій западной Европы. Они въ семъ случаѣ разумѣютъ независимость личную, или нѣкотораго рода самостоятельность гражданскую, привлекающую каждаго къ участію въ правленіи государственномъ. Это только заманчивое, смягченное проявленіе стремленій, скрывающихся въ дурной части толпы, или черни, и всегда готовыхъ обнаружиться своеволіемъ, непокорствомъ и мятежемъ.[1]

1 Какое тонкое стараніе испугать правительство словомъ: освобожденіе! Но

Digitized by Google

“Отстраняя слово свобода, мы полагаемъ, что виды и желанія высшей власти состоятъ въ слѣдующемъ: 1.) Уничтожить вкравшееся, въ изложеніе нашихъ законовъ, уподобленіе человѣка вещественной собственности, и отклонить всѣ чрезъ это возбужденные поводы къ тѣмъ случайнымъ воззрѣніямъ, которыя противны ученію христіанства, требованіямъ разума и самому духу нашего законодательства.

“2.) Опредѣлить съ возможною точностію и правомѣрностію отношенія крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ; и достичь этого такимъ образомъ, чтобы, удержавъ значеніе дворянскаго сословія и не нарушая его правъ и благосостоянія, не только направить крестьянъ къ успѣшному содѣйствію земледѣльческой промышленности дворянскихъ имѣній, столь важной для государства и столь полезной для самихъ крестьянъ; но и открыть симъ послѣднимъ возможность, избыткомъ своихъ силъ и способностей, упрочить собственный бытъ и принять участіе въ развитіи общаго благосостоянія.

“3.) Осуществить все это безъ потрясеній и переворотовъ, и принять наконецъ мѣры, дабы усовершенія не остались мертвою буквою, но возъимѣли дѣйствительное и повсемѣстное примѣненіе.[2]

“Если мы поняли цѣль правительства и съ точностью изъяснили ее, то рѣшительно должны сказать, что успѣхъ и плодотворность его дѣйствій будутъ зависить единственно отъ пути, по которому направится осуществленіе цѣли. Путь сей проложенъ въ существующемъ нашемъ законодательствѣ, силою и разумомъ котораго легко достичь всѣхъ желаемыхъ улучшеній. Для этого не нужны преобразованія или усвоеніе новыхъ началъ: слѣдуетъ только прояснить и оживить свои собственныя.

“Чтобы достигнуть цѣли своей, правительство, по нашему мнѣнію, должно принять двоякое направленіе: общее, въ предѣлахъ законодательной дѣятельности и мѣстное по губерніямъ, въ видахъ приспособленія общихъ постановленій къ разнороднымъ потребностямъ.

“Разовьемъ эту мысль.

“Подъ однимъ выраженіемъ крѣпостное право (документальное), законы наши разумѣютъ два совершенно различные вида гражданскихъ отношеній, и на эти два вида указываютъ ясно и несомнѣнно, называютъ ясно и несомнѣнно, называя одинъ изъ нихъ правомъ вотчиннаго или помѣстнаго управленія, а другой поземельною собственностью. Отъ стеченія особыхъ, по существу своему неважныхъ обстоятельствъ, произошло въ изложеніи законовъ смѣшеніе сихъ двухъ видовъ; но по точному смыслу нашего законодательства и по дѣйствительно общему его примѣненію, право вотчиннаго или помѣстнаго управленія и право поземельной собственности одно съ другимъ сопредѣлены, но совершенно между собою не сходны . . . Наружное или, такъ сказать, словесное смѣшеніе сихъ двухъ правъ есть главная причина не только сбивчивости и противурѣчій, весьма часто встрѣчающихся въ законоположеніяхъ, но и тѣхъ случайно превратныхъ воззрѣній, которыя послужили основаніемъ для вкравшихся или могущихъ возникнуть злоупотребленій . . . Нужно-ли потвердить это примѣрами? Указать-ли на всѣ тѣ статьи X Тома Свода Законовъ Гражданскихъ, гдѣ крѣпостные и дворовые люди ставятся въ разрядъ недвижимыхъ имуществъ и слѣдовательно подвергаются всѣмъ условіямъ вещественной принадлежности, — а въ тоже время исчислить-ли множество статей законовъ о состояніяхъ, о благочиніи и благоустройствѣ, о народномъ здравіи и продовольствіи и пр., проявляющихъ духъ кротости, заботливаго человѣколюбія, и ставящихъ помѣщичью власть въ разрядъ благодѣтельнѣйшихъ учрежденій?[3] Обратиться-ли также къ дѣйствительному примѣненію сихъ законовъ? Сдѣлать-ли перечень всѣхъ тѣхъ помѣщичьихъ владѣній, которыя отличаются благоустройствомъ и самымъ цвѣтущимъ состояніемъ, доставляющихъ милліонамъ крестьянъ жизнь избыточную и привольную? Сравнить-ли это огромное большинство съ ограниченнымъ количествомъ жалобъ и съ незначительнымъ числомъ злоупотребленій помѣщичьей власти?[4] Но какъ бы благопріятенъ ни былъ выводъ сихъ примѣровъ, все таки злоупотребленія существуютъ, все таки они могутъ возникнуть еще въ большихъ размѣрахъ. А главная тому причина лежитъ въ самомъ законѣ, т. е. въ противорѣчіи его изложенія съ его смысломъ.

“Вредъ произведенный ошибочнымъ изложеніемъ законовъ не иначе можетъ быть отвращенъ какъ правильнымъ изображеніемъ оныхъ. Здѣсь задача, для законодательной власти, состоитъ въ томъ, чтобы отчетливо выразить различіе, самимъ закономъ полагаемое между правомъ на поземельную собственность и правомъ вотчиннаго или помѣстнаго управленія. Это исполнить не трудно, однако не иначе возможно какъ общимъ законодательнымъ порядкомъ. Въ сихъ видахъ слѣдовало бы сдѣлать слѣдующее:

“1.) Отнести статьи законовъ, касающихся до права вотчиннаго или помѣстнаго управленія, и подъ симъ именно названіемъ, преимущественно къ IX Тому Свода Законовъ О состояніяхъ, и это исполнить такимъ образомъ, чтобы чрезъ соединеніе въ одно цѣлое, какъ сихъ постановленій, такъ и другихъ подобныхъ узаконеній, разсѣянныхъ въ прочихъ Томахъ Свода Законовъ, могъ бы составиться Вотчинный Уставъ.[5]

“2.) Оставить въ X Томѣ Гражданскихъ Законовъ только тѣ статьи, касающіяся до крѣпостнаго права, которыя непосредственно относятся къ поземельной и другаго рода недвижимой собственности, въ разрядѣ-же недвижимыхъ имуществъ упоминать только о недвижимыхъ населенныхъ, вовсе выпустя дворовыхъ и крѣпостныхъ людей, о которыхъ упомянется только въ IX и другихъ по принадлежности Томахъ, и то подъ

это ужъ такъ тонко, что гдѣ тонко, — тамъ и рвется, и подобными строками, отзывающимися безсмыслицей, едва ли кого испугаешъ.

2 Въ самомъ дѣлѣ—какая благонамѣренность!

3 Этого даже и въ сводѣ законовъ не найдешъ. Даже въ прошлое царствованіе правительство было вынуждено издавать узаконенія объ ограниченіи числа ударовъ розгами, чтобъ помѣщикъ не могъ законно засѣчь до смерти, о не продажѣ людей отдѣльно безъ семьи и т. д. Гдѣ же тутъ видна власть, ставящаяся въ разрядъ благодѣтельнѣйшихъ учрежденій, когда правительство должно останавливать ее отъ злодѣйствъ?

4 Мы видѣли цвѣтущее состояніе крестьянъ только въ тѣхъ помѣщичьихъ имѣньяхъ, гдѣ помѣщики отдали крестьянамъ всю землю за легкій оброкъ и совершенно не вмѣшивались въ сельское управленіе, ни сами, ни посредствомъ управляющихъ, и гдѣ мужики управлялись сами собою,—лучшее доказательство вреда помѣщичей власти для государсства. На примѣры, выставляемые авторомъ, которые — не примѣры, а слова, — нельзя отвѣчать иначе, какъ извѣстнымъ замѣчаніемъ Чадскаго Репитилову, и потому мы ни слова болѣе о нихъ не скажемъ.

5 Какъ будто собрать статьи, разсѣянныя въ сводѣ законовъ, въ одну книгу значитъ улучшить положеніе вещей? Это только значитъ — сдѣлать новое изданіе старыхъ дурныхъ узаконеній.

Digitized by Google

названіемъ людей въ помѣщичьемъ вѣдомствѣ состоящихъ.[6]

"3.) Исправить форму составленія купчихъ крѣпостей, выключивъ изъ оной исчисленіе душъ. Но какъ при переходѣ населеннаго имѣнія отъ одного владѣльца къ другому, передается и самая власть вотчиннаго управленія, то одновременно съ купчею, но отдѣльно отъ оной, выдавать вотчинную или помѣстную запись.[7]

"4.) Измѣнить редакцію всѣхъ статей свода законовъ, касающихся до помѣщичьей власти, назвавъ ее правомъ вотчиннаго или помѣстнаго управленія; должно изчезнуть названіе крѣпостное право въ примѣненіи его къ людямъ, или къ отношеніямъ помѣщиковъ съ зависящими отъ нихъ крестьянами . . . . .[8]

"Положительная польза, долженствующая произойти отъ сего отдѣленія вотчинныхъ постановленій отъ гражданскихъ узаконеній о собственности, представленная въ самыхъ даже краткихъ очертаніяхъ, явится очевиднѣйшимъ образомъ:

"Рѣшеніе многоразличныхъ вопросовъ, затрудняющихъ доселѣ высшее правительство, облегчится до неимовѣрности. Такъ на примѣръ: предупрежденіе дробимости поселенныхъ имѣній, устройство участи безсрочно-отпускныхъ, опредѣленіе положенія дворовыхъ, обусловленіе перехода изъ однаго состоянія въ другое,—словомъ, всѣ подобные вопросы[9] разрѣшатся уже не съ точки зрѣнія ошибочно истолкованнаго крѣпостнаго права, а согласно значенію вотчиннаго управленія, которое, по свойству своему, заключаетъ въ себѣ всѣ условія къ удовлетворительной развязкѣ сихъ затрудненій. — Въ законахъ исчезнетъ странное и неумѣстное противоположеніе состоянія помѣщичьихъ крестьянъ прочимъ свободнымъ состояніямъ. Помѣщичьи, какъ и другіе крестьяне, представятся въ одинаковой зависимости, но только отъ различныхъ властей.[10] Какъ вообще дѣлопроизводственные, такъ и судебные, смыслъ и слогъ исправятся,[11] и множество поводовъ къ законнымъ беззаконіямъ совершенно исчезнутъ.— Наконецъ для правительства легко уже будетъ обратиться къ развитію и усовершенію проявленій того начала,—изъ числа основныхъ, — нашего государственнаго быта, по коему дворянство, съ помѣстными своими правами, поставлено на степень сословія, непосредственно призваннаго къ содѣйствію въ земскомъ управленіи государства.[12] Не забудемъ, что помѣстною властью соединяются въ одно твердое цѣлое разнородныя части имперіи, и что, только чрезъ сію власть, дворянство можетъ образовать собою надежнѣйшій оплотъ другаго важнѣйшаго начала нашего государственнаго существованія, т. е. самодержавія.[13]

"Безполезно, кажется, упоминать здѣсь что учрежденіе, на коемъ непосредственно лежитъ обязанность исправленія законодательнаго слога и соединеніе существующихъ узаконеній въ одинъ Вотчинный Уставъ, есть II отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи. Совершеніе этого дѣла представляется нынѣ въ особенности удобнымъ и умѣстнымъ, предъ изданіемъ новаго свода законовъ. Но какъ исправленіе изложенія законовъ, съ удержаніемъ настоящаго ихъ смысла, есть дѣло въ величайшей степени важное, то безъ сомнѣнія государственный Совѣтъ будетъ призванъ къ подробнѣйшему разсмотрѣнію труда и къ оцѣнкѣ онаго, статья за статьею.[14] Все это не потребуетъ продолжительнаго времени и въ теченіе одного года довольно легко совершиться можетъ.[15]

"Сколь однако ни важенъ этотъ шагъ на пути усовершенія, онъ будетъ только первымъ, и тотчасъ за нимъ предстоять будетъ, не менѣе важный.

"Нелья не признать, что главнѣйшая трудность въ правленіи Россіею и въ изданіи для нея законовъ, лежитъ въ разнообразіи мѣстныхъ ея потребностей. Всякое постановленіе обращаясь къ 50 слишкомъ губерніямъ, можетъ быть выражено только въ общемъ его смыслѣ; и эта общность, будучи съ одной стороны достоинствомъ законодательнаго изложенія, съ другой образуетъ собою недостатокъ въ примѣненіи. Законъ скажетъ на примѣръ: Какой долженъ быть оброкъ, или какъ велико количество земли должно быть отдѣляемо крестьянамъ состоящимъ на пашнѣ, въ сей или иной губерніи, въ томъ или другомъ уѣздѣ?

"Подобныхъ вопросовъ предвидится очень много, и разрѣшить ихъ удовлетворительно нѣтъ инаго средства, какъ чрезъ мѣстныя соображенія. Въ сихъ видахъ, по постановленіи Общаго Вотчиннаго Устава, немедленно слѣдовать будетъ приступить къ начертанію, на точномъ основаніи онаго, Вотчинныхъ Положеній по губерніямъ.[16] Такого рода трудъ доступенъ для мѣстныхъ комитетовъ, въ какомъ бы составѣ они ни были. Ихъ положеніе будетъ совсѣмъ иное, чѣмъ то, въ которомъ находятся нынѣ учреждаемые. Сіи послѣдніе, еслибъ остались вѣрными логикѣ, не могутъ не сознаться, что имѣя предъ глазами новыя правила, а за собою всю силу существующаго законодательства, они не въ состояніи сообразить что либо основательное. Коль-же скоро издастся Вотчинный Уставъ, мѣстнымъ комитетамъ не будетъ предстоять сочиненіе новыхъ законовъ, или соглашеніе новыхъ понятій съ существующими постановленіями, а только примѣненіе законовъ къ мѣстности. Собственно говоря, и теперь могли бы составиться опредѣлительныя Вотчинныя Положенія по губерніямъ,[17] ибо въ каждой изъ нихъ существуютъ обычаи,

6 Да пожалуй можно выпустить въ X томѣ и перенести хоть въ I или XXI,—чтоже отъ этого улучшится?

7 Выключить изъ бумаги число душъ и оставить эти души на дѣлѣ въ прежнемъ положенія!...

8 Измѣнить названіе и оставить фактъ! Это крайній предѣлъ Іезуитизма. Развѣ этого жаждетъ народъ? Развѣ этого хочетъ государь? Нѣтъ! не удастся такими уловками надуть ни того, ни другаго. Какъ ни называй Ѳедула — Клеопатрой, онъ все таки останется Ѳедуломъ.

9 Дѣло не въ этихъ вопросахъ, и легкости или трудности къ ихъ рѣшенію для администраціи; дѣло въ томъ, чтобы крѣпостные люди были свободны и съ землею).

10 Но дѣло не въ зависимости, а въ независимости.

11 Почему слогъ исправится, этого мы совсѣмъ не понимаемъ; но что безза-беззаконія усилятся — это навѣрно, потому что власть помѣщика совокупно съ чиновничей, вмѣсто того, чтобъ быть уничтоженной — будутъ окончательно подтверждены—до рѣшенія снизу.

12 Къ какому содѣйствію въ земскомъ управленіи государствомъ оно призвано? Оно призвано быть чиновникомъ и грабить.

13 Нѣтъ — не самодержавія, а олигархіи; и во всемъ этомъ не о государственномъ существованіи рѣчь, а о корыстномъ сохраненіи отвратительнаго помѣщичьяго права и крѣпостнаго состоянія народа.

14 Оно не худо польстить и собственной канцеляріи государственному совѣту!

15 Ну! проэктъ г. Н. Безобразова не подастъ большихъ надеждъ на исправленіе слога.

16 То есть надо сковать народъ во всей Россіи вообще, да еще въ каждомъ уѣздѣ въ особенности.

17 Конечно—если ничего не надо мѣнять, о чемъ же и хлопотать? Перемѣстилъ статью изъ X въ IX Томъ, — и все тутъ. Уже не переплесть-ли Сводъ Законовъ изъ разныхъ томовъ по листочку въ одинъ компактный томъ? Вотъ вамъ и вотчинный уставъ. Для этого и одной недѣли довольно;— только стоитъ найти проворнаго переплетчика.

которыми, болѣе или менѣе, руководствуются помѣщики. Но, безъ сомнѣнія, это исполнится гораздо успѣшнѣе по исправленіи изложенія нашего законодательства и по изданіи общаго Вотчиннаго Устава.

"Послѣдствія такого порядка въ усовершеніи вотчинныхъ или помѣстныхъ отношеній, еслибъ онъ былъ принятъ высшимъ правительствомъ, представляются въ отраднѣйшихъ чертахъ:

"Дворянство каждой губерніи, которое вѣроятно будетъ призвано къ участію въ составленіи своего мѣстнаго Вотчиннаго Положенія, непремѣнно приметъ для сего въ образецъ лучшія вотчинныя устройства, существующія у отличнѣйшихъ ея помѣщиковъ.[18] Обобщеніе, въ каждой губерніи, образцовыхъ вотчинныхъ порядковъ будетъ благородно для всѣхъ дворянъ, и истиннымъ благодѣяніемъ для крестьянъ. —[19] Значеніе дворянства не уронится въ глазахъ крестьянъ ему подвластныхъ, и взаимное благорасположеніе сихъ двухъ сословій сохранится;[20] ибо Вотчинный Уставъ, дарованный законодательною властію, низойдетъ къ примѣненію чрезъ Вотчинныя Положенія, т. е. посредствомъ дворянства. Обязанности крестьянъ и отношенія ихъ къ помѣщикамъ опредѣлятся съ точностію и на основаніи вѣрнѣйшихъ данныхъ. Сверхъ того, все сдѣланное нашимъ законодательствомъ въ послѣднія десятилѣтія, и все что впредь имъ сдѣлается, для упроченія быта крестьянъ, для предоставленія имъ возможности пріобрѣтать свою отдѣльную собственность и самостоятельно обогащать себя промыслами,—все это не будетъ уже скрываться въ много-томномъ Сводѣ Законовъ и его Прибавленіяхъ, а выпукло проявится въ Вотчинномъ Уставѣ, повторится въ Вотчинныхъ Положеніяхъ и пріобрѣтетъ живое и повсемѣстное осуществленіе.[21] Накопецъ, высшее правительство пріобрѣтетъ надежнѣйшій и точнѣйшій запасъ свѣденій о всѣхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, обусловливающихъ быть помѣщичьихъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ.[22] Имѣя въ своихъ рукахъ собраніе всѣхъ Вотчинныхъ Положеній, оно твердо пойдетъ на пути дальнѣйшихъ усовершенствованій. Весьма понятно, что ни Вотчинный Уставъ, ни зависящія отъ него Вотчинныя Положенія не могутъ остаться навсегда неподвижными: слѣдуя ходу всего законодательства, и они постепенно будутъ улучшаться; но безъ переворотовъ и въ счастливѣйшемъ соглашеніи общихъ законодательныхъ направленій съ мѣстными требованіями.

"Что касается до принятія мѣръ, дабы составленныя по губерніямъ Вотчинныя Положенія дѣйствительно были соблюдены, то, въ семъ отношеніи, не представляется важныхъ затрудненій. Положенія сіи, соображенныя по закону всѣмъ удобопонятному и согласно мѣстнымъ потребностямъ, для всѣхъ удовлетворительнымъ, сами въ себѣ уже будутъ заключать ручательства въ ихъ примѣняемости.[23] Для разбора же затрудненій или жалобъ, могущихъ случайно возникнуть, власть Уѣздныхъ Предводителей Дворянства достаточна; въ особенности если для содѣйствія и соучастія въ разборѣ подобныхъ дѣлъ, присоединить къ Предводителямъ по два уполномоченныхъ отъ дворянства, и преимущественно изъ числа лицъ участвовавшихъ въ составленіи Вотчиннаго Положенія. Дѣла сего рода обыкновенно не требуютъ большихъ формальностей и легко оканчиваются словеснымъ разбирательствомъ. Но, открывая крестьянамъ возможность жаловаться на неисполненіе установленныхъ Правилъ, и указывая имъ лица, которымъ жалобы сіи должны быть приносимы, необходимо исправить изложеніе нѣкоторыхъ статей XIV Тома Свода Законовъ и Уложенія о наказаніяхъ, безусловно воспрещающихъ принесеніе и принятіе подобныхъ жалобъ. Достаточно удержать смыслъ сихъ статей только въ отношеніи жалобъ явно несправедливыхъ или злонамѣренныхъ.[24]

"Если со временемъ (и по нашему мнѣнію время это еще не близко) потребуется учрежденіе особыхъ судовъ для дѣлъ сего рода, то будущіе успѣхи законодательства, по устройству у насъ судебной части, представятъ на то надежныя средства.[25]

"Изложеніе наше заключимъ общимъ сужденіемъ.

"Мудрость правительства состоитъ въ принаровленіи своихъ дѣйствій къ духу народному.....

"Приспѣло, кажется, время обновиться въ цѣлебныхъ струяхъ собственной нашей жизни, почерпать вдохновеніе въ родникахъ собственнаго нашего духа и совершать улучшенія по смыслу коренныхъ уставовъ родины.[26] У западной Европы мы многое заимствовали и многому еще должны научиться въ развитіи общежительности: успѣхи наукъ, искуствъ и промышленности цѣликомъ могутъ быть къ намъ переносимы. Въ направленіяхъ же гражданственности, мы имѣемъ свои начала, которыя лишатся значенія въ ту только пору, когда страна потеряетъ свою самобытность, или народъ утратитъ черты и свойства, образующія его самостоятельность. Въ семъ послѣднемъ отношеніи можно сказать, что за моремъ для насъ примѣры, но не образцы."

"Миланъ 19/31 Января 1858."

Далѣе слѣдуетъ приложеніе и споръ съ Карамзинымъ о Годуновѣ; мы въ это входить не станемъ.

Со времени книги Корфа не было ничего писано на русскомъ языкѣ, чтобы производило такое горестное впечатлѣніе. Корфъ говорилъ о прошедшемъ: оно покончено. А г. Н. Безобразовъ посягаетъ на будущее, жертвуетъ Россіей узенькому помѣщичьему интересу, нежеланію потерять клочка земли и права розги надъ спиною. Желали бы мы знать что это—общее дворянское мнѣніе, или только Безобразовское?

Н. О.

18 Гдѣ они?

19 Не худо бы спросить мнѣнія крестьянъ.

20 Благорасположенія этого нѣтъ и не бывало, и дѣло не въ томъ—уронится ли значеніе дворянства въ глазахъ крестьянъ; дѣло въ развитіи народномъ, въ основаніи правосудія. Мы увѣрены, что при дѣйствительномъ освобожденіи крестьянъ съ землею, дворянство возвысится и въ нравственномъ и промышленномъ отношеніи; а на основаніяхъ проэкта г. Н. Безобразова, оно нравственно упадетъ, а возвысится развѣ только до петли.

21 Одинъ томъ или много томовъ, маленькая или большая книжка, но если она существуетъ для угнетѣнія народа,—это все же нехорошая книжка.

22 Зачѣмъ же эти свѣденія правительству, если оно, сообразуясь съ этимъ проэктомъ, отдастъ крестьянъ на съѣденіе помѣщикамъ? Для этого никакихъ свѣденій не нужно.

23 То есть положенія удовлетворительныя для помѣщиковъ, но отнюдь не для крестьянъ.

24 Позволить крестьянамъ жаловаться на дворянъ дворянамъ, на помѣщиковъ помѣщикамъ—какое благодѣяніе! Какая перемѣна къ лучшему!

25 Это почему же?

26 Откуда г. Н. Безобразовъ беретъ, что помѣщичье-чиновничье право выходитъ изъ коренной русской жизни? Коренная русская жизнь—это общинное устройство съ выборнымъ управленіемъ, а помѣщичье право и чиновничья расправа—это нѣмецко-татарская жизнь. Послѣднее прикрѣпленіе крестьянъ за помѣщиками совершилось при Екатеринѣ II; чиновничество начинается съ Петра I; гдѣ же тутъ коренная русская жизнь? Нѣтъ, съ проэктомъ г. Н. Безобразова мы не "обновимся въ цѣлебныхъ струяхъ собственной нашей жизни"—а погрязнемъ въ гниломъ нѣмецко-татарскомъ болотѣ.

Digitized by Google

О ГРАЖДАНСКОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ РОССІИ.*

Утверждать, что открытое судопроизводство невозможно въ Россіи, значитъ, какъ справедливо замѣчено въ одномъ изъ номеровъ Колокола, быть врагомъ Россіи. Вопросъ объ немъ окончательно разрѣшенъ, и снова доказывать эту необходимость значило бы вновь доказывать то, что земля кружится вокругъ солнца. Явное судопроизводство составляетъ необходимое условіе гражданскаго развитія и главнѣйшее орудіе искорененія всѣхъ злоупотребленій. Эту необходимость сознаютъ всѣ благомыслящіе, но осуществленіе ея встрѣчаетъ множество препятствій. Для этого необходимо, вмѣстѣ съ введеніемъ новаго судопроизводства, преобразовать и судебныя мѣста, потому что сохраненіе ихъ въ настоящемъ состояніи, а введеніе только явнаго судопроизводства съ адвокатами, едва ли будетъ шагомъ къ усовершенствованіямъ: если губернаторы обезпеченные хорошимъ жалованьемъ, публично грабятъ подвѣдомственныя имъ губерніи, то чего можно ожидать отъ уѣздныхъ судей, получающихъ весьма недостаточное жалованье? И такъ вмѣстѣ съ введеніемъ новаго судопроизводства, необходимо увеличить жалованье судебнымъ чиновникамъ и строго выбирать въ судебныя должности людей нравственныхъ, способныхъ и съ высшимъ образованіемъ.

Возвышеніе окладовъ жалованья повлекло бы за собою увеличеніе государственныхъ расходовъ и, при настоящемъ состояніи финансовъ Россіи, т. е. при отсутствіи излишка доходовъ надъ расходами, къ увеличенію постояннаго дефицита. Постоянный же дефицитъ — это первый шагъ къ банкрутству. Конечно, Россія обладаетъ такими источниками какъ на пр. государственными оброчными статьями, рудниками, заводами, которыхъ отчужденіе доставило бы правительству и средства для преобразованія не только судебной, но и административной части. Однако же это только pia desideria при Брокахъ. До тѣхъ поръ, пока министръ финансовъ будетъ имѣть въ виду не общественную пользу, а свой личный интересъ, до тѣхъ поръ, пока въ главѣ финансовыхъ дѣятелей будутъ стоять: Финляндцы Гревеницы и Фонъ-Деръ-Флиты, православные Прохоровы и Ключаревы, люди временъ Павла — Переверзевы и фронтовые франты Пашковы, — всякія улучшенія по финансовой части въ Россіи невозможны. Да и кто изъ благородныхъ и просвѣщенныхъ людей можетъ служить подъ ихъ начальствомъ; кто можетъ быть безсознательнымъ исполнителемъ ихъ закоренѣлыхъ предразсудковъ и глубокаго невѣжества? Когда Ключаревъ сдѣланъ былъ, по протекціи Брока, директоромъ департамента государственнаго казначейства, повторилось настоящее переселеніе народовъ: каждый день благородные и способные чиновники подавали въ отставку, или же переходили въ другія вѣдомства; тоже самое повторялось и въ прочихъ департаментахъ; кто же теперь остался въ министерствѣ финансовъ?.. Чтобъ привести новыя начала въ русскія финансы, необходимо сперва перемѣнить весь личный составъ министерства. А какъ весьма сомнительно, чтобъ у государя нашлось столько энергіи, чтобъ изгнать этихъ людей, которыхъ, словами статсъ-секретаря, можно бы справедливо назвать "маскарадомъ распутства, предвѣщающемъ преступленіе", то и расчитывать на реформы которыя бы доставили необходимыя для увеличенія жалованья средства, невозможно.

Не менѣе препятствій встрѣчаетъ пріисканіе въ Россіи людей нравственныхъ и съ высшимъ образованіемъ, для занятія судебныхъ мѣстъ. Еслибы даже каждый вновь образованный уѣздный судъ состоялъ изъ 7 судей, 3 дѣлопроизводителей и 4 адвокатовъ, гражданская же палата изъ 9 судей, 4 дѣлопроизводителей и 8 адвокатовъ, то все таки, не принимая въ расчетъ сената, для Россіи необходимо бы было болѣе 8,000 человѣкъ! Гдѣ же правительство можетъ найти такое множество способныхъ и спеціальныхъ юристовъ?... Развѣ между юристыми образованными въ пяти русскихъ университетахъ? Но не нужно забывать, что подъ просвѣщеннымъ управленіемъ "незабвеннаго", въ продолженіи почти 8 лѣтъ, существовало ограниченіе относительно числа студентовъ, ихъ не могло быть болѣе 300 въ одно время въ каждомъ университетѣ; слѣдственно въ продолженіи однаго года, во всѣхъ университетахъ могло воспитываться только 1500; считая же, что $\frac{1}{4}$ этого числа посѣщала юридическій факультетъ, мы получимъ 325 какъ ежегодное число юристовъ во всѣхъ университетахъ, находящихся на всѣхъ курсахъ, а какъ курсъ наукъ продолжается въ русскихъ университетахъ 4 года, то предполагая, что вышеозначенное число студентовъ равномѣрно было распредѣлено между отдѣльными курсами, мы получимъ примѣрно 80 юристовъ, которыхъ доставляли русскіе университеты; умножая это число на 8, получимъ 640 юристовъ окончившихъ свое воспитаніе, въ продолженіи 8 лѣтъ въ русскихъ университетахъ; предполагая же, что послѣ уничтоженія вышеупомянутаго ограниченія, число студентовъ удвоилось, мы все таки не наберемъ и 1000 человѣкъ, окончившихъ въ продолженія послѣднихъ 10 лѣтъ юридическіе курсы въ русскихъ университетахъ. Наконецъ предположивъ, что въ продолженіи предпослѣдняго десятилѣтія юридическое воспитаніе находилось въ дважды благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, то получимъ 300 человѣкъ, какъ примѣрное число юристовъ окончившихъ курсъ наукъ въ продолженіи послѣднихъ 20 лѣтъ во всѣхъ университетахъ. При преобразованіи же судебныхъ мѣстъ нужно ихъ будетъ болѣе 8,000! Эта-то невозможность найти нужнаго числа адвокатовъ при явномъ судопроизводствѣ, заставила, вѣроятно II отдѣленіе составить новый проэктъ судопроизводства, который бы составлялъ только переходъ отъ настоящаго судопроизводства до открытаго.

Если открытое судопроизводство въ Россіи, не смотря на всѣ эти препятствія, необходимо, то является надобность проэкта, который бы: возвышая жалованье судебныхъ чиновниковъ, не увеличивалъ бы общихъ расходовъ на судебную часть, и не требовалъ для занятія судебныхъ должностей болѣе значительнаго числа способныхъ людей, чѣмъ ихъ дѣйствительно находится въ Россіи.

Возвышеніе окладовъ жалованья судебныхъ чиновниковъ, безъ увеличенія общаго расхода на судебную часть, возможно только при уменьшеніи числа судебныхъ присутственныхъ мѣстъ. Осуществленіе же второй необходимости новаго судопроизводства тоже ограничивается тѣмъ же условіемъ. Слѣдовательно, новый проэктъ открытаго судопроизводства,

* Наше мнѣніе о преобразованіи чиновничества извѣстно читателямъ Колокола; но мы съ удовольствіемъ печатаемъ эту статью новаго неизвѣстнаго намъ корреспондента, съ удовольствіемъ видимъ какъ русскій умъ работаетъ, работаетъ надъ вопросами благоустройства русскаго народа. Да! живыя силы пробуждаются въ Россіи. Страницы Колокола всегда открыты для всѣхъ желающихъ говорить объ нашемъ земскомъ дѣлѣ.

Digitized by Google

должень клониться къ возможному уменьшенію числа судовъ.

Съ предоставленіемъ тяжущимся права рѣшать ихъ споры третейскими судами, избранными ими же, уѣздные суды сдѣлаются совершенно безполезными учрежденіями. Уничтоженіе же болѣе 500 существующихъ въ Россіи уѣздныхъ судовъ дастъ возможность правительству освободившіяся чрезъ это суммы, употребить на увеличеніе жалованья чиновниковъ гражданскихъ палатъ и сената. А какъ централизація въ гражданскомъ судопроизводствѣ совершенно безполезна, то при этомъ же случаѣ сенатъ можно бы для ускоренія рѣшенія дѣлъ, размѣстить по губерніямъ съ тѣмъ, чтобы нѣсколько губерній имѣли свои общій сенатъ, который бы и составлялъ первую и послѣднюю инстанцію. Такого рода устройство судебныхъ мѣстъ доставило бы возможность правительству найти достаточное число нужныхъ ему лицъ для приведенія въ дѣйствіе открытаго судопроизводства, какъ въ гражданскихъ палатахъ, такъ и въ сенатѣ.

СМѢСЬ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ НЕКРОЛОГА

АВРААМІЯ СЕРГІЕВИЧА НОРОВА.

Что городъ—то Норовъ, что столица—то Закревскій!

Авраамій Сергіевичь почилъ отъ министерства, и для него какъ для Наполеона на островѣ св. Елены, "уже потомство настаетъ". Отставной министръ просвѣщенія Гизо, самъ пишетъ свою біографію; Келарь Авраамій Палицынъ, тоже о себѣ писалъ самъ; но Авраамій Сергіевичь, подобно родоначальнику всѣхъ Авраамовъ, (доведшему свое историческое подобострастіе и вѣрноподданническія чувства до того, что чуть не прирѣзалъ роднаго сына Ісаака)—ждетъ новаго Моисея.

Для этого-то будущаго Моисея, хотимъ и мы передать нѣсколько подробностей о добросовѣстныхъ трудахъ Авраамія Сергіевича и о неусыпныхъ попеченіяхъ его, сдѣланныхъ съ просвѣщенной цѣлью помѣшать распространенію нашихъ книгъ.

Лѣтомъ 1857 года, Авраамій Сергіевичь проживалъ въ Берлинѣ, лихорадочно поджидая государя (какъ будто онъ не могъ наговориться съ нимъ до сыта и до ленты въ Петербургѣ?). Вдругъ... въ его замкѣ народнаго просвѣщенія in partibus раздается рожокъ, гремятъ цѣпи подъемнаго моста и въѣзжаетъ оруженосецъ Марковскій, посланный отъ маркиза Паулуччи, начальника тайной полиціи въ Варшавѣ. Паулуччи поручалъ министру просвѣщенія, черезъ Марковскаго, имѣть неослабное наблюденіе въ Германіи за русскими книгами, печатаемыми въ Лондонѣ. Просвѣщенный министръ желая оправдать довѣріе Паулуччи, тотчасъ принялся за дѣло и самъ поѣхалъ съ пакетомъ въ Дрезденъ. Въ Германіи, надо вамъ сказать, есть два, три отдѣленія, третьяго отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи. Еще при незабвенныхъ Леонтіѣ Васильевичѣ и Николаѣ Павловичѣ онѣ были очень хорошо устроены: Берлинскимъ отдѣленіемъ III отдѣленія собственной канцеляріи завѣдывалъ Мантейфель, Саксонскимъ — Бейстъ. Къ нему-то первому и обратился старецъ Авраамій, поддерживаемый старцемъ Шредеромъ (изъ Русскихъ) — человѣкомъ, котораго учтивость была до того велика, что почти выходила изъ предѣловъ приличія.

Бейстъ видя жандармское рвеніе министра народнаго просвѣщенія, поддержанное учтивѣйшимъ человѣкомъ изъ всѣхъ Шредеровъ, не исключая Шредера Девріен', далъ слово (и сдержалъ его) запретить въ Саксоніи русскія книги, печатаемыя въ Лондонѣ, признаваясь откровенно и всенародно этимъ фактомъ, что Саксонія находится на положеніи Грузіи, и что ея царь Ираклій—гражданскій губернаторъ саксонской и военный генералъ-губернаторъ города Дрездена.

Авраамій Сергіевичь, довольный успѣхомъ, снова возвратился въ берлинскую область. Въ уѣздномъ городѣ Потсдамѣ онъ встрѣтилъ г. Адлерберга, к. Горчакова и самаго государя, съ ужасомъ жаловался онъ имъ всѣмъ на распространеніе русскихъ книгъ, печатаемыхъ въ духѣ свободы и независимости, дерзающихъ касаться не только до предметовъ священныхъ, но и до первыхъ трехъ классовъ, нещадящихъ ничего, ни даже графа Панина. Онъ удивлялся преступному равнодушію Брунова, который терпитъ въ Берлинѣ продажу ихъ. (Онъ не разсудилъ, что Бруновъ проживши въ Англіи такъ долго, утратилъ рабскую книгобоязнь). Горчаковъ обѣщался принять мѣры, попросить, убѣдить, склонить кого надобно; у короля намѣстника мозгъ уже размягчался тогда не по днямъ, а по часамъ, Мантейфель свой человѣкъ, Герлахъ покойниковъ человѣкъ, успѣхъ былъ не сомнѣненъ. Но что довольно для успѣха, — того не довольно для усердія, и потому состоящій при маркизѣ Паулуччи министръ народнаго просвѣщенія отправился самъ къ Мантейфелю. — "Кейзеръ, говоритъ, нихтъ воленъ... Зи мусенъ махенъ, — Прусишъ, Русишъ—комрадъ!"

Мантейфель запретилъ наши книги во всей ввѣренной ему губерніи.

И намъ пришлось печатать послѣ всѣхъ этихъ рекламовъ, переписокъ, совѣщаній, Бейстовъ, маркизовъ отъ инквизиціи, министровъ отъ просвѣщенія, Марковскаго, Мантейфеля,— ровно вдвое больше нашихъ книгъ!

А надобно признаться, оригинально понималъ — отецъ Авраамій министерство просвѣщенія, онъ вѣрно думалъ, что оно какъ пожарное депо, назначено не для увеличенія просвѣщенія, а для предупрежденія и прекращенія его, гдѣ оно, (чего Боже сохрани), нечаянно случится. За то по еврейски знаетъ онъ, по свидѣтельству аугсбургской газеты, лучше всякаго равина и талмудъ толкуетъ какъ будто не выходилъ всю жизнь изъ синагоги.

И—ръ.

Намъ пишутъ, что секретарь русскаго посольства въ Неаполѣ, г. Погенполь ходилъ по лавкамъ 27 Августа, стращая книгопродавцевъ и угрожая полиціей, если они будутъ продолжать продажу Колокола и Полярной Звѣзды (объ Nord'ѣ не сказано ничего?)

Охота же имъ компрометировать правительство, посольство, себя!

Впрочемъ гдѣ есть порядочный и умный посланникъ, тамъ и не дѣлаютъ этихъ мелочныхъ набѣговъ, возмите въ доказательство полное достоинства поведѣніе нашей миссіи въ Парижѣ. Отчего? Оттого, что посломъ тамъ графъ Киселевъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, *W. C.*

ЛИСТЪ 16.

1 Іюня 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 39, Rupert Street, Haymarket, London. Price six-pence.

СЛОВОБОЯЗНЬ.

Кельнская газета объявляетъ на дняхъ о новомъ запрещеніи Колокола въ Пруссіи. Въ Саксоніи всѣ наши періодическія изданія запрещены. Въ Неаполѣ секретарь посольства стращаетъ* книгопродавцевъ; commis voyageur'ы третьяго отдѣленія въ генералъ-адъютантскихъ мундирахъ, статскіе совѣтники, воображающіе себя тайными, обтекаютъ всю падшую часть Европы, шныряютъ по лавкамъ, открываютъ, доносятъ, употребляютъ нѣмецкихъ министровъ въ родѣ полицейскихъ сыщиковъ и трюфельныхъ ищеекъ и нѣмецкихъ князьковъ въ родѣ бульдоговъ на Полярную Звѣзду и Колоколъ. Зачѣмъ все это? Откуда эта невѣжественная нетерпимость? Жаль, если это идетъ отъ государя : это такъ недостойно его; жаль, если это отъ министра Горчакова : намъ говорили, что онъ благонамѣренный человѣкъ и мы готовы были вѣрить!

Или все это шалятъ "вторыя мѣста", добровольные ревнители, и николаевскіе жандармы, оставленные теперь безъ занятій?

Неужели всякой власти, даже той, которая хочетъ добра, написано на роду не умѣть иначе слушать истину, какъ обернутую въ фразы битаго раболѣпія, какъ подслащенную пошлой лестію. Языкъ свободнаго человѣка рѣжетъ ухо, размягченное риторикой византійскихъ евнуховъ въ гвардейскомъ мундирѣ, старыхъ ключниковъ и дворецкихъ покойнаго барина.....

Какъ все это старо. Подобныя вещи навѣрное говорились Тарквиніямъ въ Римѣ, Кадму въ Аѳинахъ, самому Мельхиседеку (если спросить Равви Авраамія Сергѣевича) — и все таки лесть слушается, и все таки ласка куртизаны принимается за чистыя деньги.....

Съ 1 Января нынѣшняго года "Колоколъ" поставилъ своимъ знаменемъ "освобожденіе крестьянъ!" Только этимъ вопросомъ и занимался... по дорогѣ приходилось иной разъ хлеснуть—какъ кучера здѣсь хлещутъ засаленыхъ мальчишекъ, которые вѣшаются на ресоры — нашихъ баловней, нашихъ gamins и gamines : Закревскаго, Панина, Марію Бредау, Сечинскаго, Мину Ивановну; но во-первыхъ зачѣмъ же они вѣшаются за ресоры, а потомъ неужели Александръ II и Горчаковъ III, III отдѣленіе и IV министра,— эти quatre mendians нѣмецкихъ двориковъ, — все это ополчилось за семейныя добродѣтели Мины Ивановны, за умъ Закревскаго, за цѣломудріе Маріи Бредау, за ... за ... ростъ Панина (другихъ достоинствъ онъ еще не успѣлъ показать)?

А потому мы и просимъ позволеніе еще разъ повторить сказанное нами въ 9 листѣ Колокола :

"Дѣло русской пропаганды для насъ не капризъ, не развлеченіе, не кусокъ хлѣба, — а дѣло нашей жизни, наша религія, кусокъ нашего сердца, наша служба русскому народу.

"Мы работали не унывая, тогда когда не было никакого успѣха. Неужели теперь, когда русское министерство иностранныхъ дѣлъ и нѣмецкіе министры дѣлъ отечественныхъ признаютъ нашу силу, наше вліяніе—мы остановимся?

"Будьте увѣрены что нѣтъ. Съ рукою на сердцѣ присягаемъ мы передъ лицомъ Россіи — продолжать работу нашу до послѣдняго біенія пульса. Она даже не прервется съ нашей смертію. Мы не одни, и умирая завѣщаемъ нашъ станокъ грядущему, юному поколѣнію, которое примется за него съ новыми силами, съ свѣжими идеями.

"Насъ остановить можно только уничтоженіемъ цензуры въ Россіи, а вовсе не введеніемъ русской цензуры въ нѣмецкихъ краяхъ.

"Не надобно думать, чтобы мѣры эти были взяты только противъ насъ : онѣ столько же и еще больше взяты противъ государя. Чернильное и казарменное масонство, завоевавшее четырнадцать степеней лѣстницы, ведущей къ дворцовой передней, старается обернуть языкъ Колокола—нѣмецкими препятствіями, для того чтобъ его звонъ не доходилъ до зимняго дворца!"

И—ръ.

* Въ прошломъ листѣ Колокола вкралась слѣдующая ошибка : стр. 124 напечатано : "г. Погенполь ходилъ по лавкамъ 27 Августа". Читай : 27 Апрѣля.

ПИСЬМО ВЛАДИМІРСКАГО ПОМѢЩИКА.

М. Г. — Нельзя не радоваться, читая вновь изданныя правила, которыми должны руководствоваться дворянскіе комитеты по дѣлу объ освобожденіи крестьянъ. Это огромный шагъ впередъ! Но разрѣшаютъ ли они главную трудность?

Вопросъ о томъ : можетъ ли и долженъ ли одинъ человѣкъ

Digitized by Google

принадлежать другому — давно уже разрѣшенъ въ совѣсти каждаго образованнаго человѣка и даже въ совѣсти большаго числа русскихъ помѣщиковъ; по этому освобожденіе крестьянъ могло бы у насъ совершиться однимъ почеркомъ царскаго пера. Еслибъ государь объявилъ, что всѣ крестьяне свободны, кто посмѣлъ бы роптать, кто посмѣлъ бы говорить о вознагражденіи? Крѣпостныхъ болѣе бы не было; отношенія же ихъ къ дворянамъ опредѣлились бы сами собою, — какъ опредѣляются вообще отношенія владѣльцевъ земли къ наемнымъ работникамъ. Но государь не хочетъ этого: онъ хочетъ чтобъ каждый крестьянинъ, кромѣ свободы, получилъ еще кусокъ земли для своего прокормленія. Отсюда возникаетъ единственная трудность, для разрѣшенія которой собираются дворянскіе комитеты. Эту землю для крестьянъ надобно взять у помѣщика; кто же заплатитъ за нее? Или самъ освобождаемый крестьянинъ или правительство. Изъ помянутыхъ выше правилъ видно, что уплату эту хотятъ возложить на крестьянъ, количество же и срокъ ея предоставляютъ опредѣлить помѣщикамъ. Но это противно здравому смыслу: можно ли заставить человѣка купить что нибудь? А вѣдь крестьянъ не спрашиваютъ, хотятъ ли они купить землю у помѣщика? Напротивъ, по ихъ убѣжденію, и свобода и земля слѣдуютъ имъ даромъ. Кромѣ того: 1.) кто будетъ опредѣлять количество и срокъ уплаты? Сами помѣщики съ разрѣшенія другихъ помѣщиковъ, живущихъ въ Петербургѣ; — крестьянъ же и спрашивать не будутъ. 2.) Положимъ, что большая часть крестьянъ заплатятъ за землю сумму, назначенную помѣщиками; а что же дѣлать съ тѣми изъ нихъ, которые не заплатятъ? Оставить крѣпостными, или заставлять платить съ помощью розогъ? 3.) Въ одномъ и томъ же селеніи будутъ жить рядомъ: крестьянинъ заплатившій за землю и слѣдовательно свободный, и крестьянинъ незаплатившій, слѣдовательно крѣпостный; можно ли при этомъ организировать сельскую общину на твердомъ основаніи? 4.) Въ помянутыхъ выше правилахъ говорится о срокѣ, который помѣщики должны назначить крестьянамъ для уплаты выкупа за землю; этотъ срокъ конечно не долженъ быть короче нѣсколькихъ лѣтъ, для того, чтобъ крестьяне имѣли время найти или заработать деньги; это переходное положеніе нѣсколькихъ лѣтъ, хотя и лучше 12 лѣтняго, потому что короче, но все таки можетъ быть весьма вредно для благосостоянія крестьянъ, — какъ вредно все неопредѣленное, неясное, временное. 5.) Зачѣмъ ставить постоянно крестьянъ въ антагонизмъ съ помѣщиками, въ которыхъ они и безъ того уже привыкли видѣть враговъ? Уже начались волненія крестьянъ, уже начались расправы съ помощью розогъ! Что будетъ дальше? Сколько крестьянъ заплатятъ ссылкою за свое нетерпѣніе? Нелучше ли разрѣшить этотъ вопросъ и скорѣе и проще такимъ образомъ: объявить, что всѣ крестьяне свободны и велѣть нарѣзать имъ въ собственность изъ помѣщичьей земли отъ 3 до 4 десятинъ на душу; помѣщикамъ же назначить за каждыя 3 или 4 десятины по 100 р. с. (30 р. болѣе, чѣмъ полагаетъ г. Огаревъ), что правительству будетъ ничего нестоить, потому что: а) оно будетъ платить помѣщикамъ $3\frac{1}{3}$, т. е. (11 милліоновъ крѣпостныхъ, по 100 р. = 1100 милліоновъ р. с.) 33 милліона, б) крестьяне же, получивъ вмѣстѣ съ свободою землю, и платившіе прежде того помѣщикамъ 20, 25 и даже 30 р. с. оброку, легко будутъ выплачивать $6\frac{1}{2}$ р. правительству съ тягла, — что составитъ болѣе 30 мил. р., ибо на 11 милліоновъ крѣпостныхъ должно полагать до 5 милліоновъ тяголъ. Такое разрѣшеніе вопроса, очевидно непротивное матеріальнымъ интересамъ крестьянъ, избавило бы ихъ отъ желанія воевать съ помѣщиками и отъ всѣхъ грустныхъ послѣдствій этой войны. Не говорю уже о томъ, что можно назначить помѣщикамъ вознагражденіе менѣе 100 р.—тогда, разумѣется, правительству расплатиться съ помѣщиками еще легче.

Что касается до частныхъ положеній, заключающихся въ новыхъ правилахъ для комитетовъ, то въ нихъ недомолвокъ и противурѣчій много; напримѣръ странно повторять, что вся земля составляетъ неотъемлемую собственность помѣщика, когда его заставляютъ часть этой земли продать крестьянамъ. Непротивно ли такое принужденіе понятію о неотъемлемой собственности? Назначаютъ 6 мѣсячный срокъ, въ который комитеты должны окончить свой трудъ; но есть губерніи, которыя еще и не думали составить комитеты; надобно же прежде всего назначить срокъ, въ который эти опоздавшія губерніи должны послѣдовать общему примѣру.

Впрочемъ ясно, что правительство не высказываетъ всей своей мысли, можетъ быть, не желая оскорбить дворянъ. Обстоятельства вынудятъ дѣйствовать откровеннѣе и рѣшительнѣе. Будемъ же надѣяться, что и съ вновь изданными правилами для комитетовъ оно сдѣлаетъ тоже, что сдѣлало съ 12 лѣтнимъ срокомъ для переходнаго положенія крестьянъ, т. е. забудетъ объ нихъ, какъ будто оно никогда ихъ и не писало, и покончитъ все дѣло однимъ царскимъ указомъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ .....

ПОМѢЩИКЪ ВЛАДИМІРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

НОВГОРОДСКОЕ ВОЗМУЩЕНІЕ ВЪ 1831.*

Опишу вамъ дѣло, хотя и не военное, но я лучше бы согласился вытерпѣть нѣсколько регулярныхъ сраженій, чѣмъ быть захваченнымъ въ народный бунтъ. Дни 16, 17, 18, 19 и 20 Іюля 1831 года для меня весьма памятны.

Опишу вамъ въ началѣ мое служеніе въ округѣ военныхъ поселеній новгородскаго отряда и мое положеніе на поприщѣ поселенной службы. Въ 1820 году предположено было сформировать для гренадерскаго саперпаго баталіона поселеніе, на равнѣ съ прочими гренадерскими полками: для того и назначенъ участокъ земли отъ гренадерскаго короля прусскаго (что нынѣ Фридриха Вильгельма) полка съ деревнями: Перевозъ, Хутинъ, Гажинскъ, Зазелье, Жидово, Радюново и селомъ Великопольемъ, купленными отъ Сперанскаго. 2. Положено было изъ крестьянъ сихъ деревень съ добавленіемъ людей изъ всѣхъ саперныхъ и піонерныхъ баталіоновъ, уроженцевъ новгородскихъ и псковскихъ, сформировать двѣ саперныя поселенныя роты. Офицеры же ко мнѣ назначены изъ піонерныхъ баталіоновъ. Я служилъ въ то время во 2мъ саперномъ баталіонѣ, квартировавшемъ въ Лифляндіи, въ городѣ Вензелѣ. Предположено было баталіонъ этотъ, какъ не вошедшій въ составъ арміи, переформировать и, оставя двѣ роты старыхъ солдатъ, дополнивъ таковыми же двумя ротами кантонистовъ, составить изъ него учебный саперный баталіонъ; двумя же остальными ротами скомплектовать прочіе

* Этотъ необычайно любопытный документъ писанъ самимъ очевидцемъ событія и временнымъ начальникомъ возмущенія, инженернымъ полковникомъ Панаевымъ, къ подавленію котораго онъ весьма много способствовалъ.

Digitized by Google

саперный и піонерный баталіоны; — и я въ капитанскомъ чинѣ, бывши командиромъ 1ой минерной роты назначенъ командиромъ обѣихъ поселенныхъ ротъ саперного баталіона гренадерскаго корпуса. Назначеніе это не было пріятно графу Аракчееву, которому хотѣлось назначить командиромъ въ эти роты изъ поселенныхъ уже гренадерскихъ полковъ, болѣе привыкшихъ къ правиламъ, принятымъ въ поселенномъ войскѣ и слѣдовательно болѣе опытныхъ въ предстоящихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Мысль въ настоящемъ положеніи дѣлъ самая естественная и которая принесла бы болѣе пользы, чѣмъ назначеніе мое. Были люди между образовавшимися тамъ командирами и трудолюбивые, и ревностные исполнители безсознательно, всѣхъ распоряженій начальства. Хвалю ихъ подвигъ, но не понимаю, какъ можно дѣйствовать успѣшно, исполняя лишь то, что имъ приказываютъ и не зная цѣли, къ чему должны направлять свои дѣйствія. Дѣло было новое и цѣль, изображенная въ проэктѣ, показывала только крайнюю точку несбыточнаго предположенія, средствъ къ достиженію коего, кажется, никто не зналъ. Мы работали много, прилѣжно, тратили матеріалы, изнуряли людей; при десятой доли умирающихъ между работавшими баталіонами, смертность не считалась большою; когда умирала восьмая доля, тогда только производились слѣдствія, начальники были отдаваемы подъ судъ, но суды оканчивались почти всегда ничѣмъ или вмѣненіемъ бытности подъ судомъ въ наказаніе и занесеніемъ въ формулярные списки, а при неудачныхъ постройкахъ наложеніемъ взысканія на людей собственности неимѣвшихъ. Отставки были воспрещены, въ отпуска не отпускали, или они были правилами такъ стѣснены, что никогда не было возможности ими воспользоваться. Однимъ словомъ мы были въ крайнемъ порабощеніи и, не имѣя средствъ избавиться, начали для защиты своей придумывать разныя уловки. Главные начальники выбравъ что было по лучше изъ офицеровъ и болѣе способныхъ, назначили ихъ частными начальниками работъ, предоставивъ въ полное ихъ распоряженіе баталіоны, на работѣ бывшіе. Баталіонные командиры старались вытѣснить всѣми способами образованныхъ офицеровъ и поручить командованіе ротами произведеннымъ изъ унтеръ-офицеровъ или такимъ, кои, по неимѣнію средствъ къ существованію, обязаны были не разбирать средствъ и быть покорными, даже противу присяги и совѣсти. Главное правило было, что всѣ средства хороши, лишь бы сдѣлано было, что приказано начальникомъ. Шпіонства съ одной стороны и побужденіе къ доносамъ нижнихъ чиновъ противу ближайшихъ ихъ начальниковъ, когда желали ихъ перемѣнить другими, ослабили совершенно всю дисциплину и связь между начальниками и подчиненными. Инспектирующіе спрашивали всегда солдатъ о претензіяхъ, не употребляютъ ли ихъ въ праздники и не изнурительны ли для нихъ работы? Ежели начальника хотѣли удержать, то и по справедливой жалобѣ отдавали претендующихъ подъ судъ; а ежели хотѣли отстранить кого, то жалоба принималась, начальникъ отдавался подъ судъ и хотя года черезъ два оправдывался, но на ложныхъ доносителей судъ не обращалъ вниманія; ихъ переводили въ другую дивизію или назначали для присмотра какихъ нибудь матеріаловъ. Бывали случаи, что подсудимаго оправдывала коммисія военнаго суда; но тогда обыкновенно наряжалась другая, а первая подвергалась взысканію за упущеніе обстоятельствъ; оправдывала ли вторая, то наряжалась третья, до тѣхъ поръ, покуда ловкій аудиторъ не откроетъ кокого либо упущенія въ другихъ случаяхъ службы подсудимаго. И такъ, отданный подъ судъ капитанъ за растрату казеннаго имущества иногда являлся виновнымъ, что будучи еще поручикомъ, во время стоянія въ караулѣ, отлучался съ гаубвахты. Еще повторяю, что жестокости и строгости было много, но дисциплины не было и войска были деморализованы начальствомъ и начальники съ своей стороны получая приказанія свыше, — кои могли возбудить ропотъ между нижними чинами, исполняли приказанія не прямо, но старались внушить солдатамъ, ежелибы имъ приказано не было, то они бы не стали такъ мучить людей. Высшее начальство всегда старалось выставлять себя защитниками солдатъ, приказывая секретно не баловать ихъ, задавать уроки больше, высылать на работу и по праздникамъ, и, ежели спросятъ отъ чего люди въ праздникъ выведены на работу, отвѣчать: что это лѣнивцы, не выдѣлавшіе своихъ уроковъ. Командиры-же, высылая по праздникамъ на работу, всегда обращались къ солдатамъ и говорили имъ: ребята, васъ велѣно выслать на работу даже и сегодня. Когда пріѣдетъ начальникъ и будетъ спрашивать меня отъ чего люди работаютъ въ праздникъ, я скажу, что это тѣ люди, которые въ теченіи недѣли не выработали своихъ уроковъ; смотрите же поддержите меня, я дѣлаю не по своей волѣ. Ежели онъ будетъ вамъ говорить: для чего вы лѣнились, то кричите: впредь лучше будемъ стараться, а какъ онъ проѣдетъ, то я васъ отпущу съ работы. Хитрость, употребленная противъ хитрости, не заставляя солдатъ любить начальниковъ высшихъ, лишала уваженія къ ближайшимъ командирамъ, показавъ ихъ слабость.

Въ сихъ обстоятельствахъ вступилъ я въ поселенную службу въ 1821 году Декабря 27 дня и прибылъ въ Новгородъ, гдѣ предположено было сборное мѣсто, высылаемыхъ ко мнѣ изъ разныхъ баталіоновъ солдатъ. Но какъ команда моя еще не собралась вся на лицо, то офицеры мои и по частямъ пребывающіе люди употреблены были на открывшіяся съ весною 1822 года работы, а по прекращеніи оныхъ въ концѣ Ноября съ собравшимися людьми вступилъ я въ назначенный мнѣ округъ, въ село Хутиль, и, принявъ деревни съ жителями отъ гренадерскаго короля прусскаго полка, приступилъ къ формированію поселенныхъ ротъ 1 сапернаго баталіона. Между тѣмъ, главный надъ военными поселеніями начальникъ, графъ Аракчеевъ, возложилъ на меня составленіе проэкта и смѣтъ для устройства штаба для 1 сапернаго баталіона и переправки господскаго дома въ сельцѣ Великополѣ для помѣщенія корпусной квартиры гренадерскаго корпуса, а 1824 года назначенъ я производителемъ работъ во всемъ томъ округѣ. Формированіе поселенныхъ ротъ, устройство корпусной квартиры, управленіе работами, для коихъ на лѣтнее время приходило ко мнѣ шесть баталіоновъ 9 пѣхотной дивизіи, одна артиллерійская рота и одна военно-рабочая, полицейскій порядокъ въ округѣ моемъ, а по зимамъ поѣздки въ Петербургъ для составленія проэктовъ и расчетовъ для работъ будущаго года лежали на моихъ плечахъ и я просилъ г. Аракчеева, чтобъ онъ меня избавилъ отъ фронтовой части и его сіятельство перевелъ меня въ инженерный корпусъ, съ оставленіемъ при военныхъ поселеніяхъ. Здавъ ввѣренныя мнѣ роты, я занялся однѣми работами и построилъ корпусную квартиру и одну поселенную роту. Въ 1825 году, 19 Марта произведенъ я въ подполковники. 1827 я былъ назначенъ

Digitized by Google

производителемъ работъ полковаго штаба гренадерскаго императора австрійскаго полка, гдѣ и докончилъ всѣ начатыя постройки, какъ то: экзерцицгаузъ, церковь, госпиталь, казарму баталіона кантонистовъ, ресторацію, домъ полковаго командира, четыре дома для офицеровъ, скотной дворъ, гаубвахту, мастерскую и къ онымъ прислуги и устроилъ шоссе на 6 верстъ.

Таковыя занятія мои разнообразными должностями дѣлали меня извѣстнымъ какъ между поселянами, такъ и между дѣйствующими солдатами и начальниками, не только въ своемъ округѣ, но и въ сосѣднихъ. Австрійские поселяне высылались ко мнѣ для подвозки разныхъ матеріаловъ на шоссе и при отдѣлкѣ плаца; саперными я прежде командовалъ самъ; прусскіе потому, что я получилъ для саперного поселенія отъ ихъ округа деревни съ поселянами, кои въ прусскомъ полку имѣли родственныя связи и натурально, что послѣ отдѣленія ихъ ко мнѣ въ команду, были между ими сужденія, гдѣ служить лучше. При работахъ принялъ я за непремѣнное правило—уроки возвеличить до возможности выдѣлывать всякому, но за тѣмъ наблюдать строжайше, что ежелибы рабочій, усиливъ трудъ, окончилъ урокъ свой ранѣе, то его отпускать въ тоже время домой и, по возвращеніи въ свой баталіонъ, чтобъ онъ въ этотъ день на другія работы или ученья или въ караулъ высылаемъ не былъ. Трудно было до этого достичь, но я упорно устоялъ въ этомъ, и однимъ этимъ простымъ средствомъ довелъ до того, что уроки возвеличенные до полутора раза, стали оканчиваться около 4 часовъ вечера, а иногда и ранѣе; тогда я началъ задавать уроки недѣльные съ тѣмъ, буде они окончены будутъ прежде, то остальные дни могутъ работать на себя и въ пятницу будутъ отпускаемы въ Новгородъ на рынокъ для продажи своихъ издѣлій; успѣхъ превзошелъ ожиданія. О величинѣ уроковъ уже и помину не было, всѣ они кончались въ четвергъ довольно рано и я заваленъ былъ выдачею позволеній идти на рынокъ въ городъ; довѣріе было общее. Обстоятельства эти много помогли мнѣ въ дни бунта въ военныхъ поселеніяхъ 1831 года.

По выступленіи дѣйствующихъ войскъ въ польскій походъ, въ поселеніяхъ остались только резервные баталіоны, составленные изъ кадръ старыхъ солдатъ и дополненныхъ кантонистами, дѣтьми военныхъ поселянъ. Поселенные начальники, какъ окружные, такъ и ротные, будучи въ зависимости отъ нижнихъ чиновъ и опасаясь жалобъ и доносовъ, вообще командовали слабо, поселяне не любили начальство и, ежели повиновались, то единственно изъ страха, ибо поселенія были наполнены войсками, ненавидящими поселенія и поселянъ, въ собственности потому, что нигдѣ не было хуже стоянки на квартирахъ, какъ у поселянъ.

Вотъ положеніе, въ которомъ находились Округа Военнаго Поселенія Новгородскаго отряда въ началѣ 1831 года, когда дѣйствующіе баталіоны гренадерскихъ полковъ вступили въ походъ при открытіи польской кампаніи, и резервные баталіоны пѣхотныхъ полковъ, бывшіе на работѣ, въ составъ резервной арміи. За тѣмъ остались въ округахъ одни лишь резервные баталіоны своихъ полковъ, состоящіе изъ малаго числа старыхъ солдатъ и дополненные до комплекта дѣтьми военныхъ поселянъ, да въ каждомъ полку по военно-рабочей ротѣ, неимѣвшей строевой аммуниціи и вооруженія.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ холера начала распространяться. Въ Петербургѣ учреждены были уже особыя больницы для холерныхъ, установлены карантины повсемѣстно, наконецъ и мы получили предписаніе учредить карантины; но не смотря на то болѣзнь начала распространяться и между нами, около 10 Іюля. Округомъ военнаго поселенія гренадерскаго императора австрійскаго полка, въ званіи начальника округа, командовалъ подполковникъ Бутовичъ, резервнымъ баталіономъ маіоръ Султановъ, младшій штабъ-офицеръ маіоръ Баллашъ. Ротные командиры поселенныхъ ротъ, капитаны: 1й—Саурскій, 2й—Занкинъ, 3й—Соколовъ; кто командовалъ 4й. не упомню, но кажется, штабсъ-капитанъ Пановъ. Я въ чинѣ инженеръ подполковника распоряжался въ округѣ работами и, хотя былъ старшимъ въ округѣ, но въ управленіе не входилъ; въ томъ же округѣ былъ дѣловой дворъ и штабъ 5 военно-рабочаго баталіона въ деревнѣ Пирожкахъ, гдѣ жилъ и командиръ сего баталіона маіоръ Москвинъ; а также и штабъ 6 военно-рабочаго баталіона съ одной ротой, бывшей у меня на работѣ. Шестымъ баталіономъ командовалъ маіоръ Галиковскій, а ротой штабсъ-капитанъ Бриммеръ. Черезъ Волховъ былъ въ округѣ короля прусскаго полка паровой лѣсопильный и мукомольный заводъ, начальникомъ коего былъ артиллеріи подполковникъ Шиповъ, съ командою на заводѣ отъ 6 военно-рабочаго баталіона. При 6 баталіонѣ находилась и часть конно рабочей команды съ 25 лошадьми, изъ коей мнѣ для разъѣздовъ по работамъ наряжалась пара лошадей. Всѣми войсками и округами командовалъ въ Новгородѣ генералъ-лейтенантъ Эйлеръ, а старшимъ по немъ былъ артиллеріи подполковникъ Боттомъ; былъ въ Новгородѣ гарнизонный баталіонъ, которымъ командовалъ маіоръ изъ Нѣмцевъ, эскадронъ сибирскаго уланскаго полка, которымъ командовалъ маіоръ Воробьевъ; и кажется 24 орудія артиллеріи, два парохода и ластовой экипажъ съ судами.

Въ воскресеніе 12 числа Іюля я, взявъ билетъ для пропуска черезъ карантинъ отъ Бутовича, ѣздилъ въ Сырковъ монастырь для поминовенія скончавшейся недавно моей тетки, а оттуда проѣхалъ въ Вяжецкій монастырь, гдѣ и обѣдалъ; тамъ были какіе то купцы и разсказывали, что будто-бы въ Петербургѣ отравляютъ людей, совѣтовали и мнѣ остаться на нѣсколько дней въ монастырѣ, но я, отобѣдавъ, возвратился домой. Вечеромъ пришелъ ко мнѣ Бутовичъ и сказалъ, что холера стала сильнѣе и что въ госпиталь поступило разомъ 13 человѣкъ, и онъ думаетъ для успокоенія людей приказать отслужить молебенъ и съ крестнымъ ходомъ обойти вокругъ штаба. При этомъ сказалъ мнѣ то же, что прибывшій къ нему офицеръ изъ Петербурга говорилъ ему, что тамъ разсыпаютъ ядъ по улицамъ, и онъ, сдѣлавъ пріемку, радъ былъ, что вырвался; въ послѣдніе же дни своего пребыванія въ Петербургѣ онъ самъ ночью ходилъ за водою боясь отравы и, купивъ припасовъ, сварилъ себѣ кушанье. Я совѣтывалъ Бутовичу запретить ему говорить вздоръ. На другой день 13 числа былъ церковный парадъ и крестный ходъ, для чего я прекратилъ на утро работы и всѣмъ рабочимъ приказалъ быть въ церкви. 14 числа приходилъ опять Бутовичъ ко мнѣ и принесъ бумагу имъ полученную, чтобы усилить карантины, прекратить всякое сообщеніе съ Новгородомъ и созвавъ комитетъ, посовѣтоваться, какія мѣры должно предпринять, и сказалъ мнѣ: какъ карантинъ можетъ продолжаться нѣсколько недѣль, то я полагаю, пока мы еще не заперты, послать завтра въ городъ лодку и сдѣлать за-

Digitized by Google

купки того, чего здѣсь достать нельзя; пошлю надежнаго унтеръ-офицера и ежели вамъ что нужно напишите записку и съ деньгами пришлите ко мнѣ; вечеромъ лодку отправлю чтобъ чуть свѣтъ успѣла вернуться и сдѣлать покупку. 15 числа Бутовичъ собралъ у себя на квартирѣ комитетъ, назначили гдѣ поставить карантинную линію; карантины, будучи расположены по берегу Волхова, по коему ходятъ безпрерывно барки и лодки, то Бутовичъ и пригласилъ меня, чтобы посовѣтоваться, не могу ли я остановить работы въ штабѣ, безъ чего карантинъ былъ бы не дѣйствителенъ. Я ему сказалъ, чтобъ онъ увѣдомилъ меня офиціяльно о таковомъ положеніи комитета, и тогда я остановлю и донесу начальству; но Бутовичъ мнѣ сказалъ, что онъ прямаго приказанія о прекращеніи работъ не получалъ, но чтобъ съ пользою выполнить предназначеніе начальства, у коего это обстоятельство укрылось изъ виду, то онъ проситъ: не могу ли я самъ этого разрѣшить, покуда онъ не донесетъ отъ себя и я не получу отъ генерала Эйлера наставленія на счетъ продолженія работъ. Пообдумавъ дѣло и, сообразя, что мнѣ будетъ можно дня на три занять людей на берегу Волхова работами, я согласился съ тѣмъ, чтобъ въ теченіи этого времени было ко мнѣ прислано рѣшительное постановленіе производить или остановить работы. Я хотѣлъ отправиться домой, но въ гостинной нашелъ собравшихся многихъ полковыхъ дамъ. Бутовичева просила меня выпить чаю, а между тѣмъ дамы окружили меня и стали распрашивать объ чемъ толковали въ комитетѣ. Пошутивъ на счетъ ихъ любопытства, я имъ сказалъ, что меня приглашали на счетъ приготовленія гробовъ, — что ежели которая изъ нихъ умретъ, то не было бы остановки. Комитеты всегда собирались въ особенномъ домѣ; не знаю по чему Бутовичу вздумалось на этотъ разъ открыть присутствіе на своей квартирѣ, а это въ послѣдствіи имѣло вліяніе на умы поселянъ.

Утромъ 16 рабочіе были выведены и работы назначены на берегу Волхова, внѣ карантинной линіи. Осмотрѣвъ оныя, я хотѣлъ было пройти въ штабъ, но на карантинной линіи былъ остановленъ, а потому и пошелъ домой. Въ этотъ день жена моя послѣ родовъ дочери Екатерины въ первый разъ вышла къ столу. Пообѣдавъ въ 1 часу, я пошелъ въ кабинетъ и уснулъ по обычаю. Проснувшись въ 3 часа, я засталъ жену сидящую подъ окномъ и занятой какой-то работой; она мнѣ очень хладнокровно сказала:— "Знаешь-ли, говорятъ во 2 ротѣ бунтъ и Бутовичъ туда поѣхалъ."—"Какой бунтъ? возразилъ я, откуда ты это знаешь?" — "Солдатъ, что при цейхаузѣ, мнѣ сказалъ", отвѣчала она. Я сей-часъ вышелъ и отыскавъ на огородѣ означеннаго солдата, спросилъ его: "Что такое дѣлается во 2 ротѣ?" и онъ мнѣ отвѣтилъ: что во 2ой ротѣ поймана женщина съ ядомъ, и что Бутовичъ поѣхалъ въ кабріолетѣ съ лѣкаремъ, и онъ слышалъ, будто бы тамъ лѣкаря убили, а Бутовича сѣкутъ въ два кнута. Узнавъ это и, будучи старшимъ въ округѣ, я приказалъ сей-часъ подать дрожки, пошелъ въ комнаты взять шпагу и фуражку. Не зная что происходило въ 2 ротѣ, я поѣхалъ туда. 2 рота находилась на Московскомъ шоссе въ двухъ верстахъ отъ полковаго штаба. Проѣхавъ штабъ, я остановился подлѣ службъ госпитальныхъ и, увидѣвъ солдата, который при этомъ строеніи былъ сторожемъ, спросилъ его: "что дѣлается въ 2 ротѣ?" Онъ отвѣтилъ мнѣ, что сей-часъ проскакало нѣсколько поселянъ 4 роты туда и кричали, что бы всѣ скакали во 2 роту, потому, что тамъ отравляютъ. Я поѣхалъ далѣе и на дорогѣ еще меня обогнали человѣкъ 8 верхами и когда я спросилъ ихъ, куда они такъ поспѣшно скачутъ, закричали "выгонять холеру". Пріѣхавъ на площадь 2 роты, я увидѣлъ человѣкъ до 300 стоящихъ въ разныхъ кучкахъ; сойдя съ дрожекъ я подошелъ къ первой попавшейся кучкѣ и спросилъ ихъ, "что они тутъ дѣлаютъ?" Они отвѣчали, что "выгоняютъ холеру", не снимая шапокъ. — "Гдѣ ваши начальники?" Они отвѣчали, указывая на ригу: "вонъ тамъ лежатъ."—Какъ лежатъ?—"Да такъ; положили, такъ и лежатъ; да что долго говорить, все одно племя, кладите и его: государь приказалъ всѣхъ бить, ибо какіе-то два генерала выстрѣлили по немъ на Исакіевскомъ мосту въ Петербургѣ." Видя, что дѣйствія свои они основываютъ на мнимой волѣ государя императора, я употребилъ тоже средство противу нихъ. Обращаясь къ тому, который объяснилъ мнѣ это, я сказалъ: ежели это воля государя, то конечно исполнить ее должно, но развѣ ты былъ въ Петербургѣ и самъ слышалъ какъ государь приказалъ?— на что онъ мнѣ отвѣчалъ, показывая на другаго: "вотъ онъ такъ говоритъ." Обратясь къ вновь показанному, я повторилъ тотъ же вопросъ; на что тотъ отвѣчалъ, что онъ самъ въ Петербургѣ не былъ, но слышалъ отъ проходящихъ мужиковъ на большой дорогѣ. Тогда я началъ имъ говорить, что этого еще недостаточно, и что слухъ этотъ можетъ быть ложный, что гораздо лучше было бы, когда бы они, вмѣсто того, чтобы повѣрить проходящимъ, зная меня и мое управленіе, подозрѣвая своихъ начальниковъ въ отравленіи, обратились бы ко мнѣ какъ къ старшему въ округѣ. Не будучи прямымъ начальникомъ ихъ, я это дѣло разсудилъ бы безпристрастно, что для меня всѣ равны и я бы ихъ взялъ и посадилъ подъ арестъ, а между тѣмъ послали бы мы изъ нихъ поселянъ выбранныхъ для донесенія государю императору и, ежели начальники ихъ такіе изверги, что имѣли дерзновеніе идти противу государя и отравлять подчиненныхъ, то намъ самимъ не слѣдуетъ даже и марать рукъ своихъ въ ихъ крови,— на то есть палачъ, коего государь пришлетъ казнить по дѣламъ ихъ,—просилъ, чтобъ они выдали мнѣ всѣхъ, коихъ подозрѣваютъ, только не налагая на нихъ рукъ своихъ, ибо какая польза бы была, ежели бы они убили виновнаго? Со смертію его потеряли бы мы средство открыть сообщниковъ, по что ихъ надо сохранить для допроса. Рѣчь эта успокоила поселянъ, нѣкоторые изъ нихъ начали говорить: "А что ребята, вить онъ говоритъ дѣльно," другіе начали возражать и кричать чтобъ невѣрили. Толпа увеличилась человѣкъ до 1000 и поднялся шумъ; въ это время нѣсколько негодяевъ закричали:—"Не слушайте, кладите всѣхъ на поваль, непадо намъ и государя!" Тогда настала рѣшительная минута. "Какъ разбойники! Кто осмѣлился возстать на государя? Ребята, кто вѣренъ государю, кричите ура!"— и въ толпѣ закричали ура. Я приказалъ кричавшимъ ура становится ближе ко мнѣ и, вынувъ записную книжку, началъ спрашивать имена тѣхъ, кои объявили себя вѣрными государю; и ко мнѣ начали толпиться, прося чтобъ ихъ записать. Такимъ образомъ удалось мнѣ наконецъ раздѣлить бунтующуюся толпу на два раздѣла: однихъ, объявившихъ себя вѣрными; другихъ,

Digitized by Google

желавшихъ убійствъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, я могъ дѣйствовать рѣшительнѣе въ кругу первыхъ, и началъ имъ говорить, что я такъ и донесу государю, что они вѣрны ему, и что всякое буйство падетъ на непослушныхъ. Къ толпѣ моей ежеминутно прибывали, другіе поскакали назадъ въ свои деревни, непослушныхъ осталось не много, да и тѣ кричать противу государя не посмѣли. Тогда я началъ предлагать имъ, чтобы мнѣ выдали тѣхъ начальниковъ, кои лежали въ ригѣ, полагая, что они еще живы и имъ нужна помощь; но они долго не соглашались, увѣряя меня, что у нихъ положено изъ риги никого не выпускать живаго, но я, соединяя себя съ ними, сказалъ имъ: "Что за вздоръ, да чтобы вы меня вздумали убить! Вѣдь вамъ надобно же оставить человѣка, который донесъ бы государю о всѣхъ происшествіяхъ; я будучи посторонній человѣкъ, одинъ могу написать ему правду и все, что видѣлъ и слышалъ; пойдемте въ ригу." Въ сопровожденіи толпы перешелъ я Московское шоссе къ ригамъ и тамъ увидѣлъ лежащими: полковника Бутовича въ сюртукѣ и бѣлой жилеткѣ: два ребра были выворочены, кантонистъ кидалъ ногою его эполетъ. Прикрикнувъ на кантониста, какъ онъ смѣлъ жалованные государемъ эполеты бросать съ такимъ презрѣніемъ, я приказалъ сей-часъ же пристегнуть оные къ умирающему Бутовичу и подошелъ къ нему. Бутовичъ открылъ глаза и узнавъ меня, сказалъ:—"Ахъ, Николай Ивановичъ, что будетъ, когда начальство узнаетъ о всѣхъ этихъ безпорядкахъ;" тутъ онъ попросилъ пить и я приказалъ принести ему воды, онъ напился и сказалъ мнѣ:—"Передайте мое благословеніе женѣ и дѣтямъ." У ногъ его лежалъ убитый штабъ лѣкарь, подлѣ него ротный командиръ Забѣлинъ; онъ былъ еще живъ и судорожно обращалъ глазами, но былъ безъ всякаго сознанія и не говорилъ; по другую сторону лежалъ Паповъ, ничкомъ, и оказывалъ жизнь хрипѣніемъ. Видя, что ни какой помощи оказать имъ уже нельзя и къ тому же раздался крикъ, что привезли Саурскаго и везутъ Султанова, я вышелъ изъ риги, чтобъ спасать ихъ и обратился къ ближайшему Саурскому; но въ разстояніи шаговъ 20 подскакалъ ко мнѣ поселянинъ со шкворнемъ отъ телѣги въ рукахъ, похваляясь, что съ разу выпустилъ духъ Саурскаго, котораго выкинули изъ телѣги и за ноги потащили въ ригу съ неистовыми воплями. Видя, что тутъ уже мнѣ нечего дѣлать, обратился я къ той толпѣ, которая кинулась на встрѣчу маіору Султанову, но его уже убили кольями и жердями отъ забора и тащили по землѣ въ ригу. Въ сихъ обстоятельствахъ, оставшись съ тѣми изъ поселянъ, кои не поспѣли или не хотѣли участвовать въ сихъ двухъ убійствахъ, я не пошелъ уже въ ригу, но, перейдя шоссе, началъ вновь уговаривать о прекращеніи убійствъ. Извощики шедшаго въ то время обоза, бросивъ лошадей, прибѣжали и то же нѣкоторые изъ нихъ кричали:—"Не слушайте, бейте всѣхъ на повалъ; въ Петербургѣ умѣли съ ними управиться православные." Замѣчательно, что сообщеніе по московской дорогѣ не прерывалось и что пьяныхъ ни поселянъ, ни извощиковъ не было. Уговаривая поселянъ, я обѣщалъ имъ, что ежели они выберутъ отъ себя хожалыхъ, то я имъ дамъ билетъ къ самому государю императору и тогда они могутъ расказать лично его величеству всѣ обстоятельства и принести свои жалобы; они сомнѣвались будутъ ли допущены и нѣкоторые просили меня ѣхать съ ними въ Петербургъ, чего мнѣ сдѣлать было не возможно; не на кого было оставить какъ свое семейство, такъ и другихъ во время сихъ безпокойствъ. Между тѣмъ привели еще двухъ офицеровъ, одного завѣдывавшаго полковыми мастерскими, другаго изъ нѣмцовъ, но ихъ уже не убили, а отдали ко мнѣ подъ арестъ и объявили, что теперь остается взять командира 3 роты, капитана Соколова, который въ ротѣ своей укрѣпился. Услышавъ, что г. Соколовъ укрѣпился въ ротѣ, я полагалъ найти тутъ точку опоры, и соединившись съ нимъ, начать усмирять бунтъ. Я для того сталъ имъ говорить, что такъ какъ мы слушаемся государя, то конечно Соколовъ насъ не тронетъ и что я бы поѣхалъ къ нему и объяснилъ подробно все и съ нимъ бы пріѣхалъ къ вамъ. Многіе на сіе согласились и я приказавъ подать дрожки мои поѣхалъ въ 3 роту, радуясь что нашелся человѣкъ, который умѣлъ сохранить команду. По шоссе были разсыпаны щебенки, а потому я поѣхалъ мимо связей, но поселяне отпустя меня чрезъ минуту погнались; я скакалъ во весь духъ и выѣхалъ къ мосту на шоссе, опередивъ на версту поселянъ, коимъ мѣшала разсыпанная на дорогѣ щебенка, а по обочинамъ прорытые водостоки. Уже 3 рота была въ виду, какъ я усмотрѣлъ толпу въ ротныхъ воротахъ. Полагая, что это Соколовъ идетъ на усмиреніе, я приказалъ пустить лошадей, но подскакавъ ближе, замѣтилъ, что человѣкъ 20 верхами ведутъ, или лучше сказать, тащатъ Соколова за веревку, привязанную за шею, а сзади и вся рота толпою. Я остановился и объявилъ имъ, что товарищи ихъ во 2 ротѣ избрали меня своимъ начальникомъ и что они слушаются государя императора и хотятъ послать къ государю съ донесеніемъ и положили: до тѣхъ поръ, покуда возвратятся посланные изъ Петербурга не буйствовать, не убивать, а отдавать ко мнѣ подозрѣваемыхъ людей для содержанія подъ арестомъ. Времени для разговоровъ много не было; будучи стѣсняемъ спереди 3 ротой, а сзади посланными въ догонку за мною изъ 2 роты, я только успѣлъ приказать снять веревку съ шеи Соколова, на коей онъ задыхался.

(Продолженіе въ слѣдующемъ Листѣ).

САМОУБІЙСТВО КАПИТАНА СЛАВЧИНСКАГО.

Въ двухъ верстахъ отъ Митавы найденъ былъ 17 Сентября 1857 трупъ капитана гарнизоннаго батальона, Славчинскаго. Офицеръ этотъ, пользовавшійся прекрасною репутаціею, какъ оказалось по слѣдствію, лишилъ себя жизни наканунѣ того дня двумя пистолетными выстрѣлами и умеръ, по мнѣнію докторовъ, въ страшныхъ мученіяхъ, около 10 часовъ спустя.

Самоубійство это надѣлало много шуму и произвело много толковъ, потому что обстоятельства, которыя довели Славчинскаго до отчаянія вовсе не исключительныя, напротивъ, гнетутъ большую часть офицеровъ.

Обстоятельства эти сколько можно заключить изъ найденнаго въ бумагахъ его дневника (находящагося при слѣдственномъ дѣлѣ) и изъ разсказовъ молодой жены его, слѣдующія:

1. Невозможность, въ которую поставленъ молодой офицеръ командующій ротой, служить вполнѣ честно,

2. Грубое и дерзкое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, и наконецъ

Digitized by Google

3. Право предоставленное начальникамъ увольнять отъ службы офицеровъ безъ суда и слѣдствія.

Вотъ дневникъ этаго несчастнаго:

"13 Декабря 1856.—Много будетъ толковъ и суждевій о моей смерти, но еслибы спросили меня самого, я отвѣчалъ бы прямо: это предопредѣленіе. Съ давнихъ поръ гнететъ меня какая то мысль, что я между людьми, отъ которыхъ нахожусь въ зависимости (при сихъ злыхъ условіяхъ) не могу существовать. Мнѣ казалось всегда, что я не такъ созданъ какъ они; я перебралъ всѣ средства къ отогнанію тяжкаго недуга, плакалъ какъ ребенокъ, молился какъ отчаянный грѣшникъ, но то и другое у меня изсякли; пріобрѣлъ дружбу, любовь, но при этихъ священныхъ чувствахъ зависимость стала еще тяжелѣе. Марія! не кляни меня, прости, молись за меня, жить не въ моей волѣ; для тебя же лучше, что это случилось теперь, а не послѣ.

"17 Декабря 1856.* Сегодня былъ брошенъ жребій — жизнь или смерть! вышло жизнь, — посмотримъ что будетъ дальше.

"15 Іюня 1857. Такая обида, какую нанесъ мнѣ генералъ Падѣйскій не излѣчивается ни временемъ, ни лестію, ни правосудіемъ. — Месть! — но у него много дѣтей. — Правосудіе — но кто мнѣ поручится, что онъ будетъ наказанъ, а я оправданъ. Да еслибъ и было такъ, то развѣ онъ не будетъ въ состояніи мстить мнѣ цѣлую жизнь. Плохо мнѣ на этомъ свѣтѣ, тяжкая зависимость. Судьба моя пусть ему будетъ упрекомъ и наказаніемъ. Душа моя возмущается при управленіи такими людьми, какіе у меня въ ротѣ; три части изъ нихъ, въ то ъ числѣ и унтеръ-офицеры, кромѣ двухъ человѣкъ, до того испорченной нравственности, что ни ласки и никакія строгія мѣры, ни моральныя, ни физическія, предпринимаемыя къ ихъ исправленію, не дѣйствуютъ, одного наказываешъ, а другой дѣлаетъ зло, не проходитъ и дня чтобы не было преступленій сопряженныхъ съ наказаніями, а когда начнешъ разбирать виновнаго, то въ его преступленіе входитъ нѣсколько человѣкъ, запутанныхъ такъ, что при ихъ безнравственности остаются не наказанными, а зло возвращается больше и больше и влечетъ меня къ погибели.

"Въ жизни бездна страданій, а нѣсколько капель отрады; пропорція слишкомъ несоразмѣрна, а слѣдовательно не стоятъ пріобрѣтенія. Я не на такую дорогу поставленъ, чтобы мнѣ можно было существовать при требованіяхъ нашихъ мудрѣйшихъ начальниковъ, при ихъ политической экономіи и при нѣкоторыхъ тупыхъ условіяхъ въ жизни; при всемъ моемъ стремленіи къ добру, я долженъ дѣлать зло, я долженъ быть палачемъ, воромъ, мошенникомъ, хитрецомъ, но душа моя, стремящаяся къ добру, противится такой программѣ, а потому я дурной офицеръ, не стоющій службы и существованія.

"Если я сдѣлалъ въ жизни зло, такъ это то, что я связалъ съ собою существо достойное лучшей участи, но это не было въ моей волѣ. Были минуты увлеченія въ жизни, любви, — убѣждавшія меня и казавшіяся годными отвратить тягостныя страданія; но тяжкая зависимость постоянно вливаетъ въ мою жизнь отраву: я долженъ страдать, и смотря на меня страдаетъ и она, а это больше меня мучитъ и приводитъ въ отчаяніе. Но какъ бы тамъ ни было, я вѣрю, что ни единый волосъ не спадетъ съ головы безъ Его воли: въ руци Твои предаю духъ мой и ее, за мои страданія можетъ быть помилуешъ ее.

"Скоро пріѣзжаетъ корпусный командиръ, генералъ фонъ деръ Лауницъ, правосуднѣйшій начальникъ; говорятъ, что за мозоли найденныя на ногахъ у солдатъ, грозитъ нашему брату выгнать изъ службы, а подобныхъ тяжкихъ преступленій у насъ много, и хотя я въ исповѣди предъ Богомъ правъ, но предъ правосуднѣйшимъ начальникомъ останусь, можетъ быть, виновнымъ, а не справедливые упреки для меня хуже смерти: по этому я увольняю себя отъ отвѣтственности и отъ ихъ справедливаго суда.

"Смерть моя принесетъ многимъ скорбь и несчастіе, а правительство порадуется, его умъ напряженъ къ тому, чтобы уменьшать прошлогоднихъ сыновей отечества.

"Мой другъ Машенька! По моей любви къ тебѣ можно заключить какъ тяжка была для меня смерть, по смерти можно заключить какъ тяжка была для меня жизнь, поэтому еслибы это было возможно, ты не должна предаться страданіямъ, а должна радоваться, что твой другъ окончилъ злополучную жизнь.

"10 Іюля 1857. Вѣра и надежда вырываютъ у меня пагубное оружіе.

"13 Сентября 1857. Вѣра и надежда, не улучшая,— увлекаютъ только къ жизни страдальческой, которой я не въ состояніи перенести, не смотря на присутствіе моего Ангела. Зная, что своею смертію моимъ близкимъ наношу ударъ, котораго ничто не въ состояніи вылечить, я на колѣнахъ у ногъ ихъ испрашиваю прощенія.

"Вы будете милосерднѣе судьбы, у которой въ теченіи моей жизни я не могъ допроситься спокойствія.

"Кондукторъ не можетъ управлять машиною испорченною, перепутанною во всѣхъ ея составахъ; трудись онъ день и ночь, она не будетъ достигать извѣстной цѣли, составъ и устройство ея не отъ него зависятъ.

"16 Сентября 1857. (день смерти). Нерѣшительность хуже всего въ этомъ свѣтѣ, рѣшись я умереть прежде, сдѣлалъ бы зло въ половину, а теперь, о Боже, я не могу понять за что Ты ее наказываешъ (жена была беременна). Приписка карандашемъ:—"счетъ въ зеленомъ бархатномъ бумажникѣ; не беспокойтесь: я ничего не промоталъ, ни казеннаго, ни солдатскаго."

"Степанъ Славчинскій."

СМѢСЬ.

ДВОРЯНСТВО СУМСКАГО УѢЗДА.

Намъ пишутъ:

"Помѣщики харьковской губерніи, сумскаго уѣзда собрались къ своему предводителю дворянства, г. Савичу, и единодушно изъявили желаніе: немедленно освободить крестьянъ, надѣливъ ихъ не только землею усадебною, но и пахотною, въ личное, вѣчное и потомственное владѣніе, за которую землю они должны уплатить помѣщику деньги (отъ 45—50 за десятину) въ продолженіи 12 лѣтъ. Ежели-же кто въ продолженіи этого срока, по разнымъ несчастнымъ причинамъ, какъ то: голода, падежа скота, пожара и т. п., не будетъ въ состояніи выплатить, то таковымъ разсрочить платежъ на дольшее время, только положить 5% на остающую неуплаченную сумму, до окончательной уплаты.

* День помолвки Славчинскаго: онъ женился въ слѣдующемъ мѣсяцѣ и какъ кажется примирился тогда съ жизнію.

Digitized by Google

"Такъ какъ мы ничего не можемъ сдѣлать безъ соглашенія, позволенія, разрѣшенія высшаго начальства, то предводитель дворянства и депутатъ отправились къ 15/27 Марту въ Харьковъ бить челомъ. Къ тому-же времени должны были съѣхаться предводители и депутаты другихъ уѣздовъ, для обсужденія въ депутатскомъ собраніи подобнаго вопроса. Когда въ этомъ собраніи дошла очередь до сумскаго уѣзда, предводитель представилъ желаніе дворянъ своего уѣзда. Всѣ востали противъ предложенія, сдѣланнаго Савичемъ.

"Какъ ни было ему трудно, однако онъ не согласился съ мнѣніями другихъ предводителей, и потому послѣ долгихъ толковъ и пересудовъ составили протоколъ, въ которомъ губернія проситъ разрѣшеніе составить въ каждомъ уѣздѣ комитеты для обсужденія главныхъ потребностей согласно мѣстности и характеру народной промышленности, и дозволить поставить правила для освобожденія крестьянъ въ каждомъ уѣздѣ особо".

Нельзя не поблагодарить помѣщиковъ сумскаго уѣзда и ихъ предводителя за благородный вызовъ и не пожелать имъ успѣха въ добромъ намѣреніи ихъ освободить въ наискорѣйшее время крестьянъ съ землею.

ТАМВОВСКОЕ ДВОРЯНСТВО.

Мы получили на дняхъ письмо, въ которомъ какой-то другъ тамбовскаго дворянства, упрекаетъ насъ въ поспѣшности, съ которой мы "предали это дворянство анаѳемѣ", повѣривъ статьѣ Норда. Хотя авторъ письма и сознается, что онъ "мало знаетъ расположеніе тамбовскаго дворянства относительно освобожденія крестьянъ", тѣмъ не менѣе желаетъ защитить его. И мы ничего лучше не просимъ, какъ исполнить его доброе желаніе и "снять анаѳему"; мы сдѣлаемъ это тотчасъ какъ только почтенный кореспондентъ нашъ — много узнаетъ о хорошемъ расположеніи тамбовскаго дворянства относительно освобожденія крестьянъ. Мы до сихъ поръ сверхъ статьи Норда, читали рѣчь какого-то Бланка, передъ которой іезуитское сочиненіе Безобразова, зажигательная статья и циркуляръ министра Ланскаго, такое-же якобинское произведеніе, какъ бюльтенъ Ледрю-Роллена. Въ концѣ этого отвратительнаго диѳирамба въ пользу крѣпостнаго состоянія и рабства, сказано въ скобкахъ: "Рѣчь сія была принята собравшимся дворянствомъ съ восторгомъ и рукоплесканіемъ."

Что касается до князя Голицына и до г. Ліона, намъ до нихъ нѣтъ дѣла; мы охотно вѣримъ корреспонденту, что князь Голицынъ виноватъ, и безъ малѣйшаго труда примемъ, что г. Ліонъ не правъ. Мы знаемъ, что такое россійское благородное дворянство, мы знаемъ, какъ Орловы и Панины бросились стремглавъ со ступеней трона, на которыхъ они стоятъ, закладывать имѣнья, боясь освобожденія крестьянъ.

Мы искренно будемъ ради, если тамбовское дворянство, да и всѣ прочія поймутъ, что оппозиція правительству и народу въ дѣлѣ освобожденія не только безнравственна и гнусна, но чрезвычайно опасна и можетъ навлечь на нихъ вещи несравненно болѣе чувствительныя, чѣмъ нѣсколько строкъ Колокола.

II—ръ.

Колоколъ проситъ московскихъ студентовъ сообщить ему, —что за исторія такая была съ профессоромъ Майковымъ, и какъ ихъ заставляли извиняться?—Намъ это очень нужно для опредѣленія характера новаго университетскаго управленія.

PAS DE REVERIES! PAS DE REVERIES!

Изъ Украйны пишутъ, что польскимъ журналамъ не только не дозволено печатать статей объ освобожденіи крестьянъ, но не позволяютъ перепечатывать статей изъ петербургскихъ и московскихъ журналовъ. Что это за безобразіе, что это за тупоуміе! Своимъ глазамъ не вѣришь..... Александръ II похожъ на тѣхъ средневѣковыхъ паломниковъ, которые ходили въ Іерусалимъ, два шага впередъ, да одинъ назадъ, это лучшая метода, чтобъ никуда не дойти и оттоптать себѣ ноги до страшныхъ мозолей ... По крайней мѣрѣ тѣ шагали изъ любви къ Богу. А тутъ что за цѣль???

Киргизъ-кайсацкое мѣстничество въ наукѣ и въ Оренбургѣ. — Изъ военной разсадницы, — взлелеянной императоромъ Николаемъ, вышла цѣлая лейбъ-шаринга молодыхъ генераловъ, играющихъ важныя роли, назначенныхъ къ еще большимъ, и потому имѣющихъ полное право на перекличку въ Колоколѣ.

Главная отличительная черта ихъ состоитъ въ томъ, что они не участвовали въ крымской войнѣ, или участвовали въ ней по мирной части.

Выращенные, выпрямленные, застегнутые и пущенные на свѣтъ Николаемъ, эти Нео-Гатчинскіе воины мира, эти якобинцы шагистики, эти Клейнмихеля подъ разными названіями: Катениныхъ, Герстенцвейговъ, Тимашевыхъ, эти люди консерватизма, строя, погончиковъ и петличекъ, прикинулись реформаторами, Катенинъ-Лютеръ! Тимашевъ-Гуссъ! Кто во что гораздъ, тотъ-то и улучшаетъ... пекутся о цивилизаціи, объ эманципаціи, распространяютъ свѣтъ, строются въ уровень вѣка, чувствуютъ силу новыхъ идей. Эпоха возрожденія да и только! Вотъ вамъ образчикъ.

Аугсбургская газета отъ 2 Мая разсказываетъ о радикальномъ улучшеніи кадетскаго корпуса въ Оренбургѣ. Прежде кадетскій корпусъ состоялъ изъ двухъ классовъ (schwadronen?) въ которыхъ ученіе было почти одинакое, и ученикъ въ тотъ или другой вступалъ по желанію. Но генералъ-губернаторъ Катенинъ иначе разсудилъ дѣло и для того, чтобъ поставить на современную точку образованія Оренбугскій кадетскій корпусъ, велѣлъ въ одномъ батальонѣ принимать только изъ родовыхъ дворянъ и учить ихъ больше, а въ другой принимать всякую всячину и учить меньше!!! А сколько классовъ въ сумашедшемъ домѣ?

¿Правда ли, — что полицмейстеръ Эртель еще при "незабвенномъ" усовершилъ мучительныя наказанія солдатъ и ввелъ въ пожарномъ депо, какой-то особо выдолбленный станокъ, куда ставятъ истязаемаго и сѣкутъ съ прискокомъ, т. е. съ разбѣгу. И правда ли, что при нынѣшнемъ оберъ-полицмейстерѣ, эти геніальныя усовершенствованія отброшены? Не мѣшало бы приложить картинку станка, мы ее пошлемъ въ Южные Штаты, чтобъ Негры утѣшались, видя, что есть страны, въ которыхъ бѣлыхъ еще хуже наказываютъ нежели ихъ.

¿Правда ли,—что нижегородскій литераторъ, переведенный въ Петербургъ за изящный стиль, — г. Мельниковъ, готовитъ къ печати разсказъ апостольскихъ подвиговъ своихъ, иже на обращеніе заблудшихъ братій раскольниковъ направленныхъ? Если же неправда, мы ихъ разскажемъ пожалуй.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

Digitized by Google

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, *W. C.*

ЛИСТЪ 17.

15 Іюня 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 39, Rupert Street, Haymarket, London. Price six-pence.

НОВГОРОДСКОЕ ВОЗМУЩЕНІЕ ВЪ 1831.

(продолженіе)

Соединившись въ общую толпу, поселяне нѣкоторые кричали: ведите его разбойника на судбище во 2 роту, тамъ мы съ нимъ расправимся, и толпа пошла во 2 роту. Я ѣхалъ съ ними, но предъ концомъ дороги нѣсколько обогналъ и подъѣхалъ къ оставшимся въ ротѣ менѣе буйнымъ, разсказалъ имъ, что Соколовъ идетъ къ нимъ и уговаривалъ, чтобы его не трогали, а отдали бы мнѣ подъ арестъ, или отправили бы съ тѣми, кои пойдутъ съ жалобами въ Петербургъ. Мнѣнія были разныя, кто кричалъ посадить его за желѣзную решетку, кто предлагалъ тащить въ ригу и тамъ покончить, т. е. убить. Въ это время привели Соколова, шумъ умножился, партія неистовыхъ потащила его въ ригу на убійство, моя бросилась отнимать и рвала его на гауптвахту, осыпая побоями какъ та, такъ и другая. Разъ 12 несчастный Соколовъ былъ перетаскиваемъ поперегъ шоссе, смотря которая партія одерживала верхъ, наконецъ моя партія одолѣла и безчувственнаго Соколова утащили на гауптвахту. Въ то время, когда была борьба за Соколова, я увидѣлъ унтеръ-офицера съ нѣсколькими нашивками на рукавѣ, лежавшаго ничкомъ на крыльцѣ и горько плачущаго, на вопросъ мой, о чемъ онъ плачетъ, онъ показывая на Соколова сказалъ: Что дѣлается! Убиваютъ не командира, а отца! Я началъ ему говорить, что вмѣсто того, чтобы плакать въ сторонѣ, онъ пошелъ бы лучше туда и старался уговаривать поселянъ, чтобъ его оставили и отдали мнѣ. Онъ побѣжалъ туда, но не прошло двухъ минутъ, какъ пробившись съ нѣкоторыми поселянами на помощь Соколову, я увидѣлъ того же унтеръ-офицера съ коломъ въ рукѣ бьющаго его.—Что ты дѣлаешь, не самъ ли ты мнѣ говорилъ, что онъ былъ вамъ отецъ, а не командиръ? На это онъ мнѣ отвѣчалъ: уже видно что теперь пора такая, ваше высокоблагородіе, видите что весь міръ бьетъ, чтожъ я буду стоять такъ. Вотъ образецъ сужденій большей части людей въ такихъ случаяхъ; уговаривать ихъ можно штыкомъ или пушкою. Едва я успѣлъ управиться съ Соколовымъ, какъ ко мнѣ прибѣжали нѣсколько поселянъ и со страхомъ кричали, что идетъ баталіонъ и всѣхъ перестрѣляетъ. Я обратился въ ту сторону куда показывали, и увидѣлъ, что резервный баталіонъ приближается въ колоннѣ сомкнутой и строится около гауптвахты, впереди же маіоръ Баллашъ съ нѣсколькими человѣками — имѣющими ружья на перевѣсъ шагахъ въ 30 отъ колонны идетъ къ намъ. Полагая что маіоръ осматриваетъ позицію, я сказалъ поселянамъ, что пойду переговорить съ маіоромъ, чтобъ не стрѣлялъ; пошелъ къ нему на встрѣчу, и подходя сказалъ: ну слава Богу что вы пришли. Но маіоръ Баллашъ мнѣ отвѣтилъ: что дѣлать, я не виноватъ ни въ чемъ, ведутъ меня убивать. Видя, что и тутъ нѣтъ спасенія, я отправился къ баталіону и оный остановилъ, скомандовалъ издали: баталіонъ стой. Подошедши ближе я началъ говорить солдатамъ что поселяне выбрали меня надъ собою начальникомъ, что мы вѣрны государю императору, что Бутовичь убитъ и потому я, какъ старшій въ округѣ, принялъ на себя командованіе; повторилъ все то, что говорилъ и поселянамъ на счетъ офицеровъ посаженныхъ на гауптвахту, приказалъ кричать государю ура. Баталіонъ закричалъ ура; человѣкъ 6 офицеровъ были по флангамъ взводовъ по уставу.

Маіора Баллаша привели ко мнѣ обратно, но покуда я распоряжался около баталіона, поселяне побѣдивъ страхъ, начали подходить и разговаривать и одинъ схватилъ за воротъ офицера Гажмана. Баталіонъ, состоя изъ кантонистовъ и старыхъ солдатъ, выдалъ имъ своего офицера, котораго я однако успѣлъ отнять, и чтобъ утишить волненіе, приказалъ ему идти на гауптвахту. Между тѣмъ началъ я распрашивать офицеровъ въ какомъ духѣ люди, они мнѣ сказали, что старые солдаты имъ объявили, что они ихъ не тронутъ, но и защищать не будутъ; кантонисты же положили отдать ихъ своимъ отцамъ, военнымъ поселянамъ, чтобъ дѣлали съ ними что хотятъ. Разсмотрѣвъ пристальнѣе баталіонъ, я увидѣлъ, что одной роты не достаетъ и на вопросъ гдѣ одна рота? Баллашъ мнѣ сказалъ, что была взята Бутовичемъ и гдѣ теперь, не извѣстно. Баталіонъ этотъ пришелъ дня за два изъ лагеря и былъ поставленъ за карантинною линіею въ ригахъ, и всякое сообщеніе съ семействами было прервано, это поселяло большой ропотъ. По собраннымъ справкамъ и по всему что я видѣлъ и слышалъ, я вздумалъ обезоружить кантонистовъ, и для того приказалъ старымъ солдатамъ выйти на флангъ своихъ ротъ, а кантонистамъ, поставивъ ружья въ козлы, снять аммуницію и повѣсить на штыки, самимъ же имъ идти къ отцамъ на квартиры; а старыхъ солдатъ распредѣлить

Digitized by Google

слѣдующимъ образомъ: одной ротѣ приказалъ занять гауптвахту, другой отправиться въ штабъ, отнести съ церемоніей знамя и поставивъ на квартирѣ моей, оставить караулъ въ 30 человѣкъ, а остальнымъ людямъ 2 роты вмѣстѣ съ таковыми 3 роты занять главную гауптвахту въ полковомъ штабѣ, гдѣ находиться и маіору Баллашу со всѣми офицерами, и занявъ всѣ посты въ штабѣ сохранять полковой ящикъ. Отдавъ такое приказаніе, ружья съ аммуниціей кантонистовъ велѣлъ я перенести въ находящуюся подлѣ гауптвахты ротную школу, а поселянамъ приказалъ выбрать по три человѣка изъ роты для отправленія въ Петербургъ съ донесеніемъ къ государю императору обо всемъ, что случилось. По отбытіи моемъ отъ баталіона, поручикъ Черницевъ хотѣлъ было нести знамя и приказалъ становиться людямъ во фронтъ, но никто не хотѣлъ слушать, знамя нести не соглашались, говоря, что оное лучше бы оставить не у меня на квартирѣ, а на гауптвахтѣ въ ротѣ; но Черницовъ не соглашался нарушить приказаніе, и какъ люди разбрелись, то онъ взявъ барабанщика и поднявъ въ одну руку знамя, а въ другую полусаблю, приказалъ ударить подъ знамена и пошелъ одинъ съ барабанщикомъ. Солдаты увидя, что знамя уносится и взвода нѣтъ, начали къ нему пристроиваться, такъ что наконецъ набралось человѣкъ 20. Тогда Черницовъ отдалъ знамя унтеръ-офицеру, въ порядкѣ пришелъ въ штабъ, и остановившись у моей квартиры, отдалъ честь знамени, и внеся въ комнаты поставилъ часоваго, а съ остальными людьми остался въ караулѣ у квартиры моей. Покончивъ съ поселянами выборъ людей, посылаемыхъ къ государю, я назначилъ имъ ротныхъ командировъ изъ числа оставшихся офицеровъ; три роты ихъ приняли, одна не хотѣла, и сказала: что найметъ себѣ начальника, выбравъ къ тому одного унтеръ-офицера, съ обѣщаніемъ платить ему по 10 к. мѣдью съ каждаго дома въ день. Утвердивъ по необходимости этотъ выборъ, ибо для меня нужно было чтобъ кто нибудь выполнялъ мои распоряженія, я приказалъ еще назначить въ распоряженіе мое 24 человѣка верхами на лошадяхъ для разъѣздовъ и 12 человѣкъ стариковъ изъ почетныхъ поселянъ, чтобы съ ними вмѣстѣ составить комитетъ управленія подъ моимъ предсѣдательствомъ; а старый комитетъ, въ которомъ они хотѣли искать дѣло объ отравѣ и о полученныхъ будто бы отъ Поляковъ 5 милліонахъ денегъ, я для сбереженія дѣлъ и чтобы избѣжать расхищенія суммъ, приказалъ запечатать, увѣривъ ихъ, что когда все успокоится тогда я соберу отъ всѣхъ ротъ выборныхъ и при нихъ порядкомъ разберемъ дѣла и, какъ многіе желали раздѣла этихъ суммъ, то составимъ раздаточные списки и расчитавъ по скольку придется на каждаго, раздадимъ въ порядкѣ; теперь же начать сего нельзя, ибо въ такомъ безпорядкѣ одинъ захватитъ много, другому ничего не достанетъ. Тутъ какой то поселянинъ принесъ ко мнѣ около 4,000 руб. асс. денегъ, объявивъ, что нашелъ ихъ въ карманѣ у штабсъ-капитана Панова и что эти деньги, должны быть тоже полученныя отъ Поляковъ, которыя я принялъ и тутъ же отдалъ ихъ на прогоны тѣмъ, кои выбраны были ѣхать въ Петербургъ съ донесеніемъ. Въ это время капитанъ Соколовъ пришелъ въ память и не видя на гауптвахтѣ караула, ибо солдаты распоряженій моихъ не слушали и кромѣ Черницова, умѣвшаго собрать взводъ къ знамени, всѣ разошлись, подумалъ, что пришло время скрыться и для того бросился бѣжать на дровяной дворъ и спрятался тамъ между дровами, но кто-то его увидѣлъ и закричалъ, тогда всѣ бросились за нимъ на дровяной дворъ и я думалъ, что его непремѣнно убьютъ, однако какъ дѣло было уже рѣшено, чтобъ ждать рѣшенія государя, то его, чтобъ имѣть свидѣтеля, оставили живымъ. Въ то же время явился ко мнѣ капитанъ Носовъ. Этотъ офицеръ командовалъ прежде разными ротами, зналъ всѣхъ людей и былъ извѣстенъ каждому, онъ много мнѣ способствовалъ къ усмиренію, и я назначилъ его адъютантомъ. Приказавъ отправлявшимся въ Петербургъ пріѣхать ко мнѣ въ штабъ за билетомъ, я хотѣлъ уже отправиться домой и распустилъ поселянъ по домамъ, какъ увидѣлъ, что старшій священникъ нашъ, отецъ Лавръ, идетъ изъ Новгорода въ роту. Мнѣ доложили, что ѣдетъ священникъ и что его остановили, то такъ какъ и онъ членъ комитета, то не прикажу ли я позвать его, чтобъ распросить не знаетъ ли онъ о присылкѣ денегъ отъ Поляковъ.

Желая переговорить со священникомъ на счетъ обстоятельствъ и воспользоваться его знаніемъ поселянъ и вліяніемъ его духовнаго сана, я приказалъ его позвать къ себѣ; священникъ сказалъ поселянамъ, что онъ поѣдетъ ко мнѣ, но вмѣсто того ударилъ по лошади и хотѣлъ ускакать, но ему перегородили дорогу и коломъ ударивъ лошадь по головѣ, раздробили священнику руку и притащили ко мнѣ. Священникъ оторопѣвъ, началъ мнѣ оправдываться и божиться, что онъ ничего не знаетъ; чтобъ прекратить шумъ, я приказалъ ему взять изъ часовни крестъ и выйти къ поселянамъ, въ часовнѣ дверь была заперта, я приказалъ ее выломать, но какъ тамъ были только мѣстные образа, то я взявъ икону съ гауптвахты отдалъ священнику въ руки и приказалъ вынесть на крыльцо къ собравшейся толпѣ. Я началъ требовать, чтобъ они дали мнѣ присягу, что остаются вѣрными государю, и что болѣе буйствъ дѣлать не будутъ. Поселяне же потребовали отъ меня, чтобъ я самъ далъ обѣщаніе, что я все какъ было разскажу государю. Я обѣщалъ и перекрестившись, приложился къ образу, а за мною и всѣ поселяне стали прикладываться, тутъ только я увидѣлъ, что священникъ держалъ образъ ликомъ къ низу. Послѣ этого я распустилъ всѣхъ и съ 24 конными поѣхалъ домой.

По прибытіи моемъ въ штабъ, я нашелъ тамъ уже одну толпу бунтовщиковъ, которая ходила по квартирамъ офицерскимъ и искала спрятавшихся офицеровъ, лѣкарей, писарей и прочихъ должностныхъ лицъ. Я разогналъ ихъ съ помощію находящагося при мнѣ конвоя, приставилъ къ комитету караулъ запечатавъ двери и учредивъ разъѣзды и патрули, отправился къ себѣ на квартиру, это было въ 11 часовъ вечера. Тутъ я нашелъ всѣхъ офицерскихъ женъ, кои узнавъ, что я усмиряю бунтъ, бросились спасаться къ моей женѣ. Здѣсь были: Бутовичева, Султанова, коихъ мужья были въ моихъ глазахъ убиты, всѣ окружили меня и спрашивали, что дѣлаютъ ихъ мужья и скоро ли будутъ назадъ. Я успокоивалъ ихъ сколько могъ и не сказалъ о постигшей ихъ участи. Между тѣмъ ко мнѣ пріѣхали тѣ поселяне, кои отправлялись въ Петербургъ для полученія билета. Я написалъ имъ обыкновенный видъ безъ всякой другой бумаги и отправилъ въ Петербургъ, приказавъ взять съ собою унтеръ-офицера путей-сообщенія и дѣвку, которая обличала его, что у него былъ ядъ и отъ коего, какъ я послѣ узналъ, произошла вся эта тревога. Я опасался оставить ихъ въ округѣ, чтобъ ихъ не убили, ибо толпа вновь окружила мой домъ, узнавъ, что полковая акушерка находится у меня, и которая съ почты утромъ получила

Digitized by Google

письмо присланное изъ Польши. Я позвалъ нѣсколькихъ стариковъ въ комнату и сказалъ имъ, что какъ жена моя недавно родила, то и имѣетъ надобность въ акушеркѣ, а письмо полученное ее было отъ полковаго штабъ-лекаря, а ящикъ ею въ домъ мой принесенный была шкатулка съ разными вещами и высочайшими подарками, полученными ею за службу ея; они настояли, чтобъ все это имъ показано было и разсмотрѣвъ, оставили ее въ покоѣ, какъ равно и иностранца Ламони, бывшаго у меня помощникомъ въ чинѣ 10 класса.

Оставшись одинъ, я написалъ три экземпляра раппорта одинакого содержанія къ начальствующему въ городѣ, генералъ-лейтенанту Эйлеру, гдѣ, написавъ все кратко и донося, что при мнѣ нѣтъ болѣе людей, какъ человѣкъ 80, просилъ его прислать хотя одну роту, и ежели можно, помѣстить на пароходъ хотя одно или два орудія. Донесеніе сіе послалъ я съ болѣе надежными людьми изъ мастеровыхъ 6го баталіона по тремъ разнымъ дорогамъ. Послѣ того далъ я предписаніе командирамъ 5 и 6го военно-рабочихъ баталіоновъ, собравъ людей имѣющихся на лицо, явиться ко мнѣ къ 5 часамъ утра, какъ равно и начальнику лѣсопильнаго завода, подполковнику Шипову прислать всѣхъ излишнихъ людей на заводѣ въ работѣ бывшихъ. Конно-рабочую команду, снабдивъ сѣдлами фурлейтскими изъ мастерской, обратилъ въ кавалерійскій отрядъ, вооруживъ ружьями со штыками, бывшими въ мастерской въ починкѣ; приказалъ равно собраться и всей инвалидной командѣ, бывшей при домахъ, госпиталѣ и другихъ заведеніяхъ. Потомъ объѣхалъ весь штабъ и по всѣмъ дорогамъ разставилъ караулы; такимъ образомъ къ утру начали собираться ко мнѣ люди, впрочемъ не вооруженные, я приказалъ вооружить ихъ топорами и ломами. Между тѣмъ еще на разсвѣтѣ явились ко мнѣ съ дѣловаго двора 5го рабочаго баталіона 4 человѣка съ предложеніемъ взять баталіоннаго командира и посадить его подъ арестъ, а денежный ящикъ раздѣлить по солдатамъ. Приказавъ денежный ящикъ хранить до моего приказанія, на счетъ маіора Москвина я сказалъ имъ, что по утру рано онъ будетъ у меня, тогда я самъ распоряжусь съ нимъ, и записавъ ихъ имена отпустилъ, приказавъ исполнять всѣ приказанія, которыя будутъ получать отъ меня. Въ ту же ночь посланъ былъ уланскаго полка маіоръ Воробьевъ изъ Новгорода въ разъѣздъ, какъ скоро узнали о бунтѣ, и онъ доѣхавъ до Комкова, остановился, а самъ съ трубачемъ и двумя карабинеръ-уланами доѣхалъ до того мѣста, гдѣ убивали офицеровъ. Поселяне такъ испугались, что бросились ко мнѣ донести, что Татары наступаютъ и что они укладываются на телѣги и хотятъ удалиться въ лѣсъ.

Москвинъ не зная, что его люди тоже бунтуются, въ пять часовъ по утру пріѣхалъ ко мнѣ и, подавъ раппортъ сколько людей на лицо выйдетъ изъ его баталіона, и расчитывая на 6^{ую} и разныя другія команды мною собранныя, считалъ, что можетъ собраться всѣхъ человѣкъ до 600, будучи увѣренъ, что всѣ будутъ дѣлать, что прикажемъ, полагалъ взять всѣхъ зачинщиковъ и отправить въ городъ; но когда я ему сказалъ, что ночью приходили ко мнѣ съ предложеніемъ его самаго взять, онъ мнѣ не повѣрилъ, но вышелъ отъ меня, справился у приверженныхъ къ нему и тѣ ему посовѣтовали какъ можно скорѣе скрыться; онъ возвратился ко мнѣ и просилъ совѣта, что дѣлать. Я присовѣтовалъ ему, взявъ отъ меня бумаги къ генералу Эйлеру, а ежели его въ городѣ нѣтъ, то къ губернатору Денферу, явиться и объяснить лично мое положеніе и просить помощи, хотя небольшой числомъ, но состоящей изъ людей, на вѣрность коихъ положиться можно, ибо люди его баталіона въ такомъ же расположеніи какъ и поселяне; люди 6го баталіона объявили, что противу поселянъ не пойдутъ; инвалидная команда не надежна, а люди съ пароваго завода объявили, что они отправятся обратно, ибо и въ ихъ округѣ бунтуютъ, а они оставили тамъ свои семейства. Москвинъ, переодѣвшись въ солдатскую шинель, отправился съ лодкой, посланной съ казенными вещами въ Новгородъ; въ лодку посадилъ свою жену, а самъ съ двумя солдатами тащилъ ее на бичевѣ, и такимъ образомъ прошелъ черезъ штабъ своего баталіона, и уже миновавъ оный, сѣлъ въ лодку, которую два раза обыскивали его же солдаты и поселяне.

Отправивъ Москвина, я вышелъ къ собраннымъ людямъ, но духъ ихъ мнѣ не показался хорошимъ, и для того, уговаривая ихъ быть послушными начальству, не дозволять поселянамъ бушевать, бить начальниковъ и быть вѣрными присягѣ и государю, я нашелъ за лучшее ихъ распустить, приказавъ быть готовыми когда потребуютъ. Не много погодя по отпускѣ рабочихъ, разъѣзды мои дали знать, что въ 3^{ей} ротѣ сбираются поселяне ѣхать ко мнѣ, спросить: почему я писалъ секретныя бумаги и послалъ ночью въ Новгородъ, требуя помощи; два раппорта мои были перехвачены, и черезъ полчаса явились человѣкъ полтораста верхами, съ кольями, саблями, нѣкоторые имѣли охотничьи ружья и какіе-то алебарды, откуда они ихъ взяли, этого я понять не могу, но только одна и до сихъ поръ у меня сохраняется. Они стали кричать, что ихъ обманываютъ, просятъ помощи противу нихъ. Я помолившись Богу, вышелъ на крыльцо, не зная, что отвѣчать имъ, но на первый разъ приказалъ снять шапки, сойти съ лошадей, молчать и бросить колья и ружья; послѣ того я имъ сказалъ: такъ-ли слѣдуетъ пріѣзжать къ начальнику? Чего вы хотите? Они показали мнѣ два мои рапорты и спрашивали: я-ли писалъ и почему къ нѣмцамъ? На первый вопросъ я отвѣчалъ имъ, что писалъ дѣйствительно я, но что они мужики, а не солдаты, что воинскій уставъ приказываетъ начальникамъ, кто бы они ни были, писать рапортами, но что имъ этого не понять, потому что никогда не служили и устава не знаютъ, и обращаясь къ одному унтеръ-офицеру съ анненскимъ крестомъ и шевронами на рукавѣ, сказалъ: вотъ старый служивый такъ это знаетъ, неправда-ли старина, что начальникъ до тѣхъ поръ пока начальникъ, всегда получаетъ рапорты и честь ему отдается? Тотъ отвѣчалъ: знаю ваше высокоблагородіе, да вотъ какъ я служилъ въ дѣйствующихъ и стояли въ Кіевѣ, то на главной гауптвахтѣ сидѣлъ генералъ и мы всѣ становились предъ нимъ во фронтъ, снимали шапки и говорили ваше превосходительство, а какъ потомъ пріѣхалъ маіоръ съ аудиторомъ, да прочли бумагу, то его взяли и повезли въ Сибирь. Всѣ поселяне стали извиняться передо мною, что они этого не знали, имъ показалось и Богъ знаетъ что такое, а теперь будутъ знать, и до тѣхъ поръ пока ихъ посланные не возвратятся отъ государя и не привезутъ приказанія, что дѣлать съ генераломъ Эйлеромъ, то ему должно писать рапорты. Побранивъ ихъ за подозрѣніе къ начальству, которое всегда знаетъ что нужно дѣлать, болѣе чѣмъ подчиненные, я отпустилъ ихъ. Въ то же утро началось буйство въ округѣ гренадерскаго короля прусскаго полка, поселяне перехватили двухъ офицеровъ спасавшихся на нашемъ берегу Волхова, но уже не убили ихъ, а привели ко мнѣ на гауптвахту, такъ что у

Digitized by Google

меня было уже 38 человѣкъ подъ арестомъ. Часовъ въ 10 нѣсколько человѣкъ пришли мнѣ объявить, что у нихъ въ ротѣ нашлось 30 боченковъ пороху, до 300 ружей и нѣсколько ящиковъ патроновъ, и что поселяне хотятъ порохъ этотъ привезти въ штабъ и подорвать строенія. Я отвѣчалъ на это, что ежели они рѣшатся на это, то ни однаго дома ихъ не останется на мѣстѣ, а для того лучше этотъ порохъ и ружья отправить на лодкѣ въ Новгородъ, пусть тамъ дѣлаютъ съ ними что хотятъ, а намъ его не надо. Совѣтъ мой былъ принятъ, и я нагрузивъ лодку порохомъ и ружьями при запискѣ отправилъ въ Новгородъ; но въ то время на Волховѣ стоялъ пароходъ, который лодку отправилъ назадъ, и уже по вторичной моей посылкѣ порохъ приняли, но вмѣстѣ съ нимъ удержали и людей бывшихъ на лодкѣ, а это чуть мнѣ не стоило головы. Поселяне подумавъ, что я нарочно ихъ выдалъ, приступили на другой день ко мнѣ, и еслибы не знамя, бывшее въ моихъ рукахъ, которое въ случаѣ какого либо насилія я обѣщалъ жжечь, то дѣло было бы плохо. Унтеръ-офицеръ Перекопаевъ, стоявшій въ караулѣ при знамени, собравъ 30 человѣкъ, удерживалъ цѣлый день поселянъ, а къ вечеру предложилъ, взявъ денежный ящикъ и знамя, пробиться на штыкахъ въ городъ. За такой подвигъ, я произвелъ его именемъ государя императора въ прапорщики, но идти въ городъ не могъ, ибо бунтовщики перебили бы всѣхъ арестантовъ и женъ и дѣтей офицерскихъ. На второй же день я приказалъ при депутатахъ со стороны поселянъ и при парадѣ изъ взвода резервнаго баталіона перенести ко мнѣ высочайше пожалованную грамоту полку на владѣніе землями и перевезти денежный ящикъ. Грамоту вынесъ изъ комитета штабсъ-капитанъ Носовъ и отдалъ унтеръ-офицеру и двумъ депутатамъ ассистентамъ со стороны поселянъ. Взводъ отдалъ честь съ пробитіемъ похода, и процессія отправилась ко мнѣ на квартиру; два караула по дорогѣ бывшіе, выходили и отдавали честь съ походомъ; на крыльцѣ моего дома, я въ сопровожденіи офицеровъ, явившихся ко мнѣ въ мундирахъ и шарфахъ, встрѣтилъ грамоту и взводъ отдалъ опять честь съ пробитіемъ похода. Грамоту унтеръ-офицеръ съ двумя ассистентами внесли въ комнату и положили на прикрытый столъ подъ знаменемъ. Послѣ сего депутаты отъ ротъ въ присутствіи офицеровъ сняли печати съ ящика и повѣрили всѣ находившіяся суммы, и сдѣлавъ опись въ 6 экземплярахъ за подписомъ всѣхъ наличныхъ офицеровъ и 3 депутатовъ отъ каждой роты, одинъ экземпляръ положили въ ящикъ, четыре отдали депутатамъ каждой роты, а шестой я оставилъ при дѣлахъ окружнаго комитета. Денежный ящикъ заперли и запечатали кромѣ казенной печати, моею, наличныхъ офицеровъ и поселянскими, сколько могли найти у солдатъ въ то время. Поставили ящикъ у меня подлѣ крыльца и приставили часоваго.

Въ этотъ же день приказалъ я по числу убитыхъ офицеровъ сдѣлать въ мастерскихъ 8 гробовъ, но настоялъ, чтобы до 3 дня не хоронили, ибо не вѣрилъ поселянамъ и полагалъ, что они можетъ быть еще живы. Едва я кончилъ повѣрку суммъ, какъ донесли мнѣ, что въ с. Богословѣ, гдѣ назначена была дивизіонная квартира, поселяне ворвались и ломаютъ деревья и бьютъ въ оранжереѣ стекла, я сей-часъ созвалъ депутатовъ, коихъ распустилъ было по ротамъ, и сталъ имъ говорить, что поселяне безчинствуютъ, ломаютъ въ государевомъ саду деревья и бьютъ стекла, что это не хорошо и за это надо ихъ наказать. Депутаты мнѣ отвѣчали, что это вѣрно пьяные, вѣдь теперь иному море по колѣно, однако сей-часъ отправились и привели ко мнѣ 8 человѣкъ, я приказалъ дать имъ по 25 палокъ, и они тутъ же ихъ наказали; когда тѣ роптали, что они же меня выбрали въ начальники и я же ихъ наказую, то депутаты говорили: на то начальникъ, чтобъ за нами смотрѣлъ; безъ начальниковъ быть нельзя, вотъ и у забора есть столбы, какъ бы ты закрѣпилъ заборъ безъ нихъ? Философія эта мнѣ весьма полюбилась, и я увидѣлъ, что народомъ управлять можно. Послѣ обѣда часовъ около 4 разъѣзды мои донесли мнѣ, что въ прусскомъ полку поселяне мучительски истребили своихъ начальниковъ и присылали узнать къ намъ въ 4 роту, кого у нас выбрали въ начальники: имъ отвѣчали, что строителя, они поскакали обратно и выбрали отставнаго инженеръ-капитана Костирева, производителя работъ въ ихъ округѣ. Я послалъ тотчасъ же предписаніе Костиреву, чтобъ занявъ въ Собачьихъ Горбахъ паромъ военно-рабочимя и учредивъ изъ конно-рабочихъ конную команду, поддерживалъ сообщеніе со мною 4 раза въ день и присылалъ свѣдѣнія о всякомъ приключеніи; чтобы послалъ, подобно мнѣ депутатовъ къ государю съ повинною головою въ Петербургъ.

Командиръ лѣсопильнаго завода явился самъ ко мнѣ, какъ къ старшему по службѣ. Знавши, что изъ числа трехъ моихъ рапортовъ, два перехвачены, а одинъ долженъ дойти, я ждалъ ежечасно помощи изъ города и когда наступилъ вечеръ, то я получилъ секретный конвертъ изъ отряднаго дежурства, подписанный по отсутствію генерала Эйлера, какимъ-то аудиторомъ. Дежурство дѣлаетъ мнѣ выговоръ, что ему уже въ 4 часа по полудни вчерашняго дня было извѣстно о безпорядкахъ происшедшихъ въ округѣ, но донесеніе мое получено лишь сегодня по утру въ 6 часовъ, а потому строжайше рекомендуетъ доносить ежедневно по пробитіи вечерней зари о благополучіи округа, о случившихся чрезвычайныхъ происшествіяхъ доносить съ нарочнымъ въ то же время, и въ случаѣ несоблюденія сего, подвергнусь строжайшему взысканію по законамъ. Тутъ же узналъ я, что въ городѣ былъ совѣтъ и онымъ положено: выставить противу насъ находящіяся тамъ войска и военно-рабочую роту вооружить ружьями. Въ тотъ же вечеръ получилъ я донесеніе, что 4 человѣка помѣщика Литвинова, имѣніе коего было внутри поселенія близь 4 роты, приходили къ поселянамъ донести, что помѣщикъ ихъ бѣжалъ и скрывается во ржи; взяли съ собою ихъ и пошли искать помѣщика; котораго обвиняли въ отравленіи полей, говоря, что съ нимъ помазокъ, коимъ онъ помакая въ ядъ, ходитъ по полямъ и мажетъ колосья. Отрядивъ туда сильный патруль, я приказалъ разогнать поселянъ, а людей помѣщика Литвинова взять и привести ко мнѣ. Ихъ нашли уже въ господскомъ домѣ разбирающихъ бумаги въ помѣщичьемъ кабинетѣ, привели ко мнѣ вмѣстѣ съ старостою, который противился впустить ихъ въ домъ господскій. Старосту я поблагодарилъ и отпустивъ далъ ему на залогъ унтеръ-офицера и рядоваго съ открытымъ предписаніемъ, чтобъ никто не смѣлъ входить въ домъ помѣщика и обижать старосту; людей же искавшихъ помѣщика посадилъ подъ арестъ на гауптвахту. Пославъ съ вечернимъ объѣздомъ кондуктора Миллерова, находящагося при мнѣ, осмотрѣть тѣла убитыхъ начальниковъ, я отдалъ приказъ, чтобы въ субботу 18 числа ихъ похоронили, для сего назначилъ парадъ изъ всѣхъ 4 ротъ поселянъ по взводу и отъ резервнаго баталіона два взвода, однако безъ

Digitized by Google

ружей. Парадомъ начальствовать приказалъ маіору Баллашу, службу производить полковому священнику Лавру, не смотря на то, что у него была перебита рука вечеромъ 16 числа, в что онъ содержался вмѣстѣ съ Соколовымъ во второй ротѣ на гауптвахтѣ. Ночью пришли изъ города два солдата военно-рабочихъ и два артиллериста изъ числа войскъ выставленныхъ противъ меня, съ предложеніемъ отъ товарищей, не прикажу ли я имъ присоединиться, то они свяжутъ своихъ начальниковъ и приведутъ ко мнѣ; записавъ ихъ имена, я приказалъ имъ быть спокойными, слушаться и исполнять приказанія своихъ начальниковъ, и при томъ сказалъ, что мы послали къ государю императору спросить, что онъ прикажетъ дѣлать и ждемъ его отвѣта. О таковой депутаціи я въ то же время послалъ записку въ городъ съ надписью: командующему въ городѣ; а между прочимъ узналъ, что въ 3ью роту изъ города приходили 16 человѣкъ купцовъ и мѣщанъ и совѣщались на берегу Волхова съ поселянами. Объѣзжая на разсвѣтѣ расставленные мною посты, я замѣтилъ однаго человѣка во фракѣ, и началъ кричать этому фрачнику, чтобъ онъ подошелъ ко мнѣ, но онъ ударился бѣжать по полю и скрылся во вновь строющемся строеніи. Пріѣхавъ домой я послалъ съ гауптвахты окружить и поискать его, но не нашли.

Это совѣщаніе съ мѣщанами и появленіе незнакомаго человѣка во фракѣ, побѣгъ его отъ меня, сильно меня озабочивали, къ тому же нерѣшительныя дѣйствія въ городѣ, усиливающееся буйство поселянъ и распространеніе его по другимъ округамъ, ибо 18 числа истреблены начальники въ аракчеевскомъ полку и въ таковомъ же наслѣднаго принца прусскаго полку, а также, какъ я узналъ, что въ Старой Русѣ въ округахъ, да и въ карабинерномъ полку вездѣ открылись бунты; возстаніе въ Польшѣ и въ Литвѣ. Эти обстоятельства заставили меня подозрѣвать, не приняло ли возмущеніе это характеръ политическій, и не имѣя надежды получить откуда либо помощь, я рѣшился поддерживать всѣми мѣрами уваженіе къ государю и его повелѣніямъ. Съ утра 18 числа начались наѣзды на мою квартиру, первое было по поводу задержанныхъ поселянъ отправленныхъ съ оружіемъ и порохомъ. На это я отвѣчалъ, что еслибы они не остановили моихъ сношеній съ городомъ, перехвативъ мои рапорты, то я бы ихъ вытребовалъ; второе требованіе состояло въ томъ, чтобъ идти въ Новгородъ и взять всѣхъ начальниковъ тамошнихъ, коимъ они повиноваться не хотятъ. На это былъ отвѣтъ, что какъ мы послали уже къ государю своихъ депутатовъ, то слѣдуетъ ихъ ожидать и какое приказаніе отъ государя получимъ, то и сдѣлаемъ, что хотя бы велено было идти на Петербургъ, не только на Новгородъ, то я первый сяду на коня и поведу ихъ, но что до тѣхъ поръ покуда не знаю воли императора, не приступлю ни къ чему.

Полагая, что они были научены кѣмъ либо, а можетъ и узнали о томъ, что войска новгородскія не надежны, я имъ сталъ говорить, что будучи Русскимъ, я не хочу помогать проклятымъ Полякамъ, которые дѣйствуютъ не отравами, какъ они думаютъ, а распространяя ложные слухи, бунтуютъ народъ, и тѣмъ затрудняютъ государя ихъ усмирить; два человѣка начали спорить объ отравѣ и утверждали, что они были въ банѣ, гдѣ при ихъ глазахъ тѣ, кои пошли послѣ бани въ рѣку, лишь только вступили въ воду, то ноги почернѣли покуда хватила вода; я послалъ въ баню и велѣлъ привести этихъ людей, которымъ приказалъ снять сапоги, и какъ ноги у нихъ были красныя, то я тѣхъ кои разсказывали вздоръ, приказалъ наказать розгами. Наказаны они были не много, но это возбудило насмѣшку надъ ними. Всѣ ихъ спрашивали —"А что, братцы, какія ноги были въ банѣ?" Другіе спрашивали: "Да съ чего ты взялъ, что ноги почернѣли?" "Эхъ, братъ, вѣдь я не зналъ, что прикажетъ привести, да осмотрѣть, ну всѣ говорили, такъ и я туда же". Холера между тѣмъ очень усилилась и это много принесло пользы тѣмъ, что перестали толковать вздоръ, хотя въ отравленіе и вѣрили. Я узналъ, что похоронный парадъ мой не удался, взводы не пошли, а собралась толпа; въ гробы не положили, ибо трупы окоченѣли въ неправильныхъ формахъ и въ гробы уложить было не можно; ихъ изъ гумна вытащили пожарными крючками, и бросивъ на телѣги, отвезли на кладбище, гдѣ вырывъ двѣ ямы, вбросили туда, и когда священникъ началъ отпѣвать, то много шумѣли; а по окончаніи обряда принесли капитана Соколова съ ротной гауптвахты и вмѣстѣ съ священникомъ опустили въ могилу и хотѣли зарывать живыхъ, допрашивая ихъ, что они знаютъ объ отравѣ. Соколовъ сказалъ, что ничего не знаетъ, а священникъ будучи уже засыпанъ по колѣна, отвѣчалъ имъ: "я вамъ уже говорилъ, что отравы никакой нѣтъ, а знаю только то, что въ васъ вселился дьяволъ, будьте вы анаѳемы прокляты, отъ нынѣ и до вѣка." Эта рѣчь подѣйствовала, поселяне начали упрекать его, что и въ могилѣ онъ ругается, однако рѣшились вытащить ихъ изъ подъ могилы и посадить опять подъ арестъ, только послѣ того начали носить имъ кушанье. Депутаты прусскаго полка проѣхали чрезъ нашъ округъ въ Петербургъ и Костыревъ прислалъ ко мнѣ увѣдомленіе, что депутатовъ отправилъ. Въ этотъ день поселяне нѣсколько разъ пріѣзжали ко мнѣ съ разными требованіями и было очень безпокойно, но наѣзды были уже малыми партіями, много было и пьяныхъ.

Я упомянулъ уже выше сего, что посылалъ кондуктора Миллерова 17 числа вечеромъ осмотрѣть убитыя тѣла въ кабріолетѣ Бутовича и велѣлъ ему заѣхать узнать объ участи Соколова и священника Лавра, онъ возвращался черезъ 1ую и 4ую роты ко мнѣ въ штабъ уже очень поздно; какая-то поселянка услышавъ ѣзду на улицѣ, выглянула чтобъ посмотрѣть кто ѣдетъ, и въ потьмахъ не разглядѣвъ кондуктора, вообразила, что это ѣдетъ Бутовичь, перепугалась и сообщила своей семьѣ. Вѣсть эта распространилась по ротѣ; другіе тоже отвѣчали, что видѣли дѣйствительно лошадь и кабріолетъ. Это навело страхъ на нихъ; два поселянина прибѣжали ко мнѣ по утру и принесли одинъ обручальное кольцо, которое онъ снялъ съ руки Бутовича, а другой съ руки капитана Саурскаго, разсказали мнѣ, что имъ цѣлую ночь не спалось и просили возвратить кольца ихъ женамъ. Также просили у меня нѣтъ ли кутьи, чтобъ отслужить панихиду, я снабдилъ ихъ двумя чашками рису, младшій священникъ Гавріилъ, къ коему я ихъ отправилъ, отслужилъ панихиду и вѣсть эта начала распространяться. Я старался мнѣніе это поддерживать, даже преувеличивать. Ординаторъ госпиталя Гутниковъ во время нападенія 16 числа на госпиталь, откуда разобрали больныхъ и убили фельдшера, скрылся на чердакъ дома холостыхъ офицеровъ, и будучи томимъ голодомъ и жаждой, старался пробраться въ жилыя комнаты, но былъ замѣченъ, поселяне стали сходиться чтобы взять Гутникова и убить. Г. Носовъ узнавъ объ этомъ, сообщилъ мнѣ, что уже человѣкъ 20 ходятъ около дома, но поджидаютъ товарищей. Я послалъ

Digitized by Google

Носова съ 10 человѣками съ гауптвахты привести Гутникова ко мнѣ будто къ допросу. Его привели къ самому обѣду и я, накормивъ его и успокоивъ, отправилъ на гауптвахту. Ко мнѣ пріѣхали поселяне и стали требовать Гутникова, но стараніемъ и твердостію унтеръ-офицера Перекопаева, уже два дня стоявшаго въ караулѣ въ квартирѣ моей и при знамени, они были прогнаны, послѣ того они поѣхали въ штабъ на гауптвахту и тамъ много шумѣли, однакожъ поѣхали обратно къ себѣ въ роту.

Осматривая посты, я нарочно заходилъ къ арестованнымъ офицерамъ, чтобъ узнать ихъ нужды, тамъ предложили мнѣ проэктъ, чтобы завладѣть въ караулѣ ружьями, соединиться съ унтеръ-офицеромъ Перекопаевымъ и съ тѣми 30 человѣками, которые предложили мнѣ пробиться на штыкахъ съ знаменемъ и денежнымъ ящикомъ, завладѣть гауптвахтой и перевести въ верхній этажъ всѣхъ женъ и дѣтей, въ нижнемъ укрѣпиться и, что насъ такимъ образомъ соединится человѣкъ до 150 и мы могли бы продержаться до тѣхъ поръ, пока придетъ помощь; но эта мысль оказалась неудобною. 1.) Потому, что по завладѣніи ружьями, сумы съ патронами остались бы на солдатахъ, которые начали бы за ружья драться, опасаясь отвѣтственности и могли бы тѣмъ поколебать и тѣхъ, кои предлагали свои услуги. 2.) Къ тому же, какъ замѣтилъ маіоръ Баллашъ, когда онъ приказалъ по случаю сильной росы внести ружья подъ навѣсъ, то они всю ночь держали ружья въ рукахъ; слѣдовательно подозрѣваютъ арестантовъ и только отъ того не соединяются съ поселянами, что находятся въ караулѣ, но сильно ропщутъ и даже поговариваютъ, чтобъ взять знамя къ себѣ на гауптвахту. 3.) Что собравшись въ числѣ 150 человѣкъ въ домъ, надобно припасти и продовольствіе и воду. 4.) Запершись и укрѣпившись, я не имѣлъ средствъ дѣйствовать на поселянъ и приводить къ покорности. 5.) Примѣръ нашъ произвелъ бы въ другихъ округахъ вновь возмущеніе, которое трудно бы было усмирить. Ежели бы можно было собраться въ большомъ числѣ, то слѣдовало бы не запираться, но идти и усмирять силою оружія, но при этомъ надо принять во вниманіе, что въ округахъ оружіе и порохъ находятся въ большомъ количествѣ, ибо не отправлены въ городъ, что въ каждомъ кромѣ поселянъ находится по резервному баталіону и что намъ для прикрытія женъ и дѣтей нужно бы было отдѣлить сильное прикрытіе, которое бы насъ ослабило, а потому благоразумнѣе остаться въ томъ положеніи, какъ есть, стараться увеличить себѣ партію, и опираясь на религію и государя, приводить постепенно къ порядку. Для того я назначилъ на другой день 19 числа обѣдню въ 3ей ротѣ, ближайшей къ городу, послѣ обѣдни молебенъ съ водоосвященіемъ и съ молитвою о избавленіи отъ холеры. На молебенъ я просилъ изъ Саркова женскаго монастыря поднять образъ чудотворной Божіей матери и съ нимъ произвести крестный ходъ по всѣмъ ротамъ. Зная притомъ, что поселяне очень желаютъ ѣхать въ Новгородъ, я думалъ заставить ихъ покориться новгородскому начальству, и для сего припасъ отъ каждой роты по листу подписному, въ коемъ на верху было написано: "Мы поселяне такой-то роты, симъ объявляемъ, что мы послушны какъ государю императору, такъ и всѣмъ начальникамъ и властямъ отъ него поставленнымъ." Препроводивъ сіи подписки въ роты, я объявилъ, что тѣ, кои подпишутъ этотъ листъ, получатъ отъ меня билетъ, по коему могутъ свободно ѣхать въ городъ, не опасаясь, что будутъ задержаны тамъ; но это было сдѣлано слишкомъ рано и вмѣсто пользы принесло вредъ. Начался ропотъ, стали меня упрекать, будто бы я ихъ хочу предать городскому начальству, которое и такъ задержало уже тѣхъ 6 человѣкъ, кои повезли порохъ и ружья, да и другихъ, кои были по дѣламъ своимъ въ городѣ и посадило въ острогъ, начали приступать ко мнѣ, чтобъ я выдалъ имъ ихъ товарищей, а не то они сами пойдутъ выручать и въ городѣ не оставятъ камня на камнѣ; къ этому еще и депутаты ихъ не вернулись отъ государя; они полагали, что ихъ перехватили, начали мнѣ говорить, что теперь какъ 1ая, такъ и прочія дивизіи во всѣхъ полкахъ перебили начальниковъ и наберется ихъ до 3,000, что пора начать дѣйствовать и что войска выставленныя противиться не будутъ. Богъ знаетъ до чего дошло бы, ежели бы крестный ходъ не показался изъ монастыря, тутъ всѣ пошли на встрѣчу на шоссе и усмирѣвъ пошли за образомъ. Я съ Носовымъ взяли образъ и понесли въ церковь, откуда священникъ Гавріилъ вышелъ съ крестомъ и святой водой. По прибытіи въ церковь началась Литургія, послѣ коей молебенъ съ водоосвященіемъ на площади, и когда я вышелъ изъ церкви, чтобъ устроить все къ молебну, то увидѣлъ одного поселянина, пользовавшагося большимъ уваженіемъ, и во время бытности въ крестьянствѣ бывшаго головой, я подошелъ къ нему и сказалъ: "Послушай старикъ, ты человѣкъ умный и можешь разсудить, какъ можно отравить всѣхъ? Поди ты и растолкуй имъ, они тебѣ болѣе повѣрятъ." Онъ мнѣ на это сказалъ: "Что тутъ говорить? для дураковъ ядъ, да холера; а намъ надобно, чтобъ вашего дворянскаго козьяго племени не было."

По окончаніи молебствія и водоосвященія, обошли мы 3ью роту въ крестномъ ходу и кресты отправились въ другую роту, а я хотѣлъ было ѣхать въ штабъ, но былъ остановленъ вмѣстѣ съ Носовымъ поселянами, которые пришли между тѣмъ къ моимъ дрожкамъ и принесли тѣ листы, кои я хотѣлъ было ихъ уговорить подписать. Они опять начали упрекать меня въ предательствѣ, требовали, чтобъ ихъ товарищи были вытребованы изъ города. Я представилъ имъ, что ежели они не покорятся городскимъ властямъ, то я сидючи съ ними ничего не могу сдѣлать, но ежели подпишутъ листы, то я съ ними поѣду въ городъ и привезу ихъ товарищей, но они никакъ не хотѣли на то согласиться и листы изорвали, хотя на нихъ и было нѣсколько подписей. Я предложилъ и другое средство чтобъ они пустили меня хотя къ аванпостамъ, выставленнымъ около Колмова для переговора съ уланскимъ начальникомъ, представляя имъ, что надобно-же, чтобъ городское начальство знало, что требуемъ высылки арестованныхъ людей; цѣль моя была уговорить командующаго начальника, чтобъ онъ не опасаясь, двинулся съ отрядомъ черезъ роту къ штабу и открылъ такимъ образомъ сообщеніе со мною и тѣмъ подкрѣпилъ меня, ибо поселяне страшно боялись уланъ вооруженныхъ пиками, и ежели бы ихъ можно было убѣдить къ этому, то бунтъ былъ бы прекращенъ тогда-же. Но они и на поѣздку мою не соглашались. Тогда видя, что ничто не помогаетъ, я разорвалъ бланки билетовъ, кои были у меня приготовлены для отпуска ихъ въ городъ, еслибы они подписали данные мною листы съ изъявленіемъ покорности начальству, снялъ съ себя шарфъ, шпагу, эполеты и объявилъ имъ, что болѣе быть ихъ начальникомъ не хочу, и что послѣ этого пусть дѣлаютъ что хотятъ, а я уже истощился доказывать имъ о невозможности выполнить ихъ требованія, именно потому,

Digitized by Google

что начальство городское не можетъ знать ихъ желанія, когда они писать меня не допускаютъ, ѣхать для объясненія тоже, и сами боятся идти, чтобъ не задержали. Послѣдній-же имъ мой совѣтъ былъ, чтобы сидѣли смирно и ожидали пріѣзда ихъ депутатовъ изъ Петербурга. Поселене посмирнѣли, разошлись по сторонамъ и дорога очистилась; я сѣлъ на дрожки и подозвалъ Носова, который также какъ и я уговаривалъ, пригласилъ его садиться со мною, и видя что дорога свободна приказалъ шагомъ ѣхать къ штабу. Человѣкъ 12 пошли за нами, другіе остались толковать между собою, дорогой мы повторили все, что было уже сказано. Отдѣлившись отъ толпы и проѣхавъ ротныя ворота, я приказалъ прибавить шагу лошадямъ, и когда провожавшіе начали отставать, я приказалъ ѣхать рысью и такимъ образомъ доѣхали до штаба.

(Окончаніе въ слѣдующемъ Листѣ).

СМѢСЬ.

ФАНАТИКЪ ПАСПОРТОВЪ.

Какихъ фанатиковъ не бывало отъ фанатиковъ языческихъ, христіанскихъ, магометанскихъ до фанатиковъ вертящихся столовъ и толкущихся духовъ; но Сѣверная Пчела знакомитъ насъ съ новымъ видомъ этой проказы, съ фанатикомъ паспортовъ (въ 78 No.). В. Кокоревъ, навлекъ на себя гнѣвъ привилегированныхъ и цѣховыхъ литературныхъ дѣлъ мастеровъ, за то, что сталъ печатать свои статьи, да еще предпочелъ белгійскую Пчелу—сѣверной. Гнѣвъ этотъ въ петербургскомъ Нордѣ дошелъ у какого-то Ст. В. до бѣшенства къ паспортамъ. В. Кокоревъ замѣтилъ, что "гдѣ нѣтъ паспортовъ, гдѣ движеніе каждаго не опутано никакими формами, полицейскіе чиновники не имѣютъ надобности придираться — тамъ крестьянинъ не несетъ безполезныхъ расходовъ и дѣятельность въ жизни простаго народа сильнѣе развивается."

Этого Ст. В. не можетъ вынести, его полицейскій патріотизмъ оскорбленъ этимъ.

Онъ разумѣется не знаетъ, что паспорты вообще учреждались съ политической и военной цѣлью, что они должны препятствовать сообщенію, а не способствовать ему; необходимость паспорта и визы, есть уже полицейскій надзоръ, есть уже рабство. Съ усиленной системой паспортовъ соединяются воспоминанія самыхъ мрачныхъ періодовъ: террора 94 года, николаевскаго царствованія и пр.

Сидя подъ крыльями Пчелы, разумѣется можно писать такую нелѣпость: "что въ Англіи были бы рѣже страшныя злодѣянія, еслибъ всякій обязанъ былъ доказать кто онъ таковъ."

Лучше организованной полиціи какъ въ Лондонѣ и въ Англіи, не существуетъ въ мірѣ, ея дѣятельность и смышленность поразительны. Она только не ловка въ политическихъ преслѣдованіяхъ, ей не было случая развиться въ нихъ. Здѣшнее III отдѣленіе въ подметки не годится тимашевскому, это новый цвѣтокъ, пересаженный въ Англію, трудами такихъ людей какъ Пальмерстонъ. Порядочный человѣкъ, идущій здѣсь не краснѣя въ констабли, также не пойдетъ на службу въ Scotland-Yard, какъ порядочный Русскій не пойдетъ въ III отдѣленіе.

Арестъ Лани, убившаго Француженку въ Арундель стритѣ, на кораблѣ отплывавшемъ въ Монте-Видео, въ то время какъ никто не зналъ ни имени, ни мѣста жительства его, должно изумить нашихъ сыщиковъ, даже тѣхъ, которые плутовски и лжесвидѣтельствуя, обираютъ у раскольниковъ иконы и книги, особенно когда они узнаютъ, что здѣсь нельзя полиціи ни въ домъ взойти безъ зова, или судебнаго приговора, ни сѣчь по Эртелевски, ни бить по Берингски. Какъ же полиція нашла? Отгадайте-ка Ѳаддей Венедиктовичъ на старости лѣтъ? Убійство было открыто тогда, когда убійца, ночевавшій у своей жертвы, ушелъ, т. е. затерялся, исчезъ въ этомъ омутѣ, котораго народонаселеніе равняется народонаселенію всей Сибири. Все что объ немъ знали—это то, что онъ Итальянецъ и молодъ.

Ст. В. справедливо замѣтитъ, что еслибъ у него былъ паспортъ въ карманѣ, то его легко бы было узнать, но для этого надобно было двѣ вещи: карманъ и самаго Лани—имѣя то и другое въ рукахъ, паспортъ дѣлается милымъ излишествомъ.

Такъ и быть, мы вамъ откроемъ секретъ. Въ четыре часа того дня, въ который совершилось преступленіе, печатные афиши о немъ уже были приклеены въ Гаймаркетѣ и другихъ близкихъ мѣстахъ, въ 5 часовъ всѣ вечернія газеты перепечатали его, въ 6 весь Лондонъ читалъ и въ томъ числѣ одинъ дворникъ. "Ба, говоритъ онъ себѣ, Итальянецъ, — дома не ночевалъ, — у насъ былъ Итальянецъ, утромъ пришелъ съ исцарапанымъ лицемъ, взялъ чемоданъ и уѣхалъ въ доки." Онъ сообщилъ тому, сему. Полиція услышавъ это, бросилась въ доки, корабль былъ готовъ плыть въ Монтевидео, Лани такъ мало думалъ о возможности быть пойманнымъ, что преспокойно завтракалъ, когда полицейскіе взошли.

Не попробовать ли гласности, вмѣсто паспортовъ?

Въ Лондонѣ много воруютъ, хотя и далеко не столько какъ у насъ въ гражданской и военной службѣ, не смотря на то, что у служащихъ есть не только паспортъ, но формулярный списокъ, подорожная, дворянская грамота, ученый дипломъ и свидѣтельство о святомъ причастіи, но вѣдь въ Лондонѣ не только крадутъ, но и много находятъ краденаго, и не только находятъ, но—я знаю, что въ Россіи никто мнѣ не повѣритъ—отдаютъ найденное хозяевамъ.

Больно видѣть, что въ русскую литературу пробирается больше и больше гувернементальный тонъ, отстаиваніе устарѣлыхъ, рабскихъ учрежденій, этого прежде не было. Литература молчала, говорила вздоръ, иногда льстила властямъ—но какой-то стыдъ, какое-то сознаніе своего загнаннаго, но оппозиціоннаго положенія удерживали литераторовъ отъ защиты крѣпостнаго состоянія, розогъ, палокъ, полицейскихъ стѣсненій. Едва намъ позволили немного громче говорить—явился Бланкъ, доблестный защитникъ помѣстнаго права, Безобразовъ, желающій освобожденіемъ еще больше закрѣпить крестьянъ, его сіятельство князь Голицынъ, который какимъ то лабазно извощичьимъ языкомъ съ разными прибаутками хочетъ увѣрить крестьянъ, что земля не ихъ, "Одинъ помѣщикъ"—трогательно хвалитъ розги, "Одинъ чиновникъ"—умильно проситъ не учить крестьянъ грамотѣ, и отъ цинизма до цинизма, мы доходимъ до обоготворенія полиціи. Горе дерзновенному, касающемуся до святыни паспортовъ, адресъ билетовъ и другихъ полицейскихъ ерлыковъ!

Если г. Ст. В. подъ заглавіемъ: "Дѣла и Слова" могъ для защиты паспортовъ напечатать: "Къ чему крестьянамъ разъѣзжать и разгуливать, съ крестьянина идущаго на поле не требуютъ паспорта!"

Digitized by Google

То я спрашиваю, отчего пе помѣстить г. В. Ст. подъ заглавіемъ: "Слово и Дѣло" статью о пользѣ преображенскаго приказа и пытокъ, доказывая ее тѣмъ, что въ Англіи именно оттого такъ сыро и такъ много идетъ дождя, что въ ней никого не пытаютъ?

Что касается до личностей противъ г. Кокорева, котораго мы не видывали и не знаемъ, онѣ просто поселяютъ отвращеніе. Мы ненавидимъ откупъ, считаемъ его безправственнымъ, но винимъ правительство, а не откупщиковъ. Г. Кокоревъ нажился откупами,—ну а всѣ остальные, которые нажились, лучше развѣ нажились? Не всѣ какъ Ѳаддей Венедиктовичь Булгаринъ и Николай Ивановичь Гречь съ рожденіемъ принесли высокое аристократическое имя и колосальное богатство.

И отчего же напримѣръ, помѣщикъ грабящій весь вѣкъ своихъ крестьянъ, опираясь на туже защиту штыковъ, чище и доблестнѣе откупщика? Особенно когда откупщикъ самъ нападаетъ на откупъ и предлагаетъ выкупать землю для крестьянъ, а помѣщики будутъ ее продавать для самихъ себя?

АРХИПАСТЫРСКОЕ РВЕНІЕ О МРАКѢ.

Мертвые возстаютъ! нѣмые глаголятъ! православные святители подпимаютъ слабый гласъ свой на противудѣйствіе наукѣ во грѣхѣ мысли свѣтской зачатой. Вотъ что благовѣститъ преосвященный митрополитъ новгородскій и с. петербургскій за No. 641 — оберъ-прокурору святѣйшаго синода, сему стражѣ-блюстителю, охраняющему яки песъ вѣрный — паству господню, паству православную.

"Неоднократно доходили до меня слухи, что нѣкто иностранецъ Роде здѣсь въ СПб. въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, разными картинами, не упоминая ни слова о Богѣ создателѣ, показываетъ, что образованіе нашей земли со всѣми ея растеніями и животными, не исключая и людей, произошло только отъ дѣйствія естественныхъ силъ какой-то первобытной матеріи, въ продолженіи пе простыхъ шести дней, а шести болѣе или менѣе длинныхъ періодовъ.

"Въ настоящее же время, какъ сказываютъ, этотъ Роде уже дѣлаетъ свои представленія публично, близь большаго театра, въ циркѣ, и для большаго привлеченія народа съ торжественною музыкою.

"Такое представленіе, явно колеблющее основаніе христіанства и истребляющее въ народѣ — всѣми христіанскими народами благоговѣйно признаваемую и чтимую истину въ созданіи нашей земли отъ Всемогущаго, Премудраго и Всеблагаго Творца-Бога, весьма вредно для народной вѣры и нравственности.

"По сему покорнѣйше прошу ваше сіятельство, чтобы означенное, даваемое въ циркѣ представленіе было прекращено."

...Можетъ пастыри наши умиленно мечтаютъ, что уничтожая свѣтъ дневный, они усугубятъ продажу свѣчей церковныхъ!

ПРАВО ГРАЖДАНСТВА, ПРІОБРѢТЕННОЕ "КОЛОКОЛОМЪ" ВЪ РОССІИ.

Наконецъ то разрѣшено въ Россіи говорить о "Колоколѣ", хотя для начала только по китайски (не выдумалъ ли это нашъ японскій цензоръ?) читая буквы сверху внизъ, а не въ строчку. Ce n' est que le premier pas qui coute! Перепечатываемъ стихотвореніе, вышедшее въ Петербургѣ съ тавромъ цензуры. Слухи о Conspiracy-Bill, (который ученый поэтъ смѣшалъ съ Allien-Bill), вдохновили Ижицу, а надежда видѣть меня повѣшеннаго "за полюса-звѣзду" или сосланнаго на каторгу въ Ботани-Бей (куда теперь не посылаютъ), излилась слѣдующими виршами:

БАСНЯ

ОРОСКОПЪ КОТА.

(акростихъ)

Котъ Васька, желчный и кривой
Отсюда въ альбіонъ забрался,
Ломать придумалъ край родной,
Онъ въ чужѣ, знать, ума набрался:
Къ мадзиновскимъ рядамъ присталъ.
Онучки съ полушубкомъ тертымъ,
Лежанку, па которой спалъ,
Ь . . . .
Щипать, да рыть, не уставалъ
И весь тотъ соръ въ журналѣ издавалъ!
Какъ вдругъ молва о томъ идетъ
У бритовъ alien-bill въ законъ войдетъ!
Пришельцу Васькѣ сталъ грозить
Европы общій приговоръ:
Такихъ какъ онъ велятъ ловить;
Ловить, чтобы печатный вздоръ,
Ясновельможный котъ и воръ,
Гремучимъ паполняя соромъ
Отважно не бросалъ въ людей!
Тутъ, Ваську, какъ освищутъ хоромъ,
Отправятъ вдругъ въ Ботанибей,
Велятъ: за полюса-звѣзду повѣсить,
А колоколъ коту къ хвосту привѣсить;
И выйдетъ тутъ такой трезвонъ,
Что мыши, крысы и педанты,
Сулилъ которымъ гибель онъ,
Не попадутъ ужъ въ арестанты!

Ижицынъ.

т. е. Колокольщику петля готова ичсн. Оно мило, забавно, но крѣпко, сама Ижица чихнула, иначе я не могу объяснить окончаніе акростиха ичсн. A vos souhaits! Будьте здоровы, Ижица!

И—ръ.

— Извѣстный старичекъ, князь Сергій Михайловичь Голицынъ, скрывавшій свою героическую натуру Сида-ель-Кампеадора лѣтъ около восьмидесяти, услышавъ объ освобожденіи крестьянъ, сказалъ: "Прошу Бога объ одномъ только, чтобъ позволилъ умереть до 12 лѣтъ!"... вѣдь это qu' il mourut!

Мы предлагаемъ поставить ему статую. Брутъ! Регулъ!

— Мы получили превосходное возраженіе на статью "Объ освобожденіи крестьянъ", помѣщенную въ 14 Листѣ Колокола. Съ благодарностію помѣстимъ мы ее въ слѣдующемъ Листѣ. Статья эта не подписана . . . . . но ex ungue leonem!

— Сверхъ того мы получили возраженіе на статью — "Заграничнаго Сборника" о Русскомъ Духовенствѣ; статья прекрасная и совершенно вѣрная, но намъ кажется, мы можемъ до поры до времени оставить въ покоѣ духовныхъ, намъ и міряне даютъ довольно заботы. Во всякомъ случаѣ статья будетъ въ Полярной Звѣздѣ или въ Голосахъ.

Другія критическія статьи, — конечно мы примемъ съ благодарностію.

¿ПРАВДА ЛИ, что множество помѣщиковъ пользуясь остатками прежней власти, принуждаютъ крестьянъ переносить свои усадьбы, огороды и конопляники съ жирной земли на тощую, безъ всякихъ удобствъ, за тѣмъ только, чтобъ завладѣть удобренной землей, а крестьянъ заставить купить подъ свои новыя усадьбы негодную землю?

Преступленія эти до того гнусны, до того отвратительны, что мы просили доставить намъ имена этихъ землекрадовъ. Мы обращаемъ особенное вниманіе Государя на эти злодѣйства.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

Digitized by Google

No. 18. THE BELL JULY 1, 1858.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

ЛИСТЪ 18.

1 Іюля 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго. 39, Rupert Street, Haymarket, London. Price six-pence.

1 ІЮЛЯ 1858.

Годъ тому назадъ вышелъ первый листъ Колокола. Невольно останавливаемся мы, смотримъ на пройденный путь... и на душѣ становится грустно и тяжело.

А между тѣмъ въ продолженіи этого года сбылось одно изъ нашихъ пламеннѣйшихъ упованій, начался одинъ изъ величайшихъ переворотовъ въ Россіи, тотъ, который мы предсказывали, жаждали, звали съ дѣтскихъ лѣтъ, — началось освобожденіе крестьянъ.

Но на душѣ не легче и чуть ли мы въ этотъ годъ не сдѣлали шагъ назадъ.

Причина очевидна, мы ее скажемъ прямо и мужественно: Александръ II не оправдалъ надеждъ, которыя Россія имѣла при его воцареніи. Въ прошломъ Іюнѣ онъ еще стоялъ, какъ богатырь нашихъ сказокъ на перекресткѣ, — пойдетъ ли онъ на право, пойдетъ ли онъ на лѣво, нельзя было знать, казалось что онъ непремѣнно пойдетъ по пути развитія, освобожденія, устройства... вотъ шагъ и еще шагъ —но вдругъ онъ одумался и повернулъ:

Съ лѣва да на право.

Можетъ еще есть время... но его мчатъ дворцовые кучера, пользуясь тѣмъ, что онъ дороги не знаетъ. И нашъ Колоколъ напрасно звонитъ ему, что онъ сбился съ дороги, звонитъ ему бѣдствія Россіи и собственную опасность.

Но въ томъ то и бѣда, что сильные міра сего не умѣютъ ни слушать, ни даже вспоминать. Исторія передъ ними, но не для нихъ она передаетъ горькій опытъ народовъ и строгій судъ царей потомствомъ.

Неумѣть воспользоваться такимъ удивительнымъ положеніемъ, какое событія въ Европѣ и прошлое царствованіе дали въ задатокъ Александру II, до такой степени нелѣпо, что это трудно помѣщается въ человѣческую голову.

Выбрать, имѣя въ своей волѣ выборъ, изъ двухъ ролей Петра I и Пія IX,—роль Пія IX, это высшій примѣръ христіанскаго смиренія.

Но скажутъ намъ: Петръ I былъ геній, геніи родятся вѣками, не всякій царь, который захочетъ быть Петромъ — будетъ имъ. Въ томъ то и дѣло, чтобъ быть для Россіи вторымъ Петромъ въ наше время, не нужно быть геніемъ, для этого достаточно любить Россію, уважить, понять человѣческое достоинство въ Русскомъ, и вслушаться въ его мысль, въ его стремленія. Можетъ геній повредилъ бы многому, какъ самъ Петръ I, онъ втѣснилъ бы свою личную волю вмѣсто развитія зародышей, которые взошли и которыхъ только не надо ни полоть, ни топтать, ни насиловать, — предоставляя имъ самимъ ростъ и устраняя препятствія. Петру I приходилось создавать и казнить, въ одной рукѣ у него былъ заступъ, въ другой топоръ. Онъ дѣлалъ просѣкъ въ дичи, и разумѣется зря порубилъ хорошее рядомъ съ дурнымъ. Мы перестали любить терроръ, въ чемъ бы онъ ни былъ, и какая бы цѣль его ни была.

Терроръ столько же не нуженъ, какъ и геній въ наше время. Дѣятельная, мыслящая часть Россіи идетъ быстро впередъ, знаетъ чего хочетъ, заявляетъ это общественнымъ мнѣніемъ. Въ концѣ прошлаго царствованія, не смотря на опасность, на гоненія, мысли бродившія въ умахъ были до того сильны, что создали подземную, рукописную литературу, ходившую изъ рукъ въ руки. Въ послѣдствіи тотъ же порядокъ мыслей выражался восторгомъ, съ которымъ были приняты всѣ хорошія начинанія новаго правительства. Половина петровскаго дѣла и самая трудная, дѣлается теперь хоромъ. Около Петра все молчало, онъ проснувшись раньше другихъ, долженъ былъ будить, догадываться, выдумывать. Теперь проснулись многіе, теперь многіе опередили и ждутъ когда ихъ позовутъ на совѣтъ. Реформамъ Петра противился весь народъ, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ; реформамъ Александра II весь народъ готовъ содѣйствовать, кромѣ гнилой части дворянства и стариковъ, выжившихъ изъ ума. Что касается до поддѣльной, служилой олигархіи, до всѣхъ parvenus изъ казармъ и изъ чернильницъ, до этого смирительнаго дома, до этихъ арестантскихъ ротъ николаевскихъ питомцевъ— они никакого мнѣнія не имѣютъ. Сегодня они будутъ засѣкать крестьянъ за то, что они хотятъ освободиться,—завтра растрѣливать дворянъ за то, что они не хотятъ освобождать.

Но можетъ быть реформы, о которыхъ говорилъ Александръ II въ рѣчахъ, въ манифестахъ, указахъ, приказахъ и оффиціальныхъ журналахъ, не совпадаютъ съ тѣми желаніями мыслящей Россіи, которыя проявляются въ литературѣ, въ общественномъ мнѣніи.

Digitized by Google

Совсѣмъ нѣтъ, они однѣ и тѣже.

Въ этомъ-то и состоитъ безпредѣльная, раздирающая сердце иронія, трагическій комизмъ нашего положенія. Правительство никогда не бываетъ такъ мощно, какъ въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ. Легисты Англіи, страны строжайшей законности, много разъ выражали мысль: "что исполнительная власть сильнѣе закона, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она встрѣчается съ народнымъ желаніемъ." Какова же у насъ должна быть самодержавная власть, когда она за-одно съ народомъ?

Царь силится подать руку народу, народъ силится взять ее и не можетъ достать черезъ Панина и компанію. Это аристофановская сцена! Только что государь совсѣмъ готовъ приподнявшись на ципочкахъ коснуться протянутой къ нему руки, какъ кто нибудь изъ этихъ сѣдыхъ шалуновъ — Орловъ, Закревскій закричитъ: "Ваше величество, Боже мой! они вамъ палецъ откусятъ!"

Ну чтобы попробовать кажется? Былъ же вѣдь государь на Кавказѣ въ дѣлѣ съ Горцами, любитъ охотиться по медвѣдямъ. Да и что Черкесы и медвѣди? Развѣ государь не подвергается ежедневно опасности быть съ этими столпами отечества, которые заслоняютъ ему Россію и составляютъ около него пріятный вѣнокъ старцевъ, который въ случаѣ нужды, сдвигаясь, можетъ превратиться въ петлю.

Вѣдь К. И. Арсеньевъ разсказывалъ за уроками Александру Николаевичу уголовное дѣло, называемое русской исторіей отъ Петра I до Александра I.

У насъ ничего нѣтъ задушой, мы все говоримъ. Пусть же каждый читатель, положа руку на сердце, скажетъ гдѣ были въ "Колоколѣ" несбыточныя требованія, политическія утопіи, призывы къ возстанію?

Въ существованіи Колокола есть черта, переломъ. Съ обнародованія рескрипта объ освобожденіи крестьянъ, нашъ путь долженъ былъ измѣниться, не въ существенномъ, но въ образѣ дѣйствія. Мы пожертвовали частью полемики и стѣснили еще больше кругъ нашихъ вопросовъ. Мы сдѣлались ближе къ правительству, потому что правительство сдѣлалось ближе къ намъ. Намъ дѣла нѣтъ до формъ правленія, мы всѣ ихъ видѣли на дѣлѣ и видѣли что всѣ онѣ никуда не годятся, если онѣ реакціонны—и всѣ хороши, если онѣ современны и прогрессивны. Намъ искренно и откровенно казалось, что Александръ II замѣнитъ кровавую эру революціи и будетъ мирнымъ, кроткимъ переходомъ отъ устарѣлаго деспотизма къ человѣчески-свободному состоянію Россіи.

Ошибались ли мы, нѣтъ ли, но думая такимъ образомъ, мы совершенно послѣдовательно въ продолженіи шести мѣсяцевъ послѣ изданія рескрипта, занимались почти исключительно осуществленіемъ его. (*)

Чего требовали мы, о чемъ писали?

Мы требовали, чтобъ помѣщики не украли у крестьянъ освобожденіе, чтобъ желаніе выраженное робко и картаво правительствомъ относительно усадебъ и земли, не было объяснено въ пользу собственниковъ. Были ли мы правы? Это доказываютъ — краснорѣчіе Безобразова и Бланка, центральный комитетъ, усиленная ценсура, дворянская оппозиція и насильственныя переселенія крестьянъ на неудобную землю.

Мы говорили сверхъ того, что освобожденіе крестьянъ само по себѣ недостаточно, что рядомъ съ помѣщикомъ стоитъ второй бичь русскаго народа—чиновникъ, то есть полиція и судъ. Мы говорили, что пока не падетъ японская табель о рангахъ, пока судъ будетъ инквизиціонный съ запертыми дверями, съ канцелярской тайной, пока полиція будетъ увѣщевать розгами, допрашивать кулаками, наказывать палками безъ суда,—до тѣхъ поръ освобожденіе крестьянъ не принесетъ настоящей пользы.

Но развѣ самъ государь, испуганный тѣмъ, что вся гражданская служба, одно—огромное faux dans les papiers publics, не заявлялъ того же мнѣнія и еслибъ Панинъ утвердилъ или принялъ бы благосклонно его предложеніе, то можетъ у насъ явились бы и защитники подсудимыхъ, и присяжные и судъ производился бы при дневномъ свѣтѣ.

Государь хотѣлъ бы измѣнить, но бродитъ въ потьмахъ, не знаетъ съ чего начать; отъ подканцелериста до канцлера, всѣ его обманываютъ; а голосъ не служащихъ до него не доходитъ. Общественное положеніе всей неслужащей Россіи или невыслужившейся, таково, что она только можетъ въ присутствіи монарха танцовать на балѣ — если изъ дворянъ и по всякому поводу, счастію и несчастію, носить на золотомъ блюдѣ хлѣбъ и соль—если она изъ купечества.

Это также логически приводитъ къ нашему третьему требованію къ—Гласности.

Не смѣшно ли, что сами поставили плотину, заперли ее, да и удивляются, что воды нѣтъ. Поднимите ценсурный шлюзъ, и тогда узнаете, что думаетъ народъ, отъ чего ему больно, что его жметъ, мучитъ, раззоряетъ...... можетъ сначала пойдетъ по поверхности всякая всплывшая дрянь, — что за важность, лишь бы этой водой унесло всѣхъ этихъ полумертвыхъ владимірскихъ кошекъ и андреевскихъ зайцовъ.

Съ гласностью огласятся дѣла, которыя бросятъ тотъ страшный свѣтъ на подземныя злодѣйства полицій и суда, который бросили наши статьи о Сечинскомъ, Кочубеевскомъ процессѣ, о Вредѣ, о Эльстонъ-Сумароковѣ, о губернаторѣ Новосильцовѣ и пр.

Снявши ценсурную колодку, можно закрыть и третье отдѣленіе; пишущіе сами будутъ доносить на себя и наконецъ

(*) Многіе упрекаютъ "Колоколъ" и въ томъ числѣ прусская Крестовская газета, въ непочтительномъ тонѣ и фамильярномъ обращеніи съ лицами, которыя хотя и стали костью во всякомъ улучшеніи, хотя и большіе негодяи, но все же принадлежатъ къ первымъ двумъ классамъ. На этой выси высотъ сановники уже становятся матронами, до коихъ не должны насаться несмягченныя слова. Вѣроятно въ Пруссіи запрещенъ Пуншъ, и въ Берлинѣ не знаютъ какъ свободные люди свищутъ дурнымъ скоморохамъ. Къ этому замѣчанію прибавляютъ: —"Да хорошо-ли издали, съ недоступнаго острова бросать печеныя яблоки въ нихъ?"—Очень, потому что вблизи они сами защищены моремъ полицій, ценсуръ. Да къ тому же у насъ есть своя очистка. Мы не издали въ началѣ крымской войны писали наши статьи о Россіи (Le vieux monde et la Russie) и не пріостановились нынѣшней весной, во время пущаго разгара болзни передъ сосѣдомъ, напечатать—"La France ou l'Angleterre?"—Да лица-то, на которыя нападаетъ "Колоколъ", растутъ отъ этого въ силѣ. Если это правда, остается жалѣть объ темной водѣ, мѣшающей государю видѣть истину. Но намъ и до этого дѣла нѣтъ, наша отмѣтка не для герольдіи, наша отмѣтка для всего честнаго люда русскаго, пусть они знаютъ, кто снимаетъ Россію на аренду у государя.—"Все это такъ, да въ тонѣ нѣкоторыхъ статей ненужныя выраженія".—"Крикъ мучимаго не можетъ, говорилъ мнѣ одинъ старый знакомый, быть приведенъ въ хроматическую гамму", понимавшій, что въ звонъ нашего Колокола входитъ именно вопль поднимающійся изъ съѣзжихъ, изъ казармъ, съ помѣщичьихъ конюшенъ, съ барщинныхъ полей, съ ценсурной бойни, — Колоколъ рѣшительно принадлежитъ дурному обществу, отсого у него и нѣтъ ни канцелярской вѣжливости, ни секретарской учтивости.

Digitized by Google

въ Россіи уничтожится этотъ вертепъ шпіоновъ; Тимашева можно сдѣлать на мѣсто Гедеонова директоромъ театровъ и царскихъ увеселеній; на мѣстѣ срытой Бастиліи поставили-же въ 1789 году надпись—Ici l'on danse!

Требовали ли мы чего нибудь больше?

Какія бы ни были наши теоретическія мнѣнія, какъ бы мы ни были въ нихъ "неисправимы", мы ихъ не высказывали, мы старались и охотно это дѣлали пока государственный рыдванъ илелся такъ себѣ впередъ, но когда онъ рѣшительно начинаетъ пятиться, давитъ своими тяжелыми колесами ноги, тогда мы пойдемъ другой дорогой.

И вотъ третья фаза, въ которую входитъ "Колоколъ".

Мы поставили эпиграфомъ — Vivos voco! Гдѣ же живые въ Россіи? Намъ показалось, что живые есть въ самомъ дворцѣ, мы обращали нашу рѣчь къ нимъ, мы не раскаяваемся въ этомъ. Какъ бы то ни было и что бы ни случилось, но государь, положившій начало освобожденію крестьянъ, заслужилъ великое имя въ исторіи и благодарность наша останется неизмѣнной. Но говорить намъ съ нимъ нечего. Живые, — это тѣ разсѣянные по всей Россіи люди мысли, люди добра всѣхъ сословій, мущины и женщины, студенты и офицеры, которые краснѣютъ и плачутъ, думая о крѣпостномъ состояніи, о безправіи въ судѣ, о своеволіи полиціи, которые пламенно хотятъ гласности, которые съ сочувстіемъ читаютъ насъ.

Колоколъ ихъ органъ, ихъ голосъ,—на безплодныхъ, каменистыхъ вершинахъ некому его слушать, чистый звонъ его можетъ раздасться сильнѣе въ долинѣ!

ИСКАНДЕРЪ.

ВОЗРАЖЕНІЕ

НА СТАТЬЮ КОЛОКОЛА.

Et tu quoque Brute! Эти слова, почтенный господинъ Редакторъ, невольно вырвались изъ устъ моихъ при прочтеніи статьи объ освобожденіи крестьянъ въ 14 No. "Колокола". Я объясняю это ниже. Напередъ прошу позволить мнѣ изложить мысль мою и мое убѣжденіе о невозможности выкупа вообще и особенно выкупа такого, какой вы предлагаете.

Главное въ предложеніи вашемъ есть слѣдующее:

1.) Опекунскій совѣтъ выдастъ помѣщикамъ по 70 руб. с. за душу съ тѣмъ количествомъ земли, коимъ крестьяне въ сію минуту de facto владѣютъ. Эта выдача производится векселями на самый совѣтъ. Онъ взыскиваетъ съ крестьянъ 70 р. съ души на прежнихъ основаніяхъ, т. е. въ теченіи 37 лѣтъ.

2.) Векселя Опекунскаго совѣта будутъ ходить какъ деньги.

3.) На 11 милліоновъ душъ по 70 руб. за душу, Совѣтъ выдастъ помѣщикамъ векселей на 770 милліоновъ руб. сер.

Тѣ имѣнія, которыя уже заложены, конечно получатъ векселей не на всѣ 70 р. Имѣнія же незаложенныя, получатъ сполна векселя на 70 руб. за душу.

"Въ сущности, говорите вы, проэктъ вашъ состоитъ въ переводѣ долга Опекунскаго совѣта на крестьянъ, а тамъ, гдѣ имѣнія не заложены, въ заложеніи оныхъ, считая долгъ на крестьянахъ, такъ что всѣ крестьяне будутъ выплачивать свой выкупъ съ землею Опекунскому совѣту въ теченіе 37 лѣтъ.

4.) Остающіяся у помѣщиковъ земли они могутъ опять заложить въ Опекунскій совѣтъ. Если всѣ помѣщики заложатъ сіи земли, то Опекунскій совѣтъ выдастъ имъ въ ссуду векселей на себя 768 милліоновъ руб. сер.

"Такимъ образомъ Опекунскій совѣтъ всей ссуды крестьянамъ и помѣщикамъ выдастъ 1,538 милліоновъ руб. сер., долгъ, который можетъ быть, говорите вы, уничтоженъ въ 37 лѣтъ, или — какъ теперь дѣлается — возобновляемъ ad infinitum."

Я не буду входить въ разсмотрѣніе вашихъ исчисленій, ни указывать на могущія встрѣтиться препятствія въ операціяхъ Опекунскаго совѣта, кои вы сами отчасти предвидите. Я ограничусь однимъ возраженіемъ и оно состоитъ въ томъ, что такого огромнаго количества новыхъ государственныхъ бумагъ не возможно пустить въ обращеніе не подорвавъ кредита какъ новыхъ такъ и теперь существующихъ бумагъ. И здѣсь я разумѣю только первую выкупную сумму, изчисляемую вами въ 770 милліоновъ р. сер. оставляя въ сторонѣ предлагаемыя вами ссуды на остающіяся у помѣщиковъ земли, ссуды почти равняющіяся сей выкупной суммѣ.

Количество капитала, служащаго для обращенія, не зависитъ отъ воли ни правительствъ, ни банковъ, ни Опекунскихъ совѣтовъ: оно сообразуется единственно съ требованіемъ, т. е. съ потребностями обращенія. Этотъ коренный, всеобщій, непоколебимый законъ доказывается ежедневнымъ опытомъ не только въ отношеніи бумажныхъ денегъ, ассигнацій, но даже и металической монеты для обращенія служащей.

Вы знаете, что по открытіи Америки, стоимость звонкой монеты понизилась, въ слѣдствіе входа въ обращеніе американскаго золота. Вы знаете, что теперь изъ Калифорніи и Австраліи доходитъ уже столько новаго золота до Европы, что цѣнность онаго начала понижаться. Вы знаете наконецъ, что 150 или 160 милліоновъ рублей ассигнаціями, оставленные Екатериною II, бывъ въ послѣдствіи доведены до 700 или 800 милліоновъ, привели рубль серебряный въ 4 рубля и не смотря на реторику министра финансовъ Канкрина, который провозглашалъ, что цѣнность рубля измѣнялась "въ слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ", реторика, которая привела его къ столь же нелѣпому какъ и пагубному признанію единицею-монетною $3\frac{1}{2}$ единицъ; все испытанное и претерпѣнное Россіею въ сихъ перемѣнахъ, есть ясное и неопровергаемое доказательство, что капиталовъ, особливо капиталовъ бумажныхъ, сотворять нельзя, вопреки потребностямъ обращенія.

Вы конечно возразите, что выпускаемые Опекунскимъ совѣтомъ векселя будутъ обезпечены и платежемъ крестьянами слѣдующей изъ нихъ подати, и землями ими владѣемыми. Но ежегодная подать крестьянская будетъ составлять только 37 долю выкупнаго капитала, между тѣмъ какъ Опекунскій совѣтъ выдастъ помѣщикамъ векселями весь выкупной капиталъ. Получивъ сей капиталъ помѣщики конечно пустятъ выданные имъ векселя въ обращеніе, тѣмъ болѣе, что сколько я понялъ предлагаемое вами средство, сіи векселя не должны приносить никакихъ процентовъ. Какъ бы то ни было, эти векселя необходимо вступятъ въ обращеніе.

Но я повторяю, что если для обращенія требуется извѣстное количество ассигнацій, и сіе количество опредѣляется равенствомъ курса ассигнацій со звонкою монетою, и если вы сіе количество удвоите, то неминуемымъ послѣдствіемъ сего будетъ упадокъ всѣхъ ассигнацій вообще на половину, а можетъ быть и гораздо болѣе, какъ это обыкновенно случается.

Здѣсь, касательно обезпеченія ассигнацій землею, я прошу позволенія напомнить одинъ примѣръ, который конечно не

Digitized by Google

во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть приложенъ къ разсматриваемому нами вопросу, который однакожъ замѣчателенъ своею разительностію. Французское правительство, во время революціи, стремясь всѣми силами облегчить зло отъ чрезмѣрныхъ выпусковъ ассигнацій происходившее, рѣшилось выпустить новыя бумажныя деньги (mandats), обеспечивъ ихъ землями. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство въ эту минуту было богато такъ называемыми національными имуществами, и судя по дѣйствительной стоимости сихъ имуществъ, залогъ казался весьма достаточнымъ. Къ тому же правительство предписало всѣ возможныя средства къ обеспеченію реализаціи залога, узаконивъ между прочимъ, что всякій, имѣя извѣстную сумму мандатами, можетъ избрать любое соотвѣтствующее сей суммѣ національное имѣніе, и внося сумму, вступить во владѣніе. Но и это героическое средство не помогло: мандаты упали какъ упали ассигнаціи.

Если же возникнетъ вопросъ о томъ особенно: можетъ ли потребность обращенія бумажныхъ представительныхъ знаковъ въ Россіи, безнаказанно, безъ упадка курса кредитныхъ билетовъ, поглотить двойное количество ассигнацій противъ того, которое существуетъ теперь; то этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ весьма просто и прямо: Теперь казна не размѣниваетъ на серебро кредитныхъ билетовъ, или размѣниваетъ въ незначительныхъ суммахъ; за размѣнъ на серебро мѣнялы берутъ 2%. Въ этомъ очевидно заключается неоспоримое доказательство, что количество бумажныхъ денегъ начало уже превышать потребности обращенія. Можетъ быть упадокъ курса на иностранныя деньги тоже свидѣтельствуетъ покрайней мѣрѣ частію и въ нѣкоторомъ отношеніи.

И такъ, по моему убѣжденію, выкупъ крестьянъ съ землею посредствомъ предлагаемыхъ вами векселей Опекунскаго совѣта, не возможенъ. Вообще я полагаю, что какой бы то ни былъ выкупъ, долженъ быть произведенъ посредствомъ займа въ иностранныхъ государствахъ, по той простой причинѣ, что тамъ деньги дешевле нежели въ Россіи. Было время когда существовала возможность занимать въ чужихъ краяхъ капиталы за 4½ и за 5% и ссужать ихъ для выкупа крестьянамъ, покрайней мѣрѣ нѣкоторымъ, зажиточнымъ, по 7 и 8%. Но теперь, когда мысль освобожденія такъ сильно овладѣла крестьянами, и когда разрѣшеніе сего вопроса должно быть скорое и простое, теперь прибѣгать къ частнымъ мѣрамъ и мѣрамъ сложнымъ, требующимъ долголѣтняго приведенія въ дѣйство, едва ли возможно.

Эта мысль о займѣ въ чужихъ краяхъ напоминаетъ мнѣ, что предлагаемые вами векселя могутъ быть обращены въ кредитныя бумаги, подобныя тѣмъ, кои вездѣ составляютъ долгъ государственный, и что тогда онѣ будутъ приносить проценты, покупаться и продаваться на биржѣ. Тогда вопросъ будетъ поставленъ иначе, хотя многія возраженія дѣлаемыя мною относительно векселей вашего изобрѣтенія, могутъ быть повторены относительно и сихъ новыхъ кредитныхъ бумагъ.

Теперь позвольте мнѣ приступить къ главному моему возраженію на вашу статью. Какъ! и "Колоколъ" требуетъ, чтобы русскій мужикъ выкупилъ свои человѣческія права съ клочкомъ, потомъ и кровію орошенной имъ и его предками земли! Et tu quoque Brute!

Но скажите, ради Бога, какъ, почему, за что крестьянинъ долженъ нести бремя выкупа, какъ бы онъ маловаженъ ни былъ?

Земля признанная собственностію помѣщика. Положимъ, что это такъ. Но развѣ съ этимъ правомъ собственности на землю, помѣщикъ не имѣетъ соотвѣтственныхъ обязанностей? Онъ отвѣчаетъ за налоги съ крестьянъ, онъ обязанъ ихъ кормить когда у нихъ нѣтъ хлѣба, строить имъ избы когда онѣ разрушаются или горятъ, и, что всего важнѣе, онъ не можетъ ихъ сгонять съ земли своей.

Историческія права на землю болѣе или менѣе одинаковы во всѣхъ государствахъ. Если есть различіе и оттѣнки, то всѣ они въ пользу русскаго быта. У насъ не было завоеванія и слѣдовательно феодальнаго права. У насъ крестьяне были прикрѣплены къ землѣ не болѣе. Теперешнее ихъ положеніе есть послѣдствіе злоупотребленій. Если императоры и императрицы, до Александра I, дарили крестьянъ дворянамъ, то они передавали только то, что сами имѣли, т. е. право взиманія оброка. Императоры и императрицы не гоняли ихъ на барщину, не продавали на свозъ и проч. и проч. И отъ этихъ-то тружениковъ, изнуренныхъ вѣковымъ рабствомъ, вы согласитесь принять лепту за ихъ освобожденіе отъ неправеднаго, беззаконнаго, противузаконнаго рабства! Самъ Веспазіанъ не посовѣтовалъ бы сыну своему принять такую монету.

Когда дѣло шло въ Пруссіи объ освобожденіи крестьянъ, то коммиссія, по сему предмету учрежденная, въ донесеніи своемъ правительству вошла въ изслѣдованіе историческихъ правъ поземельныхъ владѣльцевъ. Это донесеніе весьма замѣчательно и послужило въ послѣдствіи основаніемъ закону 1811 года, по коему всѣмъ живущимъ на помѣщичьихъ земляхъ крестьянамъ было упрочено, безвозмездно, однимъ, наслѣдственнымъ, ⅔, другимъ, срочнымъ, половину занимаемой ими земли, съ правомъ выкупа остальной ⅓ и ½ оставляемой за помѣщикомъ. Правда, что первымъ министромъ былъ тогда Штейнъ, а въ коммиссіи засѣдали, кромѣ двухъ весьма опытныхъ и дѣловыхъ министровъ, извѣстный, какъ администраторъ и какъ писатель Штегеманъ и славный историкъ Нибуръ.

И такъ, почтенный господинъ Редакторъ, позвольте мнѣ заявить мой протестъ противъ какаго бы то ни было выкупа, со стороны крестьянъ.

Но такъ какъ наше правительство поставило уже правиломъ выкупъ такъ называемой усадьбы, то я думаю, что сіе распоряженіе, столь ясное и положительное, должно сохранить свою силу и дѣйствіе. Впрочемъ можно надѣяться, что многіе помѣщики, если не всѣ, послѣдуютъ примѣру того, что сдѣлано въ удѣльныхъ имѣніяхъ и добровольно откажутся отъ платы за крестьянскія усадьбы. Это было бы ни мало не удивительно въ землѣ, гдѣ помѣщики оставили на оброчномъ положеніи половину закрѣпощенныхъ крестьянъ, — явленіе единственное въ исторіи: ни въ какой иной землѣ рабство не было никогда умѣрено оброкомъ.

Но возвратимся къ выкупу. Кромѣ нравственной и юридической несправедливости возложить сей выкупъ на крестьянъ, представляются другія соображенія, по коимъ нельзя принять сей мѣры освобожденія. И прежде всего возникаетъ вопросъ: будетъ ли крестьянинъ въ состояніи заплатить налагаемую на него сумму выкупа?

Русскій крестьянинъ конечно имѣетъ свои достоинства, свои качества, которыя особенно оцѣниваются тѣми, кои имѣли случай видѣть крестьянъ въ другихъ государствахъ. Но при

всемъ томъ положеніе, въ которомъ онъ находился въ тсченіе весьма долгаго времени, необходимо долженствовало имѣть свое естественное дѣйствіе и отразится въ упадкѣ, въ уменьшеніи силъ нравственныхъ и умственныхъ. Это ни мало и не удивительно. Удивительно только то, что не смотря на вѣковое закрѣпощеніе, на вѣковую безграмотность, русскій мужикъ сохранилъ еще столько смысла, столько бодрости, столько смѣтливости, и особливо столько способности къ развитію! Этимъ, по моему мнѣнію, русскій крестьянинъ, въ сильной степени, обязанъ существованію сельскихъ общинъ, кои удержались вопреки закрѣпощенію, хотя въ весьма недостаточномъ видѣ, и давали мужику возможность толковать, разсуждать о собственныхъ дѣлахъ своихъ. Еслибъ крестьяне жили каждый въ отдѣльности, не разсуждая уже совершенно ни о чемъ съ себѣ подобными, то рабство и привычка къ повиновенію безотвѣтному, молчаливому, унизили бы ихъ несравненно болѣе.

Взгляните на барщиннаго крестьянина : онъ работаетъ на барина по приказу, на себя, чтобы по возможности прокормиться и не умереть съ голоду. Если у него не стало лошади, баринъ даетъ ему лошадь и онъ продолжаетъ работать. Если изба сгорѣла, ему даютъ лѣсу для постройки новой. Вѣковое продолженіе такой махинальной, такой безсознательной работы —однимъ словомъ такое пассивное существованіе, не могло не притупить силъ разума и воли. Нѣкоторые Русскіе агрономы расчитываютъ, что стоимость годовой работы крестьянина равняется суммѣ 20 или 22 руб. сер. Предложите такому крестьянину освободить его отъ работы съ обязанностію платить оброкъ половиною менѣе сей суммы. Что крестьянинъ на такое предложеніе согласится, это ничего не доказываетъ. Дѣло въ томъ : будетъ ли онъ въ возможности уплатить сей оброкъ? Онъ немедленно долженъ перерод иться изъ существа пассивнаго, безсознательнаго, въ человѣка дѣятельнаго, разсудительнаго, соображающаго цѣль со средствами къ достиженію оной. Положимъ, что это перерожденіе совершится. Но вотъ случайности, непредвидѣнныя, но не менѣе того дѣйствительныя и весьма обыкновенныя. У мужика пала лошадь. Въ прежнемъ пассивномъ его положеніи онъ продолжалъ работу или безъ лошади, или съ лошадью данною господиномъ. Теперь гдѣ ему взять лошадь? Такимъ образомъ работа его останавливается и средства существованія и платежа податей уменьшаются. Прибавьте къ этому пожары, неурожаи и другія бѣдствія столь часто постигающія крестьянина, и вы убѣдитесь, что платежъ выкупной суммы не можетъ имѣть должнаго обеспеченія.

Дабы показать какъ труденъ переходъ отъ обычнаго быта, даже и въ бытъ лучшій, я прошу позволенія привести слѣдующій примѣръ.

Я рѣшился однажды обратить барщинныхъ крестьянъ въ оброчныхъ. На мое предложеніе они конечно съ радостью согласились. Я представилъ имъ счеты доходовъ и спросилъ —могутъ ли они платить оброкъ равный симъ доходамъ? Обсудивъ дѣло, они отвѣчали, что на первое время не могутъ, но соглашаются платить $\frac{2}{3}$ прежняго дохода. Такъ мы и условились. Но уже въ первый годъ оброчный доходъ, въ слѣдствіе пожаровъ и проч., достигъ только до половины прежняго дохода, барщиною доставляемаго. Между тѣмъ оброкъ былъ не великъ. Селеніе имѣло 600 душъ съ 6,000 дес. земли, и съ черноземомъ : другіе крестьяне сосѣдней деревни, малоземельные, живущіе промысломъ, и бывшіе всегда на оброкѣ, платили 20 или 25 руб. асс., т. е. вдвое болѣе того, что первые заплатили въ первый годъ. Это показываетъ, что барщинные крестьяне не съумѣли, такъ сказать, справиться съ новымъ своимъ бытомъ, отъ непривычки ; между тѣмъ какъ оброчные другой деревни, привыкнувъ къ своему быту, легко платили оброкъ и находились притомъ въ лучшемъ положеніи нежели первые.

Такимъ образомъ, при предстоящемъ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, надлежитъ всячески стараться облегчить переходъ ихъ изъ крѣпостнаго въ вольное состояніе. Всякая подать взимаемая съ нихъ за сіе освобожденіе, затруднитъ переходъ сей.

Сверхъ сего выкупная сумма должна быть уплачиваема въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, 37 лѣтъ по вашему проэкту, почтенный господинъ Редакторъ. Въ какомъ же положеніи долженъ оставаться крестьянинъ во все это время? Останется ли онъ прикрѣпленнымъ къ землѣ до тѣхъ поръ, пока весь выкупъ не совершится? Однимъ словомъ будетъ ли онъ вольнымъ человѣкомъ въ продолженіе сихъ 37 лѣтъ? Какой законодатель, хотя нѣсколько знающій свойства сердца человѣческаго, рѣшится сказать человѣку : Я дарую тебѣ свободу,—но сею свободою ты будешь пользоваться не прежде какъ черезъ 37 лѣтъ?

Теперь я приступлю къ изложенію моей мысли объ освобожденіи.

Я предлагаю отдѣлить изъ всей земли каждаго селенія, за исключеніемъ лѣсовъ, третью часть и предоставить оную во владѣніе сельской общины, безвозмездно, съ тѣмъ, чтобы эта третья часть ни въ какомъ случаѣ не превышала трехъ десятинъ на тягло.

Вмѣстѣ съ симъ я предлагаю употребить 30 или 40 мил. руб. сер. на вспоможеніе тѣмъ изъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, кои потерпятъ особенный ущербъ отъ невозможности располагать всѣми силами своихъ крестьянъ по прежнему.

Возраженія противъ сего предложенія могутъ быть слѣдующія :

1.) Безвозмездность надѣленія крестьянъ землею.

Я упомянулъ выше, что если вся земля принадлежитъ помѣщикамъ, то принадлежитъ не безусловно. Пользуясь правомъ, помѣщикъ имѣетъ и обязанности. Освобожденіе крестьянъ съ $\frac{1}{3}$ земли освобождаетъ помѣщика отъ сихъ обязанностей. На семъ-то правилѣ и былъ основанъ законъ 1811 года въ Пруссіи, законъ предписывающій, что крестьяне, возвративъ помѣщику $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ земли, коею они доселѣ пользовались, тѣмъ самымъ откупятся отъ всѣхъ повинностей и будутъ независимыми владѣльцами остающейся за ними земли. То что прусское законодательство называетъ выкупомъ, я называю надѣленіемъ. Но въ сущности мѣра одна и таже, только что въ Пруссіи крестьяне получили болѣе, нежели сколько по моему предложенію получатъ русскіе крестьяне. Замѣтимъ, что при изданіи сего закона, никому не приходило въ голову, что въ семъ распоряженіи прусскаго правительства было какое-либо нарушеніе "священныхъ правъ собственности."

Мы не намѣрены впрочемъ входить въ изысканія о правѣ помѣщиковъ на землю, о справедливости безвозмезднаго надѣленія крестьянъ землею и т. п. Всѣ такія изысканія не ведутъ ни къ чему. Главный практическій вопросъ состоитъ въ томъ : потерпятъ ли помѣщики ущербъ отъ такого узаконенія? или другими словами : сохранятъ ли остающіяся двѣ трети земли за помѣщикомъ прежнюю свою стоимость, или возвысятся или понизятся въ цѣнѣ своей?

Отвѣтъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію въ глазахъ людей добросовѣстныхъ. Возможность владѣнія землею для всѣхъ состояній въ государствѣ, неминуемо возвыситъ цѣнность земли повсемѣстно ; такъ что остающіяся за помѣщикомъ $\frac{2}{3}$ земли будутъ стоить болѣе, нежели вся земля прежде, бывшая въ его владѣніи.

Что же касается до ущербовъ, кои помѣщики, впрочемъ только нѣкоторые, могутъ потерпѣть отъ личнаго освобожденія ихъ крѣпостныхъ людей, въ слѣдствіе невозможности брать съ нихъ чрезмѣрнаго оброка ; то такіе ущербы не должны останавливать законодателя. Сверхъ сего принципъ личнаго освобожденія былъ провозглашенъ, болѣе или менѣе ясно и положительно, въ Рескриптѣ 20 Ноября и въ циркулярахъ министра внутреннихъ дѣлъ. Я старался показать сіе въ

Digitized by Google

особой статьѣ: "О силѣ и дѣйствіи высочайшаго рескрипта 20 Ноября 1857 года и циркуляровъ министра внутреннихъ дѣлъ." Въ нѣкоторыхъ проэктахъ о семъ предметѣ я нахожу еще изчисленія о выкупѣ не только земли, но и лично крестьянъ; но такія изчисленія, такія требованія со стороны помѣщиковъ, не имѣютъ теперь, по моему мнѣнію, никакой значительности.

Такимъ образомъ безвозмездное надѣленіе крестьянъ землею, по моему предложенію, ни мало не разорить помѣщиковъ.—Напротивъ земли ихъ вздорожаютъ.

Мнѣ даже кажется, что, касательно выгодъ помѣщиковъ, нѣкоторыя предложенія о выкупѣ будутъ для нихъ едва ли выгоднѣе моего безвозмезднаго надѣленія. И здѣсь я обращаюсь къ вашему проэкту.

По вашимъ цифрамъ вы предоставляете 11 милiонамъ крестьянъ 33 милiона десятинъ земли. Это выходитъ по 3 десятины на душу. За сіи 3 десятины земли вы платите помѣщику 70 р. с., то есть 23 р. 33 к. с. за десятину.

Но дѣйствительная цѣна одной десятины земли превышаетъ сію сумму. Положимъ, что она простирается до 50 р. с., что конечно не есть чрезмѣрное изчисленіе:

Три десятины въ такомъ случаѣ стоятъ	150 р. с.
Вы платите помѣщику только	70
Слѣдственно онъ теряетъ	80 р. с.

По моему предложенію отдѣляется крестьянамъ—какъ maximum—3 десятины на тягло, т. е., считая тягло въ $2\frac{1}{2}$ души, по $1\frac{1}{5}$ десятины на душу, количество стоющее, по принимаемой оцѣнкѣ, въ 50 р. дес.—60 р. с.

Слѣдовательно помѣщикъ, по моему плану, теряетъ 20 р. с. менѣе.

Но отстраняя сію подробность разсчета, я повторю, что настоящее вознагражденіе помѣщика за отдѣляемую крестьянамъ одну-треть земли, найдется само собою въ возвышеніи цѣнности остающихся за нимъ $\frac{2}{3}$ей.

Впрочемъ признавая безвозмездное надѣленіе крестьянъ $\frac{1}{3}$ земли вполнѣ справедливымъ, я всѣмъ сердцемъ желаю, чтобъ правительство могло найти средства дать хотя нѣкоторое вознагражденіе помѣщикамъ за сію $\frac{1}{3}$. Только я думаю, что правительство, въ выгодахъ государственныхъ, должно, опредѣляя сіе вознагражденіе, сообразоваться ни съ чѣмъ инымъ какъ со способами казначейства. Положимъ, что сіи способы позволятъ правительству употребить на сіе до 250,000,000 р. с., включая и вспоможеніе 40 милiоновъ мелкопомѣстнымъ. Такой суммы, мнѣ кажется, будетъ вполнѣ достаточно. Сумма должна быть занята въ чужихъ краяхъ и выплачена немедленно помѣщикамъ. Вмѣстѣ съ симъ правительство можетъ учредить особые налоги, долженствующіе служить къ уплатѣ хотя части сего долга. Симъ налогамъ могутъ быть подвержены прежде всего купецкіе капиталы, и потомъ домы въ городахъ. И здѣсь я повторю мое убѣжденіе, что многіе помѣщики откажутся отъ вознагражденія за $\frac{1}{3}$ земли уступленной крестьянамъ.

2. Второе возраженіе противъ моего плана можетъ состоять въ недостаточности земли отдѣляемой для крестьянъ.

Такое возраженіе весьма основательно.

Но признавъ необходимость освобожденія съ землею и имѣя въ виду надѣленіе крестьянъ землею безвозмездно, я долженъ былъ стремиться къ возможному ограниченію количества отходящаго отъ помѣщика къ крестьянамъ. Уменьшить ниже трехъ десятинъ на тягло количество земли мнѣ показалось невозможнымъ, не поколебавъ въ сильной степени основанія, на которомъ должно устроиться самобытное, независимое состояніе земледѣльческое.

Но сія ограниченность надѣленія имѣетъ и свои выгоды, по крайней мѣрѣ относительныя если не положительныя. Во первыхъ,—оно лишаетъ помѣщика по возможности самой меньшей части земли; и во вторыхъ,—обеспечивая болѣе или менѣе по крайней мѣрѣ прокормленіе крестьянъ, ихъ насущный хлѣбъ, о коемъ всѣ мы ежедневно просимъ Небеснаго Отца, оно указываетъ имъ на необходимость искать дальнѣйшихъ средствъ существованія въ наймѣ земли помѣщичьей.

Дальнѣйшія мои предположенія состоятъ въ томъ, что предназначаемая земля крестьянамъ должна быть отведена во владѣніе крестьянской общины, а не лично каждому крестьянину.

Что сей отводъ долженъ быть произведенъ въ дѣйство немедленно; для чего сверхъ землемѣровъ могутъ быть употреблены чиновники вѣдомства управленія казенныхъ имуществъ и удѣльныхъ. Здѣсь я замѣчу, что правительство найдетъ, можетъ быть, какія нибудь средства ускорить отводъ земель или размежеваніе между помѣщиками и сельскими общинами, предоставивъ нѣкоторыя выгоды тѣмъ кои раздѣлятся скоро и полюбовно. При Екатеринѣ II правительство предоставляло въ пользу землевладѣльцевъ нѣкоторыя смѣжныя казенныя земли, когда они размежевывались полюбовно.

Личныя отношенія помѣщиковъ съ крестьянами должны, по возможности, прекратиться. Сіи сношенія будутъ существовать только между помѣщикомъ и сельскимъ обществомъ. Впрочемъ объ опредѣленіи сихъ сношеній и всего что можетъ касаться до суда и расправы, надлежитъ издать особенныя узаконенія, о коихъ мы здѣсь скажемъ только, что и въ семъ случаѣ общинное устройство въ сильной степени облегчитъ дѣло. Если законодатель съумѣетъ воспользоваться тѣми элементами, кои находятся не только въ самой дѣйствительности, но въ духѣ, въ нравахъ народныхъ; то нѣтъ сомнѣнія, что на такихъ основаніяхъ онъ будетъ въ возможности создать нѣчто прочное, благое и способное къ дальнѣйшему развитію.

Вотъ мой планъ, почтенный господинъ Редакторъ. Каждый изъ насъ, сочинителей проэктовъ, кричитъ: — "Prenez mon ours!" Но въ этомъ бѣды нѣтъ; а есть, напротивъ, очевидная польза. Проэкты разсматриваются, обсуждаются общимъ мнѣніемъ,—и важный вопросъ объясняется и приближается къ разрѣшенію—по крайней мѣрѣ такъ бы это должно быть. Конечно бѣдные русскіе мужики не имѣютъ голоса въ сихъ разсужденіяхъ: толки и споры, какъ говорится, проходятъ надъ ихъ головами, безъ всякаго участія съ ихъ стороны. Потому то особенно они и должны имѣть своихъ, званыхъ или незваныхъ, лишь бы только добросовѣстныхъ, представителей.

Но этого не довольно. Отдѣльные возгласы писателей и сочинителей проэктовъ должны гдѣ нибудь сосредоточиваться, дабы можно было судить о ходѣ дѣла, о различныхъ измѣненіяхъ въ мнѣніи общемъ, объ успѣхахъ въ приближеніи къ цѣли и о препятствіяхъ, кои останавливаютъ сіи успѣхи. Такое сосредоточеніе, такая перечень возможна только въ какомъ либо періодическомъ изданіи. Еслибы "Колоколъ" рѣшился представлять отъ времени до времени, такія описанія, такія означенія современнаго положенія вопроса освобожденія крестьянъ; то по моему мнѣнію это было бы весьма полезно.

Дабы показать какъ я разумѣю такое описаніе современнаго положенія вопроса, я постараюсь опредѣлить положеніе теперешнее. Свѣденія мои въ семъ отношеніи конечно весьма ограничены. По сію пору мы ничего не знаемъ положительно о происходящемъ въ губернскихъ комитетахъ. Но при всемъ томъ я означу, по крайней мѣрѣ, методу, по коей сіи описанія могутъ быть дѣлаемы. Степень пользы сихъ описаній будетъ зависѣть отъ степени свѣденій о томъ что дѣлается.

Прежде всего надлежитъ, по моему мнѣнію, заняться разборомъ рескрипта 20го Ноября и циркуляровъ министра внутреннихъ дѣлъ. Этотъ рескриптъ и эти циркуляры, открывъ вопросъ, постановили или по крайней мѣрѣ озна-

Digitized by Google

числи нѣкоторыя правила, кои необходимо должны имѣть свою силу и свое дѣйствіе. Я, на примѣръ, понялъ, что сими постановленіями, или означеніями, былъ разрѣшенъ вопросъ личнаго освобожденія крестьянъ. Мнѣ даже кажется, что по циркулярамъ можно заключить, что всѣ новорождающіеся въ крѣпостномъ состояніи, рождаются не крѣпостными, а вольными. Я могу ошибаться. Пусть же другіе обсудятъ этотъ вопросъ, и пусть журналъ означитъ :—къ какому заключенію, въ семъ отношеніи клонится общее мнѣніе.

Относительно самаго освобожденія, по всему что сдѣлалось извѣстнымъ, можно, кажется, безошибочно заключить, что освобожденіе личное, безъ земли, вообще отвергается общимъ мнѣніемъ, и что освобожденіе съ землею почитается необходимымъ. Заявивъ это обстоятельство, журналъ, по возможности, предупредитъ всѣ безполезныя разглагольствованія по сему особенному предмету.

Весьма полезно также будетъ слѣдить за движеніями вопроса относительно выкупа. Опять напомнивъ, что мои свѣдѣнія о семъ дѣлѣ весьма ограничены, я скажу, что, по моему усмотрѣнію, вопросъ о выкупѣ, въ настоящую минуту, состоитъ въ слѣдующемъ положеніи.

1.) По одному проэкту написанному человѣкомъ весьма опытнымъ и знающимъ дѣло, крестьяне должны, по мѣстной оцѣнкѣ, выкупить необходимое для нихъ количество земли. Журналъ можетъ быть въ состояніи сказать : есть ли вѣроятность, что сей проэктъ будетъ принятъ многими владѣльцами и крестьянами.

2.) Въ другомъ проэктѣ, составленномъ человѣкомъ весьма просвѣщеннымъ, исполненнымъ стремленія къ добру и заключающемъ весьма важныя изслѣдованія, авторъ предлагаетъ выкупить занимаемую теперь барщинными крестьянами землю и всю землю въ имѣніяхъ оброчныхъ, посредствомъ облигацій, выдаваемыхъ правительствомъ. Сумма сихъ облигацій простирается до 1,000,000,050 р. с.

3.) По третьему проэкту, или, справедливѣе сказать по мысли, извѣстной мнѣ весьма поверхностно (проэкта я никакого не читалъ), по мысли принадлежащей едва ли не самому опытному въ семъ дѣлѣ человѣку, по сей мысли предполагается выкупить отъ правительства у помѣщиковъ по 3 или 4 десятины на душу для крестьянъ. Раздѣливъ все государство на три полосы, правительство опредѣлитъ, для каждой извѣстную цѣну десятины, и заплатитъ ее помѣщику. Сумма выкупа простирается до 500,000,000 р. с.

4.) По проэкту редактора "Колокола," выкупъ можетъ быть совершенъ выпускомъ векселей на 770 милліоновъ р. с. в векселей не приносящихъ процентовъ.

5.) Наконецъ изъ двухъ записокъ, изъ коихъ одна, составленная Т. губернскимъ предводителемъ, отличается весьма здравыми, прямыми и умными изслѣдованіями и доводами, и которую я читалъ, а другая составленная въ В. губерніи и о которой я только слышалъ,—изъ сихъ двухъ записокъ слѣдуетъ, что выкупъ долженъ быть произведенъ, какъ за людей, такъ и за землю при чемъ выкупная сумма доходитъ, будучи приложена ко всей Россіи, до огромнѣйшихъ размѣровъ.

Вотъ уже 5 различныхъ предположеній о способѣ выкупа. Поставивъ ихъ вмѣстѣ на видъ читателя, онъ можетъ сравнить ихъ и остановившись на одномъ, заняться дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ.

6.) Но кромѣ проэктовъ, на выкупѣ основанныхъ, существуетъ одинъ инаго рода, весьма замѣчательный, который я читалъ съ живымъ сочувствіемъ и который, какъ слышно, одобряется многими помѣщиками въ Россіи. Это проэктъ г. К. Авторъ предлагаетъ отдѣлить въ общинное крестьянское владѣніе по 2½ десятины на душу и обязать ихъ платежемъ вѣчнаго оброка, подобнаго оброку казенныхъ крестьянъ. Сей проэктъ, я повторяю, весьма замѣчателенъ историческими изслѣдованіями и особеннымъ знаніемъ дѣла. Конечно было бы весьма полезно заняться подробнымъ изслѣдованіемъ онаго. Я этого, особливо теперь въ семъ письмѣ, исполнить не могу. Скажу только—ибо Редактору "современнаго положенія вопроса" не запрещается высказывать своего мнѣнія—что не смотря на всѣ неоспоримыя достоинства сего проэкта и послѣ долгаго колебанія, я призналъ его неудовлетворительнымъ. Самобытное, вольное, независимое положеніе крестьянина, по моему мнѣнію, недостаточно обезпечивается въ семъ проэктѣ. Изъ обязанности оброка, можетъ произойти обязанность работы,—и наконецъ барщина. Всѣ тѣ, кои предписываютъ какія либо повинности отъ крестьянъ помѣщику, не должны забывать какъ крѣпостное состояніе возникло и какъ оно развилось. Борисъ Годуновъ только укрѣпилъ крестьянъ землѣ—не болѣе. Прошло едва 100 лѣтъ и Петръ I писалъ въ Указѣ Сенату, что "въ Россіи продаютъ людей какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не видится и отъ чего не малый вопль бываетъ." Освобожденнаго крестьянина надобно будетъ пріучать къ вольности, а не къ неволѣ. Къ несчастію какая то непреодолимая сила влечетъ людей къ противному. Правительство наше, съ самыми благими намѣреніями, желая устроить удѣльныя имѣнія, привело крестьянъ рѣшительно вольныхъ, въ полу-крѣпостное положеніе! Это также я показалъ въ особой запискѣ "Объ удѣльныхъ имѣніяхъ."

7.) Наконецъ извѣстно, что во многихъ мѣстахъ были дѣлаемы предложенія освободить крестьянъ съ землею посредствомъ перевода на нихъ долга опекунскаго совѣта. Сіе средство входитъ въ категорію добровольныхъ сдѣлокъ или договоровъ между помѣщиками и крестьянами, и потому законъ не долженъ имъ препятствовать. Правительство можетъ только принять здѣсь нѣкоторыя мѣры для огражденія справедливыхъ выгодъ крестьянъ, коихъ естественное желаніе получить свободу можетъ увлечь къ условіямъ, коихъ они не будутъ въ состояніи исполнить.

Но между тѣмъ какъ мы такъ часто слышимъ о подобныхъ дѣлахъ, мы не видимъ никакихъ распоряженій со стороны правительства, въ слѣдствіе коихъ оныя могли бы быть приведены въ исполненіе. Положимъ, что въ одномъ извѣстномъ имѣніи и помѣщикъ и крестьяне согласны на такую сдѣлку, и что сдѣлка выгодна для крестьянъ. Но какъ совершить переводъ долга? Согласится-ли опекунскій совѣтъ на переводъ сей? Очевидно, что здѣсь необходимо особенное узаконеніе, допускающее подобныя сдѣлки и переводы и предписывающее правила для обезпеченія какъ выгодъ крестьянъ, такъ и правъ опекунскаго совѣта.

Такимъ образомъ "современное описаніе положенія вопроса," заявляя и совокупляя оказывающіяся движенія въ мнѣніи общемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ будетъ указывать и на необходимость соотвѣтственныхъ измѣненій въ законодательствѣ русскомъ. Это, бывъ исполнено просто и добросовѣстно, можетъ содѣйствовать къ скорѣйшему разрѣшенію вопроса. А что это скорое, ясное, несложное, простое разрѣшеніе необходимо—тому Богъ свидѣтель!

НОВГОРОДСКОЕ ВОЗМУЩЕНІЕ ВЪ 1831.

(окончаніе).

Пріѣхавъ домой я узналъ, что знамя съ квартиры моей взято; новый караулъ, смѣнивъ Перекопаева, простоявшаго двое сутокъ, самовольно взявъ знамя, равно смѣнивъ часоваго у денежнаго ящика, присоединился къ главной гауптвахтѣ, а ящикъ и грамоту оставили безъ часоваго. Въ бытность мою въ 3 ротѣ на молебнѣ, пріѣзжали нѣсколько поселянъ къ главной гауптвахтѣ и взбунтовали тѣхъ резервныхъ, кои съ маіоромъ Балланюмъ тамъ находились. Нѣсколько поселянъ короля прусскаго полка, пріѣхавъ къ пороховому заводу,

кричали на нашу сторону, чтобъ подали имъ лодку, жена же моя приказала весла спрятать въ сарай, но деньщикъ мой вынесъ весла и не смотря на запрещеніе перевезъ 4 поселянъ, кои прибывъ ко мнѣ на квартиру, требовали выдачи тѣхъ двухъ офицеровъ, которыхъ наши привели ко мнѣ и я приказалъ посадить ихъ на гауптвахту; на это жена моя отвѣчала что меня нѣтъ дома, а безъ меня никто отпустить не можетъ. Они пошли къ гауптвахтѣ, но и тамъ ихъ не дали. Пошумѣвъ немного, они пошли опять къ лодкѣ и поѣхали одни уже на ту сторону Волхова. Еще узналъ я, что поручица Бутлеръ съ младенцомъ сыномъ умерла отъ холеры, а маіорша Кутузова заболѣла холерою, и когда мужъ ея, бывшій подъ судомъ подавалъ ей помощь, то деньщикъ его привелъ поселянъ человѣкъ 8, кои схватили Кутузува и желѣзнымъ шкворнемъ ранивъ его въ руку, потащили на гауптвахту, за то, что деньщикъ имъ сказалъ, будто бы онъ говорилъ, что давно пора всѣхъ поселянъ перевѣшать. Маіоръ Кутузовъ былъ подъ судомъ съ 4 ротными своими командирами и адъютантомъ за безпорядки въ баталіонѣ и судился не арестованнымъ. Еще былъ подъ судомъ и содержался на гауптвахтѣ штабсъ-капитанъ Левицкій, за то, что получивъ по мнѣнію его несправедливый выговоръ, подалъ рапортъ и просилъ отмѣнить приказъ. Всѣ они были уже нѣсколько лѣтъ подъ судомъ. Еще на гауптвахтѣ содержались 8 человѣкъ тоже бывшихъ подъ судомъ, одинъ за фальшивую пріемку провіанта на небывалую роту; одинъ за 4 побѣгъ; остальные судились за меньшія преступленія; нѣсколько разъ военные поселяне выпускали ихъ изъ подъ караула и предлагали идти по домамъ, но никто не хотѣлъ воспользоваться симъ случаемъ; особенно 19 числа вечеромъ, когда поселяне распустили караулъ и маіора Баллаша прогнали съ гауптвахты со всѣми бывшими при немъ офицерами, оставивъ только нѣсколько человѣкъ изъ кантонистовъ караульныхъ, при посаженныхъ мною офицерахъ. Еще послѣ обѣда пришли ко мнѣ на квартиру нѣсколько человѣкъ и хотѣли взять денежный ящикъ и высочайшую грамоту. Часовыхъ не было, я нарочно надѣлъ халатъ и вышелъ къ нимъ уже не какъ начальникъ, а какъ житель и сказалъ, что конечно лучше взять эту государеву собственность, чѣмъ оставлять безъ часовыхъ и подвергать расхищенію, ибо я ночью буду спать и смотрѣть не буду какъ болѣе не начальникъ ихъ, да и высочайшая грамота валяется теперь въ частномъ домѣ, и ежели случится, Боже избави, пожаръ, то сгоритъ, а я сложивъ съ себя начальство, не осмѣлюсь коснуться оной; просилъ чтобъ прислали за ней того, кого они избрали вмѣсто меня. Поглядѣвъ на грамоту они не тронули ее, а пошли къ денежному ящику и хотѣли тащить его на гауптвахту, но оставили и пошли въ штабъ.

Въ 6 часовъ человѣкъ до 100 пріѣхали ко мнѣ на квартиру и стали требовать отъ меня отвѣта, почему ихъ депутаты не возвратились и взяты еще два человѣка изъ поселянъ, кои хотѣли было тайно пробраться въ городъ, чтобы разузнать гдѣ ихъ товарищи содержатся. На это я отвѣчалъ, что депутаты посланы къ государю, притомъ-же, когда у меня въ передней ожидаютъ они часа по два, то какъ же они могутъ расчитывать часы и назначать сроки государю императору; на счетъ же взятыхъ двухъ человѣкъ, я предлагалъ имъ по утру для подписи листы, разосланные мною по ротамъ о послушаніи ихъ, но какъ они не согласились и билетовъ отъ меня брать не хотѣли, то чтобъ теперь и не пеняли отъ чего ихъ задерживаютъ. Пошумѣвъ немного, они поѣхали обратно. Между тѣмъ я получилъ отъ своихъ конно-рабочихъ разъѣздовъ извѣстіе, что поселяне 2 роты собрались выбирать себѣ начальника, и избрали между собой одного, но другіе старые солдаты рѣшительно объявили, что они лопатника, мужика слушать не будутъ, а хотятъ, чтобъ выбрали кого либо изъ служившихъ государю, да къ тому же чтобъ такого, который проливалъ кровь свою за вѣру и царя; лучше слушаться заслуженнаго человѣка, ходившаго въ походы, чѣмъ земскаго мироѣда. Началась драка, раздѣлились на двѣ партіи, поселяне нетерпѣли старыхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ, бывшихъ ихъ учителями, кричали, что у нихъ есть свои головы, которые умѣли говорить съ исправниками и губернаторами. Унтеръ-офицеры и къ нимъ приставшіе кантонисты, произведенные въ унтеръ-офицеры, говорили, что лучше явиться къ старымъ начальникамъ, чѣмъ будутъ слушаться лопатника, мужика и начали выбирать депутацію ко мнѣ, чтобы я опять принялъ командованіе. Поселяне увидѣвъ это, бросились ко мнѣ, и прискакавъ въ числѣ 200 человѣкъ, требовали, чтобъ я не принималъ команды. Я вышелъ къ нимъ въ халатѣ, и выслушавъ ихъ, сказалъ: "Вы видите, что я и самъ не хочу вами командовать, вы бунтовщики, непокорны государю и и такъ отвѣчайте сами за себя." Солдатамъ сказалъ: "можно ли въ такомъ положеніи принять команду? Ежели вы этого желаете, то соберитесь вмѣстѣ, приходите сюда въ амуниціи и съ хлѣбомъ на два дня, тогда я васъ возьму подъ свою команду, но съ условіемъ, что за всякое непослушаніе будетъ взыскано примѣрно. Подумайте, хорошо ли, что ваше знамя стоитъ на гауптвахтѣ? и денежный ящикъ безъ часоваго? Вами одолѣли нѣсколько мужиковъ и ихъ дѣти кантонисты. Идите, скажите мои слова вашимъ товарищамъ старымъ служивымъ и приходите ко мнѣ скорѣе съ ружьями и амуниціей; мы заставимъ этихъ мужиковъ слушаться. Они отправились домой, но поселяне долго бушевали въ штабѣ; пришли на главную гауптвахту и кантонисты, взошли безъ сопротивленія въ солдатскую арестантскую и выгнали оттуда арестантовъ, но тѣ не соглашались оставить гауптвахту, сказавъ имъ: "что они находятся подъ судомъ и не могутъ уйти", и когда ихъ вытолкали силою, они перешли въ караульню. Послѣ сего поселяне и кантонисты взошли въ офицерскую арестантскую комнату и перевели арестованныхъ офицеровъ въ солдатскую арестантскую комнату, говоря имъ: "полно вамъ тутъ чай попивать, идите-ка за желѣзныя рѣшетки"; и силою погнали всѣхъ туда. Бывшій подъ судомъ капитанъ Левицкій, одинъ воспротивился, сказавъ имъ, что онъ находится подъ судомъ и его никто не осмѣлится отсюда перевести, въ противномъ случаѣ онъ убьетъ перваго, кто къ нему подступитъ. Левицкій будучи долгое время подъ судомъ, обзавелся хозяйствомъ, подѣлалъ къ окнамъ занавѣсы и имѣлъ для колотья сахару обломокъ чугунной рѣшетки. Этотъ кусокъ онъ спряталъ въ карманъ шараваръ и выхвативъ оный, сказалъ: "подступись кто нибудь, убью какъ собаку". Поселяне вышли произнося разныя ругательства, а Левицкій заперъ дверь и укрѣпилъ оную половою щеткой и черешневымъ чубукомъ, а у окошекъ задернулъ занавески. Вышедшіе поселяне пошли къ остававшимся на плацформѣ и на улицѣ, и разсказали имъ, что всѣхъ перевели, а остался одинъ такой разбойникъ, что чуть ихъ всѣхъ не перебилъ, выхвативъ пистолетъ изъ кармана.

Посовѣтовавшись, они раздѣлились на двѣ части, однимъ чтобы напасть на дверь, а другимъ на окна. Левицкій все это слышалъ изъ за занавѣски, и когда приступили къ окнамъ и дверямъ, то онъ ставъ на табуретъ ударилъ чугунной колотушкой въ раму, и соскочивъ съ табурета, ударилъ въ дверь и закричалъ: "прочь негодяи, всѣхъ разстрѣляю". Вся толпа бросилась отъ гауптвахты бѣжать къ своимъ лошадямъ, начали ругать Левицкаго, называя его разбойникомъ, и объявили, что завтра пріѣдутъ съ веревками и всѣхъ перевѣшаютъ. Потомъ сѣли на лошадей и поѣхали по домамъ въ роты; остались нѣсколько человѣкъ менѣе шумливыхъ и начали разсуждать, что дѣло сдѣлали не ладно, ибо и маіора Кутузова посадили за желѣзную рѣшетку, "вѣдь это не то, что простой офицеръ, чтобъ за него послѣ не отвѣчать." Пошли на гауптвахту, переговорили съ караульными и вошли въ арестантскую, гдѣ всѣ по тѣснотѣ стояли и сказали Кутузову: "извините ваше высокоблагородіе, мы въ потьмахъ не разглядѣли, а вамъ сидѣть здѣсь не мѣсто, извольте перейти въ офицерскую комнату"; и очень учтиво перевели его къ капитану Левиц-

Digitized by Google

кому. Узнавъ объ этихъ происшествіяхъ я пошелъ на гауптвахту и началъ говорить карауљнымъ, какъ они смѣли допустить поселянъ къ арестантамъ и пригласилъ ихъ перейти въ офицерскія комнаты. Переговоривъ съ офицерами, положили защищаться до послѣдняго; для этого собравъ надежныхъ изъ военно-рабочихъ человѣкъ 12 и вооруживъ ихъ 8 ружьями, которые отобралъ у конно-рабочихъ, приказалъ для усиленія караула стать вмѣстѣ съ резервными ненадежными людьми и не допускать поселянъ къ арестантамъ, что подтвердилъ и кантонистамъ, но обезоружить ихъ не могли. Цѣлую ночь всѣ держали ружья въ рукахъ. Офицерамъ мнѣ удалось доставить 4 маленькихъ заряженныхъ пистолета, 2 кинжала и 2 топора, все это отдалъ маіору Кутузову и приказалъ принять надъ ними начальство. Левицкаго по его пылкости вооружить не смѣлъ.

Пришедши домой, я послалъ разъѣзды подъ командою капитана Посова и ротныхъ командировъ невскаго баталіона, Абрамова, Ассева и поручика Стерлинскаго, для того, что ежели увидятъ старыхъ солдатъ, которые избирали меня въ начальника, то чтобъ не ожидая сбора, направили ихъ частями поспѣшнѣе ко мнѣ для занятія караула при знамени, грамотѣ и денежномъ ящикѣ. На разсвѣтѣ пріѣхалъ разъѣздъ изъ 1ой роты и увѣдомилъ, что депутаты изъ Петербурга возвратились и первая тройка какъ только прискакала, начали будить поселянъ для собранія на сходку. Слѣдомъ прискакала и другая въ 4ую роту и разъѣздъ сей же часъ меня увѣдомилъ, узнавъ отъ поселянъ, что наши были у государя и вернулись благополучно. Часовъ въ пять утра съ передоваго поста отъ 4ой роты донесли мнѣ, что нѣсколько троекъ скачутъ къ штабу и черезъ нѣсколько минутъ явились 12 человѣкъ депутатовъ посыланныхъ въ Петербургъ. Я вышелъ къ нимъ и спросилъ, благополучно ли ѣздили и видѣли ли государя императора. Тогда они начали говорить, что ѣздили благополучно и въ Ижорѣ государь къ нимъ пріѣзжалъ изъ Царскаго Села, разговаривалъ съ ними и будто бы похвалилъ ихъ сказавъ: Спасибо ребята, что вы тамъ за меня постояли, поѣзжайте домой, а я пришлю графа Орлова разобрать дѣло. Но одинъ изъ молодыхъ унтеръ-офицеровъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ глазами, чтобъ я вышелъ на улицу;— поговоривъ еще нѣсколько съ депутатами, которые мнѣ донесли, что 12 кои были въ билетѣ вписаны отправлены обратно, а 13ый который самъ вызвался ѣхать, говоря, что все выбрали дураковъ, тамъ задержали, и просили чтобъ я его выручилъ; я имъ сказалъ, что они теперь сами видѣть могутъ, что и ихъ бы задержали безъ моего билета, желая имъ показать важность начальства. Приказавъ имъ подождать въ комнатѣ покуда я напишу записки къ привятію графа Орлова, вышелъ къ себѣ заднимъ крыльцомъ на дворъ и велѣлъ привести того унтеръ-офицера, который дѣлалъ глазами знаки мнѣ. Тотъ мнѣ сказалъ: "Не вѣрьте, ваше высокоблагородіе, государь насъ принялъ въ Ижорѣ и бранилъ, какъ смѣли убить начальниковъ, и когда ихъ спросилъ, кто же теперь ими командуетъ, они сказали что строитель. Государь спросилъ, кто это такой, и какой то адъютантъ сказалъ, подписался инженеръ подполковникъ Панаевъ. Тогда государь велѣлъ отправить ихъ на курьерскихъ обратно и приказалъ сказать поселянамъ, чтобы слушались васъ во всемъ, что будете приказывать и что слѣдомъ за нами поѣдетъ графъ Орловъ съ дальнѣйшими приказаніями." Выслушавъ это, я приказалъ кондуктору написать записку въ роты, чтобъ всѣ поселяне къ 10 часамъ были одѣты по формѣ и прибыли въ штабъ съ кантонистами старшаго возраста, въ селеніяхъ улицы и тротуары были вычищены и когда графъ будетъ ѣхать, чтобы старики и поселянки съ кантонистами меньшаго возраста и дочерьми вышли по обычаю передъ крыльцы, какъ принимали своихъ начальниковъ. Самъ же я поѣхалъ на встрѣчу на станцію Подберезье. Поселяне по отъѣздѣ моемъ послали на двухъ тройкахъ 4 человѣка депутатовъ, кои догнавъ меня объявили, что поселяне прислали ихъ быть при объясненіи моемъ съ графомъ. Чрезъ полчаса пріѣхалъ фельдъегеръ для заготовленія лошадей графу, а черезъ часъ и самъ графъ Орловъ. Я встрѣтилъ его у коляски и подалъ рапортъ о состояніи округа. Принявъ оный онъ спросилъ мою фамилію и приказалъ идти на верхъ въ комнату проѣзжающихъ; поселяне хотѣли было за нимъ слѣдовать, но графъ сказалъ мнѣ, что хочетъ говорить со мною однимъ. Я обернулся къ нимъ и послалъ ихъ по ротамъ объявить, что графъ пріѣхалъ и чтобъ поселяне становились по своимъ мѣстамъ и они поскакали назадъ. Его сіятельство распросивъ меня обо всѣхъ обстоятельствахъ, сказалъ мнѣ что не лучше ли будетъ пріѣхать изъ Новгорода, но я ему представилъ, что я, не будучи утвержденъ, располагаю здѣсь 4 дня именемъ государя и, такъ какъ депутаты наши вернулись сегодня и увѣдомили уже своихъ товарищей, что государь его пришлетъ, то буйства и опасности ни какой быть не можетъ, и, какъ они у меня стоятъ уже болѣе 3 часовъ во фронтѣ, его ожидая, то и просилъ его сіятельство, неоткладывать своей поѣздки въ округъ: объявить имъ волю государя, а также въ присутствіи поселянъ приказать мнѣ немедленно отправить всѣхъ арестантовъ въ городъ къ нему за конвоемъ, ибо до тѣхъ поръ, покуда они на моихъ рукахъ, то я не могу отвѣчать за ихъ цѣлость, равно просилъ его чтобъ приказалъ и знамя возвратить ко мнѣ на квартиру. Графъ приказалъ мнѣ ѣхать впередъ и, собравъ людей на площади, ожидать его. По пріѣздѣ моемъ въ штабъ я привелъ 6 почтовыхъ лошадей, чтобъ покуда графъ и я будемъ на площади, семейство мое могло выѣхать въ городъ, но не имѣя времени заѣхать домой, я не сказалъ женѣ моего распоряженія, а она сама не рѣшилась на это. Графъ Орловъ пріѣхалъ, говорилъ съ поселянами, прочелъ печатный приказъ государя императора, котораго екземпляры онъ привезъ съ собою изъ Петербурга. Когда поселяне во фронтѣ начали приносить ему свои жалобы и оправданія, то онъ приказалъ, чтобъ они молчали и выслали бы къ нему по два человѣка изъ роты. Съ сими людьми онъ много разговаривалъ и, приказавъ написать все это на записку, отдать мнѣ для доставленія къ нему въ г. Новгородъ. Объявивъ поселянамъ, что по высочайшему повелѣнію онъ назначаетъ меня начальникомъ ихъ округа, вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ, знамя перенести ко мнѣ на квартиру, а арестантовъ за сильнымъ конвоемъ отправить въ Новгородъ въ крѣпость и самому прибыть къ нему съ объясненіемъ и запиской поселянъ о претензіяхъ ему объявленныхъ. Подтвердивъ именемъ государя, чтобъ меня слушались и мною поставленныхъ начальниковъ почитали, хотѣлъ было ѣхать; но въ то время доложили мнѣ, что прибыли депутаты изъ короля прусскаго полка; я доложилъ графу и, онъ принявъ ихъ, повторилъ въ краткѣ то же, далъ экземпляръ приказа и сказавъ, что изъ Новгорода пріѣдетъ къ нимъ, отправился въ городъ. Я приказалъ собрать сколько было въ округѣ экипажей, усадивъ и уложивъ въ нихъ избитыхъ и здоровыхъ офицеровъ всего 38 человѣкъ, съ конвоемъ отправилъ въ городъ, представивъ въ начальники инвалиднаго офицера изъ солдатъ, коему приказалъ строжайше дорогой сохранить ихъ въ цѣлости и по пріѣздѣ въ Новгородъ здалъ бы графу Орлову. Отобравъ написанныя поселянами показанія и принявъ знамя въ свою квартиру, я отправился и самъ въ городъ, но семейства моего поселяне не отпустили. Обогнавъ арестантовъ, явился я къ генералу Эйлеру и графу Орлову и, отдалъ ему записки съ претензіями поселянъ. Графъ прочелъ ихъ и спросилъ меня на счетъ Левицкаго, объ коемъ они жаловались ему лично и писали въ запискѣ, что онъ не хотѣлъ ихъ ни въ чемъ слушать и, когда они всѣхъ посадили за желѣзную рѣшетку, то онъ не хотѣлъ туда итти, а когда хотѣли посадить силою, то онъ выхвативъ изъ кармана штуку, да какъ махнетъ оной, то они всѣ бѣжать.

Digitized by Google

къ тому же этотъ разбойникъ Левицкій извѣстенъ уже всѣмъ, да и судъ съ нимъ уже три года ничего сдѣлать не можетъ. Графъ спросилъ меня за что онъ подъ судомъ, и когда я объяснилъ, то онъ приказалъ мнѣ уволить его изъ подъ ареста и по недостатку въ офицерахъ употребить на службу, равно приказалъ ему. Выхлопотавъ объ освобожденіи изъ острога тѣхъ поселянъ, которыхъ взяли при доставленіи пороха и оружія и коихъ захватили въ городѣ, я двоихъ изъ нихъ взялъ съ собою на дрожки и привезъ къ удовольствію поселянъ, объявивъ имъ, что и остальные всѣ идутъ пѣшкомъ. Это произвело сильное впечатлѣніе и довѣріе ко мнѣ. Но сознанія въ несправедливости и беззаконности ихъ поступковъ въ то время не было еще.

Въ этотъ вечеръ прибывшіе изъ ротъ за приказаніями ко мнѣ, доложили, что казенная рожь поспѣла и пора жать, да и Тимофеева трава тоже, то спрашивали, не нарядить ли жать и вдовъ оставшихся послѣ убитыхъ начальниковъ вмѣстѣ съ поселянками. Объяснивъ имъ, что этого безъ воли государя сдѣлать нельзя, я имъ отказалъ и приказалъ жать поселянкамъ. Графъ Орловъ, между прочимъ сказалъ мнѣ:— Государю угодно, чтобъ поселяне были доведены до того, чтобъ отслужили по убіеннымъ панихиды. Я зналъ, что нѣкоторые поселяне находятся въ тревожномъ состояніи и, зная ихъ суѣверіе, посредствомъ приверженныхъ ко мнѣ солдатъ началъ распространять слухи, что и многимъ является во снѣ Бутовичъ и лѣкарь, другимъ Забѣлинъ или Пановъ, къ тому же многіе и безъ того были увѣрены, что Бутовичъ ѣздитъ по ночамъ въ кабріолетѣ, видѣвъ моего кондуктора; я распространилъ слухъ, что будто проходилъ обозъ и видѣлъ на кладбищѣ большой свѣтъ, и на другой же день вѣсть эта была повсемѣстна. Наконецъ 23 числа поселяне пришли ко мнѣ съ донесеніемъ, что многимъ чудится надъ могилами убитыхъ офицеровъ свѣтъ, а другимъ ночью дѣлаются преуставленія, и просили меня чтобъ отслужить панихиду; обрадовавшись желанію ихъ, я на другой день послалъ пригласить Вяжицкаго Монастыря Архимандрита Меѳодія, чтобъ прибылъ въ округъ отслужить панихиду, но онъ послалъ въ городъ спросить дозволеніе у Архіерея Тимоѳея, викарія Новгородскаго. Я самъ поѣхалъ въ Новгородъ доложить о семъ графу, преосвященный Тимоѳей, узнавъ что я въ городѣ, послалъ пригласить меня къ себѣ и сказалъ мнѣ: "Для чего вы не отнеслись ко мнѣ? я самъ съ величайшимъ удовольствіемъ почтилъ бы память страдальцевъ этихъ." Я доложилъ, что не смѣлъ его безпокоить, но ежели онъ на сіе соизволяетъ, то прошу его назначить день, и онъ назначилъ 26 число по утру въ 11 часовъ.

Въ назначенный день я приказалъ 2ой ротѣ собраться въ колоннахъ всѣмъ военнымъ поселянамъ, кантонистамъ и резервному баталіону въ 10 часовъ. По прибытіи преосвященнаго, онъ облачился въ часовнѣ, и спрашивалъ меня о положеніи умовъ поселянъ и ихъ раскаяніи, но я не могъ его утѣшить ни чѣмъ хорошимъ и, когда онъ вышелъ въ присутствіи пѣвчихъ на площадь и принесли блюдо съ кутьей и свѣчи начали раздавать поселянамъ,—то произошелъ ропотъ. Не смотря на оный я приказалъ, чтобъ зажженныя свѣчи были у всѣхъ въ рукахъ и началась панихида. Когда же геродіаконъ началъ возглашать на эктиньѣ о убіенныхъ рабахъ Божіихъ такихъ-то, преосвященный остановилъ его и громко приказалъ читать о невинно убіенныхъ рабахъ Божіихъ, въ колоннахъ начался шумъ и діаконъ смутился, но преосвященный повторилъ приказаніе читать о невинно убіенныхъ и діаконъ продолжалъ по приказанію преосвященнаго. Окончивъ панихиду, преосвященный приказалъ подать святой воды и спросилъ меня, гдѣ погребены избіенные, но узнавъ, что при церкви, полторы версты отсюда, приказалъ показать мѣсто, гдѣ они были убиты и сказавъ поселянамъ краткое увѣщаніе покуда ходили за святой водой, заключилъ: "Кровь неповинныхъ вопіетъ на васъ предъ Господомъ, пойдемъ окропимъ святой водой мученическую кровь ихъ и освятимъ мѣсто оскверненное беззаконіемъ вашимъ;" пошелъ на шоссе и на тѣ мѣста, гдѣ были убиты Саурскій и Султановъ и окропилъ ригу, гдѣ лежали убитые, служилъ литію; по возглашеніи вѣчной памяти, ропотъ поселянъ дошелъ до крайности, стали кричать, какіе невинные, они отравляли насъ, и начали угрожать Архіерею. Видя это я приказалъ подать карету преосвященнаго на шоссе и, посадивъ его въ полномъ облаченіи, отправилъ въ городъ, а самъ съ дьякономъ и пѣвчими архіерейскими пошелъ къ кутьѣ поминать представившихся и потомъ отправилъ ихъ въ городъ. Покуда служили панихиду, пріѣхалъ фельдъегеръ изъ города съ приказаніемъ отъ графа Орлова, что государь императоръ въ 2 часа будетъ въ округѣ, и для того, чтобъ я собралъ поселянъ въ экзерциргаузѣ.

Такъ какъ было уже около полудня и поселяне были всѣ собраны, то я приказалъ имъ слѣдовать въ штабъ прямо и выстроиться въ манежѣ.—Тутъ поселяне пришли мнѣ сказать, что у нихъ нѣтъ хлѣба и соли, чѣмъ встрѣтить государя, а какъ испѣчь теперь уже нѣкогда, то не взять-ли круглыхъ кренделей, да сотового меду. Я утвердилъ ихъ предположеніе и приказалъ выбрать отъ себя депутатовъ, кои встрѣтили бы государя императора со мною у коляски и стоя на колѣняхъ, просили прощенія. Для чего они нарядили 6 человѣкъ. Стоявшимъ въ манежѣ поселянамъ во фронтѣ я приказалъ какъ только увидимъ государя, снявши шапки стать всѣмъ на колѣни. Младшему священнику отцу Гавріилу растворить двери въ церкви и быть въ полномъ облаченіи со крестомъ и святой водой, царскіе двери въ алтарь растворить и вынести на налоѣ въ экзерциргаузъ евангеліе и знамя военныхъ поселянъ. Я полагалъ, что государь императоръ прикажетъ ихъ привести къ присягѣ, для того приказалъ на налоѣ положить и форму оной. Около 2 часовъ государь императоръ съ графомъ Орловымъ прибылъ въ штабъ императора австрійскаго полка; я встрѣтилъ его величество у рѣшетки между церковью и гошпиталемъ, подалъ рапортъ о состояніи округа, государь принялъ отъ меня рапортъ о состояніи округа, и увидѣвъ что 8 человѣкъ показаны въ командировкѣ (до исключенія такъ показывались убитые) сказалъ мнѣ: "это въ дальней!" потомъ вышедъ изъ коляски, поцаловалъ меня и изволилъ сказать: "Спасибо старой сослуживецъ, что ты здѣсь не потерялъ разума, я этого никогда не забуду." Потомъ увидѣвъ, стоящихъ на колѣняхъ поселянъ съ хлѣбомъ и солью, сказалъ имъ: "Не беру вашего хлѣба, идите и молитесь Богу." Вошедъ въ экзерциргаузъ и, взглянувъ на стоящихъ поселянъ, коимъ маіоръ Баллашъ скомандовалъ: шапки долой, прошелъ въ церковь; я слѣдовалъ за нимъ. Священникъ встрѣтилъ съ крестомъ и съ кропиломъ. Государь приложился ко кресту и былъ окропленъ святою водою и изволилъ слѣдовать въ алтарь, гдѣ и началъ говорить со священникомъ на счетъ нравственнаго положенія поселянъ, священникъ замялся, и государь обратился ко мнѣ; войдя въ алтарь, я доложилъ, что по мнѣнію моему искренняго раскаянія въ нихъ нѣтъ, но дѣйствуетъ суѣвѣріе и страхъ, что еще сегодня преосвященный былъ здѣсь и служилъ панихиду объ убіенныхъ, но они проводили его съ ропотомъ. Государь выходя изъ церкви сказалъ священнику: "служите." Не будучи приуготовленъ къ сему приказанію и не имѣя при себѣ церковнослужителя или пѣвчихъ, священникъ началъ прямо:—Господу помолимся и самъ запѣлъ:—Господи помилуй! О благочестивѣйшемъ, самодержавнѣйшемъ, великомъ государѣ нашемъ Николаѣ Павловичѣ, Господу помолимся! Въ это время пѣвчій изъ военныхъ поселянъ, стоявшій во фронтѣ на колѣнахъ, вдругъ вскочилъ съ колѣней, побѣжалъ къ священнику и на бѣгу началъ пѣть:—Господи помилуй! Послѣ окончанія всей эктиньи, государь приказалъ мнѣ командовать: накройся, вставай, справа и слѣва кругомъ заходи. Потомъ

Digitized by Google

приказалъ еще вздвоить ряды и началъ имъ говорить :— Какъ смѣли вы возстать противъ меня? И когда поселяне отвѣчали, что они противъ него не возставали, то государь сказалъ имъ: "Вы убили своихъ начальниковъ, Богомъ и мною надъ вами поставленныхъ, это все равно, что вы подняли руку свою на меня!" Потомъ говорилъ имъ, что это болѣзнь посланная Господомъ за наши грѣхи, что и самъ онъ потерялъ брата отъ сей болѣзни, а потому надо съ кротостію переносить волю Господню и, увидѣвъ одного унтеръ-офицера съ Аннинскимъ крестомъ и двумя медалями подозвалъ къ себѣ, какъ равно и всѣхъ кавалеровъ тутъ бывшихъ; обращаясь къ нимъ сказалъ: "Васъ-ли я вижу? и вы живы всѣ?" Аннинскій кавалеръ, котораго государь перваго подозвалъ, отвѣчалъ: "Слава Богу, ваше величество, Богъ помиловалъ!" Но государь сказалъ ему и прочимъ кавалерамъ: "Молчи, и не срами Бога; вы, кавалеры, должны были всѣ лечь тутъ и не допустить истреблять вашихъ начальниковъ;" потомъ обратясь ко мнѣ изволилъ сказать такъ чтобъ всѣ слышали: "А ты съ ними не шути и при первомъ ослушаніи выведи и тутъ же разстрѣляй на мѣстѣ." Потомъ началъ имъ говорить, чтобъ выдали виновныхъ, но поселяне молчали. Я въ то время стоя въ рядахъ поселянъ услышалъ, что сзади меня какой-то поселянинъ говорилъ своимъ товарищамъ: "А что братцы? Полно, это государь-ли? Не изъ нихъ ли переряженецъ?"—Услышавъ эти слова, я обмеръ отъ страха и, кажется государь прочелъ на лицѣ моемъ смущеніе, ибо послѣ того не настаивалъ о выдачѣ виновныхъ и спросилъ ихъ: "Раскаяваетесь-ли вы?" и когда они начали кричать—Раскаяваемся! то государь отломилъ кусокъ кренделя и изволилъ скушать сказавъ: "Ну вотъ я ѣмъ вашъ хлѣбъ и соль; конечно я могу васъ простить, но какъ Богъ васъ проститъ." Потомъ приказалъ мнѣ командовать на лѣво кругомъ и выстроить фронтъ; и когда они обращены были опять лицомъ къ государю, то онъ благодарилъ меня и г. г. офицеровъ бывшихъ во фронтѣ; но такъ какъ не всѣ офицеры того стоили, то я остановилъ государя и сказалъ ему, что не всѣ стоятъ его благодарности и о достойныхъ подалъ ему списокъ, который у меня припасенъ былъ, причемъ доложилъ ему, что я именемъ его одного унтеръ-офицера произвелъ въ прапорщики; государь спросилъ, за что, и когда? Я доложилъ, что за предложеніе пробиться съ 30 человѣками на штыкахъ со знаменемъ и денежнымъ ящикомъ въ городъ. Его величество, подозвавъ къ себѣ Перекопаева, поцаловалъ и утвердилъ. Послѣ вышедъ изъ экзерциргауза поѣхалъ на гауптвахту, гдѣ поздоровался съ поселянами, стоявшими на часахъ съ косами вмѣсто ружей, ибо резервный баталіонъ я смѣнилъ по приказанію графа Орлова, чтобъ приготовить къ выступленію въ Новгородѣ. Тамъ на гауптвахтѣ я представилъ арестантовъ, кои непослушались выпускавшихъ ихъ военныхъ поселянъ. Государь благодарилъ ихъ и послѣ они оставлены были безъ наказанія. Отъ гауптвахты государь поѣхалъ въ Новгородъ, пріѣхавъ туда былъ въ церквѣ Св. Николая Качанова. По отбытіи государя изъ округа, я отслужилъ съ поселянами благодарственный молебенъ и распустилъ ихъ по домамъ; а самъ поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ еще разъ видѣлъ государя. На другой день государь дѣлалъ смотръ всѣмъ резервнымъ баталіонамъ въ Новгородѣ, и приказалъ отправить ихъ въ Гатчину. Въ ночи на 27 число государь отправился обратно въ Петербургъ, получивъ увѣдомленіе, что государыня почувствовала приближеніе родовъ.

По выступленіи резервнаго баталіона въ Гатчину, мы въ округѣ остались одни и графъ Орловъ объявилъ мнѣ: Государю угодно, чтобы поселяне доведены были до раскаянія. Полагая въ этомъ случаѣ дѣйствовать религіей, я предложилъ въ наступающій успенскій постъ отправлять во всѣхъ 4 ротахъ еженедневно по церквамъ служеніе и приуготовляться къ исповѣди и принятію святыхъ таинъ; а какъ у насъ въ округѣ одинъ священникъ былъ раненъ, и оставался только младшій, да и къ тому поселяне довѣрія неимѣли, опасаясь ему исповѣдываться, то я выпросилъ у преосвященнаго чтобы были командированы ко мнѣ 5 человѣкъ умныхъ монаховъ, кои могли бы на исповѣди усовѣстить заблудшихся и привести къ раскаянію убійцъ. Монахи дѣло свое исполняли усердно; 1 Августа былъ парадъ, благодарственное молебствіе о рожденіи великаго князья Николая Николаевича и водоосвященіе на рѣкѣ Волховѣ. Послѣ въ теченіи двухъ недѣль всѣ роты исполнили таинство покаянія, и тѣ, кои чувствовали себя достойными пріобщились Св. Таинъ. Мы же, нѣкоторые офицеры взявъ образъ угодника Божія, коимъ 16 числа Іюля остановлено было буйство поселянъ разглядѣли подпись и прочитавъ, что сей образъ былъ преподобнаго Феодосія Тотемскаго, сложились, поновили, одѣлали серебрянный окладъ и положили 50 р. въ банкъ дабы изъ процентовъ на сіи деньги ежегодно горѣли лампады въ дни 16, 17, 18, 19 и 20 Іюля 25 и 28 Января въ день угодника.

Августа 12 пришелъ въ округъ резервный баталіонъ кажется Невскаго пѣхотнаго полка, подъ командой маіора Гротенфельда, я расположилъ ихъ въ новомъ строеніи штаба и сталъ занимать ими посты. Около половины Августа была попытка опять сдѣлать бунтъ, заговорщики хотѣли во время моего возвращенія ночью изъ города, напасть на меня, убить и возобновить бунтъ, но жена одного заговорщика объявила капитану Носову и онъ сообщилъ мнѣ, пославъ записку, чтобъ я одинъ не ѣхалъ; записку сію я предъявилъ генералъ-лейтенанту Стеселю, который былъ назначенъ отряднымъ генераломъ Новгородскаго удѣла военныхъ поселеній и онъ приказалъ коменданту генералъ-маіору Мазе дать мнѣ уланскій конвой, съ которымъ я пріѣхалъ въ штабъ и сей часъ же послалъ въ роты, чтобы къ 9 часамъ утра были высланы ко мнѣ заговорщики. Они начали ходить по поселянамъ и уговаривать, чтобъ ихъ не выдавали, но тѣ съ разсвѣтомъ выѣхали на работы въ поле и сказали имъ, чтобъ они лучше сами шли и не ожидали пока ихъ свяжутъ. Между тѣмъ 6 часовъ наступило, а ко мнѣ никто не явился, я послалъ вторично 12 уланъ, что ежели къ 7 часамъ требуемые люди не будутъ приведены ко мнѣ, то въ 8 не останется камня на камнѣ въ ротѣ; но уланы встрѣтили ихъ уже на дорогѣ за конвоемъ поселянъ и я отправилъ ихъ въ городъ. 18 числа былъ праздникъ въ 1ой ротѣ и поселяне меня пришли пригласить. Въ этотъ день старшій священникъ, отецъ Лавръ, былъ имянинникъ и въ первый разъ послѣ исцѣленія разбитой руки, желалъ священнодѣйствовать. Я отправился къ обѣднѣ, гдѣ священникъ по освященіи святыхъ даровъ и по окончаніи причастной пѣсни, отворилъ царскіе двери и вышедъ сказалъ къ поселянамъ что приступая въ первый разъ послѣ 16 Іюля къ священнодѣйствію и причащенію, онъ не можетъ приступить не очиствъ себя прежде покаяніемъ и примиреніемъ со всѣми причинившими ему зло, а потому и проситъ ихъ простить его ежели въ вѣденіи или невѣденіи учинилъ имъ какое зло, или огорченіе. Тутъ священникъ поклонившись на всѣ стороны продолжалъ, что вмѣстѣ съ симъ не можетъ и не долженъ оставить въ сомнѣніи на счетъ ихъ заблужденія пагубнаго, заставившаго ихъ поднять руки на своихъ начальниковъ, проливъ кровь людей невинныхъ, души коихъ, предстоя конечно теперь предъ престоломъ Всевышняго, молятъ праведнаго Бога, да отпуститъ прегрѣшенія и ослѣпленія причинившимъ имъ мученія и самую смерть. Въ удостовѣреніе ваше, что вы избили и поругались надъ невинными приступаю я къ принятію тѣла и крови Господней. Возвратясь въ алтарь при отверзтыхъ царскихъ дверяхъ, сталъ пріобщаться. По окончаніи литургіи и молебна поселяне просили меня на ихъ завтракъ; я поздравилъ ихъ съ праздникомъ и священника съ днемъ ангела и отправился къ графу Орлову съ донесеніемъ; онъ мнѣ сказалъ, что теперь уже проходитъ мѣсяцъ, какъ онъ пріѣхалъ и такъ-какъ уже

Digitized by Google

извѣстны главные дѣйствователи, то онъ желалъ бы, чтобъ 20 числа они были арестованы и присланы въ Новгородъ. Исполняя приказаніе графа, я утромъ въ 5 часовъ взялъ безъ всякаго сопротивленія со стороны военныхъ поселянъ 160 человѣкъ по предварительно составленному списку и заковавъ въ кандалы по 10 человѣкъ на одинъ желѣзный прутъ отправилъ въ Новгородъ. Въ 9 часовъ я поѣхалъ самъ туда и, осмотрѣвъ на дорогѣ, какъ ихъ ведутъ, явился къ генералу Стеселю и графу Орлову, и представилъ ихъ. Достойно примѣчанія, что хотя дѣйствовали вскорости безъ лишняго разбору, изъ всѣхъ доставленныхъ оказался только правымъ одинъ, прочіе всѣ по собственному ихъ сознанію осуждены. Правый этотъ былъ тотъ депутатъ, что по возвращеніи изъ Петербурга объявилъ мнѣ истину. Увидѣвъ его я просилъ освободить, и его освободили.

Вотъ вамъ описаніе усмиренія бунта. Результатъ моихъ дѣйствій былъ: Сохраненіе 38 человѣкъ офицеровъ обреченныхъ на смерть, поддержаніе покорности волѣ государя императора, подъ щитомъ коей я дѣйствовалъ, сохраненіе суммъ въ комитетѣ бывшихъ болѣе 150,000 р., сохраненіе пороха и оружія въ округѣ бывшаго и вообще всей собственности гренадерскаго императора австрійскаго полка, а также и принадлежащей г. г. офицерамъ. Соколовъ, Носовъ и Черицовъ произведены въ слѣдующіе чины, Перекопаевъ произведенъ въ прапорщики и дано 300 р. с. на обмундировку; маіору Кутузову вмѣстѣ съ прочими офицерами облегчено наказаніе, а Левицкій совершенно освобожденъ и отправленъ въ образцовый полкъ; арестанты нижніе чины уволены вовсе отъ суда; дѣти и вдовы убитыхъ получили полные пенсіоны; я произведенъ въ полковники, прослуживъ въ подполковничьемъ чинѣ съ 1825 года и пожаловано мнѣ единовременно 900 рублей съ вычетомъ 10 процентовъ, то есть 810 р. До сихъ поръ я описалъ вамъ, что видѣлъ, теперь объясню какъ бунтъ начался.

Былъ обычай въ округахъ военнаго поселенія, вмѣсто того, чтобъ для пожарныхъ лошадей собирать сѣно по разкладкѣ съ каждаго дома въ ротѣ, обыкновенно ротные командиры уговаривали поселянъ косить извѣстное урочище. Въ этотъ день, капитанъ 2ой роты Заикинъ, приказалъ поселянамъ выкосить для пожарныхъ лошадей оврагъ по большой дорогѣ въ доль по ручью. Но поселяне начали упорствовать и собравшись къ нему объявили, что косить не хотятъ, а дадутъ сѣно съ вѣсу. Тогда Заикинъ приказалъ имъ этотъ оврагъ косить для нихъ самихъ; поселяне хотя и спорили, но пошли и вмѣсто того, чтобъ косить, роптали на своихъ начальниковъ и разговаривали о холерѣ, объ коей получили свѣденіе отъ мужиковъ проходившихъ изъ Петербурга и отъ проѣхавшихъ солдатъ бывшихъ за пріемкой съ офицеромъ Бѣляевымъ. Роптали и на то, что приняты карантинныя мѣры и не допускаютъ ихъ имѣтъ свиданіе съ дѣтьми, служащими въ резервномъ баталіонѣ, пришедшими изъ лагеря и расположенными въ ригахъ. Около подберезья находится и нынѣ на Московскомъ шоссе казарма нижнихъ чиновъ путей сообщенія. Въ этомъ домикѣ жилъ унтеръ-офицеръ съ командой и у него находилась безъ пашпорта дѣвка. Когда по случаю появленія холеры начали чаще посѣщать казармы и учредили карантины разсматривавшіе откуда проходящіе слѣдуютъ, унтеръ-офицеръ прогналъ дѣвку эту, та бросилась къ Новгороду, но остановлена была въ карантинѣ, потомъ она обратилась къ Петербургу, но и тамъ не пропустили, а потому и возвратилась въ казарму; но унтеръ-офицеръ приказалъ ей идти въ бокъ по проселочной дорогѣ, однако и тамъ она была обращена назадъ гражданскимъ карантиномъ. Она вышедъ на шоссе возвращалась въ казарму, гдѣ встрѣтилъ ее унтеръ-офицеръ, у коего она жила, онъ былъ посланъ въ слѣдующую казарму своимъ докторомъ для доставки туда хлоровой извѣсти и сѣрной кислоты. Увидѣвъ его, дѣвка сказала, что она нигдѣ пройти не могла, и просила его, чтобъ онъ взялъ ее обратно, но тотъ ударилъ ее и сказалъ, что если она его не оставитъ, то онъ ее тутъ же умертвитъ. Взявъ хлориновой извести, положилъ на камень и налилъ кислоты. Когда известь закипѣла и сталъ выходить газъ, тогда дѣвка закричала, "караулъ! травятъ!" Поселяне, бывшіе въ оврагѣ около того мѣста выскочили и, увидя исходящій паръ изъ камня, схватили ихъ, повели къ своему капитану Заикину и начали укорять его, что дѣлаетъ потворство отравителямъ, заставили его требовать къ себѣ подполковника Бутовича и чтобъ съ нимъ былъ лекарь. Заикинъ, необъяснивъ буйства поселянъ, написалъ записку къ Бутовичу, что поселяне поймали съ ядомъ отравителя и требуютъ его съ лекаремъ. Бутовичь въ то время съ Пановымъ занимался счетами; положивъ недосчитанныя деньги въ карманъ и пригласивъ штабъ-лекаря, поѣхалъ съ нимъ въ кабріолетѣ во 2ю роту. По прибытіи туда онъ нашелъ толпу поселянъ на площади. Поселяне бросились къ лекарю и стали его допрашивать объ ядѣ. Бутовичь вразумлялъ ихъ, что послана хлоровая известь не имъ, а лекаремъ путей сообщенія, но толпа начала его бить; Бутовичь приказалъ штабсъ-капитану Забѣлину вывесть роту резервнаго баталіона изъ риги и зарядить ружья. Забѣлинъ выстроивъ роту, ружья зарядилъ и взялъ на изготовку, но вмѣсто командованія пали, Бутовичь подошелъ и началъ говорить дивизіону, вынувъ пучокъ денегъ изъ кармана,— "стрѣляйте ребята, за каждый выстрѣлъ дамъ по 100 р.„ Дивизіонъ спустилъ курки на первой взводъ и ружья поставилъ къ ногѣ. Забѣлинъ, чтобъ подать примѣръ выхватилъ у рядоваго ружье и хотѣлъ самъ выстрѣлить, но былъ стоящимъ сзади унтеръ-офицеромъ штыкомъ проколотъ въ спину и вытолкнутъ изъ фронта; дивизіонъ сдѣлалъ на лѣво кругомъ и отошелъ на нѣсколько шаговъ. Поселяне схватили Бутовича и начали бить, а дивизіонъ оставшись безъ начальниковъ разошелся, потому и съ маіоромъ Балла-шомъ было только 3 роты. Въ это время я узналъ и прибылъ къ нимъ, очемъ подробно описано выше.*

* Къ этому простому разсказу прибавлять нечего, положеніе писавшаго, его образъ мыслей, роль которую онъ игралъ,—все это придаетъ особенную важность его словамъ. Но мы не можемъ не прибавить одного, Николай никогда не прощалъ Панаеву то, что онъ видѣлъ его въ минуту слабости, видѣлъ его поблѣднѣвшимъ въ Соборѣ, когда начался глухой ропотъ. Панаевъ былъ свидѣтель какъ Николай смѣшавшись, уступилъ и отломилъ кусокъ кренделя. Онъ не давалъ никакого хода человѣку, который себя, въ его смыслѣ, велъ съ такимъ героизмомъ. Панаевъ умеръ генералъ-маіоромъ, занимая мѣсто коменданта, кажется въ Кіевѣ.

Бѣшенство цензуры.—Пять дней тому назадъ извѣстили насъ изъ Рима, что происками Киселева и челядинцовъ его, (т. е. того Киселева, а не этого — fagot et fagot!) — святой отецъ благословилъ запрещеніе — всѣхъ русскихъ книгъ, печатаемыхъ въ Лондонѣ, и разумѣется Колокола. Ну инквизиція и папѣ—папское и дѣло. Наши-то изъ чего лезутъ изъ кожи — мелкіе, крошечные люди? . . . Отчего в. княгиня Елена Павловна, бывши въ Римѣ, не хлопотала о предапіи анаѳемѣ и сожженію Колокола?

— Въ слѣдующемъ листѣ, если будетъ мѣсто, мы намѣрены помѣстить небольшой "военный очеркъ" подъ заглавіемъ: "Партизанъ И. И. Давыдовъ во время крымской войны" съ эпиграфомъ Д. В. Давыдова:

Киверъ звѣрски на бекрень,
Ментикъ съ вихрями играетъ.

— Чрезвычайно важныя статьи, полученныя нами, заставляютъ насъ слѣдующій листъ Колокола выдать черезъ недѣлю, въ немъ будетъ помѣщенъ "Разборъ программы занятій губернскихъ комитетовъ."

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

Digitized by Google

No. 19. THE BELL JULY 15, 1858.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

ЛИСТЪ 19.

15 Іюля 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 39, Rupert Street, Haymarket, London. Price six-pence.

ПРОГРАММА

для занятій губернскихъ комитетовъ.

По мѣрѣ того, какъ стѣсняется у насъ дома уступленная было на время благоразумная свобода печати, и густая толпа чиновнаго люда старается плотнѣе заслонить государя отъ вліянія доброжелательнаго его правленію общественнаго слоя, журналъ вашъ ростетъ въ своемъ значеніи и пріобрѣтаетъ большую для Россіи важность, внезапно единымъ дѣйствіемъ правительственной ошибки становясь исключительнымъ органомъ независимой общественной мысли въ Россіи. Мы проходимъ въ настоящую минуту періодъ тяжелаго кризиса, однимъ разомъ отдающагося во всѣхъ областяхъ государственной жизни; а между тѣмъ онъ не оправдывается ни внутренними опасносностями или смутами, ни даже событіями внѣшней европейской жизни, какія напримѣръ служили если не основаніемъ, то по крайней мѣрѣ предлогомъ для реакціи 1848 года, стоившей такъ дорого Россіи и такъ скоро позабытой ея правительствомъ. Настоящая реакція не выражается еще въ насиліи и произвольномъ нарушеніи личныхъ гражданскихъ правъ; этимъ мы обязаны искреннему благодушію государя. За то она смѣло и явно принимаетъ характеръ обратнаго шествія во всѣхъ сферахъ общественной жизни и немилосердно касается всѣхъ существенныхъ вопросовъ, съ коими неразрывно связано коренное преобразованіе, а слѣдовательно и вся будущность Россіи. Ходятъ слухи о совершившейся или чуть чуть не совершившейся перемѣнѣ въ образѣ воспитанія цесаревича, объ окруженіи его новыми людьми и отстраненіи отъ всякаго на него вліянія тѣхъ, кому лишь за нѣсколько мѣсяцевъ было довѣрено его воспитаніе и въ комъ Россія видѣла залогъ будущаго своего спокойствія. Народное просвѣщеніе едва вырванное государемъ изъ безхарактернаго управленія Норова и отъ новыхъ дѣятелей, ожидавшее могучаго себѣ толчка, вновь немедленно и болѣе чѣмъ когда либо сдѣлалось общимъ достояніемъ всѣхъ министровъ и открытою ареною для буйственной бездарности всѣхъ и каждаго. На этомъ-то для всѣхъ открытомъ полѣ каждый изъ министровъ, безсильный произвести что бы то ни было полезное или путное въ собственномъ управленіи, спѣшитъ обмануть государя наружнымъ выраженіемъ своего усердія и преданности, вмѣшиваясь во всѣ литературныя сплетни, неутомимо слѣдя за цензурными дрязгами, и въ эти дѣла внося опять тоже тупоумное и озлобленное непониманіе истинныхъ общественныхъ и государственныхъ интересовъ, которое отличаетъ его собственное управленіе. А между тѣмъ недосказанное обществомъ вслухъ литературное слово, само въ себѣ безвредное и не рѣдко даже положительно полезное, подъ вліяніемъ незаслуженнаго внѣшняго давленія разлагается и ядовитымъ сокомъ падаетъ на благороднѣйшіе жизненные органы общества, или ищетъ себѣ инаго исхода и находитъ себѣ гласное выраженіе въ заграничномъ станкѣ. Но всего сильнѣе въ настоящую минуту обнаружилась реакція въ главномъ, существеннѣйшемъ вопросѣ современной русской жизни — въ вопросѣ объ упраздненіи истомившаго народъ и содѣлавшагося ему наконецъ ненавистнымъ крѣпостнаго права и о замѣненіи его новыми отношеніями.

Всѣ остальныя явленія реакціи какъ бы важны они ни были, въ сравненіи съ этимъ явленіемъ слабѣютъ въ своемъ значеніи, меркнутъ и поневолѣ въ умѣ нашемъ отодвигаются на задній планъ. Мы были безмолвными и терпѣливыми свидѣтелями столькихъ уже перемѣнъ въ дѣлѣ цензуры и народнаго образованія; мы безропотно насмотрѣлись на столько уже злоупотребленій въ дѣлахъ текущаго внутренняго управленія; столько уже различныхъ системъ воспитанія худаго, или отсутствія всякаго воспитанія прилагались на памяти исторіи къ искаженію ума и сердца русскихъ престолонаслѣдниковъ со временъ царевича Алексѣя Петровича и до самой юности покойнаго государя и братьевъ его, что повтореніе еще одинъ лишній разъ всякихъ подобныхъ явленій, какъ бы грустно оно ни было, тѣмъ не менѣе быть можетъ не вызвало бы съ нашей стороны того откровеннаго слова, которое теперь мы черезъ посредство вашего станка отъ глубины души и съ живымъ сознаніемъ важности дѣла обращаемъ къ правительству нашему. Не врагами его являемся мы въ столбцахъ вашего Колокола: мы лично государю благодарны за многое; къ правительству его мы обращаемся не съ укоромъ, а съ просьбою, съ откровеннымъ совѣтомъ и добросовѣстнымъ предостереженіемъ. Не такъ уже часто слышатся вокругъ его откровенные и безпристрастные голоса, чтобы онъ могъ ими безнаказанно пренебрегать. Нашъ голосъ

Digitized by Google

не подкуплен никакими внѣшними побужденіями или выгодами: мы не выпрашиваемъ, не ожидаемъ и не желаемъ отъ правительства ни денегъ, ни знаковъ отличія, ни даже вліянія. Мы желаемъ лишь одного—прочнаго счастія, благоденствія и славы Россіи и для того указываемъ государю на тотъ опасный путь, по которому его ведутъ его совѣтники. Будь мы враги его—мы бы не скорбѣли, но молча радовались бы ихъ бездарному лукавству.

Уже не разъ счастливая звѣзда государева выносила его изъ ихъ сѣтей. Сбитый съ пути ихъ совѣтами, онъ природнымъ здравымъ смысломъ былъ выводимъ на настоящую стезю и среди разнорѣчивой, но систематической лжи, умѣлъ чутьемъ души своей угадать и признать истину въ случайно долетавшихъ до него живыхъ звукахъ. Государь! и теперь опять остановитесь на минуту покуда еще время... Вспомните первое слово Ваше къ дворянству о крестьянахъ въ концѣ минувшаго года и мысленно измѣрьте путь вами пройденный съ тѣхъ поръ до послѣдней программы. Тотъ ли самый это путь, который Вы первоначально предполагали? Или Васъ завели въ дикій боръ, откуда окружающіе Васъ легкомысленные люди не найдутъ Вамъ исхода? Гдѣ Вы? И куда еще дальше поведутъ они Васъ, и гдѣ очутитесь Вы въ ту минуту, когда усмотрѣвъ обманъ, Вы возъимѣете наконецъ благую мысль расчесться съ своими совѣтниками и откупиться отъ ихъ услугъ андреевскими лентами и пожизненными пенсіонами двойнаго оклада жалованья, на которые конечно Россія денегъ не пожалѣетъ?...

Мы не станемъ заниматься здѣсь оцѣнкою самой системы дѣйствій, принятой въ этомъ дѣлѣ правительствомъ, въ которой есть вмѣстѣ и много хорошаго и также много такаго, что могло бы быть или избѣгнуто или съ выгодою измѣнено. Наше дѣло—лишь прямо обратиться къ исходной точкѣ всѣхъ правительственныхъ дѣйствій—къ Рескрипту 20 Ноября и секретному отношенію министра отъ 21 Ноября, и прослѣдить въ главныхъ послѣдующихъ документахъ постепенное ослабленіе его преобразовательной энергіи въ ущербъ предпринятаго дѣла и государственной безопасности.

Рескриптъ 20 Ноября безъ сомнѣнія кратокъ и въ общихъ чертахъ своихъ сходенъ со всѣми состоявшимися Рескриптами. За то немедленно за нимъ послѣдовавшее отношеніе министра, долженствовавшее служить ему дополненіемъ и объясненіемъ, касается всѣхъ существеннѣйшихъ вопросовъ и выражается въ большей части случаевъ ясно и опредѣлительно. Замѣтимъ нѣкоторыя его положенія:

Прежде всего, министръ ясными словами опредѣляетъ желаніе самаго Бѣлорусскаго дворянства и цѣль правительства; и то и другое единодушно признаютъ, что должно "въ видахъ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, освободить ихъ изъ крѣпостной зависимости."

Черезъ три дня въ циркулярномъ отношеніи своемъ отъ 24 Ноября ко всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ, министръ еще яснѣе говоритъ, что "комитеты признали необходимымъ, для улучшенія и упроченія быта помѣщичьихъ крестьянъ, освободить ихъ изъ крѣпостной зависимости"; и спѣшитъ при этомъ всѣ бумаги по этому дѣлу въ копіи разослать по всей Россіи "для свѣдѣнія и соображенія на случай еслибы дворянство прочихъ губерній изъявило подобное желаніе", признавая такимъ образомъ необходимость освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости не въ одной только Бѣлоруссіи, но еще и повсемѣстно, во всей Россіи.

Съ обнародованіемъ всѣхъ документовъ по вопросу объ улучшеніи крестьянскаго быта, это торжественное слово сказано правительствомъ вслухъ всего народа, всего и всѣхъ крѣпостныхъ состояній; всѣ его слышали, всѣ его поняли, всѣ его оцѣнили, и уже заранѣе заплатили за него государю своею любовію и теплыми ожиданіями, которыхъ не всякое правительство въ состояніи возбудить.

Народъ сдѣлалъ болѣе: онъ наперекоръ зловѣщимъ предсказаніямъ незнакомыхъ съ его мыслію старшихъ совѣтниковъ правительства, отвѣчалъ на слово о немъ государево такимъ величавымъ спокойствіемъ, такою безпримѣрною въ исторіи и многозначительною тишиною, такимъ безропотнымъ отправленіемъ всѣхъ прежнихъ своихъ самыхъ тягостныхъ повинностей, которыя и самые горячіе защитники его дѣла лишь съ невольнымъ трепетомъ дерзали отъ имени его обѣщать правительству. Отселѣ послѣднее стало въ долгу передъ народомъ. Дѣло въ томъ, что ему одному принадлежащимъ живымъ чутьемъ великихъ историческихъ событій, народъ сразу узналъ важность предстоящей минуты, и сознательно убѣжденный въ собственной силѣ, увѣренный въ правотѣ требованій въ его пользу государевыхъ, твердо рѣшился не портить своего дѣла и до конца соблюсти право на своей сторонѣ. "Не станемъ, батюшка, преждевременно бунтовать", въ одинъ голосъ отвѣчали сами крестьяне помѣщикамъ своимъ внушавшимъ имъ довѣріе. Надъ этими словами не худо было бы призадуматься и безпристрастно ихъ взвѣсить...

Пойдемъ далѣе и вникнемъ въ нѣкоторыя частности: "Усадебную осѣдлость крестьянина, говоритъ министръ внутреннихъ дѣлъ, составляютъ изба или хата, въ которой онъ живетъ, съ дворомъ и принадлежностями, съ огородомъ и съ землею подъ оными". Ясно-ли?...

Сумма выкупа усадьбы "не должна превышать цѣнности пріобрѣтаемой ими въ собственность осѣдлости".

"Земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, не можетъ быть присоединяема къ господскимъ полямъ, но должна постоянно оставаться въ пользованіи крестьянъ вообще"...

Таковы были первыя впечатлѣнія и рѣшенія правительства. Послѣдствія этихъ благоразумныхъ рѣшеній были мгновенны и отозвались всюду... на турецкомъ Востокѣ неисправимый райя вновь въ насъ увѣровалъ и отозвался на великодушное слово Александра крестьянскимъ возстаніемъ въ Босніи и Герцоговинѣ. Въ западной Европѣ самый первый слухъ о заявленныхъ реформахъ немедленно возвысилъ во сто кратъ наше политическое и дипломатическое положеніе, и смылъ съ русскаго имени позоръ недавнихъ, слишкомъ громкихъ неудачъ. Внутри Россіи — однимъ разомъ замолкли остатки оппозиціи молодаго мыслящаго поколѣнія, оппозиціи наслѣдованной нынѣшнимъ правительствомъ еще отъ послѣднихъ годовъ Александра I и тридцати послѣдовательныхъ годовъ Николая и уже отчасти обезоруженной молодымъ государемъ; роли перемѣнились, и въ ряды оппозиціи, вмѣсто поколѣнія живаго, дѣятельнаго, несущаго въ своей груди будущность Россіи и вѣру въ молодаго государя, стали отжившіе и тупоумные старики, въ теченіи всей жизни своей справлявшіе погребальное шествіе Россіи отъ конгресса вѣнскаго до парижскаго, безнаказанно губившіе ее въ теченіи послѣднихъ

тридцати лѣтъ, и теперь въ лице стращающіе Александра II революціею, а за глаза разными вымыслами и клеветами злобно позорящіе его передъ общимъ мнѣніемъ. Мало этого. Самая смѣлость и откровенность первыхъ рѣшеній правительства сразу удесятирили его силу и вліяніе; дворянство раздраженное, но озадаченное его пріемами и союзомъ съ просвѣщеннымъ мнѣніемъ страны, спѣшило выслать въ Петербургъ и Москву своихъ старѣйшихъ членовъ для развѣдки и готово было всему покориться и сдѣлать всѣ уступки, вымаливая себѣ лишь справедливое сбереженіе своихъ вещественныхъ выгодъ. Строгая послѣдовательность и неуклонность въ дѣйствіяхъ правительства очевидно должны были обезпечить ему несокрушимую силу и вліяніе на общество, и сразу приравнять его нравственное въ немъ положеніе тому высокому типу, который для него постоянно сознавался и сознается русскою жизнію. Словомъ правительство сразу дѣйствительно стало въ главѣ русскаго общества.

Эти-ли богатые плоды одной свѣтлой мысли, одного благороднаго движенія испугали правительство и побудили его къ постепенному въ тихомолку отреченію отъ своихъ первыхъ предположеній?....

Отнынѣ мы вступаемъ въ длинный рядъ постепенныхъ, бѣдственныхъ уступокъ, сдѣланныхъ Александромъ II докучливости своихъ совѣтниковъ, раздраженію и мнимой силѣ дворянства, и искусно взращенному въ немъ самомъ страху какой-то революціи.

С. петербургская губернія первая получила высочайшій Рескриптъ. Еще немного дней — только полторы недѣли — отдѣляли этотъ новый актъ отъ перваго циркуляра м. в. д., а между ними лежитъ уже какъ бы цѣлая пропасть. Рескриптъ начинается слѣдующими многознаменательными словами: "Дворянство с. петербургской губерніи изъявило желаніе улучшить и упрочить бытъ своихъ крестьянъ точнымъ опредѣленіемъ ихъ обязанностей и отношеній къ помѣщикамъ".

О необходимости освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости—ни слова, и съ тѣхъ поръ объ этой первоначальной основѣ всего предстоящаго дѣла уже ни одного разу не упоминалось.

Мы конечно знаемъ, что правительство вовлечено было въ эту уступку страхомъ волненій въ народѣ, еслибы первоначальная цѣль слишкомъ ясно раскрылась для него. Мудрые совѣтники говорили ему, что народу должно дать свободу не упоминая о ней; государь счелъ это возможнымъ, къ тому же онъ на первый разъ думалъ, что уступаетъ лишь одно слово и позабылъ, что всякое сказанное имъ слово есть законъ и исходная точка для общества и что по этому слово его не терпитъ двусмыслія. Во всякомъ случаѣ уступка эта была унизительна для правительства, обличая въ немъ или необдуманность первыхъ дѣйствій или шаткость его убѣжденій, или страхъ даже передъ безсильнымъ дворянствомъ. Съ другой стороны это была уступка безполезная: Рескриптъ 20 Ноября, отношеніе министра 21 Ноября и его же циркуляръ отъ 24 Ноября, уже были повсюду разосланы и напечатаны въ десяткахъ тысячь экземпляровъ; народъ ихъ прочелъ и выучилъ наизусть; онъ много мудренаго въ нихъ не понялъ, но вытвердилъ наизусть, что "для улучшенія и упроченія быта помѣщичьихъ крестьянъ необходимо освобожденіе ихъ отъ крѣпостной зависимости". Этого онъ никогда не можетъ позабыть и никогда не уступитъ.

Не пойметъ онъ также никогда того хитросплетеннаго и безсмысленнаго довода, будто бы для Бѣлорусскихъ крестьянъ какъ передовыхъ стражей нашихъ противъ польскаго элемента должно быть сдѣлано болѣе, чѣмъ для кореннаго русскаго крестьянина. Этотъ запоздалый доводъ, подобранный кѣмъ-то въ темномъ отрепьѣ николаевскаго наслѣдія, въ отверженномъ уже и самимъ новымъ нашимъ правительствомъ хламѣ безсмысленныхъ политическихъ афоризмовъ прошлаго царствованія, стоившихъ Россіи ея черноморскаго флота, ея военной славы и священной неприкосновенности ея границъ, равно нелѣпъ въ своей сущности, безнравственъ въ своей исходной точкѣ и унизителенъ для государя, рожденнаго въ Москвѣ и сознающаго себя Русскимъ. Всегда нелѣпый самъ въ себѣ, доводъ этотъ лишился уже и послѣдняго смысла своего съ тѣхъ поръ какъ полная сѣть желѣзныхъ дорогъ готова покрыть всю Россію, сплотить въ одно цѣлое всѣ разбросанныя ея области, сблизить и ознакомить между собою всѣ ея племена, наконецъ дать возможность, случай и поводъ старому и угнетенному великорусскому крестьянину побывать во всѣхъ купленныхъ цѣною его крови областяхъ, (на которыя онъ уже двѣсти лѣтъ покорный и безропотный работникъ), взглянуть на ихъ бытъ, отвѣдать ихъ дешевой водки и сравнить все видѣнное съ домашнимъ распорядкомъ. Да къ тому же, полно, вѣрить-ли и самой искренности нашихъ доморощенныхъ Меттерниховъ, ихъ горячему расположенію къ покуда голодающимъ Бѣлоруссамъ: наровя на первый разъ подъ благовиднымъ предлогомъ обокрасть крестьянина великорусскаго какъ бы въ пользу ковенскаго, не готовятся-ли они вмѣстѣ съ тѣмъ вдоль и поперегъ ограбить и самаго Бѣлорусса? По крайней мѣрѣ носится слухъ, что ковенскіе помѣщики крѣпко домагаются у правительства полной передачи имъ по закону крестьянской земли, для введенія правильнаго, на здравыхъ экономическихъ началахъ основаннаго фермерства, и съ помощію нѣкоторыхъ государственныхъ мужей нашихъ надѣются улучшить бытъ своихъ крестьянъ но меньшей мѣрѣ до степени Ирландцевъ.....

Въ отношеніи министра къ с. петербургскому генералъ-губернатору говорится далѣе о размѣрахъ выкупа слѣдующаго съ крестьянъ за ихъ усадьбы: "размѣръ выкупа опредѣляется оцѣнкою не одной усадебной земли и строеній, но и промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ".

Чувствуете-ли вы, какъ вы далеки отъ словъ, сказанныхъ ковенскому дворянству и въ силу которыхъ сумма выкупа за усадьбу не должна была превышать "цѣнности пріобрѣтаемой въ собственность осѣдлости". Здѣсь не было еще ни слова ни о промысловыхъ выгодахъ, ни о мѣстныхъ удобствахъ, ни даже о строеніи; но прошли двѣ недѣли, министерство встрѣтилось въ первый разъ съ враждебнорасположеннымъ къ себѣ обществомъ петербурго-остзейской знати и сразу сдѣлало двѣ рѣшительныя уступки: заговорило объ опредѣленіи сельскихъ отношеній, вмѣсто упраздненія крѣпостной зависимости, и возложило на крестьянина личный выкупъ, скрывъ его отъ государя подъ другимъ ловко расчитаннымъ названіемъ.

Но на этомъ не должны были остановиться однажды начатыя уступки министерства внутреннихъ дѣлъ. Отселѣ встрѣчая ежечасную не примиримую оппозицію общества всѣмъ своимъ предпріятіямъ и лишенное нужной энергіи, оно не умѣло поддержать и послѣдовательно провести намѣренія государя. Встревоженные предводители дворянства

Digitized by Google

спѣшили со всѣхъ концовъ государства въ Петербургъ, готовые на безусловную покорность первоначально выраженной мудрой волѣ правительства; но здѣсь ихъ съ одной стороны встрѣчала боязливая нерѣшительность министра, неувѣреннаго въ окончательномъ торжествѣ своемъ надъ происками противника зорко сторожившаго его наслѣдіе, какъ вѣрную уже себѣ добычу; съ другой — весь сановный Петербургъ неутомимо поощрялъ ихъ къ упорному сопротивленію, обѣщая, что все измѣнится, лишь бы не поддаваясь выиграть время, и утомить государя докучливой борьбою; и они уѣзжали изъ правительственной столицы успокоенные, увѣренные въ окончательномъ торжествѣ стараго порядка вещей, и всюду разнося за собою убійственную для народа молву о безсиліи государя, о необходимости развѣ только внѣшнимъ образомъ покориться и исполнить требуемый обрядъ поднесенія на высочайшее имя адрессовъ, дабы прочнымъ образомъ комитетскими постановленіями завершить дѣло и тѣмъ обмануть государя на все продолженіе его царствованія.

Это неслыханное еще междоусобіе одной части правительства противъ другой отражалось и въ преніяхъ петербургскаго губернскаго комитета. Начавшись въ половинѣ Января, они безсвязно и безцѣльно волочились, одною частію правительства позабытыя, другою употребляемыя какъ вѣрное безъименное и безотвѣтственное орудіе для постепеннаго проведенія своихъ тайныхъ цѣлей. Здѣсь зародились самыя дикія мысли: вновь возбужденъ вопросъ—что такое усадьба, и вслухъ заявленъ отвѣтъ, что подъ именемъ усадьбы должно разумѣть одно строеніе крестьянское безъ земли; провозглашена теорія, что крестьянамъ никогда не должно быть предоставлено право выкупить въ полную собственность, хотябы и дорогою цѣною, занимаемую ими мірскую землю; наконецъ отдѣльное право собственности на поверхность земли отъ права на мнимыя богатства, кроющіяся въ ея нѣдрахъ и послѣднее съ комическою важностію оспорено у крестьянъ въ пользу дворянства.

Такимъ образомъ опять упущенъ правительствомъ драгоцѣнный случай воспользоваться первымъ въ Россіи собравшимся губернскимъ комитетомъ, для энергическаго осуществленія задуманнаго преобразованія и освященія начатаго дѣла всегда важнымъ вліяніемъ нагляднаго для всѣхъ примѣра. Правительство не могло уже остановиться на крутой покатости, куда неосторожно позволило себѣ завести, и неравная борьба благонамѣреннаго государя съ большею частію своихъ министровъ разразилась новымъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 17го Февраля нынѣшняго года.

Этотъ циркуляръ, который мы никогда не перечитываемъ безъ сердечнаго сокрушенія для крестьянскаго дѣла и безъ чувства искренняго глубокаго состраданія къ нашему правительству, есть ни что иное какъ пространная извинительная записка, въ которой правительство приноситъ передъ дворянствомъ повинную голову въ своей поспѣшности, признаетъ себя виновнымъ въ какихъ то темныхъ промахахъ, униженно проситъ позабыть все сдѣланное и боязливо цѣпляясь за вопросъ о крестьянскихъ усадьбахъ, ищетъ соорудить себѣ изъ нихъ мостъ, по которому оно могло бы безъ крайняго безчестія выпутаться изъ первоначально занятаго положенія. Но вы невольно чувствуете, что уже и на этой почвѣ крестьянской усадьбы министерство стоитъ не твердо и готово при первомъ дружномъ напорѣ своихъ противниковъ окончательно попятиться и сдать всю позицію безъ боя; оно не находитъ даже приличнаго названія для первыхъ своихъ дѣйствій, ни даже для настоящихъ своихъ словъ, и смиренно называетъ ихъ совѣтами, не обязательными для дворянства. Поневолѣ спрашиваемъ себя—куда внезапно дѣвалась вся привычная надменность нашей бюрократіи? Но вотъ подлинныя слова циркуляра, нескрѣпленнаго уже товарищемъ министра, А. И. Левшинымъ, но подписаннаго однимъ С. С. Ланскимъ, (съ тѣхъ поръ Левшинъ не скрѣплялъ уже ни одного циркуляра или отношенія по вопросу объ освобожденіи); мы съ дипломатическою точностію передаемъ оффиціальныя выраженія:

"Прежде всего я здѣсь долженъ повторить, что въ отношеніяхъ моихъ, какъ прежнихъ, такъ и въ настоящихъ, не надобно искать подробной для сужденій комитета программы. Мысли и предположенія мои не должны быть почитаемы какъ бы предрѣшеніемъ предлежащихъ вопросовъ: ихъ слѣдуетъ принимать только за указанія на нѣкоторые существенные вопросы, предстоящіе обсужденію комитетовъ. Развитіе сихъ вопросовъ и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ условіямъ предоставлены высочайшимъ рескриптомъ самому дворянству, безъ стѣсненія тѣми, такъ сказать, совѣтами, которые изложены въ моихъ отношеніяхъ. О такомъ значеніи моихъ предварительныхъ соображеній ясно упомянуто мною въ первомъ моемъ къ вамъ отношеніи за No. 41, въ коемъ я сказалъ, что если губернскій комитетъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ признаетъ которыя-либо изъ сихъ соображеній неудобными, то можетъ не принять ихъ, объяснивъ только причины, препятствующія ихъ принятію.

"Предположенія о способѣ рѣшенія всѣхъ частныхъ вопросовъ, относящихся къ устройству быта крестьянъ, будутъ зависѣть отъ собственныхъ соображеній комитета. Неизмѣнными и неприкосновенными должны остаться лишь главныя начала, сего устройства, въ высочайшемъ рескриптѣ указанныя.

"Въ сихъ началахъ, т. е. въ обезпеченіи помѣщикамъ поземельной ихъ собственности, а крестьянамъ прочной осѣдлости и надежныхъ средствъ къ жизни, и къ исполненію ихъ обязанностей, заключается то незыблемое основаніе, на которомъ должно воздвигнуться и утвердиться предначинаемое великое дѣло.

"Только въ совокупномъ исполненіи сихъ основныхъ условій Россія будетъ имѣть залогъ и спокойствія, и довольства всѣхъ и каждаго, какъ въ настоящемъ такъ и въ будущемъ."

Только на одномъ вопросѣ министерство предоставило себѣ невинное удовольствіе нѣсколько пофрондировать противъ ежедневно усиливавшихся реакціонныхъ стремленій общества и петербургскаго губернскаго комитета въ особенности. Послѣдній никакъ не могъ примириться съ убійственною для него мыслію, что ему быть можетъ не сразу удастся превратить крестьянина въ круглаго безземельнаго бобыля, и усердно подавалъ отъ времени до времени голосъ въ пользу того, чтобы впослѣдствіи, при случающейся продажѣ крестьянами своей усадебной осѣдлости, помѣщикамъ было предоставлено предпочтительное право на скупу послѣдней (Vorkaufsrecht.) Этимъ, разумѣется, раскрывалась дверь для постепенной мало по малу скупки дворянствомъ всей крестьянской собственности. Министерство вздумало на этой почвѣ поторговаться съ дворянствомъ и заблаговременно, одною фигурою умолчанія, рѣшить все дѣло, не компрометируя себя впрочемъ прямымъ и яснымъ запрещеніемъ дворянству подобнымъ окольнымъ путемъ обходить волю правительства, заранѣе объявленную неизмѣнною. "Относительно владѣнія усадьбами," сказано въ циркулярѣ, "можетъ быть постановлено, что выкупленныя крестьянами усадьбы должны переходить, по наслѣдству ли, или по даренію, или черезъ продажу, только къ члену того же крестьянскаго мірскаго общества, или къ лицу въ то общество принимаемому." Тѣ же самыя слова повторены также и въ отношеніи министра къ Кіевскому генералъ-губернатору отъ 12го Марта. Но къ сожалѣнію и

эта хитрость не должна была устоять противъ враждебной силы обстоятельствъ; и черезъ шесть недѣль послѣ подписанія послѣдняго документа, знаменитая новорожденная программа положила прочное уже основаніе новому, неправительственному, взгляду на это дѣло.

Какъ бы то ни было, тяжба была окончательно выиграна одною изъ сторонъ, къ сожалѣнію не тою, на которой находился государь. Побѣдителямъ предстояла лишь одна нѣсколько затруднительная задача—обуздать тѣже самые комитеты, во имя независимости которыхъ до сихъ поръ была ведена война противъ министра внутреннихъ дѣлъ. Очевидно должно было измѣнить весь образъ дѣйствій. Но могло-ли это хоть сколько нибудь затруднить людей практическихъ?.....

Въ самомъ дѣлѣ главную силу свою враги министерства почерпали до сихъ поръ въ общественномъ расположеніи къ комитетамъ, требовавшемъ для ихъ дѣятельности возможно широкихъ рамокъ; заранѣе заготовленныя для нихъ министерствомъ въ самыхъ первыхъ его документахъ рѣшенія казались большинству дворянства крайнѣ стѣснительными, и оно охотно ухватывалось за всякій союзъ и всякій случай, доставлявшій ему малѣйшую надежду на пріобрѣтеніе себѣ большей свободы и простора обсужденій вопроса. Враги министерства воспользовались этимъ общимъ настроеніемъ умовъ и долго возбуждали искусное противъ правительства волненіе; наконецъ, унизивши правительство, вырвавши у Ланскаго циркуляръ 17го Февраля и увѣрившись въ возможности его при случаѣ ссадить, они должны были съ одной стороны спѣшить заявленіемъ дворянству новыхъ торжествующихъ началъ, дабы предотвратить уже сдѣлавшіяся не нужными съ его стороны жертвы, съ другой затруднить обсужденіе въ комитетахъ такихъ вопросовъ, которые бы не нашли себѣ по плечу ни новаго министра внутреннихъ дѣлъ, ни даже новаго министра финансовъ, и поставили бы всѣхъ опять въ затрудненіе безъисходное. Мы говоримъ о проэктахъ финансовыхъ операцій, ежедневно размножавшихся и всякій день пріобрѣтавшихъ все более и болѣе расположенія къ себѣ въ обществѣ. Въ нихъ стало съ тѣхъ поръ правительство видѣть главную для себя опасность, которой во что бы ни стало должно было избѣгнуть. За средствомъ дѣльцамъ въ карманъ не лазить; устроенъ комитетъ; будущимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ призванъ на совѣтъ старый грамотѣй, М. П. Позенъ, состряпана на скорую руку программа требуемаго направленія, представлена отъ своего имени малограмотнымъ, хотя и наружно либеральнымъ, врагомъ государева плана; программа утверждена и разослана къ исполненію. Казалось—все сдѣлано.....

Мы теперь уже нѣсколько времени имѣемъ передъ глазами этотъ грустный памятникъ правительственной непослѣдовательности въ существеннѣйшемъ, жизненномъ вопросѣ всей нашей внутренней политики. Лишь бѣгло пробѣжавши его вы невольно убѣждаетесь въ томъ, что миновалъ періодъ живаго, практическаго развитія вопроса объ освобожденіи крестьянъ, и что онъ на время вступилъ или лучше сказать насильственнымъ образомъ втиснутъ въ колею бумажнаго канцелярскаго дѣлопроизводства. Отъ всей програмы такъ и вѣетъ мертвенною формальностію, лишенною всякаго практическаго содержанія и прикрывающею эту пустоту многочисленностію и мнимою систематичностію своихъ рубрикъ. Новая программа равно могла бы быть написана для Россіи, для Китая, пожалуй—для Босніи и Герцоговины, и вездѣ осталась бы равно неприложима; ее равно могъ составить полурусскій статсъ-секретарь въ угоду русскому генералъ-адъютанту, или самъ для себя китайскій мандаринъ одного изъ первыхъ классовъ Небесной имперіи, или даже какой нибудь услужливый Перотъ, Грекъ, Жидъ, или Армянинъ, для любаго безграмотнаго паши, жаждущаго итти вровень съ своимъ взыскательнымъ вѣкомъ. Словомъ—она рѣшительно никуда не годится, развѣ только для того, чтобъ еще одинъ лишній разъ съ грустною легкомысленностію окомпрометировать правительство передъ общественнымъ мнѣніемъ и потрясти должное къ нему уваженіе русскаго общества.

Послѣдняя цѣль вполнѣ дистигнута: трудно выразить то смѣшенное чувство незатаенной радости, глубокаго презрѣнія и сдержанной злобы, съ которымъ программа была принята отъ областнаго дворянства. Почти всѣхъ она порадовала и рѣшительно всѣхъ раздражила. Вообще дворянство встрѣтило ее какъ личное торжество свое надъ непростительною правительственною шалостію: оно нелицемѣрно наслаждалось, видя освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости навсегда изгнаннымъ изъ числа грозившихъ ему опасностей, читая вопросъ (впрочемъ поставленный въ програмѣ безъ вопросительнаго знака), что такое усадьба, удостовѣряясь наконецъ собственными глазами въ своемъ неоспоримомъ правѣ "на минеральныя богатства, лѣса и воды во всѣхъ вообще земляхъ своихъ имѣній, кромѣ выкупленныхъ усадебъ." Торжество полное! Третьяго царя, и къ тому же самаго рѣшительнаго изъ всѣхъ, переспорило таки дворянство; а члены петербургскаго комитета могли уже съ достовѣрностію впередъ расчитывать на несмѣтныя прибыли отъ каждой песчинки изъ многоцѣнныхъ пластовъ каменнаго угля, не сомнѣнно для нихъ скрывающихся именно подъ крестьянскими земляными надѣлами. Но если съ радостію привѣтствовало дворянство видимое удаленіе отъ себя нависшей было грозы, то оно тѣмъ не менѣе не могло не оцѣнить презрительно всей дѣтской конструкціи спасительнаго громоотвода: Тутъ досталось и педантической редакціи, и заранѣе изготовленнымъ будтобы по высочайшему повелѣнію заглавіямъ для несуществующихъ еще объяснительныхъ записокъ къ проэктамъ еще несуществующихъ губернскихъ комитетовъ; досталось и на неопредѣленное время отложенному сельскому уставу не извѣстнаго содержанія; съ невольною улыбкою пораздумано наконецъ и о томъ, кого изъ наличныхъ членовъ теперешняго дворянства застанетъ еще въ живыхъ окончательное завершеніе всего предписаннаго програмою обряда для приведенія въ дѣйствіе будущихъ комитетскихъ положеній. Вообще много причинъ къ значительному своему успокоенію и къ самодовольному сравненію себя самаго съ администраціею нашло смѣтливое помѣщичье сословіе въ предложенномъ ему произведеніи оффиціальной литтературы. Его ухо пріятно ласкало самое вновь придуманное для крестьянъ въ теченіи переходнаго періода хитрое названіе "срочно обязанныхъ." Справедливо или нѣтъ, но носился слухъ, что названіе это придумано не спроста, но что въ немъ заключается намекъ отцевъ програмы на ихъ собственную теорію о крестьянскомъ вопросѣ, по которой крестьянамъ, быть коихъ полагается

улучшить, никогда не должна быть оставлена нынѣ занимаемая ими земля за единожды навсегда опредѣленный платежъ или ренту, но платежъ этотъ долженъ быть подвергаемъ постоянному и послѣдовательному срочному возвышенію въ пользу владѣльца такъ, чтобъ крестьянину очищалась во вѣки вѣковъ лишь скудная заработная плата. Такая заманчивая будущность по неволѣ улыбалась расчетливому помѣщичьему уму. А между тѣмъ въ программѣ не было недостатка и въ раздражающихъ элементахъ: послѣдніе въ особенности сильно дѣйствовали на умы наиболѣе зрѣлыхъ и опытныхъ дворянъ, привыкшихъ уже не останавливаться на первыхъ внѣшнихъ признакахъ вещей, и сознанные ими, быстро передавались всей массѣ дворянскаго сословія, постепенно становясь всеобщимъ credo. По неволѣ приходило имъ на умъ, что этою программою правительство какъ бы вовсе устраняло себя отъ принятія какаго бы то ни было вещественнаго участія въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса; на бумагѣ одинъ лишній разъ утверждено отвлеченное право помѣщика на крестьянскую землю; крестьянинъ, какъ бы подъ вліяніемъ помѣщичьяго насилія противъ правительства, вновь отданъ на неопредѣленное время въ столько же неопредѣленное распоряженіе помѣщичьей власти, но окончательной развязки не указано никакой, а помѣщикъ не обезпеченъ ни относительно возможности будущихъ дальнѣйшихъ перемѣнъ, ни относительно правильнаго взысканія съ возбужденнаго и быть можетъ раздраженнаго крестьянина его повинностей и оброковъ. Дворянство поняло, что правительство вступилось за священную неприкосновенность его правъ на крестьянскую землю лишь изъ страха справедливаго требованія дворянствомъ денежнаго вознагражденія и по тому, что всякій, даже дальній намекъ на подобное разрѣшеніе вопроса несказанно волнуетъ всякаго министра финансовъ съ товарищи, какъ бы слабонервную блажную старуху, твердо знающую день своего рожденія, но не позволяющую никому упоминать о немъ въ ея присутствіи, дабы не вспомнить невольно, что быстро приближается часъ ея кончины. Лишенное надежды на правильное вознагражденіе, дворянство мало находило себѣ утѣшенія и въ предложенномъ ему на первый разъ опытѣ инвентарныхъ отношеній къ крестьянину. Конечно, инвентарь—дѣло не неисправимое, думали многіе помѣщики, и его легко можно свести на старые порядки; но другіе, даже убѣжденные въ временной возможности подобнаго исхода, съ благоразумнымъ ужасомъ взирали на него, вспоминали о Галиціи и спрашивали себя—гдѣ же всему конецъ, и какія страшныя бѣдствія должны еще выйти для ихъ сословія изъ всей этой нескончаемой вереницы самообольщенія, слабости и обмана? Нѣкоторые страдали искренно и за свою сословную честь: они не умѣли согласить появленія новой подробной до мелочности и недовѣрчивой до оскорбленія программы съ свѣжими еще въ памяти всѣхъ и каждаго выраженіями циркуляра отъ 17го Февраля, гдѣ лишь два основныхъ начала были признаны неизмѣнными и неприкосновенными и торжественно было обѣщано отъ правительства, что всѣ "предположенія о способѣ рѣшенія всѣхъ частныхъ вопросовъ, относящихся къ устройству быта крестьянъ, будутъ зависѣть отъ собственныхъ соображеній комитета." Откуда спрашивали они, такая внезапная и совершенная перемѣна правительства къ дворянству, ничѣмъ неоправданная и ничѣмъ невызванная со стороны послѣдняго? Къ чему принятое программою изложеніе предметовъ и рубрикъ, гдѣ почти всякій вопросъ или указаніе заключаетъ въ себѣ и полное предрѣшеніе отвѣта? Зачѣмъ обѣщать свободу сужденій и не медленно же измѣнять своему слову безъ повода, безъ нужды, съ ущербомъ собственнаго достоинства и общественнаго къ правительству довѣрія, уже безъ того слишкомъ потрясеннаго? И кто послѣ этого поручится дворянству, что и въ дальнѣйшемъ неминуемомъ ходѣ дѣла, по истеченіи переходнаго періода, правительство не нарушитъ опять даннаго дворянству слова, не признаетъ оффиціальнымъ образомъ за риторическій цвѣтокъ нынѣ столь щедро расточаемую, среди всеобщаго къ ней недовѣрія, фразу о неприкосновенности всей безъ исключенія помѣщичьей земли, и не отниметъ у дворянства безъ вознагражденія ту часть ея, которая теперь формальнымъ образомъ будетъ утверждена помѣщиками за ихъ крестьянами въ пользованіе?.....

Трудно, не возможно не признать значительной доли истины въ этихъ возраженіяхъ: обращаемся къ безпристрастнѣйшему и честнѣйшему человѣку въ Россіи—къ лицу самаго государя.... Пусть онъ съ той недосягаемой высоты, куда не долетаютъ наши мелкія страсти и себялюбивыя заботы, пусть онъ въ теченіи всего предпринятаго преобразованія обманутый своими совѣтниками уже по крайней мѣрѣ одинъ разъ—или въ началѣ дѣла или при дальнѣйшемъ его продолженіи несообразнаго съ этимъ началомъ,—а быть можетъ обманутый ими нѣсколько разъ, пусть онъ самъ спроситъ у себя передъ тайнымъ судомъ своей царственной совѣсти—не поданъ-ли въ самомъ дѣлѣ дворянству поводъ къ гибельнымъ сомнѣніямъ? и поручится-ли онъ самъ передъ собою въ томъ, что его не обманутъ еще одинъ лишній разъ его совѣтники къ ущербу дворянства или народа? И каковы бы ни были плоды этой таинственной минуты самоуглубленія, вдохновенно рѣшающей судьбы народовъ и будущее теченіе исторіи, каковъ бы ни былъ отвѣтъ, который выслушаетъ помазанникъ Божій въ неприступномъ тайникѣ своей души, будь это—отвѣтъ утвердительный или отрицательный, Россія въ правѣ проситъ у него прямаго, откровеннаго къ себѣ слова, недопускающаго ни двусмыслія, ни толкованія, ни отмѣны. Правительство провозглашало уже не разъ и опять провозгласило "неприкосновенность правъ собственности помѣщиковъ на всю землю." Пусть государь откровенно отвѣтитъ на тревожное ожиданіе дворянства, пусть онъ возвратитъ ему обѣщанную свободу слова и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечитъ отцамъ будущую судьбу ихъ дѣтей, заботиться о которой есть ихъ призваніе, ихъ право и обязанность. Для этого нужно лишь весьма не многое: правительству стоитъ только связать себя единожды навсегда передъ дворянствомъ прямымъ, яснымъ положительнымъ обѣщаніемъ; оно должно гласно всенародно, торжественно объявить, что если оно признаетъ нужнымъ, въ видахъ общей государственной пользы утвердить за крестьянами право собственности на владѣемыя ими мірскія земли, то государство обязуется по добросовѣстной оцѣнкѣ вознаградить за нихъ дворянство. Это честное обѣщаніе обезоружитъ всѣхъ и всѣхъ успокоитъ. Дворянство, успокоенное на счетъ будущаго, перестанетъ скупиться на достаточный надѣлъ

Digitized by Google

крестьянъ землею; у крестьянъ не отнимется необходимое; и обновленное государственное зданіе, утвердившееся на незыблемой основѣ общественнаго и частнаго довѣрія, останется Александру II прочнымъ, долговѣчнымъ памятникомъ его честнаго трудоваго подвига.

Апрѣльская программа осуждена уже судомъ всеобщимъ. Опытнѣйшіе помѣщики, говоря о ней, разсуждаютъ уже лишь объ одномъ—какъ изыскать лучшее, благовиднѣйшее средство для того, чтобы по возможности обойти ее. Недалеко вѣроятно то время, когда и правительство исключительно проникнется тою же заботою; при извѣстномъ практицизмѣ нашихъ дѣльцовъ трудно сомнѣваться въ успѣхѣ подобнаго направленія. Какъ бы то ни было, безгласность доимашняго печатнаго станка налагаетъ на насъ обязанность указать здѣсь правительству тѣ существеннѣйшіе недостатки (кромѣ нѣкоторыхъ слегка упомянутыхъ уже выше), которые навлекли на програму всеобщее осмѣяніе, и строгое избѣжаніе которыхъ составляетъ необходимѣйшее условіе успѣха всякаго дальнѣйшаго подобнаго положенія. Исчислить и взвѣсить всѣ промахи мы не беремся: на это потребовалось бы критику еще болѣе терпѣнія, чѣмъ у составителей програмы было бездарности и незнанія дѣла. Условіе слишкомъ трудное къ выполненію!...

По неволѣ приходится остановиться прежде всего на противорѣчіяхъ между новою програмою и прежними—хотя также неуспѣвшими еще состарѣться постановленіями правительства о томъ же предметѣ. Видно таково уже свойство нашей бюрократіи, что она неспособна шесть мѣсяцевъ къ ряду въ одномъ и томъ же направленіи говорить о чемъ бы то ни было; вѣдь для послѣдовательности въ мысляхъ нужны убѣжденія, каковы бы они ни были; а убѣжденія нѣтъ (гдѣ же прикажете его взять?), кромѣ развѣ того убѣжденія, что выгоднѣе получать казенное жалованье, чѣмъ отъ него въ случаѣ разномыслія отказаться и сохранить лишь честное, незапятнанное имя. За то и противорѣчій въ програмѣ встрѣчается довольно много; замѣтимъ нѣкоторыя:—во-первыхъ опять поднятъ, какъ уже было замѣчено выше, вопросъ въ чемъ заключается усадьба?—наперекоръ уже сдѣланному ясному и точному опредѣленію ея во всѣхъ первыхъ отношеніяхъ министра внутреннихъ дѣлъ. Скажите на милость—къ чему вновь поднимать подобный вопросъ? Я стану на вашу точку зрѣнія: Вѣдь вы знаете, что часть дворянства, основательно или безосновательно, но во всякомъ случаѣ не сочувствуетъ отдѣленію крестьянамъ усадьбы въ полную собственность; вы уже разъ дали законное опредѣленіе усадьбы, сдѣлали оное съ высочайшаго соизволенія, ибо не можетъ же министръ внутреннихъ дѣлъ рѣшить таковой важный вопросъ не спросившись государя (иначе какое же у васъ управленіе?); и теперь вы вновь вводите дворянство во искушеніе отвѣчать на вашъ вопросъ не вашими словами, а хоть бы словами нѣкоторыхъ мнѣній, выразившихся въ петербургскомъ дворянскомъ комитетѣ, то есть, стать къ вамъ въ явную оппозицію. Ну есть-ли тутъ хоть тѣнь не говорю уже разума, но по крайней мѣрѣ того практицизма въ дѣлахъ, на который вы такъ смѣло и такъ наивно заявляете безпрестанныя притязанія? Вѣдь практическій человѣкъ просто замѣнилъ бы первыя три строки 4ой главы вашего положенія (стр. 13) слѣдующими словами: "Опредѣленіе крестьянской усадьбы согласно отношенію г. министра внутреннихъ дѣлъ къ с. петербургскому военному генералъ губернатору отъ 5 Декабря 1857 г., за N. 41." И дѣло было бы съ концемъ!

Но этого мало; есть противорѣчія еще разительнѣйшія: Въ циркулярѣ 17 Февраля и въ отношеніи къ кіевскому генералъ губернатору отъ 12 Марта, вы постановили правиломъ, что "выкупленныя крестьянами усадьбы должны переходить по наслѣдству, по даренію, или черезъ продажу—только къ члену того же крестьянскаго мірскаго общества, или къ лицу, въ то общество принимаемому." Какимъ же образомъ вы черезъ одинъ только мѣсяцъ измѣнили вашъ образъ мыслей на счетъ столь кореннаго, существеннаго вопроса и въ той же злосчастной 4ой главѣ положенія допустили слѣдующее изложеніе: "Право продажи или передачи крестьянами усадебъ только однимъ членамъ сельскаго общества или помѣщику съ согласія общества." Неужели вы не поняли всей важности введеннаго вами измѣненія?—Нѣтъ. Вы поступали сознательно; вы не сомнѣвались въ страшныхъ для крестьянскаго сословія послѣдствіяхъ этого повидимому невиннаго прибавленія двухъ словъ; вы знали что помѣщику, поставленному вами же на степень начальника общины, всегда легко будетъ вынудить нравственнымъ насиліемъ, или выманить ведромъ вина согласіе общества на подобныя сдѣлки; вы знали, что вы этимъ путемъ указывали дворянству открытый путь, какъ обойти ясно выраженную первоначальную волю государя; вы знали, что обманываете того же самаго государя, отъ котораго ожидаете назначенія своего въ министры внутреннихъ дѣлъ, и вы тѣмъ не менѣе рѣшились на подобный подвигъ!...

А 9ую главу, вы начали словами: "Присвоеніе помѣщику званія начальника общества." Посмотримъ, что сказано было о томъ же предмѣтѣ въ предшествующихъ документахъ, изданныхъ правительствомъ. Вѣдь не по незнанію важности этого вопроса отзывалось оно передъ тѣмъ иначе; вѣдь не составители же програмы раскрыли глаза правительства на счетъ важности будущаго положенія помѣщиковъ; а правительство прежде смотрѣло иначе на права помѣщика послѣ введенія новыхъ положеній. Возьмемъ для примѣра хоть одинъ изъ послѣднихъ пространныхъ документовъ, вышедшихъ передъ изданіемъ разбираемой програмы, на примѣръ отношеніе министра къ кіевскому генералъ-губернатору отъ 12 Марта; вотъ подлинныя слова его: "Вотчинная полиція оставляется помѣщику. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества. Завѣдываніе мірскими дѣлами каждаго общества и мірская расправа предоставляются мірскимъ судамъ, подъ наблюденіемъ и съ утвержденія помѣщиковъ." Спрашиваемъ васъ гдѣ тутъ начальникъ?..... Мы видимъ попечителя, готоваго устранить могущія вкрасться въ мірское правленіе злоупотребленія; но не видимъ начальника, облеченнаго въ положительную власть, могущаго всегда породить злоупотребленія несравненно опаснѣйшія уже потому, что они исходили бы отъ самой власти. Далѣе сказано въ томъ же документѣ: "Во все время переходнаго состоянія, помѣщикамъ предоставляется право сдавать нерадивыхъ и порочныхъ крестьянъ, по соглашенію съ обществомъ, въ рекруты или отдавать въ распоряженія правительства для переселенія въ другія губерніи, но не иначе какъ съ утвержденія уѣздныхъ присутствій." И здѣсь опять, даже на время пере-

Digitized by Google

ходнаго періода, помѣщику по возможности присвоенъ характеръ не начальника, но заботливаго попечителя. Это различіе между характерами начальника и попечителя сельскаго общества весьма важно само въ себѣ, независимо отъ обстоятельства законодательнаго самопротиворѣчія :— нашему крестьянству въ теченіи двухъ съ половиною вѣковъ его крѣпостнаго быта до смерти надоѣли начальники его, во все безпрестанно вмѣшивающіеся и ни на минуту не предоставляющіе его, его собственнымъ живымъ, свободнымъ влеченіямъ ; и при томъ это относится не къ однимъ помѣщикамъ, но даже и ко всей системѣ управленія министерства государственныхъ имуществъ. Эта щепетильность, этотъ всегда начальническій характеръ послѣдняго управленія произвелъ то, что даже теперь помѣщичьи крестьяне подчасъ почти боятся сулимой имъ отъ правительства свободы, страшась именно подчиненія своего какому нибудь начальству на подобіе государственныхъ имуществъ, и предвидя для себя совершенное стѣсненіе своей личной и мірской свободы. При такомъ расположеніи крестьянскихъ умовъ должно тщательно избѣгать того, чтобы подать имъ хотя малѣйшій поводъ къ сомнѣнію въ изобрѣтаемомъ для нихъ новомъ устройствѣ ; иначе правительство можетъ поставить само себя въ комическое положеніе преобразователя филантропа, придумавшаго для своего народа новыя общественныя формы, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще несовершеннѣйшія прежнихъ, и принужденнаго прибѣгать къ насилію, чтобъ навязать народу свои благодѣянія. Мы не принадлежимъ къ числу лицъ ищущихъ анархіи, или требующихъ по упраздненіи крѣпостной зависимости чисто демократическаго устройства нашего сельскаго быта,—ни мало ! Но мы желаемъ сохраненія за дворянствомъ отношеній къ крестьянству попечительныхъ, а не начальническихъ ; мы желаемъ, чтобы правительство отказалось отъ тѣхъ узкихъ, дѣтскихъ формъ, которыя освящены программою для отношеній между двумя сельскими сословіями, и постаралось бы изобрѣсти для нихъ, или подслушать въ общественныхъ толкахъ новыя, болѣе современныя, живыя, и правильныя составныя формы, въ которыхъ могло бы отлиться патронатство дворянства надъ свободнымъ земствомъ, безъ стѣсненія свободной жизни послѣдняго и безъ ущерба для его нравственнаго смысла. Пусть убѣдится правительство въ совершеннѣйшей несовмѣстности званія и аттрибутовъ начальника, въ томъ смыслѣ, какъ это слово понято программою, — съ живымъ движеніемъ общинныхъ отправленій, требующихъ полнаго себѣ простора, покуда не преступаются ими границы закона. Пусть сознаетъ оно юридическую невозможность налагать на общину обязанность круговой отвѣтственности за всѣхъ своихъ членовъ передъ правительствомъ и прежнимъ владѣльцемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подчинять ее такому болѣе или менѣе полновластному начальнику, который нелѣпыми и произвольными распоряженіями легко можетъ нарушить выгоды, а слѣдовательно и умалить матеріальную состоятельность каждаго изъ членовъ общины. Можно и должно поставить начальника надъ механически составленнымъ соціальнымъ фаланстеромъ ; но живая русская община нуждается ни въ чемъ иномъ какъ въ попечителѣ. А между тѣмъ нигдѣ, какъ у насъ, такъ не опасно смѣшеніе этихъ двухъ названій, при глубоко вкорененнойся у насъ въ обществѣ привычкѣ полнаго самоуничтоженія личности передъ начальникомъ и не сдержаннаго ни закономъ ни обычаемъ полновластія послѣдняго. Вѣдь потрудился же за ранѣе одинъ изъ отцевъ программы, въ другой нѣкогда составленной имъ инструкціи для преподаванія и воспитанія въ кадетскихъ корпусахъ, установить и сообщить намъ свой взглядъ на то, какъ онъ понимаетъ власть начальника ; тамъ между прочимъ развивалась любопытная мысль, что совѣсть нужна человѣку лишь въ его частномъ, домашнемъ быту, а что на службѣ и въ гражданскихъ отношеніяхъ она вполнѣ замѣняется волею начальства. Едва ли крестьянинъ много выиграетъ, промѣнявъ на подобныя отношенія настоящую свою крѣпостную зависимость, безспорно тяжелую въ вещественномъ и подчасъ губительную въ нравственномъ отношеніи, но все же еще не связанную неразрывно съ подобнымъ все-цѣлымъ отреченіемъ человѣка отъ своей личной воли и Богомъ вложенной въ него совѣсти. Какое далѣе указаніе даетъ программа на разрѣшеніе вопроса о размѣрахъ крестьянскаго надѣла землею ? Самый первоначальный здравый смыслъ безъ сомнѣнія предписываетъ возможно менѣе нарушать существующій нынѣ statu quo дѣйствительнаго крестьянскаго надѣла, освященный обычаемъ, вызванный потребностями крестьянина и охраняемый матеріальной силою всего крестьянскаго сословія.

Напротивъ указатель главы 5ой гласитъ такъ :

" Наименьшій размѣръ надѣла въ имѣніяхъ малоземельныхъ, среднеземельныхъ и многоземельныхъ.

" Какія имѣнія, по мѣстнымъ обстоятельствамъ признаются малоземельными, какія среднеземельными и какія многоземельными ? "

Въ другихъ словахъ—губернскіе комитеты должны будутъ опредѣлить три болѣе или менѣе произвольныя нормы надѣла крестьянъ землею, подъ которыя очевидно, какъ бы разумно они ни были придуманы, не подойдетъ множество отдѣльныхъ селеній. Съ утвержденіемъ губернскаго положенія, въ каждомъ селеніи, не подходящемъ подъ одинъ изъ трехъ разрядовъ, должна открыться нарѣзка вновь крестьянамъ нормальнаго количества земли, безъ сомнѣнія въ большей части случаевъ сопряженная съ уменьшеніемъ первоначальнаго надѣла. Потрудились-ли составители программы подумать какія послѣдствія могутъ возникнуть изъ подобнаго нецеремоннаго обращенія съ существеннѣйшими привычками и пользами крестьянина ? Не благоразумнѣе-ли было бы ограничиться простымъ утвержденіемъ настоящаго наличнаго надѣла крестьянскаго, опредѣливъ лишь minimum и maximum его, какъ двѣ крайнія границы, въ предѣлахъ которыхъ крестьянскій надѣлъ долженъ оставаться неизмѣннымъ ? Но подобное разрѣшеніе слишкомъ просто для государственныхъ людей.

Разсмотримъ наконецъ въ ихъ главныхъ чертахъ дѣйствія, возложенныя программою на губернскіе комитеты и предположенныя для окончательнаго утвержденія и приведенія въ исполненіе имѣющихъ ими быть составленныхъ положеній для крестьянъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ Листѣ).

Печатается : Полное изданіе Стихотвореній Н. ОГАРЕВА, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали.

Поступили въ продажу Записки : М. ЩЕРБАТОВА И А. РАДИЩЕВА (изъ Екатерининскаго вѣка), Изданіе Трюбнера, съ предисловіемъ Искандера.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

No. 20. THE BELL AUGUST 1, 1858.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, *W. C.*

ЛИСТЪ 20.

1 Августа 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 39, Rupert Street, Haymarket, London. Price six-pence.

ЧЕРНЫЙ КАБИНЕТЪ.

> Совѣсть нужна человѣку въ частномъ, домашнемъ быту, а на службѣ и въ гражданскихъ отношеніяхъ ее замѣняетъ высшее начальство.
>
> ІАКОВЪ РОСТОВЦЕВЪ.

Полезная сентенція эта напечатана знаменитымъ "энтузіастомъ" въ "Наставленіи для преподавателей въ военно-учебныхъ заведеніяхъ". Она служитъ объясненіемъ почему разнесся слухъ, что Ростовцевъ, такъ блестяще начавшій свою карьеру съ доноса, назначается на мѣсто Долгорукова начальникомъ всѣхъ доносчиковъ въ Россіи.

Говорятъ сверхъ того, что его сдѣлаютъ министромъ внутреннихъ дѣлъ (*). Да ужъ сдѣлать бы его и Долгорукимъ,— тогда у государя былъ бы свой Яковъ Долгорукій.

А Не якова Долгорукова можно упразднить. Онъ лучше послѣдней интриги ничего не сдѣлаетъ, онъ истощился на нее, — andate a letto, Don Basilio! До его ценсурнаго похода о немъ только и знали, что онъ былъ совершенно не способенъ управлять военнымъ министерствомъ. Менщиковъ, имѣющій на откупу придворныя колкости и острящій за двухъ послѣ кончины Михайла Павловича, — не забылъ Долгорукова и оставшись безъ пороху во время войны, замѣтилъ: "что по всему замѣтно, что военный министръ пороху не выдумалъ". Остальная часть его жизни покрыта облаками пыли отъ маневровъ и безслѣдно теряется въ архивахъ военной бюрократіи и въ собственномъ формулярномъ спискѣ †. Перейдя въ тайную полицію, онъ по мѣсту служенія сдѣлался чѣмъ-то секретнымъ. Но неудовлетворенный извѣстностью, которую ему доставилъ Менщиковъ, онъ не хотѣлъ покинуть III отдѣленіе, не оставивъ явнаго слѣда тайныхъ занятій своихъ и нанесши страшный ударъ Россіи во время крымской войны, онъ нанесъ ей другой мирный ударъ, исказивъ самую ценсуру беззаконнымъ, неслыханнымъ при Николаѣ требованіемъ рукописи отъ издателя. Онъ своимъ доносомъ началъ новую полосу реакціи и невѣжественныхъ гоненій слова. Ростовцевъ-ли его научилъ этому, Тимашевъ-ли подучилъ его, — намъ дѣла нѣтъ, — его имя будетъ связано съ этимъ нововведеніемъ.

Вѣрный своей бюрократической наукѣ, онъ сплелъ себѣ вѣнокъ — не изъ лавровыхъ листьевъ, а изъ черновыхъ и корректурныхъ. Мы получили нѣсколько писемъ объ этой мрачной, couleur jésuite, исторіи; подробности довольно сходны. Мы просимъ позволеніе передать одно изъ нихъ, именно потому, что оно писано явнымъ образомъ человѣкомъ очень умѣренныхъ мнѣній.

..."Статья объ освобожденіи крестьянъ въ 'Современникѣ', изъ за которой вышло все дѣло, была до напечатанія въ рукахъ всѣхъ возможныхъ великихъ и малыхъ людей, начиная съ Елены Павловны и Константина Николаевича. Потомъ она прошла черезъ ценсуру Тройницкаго, состоящаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Тройницкій этотъ былъ прежде издателемъ "Одесскаго Вѣстника". Графъ Воронцовъ подарилъ ему этотъ журналъ, который онъ и издавалъ въ свою пользу до появленія въ Одессѣ Пирогова. Пироговъ, какъ и слѣдовало, возвратилъ журналъ одесскому Лицею; Тройницкій лишенный знаменитымъ операторомъ средствъ литературно грѣшить въ Одессѣ, опредѣлился (съ помощію вѣроятно подателя всѣхъ благъ и мѣстъ по министерству внутреннихъ дѣлъ Гвоздева) въ должность евнуха при той же печатной лите-

(*) Слухъ о назначеніи Ростовцова на мѣсто Ланскаго повторяется уже мѣсяцы, по этому поводу была забавнѣйшая типографская ошибка въ No. 123 Le Nord.

"Третьягодня въ нашемъ resumé произошла типографская перестановка, которую мы долгомъ считаемъ исправить. Въ пятой alinea на второй колоннѣ сказано:

"Между слухами, о которыхъ намъ сообщаютъ наши петербургскіе корреспонденты, — намъ кажется самымъ достовѣрнымъ слухъ объ отставкѣ м. в. д. Ланскаго, на мѣсто котораго назначается генералъ Ростовцевъ, одинъ изъ людей наиболѣе достойныхъ уваженія, котораго имя навсегда останется связано съ одной изъ самыхъ великихъ реформъ новѣйшаго времени.

"Надо читать:

"...Ланскаго,—одного изъ людей наиболѣе достойныхъ уваженія, котораго имя навсегда останется связано съ одной изъ самыхъ великихъ реформъ новѣйшаго времени, и на мѣсто котораго назначается генералъ Ростовцевъ".

Не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ... Впрочемъ ошибка въ фальшъ не ставится!

† Долгорукій началъ свое служеніе въ "Союзѣ благоденствія", послѣ 14 Декабря онъ былъ какъ-то спасенъ Орловымъ и вмѣсто гражданскихъ поселеній попалъ на военныя, но не сосланнымъ, а начальникомъ штаба, при скучномъ и неугомонномъ Никитинѣ; десять лѣтъ трудился онъ при немъ, изощряясь въ смиреніи и покорности. Показавъ особенную храбрость на вознесенск... маневрахъ, онъ былъ переведенъ Николаемъ въ военное министе... что мы могли узнать объ этой скромной, но безпол... ...ство. Вотъ все ...ной жизни начальника тайной полиціи.

Digitized by Google

ратурѣ въ Петербургѣ. Онъ сдѣлалъ со статьей, о которой идетъ рѣчь, свои урѣзывания, обыкновенная цензура свои отрѣзывания и статья процѣженая явилась въ Современникѣ. Вслѣдъ за ея появленіемъ редакторъ Современника получаетъ отъ Ковалевскаго предписаніе явиться къ шефу жандармовъ. Надобно сказать, что Ковалевскій не самъ, онъ телеграфъ, черезъ который Черный Кабинетъ (Орловъ, Панинъ, Ростовцевъ, Муравьевъ, Долгорукій) передаетъ цензурные циркуляры и противудѣйствуетъ путями просвѣщенія — всему образованному. Ковалевскій въ родѣ повытчика скрѣпляетъ своей слабостью акты своихъ начальниковъ "добросовѣстно замѣняя свою совѣсть ихъ волей". Онъ такъ хорошо знаетъ свою роль — страдательнаго инструмента, что даже не пригласилъ издателя, а прямо и за глаза передалъ его въ тайную полицію. Въ III отдѣленіи истребована была первоначальная рукопись Кавелина, за тѣмъ помарки цензоровъ и на этихъ основаніяхъ сдѣланъ докладъ уже не имѣвшій ничего общаго съ напечатанной статьей. Повторяемъ что этого не было ни разу во все время царствованія Николая и Дуббельта.

"Рукопись, какъ извѣстно, составлена была до появленія рескриптовъ и естественно что нѣкоторыя изъ ея положеній могли расходиться съ оффиціальными предписаніями. Мѣста эти хотя и были выпущены въ печати, представлены въ докладѣ, какъ оппозиціонныя рескриптамъ. За тѣмъ поставлены на видъ всѣ выпуски, сдѣланные въ рукописи обыкновенной цензурой и возведено обвиненіе въ злоумышленіи на министерство просвѣщенія, за то что оно допустило, зная содержаніе выпусковъ къ печати статью и при томъ статью, которой отрывки были въ Голосахъ изъ Россіи. И такъ докладъ былъ сдѣланъ по рукописи, писанной четыре года тому назадъ, для немногихъ тогдашнихъ эмансипаторовъ, по мѣстамъ которыя не были въ печати и притомъ съ такой недобросовѣстностью, что авторъ, цензура, журналы, министерство просвѣщенія, литература, — все это представлено чѣмъ-то мятежнымъ, крамольнымъ, въ то самое время, когда литература и все образованное въ Россіи поддерживаетъ всѣми силами реформы начатыя Александромъ II.

"До чего ненависть къ свѣту и рѣчи довели недобросовѣстность, можно судить по тому, что ясная и простая мысль, высказанная въ статьѣ: что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права дѣлаются невозможными ни Самозванцы, ни Пугачевы, выставлена въ докладѣ къ государю какъ мечта автора объ этихъ явленіяхъ, какъ его желаніе чтобъ они повторились!!!" (А хорошо должно быть вѣрноподданническое мнѣніе Долгорукова о проницательности государя, когда онъ рискнулъ на такую штуку?)

"Въ дополненіе надобно сказать, что государь въ этомъ дѣлѣ былъ фактически введенъ въ заблужденіе. Его увѣрили, что статья напечатана не смотря на сопротивленіе Тройницкаго, но онъ запрещенья никогда не накладывалъ, а мѣста имъ замѣченныя были исключены.

"Послѣдствія извѣстны, — наука, умъ, искренная преданность и образованіе отстранены въ лицѣ Титова, Щербатова, Кавелина и Бабста. Все что только есть мыслящаго въ Россіи и любящаго отечество находится въ уныніи и грустномъ ожиданіи".

Вотъ циркуляры Ковалевскаго.

1.

"Въ апрѣльской книжкѣ журнала 'Современникъ' напечатана статья о новыхъ условіяхъ сельскаго быта. Не говоря уже о нѣкоторыхъ неумѣстныхъ выраженіяхъ и сужденіяхъ автора сей статьи о столь важномъ государственномъ вопросѣ, въ ней главная мысль состоитъ въ томъ, что помѣщичьи крестьяне должны, вопреки главнымъ началамъ, установленнымъ высочайшими рескриптами, касательно устройства быта крестьянъ, при освобожденіи ихъ изъ крѣпостнаго состоянія, получить въ полную собственность землю, которою они нынѣ пользуются.

"Находя такое направленіе статей о помѣщичьихъ крестьянахъ противнымъ высочайше установленнымъ для цензуры ихъ правиламъ, я покорнѣйше прошу сдѣлать распоряженіе о недопущеніи къ печати статей вышеизъясненнаго содержанія и вообще о строгомъ соблюденіи предписанныхъ правилъ".

"Министръ Народнаго Просвѣщенія Е. Ковалевскій".

2.

"Въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ начали появляться статьи, относящіяся до предпринятаго улучшенія и устройства крестьянскаго быта, гдѣ предлагаются не тѣ начала кои указаны правительствомъ; излагается необходимость освободить крестьянъ вполнѣ отъ всякой зависимости помѣщиковъ и даже отъ полицейской ихъ власти; помѣщаются противу дворянъ и помѣщиковъ рѣзкія сужденія, и наконецъ стараются доказать права собственности крестьянъ на помѣщичью землю и на пріобрѣтеніе усадебъ въ собственность безъ выкупа. Въ нѣкоторыхъ литературныхъ статьяхъ начали помѣщаться весьма неприличные разсказы случаевъ злоупотребленія помѣщичьей власти.

"Такое направленіе печатаемыхъ нынѣ статей можетъ возбудить крестьянъ противу помѣщиковъ, оскорбляетъ сословіе дворянъ и вселяетъ въ умы крестьянъ такія надежды, кои въ послѣдствіи едва-ли могутъ осуществиться. Кромѣ того дошло до свѣденія е. и. в., что цензура разрѣшая къ печатанію статьи, написанныя въ видахъ пользы крестьянскаго сословія, запрещаетъ всѣ тѣ статьи, кои пишутся въ пользу помѣщиковъ. Государь императоръ признавая необходимымъ, чтобы при настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса не были рѣшительно допускаемы къ напечатанію такія статьи, въ какой бы формѣ онѣ ни были, кои могутъ волновать умы и помѣщиковъ и крестьянъ, разсѣвая между сими послѣдними нелѣпые толки и сужденія, изволилъ высочайше повелѣть: ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ духа и смысла правилъ указанныхъ уже по сему предмету е. и. в. въ минувшемъ Январѣ. Его величеству угодно, чтобы съ изданіемъ нынѣ особой программы для занятій дворянскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, цензура дозволяла къ печатанію только тѣ чисто ученыя, теоретическія и статистическія статьи, гдѣ обсуживаются исключительно предметы сельскаго хозяйства и благоустройства, статьи непротивныя духу и направленію означенной программы, не вдаваясь отнюдь въ сужденія о предметахъ будущаго устройства крестьянъ въ окончательномъ періодѣ предпринятаго правительствомъ преобразованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ е. и. в. изволитъ признавать необходимымъ, чтобы цензура разрѣшая печа-

Digitized by Google

тапіе статей, написанныхъ въ пользу крестьянскаго сословія, не препятствовала печатать статьи, написанныя въ пользу помѣщиковъ, запрещая критику главныхъ началъ, въ высочайшихъ рескриптахъ и въ означенной выше программѣ указанныхъ, и вообще сочиненія, кои могутъ возбуждать одно сословіе противу другаго, но всегда обращая строгое вниманіе на духъ и благонамѣренность сочиненія. Сверхъ того государю императору благоугодно, чтобы въ отдѣльныхъ листкахъ, продаваемыхъ нынѣ на улицахъ и перекресткахъ, не было вовсе допускаемо сужденій и статей вообще до крестьянскаго вопроса относящихся, и чтобы было обращаемо особое строгое вниманіе на отдѣльныя книжки издаваемыя для простаго народа, дабы въ нихъ не было допускаемо не только ничего несогласнаго съ постановленными для устройства крѣпостнаго сословія началами, но и ничего такаго, чтобы могло давать поводъ, хотя и намеками, къ превратнымъ толкованіямъ".

"Министръ Народнаго Просвѣщенія Е. Ковалевскій".

О Равви Аврамій-бенъ-Норовъ! Намъ приходится жалѣть о нашемъ библейскомъ министрѣ и скорбѣть, что мы разсказали о его интрижкахъ съ Мантейфелемъ и Бейстомъ, — его увлекло усердіе... конь и о четырехъ копытахъ да спотыкается... да что Авраамій —Іегова съ нимъ!.. Какъ бы Богъ Іакова и ростовскій іезуитизмъ не заставилъ насъ жалѣть о вяземскомъ!

ПРОГРАММА

ДЛЯ ЗАНЯТІЙ ГУБЕРНСКИХЪ КОМИТЕТОВЪ.

(Окончаніе).

Мы не упоминаемъ уже о педантическомъ раздѣленіи комитетскихъ занятій на разные громкіе періоды и о замѣченномъ всѣми нелѣпомъ требованіи, чтобы въ комитетахъ "предметы разсматривались послѣдовательно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они изложены въ программѣ," какъ будтобы этотъ порядокъ могъ быть почтенъ хоть сколько нибудь удовлетворительнымъ, и какъ будтобы на примѣръ вторая глава Положенія могла быть окончательно обработана и установлена безъ совмѣстной разработки многихъ изъ существеннѣйшихъ статей 6ой и 7ой главы. Конечно мы имѣемъ полное право успокоиться и быть увѣренными, что на дѣлѣ выйдетъ иначе и что комитеты увидятъ себя принужденными сами собою измѣнить установленный для нихъ порядокъ занятій и ни мало неусумнятся это сдѣлать, развѣ они увидятъ въ строгомъ соблюденіи законности удовлетворительный предлогъ для веденія дѣла въ оттяжку. Но спрашиваемъ опять—что выиграютъ въ первомъ случаѣ законъ и должное ему всеобщее уваженіе, что въ послѣднемъ выиграетъ само предпринятое правительствомъ дѣло?...

Программа возлагаетъ на комитеты собраніе подробныхъ статистическихъ свѣденій, изложенныхъ подъ шестнадцатью заголовками, и самою программою признанныхъ впрочемъ только полезными, но не обязательными въ полномъ своемъ объемѣ. Должно сказать однако, что нѣкоторыя изъ сихъ свѣденій вполнѣ и совершенно безполезны для предстоящаго дѣла, на примѣръ: свѣденія о числѣ грамотныхъ въ имѣніяхъ и о дѣтскихъ въ нихъ пріютахъ. Не менѣе фантастична также рубрика о среднемъ валовомъ доходѣ, получаемомъ съ десятины. Послѣднее не извѣстно у насъ въ точности даже одному помѣщику изо ста да и для настоящаго дѣла не слишкомъ важно, ибо можетъ и должно быть замѣнено болѣе простыми и положительными данными. Вообще важность статистическихъ данныхъ не сомнѣнна, но въ подобной полнотѣ собраніе ихъ можетъ лишь затруднить комитеты и служить благовиднымъ поводомъ къ отсроченію окончанія ихъ занятій на неопредѣленное время. Можетъ быть того и хотѣли составители!

"Всѣ сіи свѣденія, сказано въ программѣ, соединяются въ одинъ общій сводъ по каждому уѣзду." А изъ этихъ уѣздныхъ сводовъ составляется губернскимъ комитетомъ "общій сводъ о настоящемъ положеніи дворянскихъ имѣній въ губерніи." О несчастная страсть къ многотомнымъ сводамъ! Да какая губернская канцелярія составитъ путнымъ образомъ подобный сводъ? И какая предстоитъ возможность кому бы то ни было составить такой пестрый сводъ? И на что намъ губернскій сводъ—о музыкантахъ, пѣвчихъ, псаряхъ, дѣтскихъ пріютахъ, и несуществующихъ сельскихъ банкахъ и мірскихъ капиталахъ? Совершенно достаточно имѣть объ этихъ и многихъ другихъ предметахъ на случай нужды оправку въ канцелярскихъ бумагахъ, не составляя изъ нихъ особенныхъ сводовъ. Здѣсь впрочемъ намѣреніе составителей программы по крайней мѣрѣ было доброе, да они не въ тѣ ворота попали, сказали не то, что хотѣли сказать; вотъ что значитъ толковать о предмѣтахъ себѣ незнакомыхъ! По нашему разумѣнію, виновные въ составленіи программы хотѣли требовать извлеченія, изъ собранныхъ статистическихъ данныхъ, среднихъ цыфръ—какъ наемной цѣны угодій, владѣемыхъ крестьянами, такъ равно и вещественныхъ и денежныхъ повинностей, ими правимыхъ въ пользу помѣщиковъ; но забрели въ море безъисходное.....

Мало этого перваго свода. Губернскимъ комитетамъ вмѣняется въ обязанность составить еще и второй "общій сводъ предметамъ, обратившимъ на себя вниманіе дворянства при уѣздныхъ совѣщаніяхъ." Этотъ сводъ долженъ быть, вмѣстѣ съ проэктомъ, представленъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Но за чѣмъ же обязывать губернскія комитеты къ безплодному труду надъ составленіемъ такого полнаго свода всѣхъ мнѣній, выраженныхъ на уѣздныхъ совѣщаніяхъ? И за чѣмъ утруждать министерство перечитываніемъ и разборомъ вновь тѣхъ изъ сихъ мнѣній, которыя уже и губернскими комитетами будутъ отвергнуты? А въ числѣ полезныхъ и умныхъ мнѣній, будетъ безъ сомнѣнія много и нелѣпыхъ. Опять таки канцелярская недовѣрчивость и привычка къ безплоднымъ механическимъ занятіямъ отнимающимъ драгоцѣнное время, вмѣняемое ни во что даже и теперь.....

Убившіе значительную долю предоставленнаго имъ времени на подобные пустяки, губернскіе комитеты должны существенную работу свою окончить въ теченіи тѣхъ дней, которые останутся у нихъ свободными до истеченія окончательнаго шестимѣсячнаго срока. Мы сомнѣваемся, чтобы при подобныхъ требованіяхъ работы могли быть завершены во время и знаемъ также съ другой стороны какой гибельный примѣръ подаетъ правительство, если отсрочитъ время подачи проэкта первому въ порядкѣ своего открытія комитету с. петербургскому. Какъ бы то ни было, съ истеченіемъ первыхъ шестимѣсяцевъ крестьяне, томящіеся въ ожиданіи новаго для себя положенія и уже встревоженные не скрывае-

Digitized by Google

мыми самимъ правительствомъ признаками явнаго охлажденія къ дѣлу, еще покуда не выиграютъ ничего и имъ долго еще придется ждать улучшенія своего быта; ихъ даже будутъ продолжать продавать на свозъ, лишь бы нашлись покупатели. Съ отправкою проэктовъ въ министерство едва лишь только откроется канцелярскій фазисъ дѣлопроизводства по крестьянскому вопросу, и окончательное разрѣшеніе его, если оно пойдетъ указаннымъ въ программѣ путемъ, воспослѣдуетъ еще нескоро; почти страшно выговорить—по едва ли есть физическая возможность пройти весь указанный путь менѣе какъ по крайней мѣрѣ въ четыре года. Исчислимъ на скоро всѣ предстоящія ступени, которыхъ не можетъ миновать дѣло предоставленное своему нормальному развитію.

Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ поступятъ прежде всего въ министерство 48 губернскихъ проэктовъ, въ сопровожденіи 48 объяснительныхъ записокъ и 96 сводовъ. Мы готовы принять предположеніе, что комитеты не опоздаютъ работою, исполнятъ ее отлично, поведутъ себя вполнѣ прилично, не возбудятъ сами ни одного затрудненія, и не заикнутся ни о финансовомъ, ни о сословномъ, ни о многихъ иныхъ крайне щекотливыхъ и многосложныхъ вопросахъ. Министерство должно изучить все ему доставленное и вѣроятно стараться даже согласовать и отчасти обобщить разнорѣчащія положенія (ибо иначе проще было бы предоставить утвержденіе ихъ мѣстной власти или отряженнымъ на мѣсто довѣреннымъ сановникамъ); ему во множествѣ случаевъ безъ сомнѣнія предстоитъ истребовать объясненія и дополненія; наконецъ оно должно обработать дѣло для слушанія или государственнаго совѣта, или по крайней мѣрѣ главнаго крестьянскаго комитета, который въ свою очередь будетъ обязанъ, если не вникнуть въ сущность дѣла, то по крайней мѣрѣ дать канцеляріи своей срокъ физически нужный для прочтенія ему въ слухъ всѣхъ 47 положеній; и за симъ—чего добраго—въ случаѣ худаго пищеваренія котораго либо изъ старѣйшихъ членовъ комитета, можетъ даже возникнуть разногласіе, споръ, дѣйствительное обсужденіе дѣла. Мы уже заранѣе устраняемъ весь вопросъ о томъ—не сочтетъ-ли министерство нужнымъ призвать на свою помощь спеціальныхъ и знающихъ людей изъ сословія помѣщиковъ и членовъ губернскихъ комитетовъ, или быть можетъ даже образовать новые центральные комитеты по главнымъ полосамъ Россіи для возможнаго мѣстнаго соглашенія мѣстныхъ разнорѣчій. Положимъ, что министерство со свойственною себѣ смѣлостію и обычнымъ самоотверженіемъ подниметъ всю тяготу на собственныя плечи и возмется разрѣшить всѣ практическія затрудненія съ помощію одной своей скудной канцелярской опытности. Спрашиваемъ—сколько по малой мѣрѣ потребуется времени и при этихъ обстоятельствахъ для разсмотрѣнія положеній и возвращенія ихъ по принадлежности въ губерніи?.....

Но вотъ проэктъ возвратился въ губернію.

Губернскій предводитель медленно спѣшитъ созвать разбредшійся между тѣмъ во всѣ стороны комитетъ. Комитетъ наконецъ съѣзжается и согласно программѣ посвящаетъ первыя свои засѣданія опредѣленію порядка исполненія. Мы готовы предположить, что онъ не найдетъ ни предлога, ни повода къ всеподданнѣйшему испрашиванію себѣ разрѣшенія какихъ либо внѣзапныхъ важныхъ сомнѣній или трудностей, могущихъ всегда легко встрѣтиться въ подобномъ дѣлѣ, особенно если министерство не сочло нужнымъ предварительно призвать себѣ на совѣтъ кого нибудь изъ опытныхъ помѣщиковъ того края, твердо знающихъ мѣстныя условія.

По окончаніи своихъ предварительныхъ работъ, комитетъ "разсылаетъ экземпляры новаго положенія и формы акта въ каждый уѣздъ по числу дворянскихъ имѣній. Каждый помѣщикъ обязанъ составить для своего имѣнія письменный актъ, опредѣляющій подробности перехода крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ срочно обязанные, на точномъ основаніи положенія для каждой губерніи высочайше утвержденнаго."

А на это сколько потребуется помѣщикамъ времени? А какъ быть въ имѣніяхъ помѣщиковъ отсутствующихъ, находящихся за границею, владѣющихъ имѣніями во многихъ губерніяхъ? Сколько разъ прійдется возвращать эти акты мелкопомѣстнымъ, малограмотнымъ помѣщикамъ и помѣщицамъ? Вѣдь обо всемъ этомъ стоило подумать.

"Разсмотрѣніе и утвержденіе сихъ актовъ губернскимъ комитетомъ."

Помѣщикамъ справедливо предоставлено право лично присутствовать въ комитетѣ при разсмотрѣніи ихъ частныхъ актовъ: вѣроятно они будутъ не безмолвными свидѣтелями дѣлопроизводства; а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (напримѣръ въ Смоленской) состоитъ 205,645 помѣщиковъ и слѣдственно должно быть составлено, разсмотрѣно и утверждено равно столько же актовъ. Сколько на это нужно времени?.....

"Опредѣленіе комитетомъ порядка повѣрки членами комитета частныхъ актовъ помѣщиками составленныхъ.

"Повѣрка на мѣстѣ сдѣланнаго помѣщикомъ акта членомъ губернскаго комитета."

Для этой повѣрки нужно среднимъ числомъ по крайней мѣрѣ два дни на каждое имѣніе. А иному члену комитета прійдется объѣздить до трехъ сотъ имѣній, рѣдкому менѣе ста. Вотъ работа на срокъ—отъ шести мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ!

"Обращеніе частныхъ актовъ черезъ уѣздныя присутствія помѣщикамъ для исполненія.

"Объявленіе акта и приведеніе его въ исполненіе самимъ помѣщикомъ."

И такъ помѣщикъ, объявленный начальникомъ общества, самъ объявитъ и приведетъ въ исполненіе имъ самимъ, безъ участія крестьянъ, составленный актъ, никакимъ другимъ путемъ не дошедшій до ихъ свѣденія.

Постигаете-ли вы фазу, весь рядъ явленій и понятій объ улучшенномъ бытѣ крестьянъ, который соотвѣтствуетъ этимъ простымъ словамъ, замыкающимъ программу? Разумѣется начальникъ общества, бывшій помѣщикъ, объявитъ изнывающему въ трепетномъ ожиданіи, подчиненному себѣ обществу что хочетъ, какъ хочетъ и на столько, на сколько почтетъ объявленіе свое совмѣстнымъ съ общественною безопасностію, то есть съ собственными выгодами. Сельское общество, подчиненное своему начальнику, должно по этому самому повѣрить ему на слово; и въ понятіяхъ составителей программы—оно безъ сомнѣнія поспѣшитъ ему слѣпо повѣрить. Можетъ-ли быть иначе? Если который либо изъ подчиненныхъ замѣтитъ со стороны начальника своего злоупотребленіе и осмѣлится ему сдѣлать возраженіе, то, хотя бы онъ былъ и тысячу разъ правъ, онъ будетъ наказанъ

Digitized by Google

примѣрнымъ образомъ какъ бунтовщикъ за мятежное ослушаніе своему начальнику, виноватому въ подлогѣ. Такъ-ли?....

Переведемъ сказанное на другой, болѣе понятный языкъ: крестьянинъ, и въ улучшенномъ быту своемъ, останется чуждымъ государству и государственной власти, останется по прежнему не гражданиномъ, а переименованымъ крѣпостнымъ человѣкомъ также переименованнаго своего помѣщика, и будетъ столь же мало огражденъ отъ насилія послѣдняго безсильнымъ предводителемъ и уѣзднымъ присутствіемъ, сколь мало и до сихъ поръ былъ отъ того же самаго предводителя защищаемъ. Таковъ очевидно результатъ программы, если бы придуманное его средство было въ самомъ дѣлѣ исполнимо. Но полно—возможно-ли это? И не слишкомъ-ли упорная надежда возложена на привычки безропотнаго послушанія нашего крестьянина? Не слишкомъ-ли онъ явно и непосильно введенъ во искушеніе?

Поразмыслимъ хорошенько: въ правѣ-ли мы, помѣщики, ожидать отъ крестьянъ нашихъ столь полнаго къ себѣ довѣрія? Такъ-ли много мы сдѣлали для мужика, по крайней мѣрѣ многіе изъ насъ, чтобы мы по совѣсти могли потребовать отъ него безусловной вѣры во все то, что мы ему объявимъ за плодъ окончательныхъ намѣреній правительства въ его пользу, тогда какъ онъ не будетъ имѣть никакихъ другихъ оффиціальныхъ и положительныхъ доказательствъ истины нашихъ словъ? А въ отсутствіи помѣщика, задержаннаго напримѣръ въ другой губерніи или въ чужихъ краяхъ, весь обрядъ замѣнится стало быть, письменнымъ приказомъ помѣщика или приказомъ управляющаго Нѣмца или пожалуй прикащика, который самъ крѣпостной человѣкъ. Наконецъ само правительство, съ самаго начала открыто выступившее передъ народомъ въ качествѣ поборника его выгодъ противъ эгоистическихъ стремленій дворянства, не поколебало ли уже само въ крестьянинѣ ту прежнюю его вѣру въ помѣщика, которая въ другихъ обстоятельствахъ хотя отчасти могла бы послужить оправданіемъ подобнаго легкомысленнаго способа объявленія народу важнѣйшей для него государственной перемѣны. Вспомнимъ, что уже теперь народъ не смотря ни на какія предлагаемыя ему выгоды не соглашается ни на какія предварительныя сдѣлки, даже съ лучшими помѣщиками. Какъ же ожидать намъ отъ него вѣры въ голословныя наши ему заявленія вновь установленнаго порядка вещей, безъ сомнѣнія далеко не удовлетворяющаго всѣмъ его желаніямъ и стремленіямъ?

Жалкое будетъ положеніе новаго начальствующаго сословія, обруганнаго и посрамленнаго своими подчиненными при самомъ первомъ вступленіи его въ отправленіе своихъ обязанностей. А это—неизбѣжное послѣдствіе всей системы, созданной программою.

Словомъ—едва ли всякій помѣщикъ возьмется объявить дѣло своимъ крестьянамъ порядкомъ установленнымъ программою; и едва ли десятая часть крестьянъ повѣритъ подобному способу оглашенія царской воли.—Нѣтъ! Составители программы здѣсь рѣшительно вдались уже въ романъ —они невольно увлеклись прелестью собственной мечты и сами того не замѣчая вторглись въ область помѣщичьей поэзіи.....

Мы кончаемъ, мы прошли долгій и утомительный путь. Между тѣмъ множество предметовъ въ программѣ упомянутыхъ, нами во все не затронуты; и о многомъ такомъ, чего въ ней недостаетъ и что ею самою совершенно позабыто нами не сказано ни слова. Богъ съ нею. Мысль невольно притупляется, переходя отъ одной несообразности къ другой: сердце скорбитъ, видя прекрасные зачатки закинутые и сѣмена неминуемыхъ, быть можетъ скорыхъ и во всякомъ случаѣ не вознаградимыхъ бѣдствій разсѣянныя обличною рукою. Невольно спрашиваешь свою совѣсть—велитъ-ли она молчать и остаться равнодушнымъ, безсильнымъ свидѣтелемъ всеобщаго бѣдствія, или приказываетъ подать дружескій голосъ въ предостереженіе завлеченному пловцу? Мы не безъ насилія самому себѣ рѣшились на послѣднее: лишь одинъ путь оставался намъ открытъ—лондонскій станокъ.

Знаете-ли вы—мы не разъ останавливались въ раздумьи передъ этимъ станкомъ, выраженіемъ новыхъ потребностей русскаго общества, еще къ сожалѣнію мало сознанныхъ въ высшихъ сферахъ нашего управленія и которымъ такъ легко было бы прорыть дома широководное, всепоглащающее русло. Къ чему напротивъ было насильственно останавливать развитіе молодой домашней литтературы, едва начинавшей оказывать плодотворное дѣйствіе, едва успѣвшей внести хоть не много свѣта въ сложный вопросъ отмѣненія крѣпостной зависимости и сколько нибудь склонить дворянство къ необходимымъ разумнымъ уступкамъ? Къ чему такой противуестественный союзъ нашей цензуры съ издателемъ Колокола? Зачѣмъ взялась она обезпечить успѣхъ его? Счастливо еще что Колоколъ пишетъ на русскомъ, иностранцамъ недоступномъ языкѣ, позволяя намъ по мѣткому французскому выраженію около домашней плиты стирать грязное наше бѣлье.

Съ полною откровенностію, безъ задней мысли, высказали мы то, что было у насъ на душѣ. Еще въ послѣдній разъ обращаемся мы къ правительству нашему и умоляемъ его зрѣло взвѣсить свой образъ дѣйствій и всѣ его послѣдствія, прежде чѣмъ будетъ слишкомъ поздно. Обратное шествіе въ разрѣшеніи вопроса объ упраздненіи крѣпостнаго состоянія исполнено нынѣ самыхъ насущныхъ опасностей. Вопросъ возбужденъ, умы народа взволнованы, онъ ожидаетъ себѣ удовлетворенія, ему обѣщано улучшеніе его быта и онъ безусловно вѣритъ въ слово государево. Его надобно удовлетворить во что бы ни стало, безъ неумѣстной скупости, и притомъ въ возможно скоромъ времени. Иначе правительство вовлечетъ и себя и всѣхъ насъ въ бѣдствія неисчислимыя. И для него, и для насъ опасности кроются не въ смѣломъ, дружномъ слѣдованіи неотразимому требованію вѣка. Нѣтъ! Съ благородною, нѣсколько юношескою отвагою переступивши черезъ Рубиконъ 24 Ноября прошлаго года, правительство очистило себѣ впереди широкій безпрепятственный путь и оставило всѣ опасности далеко за собою, въ своемъ тылу. Тамъ то сама собою образовалась бездна, которой во что бы ни стало должно миновать, куда неотразимо поведетъ всякій обратный путь и гдѣ всѣ мы можемъ легко найти одинъ общій конецъ, будетъ ли онъ всѣми равно заслуженъ или нѣтъ.

Дѣло старыхъ поборниковъ крестьянской эманципаціи—указать правительству явную, грозящую опасность, дабы съ скорбнымъ сознаніемъ исполненнаго нравственнаго долга имѣть право омыть передъ нимъ свои руки. Отселѣ нравственная отвѣтственность за будущее лежитъ уже не на нихъ.....

ИЗЪ ПИСЕМЪ.

. . . Странное дѣло! Когда вспомнишь, какъ ждали, какъ томились мы, ожидая этой минуты (освобожденія крестьянъ) казалось бы, что теперь должны были бы всѣ ликовать, радоваться, казалось бы, что теперь-то долженъ бы настать для всѣхъ праздникомъ праздникъ, свѣтлое воскресеніе Россіи. А между тѣмъ ничего подобнаго нѣту. Была, правда, минута, но лирическое увлеченіе продолжалось не долго. Вамъ издали все представляется иначе. Конечно, всякое громадное историческое явленіе, просѣянное сквозь рѣшето ежедневности, вездѣ и всегда теряетъ для современника свою грандіозность; но въ Россіи къ этому присоединяется еще такая пошлость обстановки, такая неправда, такое недоразумѣніе, такая блѣдность, такая золотушность, бѣлобрысость нравственная, что — признаюсь по совѣсти — любоваться Россіей можно только издали, съ береговъ женевскаго озера, или въ гаданіяхъ о будущемъ, въ созерцаніи прошедшаго. Чтобы жизнь въ Россіи была сколько нибудь сносна, надобно постоянно напоминать себѣ и толковать общее, всемірно-историческое значеніе минуты, надобно постоянно взлезать на какую нибудь верхушку историческаго созерцанія, съ высоты которой только и можно мириться съ русскою ежедневностью.

Правительство не могло обойтись безъ лжи, мы всѣ, сочувствующіе эманципаціи и не желая мѣшать правительству, въ публичныхъ выраженіяхъ сочувствія, также лжемъ, всѣ совершая великое дѣло — лжемъ; разыгрывается громадная комедія, которой стоитъ выйти на свѣтъ божій, чтобы стать правдой и которая должна окончиться трагедіей. Другаго исхода нѣтъ, да и думать, чтобъ это гнилое породило плодъ здоровый было бы не вѣрить въ историческую логику, было бы просто хулою на духа святаго! Видите въ чемъ дѣло: правила изложенныя въ рескриптахъ не удовлетворяютъ ни помѣщиковъ, ни крестьянъ. Обѣ стороны недовольны, и въ тоже время обѣ стороны враждебны другъ къ другу. Литература вся въ пользу эманципаціи самой полной, согласной съ интересами крестьянъ, но лишена права опровергать рескрипты, да и сама этого не хочетъ, чтобъ не смѣшаться съ дворянской оппозиціей. Правительство опасаясь оппозиціи помѣщичей, всякое возраженіе рескрипту считаетъ за противудѣйствіе. Остается всѣмъ намъ помогать правительству въ этомъ трудномъ дѣлѣ, быть его союзниками противъ разъяренныхъ помѣщиковъ, но вѣдь это значитъ въ тоже время помогать нелѣпости правительственной, защищать нелѣпыя его распоряженія, и навлекать на себя негодованіе народа, въ то время какъ убѣжденія наши въ пользу народныхъ интересовъ. Изложеніе откровенныхъ мнѣній, хотя бы самыхъ либеральныхъ, но не согласныхъ съ началами рескрипта, (т. е. превосходящихъ ихъ либеральностью), воспрещено; цензурѣ на этотъ случай даны строгія правила: правительство боится себя ослабить, требуя большаго, — а требуя меньшаго — оно раздражаетъ народъ, не удовлетворяя дворянъ. Единственный выходъ, или способъ къ разрѣшенію задачи,—это выкупъ— не отъ крестьянъ, (они на это никогда не согласятся), а отъ правительства—земли и силъ рабочихъ, но правительство не хочетъ этого, увѣряя, что денегъ нѣтъ.

(Черезъ два мѣсяца.)

. . . Реакція на этотъ разъ не похожа на прежнія отрыжки николаевской эпохи, а имѣетъ характеръ новой самостоятельной порчи желудка. Норовъ и Вяземскій пали какъ жертвы либерализма. Государь окружилъ себя своими новыми министрами, оставляемъ министерство финансовъ, которое еще ни въ чемъ себя не заявило, мы должны сознаться, что надежды наши на Ковалевскаго лопнули, и мы вздыхаемъ по Норовѣ. Ковалевскій, не съумѣвъ на первыхъ же порахъ поставить себя и свое министерство въ независимое положеніе относительно Панина и Ко., сдѣлался только новымъ, болѣе угодливымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ, орудіемъ направленнымъ на литературу и на интересы русскаго народа. Онъ ознаменовалъ свое управленіе цѣлымъ рядомъ стѣснительныхъ предписаній, выговорами цензорамъ, выдачею головой журналистовъ и редакторовъ произволу III отдѣленія. Посылаю вамъ копіи съ двухъ предписаній, (теперь цензурные комитеты даютъ редакціямъ письменно знать о томъ, что надлежитъ принимать въ руководство). Вы увидите изъ первой, что выраженіе о надѣлѣ крестьянъ собственностью считается преступнымъ. Правительство не понимаетъ, что подобными предписаніями, которыя немедленно разойдутся по всей Россіи въ милліонахъ копій, оно компрометируетъ себя въ глазахъ народа. Народъ обыкновенно думаетъ, что царь за него, а дворянство противъ него; теперь онъ увидитъ что и царь противъ него, что нечего ему надѣяться на царя. Одно только и можетъ быть оправданіе, которое мы готовы принять вмѣстѣ съ народомъ, одинъ выходъ примирительный, это предположить что, "царь струсилъ". Дѣйствительно струсилъ или уступилъ тѣмъ изъ окружающихъ его, въ комъ болѣе твердости и энергіи. При всемъ уваженіи къ Александру Николаевичу, нельзя не сказать ему, что онъ одинъ не видитъ и не понимаетъ, что имъ управляетъ теперь тріумвиратъ, составленный изъ гг. Панина, Муравьева и Ростовцева. Эти люди, имена которыхъ Россія не забудетъ, вмѣстѣ съ своими сателитами, ведутъ Россію прямо къ революціи. Если прольется кровь въ Россіи, такъ виноваты въ ней будутъ они. Они, вмѣстѣ, какъ люди съ энергіей и честолюбіемъ, подчинили своему вліянію Государя и систематически преслѣдуютъ печатное слово. Министерство народнаго просвѣщенія сдѣлалось какимъ-то мячикомъ въ ихъ рукахъ, или вѣрнѣе сказать какой-то канцеляріей, гдѣ всякій министръ имѣетъ право распоряжаться, кромѣ самаго министра народнаго просвѣщенія. Оно взято подъ надзоръ и опеку всѣхъ полицій, III отдѣленія, всѣхъ министерствъ, а въ особенности г. Панина. Всѣ они поставили себѣ цѣлью слѣдить черезъ особыхъ чиновниковъ всякое живое слово въ литературѣ и тотчасъ доносить о томъ государю въ общемъ совѣтѣ министровъ, разумѣется, стакнувшись предварительно. Главнымъ ораторомъ тамъ Панинъ. Въ этомъ собраніи нравственно рыхлыхъ личностей дубинность Панина даетъ ему полное превосходство. До учрежденія общаго доклада министровъ, онъ, какъ министръ юстиціи имѣлъ только разъ въ году ауденцію у государя, когда надобно было представлять сенаторовъ къ наградамъ. Теперь-же онъ лично плѣняетъ слухъ царскій каждую недѣлю своими ровными, однозвучными, будто изъ пустой бочки выходящими рѣчами. Всѣ прославляютъ его краснорѣчіе, но это не краснорѣчіе, а "обильное словотеченіе". Вѣроятно вы уже имѣете программу. Эта программа, также какъ и цензурныя мѣры, приводятъ всѣхъ благонамѣренныхъ людей въ Россіи въ совершенное уныніе. Какое выгодное положеніе теряетъ правительство! Оно имѣло за себя всю

Digitized by Google

литературу, все честное, все молодое, образованное поколѣніе; только опираясь на литературу могло оно надѣяться на мирное и разумное разрѣшеніе вопроса, на одолѣніе дворянской оппозиціи. Теперь оно добровольно лишаетъ себя этой поддержки, и испугавшись ничтожной дворянской оппозиціи, ничтожной говорю я, ибо никто изъ дворянъ не рѣшился (духу не достало бы) напечатать на пр. статью въ защиту и въ похвалу крѣпостнаго права, — поставило себя въ оппозицію ко всему русскому народу. Кромѣ предписаній стѣснительныхъ, правительство назначило чиновника отъ министерства внутреннихъ дѣлъ (Тройницкаго) для просмотра статей назначенныхъ къ печати, по этому вопросу. Этотъ чиновникъ живетъ въ Петербургѣ, а такъ какъ литературная дѣятельность по преимуществу въ Москвѣ, гдѣ два специальныхъ журнала посвятили себя этому дѣлу, такъ какъ московскіе цензора не имѣютъ права собственною властію разрѣшать печатаніе статей сколько нибудь не пошло-казенныхъ, такъ какъ вся литература поглощена этимъ вопросомъ и статей въ редакціи журналовъ присылается ежедневно сотнями, — то московскимъ журналамъ приходится замолкнуть.

Между тѣмъ, въ силу тѣхъ словъ рескрипта, гдѣ предписывается пресѣкать всякіе лживые слухи, губернаторы даютъ предписаніе исправникамъ, а исправники становымъ — наблюдать за нераспространіемъ слуховъ и толковъ о свободѣ. Становые дѣлаютъ изъ этого новый источникъ доходовъ для себя и истязаній для крестьянъ. Теперь помѣщики опасаясь бить собственноручно, то и дѣло приглашаютъ полицію въ свои имѣнія для внушенія крестьянамъ должнаго повиновенія, тогда какъ повиновеніе никогда не было нарушено! Вы знаете, что значитъ это внушеніе! Къ такому внушенію даетъ поводъ подозрительному и раздраженному дворянству всякая обычная грубость или даже небрежность лакея, озабоченное или слишкомъ веселое лице мужика, самые невинные толки о предстоящемъ преобразованіи. Становые и прикащики рыщутъ теперь по всей Россіи, сѣкутъ, бьютъ и истязаютъ крестьянъ. Я знаю это положительно. Обвиненіе: "онъ толкуетъ о свободѣ", ровняется обвиненію въ преступленіи противъ первыхъ двухъ пунктовъ. Полиція ревностнѣе чѣмъ когда либо служитъ помѣщичей власти. На дняхъ въ орловской губерніи, въ имѣніи Е***, исправникъ исколотилъ въ кровь мужика, который будучи понятымъ при вводѣ во владѣніе постороннимъ имѣніемъ, глядя на исправника, улыбнулся. Исправникъ объяснялъ, что колотитъ мужика за то, что онъ — какъ извѣстно ему, исправнику—толкуетъ о свободѣ!

Недавно происходило сѣченіе въ видѣ предохранительнаго лекарства въ одномъ имѣніи обоянскаго уѣзда, курской губ. "Толкуетъ о свободѣ" всемогущій предлогъ теперь въ рукахъ помѣщиковъ и полиціи для принужденія къ незаконной работѣ или къ поборамъ! Къ чему это поведетъ—угадать не трудно. Покуда же народъ терпѣливо ждетъ. Но освободить его безъ земли, точно также невозможно, какъ обратить его въ католицизмъ, и т. п.

ПРИЛОЖЕНІЕ КРѢПОСТНАГО ПРАВА КЪ ЖУРНАЛИСТИКѢ.

Къ кому и къ чему ни прикрѣплялись у насъ люди? И къ помѣщикамъ, и къ государству, и къ дворцамъ, и къ кавалерійскимъ полкамъ, и къ фабрикамъ, и къ монастырямъ, и къ временнымъ коммиссіямъ, — на пр. особенно замѣчательно — къ коммиссіи для построенія храма Спасителя въ Москвѣ!!! и къ рудникамъ, и къ конскимъ заводамъ, и словомъ, ко всевозможнымъ физическимъ и моральнымъ лицамъ, ко всему видимому и невидимому. До сихъ поръ еще ни слова не было сказано о будущей участи всѣхъ другихъ крестьянъ, кромѣ помѣщичьихъ, а пора бы; ихъ тоже много, очень много. По всей вѣроятности храмъ Спасителя, корабельные лѣса и лошади были бы великодушнѣе тамбовскихъ помѣщиковъ къ своимъ крестьянамъ, но къ сожалѣнію Сводъ Законовъ, дававшимъ право владѣть людьми, не могъ имъ дать дара говоренія, а приставленные къ нимъ опекуны-чиновники или лишены этого дара законодательствомъ, или находятъ молчаніе весьма выгоднымъ для себя. Мы нѣсколько разъ слышали уже предвѣщанія, что министерство государственныхъ имуществъ, коннозаводскія и другія скотскія вѣдомства думаютъ освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ прибрать въ свои лапы; и освобожденіе тогда выйдетъ не освобожденіе, а перемѣна однаго помѣщика на другаго.

Скажемъ на первый разъ нѣсколько словъ о самомъ удивительномъ и постыдномъ видѣ укрѣпленія—къ политической и литературной газетѣ! Да, и горько и смѣшно, между тѣмъ это фактъ, извѣстный всѣмъ.

Московскій университетъ издаетъ политическую и литературную газету (Московскія Вѣдомости), для этой цѣли при немъ учреждена собственная типографія...Дѣло очень хорошее, обеспечивающее исправный выходъ изданія, но вотъ что уже вовсе не хорошо при учрежденіи типографіи прикрѣплена къ ней Бутырская слобода, населенная людьми вольнаго происхожденія; университетское правленіе (это было въ прошломъ столѣтіи) опредѣлило все мужское населеніе слободы въ типографскіе наборщики, разумѣется, вѣчно и потомственно. Въ такомъ положеніи они существуютъ до сихъ поръ.

Мы знаемъ, что въ языческомъ Римѣ были у частныхъ лицъ рабы, назначенные спеціально для переписки рукописей, для чтенія, для письма. Но чтобы во второй половинѣ XIX вѣка существовали въ христіанскомъ государствѣ люди не только грамотные, но и хорошо развитые, которые были бы вѣчно и потомственно прикрѣплены къ типографскому станку на крѣпостномъ правѣ, — это невѣроятно. А между тѣмъ это такъ. Не угодно-ли кому изъ Москвичей отправиться въ университетскую типографію (на углу большой Дмитровки и Страстнаго бульвара), тамъ онъ увидитъ нѣсколько десятковъ бѣлыхъ Негровъ, которые день и ночь набираютъ и печатаютъ газету и книги. За эту каторжную работу имъ платится втрое или вчетверо меньше того, что получаютъ вольные наборщики въ другихъ типографіяхъ, и притомъ они подчинены деспотизму часто худшему, нежели помѣщичій.

Въ послѣдніе годы (съ 1850) типографіей управлялъ Александръ Назимовъ, опредѣленный братомъ своимъ, бывшимъ попечителемъ университета. О его прежней жизни достаточно сказать, что онъ будучи окружнымъ начальникомъ въ Псковской губерніи, попалъ, не смотря на сильную протекцію, подъ уголовное слѣдствіе, (кажется за убійство розгами крестьянина). Вступивши въ управленіе типографіей, онъ принялъ ее за свою деревню и сталъ безпрерывно отправлять наборщиковъ въ полицію для сѣченія, основываясь на мудромъ постановленіи нашего законодательства, по которому полиція должна сѣчь безъ отговоровъ крѣпостныхъ людей, присыла-

Digitized by Google

емыхъ помѣщиками въ ея святилище. Дѣло дошло до того, что даже московскій оберъ-полицмейстеръ долгомъ счелъ сообщить попечителю, что его очень удивляетъ ревность начальника типографіи, тѣмъ болѣе, что наборщики извѣстны за людей хорошаго поведенія, и что прежніе начальники никогда не присылали ихъ въ полицію. Я былъ очевидцемъ слѣдующей сцены: Въ правленіе университета приходитъ молодая и очень приличная женщина, кидается въ ноги ректору и проситъ спасти ея мужа, котораго начальникъ типографіи отправилъ сѣчь въ полицію ни за что ни про что!

Университетъ, типографскій станокъ, политическая газета и рабы наборщики! Это такъ дико, такъ скверно, такъ позорно, что просто руки опускаются. Неужели университетское правленіе и новый министръ просвѣщенія потерпятъ долѣе это пятно? Вѣдь правленіе университета состоитъ изъ ректора, бывшаго профессора и четырехъ декановъ, слѣдственно позоръ долженъ падать прямо на ученое сословіе.

На заголовкѣ Колокола означено, что онъ печатается въ вольной русской типографіи. Редакторы конечно не предполагали, что въ Москвѣ это слово можетъ имѣть такой простой смыслъ — некрѣпостной! Пускай же вольная русская лондонская типографія приметъ подъ свою защиту рабскую русскую московскую типографію.

А что же намѣрено сдѣлать министерство съ 6,000 крестьянъ приписанныхъ къ Ярославскому Лицею и недавно отданныхъ въ завѣдываніе палаты государственныхъ имуществъ, т. е. на грабежъ чиновникамъ. Неужели оно не поспѣшитъ снять съ высшаго учебнаго заведенія титулъ рабовладѣльца?

СМѢСЬ.

— Харьковская исторія. — Студенты харьковскаго университета, подали въ числѣ 280, просьбу объ увольненіи, какъ говоритъ Аугсбургская газета. Событіе замѣчательное и ставящее очень высоко харьковское юношество. Ждемъ съ нетерпѣніемъ чѣмъ окончится это дѣло. Мы получили нѣсколько писемъ объ немъ, но не знаемъ еще чѣмъ Ковалевскій заключитъ его. Ковалевскій, показавшій такую жалкую слабость передъ орловскимъ комитетомъ упроченія крѣпостнаго состоянія и уничтоженія всякой гласности, Ковалевскій подавленный допотопнымъ Панинымъ, Іаковымъ-энтузіастомъ, Муравьевымъ "который вѣшаетъ", Долгорукимъ который слушаетъ и другими врагами государя и Россіи, — мало подаетъ надеждъ. Какъ можно имѣть такаго попечителя какъ Зиновьевъ? Неужели достаточно имѣть брата въ дворцовой дѣтской, чтобъ быть попечителемъ? Зиновьевъ извѣстенъ по Москвѣ, извѣстенъ по управленію арестантской ротой, или смирительнымъ домомъ гдѣ-то, своими дикими мнѣніями о вредѣ свободы торговли, слова, и пр. Будто изъ Катакази некуда упасть какъ въ Зиновьева.

Дѣло, какъ намъ пишутъ, было очень просто. Въ Харьковѣ есть Салтыковъ и есть Лужинъ, Салтыковъ женатъ на дочери Лужина, вслѣдствіе этого его дворня бесчинствуетъ, а его свекоръ покрываетъ эти безчинства. Однажды вечеромъ дворня напала на студентскія шинели, отсюда вышла драка, на шумъ которой, явился въ качествѣ хозяина дома самъ Салтыковъ; у него въ домѣ отдаются въ наймы небольшія квартиры подъ разныя увеселительныя заведенія.

Дворня свекра, т. е. полиція явилась на помощь дворнѣ зятя, студентовъ захватили и безъ суда отправили съ конвоемъ къ атаману Хомутову на Донъ, потому что они были Казаки.

Товарищи ихъ явились къ Зиновьеву, прося разобрать дѣло какъ слѣдуетъ законнымъ порядкомъ; Зиновьевъ нагрубилъ студентамъ и отказалъ имъ въ просьбѣ. Тогда 280 человѣкъ подали просьбу объ увольненіи. "Кто знаетъ, что значительное число студентовъ, люди бѣдные, для которыхъ вопросъ объ окончаніи университетскаго курса, вопросъ о кускѣ хлѣба, тотъ пойметъ все благородство поступка харьковскихъ студентовъ", пишетъ намъ корреспондентъ, и мы прибавимъ съ нимъ—"Честь имъ и слава!"

Посланныхъ съ конвоемъ студентовъ воротили, вѣроятно опасаясь послѣдствій такого самовольнаго распоряженія. Намъ пишутъ, "что бумага, при которой они были посланы, составлена заднимъ числомъ и что студентовъ обвиняли совсѣмъ въ иномъ дѣлѣ".

ПАДЕНІЕ ВИННОЙ ТОРГОВЛИ И ПАУПЕРИЗМЪ.

Подайте мальчику на хлѣбъ
Онъ Велисарія питаетъ!

Замѣчательно, что въ тоже время какъ во Франціи Альфонсъ Ламартинъ, собственникъ виноградниковъ въ Маконѣ до того раззорился, что открылъ во всѣхъ городахъ и по всѣмъ ярмаркамъ подписку въ свою пользу; Өедоръ Өедоровичь Брокъ, занимавшійся винными откупами въ Россіи, подалъ просьбу государю, чтобъ онъ взошелъ въ его убожество. Государь, не смотря на то, что прежній министръ финансовъ оставилъ ихъ въ большомъ разстройствѣ, — послалъ ему на бѣдность 50,000 сер. Ни церковное вино, ни наша грѣшная сивуха рѣшительно не идутъ.

— Сей часъ получили мы письмо о томъ, что въ вольномъ городѣ Франкфуртѣ, на желѣзной дорогѣ захватили Колоколъ и другія книги, печатаемыя въ лондонской русской типографіи.

Мы будемъ протестовать противъ этого новаго беззаконнаго акта въ нѣмецкой Малороссіи. Пусть бы ужъ Бейсты и Мантейфели отличались, а то и вольный городъ туда же идетъ въ нѣмецкую свободу. Что Лабенскій тамъ городничимъ, что-ли? а президентъ Сената докторъ Гарнье, градской голова? "Колоколъ" никакаго не подалъ повода, онъ никогда не занимался никакимъ Франкфуртомъ на свѣтѣ, ни тѣмъ который на Майнѣ, ни тѣмъ который на Одерѣ. И впервый разъ говоритъ объ немъ, оцарапанный имъ.

Пусть Гарнье и вся Германія знаютъ въ чьихъ рукахъ Франкфуртъ, мало что онъ зависитъ—отъ діэты, отъ Австріи, отъ Пруссіи, онъ еще зависитъ отъ III отдѣленія и отъ Тимашева. Пусть они знаютъ, что родина Гёте превратилась въ западный Краковъ.

— Намъ пишутъ, что у насъ своего рода монополь, что мы можемъ печатать что хотимъ, а намъ отвѣчать нельзя. Это не совсѣмъ такъ,—въ Германіи теперь, съ нашей легкой руки, три русскихъ типографіи. Сверхъ того всякое возраженіе, всякую поправку мы готовы печатать, или обязуемся сказать почему не печатаемъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

Digitized by Google

A L'ILLUSTRE SENAT

De la ville libre de Francfort-sur-le-Main.

Monsieur le Président,

Patres conscripti!

L'Édilité de la ville de Francfort a fait un acte inique, absurde et, par dessus le marché, extrêmement blessant pour la pauvre Allemagne... qui caresse encore le rêve de l'indépendance politique, et pour l'autorité du Sénat souverain de la ville libre de Francfort. Il y a quelques jours, la police a saisi, dans le débarcadère du chemin de fer, les feuilles d'un journal russe que je rédige à Londres, et, sans motif, sans enquête, sur un simple commandement du Résident russe, en a prohibé la vente.

Des actes de soumission humiliante et de brutalité internationale pareils à celui-ci ont été accomplis par des rois affectés de maladie mentale et de jésuitisme, par des princes... infinitésimaux; mais on ne s'attendait pas à tant de servilité de la part d'une ville *libre* et située sur les bords du Main.

Qui donc commande, règne et gouverne à Francfort; vous, *Patres conscripti*, ou le Résident russe? — Si c'est M. Fonton, je vous laisserai en paix — sans pourtant m'adresser à lui. Dans le doute — et n'ayant pas encore lu la promulgation officielle de l'annexion de Francfort aux Provinces Baltiques — je me vois forcé d'en appeler aux autorités constituées.

Et d'abord, je me crois obligé de vous faire remarquer que la gravité du fait ne consiste pas dans la prohibition d'une petite feuille. La parole, la pensée, persécutées dans l'Europe continentale, ne pouvaient s'attendre à trouver à Francfort une Saragosse de la liberté de la presse. Mais, remarquez le, de grâce! jusqu'à présent — même pendant le long règne de Nicolas en Allemagne — on connaissait le contenu des imprimés que l'on persécutait.

Patres conscripti! Etes-vous dans ce cas? Je vous le demande, sur votre honneur. — Quels sont les passages de cette malheureuse *Cloche* russe, qui rendent sa circulation dangereuse pour la virginité politique de la bonne ville, de la ville libre de Francfort-sur-le-Main?

Vous n'en savez rien: — soyez francs, rien. Qu'est-ce que c'est que cette *Cloche* qui se publie à Londres, et qui est persécutée en Allemagne? — Est-ce qu'elle *appelle les vivants;* est-ce qu'elle *plaint les morts?* — Est-ce qu'elle est catholique ou républicaine? — Est-ce une feuille pathologique, communiste, monarchique ou mormonne? Qui le sait à Francfort? — M. Fonton et son secrétaire.

La police de Francfort a simplement exécuté l'ordre supérieur de la Chancellerie de M. Gortchakoff, le ministre, et du prince Dolgorouki, le gendarme, avec la passivité, l'obéissance du nègre. Voilà ce qui est grave. C'est un acte de haute trahison, par lequel la police a fortement compromis l'indépendance politique de la ville. Et quelle est donc cette insolence de la part du Gouvernement Russe! A un allié, si faible qu'il soit, on motive, par égard, par politesse, de pareilles exigences; on les soumet au gouvernement. Chez vous, il en est autrement: — Pétersbourg ordonne, et votre commissaire de police exécute.

Il a suffi qu'un employé russe, un *tchinovnik* ait dit que la *Cloche* était une feuille incendiaire, pour qu'on la saisît à Dresde, à Berlin, je ne sais où. Pauvre Allemagne, à quel état de Pologne elle passe!

Craignez, *Patres conscripti*, les employés russes "*et dona ferentes!*" Est-ce que vous ne voyez pas, par les feuilles publiées à Pétersbourg même, que chez nous on se méfie moins des voleurs de grands chemins, que des brigands de petite chancellerie. Mais je vais vous dire de quel quartier vient l'acharnement contre la *Cloche*. Puis, ne vous en déplaise, il vous faudra subir notre profession de foi. Ce n'est que justice. Lorsqu'on frappe une *Cloche*, elle sonne. Et, comme le sonneur de Notre-Dame de Paris, je tiens furieusement à ma *Cloche*.

Au reste, votre grand compatriote — qui ne se doutait guère qu'avec le temps il deviendrait le mien, (si l'annexion de la ville libre à l'Empire Russe se réalise) — Gœthe, cite un mot fort joli, qu'il a vu gravé sur un mur de l'Hôtel-de-Ville de Francfort, et que vous pouvez voir de vos propres yeux — si M. Fonton ne l'a pas fait effacer.

Eines Mannes Rede,
Ist Keines Mannes Rede
Soll si billig hören Beede.

Maintenant, *Patres*, venons au fait. Il faut vous dire qu'en Russie il y a aussi deux gouvernements, — comme à Francfort sur-le-Main; l'un officiel, couronné à Moscou, salué à Pétersbourg: c'est le gouvernement de parade, des grands levers, des processions, des revues, avec Alexandre II pour bourgmestre; l'autre occulte, caché, détesté à Moscou, craint à Pétersbourg, aussi invisible que les miasmes, et non moins pestilentiel, et qui domine la Russie, comme M. Fonton domine, en attendant mieux, la police de Francfort.

Ce cabinet noir est composé des derniers *mohicans* du règne néfaste et sombre de Nicolas. Vous y trouverez, en première ligne, le descendant du régicide, *Alexis Orloff — ami du défunt;* un *M. Mouravieff*, qui se vante de ne pas appartenir aux Mouravieff que l'on pend — mais bien à ceux qui pendent; un général *Rostovzoff*, (Jacob) qui, tout jeune encore, dénonça, par entraînement et enthousiasme, ses amis, comme le dit le secrétaire d'état, baron Korff, dans son ouvrage sur l'avènement de Nicolas I au trône, (ouvrage que M. Fonton sera enchanté de vous prêter, M. le Président); un comte *Panin*, ministre de la Justice, (vous comprenez, c'est une manière de dire, comme lorsqu'on ajoute le mot *libre* au nom d'une cité, parce qu'elle a quatre maîtres au lieu d'un, ou qu'on appelle *Re di Cypro* Ferdinand II, par la grâce de Dieu — très mal placée cette fois — roi absolu des Deux-Siciles): un ministre de la Justice donc, qui a commencé sa carrière en défendant une pauvre bonne femme, une princesse Troubetzkoi, qui n'était accusée... que d'avoir fouetté *à mort* sa femme de chambre. Autour de ce centre grouille un tas de subalternes qui descendent par les degrés du *tchin* jusqu'aux petits propriétaires d'*âmes*, jusqu'à cette noblesse de *verges*, qui, avec la noblesse de l'*encre*, forme une couche dense, et bien soudée, d'opposition, de résistance à tout progrès, à toute amélioration.

Pas une bonne intention qui ne soit contrecarrée par eux, mutilée, frelatée, rendue impossible ou faussée par une réalisation tronquée.

Alexandre II voit, par exemple, l'urgence de l'émancipation des paysans. Le cabinet noir devient à l'instant même abolitioniste. Mais il veut l'émancipation la plus complète ; il veut émanciper le paysan non seulement du seigneur, mais aussi de la terre qu'il cultive. Le cabinet noir sait très bien que l'affranchissement dans le prolétariat est impossibe en Russie, contraire à la tradition, au génie du peuple, au bon sens. Tant mieux ; l'émancipation ne sera qu'un *fata Morgana*, une illusion, un mensonge. Mais une difficulté se présente. La question de l'émancipation se traite dans tous les journaux russes, et tous les journaux influents sont pour l'émancipation *avec la terre.*

Rien de plus facile que de lever cet obstacle. On met à la porte un ministre de l'Instruction publique ; on le remplace par un Ponce Pilate tout prêt à se laver les mains des taches d'encre, et on fait signer à celui-ci un ordre à la censure de ne pas donner l'*imprimatur* aux articles qui parlent de l'émancipation *avec la terre.*

Voilà pour la publicité.

Eh bien, voyant cela, nous avons crié notre " Prenez garde à vous ! " à l'empereur Alexandre II. Nous — le seul organe libre, que possède la Russie — nous avons commencé à dévoiler ces sourdes menées. Voilà la véritable cause des persécutions mesquines dirigées contre notre journal. La *Cloche* les gêne... ces braves gens, elle leur fait peur ; et votre police leur aide, *Patres conscripti!*

Maintenant, un mot concernant la religion du journal. S'il y a à Francfort-sur-le-Main un Russe honnête homme, ou seulement qui ne soit pas attaché à la Chancellerie Impériale, ou enfin un Allemand qui, par prévoyance, ait étudié la langue russe, faites-vous traduire notre programme, et prenez tous nos articles de fond depuis le 1er Janvier, vous verrez que notre *motto* humble, modeste, restreint, n'a jamais été dépassé. Qu'avons-nous demandé ?

L'Emancipation des paysans — avec la terre cultivée par eux;

L'abolition de la Censure préventive;

L'abolition de l'Instruction secrète et des Jugements à huis-clos;

L'abolition des Peines corporelles;

Ce n'est pas tellement Robespierre et Marat, je pense. Eh bien, nous ne demandons pas autre chose... pour le moment.

On nous aurait laissé passer avec cela. Mais pour corroborer nos théories, nous les avons illustrées par des exemples. Nous avons livré à la publicité des faits monstrueux, infâmes, horribles, de l'administration russe ; et, pour le faire, nous n'avons pas cru nécessaire d'inventer des types, de désigner par des noms fictifs tous ces scélérats de la police, prévaricateurs, voleurs et brigands. Non, nous les avons timbrés, enregistrés avec leurs noms et prénoms, chaque fois que nous avons été sûr des faits. Nous avons mis la date et le nom de la ville ; quelquefois même nous avons copié textuellement les documents officiels, les actes des tribunaux. La *Cloche* devenait en même temps, dans ce pays de souffrances comprimées, de mutisme imposé, et le cri de douleur du serf fouetté par son seigneur, du prisonnier mourant dans son cachot, et une menace incessante pour tous ces faiseurs de faux en écritures publiques.

La peur de se voir dans la *Cloche* a tourné l'encre de ces braves bureaucrates. Ils opprimaient, ils volaient doucement, paisiblement, sous l'égide du silence imposé par la censure ; et, tout-à-coup, voilà qu'en Angleterre, à Londres, un... Dieu sait qui, commence à soulever leur masque. A partir de ce moment ils ne savent plus ce qu'ils font. Pour quoi, par exemple, exiger de police de Francfort l'interdiction de la vente d'un journal russe ? — Si c'est une épreuve de soumission, dans le genre du chapeau planté par Gessler, c'est du luxe ; nul ne doute de l'obéissance toute filiale des Gouvernements Allemands envers leur cadet de Pétersbourg. Guillaume Tell est exclu de la Walhalla : c'est une production trop suisse. C'est donc uniquement, pour nous couper le sifflet, nous bloquer, nous affamer ? — Mais alors cela ne suffit pas ; ils le savent très bien.

Nous le leur avons dit, deux fois déjà, dans la *Cloche* : " La propagande russe n'est pour nous ni un caprice, ni une distraction, ni un gagne-pain. C'est l'œuvre de notre existence, notre religion, notre manière de servir le peuple russe.

" Nous avons travaillé sans abattement, alors que nous ne rencontrions encore ni sympathie, ni encouragement. Est-il probable que, maintenant que le gouvernement russe reconnaît notre force, notre influence, et que la jeunesse russe nous lit avec avidité, nous nous arrêtions ?

" La main sur le cœur, nous jurons, devant la Russie, de continuer notre œuvre jusqu'au dernier souffle. Notre mort même ne l'arrêtera pas : nous ne sommes pas seuls, et nous avons à qui léguer notre *presse.*

" Il n'y a qu'un moyen de couper court à la propagande russe à l'Etranger : — ce n'est pas d'introduire en Allemagne la censure de Pétersbourg, mais d'abolir la censure allemande en Russie."

La seule chose qui puisse résulter de ces persécutions pour nos Gesslers auliques et princes-gendarmes, c'est que nous soyons forcés — pour notre justification — s'ils continuent leurs tracasseries, de traduire nos articles, et, au lieu de laver en famille notre linge sale, de porter à la connaissance de l'Europe entière les faits et gestes de ces oligarques de casernes, de ces maréchaux d'*encre* et valets d'état, qui pullulent dans l'antichambre du Palais d'hiver.

Quant à vous — M. le Président, et MM. les Pères Conscrits,— lavez la tête à votre police, choisissez mieux vos agents, et faites lever l'embargo mis sur mes publications à l'embarcadère, afin que je puisse vous prendre sérieusement pour les Sénateurs d'une ville libre, et vous témoigner sincèrement ma haute considération.

A. HERZEN,

Rédacteur de la *Cloche* et de l'*Etoile Polaire.*

1er Août 1858.
Putney, près Londres.

No. 21. THE BELL AUGUST 15, 1858.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, *W. C.*

ЛИСТЪ 21.

15 Августа 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 39, Rupert Street, Haymarket, London. Price six-pence.

Государь,

Мы съ ужасомъ прочли проэкты центральнаго комитета. Остановитесь! не утверждайте! Вы подпишете свой стыдъ и гибель Россіи. Какъ честные люди отъ искренной скорби и отъ искренняго желанія добра, ради всего святаго, умоляемъ Васъ: не утверждайте! Одумайтесь!

ИСКАНДЕРЪ, Н. ОГАРЕВЪ.

1 Августа 1858.

Лондонъ, Вольная Русская Типографія.

ПРОЭКТЫ ЦЕНТРАЛЬНАГО КОМИТЕТА

I.

НѢТЪ БОЛЬШЕ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ!

Да! не только нѣтъ освобожденія крестьянъ, слово, которое вся Россія понимала подъ казеннымъ выраженіемъ:— "улучшенія быта крестьянъ", но судя по двумъ проэктамъ, состряпаннымъ какими то правительственными мужами, цѣль и окончаніе всего дѣла всевозможное ухудшеніе быта крестьянъ.

Первый проэктъ — проэктъ организаціи сельскихъ общинъ на помѣщичьихъ земляхъ и волостей. (Le Nord, No. 203).

"Каждое помѣщичье имѣнье (chaque terre seigneuriale) составляетъ сельскую общину, которой помѣщикъ глава или начальникъ (le chef ipso facto)".

Въ прежнихъ указахъ Александра II, какъ шатко ни было понятіе о земельной крестьянской собственности, все-же чувствовалось одно, что мужики лично будутъ независимы отъ помѣщика. Что же значитъ это совершенно противуположное учрежденіе, это жалкое подражаніе шотландскимъ кланамъ и романамъ Вальтеръ-Скотта? Что же тутъ новаго? Что измѣнилось? Помѣщикъ оставленъ какъ начальникъ,— стало крѣпостное состояніе не уничтожено. Или въ самомъ дѣлѣ принятъ Безобразовской проэктъ, гдѣ доказывается, что если изъ купчихъ крѣпостей вычеркнуть названіе крѣпостныхъ людей, то мужики будутъ свободны? Неужели же государь поймается въ такую ничтожную мышеловку? Мы все еще надѣемся, что онъ не захочетъ до такой степени опозориться передъ исторіей, потому что роль младенца самая безотрадная.

"Нѣсколько общинъ составляютъ волость, которой народонаселеніе можетъ состоять изъ 10,000 и болѣе (ревизскихъ душъ или обоихъ половъ?). Начальникъ волости избирается дворянами изъ дворянъ, имѣющихъ помѣстья въ оной волости или иныхъ."

Стало волостной помѣщикъ не менѣе отраденъ для крестьянъ какъ и домашній. Это двойное крѣпостное состояніе; у мужиковъ будетъ два барина вмѣсто одного.

"Когда у одного помѣщика 10,000 душъ, то онъ естественно становится начальникомъ волости (chef de canton)."

Тутъ даже и дворянскаго выбора нѣтъ, и помѣщикъ 10,000 душъ, какой бы злодѣй ни былъ (на пр. Базилевскій, сосланный императоромъ Николаемъ за границу за жестокое управленіе крѣпостными людьми) будетъ начальникъ волости, бичь каждой деревни въ особенности и всѣхъ деревень вмѣстѣ. И это называется улучшеніемъ быта крестьянъ! Что за тупоуміе и что за варварство! Это писали олигархи! Берегитесь Государь! Помните дѣдушку!

Ну, а потомъ — Шереметевъ, у котораго 200,000 душъ, будетъ двадцать разъ шефомъ. А самъ онъ живетъ въ Петербургѣ, стало будетъ имѣть право на каждые 10,000 душъ послать нѣмца управляющаго и нѣмецъ управляющій будетъ шефомъ волости? Unsinn du siegst!

"Каждая община имѣетъ сельскую расправу."

Какую расправу? Что такое расправа? Будетъ ли она такая какъ теперь у казенныхъ крестьянъ, т. е. во всякомъ случаѣ сѣкущая и грабящая расправа, или какая иная? Государь! Бойтесь неопредѣленныхъ выраженій, они васъ погубятъ.

"Сельское управленіе (administration rurale) состоитъ изъ мірскаго схода и старосты съ его помощниками (adjoints). Мірской сходъ разсуждаетъ о дѣлахъ общины, избираетъ представителей для волостнаго схода (или правленія, assemblée du canton), дѣлитъ землю, данную помѣщикомъ въ пользованіе общины, распредѣляетъ налоги и повинности казенныя и помѣщичьи, опредѣляетъ передачу (elle statue sur le transfert) усадьбы, принятіе новыхъ членовъ въ общину, переселеніе, которое можетъ быть сдѣлано только съ согласія помѣщика.

"Рѣшенія мірскаго схода, въ большей части случаевъ, чтобы быть приведены въ исполненіе, должны быть подтверждены помѣщикомъ. Староста избирается крестьянами и утверждается помѣщикомъ."

Лучше ужъ было сказать, что все дѣлается по волѣ помѣщика, какъ теперь, потому что изъ всего этого очевидно, что мірскому сходу сбираться не для чего. Все что можетъ быть, что помѣщикъ скажетъ о какомъ нибудь для него не интересномъ дѣлѣ,—пусть его рѣшатъ на мірскомъ сходѣ. А

Digitized by Google

если ему что выгодно, то какъ мірскій сходъ ни хлопочи, а рѣшеніе зависитъ отъ помѣщика.

Гдѣ же тутъ освобожденіе, гдѣ тутъ улучшеніе? Это называется оставаться въ прежней грязи.

Послѣ этого мы въ правѣ спросить: чтоже вопросъ улучшенія быта крестьянъ откровенно былъ поставленъ, или это была только жалкая фарса ради европейскихъ рукоплесканій?

Неужели же по этимъ положеніямъ кто нибудь усомнится, что назначеніе старосты, мірской приговоръ, объемъ повинностей въ пользу помѣщика, все зависитъ отъ помѣщика; а количество земли, даваемое помѣщикомъ въ пользованіе крестьянъ, также совершенно зависитъ отъ помѣщика, а нисколько не отъ полюбовныхъ условій найма, тѣмъ болѣе, что изъ послѣдующихъ статей проэкта, мы увидимъ, что еслибы мужикъ сказалъ, что земли, сравнительно съ повинностями, слишкомъ мало, то помѣщикъ въ правѣ его выпороть и заставить принять всякаго рода условія.

Почти излишне упоминать, что власть помѣщика не дозволитъ крестьянину переселяться въ другую общину, или куда бы то ни было, хотя міръ и былъ бы согласенъ на это переселеніе,—есть совершенное рабство крестьянина.

И такъ первыя основныя положенія организаціи сельской общины сводятся на одно: рабство, рабство и всесовершеннѣйшее рабство.

Далѣе еще лучше.

"Сельская полиція въ общинѣ справляется подъ предсѣдательствомъ старосты, присутствіемъ, состоящимъ изъ двухъ добросовѣстныхъ, выбранныхъ крестьянами. Это присутствіе занимается только проступками, не имѣющими важности и подлежащими исправительнымъ мѣрамъ. Оно не постоянно, а собирается только въ случаѣ надобности."

Какое странное понятіе о сельской полиціи. Ея главное дѣло наблюдать за безопасностью села, чтобъ не было какихъ неочастныхъ случаевъ; съ чего же сельская полиція станетъ маленькимъ уголовнымъ судомъ, предназначеннымъ, если ей захочется выпороть мужика? Деревня не Парижъ; въ ней и маленькія дѣла разбираются на мірскомъ сходѣ, или выборными старшинами безъ всякаго вмѣшательства старосты; русскій умъ не хуже англійскаго понялъ, что административную власть въ судебныя дѣла вмѣшивать противно здравому смыслу. А тутъ бариномъ утвержденный староста съ двумя подтасованными добросовѣстными, рѣшаетъ дѣла, которыхъ важность или неважность зависитъ отъ ихъ усмотрѣнія. Поймите же, что это страшная юридическае нелѣпость; да и эти добросовѣстные—не новость. Видѣлъ я четыре года тому назадъ въ удѣльномъ имѣньи, какъ одинъ изъ добросовѣстныхъ, утвержденныхъ управляющимъ, сбирая подати, такъ хватилъ кулакомъ въ грудь одного очень нищаго и больнаго мужика, что тотъ упалъ навзничь и захаркалъ кровью. Этого что ли хочетъ правительство?

И этотъ трибуналъ изъ двухъ подтасованыхъ добросовѣстныхъ и одного помѣщикомъ утвержденнаго (просто сказать назначеннаго) старосты, имѣетъ право наказать мужика—"двадцатью ударами розогъ, или шестью днями общественной работы, или тремя цѣлковыми штрафа. Но всѣ приговоры утверждаетъ помѣщикъ."

Очевидно, что староста и добросовѣстные просто слуги помѣщика и по его приказанію могутъ давать двадцать ударовъ по утру, двадцать въ полдень и двадцать вечеромъ одному и тому же мужику. Можно наконецъ каждый часъ отыскивать новую вину и наказывать, если этого помѣщику хочется.

Но впрочемъ и этого не нужно. Новое уложеніе говоритъ:

"Помѣщикъ имѣетъ право, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на пр. грубость, безпорядокъ, пьянство и тому подобное—по своей волѣ, безъ участія сельской расправы, наказывать мужиковъ. Наказаніе не можетъ быть болѣе десяти ударовъ розгами или трехъ дней тюремнаго заключенія. Исполненіе этихъ наказаній возлагается помѣщикомъ на старосту."

Во-первыхъ этотъ трибуналъ изъ двухъ добросовѣстныхъ и старосты — одно и тоже что сельская расправа, или нѣтъ? Этого понять нельзя. Безъ какихъ же присутствій помѣщикъ можетъ обойтись въ назначеніи добровольныхъ наказаній?—

Что такое — грубость, безпорядокъ, пьянство и тому подобное? Да подъ всѣ эти рубруки, а особенно подъ "тому подобное"—я подведу все что вамъ угодно. Стало даже и трибуналъ старосты съ добросовѣстными, и сельская расправа —все лишнее. Просто надо было сказать: дозволяется помѣщику, по собственному разуму или желанію опредѣливъ вину крестьянина, дать ему десять розогъ, и не запрещается находить десять винъ въ день, и того въ день дать сто розогъ.

Нечего сказать — хорошъ успѣхъ! И вы думаете, что это освобожденіе крѣпостнаго состоянія, или улучшеніе крестьянскаго быта? Да чтобъ думать это надо быть или сумашедшимъ, или злодѣемъ.

Еще замѣтьте, что исполненіе наказаній возлагается на старосту. Новое доказательство, что какъ бы староста ни былъ выбранъ крестьянами, онъ только лакей своего барина; онъ только сѣчетъ, когда баринъ приказываетъ, или утверждаетъ, что надо сѣчь. Староста даже не имѣетъ права сказать: "батюшка баринъ—вы дѣлаете мерзость". Староста можетъ только повиноваться барину. Да какъ же и быть иначе? Онъ выбранъ съ утвержденія барина, т. е. съ назначенія барина; нельзя же ему служить разомъ и міру и барину, когда ихъ интересы противуположны. Онъ будетъ служить кому нибудь одному, естественно тому кто его утвердилъ изъ своихъ цѣлей. Чтожъ такое староста? Избранный глава для смотрѣнія за благоустройствомъ въ селѣ, или что другое?—Совсѣмъ другое! Это выйдетъ палачъ по барскому приказанію, какъ то было доселѣ. Чтожъ перемѣнилось? Ничего! За чѣмъ же весь гвалтъ освобожденія крѣпостнаго состоянія? Государю честнѣе было бы сказать, что онъ не хочетъ освобожденія.

Это еще очевиднѣе изъ слѣдующаго уложенія:

"Права помѣщика въ качествѣ начальника общины (chef de la commune) переходятъ къ лицу, которому онъ поручитъ наблюдать надъ своимъ имѣньемъ, если самъ въ отсутствіи."

Стало опять по прежнему баринъ вмѣсто себя, можетъ прислать всякаго мерзавца пороть и грабить мужиковъ?

"Если же помѣщикъ вмѣсто себя никого не пришлетъ, то община управляется сама собою, какъ то и теперь существуетъ въ многихъ имѣньяхъ."

Какъ же было не понять, что когда существуютъ общины, которыя управляются сами собою, то и остальныя могутъ также управляться сами собою. Въ этомъ то заключался весь вопросъ, что помѣщичьей власти въ селѣ вовсе не нужно, потому что она глупа, потому что она гадка, безнравственна, потому наконецъ, что она ставитъ крестьянское сословіе и дворянство во враждебное отношеніе и даетъ поводъ къ кровопролитіямъ. По отчетамъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ Россіи ежегодно убиваются крестьянами около 200 помѣщиковъ.

"Волостная администрація состоитъ изъ начальника волости, волостнаго

Digitized by Google

старшины и его помощников, если гдѣ они нужны, сборщика податей или казначея и писаря.

"Собраніе (волостное) составлено изъ представителей общинъ, по одному на 20 или 25 дворовъ. Оно опредѣляетъ общіе расходы по волости, способы взиманія хлѣба для запасныхъ магазиновъ, распредѣляетъ повинности, повѣряетъ отчеты сборщика и вообще рѣшаетъ дѣла общихъ волостныхъ интересовъ, по предложенію волостнаго начальника. Собраніе не присутствуетъ постоянно; оно можетъ сбираться только съ согласія волостнаго начальника; рѣшенія собранія имѣютъ силу только съ утвержденія волостнаго начальника.

"Волостное управленіе состоитъ изъ старшины, сборщика податей и писаря, оно постоянно и занимается всѣми общими волостными дѣлами, но оно дѣйствуетъ только подъ наблюденіемъ и съ согласія волостнаго начальника."

Чего тутъ нѣтъ! и администрація, гдѣ распоряжается волостной начальникъ, и quasi законодательное собраніе, гдѣ распоряжается тоже волостной начальникъ, и волостное правленіе (одной администраціи было мало!) гдѣ распоряжается тоже волостной начальникъ, такъ, что въ сущности ни администрація, ни собраніе, ни правленіе не нужны, потому что волостной начальникъ настоящій баринъ, а тѣ всѣ безгласные.

И пожалуй съ перваго взгляда все это изобрѣтеніе покажется новымъ, а оно не ново. Это окружныя правленія министерства государственныхъ имуществъ, которыя разграбили государственныхъ крестьянъ и принесли казнѣ огромныя недоимки. Баринъ волостной начальникъ — это окружной; староста — это голова. При этомъ баринъ и голова разбогатѣютъ, а мужики окончательно раззорятся и съ отчаянія перерѣжутъ всю эту организацію.

И что за страсть все управлять да управлять, все заводить новыхъ экстраординарныхъ начальниковъ, какъ будто обыкновенныхъ недостаточно! Развѣ недовольно губернаторовъ, исправниковъ, чтобы заводить еще волостныхъ начальниковъ? Развѣ не на нашихъ глазахъ примѣръ гибельнаго управленія палатъ и окружныхъ государственныхъ имуществъ? Бѣдная Россія!

Если государь утвердитъ такой проэктъ, то это будетъ стыдъ для него и гибель для Россіи.

Но теперь перейдемъ къ второму проэкту, который можно издать подъ заглавіемъ:

II.

НѢТЪ БОЛѢЕ СПАСЕНІЯ ОТЪ ЧИНОВНИЧЕСТВА!

Первая часть этого проэкта содержитъ основанія администраціи и полиціи въ уѣздахъ. Вотъ главныя положенія:

"Въ каждомъ уѣздѣ учреждается начальникъ уѣзда, который представляетъ исполнительную власть и предсѣдаетъ въ уѣздной расправѣ, занимающейся исключительно разборомъ несогласій и споровъ между помѣщиками и крестьянами."

Какъ? такъ этотъ новый господинъ, представитель исполнительной власти, дѣлается и предсѣдателемъ главнаго судебнаго мѣста? Когда жъ тамъ у нихъ въ Петербургѣ выучатся хотя юридической азбукѣ. Отдавать судъ въ руки исполнительной власти, — да изъ этого выйдетъ не судъ, а безсудіе; исполнительная власть обязана приводить въ исполненіе приговоръ суда, а сама судить не можетъ. Но это мѣсто начальника уѣзда очевидно выдумано для новаго взяточника, да еще для взяточника 5 класса, этотъ немножко не возметъ, а ужъ станетъ грабить вволю. Да и расходовъ у казны съ такимъ господиномъ будетъ по болѣе, что покровителямъ чиновничьяго мошенничества и доказать надлежало.

"Земской судъ и городническое правленіе составятъ одну администрацію подъ названіемъ уѣздное управленіе и будутъ находиться подъ непосредственнымъ начальствомъ уѣзднаго начальника. Это управленіе будетъ состоять изъ двухъ отдѣленій, изъ отдѣленія земской полиціи и отдѣленія городской полиціи. Первымъ отдѣленіемъ завѣдуетъ земскій исправникъ, вторымъ городничій. Непремѣнный членъ земскаго суда засѣдаетъ въ этомъ управленіи."

Искусно! Земскій судъ и городническое правленіе соединяются въ одно правленіе для того, чтобы быть разбиты на два отдѣленія. Чтожъ такое это соединеніе? Помѣщеніе нынѣ существующихъ земскаго суда и городническаго правленія въ одинъ домъ — и только? Что же тутъ новаго? Все только уѣздный начальникъ. Прежде эти два отдѣленія жили въ разныхъ домахъ и зависѣли отъ губернатора губерніи, а теперь станутъ жить въ одномъ домѣ и будутъ зависѣть, кромѣ губернскаго губернатора, еще отъ уѣзднаго губернатора, т. е. вмѣсто одного губернатора будетъ десять губернаторовъ, т. е. Россія будетъ разграблена вдесятеро болѣе чѣмъ теперь. Я удивляюсь какъ тамъ смѣютъ надувать государя такимъ дѣтскимъ образомъ, гдѣ всѣ бѣлыя нитки шитва въ глаза бросаются. А чай все толкуютъ о чувствѣ преданности престолу! Разбойники!

"Для исполненія распоряженій уѣзднаго начальника и уѣзднаго управленія назначается становой исправникъ вмѣсто становаго пристава."

Какъ будто, если мы назовемъ мошенника плутомъ, что нибудь перемѣнится!

"Становой исправникъ можетъ имѣть помощника, тамъ гдѣ губернскій губернаторъ сочтетъ это за нужное."

Теперь два становыхъ въ уѣздѣ, а тутъ будетъ становой съ помощникомъ. Въ чемъ же перемѣна? 1 и 1 все 2. Разумѣется, что губернаторъ найдетъ, что надо помощника: чѣмъ больше чиновниковъ тѣмъ лучше, больше грабежа.

"Начальникъ уѣзда назначается правительствомъ; мѣсто его относится къ 5 классу; но правительство можетъ назначать чиновниковъ отъ 8 до 4 класса включительно. Жалованья начальнику уѣзда 2000 руб. сер.; чиновники, пользующіеся пенсіей сверхъ того сохраняютъ и пенсію. Начальники уѣзда, исполнившіе свои обязанности съ успѣхомъ, будутъ награждены, черезъ три года службы, чиномъ статскаго совѣтника (5 класса) или, если имѣютъ его, то чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (4 классомъ) или наконецъ получатъ орденъ."

А говорили, что правительство хочетъ уничтожить чинъ, что было бы дѣйствительнымъ освобожденіемъ государя изъ подъ подданства мандаринамъ и освобожденіемъ Россіи отъ тупоумія. Совсѣмъ не бывало! видно это были только благородныя мечты о томъ, что что нибудь разумное возможно. Въ этомъ проэктѣ такъ и окунаютъ Россію въ гнилое болото византійскихъ постановленій классовъ, чиновъ и т. д. Ужъ не лучше ли какого нибудь изъ этихъ уѣздныхъ губернаторовъ каждые три года награждать желтымъ халатомъ? За чѣмъ же останавливаться на нѣмецкомъ китайствѣ? Лучше ужъ просто подражать настоящему Китаю.

"Начальникъ уѣзда главный блюститель закона въ уѣздѣ."

Вотъ что хорошо, такъ хорошо! Вотъ это мудрое изрѣченіе, которое удобно примѣнить—только къ чему? Какой въ немъ смыслъ? Ну, а если этотъ блюститель закона мошенникъ? Блюститель закона — общественное мнѣніе, а назвать какое нибудь лице блюстителемъ закона, — вовсе не доказываетъ, чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ блюстителемъ закона.

"Ему поручено строго наблюдать за исполненіемъ какъ общихъ законовъ, такъ и предписаній, имѣющихъ устроить будущія отношенія между помѣщиками и крестьянами. Начальникъ уѣзда зависитъ отъ губернатора."

Хороша будущность крестьянъ; этотъ глава уѣзда самъ помѣщикъ, и слѣдственно постоянно будетъ гнуть въ пользу всѣхъ корыстныхъ выгодъ помѣщиковъ, и душитъ крестьянъ. Кромѣ того онъ чиновникъ, который, по зависимости отъ губернатора, долженъ будетъ дѣлиться своими выгодами съ

Digitized by Google

губернаторомъ и слѣдстаенно вдвое грабить — мужиковъ. Нечего сказать—утѣшительная будущность народа!

Этимъ заключается первый отдѣлъ втораго проэкта. Этотъ отдѣлъ очевидно писали чиновники, потому что результатъ его: усложненіе, большая запутанность и безъ того запутанной администраціи, удесятиренное разграбленіе России, и, полагая въ России около 500 уѣздовъ, — лишній милліонъ жалованья, платимаго правительствомъ людямъ ненужнымъ и вреднымъ.

Вторая часть проэкта является подъ заглавіемъ:

"ОСНОВАНІЯ УЧРЕЖДЕНІЙ ДЛЯ РАЗБОРА НЕСОГЛАСІЙ И СПОРОВЪ МЕЖДУ ПОМѢЩИКАМИ И КРЕСТЬЯНАМИ."

"Во всякой губерніи, въ которой будетъ введено это уложеніе объ улучшеніи (читай: объ ухудшеніи) быта крестьянъ, учреждаются: 1) совѣстные судьи (juges de paix), 2) уѣздная расправа и 3) губернская расправа.

"Совѣстные судьи будутъ избираемы помѣщиками уѣзда. Ихъ число измѣняется смотря по величинѣ и числу народонаселенія уѣзда, такъ, чтобы совѣстный судья судилъ бы въ округѣ на разстояніи отъ 35 до 40 верстъ отъ своего мѣста жительства. Избираемы могутъ быть только помѣщики, владѣющіе землею или (вѣроятно: и) проживающіе въ уѣздѣ. Совѣстный судья избирается на три года и послѣ этого срока можетъ быть снова избранъ."

И такъ первая инстанція, совѣстный судья избранъ исключительно помѣщиками; крестьяне въ этомъ выборѣ не имѣютъ никакаго голоса. Изъ этого очевидно слѣдуетъ, что этотъ совѣстный судья будетъ безсовѣстный судья и что этотъ совѣстный судъ учрежденъ только для того, чтобъ помѣщикъ былъ всегда правъ. Дозволяется выбирать только помѣщика имѣющаго землю, слѣдственно достаточно, чтобъ помѣщикъ владѣлъ одной десятиной, чтобъ имѣть право быть выбраннымъ. Отсюда слѣдуетъ, что порядочные помѣщики не пойдутъ въ совѣстные судьи, да и не будутъ выбраны, потому что вся выгода дворянства выбирать такихъ людей, какихъ на пр. теперь выбираютъ въ исправники, то есть вся выгода дворянства выбрать себѣ собственнаго судью—клеврета, лакея, который бы исполнялъ его волю, изъ боязни не быть вновь избраннымъ, и вслѣдствіе подкупа, потому что какъ дворянство подкупало своихъ исправниковъ, такъ, или еще охотнѣе, —станетъ подкупать своихъ совѣстныхъ судей. Такой совѣстный судъ становится совершенной формальностью, потому что помѣщикъ всегда будетъ правъ; а крестьянинъ, оставаясь рабомъ, будетъ имѣть поползновеніе судиться, и съ одной стороны раззорится отъ судебныхъ издержекъ, а съ другой стороны, по постановленію перваго проэкта, будетъ высѣченъ дома. Хорошо улучшеніе крестьянскаго быта!

"Совѣстный судья разбираетъ слѣдующія несогласія и споры между помѣщиками и крестьянами:

1) Относительно пространства и границъ земель, составляющихъ усадьбы.
2) Относительно выкупа этихъ земель.
3) Относительно количества и способовъ пользованія землями, предоставленными общинамъ.
4) Относительно выполненія повинностей крестьянъ въ пользу помѣщика.
5) Относительно правильной уплаты налоговъ казенныхъ и помѣщичьихъ.
6) Несогласія и споры, могущіе возникнуть при приведеніи въ исполненіе условій между помѣщикомъ и крестьянами.
7) Довѣренности, законно совершенныя между помѣщиками и крестьянами."

Стало все то, гдѣ помѣщикъ можетъ притѣснить и надуть мужика, будетъ законно оправдано совѣстнымъ судьей. За чѣмъ бы, кажется, столько околичностей и формальностей для упроченія рабства? Рабство, какъ оно теперь, по крайней мѣрѣ гораздо проще. А! Но вы хотите придать себѣ видъ, что вы дѣлаете преобразованіе; но вѣдь это ложь, а ложь постыдна.

Положимъ центральный комитетъ, не представляя высшей власти, своекорыстно лжетъ; но государю какимъ же образомъ утверждать эту ложь? Высшая власть не имѣетъ достаточной причины лгать, или она власть только мнимая.

"Споры, которыхъ окончательное рѣшеніе принадлежитъ въ первой инстанціи сельскимъ общинамъ, не касаются совѣстнаго судьи."

Я думаю: они и не составляютъ спора между помѣщиками и крестьянами. Это сказано только для большей ясности. Какъ назидательно, что въ этихъ запутанно-ядовитыхъ проэктахъ, когда хотятъ что нибудь уяснить,—выходитъ пустословіе.

"Тяжущіеся могутъ аппеллировать на рѣшеніе совѣстнаго судьи въ уѣздную расправу, въ теченіи мѣсяца со дня рѣшенія."

Хорошо! Но какова расправа?

"Уѣздная расправа, находящаяся въ уѣздномъ городѣ, состоитъ изъ начальника уѣзда и двухъ ассессоровъ, одного отъ дворянъ, другаго отъ крестьянъ. Избраніе послѣдняго происходитъ въ уѣздномъ городѣ черезъ особенныхъ депутатовъ, назначаемыхъ на основаніи 478 — 491 стр. Т. III свода законовъ. Эти депутаты назначаютъ пять кандидатовъ, изъ которыхъ начальникъ губерніи одного утверждаетъ ассессоромъ, который можетъ принадлежать къ какому бы то сословію ни было."

Мы уже замѣтили, что соединеніе должности начальника уѣзда (исполнительной власти) съ должностью судьи есть non-sens. Какъ чиновникъ и дворянинъ, онъ всегда рѣшитъ дѣло въ пользу помѣщика. Это для него тѣмъ легче, что онъ съ ассессоромъ отъ дворянъ представляютъ два голоса противъ одного ассессора отъ крестьянъ, который пожалуй подписывай неудовольствіе, его голосъ пропадетъ. Да и этотъ ассессоръ отъ крестьянъ не подастъ голоса противъ помѣщика, потому что онъ утвержденъ губернаторомъ; это не свободный выборъ крестьянъ. Губернаторъ и дворянинъ и чиновникъ, начальникъ уѣзда и дворянинъ и чиновникъ: тутъ и разсуждать не о чемъ; помѣщикъ всегда будетъ правъ. Голосъ ассессора отъ крестьянъ тѣмъ болѣе ничтоженъ, или будетъ поданъ въ пользу помѣщика, что губернаторъ утверждая кандидата, напередъ припугнетъ его своей властью и кой-какимъ крѣпкимъ словцомъ.

"Уѣздная расправа... разбираетъ только несогласія и споры по случаю введенія постановленія объ улучшеніи (ухудшеніи) быта крестьянъ, и которые уже были рѣшены въ первой инстанціи совѣстнымъ судьей; прямо жаловаться въ уѣздную расправу воспрещается."

Мужикъ пораззорился въ совѣстномъ судѣ, совѣстный судья рѣшилъ въ пользу помѣщика, и мужика дома высѣкли; мужикъ подастъ аппелляцію въ уѣздную расправу и еще болѣе раззорится, а дома его опять высѣкутъ. Отрадное улучшеніе быта!

"Высшая инстанція для споровъ между помѣщиками и крестьянами есть губернская расправа. Она подъ предсѣдательствомъ губернатора состоитъ изъ губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя палаты государственныхъ имуществъ и губернскаго прокурора."

Назначить губернатора предсѣдателемъ судебнаго мѣста,—это уже такой верхъ безумія, такое преступленіе противъ юридической азбуки, что передъ этимъ невѣжественнымъ, безсмысленнымъ и недобросовѣстнымъ изобрѣтеніемъ — цѣпенешъ отъ удивленія и ужаса.

О крестьянахъ въ этой инстанціи уже и помину нѣтъ; рѣшеніе спора принадлежитъ: губернатору, который высѣчь крестьянина, облупить его—всегда готовъ, а взять его сторону —никогда; губернскому предводителю, который естественно рѣшитъ въ пользу помѣщика; предсѣдателю палаты государственныхъ имуществъ, который уже замѣчателенъ тѣмъ, что ограбилъ казенныхъ крестьянъ; губернскому прокурору, котораго единственная обязанность хорошо подписывать: "читалъ, читалъ, читалъ"—такой то.

Digitized by Google

Стало въ высшей инстанціи уже нѣтъ никакаго вѣроятія, чтобы крестьянинъ выигралъ дѣло; но за то крестьянинъ окончательно раззорится, а дома его опять высѣкутъ.

"Губернская расправа рѣшаетъ два рода дѣлъ:

1) Тяжба между крестьяниномъ и помѣщикомъ о правѣ собственности, цѣною не менѣе какъ въ 200 руб. сер.

2) Тяжба между помѣщикомъ и сельской общиной о правѣ собственности, или пользованія землею, строеніями и другими угодьями, цѣною не менѣе какъ въ 1000 руб. сер."

По крайней мѣрѣ мы будемъ имѣть утѣшеніе видѣть, какъ пройдя черезъ чистилище третьей инстанціи, и богатые мужики раззорятся.

"Губернская расправа — аппелляціонное судебное мѣсто, и потому жалоба прямо къ ней поступать не можетъ.

"Воспрещается аппеллировать противъ уѣздной расправы, если ея рѣшеніе согласно съ рѣшеніемъ совѣстнаго судьи."

Это подаетъ надежду, что губернской расправѣ не много будетъ дѣла, потому что уѣздная расправа уже рѣшила какъ совѣстный судья—правое дѣло крестьянина въ пользу помѣщика, а далѣе жаловаться нельзя.

Этотъ отдѣлъ втораго проэкта писали олигархи и чиновники вмѣстѣ, сообща, съ цѣлью какъ бы что сдѣлать по хуже для народа и по лучше надуть государя, а выгоды всѣ предоставить обарствленному чиновничеству и очиновленному барству.

Вотъ весь сокъ обоихъ проэктовъ. Скажемъ еще нѣсколько словъ въ заключеніе.

Учрежденія по обоимъ проэктамъ, какъ прибавка ко всѣмъ существующимъ учрежденіямъ, составляютъ огромное и безконечно-вредное приращеніе чиновничества, въ то время какъ не только нынѣшній государь, но даже и императоръ Николай хлопоталъ о его уменьшеніи.

Направленіе проэктовъ:

Во-первыхъ олигархическое.

Вы хотите захватить всю власть въ руки дворянства, создать аристократію. Но аристократіи не создаются указомъ, аристократіи создаются исторіей. На западѣ аристократіи создались завоеваніями и теперь падаютъ, потому что это основаніе не разумно. Не говоря уже о томъ, что вы частью изъ подражанія хотите создать у насъ аристократію, между тѣмъ какъ въ западномъ мірѣ аристократическое начало падаетъ, посмотрите еще что есть огромная разница между феодализмомъ и нашимъ дворянствомъ. Феодализмъ по крайней мѣрѣ имѣлъ рыцарскую честность и личное достоинство. Наше дворянство, даже по происхожденію названія,—есть дворня. И такъ вмѣсто созданія аристократіи вы хотите отдать народъ въ руки дворни?

Чѣмъ отличается наше дворянство? Страстью къ кривосуднымъ тяжбамъ, сѣченіемъ мужиковъ, безалаберностью образа жизни и занятій.

Вы скажете просвѣщеніемъ? Да! Не смотря на всѣ огромныя средства къ образованію, только и есть просвѣщеннаго, что то меньшинство, которое проклянетъ проэкты центральнаго комитета; а большинство только носитъ фракъ и мундиръ, а невѣжествомъ, будь оно богато или бѣдно, камергеръ или исправникъ, хуже послѣдняго мужика, потому что съ наружнымъ лоскомъ европейскаго образованія, потеряло здравый смыслъ и добросовѣстность.

Гдѣ же заслуги нашего дворянства? Участіе въ войнѣ двѣнадцатаго года и въ крымской войнѣ? Да развѣ народъ въ нихъ не участвовалъ? Офицеры (т. е. дворянство) шли на войну сытые и обутые, а солдаты (т. е. народъ) шли босые и некормленные, а проливали свою кровь, кажется, не дурно. Дворянство жертвовало рекрутъ изъ собственныхъ крѣпостныхъ: но эти крѣпостные, т. е. народъ въ этомъ случаѣ жертвовали сами собою, своими сыновьями и братьями. Дворянство жертвовало деньги: но эти деньги сбирались съ душъ, не только по названію, но на самомъ дѣлѣ.

И вы хотите этотъ народъ отдать во власть дворянства больше, чѣмъ онъ былъ въ его власти при крѣпостномъ состояніи? И вы думаете, что вы улучшаете бытъ крестьянъ и создаете аристократію, между тѣмъ какъ вы губите народъ и утверждаете власть дворни?

Да это безсовѣстно!

Другое направленіе проэктовъ чиновничье. Тутъ народъ отдается на окончательное разграбленіе; но это такъ извѣстно и очевидно, что прибавлять къ этому нечего.

Вообще направленіе проэктовъ центральнаго комитета есть соединеніе обоихъ язвъ Россіи въ одну. Повторяю — это направленіе олигархо-чиновничье, т. е. соединеніе всѣхъ насилій дворянства и всѣхъ насилій чиновничества въ единое насиліе, гдѣ мы не будемъ знать, чему болѣе удивляться — безсудію, безсовѣстности, или невѣжеству и тупоумію. Отъ такаго центральнаго комитета нельзя было ожидать иныхъ проэктовъ: онъ составленъ изъ дворянъ и чиновниковъ. А у насъ дворянинъ — чиновникъ, а чиновникъ — дворянинъ. Стало соединеніе было неизбѣжно, съ цѣлью надуть государя и надуть народъ.

Результатъ этого будетъ тотъ, что мужики пойдутъ на ножи.

Конечно не мы хотимъ кровопролитія; мы хотимъ правильнаго гражданскаго развитія русскаго. Къ кровопролитію приведутъ подобные проэкты и мнѣнія большинства дворянства, проэкты и мнѣнія недобросовѣстные, своекоростные, невѣжественные и нелѣпые.

А что скажетъ Россія на эти проэкты?

Она скажетъ имъ свое проклятіе!

СОВРЕМЕННОЕ.

Вотъ Семенъ Авдѣичъ
Крикнулъ зло немножко:
"Филька!... ерофеичь!...
Все сосетъ подъ ложкой.
Ты, дуракъ, скажи-ка—
Вралъ тамъ кто съ тобою:
Дастъ де царь великой
Волю да съ землею?
Чтожъ? повѣрилъ сдуру?
А? холопья морда!
Ты свою фигуру
Держишъ больно гордо.
Эдакъ мнѣ умыться
Отъ тебя, крамольный,
Скоро не добиться;
Скажешъ—я де вольный!
Ну! вы что отъ воли
Ждете за послугу?
Излѣниться что-ли
Да и спиться съ кругу?

Digitized by Google

Чай мой дѣдъ не даромъ
Васъ купилъ съ землями
И причисленъ къ барамъ:
Нажилъ все трудами;
Долго службу правилъ,
Исполнялъ велѣнья
И себѣ составилъ
Важное имѣнье.
Ну! съ твоей ли рожей
Станешь ты вдругъ воленъ?
Спи себѣ въ прихожей
Да и будь доволенъ."—

— "Эхъ! Семенъ Авдѣичъ!
Успокойтесь баринъ,
Пейте ерофеичъ,
Вѣкъ у насъ бездаренъ.
Тѣ, къ царю кто ближе
Наши лиходѣи,
Думаютъ какъ вы же,
Тупы и злодѣи,
Не извѣстно что-ли—
Тамъ все разговоры:
Не дадутъ намъ воли
Пашивы да воры;
Такъ восторжествуютъ,
Такъ подпустятъ шпильку,
Что кругомъ надуютъ
И царя и Фильку."

ОПЯТЬ НАДЕЖДЫ!

Государь отпустилъ удѣльныхъ крестьянъ на волю и съ землею! Это великій поступокъ, это дѣйствительный примѣръ дворянству: главный помѣщикъ русскій оказывается лучшимъ; неужели же остальнымъ помѣщикамъ не будетъ стыдно и они не послѣдуютъ благородному примѣру? А Богъ ихъ знаетъ,—безуміе и корысть людскія безграничны; тутъ ничего не предугадаешъ. Но пусть государь идетъ по этой стезѣ, пусть для него будетъ всего дороже сочувствіе русскаго народа; эта награда стоитъ того, чтобы о ней похлопотать. Останавливаться на отпускѣ на волю удѣльныхъ крестьянъ нельзя. Надо отпустить на волю и государственныхъ крестьянъ, т. е. надо уничтожить министерство государственныхъ имуществъ со всѣми его палатами и окружными. Не бойтесь за подати. Недоимка существуетъ теперь, потому что государственные крестьяне платятъ окружнымъ взятки втрое болѣе чѣмъ законная подать. Уничтожте министерство государственныхъ имуществъ, дайте крестьянамъ выбрать своихъ сборщиковъ и платить подать въ сроки ими самими назначенные, — и недоимки не будетъ, и не нужно будетъ выдумывать винные откупа для пополненія недостающихъ казнѣ денегъ. Отпустите же дѣйствительно на волю и удѣльныхъ, и помѣщичьихъ и казенныхъ крестьянъ; дайте имъ самимъ устроиться; повѣрьте они лучше устроятся сами, чѣмъ если ихъ станутъ устроивать. Намъ нечего заводить или продолжать усиленныхъ бюрократій; въ западной Европѣ бюрократіи развились отъ того, что тамъ главное — города, а селы имъ подчинены; городъ стремится къ бюрократіи. А у насъ городовъ нѣтъ, наши города только по названію города, а въ дѣйствительности не существуютъ. У насъ главное—селы. Дайте селамъ устроиться своимъ умомъ,—и Россія останется спокойною, и правительству будетъ легче и народу будетъ легче.

СМѢСЬ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БУДУЩЕЙ БІОГРАФІИ
ГРАФА А. ЗАКРЕВСКАГО.

Въ концѣ XVIII столѣтія въ губернскомъ городѣ Твери проживалъ винный приставъ Закревскій. У него было два сына, старшій Иванушка и меньшій Арсеньюшка.

Судьба этихъ двухъ мальчиковъ должна была быть совершенно различна, впрочемъ и характеромъ въ дѣтствѣ они не были сходны. Иванушка былъ робокъ, молчаливъ, однимъ словомъ малый безъ хитрости, Арсеньюшка былъ гораздо бойчѣе, зналъ какъ въ мутной водѣ рыбу ловить, былъ умнѣе и лукавѣе своего старшаго брата.

Судьба Иванушки намъ мало извѣстна, знаемъ только то, что онъ служилъ въ какомъ-то армейскомъ пѣхотномъ полку и послѣднее время жизни своей былъ гдѣ-то городничимъ. Когда Арсеньюшка сталъ взрослымъ мальчикомъ, братъ опредѣлилъ его въ шкловскій кадетскій корпусъ; въ этомъ корпусѣ учили разумѣется плохо, но Арсеньюшка не выучился даже и грамотѣ, что доказывается и тѣмъ, что понынѣ онъ пишетъ еще: штобъ, детями, сумлеваюсь и т. п.

Надѣвъ офицерскій мундиръ, Арсеньюшка поступилъ въ армію графа Каменскаго, въ какой-то армейскій пѣхотный полкъ и съ перваго шага сталъ дѣйствовать сообразно своимъ природнымъ наклонностямъ, т. е. сталъ заниматься не столько службой, сколько прислуживаньемъ, чѣмъ разумѣется успѣлъ обратить на себя вниманіе главнаго своего начальника.

Богъ одарилъ его крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и рѣдкимъ здоровьемъ, онъ вставалъ всегда рано, былъ необыкновенно дѣятеленъ, исполнителенъ безъ разсужденій и за тычкомъ не гнался, — за все это скоро былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ штабѣ, и въ этой новой должности онъ продолжалъ дѣйствовать съ той же неутомимостью и кромѣ письменной части по штабу въ его завѣдываніи было все хозяйство его генерала,—бѣлье, конюшня, кухня, повѣрка счетовъ.

Но въ то самое время, какъ онъ все болѣе и болѣе пріобрѣталъ безграничную довѣренность своего генерала, въ той же степени росла къ нему ненависть его товарищей и подчиненныхъ, что тотчасъ же и увидѣлъ Закревскій когда тяжко заболѣлъ его генералъ, онъ почуялъ бѣду и боясь остаться безъ друзей и покровителей приступилъ съ просьбой къ умирающему старцу отрекомендовать его кому нибудь изъ сильныхъ міра сего. Дрожащею рукою начерталъ Каменскій письмо къ другу своему Барклаю-де-Толли, который тогда имѣлъ портфель военнаго министра. Въ этомъ письмѣ были поставлены на видъ всѣ рѣдкія качества Закревскаго какъ безпрекословнаго адъютанта. Каменскій умеръ и нашъ Арсеній полетѣлъ въ Петербургъ съ драгоцѣннымъ письмомъ. Поскорѣе его ѣхалъ туда же другой офицеръ по фамиліи Храбрый съ доносомъ на домашняго человѣка умершаго фельдмаршала.

Доносъ состоялъ въ томъ, что Закревскій будтобы не отдалъ

Digitized by Google

отчета въ 20,000 руб. асс., принадлежавшихъ его благодѣтелю. На другой день подачи доноса явился къ Барклаю-де-Толли капитанъ Закревскій, прочитавъ письмо Барклай прослезился, прогналъ отъ себя офицера Храбраго, назвавъ его клеветникомъ, а капитану Закревскому сказалъ: "отнынѣ вы будете состоять при мнѣ, и мы съ вами не разстанемся".

Такимъ образомъ Закревскій очутился въ Петербургѣ, но житье его здѣсь было не на розахъ. Онъ не нравился тогдашней петербургской молодежи, своимъ новымъ товарищамъ; армейскій капитанъ понялъ это и желалъ оставить Петербургъ, но не зналъ какъ это устроить, самому просить объ этомъ Барклая было не ловко и намъ достовѣрно извѣстно, что онъ обращался съ просьбой ко многимъ важнымъ лицамъ бывшимъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ его новымъ начальникомъ. Виды его не были блестящи, онъ хотѣлъ быть городничимъ во Ржевѣ, ему обѣщали похлопотать объ этомъ и посовѣтовали уѣхать для этого на нѣсколько мѣсяцевъ въ отпускъ, Закревскій такъ и сдѣлалъ, получилъ подорожную и отправился въ Тверь къ роднымъ. Но тутъ случилось происшествіе, имѣвшее вліяніе на судьбу Россіи и Арсенія!

На одной станціи близь Петербурга украли у капитана Закревскаго чемоданъ, онъ не могъ продолжать своего пути, и возвратясь въ Петербургъ подалъ докладную записку Барклаю, въ которой просилъ себѣ вспомоществованія. На счастіе Закревскаго въ это время случилась знаменитая исторія Сперанскаго. Извѣстно, что директоръ канцеляріи военнаго министерства, флигель-адъютантъ, полковникъ Воейковъ за это пострадалъ, мѣсто директора очистилось. Докладывая объ этомъ государю, Барклай просилъ себѣ директора и увѣрялъ, что самъ никого не имѣетъ въ виду, государь тоже затруднился и сказалъ, что подумаетъ о человѣкѣ. Потомъ докладывалъ Барклай другія бумаги и дошелъ до послѣдней, т. е. до докладной записки капитана Закревскаго съ просьбой о вспомоществованіи. — Какой это Закревскій? — спросилъ государь.—Бывшій старшій адъютантъ фельдмаршала Каменскаго, отвѣчалъ Барклай.—Ну вотъ тебѣ и директоръ, возразилъ государь, каковъ онъ?—Я былъ бы очень счастливъ,—отвѣчалъ Барклай, потому что онъ былъ мнѣ особенно рекомендованъ моимъ другомъ графомъ Каменскимъ, но чинъ его малъ для этого мѣста.—Ну этому мы пособимъ, сказалъ государь и докладъ кончился. На другой день въ Приказахъ капитанъ Закревскій произведенъ въ полковники, назначенъ флигель-адъютантомъ и директоромъ канцеляріи военнаго министерства, — и все это въ вознагражденіе за потерю чемодана.

Оффиціальныя дѣйствія Закревскаго на этомъ новомъ поприщѣ извѣстны, но для насъ интересно то, что въ это время продолжая пользоваться обстоятельствами, онъ успѣлъ пріобрѣсти себѣ дружбу такихъ людей, которые по его расчету должны были сдѣлать карьеру; какъ директоръ канцеляріи ему легко было оказывать небольшія услуги тогдашнимъ аристократамъ, вотъ откуда его связь съ Орловымъ и прочими временщиками царствованія "незабвеннаго". Изъ директоровъ канцеляріи в. м. Закревскій попалъ въ дежурные генералы и сдѣлался извѣстенъ какъ учредитель инспекторскаго департамента. Если это заслуга, то Закревскій имѣетъ право на благодарность потомства.

Постоянно думая объ устройствѣ судьбы своей, Закревскій воспользовался тѣмъ что былъ въ ходу, и выгодно женился.

Всѣмъ извѣстна огромная власть, которую пріобрѣлъ Аракчеевъ въ послѣдніе годы царствованія Александра I; многіе не желали подчиниться ему, въ томъ числѣ и Закревскій, онъ рисковалъ немногимъ, потому что былъ въ компаніи съ Волконскимъ и Меньшиковымъ, они всѣ трое вышли въ отставку. Затѣмъ въ скоромъ времени Закревскій былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Финляндіи, гдѣ онъ сдѣлалъ два пріобрѣтенія: ненависть жителей края и чухонское графство, поднесенное ему по высочайшему приказанію неблагодарными Финляндцами.

По какимъ соображеніямъ попалъ новый графъ въ министры внутреннихъ дѣлъ, понять трудно; мы видѣли изъ предшествующаго, что за нимъ заслугъ не было, способностей своихъ онъ ничѣмъ не доказалъ, тоже свидѣтельствуетъ его управленіе министерствомъ. Во время первой холеры Закревскій хотѣлъ оцѣпить всю Россію, произвелъ бунты, голодъ, вслѣдствіе чего долженъ былъ разстрѣливать, за что и потерялъ мѣсто снова и вышелъ въ отставку; причиной сего былъ князь Дм. Вл. Голицынъ, выставившій государю всю нелѣпость распоряженій министра; много надо было Закревскому надѣлать гнусностей и глупостей, чтобы попасть въ немилость, потому что у Николая онъ имѣлъ сильныхъ себѣ ходотаевъ; будучи министромъ продолжалъ онъ по старому служить не дѣлу, а лицамъ и разсылалъ адъютантовъ своихъ поздравлять сановниковъ и старыхъ барынь съ имянинами и причастіемъ, помогалъ своимъ вліяніемъ выигрывать разныя незаконныя дѣла въ судебныхъ мѣстахъ, опредѣлялъ въ службу ихъ клевретовъ и т. д.

Въ это время Иванъ Андреев..чь выигралъ совершенно незаконный процессъ въ 300 душъ отъ живой жены, женился на другой и продолжалъ быть преспокойно городничимъ, защищаемый графомъ. Братецъ министръ принималъ Ивана Андреевича очень важно, когда тому случалось бывать въ Петербургѣ, говорилъ ему ты, держалъ въ передней, между тѣмъ какъ городничій честилъ его "вашимъ сіятельствомъ"; роли ихъ перемѣнились, Арсеньюшка забылъ свое опредѣленіе въ шкловскій кадетскій корпусъ!

По выходѣ въ отставку, Закревскій въ синемъ фракѣ пріобрѣлъ нѣкоторую популярность, но она въ себѣ не имѣла ничего достойнаго и уважительнаго. Всѣ тузы царствованія "незабвеннаго", которымъ почему бы то ни случилось подпасть подъ его опалу, становились въ оппозицію, которая ничему ихъ не подвергала и общество смотрѣло на нихъ съ удивленіемъ. Къ тому же Закревскій былъ богатъ, имѣлъ титулъ графа, давалъ балы въ великолѣпномъ петербургскомъ своемъ домѣ, однимъ словомъ жуировалъ; такъ прошло около 18 лѣтъ. Въ это время онъ путешествовалъ за границей, былъ въ Парижѣ и никакъ не могъ понять того что тамъ дѣлалось. Такъ на пр. присутствуя на дебатахъ въ Парижѣ во время министерства Molé, онъ не могъ понять его значенія и спрашивалъ: "что онъ такое на русскій чинъ, дѣйствительный-ли онъ тайный совѣтникъ?" Когда ему сказали что 'да', то Закревскскій воскликнулъ: "какъ же смѣетъ на него кричать этотъ Тіерикъ (Thiers)," который былъ тогда въ оппозиціи и возражалъ Molé. Передъ возмущеніемъ работниковъ въ Парижѣ, когда они хотѣли остановить карету Закревскаго и употребить ее на баррикаду, и онъ къ сожалѣнію уцѣлѣлъ отъ нихъ, ему ничего не оставалось дѣлать въ Па-

Digitized by Google

рижѣ и онъ уѣхалъ, отвѣчая на вопросъ о Франціи: "что это шельма нація!"

Конецъ частной его жизни ознаменовался бракомъ дочери съ сыномъ графа Несельроде; этотъ бракъ былъ причиной несчастія Москвы, на свадьбѣ фигурировалъ "незабвенный" Орловъ свелъ его съ Закревскимъ и этого было достаточно, чтобы назначить дурнаго эксъ-министра генералъ-губернаторомъ въ Москву съ страшными правами, потому что нѣсколько лѣтъ съ ряду всѣ незаконныя и предписанныя бумаги Закревскаго начинались словами: "по высочайше предоставленной мнѣ власти."

Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Москву, онъ разогналъ изъ службы всѣхъ порядочныхъ людей, говоря, что не только новая метла мететъ, но и старая и что онъ долго еще будетъ мести!

Закревскій унизилъ купеческое сословіе, называя всѣхъ безъ разбора мошенниками; окружилъ себя льстецами и шпіонами, произвелъ страшную перемѣну въ московскомъ обществѣ, поставивъ на первый планъ людей недостойныхъ и заставивъ порядочныхъ удалиться, высылалъ безпрестанно иностранцевъ за границу, Русскихъ сгонялъ въ Колу, Архангельскъ, Вятку и другія отдаленныя губерніи, все на основаніи той же государемъ предоставленной ему власти, преслѣдовалъ ученыхъ и литераторовъ, дѣйствовалъ деспотически не только полицейски, но незаконно въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, однимъ словомъ вездѣ и всегда распоряжался Москвой какъ своей вотчиной. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Закревскому жалуется одинъ купецъ на то, что сынъ его уже совершеннолѣтній тратитъ много денегъ и надавалъ векселей; Закревскій призываетъ одного дворянина, который взялъ вексель купца въ 60,000 сер. и говоритъ: "Хотя вексель вашъ составленъ законно и всѣ правила соблюдены, но мнѣ извѣстно, что вы пріобрѣли его разными хитростями и обманомъ и потому даю вамъ срокъ полъчаса времени, или вы разорвете этотъ вексель у меня въ кабинетѣ, или вы поѣдете въ Колу, тройка готова!" Напрасно несчастный кредиторъ увѣрялъ его, что деньги были дѣйствительно даны, что къ векселю приписаны были нѣкоторые проценты по добровольному согласію. Закревскій ничего не хотѣлъ слушать и вексель былъ разорванъ!!!...(*)

По малѣйшему доносу его клевретовъ и шпіоновъ, онъ тотчасъ призывалъ къ себѣ оклеветаннаго, безпощадно его ругалъ при всѣхъ, не слушалъ никакихъ оправданій и кончалъ всегда дѣло произвольно. Не одинъ процессъ, не одно дѣло кончалось у него въ кабинетѣ помимо всякаго судебнаго разбирательства и инстанцій.

Когда ему говорили: "помилуйте, на это есть судъ и законы", онъ отвѣчалъ: "у меня это все кончится здѣсь, живо, безъ суда!" Всѣ важныя слѣдствія, особенно въ первое время, оканчивались всегда по его указаніямъ, съ цѣлію преслѣдовать заранѣе имъ обвиненнаго человѣка!

Нѣкоторые соглашаясь со всѣмъ сказаннымъ, все еще стоятъ за честность Закревскаго, говоря, что онъ не беретъ взятокъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но мы и этого не можемъ имъ уступить. Мы знаемъ, что Закревскій беретъ въ займы у купцовъ раскольниковъ, что его графиня получаетъ богатые подарки въ семейственные праздники, наконецъ что во время своего генералъ-губернаторства онъ отлично устроилъ свои частныя дѣла въ подмосковной Ивановскомъ и другихъ сосѣднихъ имѣніяхъ. Вотъ еще одинъ случай, который хлещетъ его честность.

(*) Фамилію, фамилію почтенный авторъ.—Ред.

У одного купца было дѣло въ Москвѣ, которое поступило въ канцелярію Закревскаго, купецъ зналъ грубость обращенія генералъ-губернатора и употребилъ слѣдующій способъ, чтобъ выиграть его—онъ явился къ Закревскому вмѣстѣ съ прочими просителями, когда тотъ вышелъ и спросилъ его: "что тебѣ нужно?" купецъ отвѣтилъ: По частному дѣлу ваше сіятел., —Говори здѣсь, сказалъ Закревскій.— Позвольте особо, дѣло частное-съ! Закревскій согласился, и обойдя просителей, онъ вошелъ съ купцомъ въ кабинетъ.

— Что тебѣ надо? — По частному дѣлу в. с., у васъ есть имѣніе во владимірской губерніи.—Есть братецъ!—Въ этомъ имѣніи-съ находится мѣдная руда, намъ бы хотѣлось снять ее у васъ на аренду. Тутъ Закревскій перемѣнилъ тонъ и посадилъ купца въ кресло. Купецъ предложилъ за 12 лѣтъ большую цѣну, дѣло сладили. Закревскій въ умиленіи спросилъ его: "Хотѣлось бы тебѣ крестика?" "Какъ бы не хотѣть в. с., да какія наши заслуги?" "Не пожалѣешь ты 1000 сер. въ Измайловскую Богадѣльню?" "Три тысячи в. с. дадимъ охотно-съ!"—"Къ чему, къ чему и 1000 довольно." Купецъ внесъ эти деньги и былъ представленъ къ кресту, который впослѣдствіи и получилъ. Немного спустя купецъ увидѣлъ, что руда въ имѣніи Закревскаго плоха, что ея мало, и что онъ передалъ много денегъ; является онъ снова къ Закревскому, принятъ былъ тотчасъ, какъ добрый знакомый. "Что братецъ? —сказалъ ему Арсеній Андреевичъ. "У васъ, в. с., имѣніе съ казной не размежевано."—"Знаю братецъ, что прикажешь дѣлать, канальи, писалъ имъ, а они и въ усъ себѣ не дуютъ, даромъ что я генералъ-губернаторъ, да ты не безпокойся, напишу еще и заставлю размѣжевать!"—"Не безпокойтесь в. с., не нужно! Въ казенной дачѣ руды больше и она лучше, благо она не размежевана, я ее буду себѣ копать 12 лѣтъ, а ваша останется цѣлехонка въ вашу пользу." "Спасибо любезный!"—воскликнулъ Закревскій въ умиленіи и обнялъ купца; а купецъ копая казенную землю, разумѣется дѣло свое выигралъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ Листѣ).

Rappel à la Pudeur! — Мы съ глубокимъ чувствомъ жалости и отвращенія читаемъ въ англійскихъ газетахъ отрывки изъ "С. Петербургскихъ Вѣдомостей" противъ Англіи и "нордовскую" лесть передъ Франціей. Какъ же это дѣлается, что едва позволили вамъ говорить, такъ вы и начали ругать свободу и кадить деспотизму?

¿ Правда ли,—что московскій полицмейстеръ, Огаревъ выпоролъ какого-то мѣщанина (такъ что тотъ слегъ въ постель) за то, что этотъ мѣщанинъ писалъ къ какой-то актрисѣ Медвѣдевой сентиментальныя письма?

— ERRATA — Въ прошломъ листѣ Колокола у насъ вкралась ошибка, — во Франкфуртѣ русскій резидентъ не Лабенскій, а Фонтонъ и президентъ сената во Франкфуртѣ не Гарнье. Мы взяли эти имена изъ Almanach de Paris, 1858, pag. 92.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

No. 22. **THE BELL** SEPTEMBER 1, 1858.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, *W. C.*

ЛИСТЪ 22.

1 Сентября 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 39, Rupert Street, Haymarket, London. Price six-pence.

А. ИВАНОВЪ.

Еще разъ коса смерти прошлась по нашему бѣдному полю и еще одинъ изъ лучшихъ дѣятелей палъ—странно, безвременно. Дворовые косари помогли его подкосить, въ то самое время, какъ онъ усталой рукой касался, послѣ цѣлой жизни труда и лишеній лавроваго вѣнка. Больной, измученный нуждой, Ивановъ не вынесъ грубаго прикосновенія царской дворни и—умеръ!

Да и зачѣмъ намъ художники и поэты, зачѣмъ эти нѣжныя, нервныя организаціи, которыя не могутъ выносить воздуха передней, дерзости дворецкихъ, образованности фельдфебелей. Теперь намъ надобны бойцы, теперь намъ надобны люди, которые за обиду плотятъ не своимъ здоровьемъ, а двойной обидой, за пренебреженіе невѣждъ, презрѣніемъ и ненавистію!

Жизнь Иванова была анахронизмомъ; такое благочестіе къ искусству, религіозное служеніе ему, съ недовѣріемъ къ себѣ, со страхомъ и вѣрою, мы только встрѣчаемъ въ разсказахъ о средневѣковыхъ отшельникахъ, молившихся кистью, для которыхъ искуство было нравственнымъ подвигомъ жизни, священнодѣйствіемъ, наукой.

Молодымъ человѣкомъ принялся Ивановъ за свою картину "Іоанна предтечи" и состарѣлся съ нею; кисть взятая юношеской рукой, ослабѣла на томъ же полотнѣ, цѣлая жизнь была употреблена на созерцаніе, обдумываніе, изученіе своего предмета, и при какихъ условіяхъ. "Нищета его, пишетъ мнѣ одинъ изъ друзей его, была такова, что онъ по суткамъ довольствовался стаканомъ кофея и черствой булкой или чашкой чечевицы, свареной изъ экономіи имъ самимъ, въ той студіи гдѣ работалъ, и на водѣ, за которой нашъ художникъ ходилъ самъ къ ближайшему фонтану." И въ этой борьбѣ шли годы и годы. Въ продолженіи двадцати лѣтъ онъ получилъ десять тысячъ руб. изъ кассы цесаревича Александра Николаевича, который будучи въ Римѣ, сказалъ Иванову, что онъ его картину считаетъ своей.

Въ прошедшемъ году онъ выставилъ свою картину въ Римѣ, общество художниковъ всѣхъ странъ осыпало ее похвалами, это были единственныя сладкія минуты Иванова, но и онѣ не были безъ примѣси горькаго элемента внутренной борьбы. Объ ней мы скажемъ послѣ.

Его звали въ Россію; два мѣсяца передъ кончиной пріѣхалъ онъ въ Петербургъ. Полный надеждъ и думъ, онъ мечталъ, что для него легко откроется новая дѣятельность. Онъ мечталъ о своихъ давно задуманныхъ эскисахъ изъ жизни Христа, думалъ съѣздить въ Іерусалимъ и потомъ ему хотѣлось распространять больше и больше великую художественную традицію живописи—молодому поколѣнію. Какъ дѣйствительный художникъ, онъ съ грустью смотрѣлъ съ одной стороны на легкую, эффектную манеру; съ другой на растлѣніе вкуса икононисью—этимъ лицемѣріемъ въ живописи, этой ложью въ искуствѣ.

Петербургскую жизнь Ивановъ совсѣмъ не зналъ или зналъ смутно по слухамъ. Простой, отвыкшій отъ людей. онъ какимъ-то чуждымъ явился съ своей картиной—передъ толпой цѣховыхъ интригантовъ, равнодушныхъ невѣждъ, казарменныхъ эстетиковъ.

Начались маленькія avanies, которыхъ онъ не умѣлъ переносить,—все огорчало его, мучило. Ему дали во дворцѣ бѣлую залу со сквернымъ освященіемъ для картины. Государь взглянулъ на нее, оглушенный громомъ и звономъ, разсѣянный торжествомъ освящения Исакіевскаго Собора.

Второй и третьей гильдіи живописныхъ дѣлъ мастера, пожимали плечами, придворнымъ было не до Иванова...

Ему бы къ Минѣ Ивановнѣ,—не догадался.

Денегъ у него не было, онъ жилъ у одного пріятеля, не понимая, что ему надобно было сыскать покровителей, пріобрѣсти ходатаевъ.

Наконецъ 29 Іюня президентъ академіи художествъ т. е. графиня Строгонова, т. е. эксъ-великая княгиня Марія Николаевна, потребовала Иванова и объявила ему, что ему опредѣляется 10.000 р. вознагражденія и назначается 2,000 руб. пенсіи, и желала знать, доволенъ-ли онъ. Не смотря на свою застѣнчивость, Ивановъ не спѣшилъ принять предложенія и просилъ его обдумать.

На другой день 30 Іюня, курьеръ снова требуетъ Иванова. Его заставляютъ ждать въ передней три часа, послѣ которыхъ выходитъ морганатическій великій князь графъ Строгоновъ и объявляетъ ему, чтобъ онъ за окончательнымъ отвѣтомъ обратился къ Адлербергу.

Чего же церемониться съ живописцемъ, что такое живо-

Digitized by Google

писецъ? Вѣдь мы не папы римскіе, чтобъ дружески принимать какого нибудь Бенвенуто-Челини, или съ уваженіемъ какого нибудь Бонаротти. Графъ Строгоновъ, помнится, бывши въ Женевѣ, находилъ, что Александръ Николаевичъ красный революціонеръ и что пора его остановить на этой скользкой стезѣ... Столбовые-съ!

Ивановъ, пораженный этимъ пріемомъ, не пошелъ къ Адлербергу, ему довольно было одной передней. Разстроенный, огорченный, побрелъ онъ къ одному знакомому, вечеромъ онъ почувствовалъ себя дурно, къ полуночи явились первые признаки холеры и ночью съ 2/14 на 3/15 Іюля его не стало.

На утро явился курьеръ съ пакетомъ возвѣщавшемъ труну художника, что ему жалуется 15,000 р. и *владимірскій крестъ* въ петлицу.

Мы не думаемъ, что Иванова намѣренно тѣснили, но вѣдь это тѣмъ хуже. А. Л. Витберга Николай поймалъ въ канцелярскіе тиски и пропускалъ его въ нихъ до тѣхъ поръ, пока крикъ умолкъ, мышцы опустились и страдалецъ самоотверженно склонилъ голову. Онъ этого хотѣлъ. А тутъ напротивъ, одна небрежность, разсѣянность вздоромъ, чиновничье неуваженіе къ искуству и къ художнику. Имъ въ голову не приходитъ, что нельзя одинакимъ образомъ обращаться съ Ивановымъ и съ Сквозникомъ-Дмухановскимъ; что на художникѣ есть свое помазаніе, хотя и не успѣнское, но прочное; что художникъ тоже власть, что это ровный—pares; что генераловъ, оберъ-форъ-шнейдеровъ, нидеръ-нахъ-шустеровъ можно дѣлать десятками, стадами, а художники родятся, и что если владимірскій крестъ можетъ иной разъ предохранить лице станціоннаго смотрителя отъ генеральскаго кулака, то онъ смѣшенъ въ петлицѣ такаго артиста.

Картину свою Ивановъ завѣщалъ своему брату— зодчему, интересно узнать какъ съ нимъ будутъ торговаться...

— Теперь скажу нѣсколько словъ о моихъ личныхъ сношеніяхъ съ Ивановымъ. Я познакомился съ нимъ въ Римѣ, въ 1847 году. При первомъ свиданіи мы чуть не поссорились. Разговоръ зашелъ о "Перепискѣ" Гоголя, Ивановъ страстно любилъ автора, я считалъ эту книгу преступленіемъ. Вліяніе этого разговора не изгладилось, многое поддерживало его. Насталъ громовый 1848 годъ, я жилъ на площади, Ивановъ плотнѣе запирался въ своей студіи, сердился на шумъ исторіи, не понималъ его, я сердился на него за это. Къ тому же онъ былъ тогда подъ вліяніемъ восторженнаго мистицизма и своего рода эстетическаго христіанства. Тѣмъ не менѣе иногда вечеромъ Ивановъ приходилъ ко мнѣ изъ своей студіи и всякій разъ наивно улыбаясь, заводилъ рѣчь именно о тѣхъ предметахъ, въ которыхъ мы совершенно расходились.

Въ Парижѣ была провозглашена республика, престолъ Папы покачнулся, вся Европа приподымалась, я забылъ Иванова и поскакалъ въ Парижъ.

Десять лѣтъ миновали, и между нами не было никакихъ сношеній.

Вдругъ получаю я въ Августѣ мѣсяцѣ прошлаго года изъ Интерлакена письмо отъ Иванова. Каждое слово его дышитъ инымъ вѣяніемъ, сильной борьбой, запертая дверь студіи не помѣшала, мысль вѣка прошла сквозь замокъ, страданія побитыхъ разбудили его...

"Слѣдя за современными успѣхами, я не могу не замѣтить, что и живопись должна получить новое направленіе. Я полагаю, что нигдѣ не могу разъяснить мыслей моихъ, какъ въ разговорахъ съ вами, а потому рѣшаюсь пріѣхать на недѣлю въ Лондонъ, отъ 3 до 10 Сентября...

..."Въ итальянскихъ художникахъ не слышно ни малѣйшаго стремленія къ новымъ идеямъ въ искуствѣ, не говоря уже о теперишнемъ гниломъ состояніи Рима, они и въ 1848 и 49 годахъ, когда церковь рушилась до основанія, думали какъ бы *получить для церквей новые заказы*."

Въ заключеніе онъ писалъ мнѣ, что ему было бы пріятно встрѣтиться у меня съ Мацции. (Этого ему не удалось, Мацции былъ тогда на континентѣ, но я познакомилъ Иванова съ Саффи.)

Письмо Иванова удивило меня, съ нетерпѣніемъ ждалъ я его. Наконецъ онъ пріѣхалъ, много состарѣлся онъ въ эти десять лѣтъ, посѣдѣли волосы, типически русское выраженіе его лица стало еще сильнѣе; простота, добродушіе ребенка во всѣхъ пріемахъ, во всѣхъ словахъ. На другой день мы ходили съ нимъ въ National Gallery, потомъ пошли вмѣстѣ обѣдать; Ивановъ былъ задумчивъ, тяжелая мысль сквозила даже въ его улыбкѣ. Послѣ обѣда онъ сталъ разговорчивѣе и наконецъ сказалъ: "Да, вотъ что меня тяготитъ, съ чѣмъ я не могу сладить,—я утратилъ ту религіозную вѣру, которая мнѣ облегчала работу, жизнь, когда вы были въ Римѣ. Часто поминалъ я наши разговоры, вы правы,—да что мнѣ отъ этого, что отъ этого искуству. Миръ души разстроился,—сыщите мнѣ выходъ, укажите идеалы?..

"Событія, которыми мы были окружены, навели меня на рядъ мыслей, отъ которыхъ я не могъ больше отдѣлаться, годы цѣлые занимали онѣ меня и когда онѣ начали становится яснѣе, я увидѣлъ, что въ душѣ нѣтъ больше вѣры. Я мучусь о томъ, что не могу формулировать искуствомъ, не могу воплотить мое новое воззрѣніе, а до стараго касаться, я считаю преступнымъ — прибавилъ онъ съ жаромъ. — Писать безъ вѣры религіозныя картины, это безнравственно, это грѣшно, я не надивлюсь на Французовъ и Итальянцевъ,— разбирая по камню католическую церковь, они на перехватъ пишутъ картины для ея стѣнъ. Этого я не могу, нѣтъ, никогда —никогда! Мнѣ предлагали главное заведываніе живописныхъ работъ въ новомъ Соборѣ. Мѣсто, которое доставило бы и славу и матеріальное обезпеченіе; я думалъ, думалъ, да и отказался, — что же я буду въ своихъ глазахъ, взойдя безъ вѣры въ храмъ, и работая въ немъ съ сомнѣніемъ въ душѣ—лучше остаться бѣднякомъ и не брать кисти въ руки!"

—"Хвала русскому художнику, безконечная хвала, сказалъ я со слезами на глазахъ и бросился обнимать Иванова.—Не знаю, сыщите ли вы формы вашимъ идеаламъ, но вы подаете не только великій примѣръ художникамъ, но даете свидѣтельство о той непочатой, цѣльной натурѣ русской, которую мы знаемъ чутьемъ, о которой догадываемся сердцемъ, и за которую, вопреки всему дѣлающемуся у насъ, мы такъ страстно любимъ Россію, такъ горячо надѣемся на ея будущность!"

Сими словами и заключимъ надгробную скорбь нашу объ истинномъ художникѣ русскомъ.(*)

ИСКАНДЕРЪ.

(*) Выѣзжая изъ Рима, Ивановъ послалъ мнѣ фотографію съ своей картины, она залежалась въ Парижѣ и пришла ко мнѣ вмѣстѣ съ вѣстью о его кончинѣ.

ПИСЬМО КЪ ГРАФУ СТРОГОНОВУ,

ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРУ НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ (*)

Графъ,

Судьба дала вамъ въ руки исполнительную, а отчасти и судебную власть въ цѣломъ огромномъ краѣ. Весь край почему-то вѣритъ, что вы серьезно желаете исполнять свою обязанность, что вы, сколько вамъ позволяютъ средства, боритесь со взяточничествомъ и со всѣми неправдами, дѣлаемыми вашими подчиненными. Но таково положеніе каждаго въ безгласномъ государствѣ, что всѣ его стремленія къ добру остаются безплодны: каждое ваше благое распоряженіе извращается, проходя чрезъ руки чиновниковъ, до того, что польза, которую можно бы ожидать отъ него, пропадаетъ вся, а выходитъ изъ него распоряженіе, похожее на всѣ распоряженія—льготы богатымъ, поощреніе ворамъ и еще большее притѣсненіе несчастнымъ, на чьи плечи обрушивается все... Единственное средство, могущее помочь вамъ, правительству, всему стремящемуся впередъ въ Россіи,—была бы гласность, которой такъ боятся у насъ, которой ничтожные проблески такъ усердно, такъ ревниво гасятся всѣми, чьи дѣла боятся свѣта. Эта гласность дала бы каждому возможность открывать тѣ злоупотребленія, которыхъ онъ былъ бы свидѣтелемъ, дала бы ему возможность помогать правительству.

Я получилъ изъ Россіи извѣстіе о происшествіи, выказавшемъ во всей ея мерзости всю силу помѣщичьей власти, подъ покровомъ крадущей и все за деньги покрывающей полиціи. Публиковать его въ Россіи препятствуютъ мнѣ наши законы, но я считаю долгомъ своимъ сообщить его вамъ, потому что долгъ каждаго честнаго, хотя бы и частнаго человѣка, помогать другому, тоже честному человѣку, въ преслѣдованіи неправды.

Во второмъ станѣ тираспольскаго уѣзда, херсонской губерніи, есть деревня Курпино, принадлежащая помѣщицѣ Аделіѣ Клопотовской. Имѣніе это очень не велико и помѣщица, владѣя имъ около 16 лѣтъ, раззорила его совершенно. Хлѣбъ у нея запродавался обыкновенно на корню, потомъ доставлялся въ Одессу или Тирасполь (почему и цѣнился дороже) въ самую распутицу ея крѣпостными, которые во время такихъ путешествій, длившихся иногда нѣсколько недѣль, раззорились въ конецъ. Когда все бывало продано, Клопотовская находила новое средство добывать деньги: она продавала—и въ большомъ количествѣ—дѣвокъ отъ 15 до 25 лѣтъ. Съ крестьянами обходилась она съ возмутительной жестокостью. Правителемъ всѣхъ дѣлъ ея и исполнителемъ всѣхъ ея повелѣній былъ и есть до сихъ поръ молодой полякъ Янъ (фамиліи его не знаю), который еще увеличиваетъ тяжесть положенія крестьянъ своею необузданною жестокостію. Въ декабрѣ прошлаго года Клопотовская засѣкла мужика; черезъ нѣсколько времени Янъ въ отсутствіи барыни высѣкъ жестоко мальчика лѣтъ 16, ея крѣпостнаго; барыня возвратясь домой, узнала объ этомъ и о неудовольствіи, какое произвело наказаніе, и велѣла повторить его. Мальчикъ умеръ черезъ нѣсколько часовъ послѣ окончанія пытки. Священникъ изъ села Павловки (князя Абомелека) пріобщалъ его и можетъ, надѣюсь, подтвердить, отчего умеръ онъ. Не смотря на всю загнанность, на всю апатію безгласнаго отчаянья, въ которой находились крестьяне, жестокость эта возбудила всеобщее негодованіе. Крестьяне изъ сосѣдней деревни помѣщицы Миницкой, бывшіе въ родствѣ съ убитымъ мальчикомъ, и нѣкоторые изъ крестьянъ Клопотовской, которые были побуйнѣе (какъ называютъ у насъ всякаго защищающаго свои права противъ насилія старшаго), рѣшились на страшный для нихъ шагъ—объявили объ этомъ становому.

Становой принялся за дѣло грозно. Послѣ первыхъ допросовъ прикащикъ Янъ былъ закованъ, Клопотовская струсила, всѣ съ надеждой ждали, что дѣло приметъ наконецъ хорошій оборотъ. Казалось бы, теперь, когда правительство само указало въ недалекой перспективѣ крестьянамъ свободу и избавленіе отъ желѣзныхъ когтей крѣпостнаго состоянія,—помѣщикамъ слѣдовало бы понять, что человѣкъ ожидающій со дня на день стать человѣкомъ, не можетъ со скотскою тупостью выносить все, и потому они казалось бы, хоть для своей личной пользы, должны бы обходиться съ ними человѣчнѣе, а правительство съ своей стороны должно бы зорко слѣдить за отношеніями помѣщиковъ къ крестьянамъ. Правительство, правда, и старается объ этомъ, т. е. назидательными циркулярами убѣждаетъ помѣщиковъ укротить свои привычки, но дѣйствуетъ черезъ агентовъ, а его агенты болѣе всѣхъ, быть можетъ, помогаютъ помѣщикамъ довести крестьянъ до топора.

Тоже укрывательство, что и всегда, нашла и теперь за деньги Клопотовская. Двѣ недѣли лежало тѣло убитаго мальчика, и только чрезъ двѣ недѣли пріѣхалъ (противъ всякихъ законовъ) производить слѣдствіе одинъ становой съ докторомъ. Понятые и свидѣтели были выбраны по указанію самой Клопотовской; оказалось, послѣ тщетнаго изслѣдованія, что убитый умеръ отъ горячки; одинъ изъ крестьянъ Клопотовской, выказывавшій болѣе другихъ энергіи и настойчиво утверждавшій при доносѣ противное, былъ закованъ, получивъ предварительно публично нѣсколько ударовъ изъ рукъ становаго, а убійцы и ихъ сообщники разошлись, — одни считать деньги и благодарить Бога за хорошее дѣльцо, другіе продолжать начатое и постараться поскорѣе отнять у крестьянъ введшихъ ихъ въ расходъ, послѣдній кусокъ хлѣба, хорошо увѣренные, что послѣдняя уничтоженная попытка надолго лишитъ крестьянъ всякой энергіи. И это дѣлается въ 1858 г., въ ста верстахъ отъ Одессы, въ ста верстахъ отъ васъ, графъ, и вы ничего объ этомъ не знаете и ничего не узнали бы, еслибы не вздумалось неизвѣстному вамъ человѣку разсказать это вамъ.

Мнѣ описывалъ это дѣло человѣкъ добросовѣстный, слышавшій его отъ очевидцевъ и лицъ, замѣшанныхъ въ него; всѣ помѣщики и крестьяне въ одинъ голосъ разсказывали ему дѣло такъ, какъ я передаю его вамъ. И между тѣмъ прошло болѣе полугода, онъ, при всемъ своемъ негодованіи противъ такого возмутительнаго поступка, не рѣшился передать его вамъ, хотя и считаетъ васъ человѣкомъ честнымъ, и вѣроятно это дѣло не дошло бы до васъ, еслибы я не узналъ его случайно и не рѣшился сообщить его вамъ. Да, графъ, какъ хотите, а это грустный и говорящій фактъ: васъ знаютъ съ хорошей стороны, а между тѣмъ вамъ не рѣшаются открыть глаза въ дѣлѣ, которое вамъ неизвѣстно... И знаете-ли почему это? Все тоже отсутствіе гласности, дающее тысячу средствъ мошенникамъ покрывать свои преступленія и зажимающее ротъ честному человѣку. Вѣдь то, чему были свидѣтелями

(*) Искренно благодаримъ К. О. за присылку письма и за тѣ прекрасныя строки, при которыхъ онъ его прислалъ. И—ръ.

Digitized by Google

сотни людей, происшествіе извѣстное цѣлому уѣзду, вѣдь его, кажется, можно доказать, вѣдь оно случилось среди бѣла дня и не подлежитъ сомнѣнію? А попробуйте, докажите-ка у насъ, гдѣ, я увѣренъ, и слѣдствіе, судя по бумагамъ, произведено самымъ правильнымъ образомъ, и исправникъ, и стрячій, вѣроятно присутствовали и подписали дѣло, и подъ присягу свидѣтели подведены были,—затроньте такое дѣло, и обвинятъ васъ въ доносѣ, въ возведеніи небылицъ на честныхъ людей. Вотъ причина почему вы, графъ, многаго и многаго не знаете и вотъ почему я пишу вамъ это, не подписывая имени... И знаете-ли графъ, вѣдь вы сами не можете надѣяться добиться истины, поведя дѣло юридически. Таково извращеніе у насъ всѣхъ общественныхъ понятій, что вамъ, если вы захотите не оставить этого дѣла, нужно дѣйствовать революціонными способами — единственное средство добиться истины въ безгласномъ, неограниченномъ государствѣ, гдѣ законности нѣтъ и часто бываетъ благодѣтеленъ произволъ.

Окончивая это письмо, я желалъ бы увѣрить васъ, что не желанье полиберальничать изъ-за угла, не желанье сказать вамъ нѣсколько, можетъ быть, непріятныхъ истинъ руководило мною, а желанье добиться правды и увѣренность, что вы честно стремитесь къ ней, хотя безсильны привести ее въ исполненіе.

К. О.

P. S. Одна просьба къ вамъ, графъ. У васъ на слѣдствіе обыкновенно посылается вашъ чиновникъ особыхъ порученій Христофовичъ. Если вамъ захочется узнать правду въ этомъ дѣлѣ, не посылайте его. Его не даромъ весь Херсонъ называетъ Колумбомъ за талантъ открывать пригодные для него пути въ такомъ дѣлѣ, которое и самые опытные считаютъ потерянымъ.

Крейценахъ, 1 Августа 1858.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БУДУЩЕЙ БІОГРАФІИ

ГРАФА А. ЗАКРЕВСКАГО.

(Окончаніе.)

Собравъ эти свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Закревскаго, просимъ васъ помѣстить ихъ въ Колоколѣ, въ надеждѣ, что другіе послѣдуютъ нашему примѣру и будутъ сообщать вамъ біографіи чиновъ первыхъ трехъ классовъ россійскаго государства, которыя составленныя добросовѣстно, послужатъ лучшимъ и убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ правительству, что безграмотные старики, съ испачканнымъ прошедшимъ, кромѣ вреда Россіи не въ состояніи принести ничего, что пора не задумываясь о чинѣ ставить во главы управленій людей свѣжихъ, просвѣщенныхъ и благородныхъ. Душевно сожалѣемъ, что мы сообщаемъ вамъ біографію, а не некрологъ, что ненавидимый всѣми сословіями въ Москвѣ Закревскій продолжаетъ управлять ею.

Вы вправѣ спросить почему Закревскій такъ плотно сидитъ, чему приписать долготерпѣніе государя? У насъ въ Россіи цѣнятся люди не по личному ихъ достоинству, не по ихъ происхожденію даже, а по тому кому кто покровительствуетъ! Патронъ Закревскаго—Орловъ, онъ стоитъ за него, вѣроятно потому, что чухонскій графъ повинуется во всемъ князю; Орловъ по принципамъ своимъ враждебный прогрессу, начавшемуся въ Россіи, дорожитъ хитрымъ старикомъ въ Москвѣ, который въ ней подавляетъ всякое благородное и гласное сочувствіе новому правительству, заподозрѣваетъ всякое честное стремленіе, всѣхъ благородныхъ людей представляетъ какъ заговорщиковъ и бунтовщиковъ. Для враговъ прогресса, окружающихъ престолъ, человѣкъ какъ Закревскій въ Москвѣ, гдѣ сосредоточенна вся умственная дѣятельность Россіи, гдѣ еще жива національность, гдѣ не чувствуется вліяніе двора всегда деморализующее общество—кладъ! Посмотрите что онъ дѣлаетъ, чтобы заслужить милости Орлова и Ко.

Закревскій мѣшалъ цѣлый мѣсяцъ дворянству въ Москвѣ изъявить согласіе на освобожденіе крестьянъ, и только тогда былъ посланъ адресъ, когда стало извѣстно, что государь недоволенъ этой медленностью. Мы читали этотъ адресъ и увѣрены, что 2, 3 совѣщанія было бы за глаза достаточно, чтобъ написать безграмотное, трусливое согласіе, испрашивающее нѣкоторыхъ льготъ. Въ Москвѣ дано было два обѣда въ честь освобожденія крестьянъ, всѣ читали произнесенныя на нихъ рѣчи и тосты, и никто не скажетъ, чтобы въ нихъ что нибудь пахло оппозиціей. Закревскій сначала старался запретить эти обѣды, но когда въ этомъ не успѣлъ, началъ писать доносы государю, стараясь настращать его и увѣрить, что всѣ обѣдавшіе въ купеческомъ клубѣ 28 Декабря, а послѣ у г. Кокорева принадлежатъ къ какой-то партіи бунтовщиковъ. Такова нѣжная заботливость объ опасной спокойствію государства Москвѣ, вызвала нѣкоторыя смѣшныя полицейскія мѣры, напоминавшія тяжелые годы царствованія "Незабвеннаго".

Кто не знаетъ славной исторіи московскаго университета, кто не сочувствовалъ этому просвѣщенному и законному протесту университетской молодежи противъ насилія варварской московской полиціи (которую даже и Закревскій, главный ея начальникъ на этотъ разъ не старался оправдывать) всѣ радовались паденію Беринга; а между тѣмъ какія мѣры принялъ Закревскій послѣ этого урока? Въ Москву пріѣзжаетъ новый оберъ-полицмейстеръ Кропоткинъ и отдаетъ отъ себя приказъ по полиціи, требуя отъ нея вѣжливаго со всѣми обращенія. Закревскій узнавъ объ этомъ, сдѣлалъ замѣчаніе Кропоткину, поставивъ ему на видъ, чтобъ онъ не осмѣливался впредь дѣлать никакихъ распоряженій въ подвѣдомственной ему полиціи, что въ Москвѣ нововведенія неумѣстны, что ее надо держать въ ежевыхъ рукавицахъ. Къ счастію Кропоткинъ имѣлъ возможность, не выходя изъ предѣловъ подчиненности, замѣтить на эту дикую рѣчь генералъ-губернатора, что приказъ о вѣжливости отданъ былъ имъ вслѣдствіе словъ государя, лично ему сказанныхъ въ день назначенія. Закревскій долженъ былъ проглотить свой гнѣвъ, и есть надежда, что кулачное право московской полиціи выйдетъ изъ употребленія.

Прибавимъ ко всему этому искреннее желаніе, чтобъ этотъ вредный старикъ подалъ бы наконецъ въ отставку. Закревскій купилъ въ Москвѣ великолѣпный домъ, какъ нельзя больше кстати, есть куда и переѣхать, къ нему какъ къ обывателю Москва будетъ гостепріимна и проститъ его за всѣ грѣхи былыхъ временъ, за одно то, что онъ оставитъ Тверскую улицу, — да и Арсеній Андреевичъ не будетъ въ накладѣ; купцы московскіе обѣщаютъ сбавить цѣны со всѣхъ предметовъ какъ скоро кончится его генералъ-губернаторство, видно и на торговлю онъ имѣетъ благодѣтельное для всѣхъ жителей вліяніе; не подумайте, чтобы это мы говорили въ шутку, не

разъ слышали мы этотъ отвѣтъ отъ купцовъ на вопросъ — почему въ Москвѣ все вздорожало.

Въ дополненіе къ этому интересному "житію" московскаго паши присовокупляемъ еще одинъ милый разсказъ однаго изъ нашихъ корреспондентовъ:

"Колоколъ" показалъ намъ графа Закревскаго какъ смышленаго суконнаго поставщика, но и въ другихъ торговыхъ дѣлахъ онъ не меньше оказываетъ таланта. Года два тому назадъ онъ продалъ рощу въ Подмосковной на срубъ. Купецъ Розоновъ, (имѣвшій нужду въ покровительствѣ его сіятельства по части лѣсной торговли), является къ нему и предлогаетъ, если еще есть время, дать двойную цѣну противъ другаго покупателя. Графъ немедленно возвратилъ полученный задатокъ и перепродалъ Розонову рощу. Зимой на бѣду дрова страшно вздорожали въ Москвѣ и лѣсники нагло и явно наживались, наконецъ Закревскій въ трогательной попечительности своей о жителяхъ столицы, собралъ къ себѣ лѣсниковъ и по сатрапскому обыкновенію своему, не входя ни во что, сталъ ихъ бранить и ругать. Вдругъ изъ толпы выступаетъ Розоновъ. "Не мы въ томъ виноваты, в. с., а помѣщики, страшно дорого лѣса продаютъ, вотъ хоть для примѣра лѣсъ, что у в. с. я купилъ, мнѣ въ чистый убыкокъ,—извольте любую десятину приказать срубить въ дрова и привести на рынокъ въ Москву и расчесть по ней что мнѣ она приходится съ дорогимъ теперешнимъ провозомъ".

"Графъ радостно принялъ этотъ опытъ, устроилъ комитетъ изъ своихъ чиновниковъ, и оказалось дѣйствительно, что сажень однополенная приходилась Розонову въ Москвѣ чуть ли не 13 руб. сер.,—Графъ убѣдился, что дрова дешевле продавать нельзя."

IN RE-РОСТОВЦОВА ПРОТИВЪ РОССІИ.

(письмо къ издателю.)

Милостивый Государь,

Вашъ Колоколъ часто звонитъ къ молебну; пришла пора, что онъ скоро долженъ будетъ звонить къ панихидѣ. Россіи угрожаетъ бѣдствіе, котораго послѣдствія будутъ для нея пагубны. Достовѣрно извѣстно, что знаменитый 'энтузіастъ'—Іаковъ Ростовцевъ въ скоромъ времени будетъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Передать дѣло объ освобожденіи крестьянъ въ руки, которыя первыя свили веревку для пяти мучениковъ русской свободы, 14 Декабря 1825 года, есть уже намѣреніе неблаговидное, замыселъ, скрывающій за собою отступленіе отъ первоначальной мысли, событіе роковое и зловѣщее. Но истинное бѣдствіе состоитъ еще не въ одномъ этомъ. По предложенію Ростовцева и подъ его руководствомъ изготовленъ Уставъ Военнаго Управленія всею Россіею. Въ каждый городъ будетъ посаженъ особый военный начальникъ, которому подчинятся всѣ мѣстныя городскія и уѣздныя власти, всѣ безъ изъятія суды, и учрежденія, всѣ способы и орудія торговли, промышленности, мысли, словомъ вся русская жизнь. Вы знаете каковы вообще наши начальники: штатскіе по крайней мѣрѣ берутъ взятки за то, чтобы не дѣлать зла по данной имъ власти; они торгуютъ возможностью вреда, какъ купецъ товаромъ; они открыто говорятъ: дай денегъ, будешь сытъ и спокоенъ; не дашъ, — погублю и раззорю. Но военные несравненно хуже: при совершенномъ невѣжествѣ и тупоуміи, которое съ младенчества имъ прививается въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, этихъ разсадникахъ рабства, состоящихъ подъ главнымъ начальствомъ тогоже іезуита-Ростовцева, наши плацъ-парадные воины всякій разъ дѣлаются неистовыми звѣрями, какъ скоро получаютъ въ свои лапы какое либо гражданское управленіе; взятокъ они берутъ вдвое болѣе чѣмъ штатскіе, сообразуясь съ масштабомъ незаконныхъ доходовъ полковыхъ командировъ, и при всемъ томъ еще наровятъ дѣлать зло по привычкѣ, по примѣрамъ видѣннымъ съ дѣтства и по убѣжденію, что строгость необходима для порядка. Казарменная или казематная дисциплина имъ кажется единственнымъ средствомъ управлять людьми; инаго они не знаютъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о развитіи народной жизни изъ среды самой себя и не учась ни исторіи, ни правамъ естественному и римскому, ни даже русскому законовѣденію,—предметамъ изгнаннымъ и частію искаженнымъ въ програмахъ военно-учебныхъ заведеніи. (*) Что же будетъ съ бѣдной матушкой Россіей, когда цѣлая стая подобныхъ вороновъ налетитъ на каждую кучку русскихъ людей, собравшихся въ городишко или деревушку? Вся Россія обратится въ одно военное поселеніе и кто же спасетъ ее отъ новаго Аракчеева, который готовится въ лицѣ Іакова Іоановича Ростовцева?

Вотъ уже четвертый годъ, какъ вся Россія молится: "спаси отъ бѣдъ рабы твоя Александръ Николаевичь! побѣды благовѣрному народу на супротивныя свободѣ даруя и охраняя просвѣщеніемъ жительство". Но, кажется, все къ тому клонится, что рано-ли, поздно-ли, вашъ Колоколъ нехотя зазвонитъ къ панихидѣ по матушкѣ Россіи. Все у насъ видимо рушится, во всемъ неурядица, новыхъ дѣятелей нѣтъ, а николаевскіе лакеи по прежнему заслоняютъ царя отъ народа и народъ отъ царя.

Къ печальному явленію, выше мною переданному, не могу не сообщить вамъ и другія новости, не менѣе прискорбныя.

Печатать всякаго рода сужденія о такъ называемомъ крестьянскомъ вопросѣ, какъ въ отдѣльныхъ, такъ и въ спеціальныхъ журналахъ запрещено. Дозволяется только хвалить програму, составленную евреемъ Позенымъ и дополненную Іаковымъ Ростовцовымъ; программа эта названа Програмою занятій губернскихъ дворянскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Надобно замѣтить, что Позенъ, нѣкогда составитель Свода Военныхъ Постановленій, т. е. Заповѣдей Николая Павловича, а теперь—Моисей въ отставкѣ, давно уже добивается попасть на какое нибудь почетное кресло подлѣ трона: подаетъ государю разные проэкты, составляетъ предположенія, пишетъ записки, имѣлъ даже два-три личные доклада, но всѣ его происки до сихъ поръ оставались безъ послѣдствій; на бѣду теперь онъ черезъ посредство Ростовцева успѣлъ пустить въ ходъ (жаль, что не въ Черное морѣ) свою выше сказанную программу, а эта программа такова, что крѣпостное право остается во всей своей прежней силѣ, лишь только запутанное разными никому ненужными нововведеніями; самые же губернскіе комитеты, учрежденные съ цѣлію обсудить освобожденіе крестьянъ, обращаются въ статистическіе комитеты новаго, особаго рода.

(*) Въ слѣдующемъ письмѣ я сообщу вамъ новыя подробности объ этихъ программахъ.—"Колоколъ" проситъ покорно весь текстъ ихъ.—Ред.

Безалаберность иностранной цензуры испытали мы недавно; въ минувшемъ Апрѣлѣ, когда должность предсѣдателя комитета иностранной цензуры исправлялъ Дукчита-Дукчинскій, книгопродавцы готовы были запереть свои лавки, потому что онъ запрещалъ такія книги, которыя свободно продавались не только за день до вступленія его въ должность, но даже и во времена "Незабвеннаго".

Другія новости оставлю до другаго раза.

Примите увѣреніе въ чувствахъ того высокаго уваженія, которое можетъ только питать рвущійся на свободу рабъ къ человѣку свободному и полному энергіи.

БУМАГИ ИЗЪ ПОРТФЕЛЯ ПОТЕРЯННАГО КУРЬЕРОМЪ НА ДОРОГѢ ИЗЪ КОМИТЕТА МИНИСТРОВЪ * ВЪ ДОМЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

Мысли и предположенія на случай если оправдается слухъ о назначеніи меня министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Я полагалъ бы :

1. Заграничные паспорты замѣнить отпусками. Отпускъ до 28 дней включительно, выдавать безденежно. За отпускъ свыше 28 деней взыскивать за каждую недѣлю по 10 р. с. Свидѣтельство о болѣзни должно быть подписано тремя извѣстными медиками, а для женщинъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и повивальною бабкой. Подписи удостовѣряются въ посольствѣ съ приложеніемъ казенной печати.

2. Дабы никто не могъ воспользоваться чужимъ отпускомъ, миссія при предъявленіи ей отпуска, обязана спросить начальство выдавшее оный, дѣйствительно-ли предъявитель отпуска есть то самое лице, которому оный былъ выданъ, (подобное распоряженіе министра юстиціи уже сдѣлано).

3. Для предупрежденія разнообразія въ распоряженіяхъ по однороднымъ предметамъ, каждая миссія обязана составлять по прилагаемой формѣ еженедѣльныя вѣдомости о дѣлахъ назначенныхъ къ разрѣшенію и посылать оныя во всѣ прочія миссіи.

No. по входящему регистру.	Чье дѣло.	Краткое содержаніе дѣла.
37,699.	Сардинскаго подданнаго Маріо ди Каттара.	О награжденіи бриліянт. перстенемъ за поднесеніе государю императору книги.

4. Для избѣжанія утраты конвертовъ отправляемыхъ изъ миссіи въ министерство, рапортъ или отношеніе и каждое приложеніе къ оному, запечатывать въ особый пакетъ, т. е. если посылается 1 рапортъ и 4 приложенія, то помѣщать ихъ въ 5 пакетахъ (подобное распоряженіе сдѣлано по министерству юстиціи). Для большей осторожности можно каждый листъ запечатывать въ особый пакетъ или даже сократить форматъ бумаги, чтобъ увеличить число пакетовъ.

5. При телеграфической корреспонденціи, по отправленіи перваго слова, ожидать увѣдомленія по телеграфу же о полученіи онаго и тогда уже, а отнюдь не прежде, посылать слѣдующее слово.

6. Весьма полезно было бы завести при министерствѣ юстиціи школу для обученія голубей для перенесенія депешей изъ С. Петербурга въ миссіи и обратно. Они могли бы замѣнить курьеровъ и отсутствіе телеграфовъ въ военное время. Центральную голубятню можно бы устроить на адмиральтейскомъ шпилѣ или на Александрійской колоннѣ или надъ кабинетомъ министра. Предоставить директору школы писарей при министерствѣ юстиціи, составить проэктъ устава и препроводить оный на разсмотрѣніе къ директору Педагогическаго Института, Ив. Ив. Давыдову.

7. Предписать всѣмъ начальникамъ миссій, чтобы въ случаѣ появленія эпидемическихъ болѣзней, свойственныхъ тому краю, немедленно шили фланелевыя фуфайки (подобное распоряженіе по министерству юстиціи) или такія холстинныя форменныя полукафтаны, а въ случаяхъ особенной важности, и нижнее платье и обувь, руководствуясь при выборѣ матерій признаками болѣзни, средней темпаратурой воздуха и мѣстными обычаями. Само собою разумѣется, что расходы на сіи предметы должны быть производимы съ надлежащей бережливостью и подробные отчеты въ израсходованныхъ суммахъ представляемы въ министерство съ надлежащими удостовѣреніями и росписками въ полученіе поставщиками и мастеровыми денегъ. Въ случаяхъ нетребующихъ безотлагательнаго принятія такихъ мѣръ, испрашивать предварительно разрѣшенія министра съ приложеніемъ подробныхъ смѣтъ и справочныхъ цѣнъ. Отъ его усмотрѣнія зависѣть будетъ предоставить постройку одежды начальнику миссіи, или, для поощренія отечественной промышленности, произвесть оную въ С. Петербургѣ изъ произведеній россійскихъ фабрикъ.

8. Составъ всего министерства перемѣнить постепенно, замѣняя настоящихъ чиновниковъ другими, мнѣ извѣстными. Министерству нужны орудія исполняющія волю министра, покоряющіяся оной безпрекословно во всякомъ случаѣ. Чиновники воображающіе, что они полезны для службы или нужны, не могутъ быть терпимы на службѣ. Должно искоренять превратныя понятія о службѣ. Престолу и отечеству служатъ одни министры, всѣ прочіе чиновники служатъ каждый своему непосредственному начальнику (директоръ департамента—министру, начальникъ отдѣленія—директору, столоначальникъ—начальнику отдѣленія и т. д.

ПРИМѢЧАНІЕ НА ПОЛЯХЪ.

Сообразить, не слѣдовало ли бы каждаго чиновника приводить къ присягѣ его непосредственному начальнику. Само собою разумѣется, что форма присяжныхъ листовъ должна быть въ такомъ случаѣ измѣнена. (Смотри въ концѣ примѣчаніе No. 1).

9. Учредить при министерствѣ секретную школу для преподаванія правилъ редакціи денешей, которыя должны быть составляемы такъ, чтобы смыслъ оныхъ былъ сокрытъ, чтобъ онѣ имѣли видъ безсмыслицы, дабы министръ имѣлъ всегда возможность :

а) Объяснять ихъ по обстоятельствамъ и по своему усмотрѣнію.

б) Оправдывать кабинетъ передъ другими державами.

в) Подвергать посланниковъ отвѣтственности и удаленію отъ должности.

Школу сію поручить М. И. Топильскому подъ непосредственнымъ наблюденіемъ министра.

10. При каждомъ посольствѣ имѣть достаточное число секретныхъ агентовъ (шпіоновъ) отъ 1 до 250, мужескаго и женскаго пола. Въ сію должность избирать людей самой чистой нравственности и пользующихся общимъ ува-

* Не изъ сумашедшаго-ли дома?—Ред.

Digitized by Google

женіемъ, преимущественно изъ высшихъ сановниковъ и аристократическаго круга, а также изъ ученыхъ, литераторовъ и артистовъ. Нельзя однакожъ отрицать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могутъ приносить пользу женщины, снискивающія себѣ пропитаніе непотребствомъ.

11. По незначительности занятій секретарей посольствъ, неимѣющихъ постоянныхъ, опредѣленныхъ обязанностей, поручить имъ прочтеніе всѣхъ выходящихъ книгъ, съ обязанностью составлять изъ нихъ извлеченія, которыя препровождать ежемѣсячно въ министерство. Сверхъ того каждая миссія должна представлять еженедѣльно фотографическое изображеніе примѣчательнѣйшаго происшествія для составленія особой книги подъ заглавіемъ: Альбомъ министра иностранныхъ дѣлъ.

12. Для опредѣленія на дипломатическія мѣста имѣть въ виду:

1. Степана Ив. Аѳонасенко.
2. Николая Эммануиловича Путилова.
3. Ивана Матѳеевича Лилаева.

Они должны выучиться основательно французскому, нѣмецкому и англійскому языкамъ, на каковой предметъ назначить имъ 6 мѣсячный срокъ, по примѣру срока опредѣленнаго для занятій комитетовъ для улучшенія быта крестьянъ.

4. Ивана Демьяновича Булычева.

Михаила Ивановича Топильскаго, необходимаго для моихъ домашнихъ дѣлъ и хозяйственныхъ порученій, назначить въ должность товарища министра.

13. Поручить С. И. Аѳанасенко составить формы всѣхъ реэстровъ и вѣдомостей, которыхъ, по моимъ соображеніямъ, должно быть по меньшей мѣрѣ 300. О политическомъ положеніи государствъ и о россійскихъ подданныхъ должны быть представляемы еженедѣльныя вѣдомости по излагаемой формѣ. (Приложенія No. 2, 3, 4.)

Приложеніе 1.

Форма присяжнаго листа для чиновниковъ непосредственно подъ начальствомъ министра состоящихъ:

Я нижеименованный обѣщаюсь и клянусь въ томъ, что хощу его сіятельству (имя, отеч. и фам.) г. министру своему непосредственному начальнику вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться и покоряться, не щадя никакой части тѣла своего, ни живота своего, до послѣдней капли крови, и всѣ высокой его сіятельства силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, а равно и неузаконяемыя, но по усмотрѣнію его сіятельства себѣ присвояемыя и установляемыя, предостерегать и оборонять и при томъ споспѣшествовать все что его сіятельство вѣрной службы и хозяйственной пользы въ домашней жизни касаться можетъ. О ущербѣ же его сіятельства, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, заблаговременно объявлять и всякими мѣрами отвращать и не допущать, и всякую ввѣренную мнѣ тайность и денежную сумму на покупку съѣстныхъ припасовъ, лакомствъ и другихъ предметовъ для его сіятельства и членовъ его семейства, крѣпко хранить буду и такимъ образомъ себя весть и поступать какъ вѣрному его сіятельства холопу благопристойно есть и надлежитъ и какъ я предъ управляющимъ III отдѣленіемъ собственной е. и. в. канцеляріи въ томъ всегда отвѣтъ дать могу.

Приложеніе 2.

А. Еженедѣльная перечневая вѣдомость о политическомъ и соціальномъ положеніи.

	Императоровъ.	Королей.	В. Герцоговъ.	Герцоговъ.	Шаховъ.	Президентовъ.	Монархистовъ.		Республиканцевъ.		Соціалистовъ.	
							М. п.	Ж. п.	Крас	Син.	Фур.	Ком.
Къ... числу оставалось												
въ теченіи недѣли прибыло												
„ „ убыло												
Къ... числу остается												

Приложеніе 3.

	Заговоровъ противъ верх. вла.		Дипломатическихъ	
	Съ взрывами.	Безъ взрывовъ.	Обѣдовъ.	Раутовъ.
Въ теченіи недѣли было.				

Состоящій въ должности посланника . . . Исправляющій должность состоящаго въ должности совѣтника . . . Исправляющій должность 1го секретаря...

Приложеніе 4.

В. Еженедѣльная вѣдомость о россійскихъ подданныхъ проживающихъ въ . . .

Имя, отечество и фамилія.	Званіе.	Лѣта.	Гдѣ воспитывался.	Съ кѣмъ знакомъ и къ какой партіи принадлежатъ знакомые.	Если посѣщаетъ курсы, то какіе именно и изъявляетъ ли на оныхъ удовольствіе и неудовольствіе.	Нѣтъ ли въ одеждѣ особенностей обнаруживающихъ образъ мыслей.	Если покупаетъ книги и гравюри, то какія именно.	Съ кѣмъ въ перепискѣ.	Сколько расходуетъ денегъ и если можно, показать на что именно.	Не долженъ ли кому и сколько.	Носитъ ли бороду, и буде носитъ, то какую: взерошa, или остроконечную.

Исправляющій должность совѣтника посольства... Исправляющій должность 2го секретаря... Исправляющій должность 1го и 2го секретарей, въ должности 3го секретаря.....

Сверхъ подписи означенныхъ лицъ должно быть удостовѣреніе по долгу присяги и чистой совѣсти трехъ или, по крайней мѣрѣ двухъ россійскихъ подданныхъ, извѣстныхъ посольству съ отличной стороны.

СМѢСЬ.

МАРКЪ-ТУЛІЙ-СУХОЗАНЕТЪ.

Сухозанетъ оставляя военное министерство, произнесъ цицероновскую рѣчь при прощаніи съ своими подчиненными —онъ ею изумилъ точно также, какъ при вступленіи своемъ въ министерство изумилъ приказомъ, которымъ извѣщалъ о принятіи имъ должности.

"Государь императоръ, "приказывалъ" тогда Сухозанетъ, по случаю празднованія всерадостнѣйшаго дня для всей Россіи, дня восшествія своего на прародительскій престолъ, всемилостивѣйше изволилъ назначить меня военнымъ министромъ. Ура! Боже царя храни!"

Вотъ, какъ намъ передали, прощальная рѣчь его къ подчиненнымъ:

"Прошу васъ, господа, служить усердно и блистательно,

Digitized by Google

чтобъ каждый изъ васъ былъ проникнутъ однимъ только долгомъ службы, а не мелкими надеждами на повышеніе и награды; берите въ примѣръ государя, который служитъ Россіи и не ожидаетъ получить за это ни чиновъ, ни орденовъ!"

Произнеся послѣднія слова, Сухозанетъ, не измѣняя ни лица, ни голоса, обратился къ одному изъ чиновниковъ своей канцеляріи и спросилъ его: "А послали-ли вы въ государственное казначейство бумагу о скорѣйшей присылкѣ денегъ мнѣ и моему брату?"

Онъ выпросилъ у государя себѣ 100,000 рублей на поѣздку за границу въ трехъ-мѣсячный отпускъ и брату своему, женатому на богатой княжнѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской и имѣющему милліонъ рублей дохода, безсрочный отпускъ съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ, арендъ и двойныхъ квартирныхъ денегъ!.....

БЕЗОБРАЗНОЕ ОКОНЧАНІЕ ХАРЬКОВСКОЙ СТУДЕНТСКОЙ ИСТОРІИ.

Черный кабинетъ побѣдилъ и тутъ. Какъ далеко ушли въ реакцію Александръ Николаевичь и Ковалевскій со временъ московской исторіи! Тринадцать студентовъ исключены, 4 съ опубликованіемъ, чтобъ ни одинъ университетъ ихъ не принималъ, остальные съ правомъ поступить черезъ годъ въ какой хотятъ университетъ—за симъ всеобщій выговоръ. За недостаткомъ положительныхъ обвиненій, брали степень дерзости въ отвѣтахъ, во время слѣдствія, за доказательство!! Что за патріархальная тупость, что за деспотическій развратъ! И такъ молодежъ пожертвована пустому, бездарному, ничтожному попечителю, этой лунѣ петербургскаго Зиновьева. Старшій мѣшаетъ просвѣщенію Наслѣдника, болѣе скромный меньшой—просвѣщенію харьковскаго округа!

О Ковалевскій! Ковалевскій! Вы напоминаете намъ одного сельскаго попа, который писалъ помѣщику въ отвѣтъ на его вопросъ, достоенъ ли дьячекъ, чтобъ хлопотать о его постановленіи діакономъ: "Человѣкъ онъ смирный, но не безъизвѣстно вашему высокородію — что honores mutant mores!"

Ну а Оберъ-форъ-шнейдеръ просвѣщенія, что онъ дѣлаетъ во всемъ этомъ, какъ онъ рѣжетъ его крылушки и подаетъ?.. Небось Жуковскій заставлялъ же Александра Николаевича читать Шекспира; Генрихъ V, только будучи цесаревичемъ кутилъ съ Фальстафомъ, а какъ поступилъ въ цари, то ужъ не за столомъ и не на кухнѣ сталъ искать товарищей просвѣщенія.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ ІЕЗУИТИЗМА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Ревность о Господѣ раба божія Григорія, митрополита С. петербургскаго, все болѣе и болѣе выступаетъ изъ предѣловъ храма Божія. Успѣшно поставивъ плотины злохульственному распространенію геологическихъ свѣдѣній, усердіе Архипастыря нынѣ бросилось на торжища, изгоняя изъ оныхъ продавцевъ повремянницъ свѣтскаго гнилословнаго содержанія. Спира града св. Петра, внявъ гласу пастыря, воспретила продажу журналовъ на стогнахъ. Не тому ли же столпу твердому, поддерживающему адамонтовый сводъ — православныя церкви — мы обязаны глупымъ въ разумѣ, но мудрымъ въ вѣрѣ объясненіемъ, бывшемъ въ русскихъ газетахъ, что безъ вселенскаго собора нельзя измѣнить грубую астрономическую ошибку мѣсяцослова. Поистинѣ глаголю вамъ, братія, что могутъ значить дванадесять дней — предъ вѣчностію райскаго вселенія.

Люди благочестивые совѣтовали намъ оставить въ покоѣ ангельскій чинъ, мы слушались ихъ, — но вѣдь для этого и ангельскому чину не слѣдуетъ переходить въ полицейскій. Живые мертвецы такъ хорошо вѣка цѣлые представляли настоящихъ, что стоило продолжать. Вдругъ какая то богоусердная муха кольнула ихъ, и они вообразили себѣ туда же, что они будучи ангелами, могутъ быть квартальными и не только мѣшаться въ дѣла вѣчныя, но и въ дѣла временныя. Нѣтъ, господа живые мертвецы, мы не католики, у насъ своихъ, настоящихъ жандармовъ довольно, чтобъ имѣть еще іезуитскихъ, на постномъ маслѣ, да на семинарской реторикѣ! Ходите въ вашихъ маскарадныхъ платьяхъ по монастырскому двору, издавайте для взаимнаго возбужденія ваши "яхонтовые цвѣты православнаго благочестія," "вѣчноцѣлѣбное и изумрудное млеко Богородицы за ны точимое" и прочія нелѣпости, но не мѣшайтесь въ наши дѣла, а то какъ бы мы міряне не приподняли немного ваши рясы!

ЕЩЕ И ЕЩЕ РАЗЪ.

Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ извѣщаетъ насъ, что въ нѣкоторыхъ частныхъ анекдотахъ вкрались у насъ погрѣшности. Жалѣемъ отъ всей души, и охотно готовы помѣщать всякую поправку, дополненіе, объясненіе, такъ какъ мы напечатали защиту г. Сечинскаго. Намъ сказывали, что г. Закревскій, слѣдуя примѣру краснорѣчиваго полицмейстера, хотѣлъ что-то прислать, и мы приготовили нашу лучшую сажу, чтобъ отпечатать его статью, но онъ еще ее не присылалъ.

У насъ нѣтъ личностей, большая часть чиновниковъ, о которыхъ мы пишемъ, совершенно намъ неизвѣстна, мы съ честной цѣлью печатаемъ объ нихъ. На дняхъ мы получили на пр. очень интересную статью о новой отрасли торговли почтовыми мѣстами, устроенной въ западныхъ губерніяхъ статскимъ совѣтникомъ Ганъ, подъ высшимъ начальствомъ Прянишникова. Подробности до того живы, рѣзки, что трудно сомнѣваться, и мы въ одномъ изъ листовъ Колокола напечатаемъ ихъ, предоставляя Гану и Прянишникову возражать; они могутъ быть увѣрены, что если ихъ возраженія будутъ сколько нибудь человѣчески написаны, мы ихъ помѣстимъ. А публика пусть судитъ. Въ этомъ то и состоитъ гласность.

До частныхъ дѣлъ мы не касаемся никогда, а если говорили о Минѣ Ивановнѣ, то вѣдь это не частное, а публичное дѣло. Марія же Бредау у насъ являлась болѣе какъ блюстительница нравовъ, какъ лице административное и юридическое, снабжающая публику удовольствіями, а полицію свѣдѣніями.

Тѣмъ не меньше мы еще и еще разъ просимъ тѣхъ, кому дорога гласность нами открытая, кому дорогъ нашъ органъ, быть очень осторожными, сообщая намъ новости, — ничѣмъ нельзя больше лишить "Колоколъ" его силы, какъ заставляя его повторять неосновательные слухи и ложныя вѣсти.

И—ръ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

No. 23 & 24. THE BELL SEPTEMBER 15, 1858.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна (за двойной листъ) 1 ш. Получается въ Вольной Русской Типографіи—2, Judd Street, Brunswick Square, *W. C.*

ЛИСТЪ 23 & 24.

15 Сентября 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 17, Frith Street, Soho Square, London. Price one shilling (2 sheets).

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЯ.

Закревскій — доставилъ въ таможню списокъ лицъ, съ строжайшимъ предписаніемъ по возвращеніи въ Россію обыскать ихъ и доставить ихъ письма и бумаги въ третье отдѣленіе.

Не смѣемъ печатать имена, но просимъ, умоляемъ всѣхъ молодыхъ Москвичей, возвращающихся на печальную родину нашу, не брать съ собой ничего запрещеннаго, никакихъ бумагъ.

Въ какую грязь, въ какую мерзость влекутъ государя эти гнусные шпіоны, эти сыщики, эти Закревскіе... Да и что же въ самомъ дѣлѣ Государь-то самъ? Доброе сердце, благія намѣренія, кроткой взглядъ,—все это очень хорошо, но всего этого мало. Теперь не до сентиментальности. Мы наканунѣ министерства Ростовцова, (а можетъ и Липранди), наканунѣ раздѣленія Россіи на пятнадцать пашалыковъ, въ каждомъ изъ которыхъ будетъ по Закревскому, по $\frac{1}{15}$ Тимашева, съ маленькими третьими отдѣленьицами, съ уѣздными конторками шпіонства . . . да вѣдь при этой кротости придется задохнуться.

Мы каемся передъ Россіей въ нашей ошибкѣ. Это то же николаевское время, но разварное, съ патокой.

А этотъ сѣдой клевретъ, маститой доносчикъ,—неужели на нихъ нѣтъ и смерти, если нѣтъ у нихъ раскаянія передъ [illegible]?

ИСКАНДЕРЪ.

Старшій чиновникъ III отдѣленія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гедерштернъ, путешествуетъ по Европѣ съ спеціально-учеными цѣлями.

УДѢЛЬНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ НЕ ОСВОБОЖДЕНЫ.

Я виноватъ передъ читателями. Поспѣшность, съ которой хочется радостно принять все, что въ Россіи могло случиться хорошаго, ввела меня въ ошибку. Я не понялъ сразу указа объ удѣльныхъ крестьянахъ, и напечаталъ ему въ 21 листѣ Колокола удивительную похвалу. Послѣ, перечитывая указъ, я увидалъ, что я непростительно увлекся; онъ этой хвалы не стоитъ. Помѣщикъ Романовъ нисколько не даетъ своей земли удѣльнымъ крестьянамъ; онъ только разрѣшаетъ имъ владѣть ихъ собственною землею, которую они купили на свои деньги, но на имя департамента удѣловъ, потому что удѣльные крестьяне лично, на свое имя не имѣли право покупать земли. Разрѣшить имъ это право со стороны государя, не есть еще великодушный поступокъ, который бы служилъ примѣромъ упорно-жадному дворянству; этотъ поступокъ былъ просто обязанностью честнаго человѣка — не присвоивать себѣ чужаго. Съ горестью беру назадъ сказанное похвальное слово и откровенно каюсь передъ читателями. Каюсь тѣмъ болѣе, что и при разрѣшеніи удѣльнымъ крестьянамъ права покупать на свое имя земли и продавать ихъ, сказано, что въ обоихъ случаяхъ, т. е. при покупкѣ или продажѣ, они предварительно должны извѣщать мѣстный удѣльный приказъ. И государь думаетъ, что мѣстный удѣльный приказъ не найдетъ средствъ прижать крестьянина, выдумать препятствія его желанію и вмѣсто того, чтобы просто принять извѣщеніе, дать ему дозволеніе распорядиться своимъ достояніемъ, стянувъ за это дозволеніе елико возможную взятку? Ошибается государь. Въ этой маленькой фразѣ о предварительномъ извѣщеніи —кроется неодолимый поводъ къ грабительству. Удѣльнымъ приказомъ распоряжается грабящій и сѣкущій голова и пьяный писарь; к[illegible]е заступится за мужика? Неужто депутатъ? Повѣрьте: [illegible] депутатъ, ни самая контора, ни самый департаментъ. Взятка пойдетъ дѣлиться выше, и за мужика никто не вступится. Мы можемъ только однимъ утѣшиться: не много удѣльныхъ крестьянъ лично владѣютъ землями; у большей части не на что купить, но не смотря на то, удѣльное вѣдомство и этихъ неимущихъ грабитъ, потому, что цѣль этого вѣдомства, равно какъ и всѣхъ другихъ вѣдомствъ въ государствѣ — грабить. А то къ чему бы и чиновничество? Грабежъ это порядокъ, а чиновничество существуетъ для порядка.

Освобожденіе удѣльныхъ крестьянъ—значило бы уничтоженіе департамента удѣловъ со всѣми его конторами, депутатами, насильно выбранными головами, словомъ всего, что удѣльному мужику дышать не позволяетъ. Нѣтъ, нѣтъ! горько я ошибся: нѣтъ освобожденія!

Digitized by Google

Другая половина указа, гдѣ дозволенъ переходъ удѣльныхъ крестьянъ въ мѣщане и купцы, конечно очень облегчаетъ такой переходъ и сбавкою податей и немного большею свободой отдѣльнымъ крестьянамъ двигаться и устроивать свою судьбу. Но прочитавъ правила о переходѣ, опять останавливаешся съ изумленіемъ:

1ое правило:

"Удѣльнымъ крестьянамъ предоставляется право переходить въ городскія сословія и другія сельскія состоянія, какъ семействами, такъ и отдѣльными лицами, съ разрѣшенія начальства."

Да когда же у насъ скажутъ, что начальство не имѣетъ права запрещать подобнаго перехода!? Сказать глухо: съ разрѣшенія начальства значитъ допустить, чтобы начальство не разрѣшало безъ всякаго законнаго основанія, т. е. чтобы оно разрѣшало только за взятку. Въ этомъ правилѣ не сказано на какомъ основаніи начальство можетъ разрѣшить или не разрѣшить. Слѣдственно допущенъ совершенный произволъ начальства. Искусно составляются у насъ законы! Ну, а если начальство не разрѣшитъ, куда пойдетъ мужикъ жаловаться? Суда на начальство нѣтъ; онъ пойдетъ жаловаться высшему начальству того же вѣдомства, которое оправдаетъ не мужика, а своего чиновника. Бѣдный мужикъ!

Между тѣмъ по 2му правилу всѣ законныя основанія на замедленіе или недозволеніе перехода предоставлены разсмотрѣнію мірскаго общества. Если мірское общество не найдетъ за переходящимъ въ другія сословія ни рекрутскихъ очередей, ни недоимокъ, ни долговъ и пр., то оно даетъ увольненіе: за чѣмъ же тутъ еще разрѣщеніе начальства? Надо было напротивъ того сказать, что, если мірское общество дало увольнительный приговоръ, то начальство не имѣетъ права не разрѣшать. Если общество дало приговоръ по мимо учрежденныхъ правилъ—пусть оно отвѣчаетъ своимъ карманомъ; повѣрьте, что общество не подкупишъ, и оно за переходящее лицо платить не захочетъ; а начальство всегда задержитъ переходъ чтобы взять взятку.

Но въ этихъ законныхъ основаніяхъ для недозволенія перехода находится слѣдующее:

"Наконецъ въ приговорахъ на переходъ въ городскія сословія удостовѣряется: е) что перечисляющійся не принадлежитъ къ раскольничьимъ сектамъ, коимъ переходить въ городское общество воспрещено."

Тоже и для женщинъ.

Желалъ бы я знать, что это правило противъ православія или въ пользу православія? Еслибъ это было въ пользу православія, то нельзя было бы терпѣть подобныхъ раскольниковъ и между удѣльными крестьянами. Почему же удѣльные крестьяне могутъ быть раскольниками, а городскіе обыватели не могутъ?

Да перестаньте же преслѣдовать раскольниковъ! Не преслѣдуете же вы ни Турокъ, ни Татаръ, ни идолопоклонниковъ и никакихъ иныхъ иновѣрцевъ: чѣмъ же виноваты только Русскіе, что они не такъ крестятся или какъ нибудь молятся по своему? Оставте православіе напутствовать людей словомъ божіимъ. Зачѣмъ унижать христіанство — до того, чтобы оно себя отстаивало посредствомъ полицейской власти и палачей?

Кто изобрѣтаетъ всѣ эти стѣснительныя правила? Все эти вѣшающіе Муравьевы, Панины, Орловы и тому подобные, все люди ненавидимые въ Россіи, опозоренные въ глазахъ образованнаго міра?

4ое правило, что еслибы общество, не смотря на отсутствіе препятствующихъ законныхъ причинъ, стало отказывать въ увольнительномъ приговорѣ, то удѣльная контора можетъ выдать свидѣтельство отъ себя. Очень хорошо! Но дайте же обществу право, если контора не разрѣшаетъ перехода безъ достаточныхъ законныхъ причинъ, выдать увольнительный приговоръ отъ общества и чтобъ онъ имѣлъ законную силу.

Удѣльные крестьяне были такъ переименованы изъ казенныхъ крестьянъ, помнится, императоромъ Павломъ. Зачѣмъ же теперь продолжать фантазіи его кратковременнаго царствованія? Что за смыслъ имѣютъ удѣльные крестьяне? Государь, который можетъ самовластно распоряжаться государственными доходами, вдругъ присвоиваетъ особо себѣ съ семействомъ клочекъ изъ государственныхъ земель и населеній: на что это ему? Онъ и безъ того можетъ взять себѣ изъ государственныхъ сборовъ сколько ему угодно, да и народъ не пожалѣетъ дать ему огромное жалованье, лишь бы онъ дѣйствовалъ въ смыслѣ народной пользы. Зачѣмъ же тутъ удѣльные крестьяне? Удѣльныя имѣнья—это non-sens.

Перечислите удѣльныхъ крестьянъ со всѣми ихъ землями, а также и помѣщичьихъ крестьянъ съ ихъ землями,—къ казеннымъ, т. е. вольнымъ крестьянамъ, да и уничтожте министерство государственныхъ имуществъ; тогда крестьяне въ Россіи будутъ дѣйствительно освобождены, даже не подумаютъ ни о какомъ бунтѣ, а только благословятъ своего освободителя.‡

Н. ОГАРЕВЪ.

ОПОЗДАВШІЯ ПИСЬМЫ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.(*)

1.

Къ 17 Апрѣля, дню рожденія государя, ожидали много перемѣнъ. Общественное мнѣніе заранѣе называло новыхъ министровъ, новыхъ генералъ-губернаторовъ; говорили: и Закревскій прочь, и Игнатьевъ прочь, и чуть не всѣ министры прочь, и Ланской и Панинъ и Сухозанетъ. Никогда еще не бывало столько слуховъ и толковъ на счетъ будущихъ назначеній: явное доказательство какъ надоѣли всѣ эти государственные инвалиды русскому обществу, которое одушевлено теперь одною мыслію — мыслію прогресса, разумнаго движенія впередъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ государственной машинѣ двигаться впередъ, когда къ ней припрягли людей, которые тридцать лѣтъ только и дѣлали, что зажмуривши глаза, мало по малу пятились ракомъ къ тому омуту взяточничества, невѣжества, беззаконія и самоуправства, въ которомъ погибли Севастополь и политическое значеніе Россіи и чуть было не погибла сама Россія. Слухи на счетъ 17 Апрѣля не оправдались. Все осталось по старому; отысканъ только какой-то затерявшійся въ толпѣ придворныхъ тайный совѣтникъ оберъ-форшнейдеръ, который, вѣроятно за свое искуство разрѣзывать кушанье при царскомъ столѣ, назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Мило! Остались на своихъ мѣстахъ и Закревскій съ Игнатьевымъ и Ланской съ Панинымъ. Чтобы государю хоть бы первую-то парочку

‡ Кстати—правда-ли, что у крестьянъ приписанныхъ къ Павловску, отняли землю, которой они всегда пользовались съ вѣдома Константина Николаевича?

(*) Не смотря на то, что письмы эти опоздали четырьмя мѣсяцами и нами только что получены, мы думаемъ что читатели наши будутъ довольны тѣмъ, что мы помѣщаемъ ихъ.

подарить общественному мнѣнію? Отчего бы не ознаменовать ему день своего рожденія этою новою милостью русскому народу. Обѣ столицы искренно поблагодарили бы его за освобожденіе ихъ отъ этихъ фельдфебелей, которые и прежде не годились па генералъ-губернаторскія мѣста, а теперь уже рѣшительно никуда не годятся, которые не помощники, а помѣха всякому доброму начинанію. Закревскій по крайней мѣрѣ сдѣлалъ одну уступку вѣку — рѣшился показать, что понимаетъ потребности современной эпохи—дозволилъ играть органамъ въ трактирахъ, а Игнатьевъ ничего не понимаетъ, да и понять не хочетъ, кромѣ одного только, что онъ генералъ-адъютантъ, генералъ - лейтенантъ, генералъ - губернаторъ и слѣдовательно, какъ тройной генералъ, можетъ позволять себѣ сумазбродства втрое болѣе каждаго обыкновеннаго генерала. Закревскій, пользуясь тѣмъ, что Москва въ шести стахъ верстахъ отъ Петербурга и слѣдовательно ее не видать изъ Зимняго дворца, ведетъ свои дѣла en grand, разыгрываетъ роль паши явно, ломитъ все передъ собой какъ медвѣдь въ лѣсу, а Игнатьевъ, нѣсколько стѣсненный видомъ Зимняго Дворца, пытается играть туже роль по мелочамъ, изъ-подтишка, пытается и конечно то и дѣло спотыкается, но все таки не отказывается отъ своего турецко-генеральскаго образа дѣйствій. Вотъ нѣсколько примѣровъ :

Петербургское купечество, по случаю бракосочетанія в. к. Михаила Николаевича, отправилось во дворецъ съ поздравленіемъ и хлѣбомъ и солью. Депутація состояла изъ градскаго главы и первостатейныхъ негоціантовъ, въ числѣ которыхъ былъ и банкиръ Штиглицъ. Великій князь принялъ депутатовъ благосклонно, обласкалъ ихъ и наговорилъ имъ множество любезностей. Депутаты были въ восторгѣ отъ такого пріема, уже отправились было домой, но тутъ случился Игнатьевъ. "Ступайте въ ту залу, сказалъ онъ, и ждите меня." Депутаты пошли по указанію. Игнатьевъ не замедлилъ явится къ нимъ и началъ рѣчь ex abrupto, безъ всякихъ предисловій. "Вы монополисты, вы дѣйствуете безчестно, вы портите моихъ чиновниковъ, вы ихъ подкупаете," и пошелъ и пошелъ. Что именно говорилъ разъяренный генералъ-губернаторъ, передать трудно, да вѣроятно онъ и самъ того не знаетъ. Онъ давно задалъ себѣ темою разругать с. петербургское купечество и, воспользовавшись тѣмъ, что представители этого сословія собрались вмѣстѣ, дѣйствительно разругалъ. Штиглицъ открылъ было ротъ, чтобы отвѣчать что-то Игнатьеву, но грозное "молчать!" остановило краснорѣчіе банкира. Разруганные купцы вышли изъ дворца, по русскому обычаю, только почесывая въ затылкѣ.

Если вникнуть въ дѣло, то можно найти причину этой брани, причина — Городская Дума, которая генералъ-губернатору какъ бѣльмо на глазу. Это учрежденіе, составленное на основаніи новаго порядка, изъ 600 лицъ, выбранныхъ отъ всѣхъ городскихъ сословій, единственное изъ подвѣдомственныхъ генералъ - губернатору управленій, которое не позволяетъ ему распоряжаться по произволу. Въ другихъ городахъ, гдѣ городскія думы оставлены въ прежнемъ устройствѣ и состоятъ изъ полдюжины купцовъ, начальники губерній имѣютъ обыкновеніе таскать представителей купечества за бороды, и этимъ способомъ достигаютъ такихъ рѣшеній думы, какихъ желаютъ, ну а въ Петербургѣ, при новомъ устройствѣ думы, такая простая система администраціи не совсѣмъ то примѣнима. Нѣсколько сотъ бородъ разомъ даже и русской генералъ-губернаторской рукой не захватишь. Игнатьевъ чувствуетъ, что не въ силахъ одолѣть Думы и потому придирается къ ней по мелочамъ. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о какой либо новой предлагаемой думою мѣрѣ для общественной пользы, онъ видитъ не эту пользу, а только ущербъ своей власти, мѣшаетъ дѣлу сколько можно и кляузничаетъ какъ подьячій. Какихъ же послѣ этого ждать улучшеній Петербургу когда главный начальникъ города препятствуетъ имъ ради своихъ мелочныхъ видовъ. Придирки его къ распоряженіямъ Думы доходятъ до комическаго, до ребяческихъ продѣлокъ, которыя приличны школьнику, а не старцу и въ добавокъ еще старцу, поставленному въ главѣ столицы и цѣлой губерніи. Онъ пріѣхалъ какъ-то осмотрѣть зданіе думы. Придраться при такомъ осмотрѣ кажется уже не къ чему. Рядъ обширныхъ, изящныхъ залъ, назначенныхъ для засѣданія представителямъ каждаго сословія, и одна общая зала для собранія всѣхъ сословій вмѣстѣ—полы натерты, стѣны чисты, сторожа на своихъ мѣстахъ. Какихъ тутъ искать безпорядковъ. Но бдительное начальническое око видитъ все. На этотъ разъ оно увидѣло, что въ общей залѣ мѣста для 12 старшинъ выше прочихъ двумя ступеньками. "Зачѣмъ эти двѣ ступеньки?" спросилъ Игнатьевъ. "Для старшинъ, отвѣчали ему, которые по роду своихъ занятій, должны въ общемъ собраніи видѣть всѣхъ присутствующихъ, слѣдить за тѣмъ, кто изъ членовъ подаетъ то или другое мнѣніе, считать голоса и проч." "Покажите мнѣ законъ, который дозволялъ бы эти ступеньки?" "Закона такого нѣтъ, потому что Дума учрежденіе новое, да едва ли бы законъ упомянулъ такія вещи, точно также какъ не упомянулъ о ширинѣ сидѣній, цвѣтѣ мебели и сторъ и тому подобныхъ мелочахъ. Впрочемъ нѣтъ и закона, который воспрещалъ бы эти ступеньки." "Сломать, непремѣнно сломать. Я не могу позволить такихъ безпорядковъ."

На другой день гражданскій губернаторъ, Смирновъ, вѣрный сеидъ Игнатьева, явился въ Думу ломать ступеньки. Чѣмъ же болѣе и заниматься гражданскому губернатору въ настоящее время преобразованій, какъ не подобными важными реформами. Смирновъ понимаетъ свое назначеніе.(*) Однакожъ судьба спасла ступеньки отъ погибели : оказалось, что онѣ соединены съ возвышеніемъ, на которомъ помѣщенъ портретъ государя въ огромной великолѣпной рамѣ съ рѣзными, соотвѣтствующими картинѣ аттрибутами и занимающими собою всю стѣну. Надо было производить передѣлку съ подряда. Такъ далеко вести дѣло генералъ-губернаторъ не думалъ. Онъ хотѣлъ только пошалить. Свою злобу противъ ступенекъ, онъ перенесъ на стулья. Ихъ сняли съ возвышенія. Старшины сидятъ теперь гдѣ-то въ углу, какъ дѣти за наказаніе, посаженныя за черный столъ. О неудобствахъ такого помѣщенія для порядка засѣданій нечего распространяться; да и что за забота генералъ-губернатору о совѣщаніяхъ? Хоть бы ихъ совсѣмъ не было. Отъ нихъ то ему подъ часъ и тошно.

Вотъ другой случай посвѣжѣе и гораздо почище. Одинъ изъ помянутыхъ старшинъ, нѣкто Малковъ, назначенъ былъ Думою для раздачи извощикамъ жестяныхъ ярлыковъ. Со стороны генералъ-губернатора при этой раздачѣ присутствовалъ маіоръ Поповъ. Что за личность этотъ маіоръ Поповъ, не знаемъ. Достаточно сказать, что маіоръ и кандидатъ на полицейскія должности. По закону жестянки могутъ быть

(*) Не съ тѣхъ-ли поръ какъ онъ въ Калугѣ разругалъ какого-то помѣщика, принявъ его за становаго. За что былъ пресмѣшно проученъ?—Ред.

Digitized by Google

выдаваемы извощикамъ не моложе 16 лѣтъ отъ роду. Недостигшимъ этого возраста запрещается заниматься извозомъ. Является малый и требуетъ жестянку. Не извѣстно по чему наружность его показалась Попову слишкомъ молодою. Малковъ хотѣлъ выдать извощику жестянку. Но Поповъ воспротивился. Напрасно Малковъ утверждалъ, что свидѣтельство представленное извощикомъ въ порядкѣ, что по этому свидѣтельству извощику значится болѣе шестнадцати лѣтъ и слѣдовательно, по закону, дума не имѣетъ права отказывать ему въ жестянкѣ. Поповъ требовалъ, чтобы выдача была остановлена и произведено слѣдствіе. Малковъ совершенно справедливо замѣтилъ, что останавливать выдачу до производства слѣдствія, не законно, что такимъ образомъ рискуютъ извощика оставить безъ промысла на продолжительное время, тогда когда ему дорогъ каждый день, и прекративъ свое занятіе, онъ можетъ совершенно рззсориться. "Все, что можно сдѣлать, говорилъ Малковъ, это записать имя извощика и произвести слѣдствіе отдѣльно. Если окажется, что свидѣтельство фальшивое, тогда отобрать у него жестянку и оштрафовать его." Но маіоры точно также какъ и генералъ-губернаторы не хотятъ знать законовъ. Онъ передалъ извощика городовому и отправилъ его къ отцу, съ тѣмъ, чтобы послѣдній сказалъ точно ли сыну его 16 лѣтъ. Какова маіорская наивность! Какое основаніе предположить, что отецъ, еслибы свидѣтельство было и въ самомъ дѣлѣ не вѣрное, не станетъ поддерживать своего сына. Малковъ противился и этой нелѣпой мѣрѣ, но маіоръ одолѣлъ. Пространствовавъ цѣлый день по городу съ полицейскимъ, извощикъ возвратился въ думу: отецъ объявилъ, что сыну его дѣйствительно 16 лѣтъ. Извощикъ получилъ жестанку, но Поповъ въ своей маіорской гордости былъ оскорбленъ тѣмъ, что Малковъ, купецъ, осмѣлился спорить съ нимъ.

По окончаніи раздачи жестянокъ, онъ рапортовалъ генералъ-губернатору, что Малковъ возставалъ противъ его распоряженій и бунтовалъ извощиковъ, совѣтуя имъ идти искать справедливости у царя. Игнатьевъ въ ту же ночь потребовалъ, чтобы градской глава Алферовскій доставилъ къ нему Малкова живаго или мертваго. Бунтъ и еще извощичій! Какъ же не спѣшить остановить пламя, пока оно не разлилось по всей Россіи? О прогрессъ, о которомъ мы такъ много толкуемъ! Чему удивляться болѣе, безумію или безправію?

Алферовскій привезъ Малкова. Послѣдній объяснилъ генералъ-губернатору, что исторія о возбужденіи имъ извощиковъ къ бунту чистѣйшая выдумка, что онъ ссылается на всѣхъ бывшихъ въ залѣ и навѣрно каждый изъ нихъ подтвердитъ, что ничего подобнаго имъ говорено не было. Игнатьевъ ничего и слышать не хотѣлъ. Разбранилъ Малкова и посадилъ его на двѣ недѣли на гауптвахту, нисколько не обращая вниманія на то, что Малковъ членъ думы, старшина, что онъ безъ суда и слѣдствія не подлежитъ оштрафованію, что подобною генеральскою мѣрою оскорбляетъ въ лицѣ Малкова все сословіе, избравшее его въ свои представители, что наконецъ или что прежде всего генералъ-губернаторъ по закону не имѣетъ права дѣйствовать такимъ образомъ.

Освобожденный изъ подъ ареста, Малковъ подалъ жалобу на генералъ-губернатора въ сенатъ. Не извѣстно чѣмъ дѣло кончится. Хорошо если сенатъ приметъ сторону обиженнаго и противузаконно наказаннаго купеческаго старшины. А если нѣтъ, что и вѣроятнѣе, потому что генералъ-губернаторъ сенаторамъ близкій человѣкъ и самъ членъ государственнаго совѣта, который выше сената. Куда тогда подать аппелляцію на такое рѣшеніе. Развѣ только въ "Колоколъ"?

2.

Милостивый государь,

Изданія ваши у насъ рѣдки; переходя изъ рукъ въ руки, онѣ не долго остаются въ однѣхъ рукахъ. Вотъ почему въ настоящее время, когда мнѣ необходимо указать вамъ на нѣкоторыя мѣста въ нихъ, я не могу сдѣлать ссылки, и долженъ ограничиться общимъ изложеніемъ.

Дѣло въ томъ, что въ нихъ начинаютъ раздаваться гимны придержащимъ; что это такое? Каковы дѣйствія этого разнаго государственнаго сора и хлама, который давитъ бѣдную Россію—вы не знаете настолько, чтобы позволить себѣ писать похвалы имъ въ вашихъ изданіяхъ, гдѣ похвала незаслуженная вреднѣе неправаго порицанія, потому что она болѣе или менѣе имѣетъ характеръ примиренія съ существующимъ порядкомъ управленія, съ людьми стоящими во главѣ этого управленія. Если же вы точно изслѣдовали глубину ихъ достоинствъ, то что вы хотите сдѣлать для нихъ вашими похвалами? Если вы думаете этимъ возвысить ихъ въ общемъ мнѣніи, то ошибаетесь. Народъ самъ находитъ хорошихъ и дорогихъ ему людей, но не въ книгахъ, а на дѣлѣ, и на слово никому не вѣритъ; для царя на этотъ разъ ваша рекомендація вѣроятно не будетъ имѣть значенія оракула, а сами несчастные хвалимые мужи, какъ мы имѣли случай удостовѣриться, скорѣе боятся, чѣмъ желаютъ похвалъ такого опаснаго человѣка. Скажите же, положа руку на сердце, основательно ли вы поступили, взявши на себя столько рѣшимости хвалить и сравнительно съ этимъ дозволяя себѣ также смѣло, какъ вы хвалите сильныхъ сего міра, смягчать, урѣзывать, помѣщая въ вашихъ изданіяхъ, или даже вовсе не помѣщать, посылаемыя вамъ изъ Россіи статьи о нашей всеобщей безконечной мерзости, отъ тѣхъ же сильныхъ земли Русской?

По какому праву берете на себя роль цензора—вы, который такъ недавно проповѣдывалъ, что въ вашихъ изданіяхъ будетъ помѣщена всякая статья лишь бы она не клонилась къ поддержанію существующаго порядка въ Россіи, объявляя при томъ торжественно, что роль цензора была вамъ всегда ненавистна. Вы становитесь теперь не только цензоромъ, но и судьею автора статьи, по одному ни на чемъ не основанному сомнѣнію, недовѣрію, не имѣя данныхъ къ опроверженію фактическаго содержанія статей, которыхъ распространеніе первая необходимость для спасенія Россіи, потому что только обнародованіе фактовъ, вырываемыхъ изъ канцелярскихъ вертеповъ и извѣстныхъ не многимъ, въ состояніи раскрыть глаза толпѣ, разшевелить ее или по крайней мѣрѣ разбить очарованіе, производимое на нее существующимъ понятіемъ о важности государственнаго управленія. Куда прикажете обратиться, если для подобныхъ статей нѣтъ мѣста въ вашихъ изданіяхъ? Зачѣмъ же вы призывали насъ, разбудили, разшевелили и потомъ бросили насъ, убили въ насъ всѣ порядочныя надежды. Затѣяли дѣло—и назадъ, не смѣете сказать свободно слово какъ будто вы подъ русскимъ гнетомъ. Статьи ваши ограничиваются нѣсколькими остротами, шутками надъ какими нибудь убитыми богомъ Закревскимъ, Сухозанетомъ, а не разсказами фактическими о глупостяхъ этихъ пошлыхъ людей или мерзостяхъ подобныхъ имъ санов-

Digitized by Google

никовъ. Шутки шутками, но прежде всего давайте факты: факты будутъ дѣйствовать сильнѣе шутокъ.

Вы скажете, можетъ быть, что достовѣрность помѣщаемаго въ вашихъ изданіяхъ—главное ихъ достоинство, дающее имъ значеніе, и потому вы не хотите допустить въ нихъ неправды. Но почему же вы думаете, что все помѣщенное до сихъ поръ въ вашихъ изданіяхъ, присланное къ вамъ изъ Россіи, несомнѣнная истина? Не могли же вы ничѣмъ повѣрить такихъ фактовъ, какъ исторіи: Янсонъ или студентовъ съ полиціею въ Москвѣ, а помѣстили въ "Колоколъ," и повѣрьте не ошиблись, напротивъ, много помогли вашему благородному дѣлу обоими разсказами, приводящими въ ужасъ и внушающими омерзеніе къ нашей полиціи и вообще къ управленію. Не безпокойтесь за истину; народъ нашъ будетъ критикомъ сообщаемыхъ ему фактовъ, онъ чутьемъ отыщетъ правду. Эта правда на спинѣ его.

И такъ видите, что вы или не можете ничего или должны все помѣщать въ вашихъ изданіяхъ получаемое изъ Россіи; это все не ваша собственность, а достояніе всей Россіи, подлежитъ не вашей, а общей критикѣ, и отнимая у народа эту его собственность, вы отнимаете у него шагъ къ прогрессивному движенію. Но вы не цензоръ и не отвѣтчикъ за факты, да и странно думать принять на себя такую неисполнимую обязанность; если же полагаете, что читатели не въ состояніи понять этого, то никто не мѣшаетъ вамъ оговориться. Отъ похвалъ вашихъ лицамъ перейдемъ къ похваламъ распоряженіямъ. Эта статья важнѣе первой и въ ней-то слѣдовало бы вамъ быть осторожнѣе на расточеніе похвальныхъ листовъ, иначе вы тотчасъ попадетесь въ просакъ. Скорѣе брань, нежели похвала; въ первой вы не сдѣлаете ошибки, а въ послѣдней можетъ-ли быть случай, гдѣ бы вы не ошиблись? Вы объясняете нѣкоторыя, въ сущности человѣчныя, распоряженія началами благородства и гуманности, которыя приписываете настоящему правительству. Странно, какъ вы такъ скоро забыли начала нашего правленія, а кажется довольно имѣли случаевъ съ ними познакомиться. И на основаніи какихъ данныхъ вы вдругъ снабжаете насъ такими качествами, которыя и теперь приводятъ въ трепетъ всю Россію, которая слово гуманность ненавидитъ, а благородство считаетъ принадлежностью офицерскаго чина. Не странно-ли послѣ этого видѣть вашу тароватость на похвалы такимъ, по вашему, гуманнымъ въ самомъ основаніи, распоряженіямъ правительства, которыхъ истинныхъ отнований вы не знаете. Возьмемъ объясненія ваши по случаю уничтоженія званія кантонистовъ и военныхъ поселеній.

Извѣстно, что никакая важная мѣра не предпринимается безъ расчета, и заслуга здѣсь въ томъ, по какимъ основаніямъ принята мѣра и по какому разумному ходу событій или случайности она возникла. Вотъ отвѣтъ, въ истину котораго можетъ вѣрить самый отчаянный скептикъ: По случаю обуявшей наше правительство, еще со временъ достойной памяти Николая Павловича, страсти и помѣшательства къ сокращенію расходовъ уменьшеніемъ штатовъ присутственныхъ мѣстъ, (изъ которыхъ нѣкоторыя и признаны потому не нужными, а прежде и до этой поры считались очень нужными), велѣно закрыть департаментъ военныхъ поселеній и предметы его занятій распредѣлить по другимъ департаментамъ министерства. Такъ какъ существованія этого департамента продлить на долгія лѣта было уже не возможно и чиновный людъ видѣлъ, что за него уже стоять нечего, то и предали его на посрамленіе, объявивъ царю, что нѣтъ никакого расчета держать батальоны кантонистовъ и военныхъ поселеній, и что отъ нихъ чистый убытокъ, а пользы ничего. Вывели даже цифры, (вотъ она повинная). Дѣло о сокращеніи расходовъ пошло успѣшно. Департаментъ военныхъ поселеній уничтоженъ. Вмѣсто его существуютъ три управленія, и всѣ—вмѣстѣ будутъ больше его. Два изъ нихъ называются временными, а какъ они временны можно видѣть изъ того, что въ штатѣ временнаго комитета по устройству южныхъ военныхъ поселеній, составленномъ самимъ дѣлопроизводителемъ этого комитета, назначенъ разрядъ пенсій по этой должности; пенсіи же по послѣдней должности дѣлаются прослужившимъ въ ней не менѣе 5 лѣтъ. И такъ за существованіе комитета въ теченіе этого срока можно быть покойнымъ. Такъ какъ на свѣтѣ ничего нѣтъ вѣчнаго, то не потому-ли этотъ комитетъ, какъ и другіе, ему подобные, называются временными?

Ради Бога не облагороживайте произвольными вашими толкованіями дѣйствій нашего правительства, неспособнаго ни на какое сколько нибудь разумное, раціональное дѣйствіе, не говоря уже о благородствѣ, которое было бы основою онаго. Или вы забыли насъ, или любовь къ отечеству, удаленіе отъ него, рисуетъ вамъ Русь другими красками, чѣмъ въ опыя блаженныя времена въ бозѣ почившаго. Успокойтесь, у насъ все также хорошо, по своему хорошо. Послѣ морознаго царствованія Николая, настала александровская оттепель, весна не весна, а такъ: то погрѣетъ, отпуститъ, то снова подморозитъ, попридержитъ, точь въ точь петербургская весна; а между тѣмъ живительное слово прорвавшееся на свѣтъ безъ всякаго правительственнаго разрѣшенія, стало грѣть и живое и мертвое; распустилась наша обильная неисходимая грязь. Трудъ великій, могучая воля нужны. Ихъ то нѣтъ. Правительство закоснѣло въ неспособности. Дѣйствуя въ старыхъ привычкахъ, оно какъ-то слѣпо плетется по избитой тропѣ, но лишь только обстоятельства вынуждаютъ его выйти изъ этихъ формъ, все растерялось. Полюбуйтесь тогда, что оно сотворитъ. Непріятно и грустно намъ видѣть, что вы влагаете въ ножны мечъ, поднятый для истребленія гадовъ, наполняющихъ Россію. Ни одного удара—и уже примиреніе. Не крестьянское-ли дѣло васъ обезоружило? Опять ваше увлеченіе на первомъ планѣ. Оставьте этому дѣлу идти своей дорогой, оно не только не мѣшаетъ вамъ идти своимъ путемъ, напротивъ по сущности дѣла, того требуетъ. Не приплетайте сюда и не взводите на правительство опять благородства; вспомните прежде всего, что мы Русь, а потомъ, что мы хоть и цари, а боимся топора; припомните слова царя по этому обстоятельству къ московскому дворянству передъ коронаціею. Неужели еще можно сомнѣваться? (*) Увлекаясь сердцемъ, вы ставите невольно впередъ вашу личность съ вашей теплой любовью къ Россіи, тоской по ней. Не позволяйте же этому нѣжному чувству превратиться въ слабость, которою можетъ воспользоваться казенная Россія. Вы разорвали связь съ нею; для васъ не существуетъ клочка земли, гдѣ бы вы могли здѣсь стать безопасной ногою. Ваша Россія въ вашемъ сердцѣ, въ вашей мысли. Вы живете ея будущностію; настоящее для

(*) А извѣстно ли вамъ, что въ послѣднее время крестьянскій вопросъ сдѣлалъ не шагъ впередъ, а вдругъ нѣсколько шаговъ назадъ, что новый циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ—новая уступка помѣщикамъ и новая хитрость для того, чтобъ отдалить разрѣшеніе этого вопроса на неопредѣленное время, и что

Digitized by Google

васъ исчезло. Вы объявили себя путеводною звѣздою земли русской, пророкомъ ея во спасеніе и изцѣленіе ея, страждущей, разслабленной безчисленными недугами. Вы не можете возвратиться въ Россію, потому, что возвратившись, вы не можете остаться честнымъ человѣкомъ,—вотъ къ чему поведетъ васъ примиреніе съ правительствомъ.

Грустная дѣйствительность наша убьетъ всякую мечту о счастіи, которая издалека такъ заманчива. Разочарованіе будетъ скоро и безконечно тягостно. Повѣрьте, что вамъ легче страдать тамъ, нежели намъ здѣсь. И такъ разстаньтесь съ мыслію о возвращеніи. Продолжайте добро и благородно начатое для блага Россіи дѣло. Бейте нещадно всѣхъ этихъ государственныхъ фигляровъ, злодѣевъ, вампировъ, сосущихъ кровь и поѣдающихъ плоть народа русскаго.' На казнь ихъ, на лобное мѣсто, всѣхъ одного за другимъ, наружу всѣ ихъ злодѣйства и подлости! Долой съ нихъ маску! Покажите эти пугала на посмѣшище и омерзеніе народу. Это одно спасетъ Россію. Факты, факты и факты! Не бойтесь ихъ — все въ Колоколъ. Еще разъ не будьте ценсоромъ; дайте мѣсто и право критикѣ; она оцѣнитъ по достоинству и вкравшуюся ложь тотчасъ отдѣлитъ отъ истины. Примите же этотъ опытомъ и убѣжденіемъ рожденный совѣтъ братьевъ вашихъ по духу, горячо васъ любящихъ и искренно преданныхъ дѣлу прогресса любезнаго нашего отечества.

С. Петербургъ, Мая 1858.

Вотъ вамъ еще нѣсколько новостей въ подтвержденіе сказаннаго. 1. Кавелинъ отставленъ отъ мѣста преподавателя при наслѣдникѣ за свою статью объ освобожденіи крестьянъ, (самаго невиннаго свойства) помѣщенную въ 'Современникѣ' и едва было не лишился каѳедры въ университетѣ. 2. Одинъ молодой человѣкъ возвращавшійся изъ за границы и имѣвшій при себѣ нѣсколько экземпляровъ "Колокола," схваченъ въ Кронштадтѣ, выдержанъ нѣсколько недѣль въ III отдѣленіи и отправленъ на службу на Кавказъ въ линейные баталліоны. Онъ везъ Колоколъ для себя, а Долгоруковъ придалъ этому дѣлу значеніе пропаганды. 3. Вся Россія въ скоромъ времени будетъ раздѣлена на генералъ-губернаторства, каждое изъ нѣсколькихъ губерній, а губернія раздѣлятся на уѣздныя начальства. Тѣ и другіе начальники съ огромнымъ содержаніемъ. Цѣль этого проэкта, авторъ котораго Іаковъ Ростовцевъ, доставить правительству возможность охранять общественное спокойствіе и слѣдить за состояніемъ умовъ въ Россіи. Ради этого, генералъ-губернаторамъ ассигнуются огромныя суммы въ ихъ безотчетное распоряженіе для содержанія шпіонства всѣхъ родовъ. Проэктъ уже вносится въ государственный совѣтъ и утвержденіе его не подлежитъ сомнѣнію, потому что это утвержденіе одна только формальность. Онъ уже просмотрѣнъ и одобренъ государемъ. Вотъ начнется порка! Поищите во всемъ этомъ прогресса, можетъ быть вы будете счастливѣе насъ, а у насъ это слово теперь не употребляютъ иначе какъ иронически.

не одна уже благородная личность, принявшая, подобно вамъ, дѣйствія правительства по крестьянскому дѣлу, за чистую монету, и вздумавшая добросовѣстно помогать ему, попалась въ ловушку, и жестоко поплатилась за свою ошибку. Восторгъ охладѣлъ. У насъ теперь всѣ ясно видятъ, что правительство на сторонѣ помѣщичьей партіи, что оно съ радостію отказалось бы отъ своихъ невинныхъ затѣй по дѣлу объ освобожденіи крестьянъ, и осталось при существующемъ порядкѣ, еслибы кто могъ указать ему вѣрное средство сохранить этотъ порядокъ безъ опасенія народнаго волненія. Къ счастію такого средства нѣтъ и вотъ гдѣ наши надежды, а не въ благородствѣ правительства. Да! правительство тянетъ дѣло назадъ и разные Орловы, Ростовцовы, Долгоруковы, Гагарины, словомъ весь главный комитетъ по крестьянскому дѣлу съ дѣлопроизводителемъ своимъ Бутковымъ заранѣе торжествуетъ. Извѣстно ли вамъ наконецъ, что крестьянскій вопросъ вызвалъ въ ценсурѣ не малое число нелѣпыхъ строгостей, достойныхъ царствованія Николая?

— От редакціи.— Помѣщая это письмо, какъ довольно рѣзкій отголосокъ мнѣнія, которое мы не можемъ не уважать, мы не думаемъ ни возражать на него, ни начинать полемики. Но считаемъ себя въ правѣ сдѣлать нѣсколько очень короткихъ замѣчаній.

Внося въ наше дѣло безусловную искренность и безпредѣльное желаніе блага Россіи, мы привѣтствовали отъ души Александра II, когда онъ началъ освобожденіе крестьянъ и рядъ реформъ. Напрасно авторъ письма видитъ въ этомъ какую-то заднюю мысль—'возвращенія.' Мы ничего личнаго не вводили въ наши публикаціи. Какъ ни тяжела разлука съ роднымъ краемъ, но мы никогда не купимъ уступкой убѣжденій право возвращенія. Казалось бы, что это довѣріе мы заслужили.

Далѣе мы совершенно не согласны съ авторомъ, что наша обязанность — все печатать что намъ присылаютъ, безъ малѣйшихъ измѣненій, урѣзываній. Эту "смѣлость" мы будемъ имѣть, и никакъ не считаемъ "достояніемъ" Россіи всякую всячину, которую намъ посылаютъ. Мы не знаемъ редакціи въ мірѣ, которая бы безъ разбора согласилась печатать грамотныя и безграмотныя статьи, иногда полныя личностями, иногда неосторожностями, которыя вздумаютъ ей посылать. Колоколъ въ такомъ случаѣ придется перевернуть и сдѣлать изъ него яму, въ которую безъ разбора будутъ сыпать хорошія вещи и соръ.

"Пророкомъ" мы себя не выдавали, и не знаемъ къ чему эта иронія изъ дружескаго стана; ценсоромъ быть непріятно, но на редакціи лежитъ нравственная отвѣтственность, которую она принимаетъ.

Въ сомнительныхъ случаяхъ мы часто останавливались. Но почему же—желаетъ знать авторъ письма,—одной вѣсти мы вѣрили, а другой нѣтъ? Между прочимъ укажемъ ему на одинъ изъ критеріумовъ: часть свѣденій прислана намъ при письмахъ отъ лицъ совершенно знакомыхъ намъ, и съ ихъ удостовѣреніемъ, на пр. исторія Сечинскаго и Кочубея; не ясно-ли, что мы менѣе боимся печатать эту часть.

Мы готовы открыть въ Колоколѣ новую 'Книгу обличеній' и печатать въ ней частныя дѣла, процессы, злоупотребленія и проч., на томъ условіи, на которомъ это дѣлаетъ "Теймсъ". Пусть редакціи будетъ извѣстно имя посылающаго. Его никто, никогда не узнаетъ, но, если новость обличится совершенно ложной или искаженной, то по требованію обвиненнаго, мы напечатаемъ имя.

Надѣемся, что авторъ письма съ тѣмъ же добродушіемъ прочтетъ эти строки, съ какимъ мы прочли его письмо, и не откажетъ намъ въ сочувствіи во имя общаго дѣла нашего.

И—ръ.

ПЛАНТАТОРСКІЙ ЖУРНАЛЪ ЖЕЛТУХИНА.

(письмо изъ провинціи.)

Это письмо я намѣренъ посвятить исключительно крестьянскому вопросу. Боюсь навести уныніе частымъ повтореніемъ одного и тогоже. Но можетъ быть письмо мое и будетъ интересно; передо мною лежатъ журналы, спеціально посвящен-

Digitized by Google

ные крестьянскому вопросу и не специяльно. Чего въ нихъ нѣтъ!.... Ежелибы я не былъ такой устойчивый, или можетъ быть легковѣрный, то непремѣнно упалъ бы духомъ и притомъ разъ навсегда, что называется безъ возстанія; но я сержусь, ругаюсь, упаду духомъ, полежу немножко, опять встаю, представляя такимъ образомъ дикаго звѣря, запертаго въ клѣткѣ, лишеннаго возможности идти войной на всѣхъ и на каждаго, чувствующаго свое безсилие и въ минуты бѣшенства грызущаго клѣтку или собственную свою лапу.

Помѣщики призваны къ рѣшенію важнаго вопроса, ихъ 170,000 однихъ главъ семействъ, не считая чадъ ихъ, тоже взрослыхъ и тоже съ чинами въ различныхъ хлѣбныхъ должностяхъ; это-то ватага консерваторовъ составляетъ оппозицію правительству. Въ противоположномъ лагерѣ стоятъ 2—3 писателя, порядочное число говоруновъ и тьма равнодушныхъ. Силы какъ видите не равныя, побѣда консерваторовъ несомнѣнна. Сначала министерскими циркулярами консерваторы сильно были приведены въ замѣшательство; послышался вопль отчаянія—но душа душѣ вѣсть подаетъ скоро—составилась компактная масса, поняли другъ друга и компанія открыта; все идетъ стройно послѣдовательно, вопль отчаянія замѣнился самодовольной улыбкой, означающей сознанную силу. Консерваторы имѣютъ свой органъ, это "Журналъ Землевладѣльцевъ," издаваемый консерваторомъ-помѣщикомъ Желтухинымъ. Первый померъ полученъ мною. Въ предисловіи издателя обнаруживается вся тактика и помѣщики имѣютъ знамя, подъ которымъ выступаютъ смѣло. Вамъ въ отдаленности будетъ любопытно узнать пріемы н о в а г о о р г а н а и потому я не скупясь на слова и на бумагу, познакомлю васъ, чтобы и вы знали подробно, что дѣлается на Руси. Помѣщики, какъ и слѣдуетъ ожидать, составляютъ самый закоснѣлый классъ русскаго народонаселенія, а потому и пріемъ ихъ отзывается этимъ коснѣніемъ. Лесть правительству расточается щедрою рукою, самыя отсталыя понятія пересыпаются возваніями къ человѣколюбію, справедливости и милоросердію.

"Просто и прямо взялся за это громадное дѣло нашъ возлюбленный г о с у д а р ь, съ увѣренностью въ успѣхъ, непонятною только для тѣхъ людей, которые привыкли все рѣшать однимъ умомъ, безъ участія с е р д ц а, безъ истинной любви и довѣрія к ъ н а р о д у, безъ надежды на пособіе с в ы ш е."

Послѣ такаго вступленія вы думаете, что дѣло идетъ о помѣщичьей душѣ и что онъ вдохновенный свыше, готовъ се отдать ближнему,—не безпокойтесь.

"Всѣ сословія призваны содѣйствовать правительству въ рѣшеніи великаго вопроса, но всѣхъ болѣе заинтересованы п о м ѣ щ и к и и и х ъ к р е с т ь я н е.

"Начнемъ съ послѣднихъ.

"Не освобожденіе ихъ или уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, какъ неправильно выражаются иностранные писатели, а за ними и нѣкоторые русскіе литераторы, указано высочайшею волею, а п р о ч н о е и п р и т о м ъ п о с т е п е н н о е у л у ч ш е н і е и х ъ б ы т а. Въ этихъ словахъ постоянно встрѣчаемыхъ во всѣхъ царскихъ рескриптахъ, во всѣхъ отношеніяхъ министра, болѣе чѣмъ п р о с т о е о с в о б о ж д е н і е...(!!) И крестьяне вполнѣ понимаютъ это; понимаютъ, что не возможно разомъ освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости; что немногія общества, не только отдѣльныя лица съумѣютъ вдругъ обойтись безъ всякой п о д д е р ж к и, защиты и руководства, которыя они привыкли находить у помѣщиковъ; что не этой опекой, не этимъ попечительствомъ т я г о т и л и с ь они, а произволомъ—равно страшнымъ для крѣпостнаго и для свободнаго человѣка; что съ достиженіемъ гражданскаго совершеннолѣтія имъ нужно пріобрѣсть умѣніе разпоряжаться собою, своей с о б с т в е н н о с і ю."

За этимъ издатель проситъ доставлять ему различныя свѣденія, пояснять ихъ пользу и пр. и пр. и пр., оканчиваетъ же слѣдующей фразой:

"Не надо забывать, что мы занимаемся у л у ч ш е н і е м ъ б ы т а!"

Дальше пошли различныя статьи, оригинальная статья, обозрѣвающая рѣчи Погодина и Кокорева (Рус. Вѣс. No. 23, 1857 года). Разбиратель этихъ рѣчей нѣкто А. Налетовъ, благодаритъ, что онъ (Погодинъ) вспомнилъ и дворянъ, "которые по призыву Д е р ж а в н ы х ъ съ в о с т о р г о м ъ шли умирать за д о б р ы й свой народъ, за дорогое свое отечество (отечество) и за любимыхъ своихъ царей. Покидали они, эти дворяне, родныя семьи свои, бросали к р о в н о е достояніе свое, оставляли и забывали все близкое свое и—умирали смертью русскою, молодецкою...."

Вы не плачете друзья?...

"Вспомнили вы (это все къ Погодину) и тѣхъ дворянъ-тружениковъ, которые отслуживъ вѣрою и правдою своему отечеству и забравшись куда нибудь въ глушь, вдаль отъ всего что называютъ свѣтомъ и его удовольствіями, возятся тамъ весь свой остальной вѣкъ съ мелочнымъ и хлопотливымъ хозяйствомъ, бродятъ тамъ съ ранняго утра и до поздней ночи и въ жарѣ и въ холодѣ и въ ненастье и ведро, по лѣсамъ, полямъ и болотамъ, и не думайте, чтобъ за охотой, какъ это принято думать,—нѣтъ, а затѣмъ, чтобы на добытыя трудомъ и лишеніями деньги воспитать дѣтей своихъ и дать въ нихъ обществу новыхъ, полезныхъ членовъ."

И на этихъ-то тружениковъ пришла невзгода. Правительство! что ты дѣлаешь? на кого ты подняло свою руку! у тебя камень а не сердце!.... Далѣе г. Налетовъ совѣтуетъ въ предъстоящемъ вопросѣ поступать б л а г о р а з у м н о, и с к р е н н о, безъ всякой односторонности.

"Въ особенности нѣкоторыя изъ этихъ условій надобно приложить къ с о в ѣ с т и т ѣ м ъ, чьихъ матеріяльныхъ интересовъ не затрогиваетъ настоящій вопросъ. Къ чему хитрить? Люди всегда останутся людьми, какъ они ни стараются прикидываться ангелами, (это называется не выдержалъ, больно ужъ того... обида большая) ихъ едва ли передѣлаете, и чужое всегда будетъ дальше отъ сердца нежели свое, а потому и разсуждать объ этомъ чужомъ какъ-то сподручнѣе, чѣмъ о своемъ. Не много найдется избранныхъ, готовыхъ добровольно принести д ѣ й с т в и т е л ь н у ю жертву на дѣло для нихъ п о с т о р о н н е е, чтобы кто ни говорилъ."

О дѣйствительной жертвѣ вы увидите впослѣдствія, гдѣ ужъ безъ церемоніи хотятъ взвалить на другіе классы, чтобы вознаградить помѣщика. Кокоревъ увлекся великодушіемъ и предлагаетъ п о т я н у т ь съ к у п е ч е с т в а д е н ь г у на дѣло устройства крестьянъ, г. Налетовъ восклицаетъ:

"Да почему же только одному купечеству Василій Александровичь?... можетъ быть, ограниченному сужденію, въ дѣлѣ столь общеполезномъ, въ такой степени человѣческомъ, приведенный вами случай возможности принять матеріяльное участіе въ облегченіи устройства судьбы крестьянъ, можетъ

Digitized by Google

быть доступенъ и не одному купечеству, а всѣмъ по мѣрѣ силъ и способовъ, не исключая и самихъ рьяныхъ и восторженныхъ глашатаевъ гуманности... но намъ сдается, что и помимо купечества найдутся такіе отдѣлы людей, которые уже въ настоящее время въ одномъ только вопросѣ объ устройствѣ положенія крестьянъ имѣютъ обильные матеріалы для извлеченія выгодъ и не маловажныхъ."

На кого это г. Налетовъ мѣтитъ?... не пойму, неужто на рьяныхъ глашатаевъ гуманности!—обложить ихъ злодѣевъ самою тяжкою податью въ пользу г. Налетова и Ко. Бѣдный Налетовъ! Труженникъ ты мой, побѣдная головушка! Далѣе г. Налетовъ сожалѣетъ о бытѣ бѣдныхъ помѣщиковъ:

"Да гг., труденъ, въ особенности труденъ быть не богатаго семейнаго помѣщика, и люди обрѣченные на этотъ быть(?) заслуживаютъ иногда кое-какого участія. Нѣтъ мм, гг., не развалясь послѣ роскошнаго обѣда въ покойныхъ креслахъ съ гаванскою сигарою въ зубахъ судить о бытѣ бѣднаго сельскаго помѣщика—нѣтъ!"

Сигару вонъ изо рта и приступите къ сужденію о бѣдномъ помѣщикѣ, забудьте вмѣстѣ съ Налетовымъ, что на одного бѣднаго помѣщика приходится по 100 бѣдныхъ крестьянъ, а троньтесь участію только помѣщика! Шутки въ сторону, представьте себѣ картину—помѣщикъ стоитъ съ разтопыренными руками и поникнутой головой, и думаетъ: крестьяне были мои, а теперь не мои! гг. побольше христіянскаго смиренія, безъ ироніи, скажите—развѣ это положеніе не возбуждаетъ въ васъ истиннаго участія? "не мои!!" да это ударъ грома! Г. Налетовъ мимоходомъ указываетъ на безнравственность крестьянъ, на толпу пьяныхъ разгуливающихъ по Петербургу даже съ камеліями, прибавляетъ: "Смѣло можно сказать, что еслибы не заботливость владѣльцевъ, входящая какъ въ охраненіе собственныхъ своихъ интересовъ, такъ..." и проч... Не будь помѣщиковъ охранителей нравственности, можно сказать смѣло крестьянское населеніе погибло бы въ развратѣ,—какъ же можно послѣ всего этого отнимать власть отъ такихъ благодѣтельныхъ людей—нельзя, никакъ нельзя!

"Къ сожалѣнію надобно еще замѣтить, что съ каждымъ молодымъ поколѣніемъ, въ нашихъ крестьянахъ все сильнѣе и сильнѣе развивается страсть къ бродячей, безсемейной жизни... Едва ли не въ этомъ обстоятельствѣ надобно искать причинъ развивающейся наклонности къ мотовству, ощутительнаго упадка нравственности, замѣтнаго сравнительно съ прежнимъ временемъ, уменьшеніе прочной зажиточности, преждевременнаго истощенія физическихъ силъ, дряблости и хилости нарождающагося поколѣнія и хотя слабо, но начинающагося проявляться ослабленія религіозности."

Картина ужасная! Правительство дѣйствительно заботится о томъ, чтобы не было бродячей жизни и для этого хочетъ крестьянъ привязать къ землѣ собственностію, а тутъ единственное средство остается полное крѣпостное право съ усиленіемъ помѣщичьей власти, она была до сихъ поръ слаба, а потому новое поколѣніе и получило наклонность къ броженію. Въ образованномъ государствѣ кочевая жизнь не должна быть терпима — правительство не во время т. е. не своевременно принялось за реформу, когда система Бориса Годунова не только что должна имѣть полную силу, но еще усугублена новыми постановленіями—внѣ крѣпостнаго права нѣтъ спасенія.

"Можетъ быть, нѣкоторые новѣйшіе писатели, неимѣющіе ровно никакой собственности, или владѣющіе домами, акціями, серіями, облигаціями и тому подобными пріятными предметами, но не населенными имѣніями, весьма легко, скоро и гуманно порѣшили бы этотъ сложный вопросъ, но мы посмотримъ лучше какъ судятъ о немъ такіе люди какъ г. Кокоревъ."

Приводится какъ смотритъ г. Кокоревъ.

"Часть убытковъ (слова Кокорева) кои понесетъ владѣлецъ имѣнія, должна быть пополнена деньгами, которыя и должны явиться отъ тѣхъ, кого этотъ вопросъ не задѣваетъ, а кому напротивъ доставляетъ выгоду!" Поясненія нѣтъ, кого именно этотъ вопросъ не задѣваетъ, г. Налетовъ умалчиваетъ, а только прибавляетъ: "Мы полагаемъ, что вышерѣченнымъ господамъ не по нутру пришлось бы осуществленіе подобнаго предложенія."

Это совершенно справедливо! Помѣщикъ изъ поколѣнія въ поколѣніе жилъ на чужой счетъ, теперь же общество все должно за это же его вознаградить какъ за какой-то героическій подвигъ—но г. Налетовъ показываетъ видъ, что обидѣлся словомъ, произнесеннымъ г. Кокоревымъ пожертвованіе.

"Мы не скроемъ, что насъ какъ-то странно поразило здѣсь слово пожертвованіе... Неужели же русское дворянство такъ привыкшее само приносить всевозможныя пожертвованія на пользу общую, будетъ поставлено со временемъ въ печальную крайность прибѣгать къ нимъ?.."

Дальше однакожъ г. Налетовъ готовъ принять и пожертвованіе... "по окончательномъ опредѣленіи и утвержденіи этихъ условій (полож. комитетовъ) общественной готовности на дѣло добра откроется обширное поле дѣйствія."

Видите, помѣщики назначатъ баснословную сумму за выкупъ какъ личности, такъ и усадебной земли (усадеб. зем. подъ однимъ дворомъ, коноп., огородомъ и проч. цѣнится около 400 руб. сер.!!) конечно крестьянинъ не въ состояніи будетъ выкупить, общество же богатый человѣкъ—внесетъ помѣщику деньги по нелѣпой оцѣнкѣ и такое пожертвованіе будетъ принято!... Эти гг. помѣщики разсматриваютъ Россію съ точки домашняго хозяйства и не признаютъ никакого другаго вмѣшательства какъ только вмѣшательство помѣщика, воображаютъ, что уничтоженіе крѣпостнаго права не имѣетъ другаго значенія какъ только нанести личную обиду (крывду) помѣщику, богъ вѣсть для чего, за вѣрную, долгую и усердную службу отечеству!

Выводится за тѣмъ расчетъ какъ общество должно выплатить помѣщику и желаніе чтобы больше нашлось ревнителей подобныхъ Кокореву, чтобы его голосъ не пропалъ втунѣ, чтобы не пришлось вспомнить басню Крылова:

А кто про доброту имъ въ уши всѣмъ жужжитъ...

Въ окончаніе статьи проглянуло что-то такое чего я и не пойму и такъ прочитаю... и съ боку посмотрю... а все не выходитъ. Судите сами о заключеніи, можетъ вы дощупаетесь до настоящаго смысла.

"Мы вполнѣ убѣждены, что гласность есть дѣло несомнѣнной важности. Но, по нашему разумѣнію, необходимо нужно: во-первыхъ (вотъ этого во 1хъ. я не понимаю), чтобы всякое мнѣніе, каково бы ни было направленіе его, находило возможность огласить себя, иначе эта гласность будетъ выраженіемъ образа мыслей не массы общества(?), а одного извѣстнаго кружка лицъ (???...) и во-вторыхъ, чтобы эта

гласность пользовалась своимъ правомъ благоразумно, помня, что всякое слово неосторожно и не своевременно сказанное (!) можетъ принести большой вредъ, даже и тѣмъ, въ пользу которыхъ оно произнесено, когда это слово предназначено для людей, стоящихъ еще на степени младенческаго развитія въ способности пониманія и обсужденія предметовъ новыхъ и незнакомыхъ (!). 'Горе человѣку, которымъ 'соблазнъ приходитъ, лучше ему повѣсить камень жерновый 'о вью свою и утонуть въ глубинѣ морской."

"Журналъ Землевладѣльцевъ" въ сущности не имѣетъ ни одной оригинальной статьи; онъ занимается разборомъ статей помѣщенныхъ въ другихъ изданіяхъ и уже по этому случаю высказываетъ свое мнѣніе. Въ статьѣ разбираемой, гдѣ стоитъ имя Чичерина, высказывается слѣдующее мнѣніе:

"Какъ совершилось прошедшее, изъ чего истекли настоящія условія—этотъ спорный вопросъ въ сторону. Теперь говоря грамматически, прежде чѣмъ думать о будущемъ совершеномъ, надо обдумать будущее не совершенное."

Видите, помѣщичій органъ играетъ словами; то что у меня подчеркнуто въ подлинникѣ, написано курсивомъ, въ этомъ виденъ помѣщикъ консерваторъ, это Лозунгъ всѣхъ душъ владѣльцевъ.

Разбирая статью помѣщенную въ "Русскомъ Вѣстникѣ," рецензентъ жалуется, что въ нашей литературѣ крестьянскій вопросъ разработывается односторонно, съ натяжками; что считается натяжками по журналу 'Землевладѣльцевъ,' мы уже знаемъ! 'Вѣстникъ' полагаетъ, "что могутъ оказаться имѣнья, въ которыхъ не самими крестьянами тягости установлены, а часто однимъ произволомъ помѣщика и совершенно не соотвѣтствуютъ мѣстнымъ условіямъ."

Отвѣтъ на это слѣдующій, въ которомъ можете полюбоваться тонкости помѣщичей діялектики.

"Произволъ помѣшика дѣйствительно имѣетъ важное вліяніе на обязанности, выполняемыя на него крестянами, но эти обязанности никогда не могутъ опредѣляться однимъ произволомъ, а неминуемо и возможностію исполненія. Такъ одинъ пахарь не смотря ни на какой произволъ помѣщика, не вспашетъ въ день цѣлой десятины."

МЫСЛИ О ЗНАЧЕНІИ ЧЛЕНОВЪ ИЗБИРАЕМЫХЪ ВЪ КОМИТЕТЫ УЛУЧШЕНІЯ БЫТА КРЕСТЬЯНЪ.

Сначала выставляется русское дворянство въ благовидномъ свѣтѣ, что "на него правительство и народъ возлагаютъ свои надежды," и что на него возлагается исполненіе "не принудительной мѣры, а напротивъ мѣры великодушной." Совѣтуютъ по этому "строго-осмотрительный выборъ членовъ въ комитеты."

Такъ какъ предстоящій вопросъ, есть вопросъ нравственный и экономическій, то и членъ комитета долженъ быть нравственнымъ человѣкомъ и смыслящій въ экономическомъ дѣлѣ. Съ нравственной стороны членъ комитета разсматривается строго; ни одного пятна не должно быть на немъ; онъ долженъ быть не алчный, не корыстный и не эгоистъ. человѣкъ не только что умный — хотя умъ одинъ по себѣ ничего не значитъ, но и человѣкъ съ сердцемъ—нужно, чтобы все было согрѣто чувствомъ. "Любовь къ предпринимаему дѣлу, свободную отъ преувеличенныхъ филантропическихъ понятій сколько и отъ своекорыстныхъ видовъ."

"Незараженность никакими исключительными понятіями и убѣжденіями. Не уничтожать порядокъ призываются члены, но устроить его; и потому всякое увлеченіе въ сторону, истекающее изъ слѣпаго подражанія, всякое убѣжденіе не основанное на началахъ государственныхъ, русскихъ, христіянскихъ, не пригодно: оно разрушаетъ, а не устроетъ. Исключительныхъ, одностороннихъ воззрѣній, какъ бы они добросовѣстны ни были, надо опасаться.

"Гражданское мужество, не блѣднѣющее передъ силой и нерастлѣваемое обольщеніями времени.

"Основательность и зрѣлость ума, могущаго обнять всѣ настоящія отношенія, не поколебать ихъ, а возсоздать."

Это была сторона моральная, теперь экономическая:

"Юридическій взглядъ на перемѣняющіяся отношенія, воспрещающій допущеніе всякихъ недобровольныхъ пожертвованій. Подобныя принужденія къ пожертвованіямъ могутъ поколебать самыя основныя понятія о правѣ, обязанностяхъ и собственности."

О ЗАНЯТІИ ГУБЕРНСКИХЪ КОМИТЕТОВЪ.

Авторъ статьи говоритъ, что "доселѣ все въ области управленія крестьянъ было неопредѣленно." Ни помѣщикъ не зналъ своихъ обязанностей къ крестьянину, ни крестьянинъ къ помѣшику, "все было основано на обычаяхъ, на заведенномъ порядкѣ и на убѣжденіи помѣщика, что раззореніе крестьянъ поведетъ за собой и раззореніе помѣщика: это убѣжденіе было и у крестьянъ, и потому они всегда полагались на помощь помѣщика въ минуты невзгоды. Справедливы ли были такія отношенія, теперь судить не время ... но разрушеніе прежняго, такъ сказать семейнаго порядка, основаннаго на взаимномъ убѣжденіи беречь одинъ другаго для общей пользы, должно вызвать рядъ положеній ясно и твердо опредѣляющихъ права и обязанности сословій. Обязанность комитетовъ новый порядокъ съ твердыми гарантіями для обѣихъ сторонъ, уже не столько заинтересованыхъ наблюдать, какъ до сихъ поръ было, общую выгоду!..."

За тѣмъ слѣдуетъ множество вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію комитетовъ. Наивность этихъ вопросовъ поразительна — но мысль здѣсь та, чтобы запугать и повернуть мысль правительства такъ, какъ угодно помѣщикамъ, на пр. "что разумѣть подъ словомъ усадебная осѣдлость, одни ли крестьянскія строенія или земля на которой они построены?" Въ министерскихъ отношеніяхъ этотъ вопросъ поставленъ ясно, опредѣлительно съ подробнымъ поясненіемъ, но это не нравится помѣщикамъ и видите на что они воротятъ, или на пр. "Слѣдуетъ ли обязывать крестьянъ къ выкупу усадьбъ и хозяйственныхъ строеній, когда они на сооруженіе ихъ не имѣли пособія отъ помѣщиковъ?!..."

Это не вопросы, а указанія чему держаться, въ противномъ случаѣ такой вопросъ не имѣетъ мѣста!

Вообще въ этихъ вопросахъ, не смотря на ихъ кажущуюся наивность, старается авторъ показать несообразность основнаго положенія въ высочайшихъ рескриптахъ, что вся земля есть полная собственность помѣщика, съ безпрерывнымъ нарушеніемъ ея. Такая ошибка правительства будетъ имѣть свои послѣдствія, помѣщики станутъ крѣпкой ногой на основномъ положеніи рескрипта и выведутъ изъ этого послѣдствіе въ свою исключительную пользу.

Или на пр. — "При ограниченіи права собственности крестьянъ на усадебную землю, не равносильно ли оно будетъ праву пользованія и можно ли предоставить крестья-

Digitized by Google

намъ усадебную землю въ пользованіе, сохраняя право собственности на оную за помѣщикомъ?..."

Вопросы всѣ очень интересны, въ нихъ видѣнъ помѣщикъ съ своимъ направленіемъ и чего онъ хочетъ. Весь этотъ шумъ и гвалтъ ни къ чему другому не ведетъ какъ только къ инвентарному положенію, объ освобожденіи какъ видите со стороны правительства, ни со стороны помѣщиковъ и помину нѣтъ, одно слово измѣняетъ все; правительство понятилось, но оно и не воображаетъ, что очутится тамъ, гдѣ вовсе не имѣетъ намѣренія очутиться.

ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ ГЛУХОВО.

Два друга, сотрудника по "Журналу Землевладѣльцевъ," спрашиваютъ что слышно на счетъ эманципаціи?... Другъ московскій отвѣчаетъ глуховскому, что хотя и всѣ говорятъ объ этомъ вопросѣ, но онъ не встрѣчалъ двухъ человѣкъ между собою согласныхъ, потому что "такъ называемые эманципаторы выставляя себя передовыми людьми, добросовѣстно подумали бы прежде о рѣшеніи этого — какъ?..." Никто не согласенъ въ основаніяхъ, но московскій другъ встрѣтилъ человѣка, который говоритъ дѣло, но это дѣло высказано громкими фразами, а смыслъ фразъ чисто съ точки зрѣнія помѣщичей. Московскій другъ говоритъ, слушая собѣседника, что "это точно начало дѣло," а за тѣмъ поясняетъ въ чемъ оно состоитъ;

"Одна перемѣна формы купчей, повторилъ говорившій, съ означеніемъ въ ней признанныхъ правъ человѣка, отца семейства, собственника въ своемъ добрѣ, сдѣлавшись извѣстной въ народѣ, конечно его образуетъ и онъ останется доволенъ этою перемѣною, и этимъ собственно 'долженъ начаться первый періодъ его общественнаго воспитанія къ свободному исполненію его обязанностей какъ гражданина-земледѣльца' (все это написано курсивомъ). Это не разорветъ насильственно вѣковой связи помѣщиковъ съ крестьянами, оставляя ихъ до времени подъ покровительствомъ закона, опредѣляющаго земледѣльцу три дня работы на себя и три дня на помѣщика, или вмѣсто того оброкъ по взаимному соглашенію; а между тѣмъ отношенія ихъ смягчатся (?) Злоупотребленіе произвола въ нарушеніи правъ земледѣльца будетъ яснѣе и опредѣленнѣе, а потому и прекращеніе ихъ легче."

Московскій другъ нуждается во времени, чтобы уяснить себѣ всѣ вопросы, до сихъ поръ ему все неясно, все перемѣшано; что и народъ также этотъ вопросъ понимаетъ, что нельзя дѣлать вдругъ, а постепенно, что не даромъ есть хорошій смыслъ, но прибавляетъ:

"Для этого періода общественнаго народнаго воспитанія (трехъдневной работы) въ новомъ порядкѣ нельзя опредѣлить времени, Россія не Ост-зейскія провинціи, но можно ручаться, что она не протянетъ на 50 лѣтъ дѣла святаго и христіанскаго." Подписался Масловъ.

Нѣкто графъ Толстой, написавъ статью въ No. 3 "Сельскаго Благоустройства," получилъ отъ какого-то эманципатора хорошій нагоняй (это я такъ думаю, потому что Толстой оправдывается и оправдывается чрезвычайно забавно). Графъ Толстой доказываетъ, что нужно возвысить цѣну на коноплянники относительно цѣнности полевой земли; говоритъ, что съ этимъ мнѣніемъ съ нимъ согласны какъ юристы, такъ и помѣщики, но кто-то не согласенъ:

"Какъ ни прискорбно мнѣ опровергать такое гуманное мнѣніе, но не могу согласиться съ этими господами. Кромѣ первобытныхъ натуральныхъ законовъ, мы должны руководиться законами существующими и потому, хотя навозъ вывозится крестьянами съ своихъ же дворовъ, а сады разводились самими ими, или отцами и дѣдами ихъ, и слѣдовательно по мнѣнію ихъ, не могутъ идти въ расчетъ оцѣнки, но предложу на всеообщее обсужденіе слѣдующее замѣчаніе:— Коноплянники дѣйствительно разводились и поддерживались руками и средствами самихъ крестьянъ, отцовъ и дѣдовъ ихъ, но отъ разведенія коноплянниковъ и поддержки ихъ, полевыя земли лишались нужнаго имъ удобренія и потому постепенно теряли ту цѣнность, до которой въ настоящее время могли бы достигнуть. Слѣдовательно приращеніе цѣнности земли подъ коноплянниками было причиной упадка подъ полями, а такъ какъ въ настоящее время поля остаются за помѣщакомъ, а усадьбы и проч. должны отойти отъ нихъ, то гражданская справедливость требуетъ оцѣнить коноплянники дороже полевой земли... Впрочемъ и самый законъ цѣнитъ угодья эти дороже полевой земли."

Въ этомъ родѣ говоритъ онъ долго и много, напослѣдокъ вѣроятно чувствуя, что не везетъ, прибавляетъ:

"Прошу замѣтить, что въ имѣніяхъ жены моей и моемъ собственномъ нѣтъ ни садовъ, ни коноплянниковъ, а потому и подозрѣнія быть не можетъ въ себялюбіи и лицемѣріи, но развѣ только въ отсталости, въ непониманіи общечеловѣческой, первородной справедливости?! (авторъ все это подчеркнулъ вѣроятно чтобы читатель принялъ бы все это за шутку) Но что же дѣлать! Рожденный подъ гражданскими законами, вскормленный въ понятіяхъ правъ своихъ, я не могу замѣнить въ умѣ своемъ кровной, законной, на жизненномъ бытѣ основанной справедливости —гуманнымъ направленіемъ къ справедливости идеальной и поражая самъ во имя человѣка закоснѣлые предразсудки и увлеченія сословія своего, не могу попирать гражданскихъ правъ его и справедливости существенной,"

Воронцовъ Вельяминовъ. Этотъ отрывокъ стоитъ послѣднимъ въ книгѣ, отличается отъ всѣхъ другихъ—рѣшительностію, ясностію и краткостью, отрывокъ весь состоитъ изъ того, чтобы крестьяне не выкупали усадьбы, за которую они не имѣютъ и не будутъ имѣть чѣмъ заплатить, а пусть крестьяне живутъ просто на земляхъ помѣщичьихъ съ правами свободнаго человѣка. "При этой мѣрѣ помѣщичьи крестьяне уровняются съ удѣльными и государственными," и проч. въ этомъ духѣ. Подписался—Воронцовъ Вильяминовъ.

Вы должны остаться мной довольны, я вас познакомилъ подробно съ помѣщиками и ихъ органомъ, оставляю судить вамъ самимъ чего можно надѣяться отъ такихъ людей; а вѣдь изъ подобныхъ людей, почти безъ исключенія будутъ состоять комитеты! На революціонную мѣру, т. е. чисто деспотическую, правительство не рѣшится — рѣшить сверху. Да кто будетъ рѣшать, вѣдь кругомъ тропа все помѣщики. Оппозиція великодушныхъ людей будетъ безъ всякаго дѣйствія, да иначе и быть не можетъ, вѣдь только одинъ классъ участвуетъ въ дѣлѣ. Пишите что хотите — все останется безъ малѣйшаго дѣйствія, гласъ въ пустынѣ!

Да и что такое у насъ гласность? Къ чему она? (Вамъ покажется, что подобныя восклицанія породились раздражительнымъ состояніемъ, нѣкотораго рода нравственнымъ без-

Digitized by Google

силіемъ!) Это пустая комедія! ни пользы ни вреда она не приноситъ. Для кого гласность нужна?... гласность при абсолютной власти, это насмѣшка, капризъ. Еще хуже, это есть своего рода ловушка, куда попадаютъ великодушные люди, exempli gratia — Кавелинъ. Гласность тамъ нужна, гдѣ есть представители народа, гдѣ эти представители отвѣтственны, они-то должны сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ, они-то и нуждаются въ гласности, чтобы не ходить ощупью; представитель знаетъ, что не соображаясь съ общественнымъ мнѣніемъ, онъ перестаетъ быть представителемъ, ему не позволено представлять личныя свои фантазіи и поступать по произволу,—за чѣмъ же намъ гласность?... Узнать что у насъ берутъ взятки! что у насъ нѣтъ дорогъ! что у насъ падаетъ торговля! что въ учебныхъ заведеніяхъ портятъ молодежъ! и пр. и пр. и пр., когда нѣтъ силы помочь горю, когда нѣтъ лица отвѣтственнаго за всѣ эти безпорядки и злоупотребленія! Все это кончается обыкновеннымъ порядкомъ, поговорятъ и—замолчатъ; говорили уже не разъ, а пользы не было. По моему абсолютное молчаніе принесло бы гораздо больше пользы, оно по крайней мѣрѣ выражало бы общее неудовольствіе.

ИЗЪ ПОЛЬШИ.

Наконецъ то получили мы довольно длинное письмо о польскихъ дѣлахъ, или лучше о русскомъ управленіи въ Польшѣ. Все одно и тоже. Хотятъ какихъ-то новыхъ порядковъ, и употребляютъ старыхъ николаевскихъ слугъ; а что можетъ быть николаевскій слуга, служившій въ Польшѣ, можно догадаться. Люди тридцать лѣтъ занимавшіеся съ такимъ успѣхомъ ухудшеніемъ состоянія Польши, нынѣ употребляются на улучшеніе его. Чего же путнаго можно ждать?

Изъ "сильныхъ, но нечистыхъ" рукъ Паскевича, какъ выражается авторъ письма, управленіе перешло къ М. Горчакову, тяжелому, скучному формалисту, человѣку честному, но бездарному и выжившему изъ ума. Вѣчно занятый мелочами, Горчаковъ заваливаетъ себя пустыми бумагами и за множествомъ дѣлъ не можетъ добраться до дѣла, предоставляя собственно управленіе Муханову. Попечитель варшавскаго округа, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдываетъ внутренними и духовными дѣлами. Учебныя заведенія, цензура, почты, театры, дороги,—все находится подъ его начальствомъ.

Александръ II имѣлъ намѣреніе возстановить варшавскій университетъ и вообще значительно улучшить организацію высшихъ учебныхъ заведеній въ Польшѣ. Мухановъ самымъ дѣятельнымъ образомъ противудѣйствовалъ исполненію этихъ проэктовъ. Онъ представлялъ государю во время его пріѣзда въ Варшаву, что ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ измѣнять программъ, введенныхъ во время пущаго николаевскаго террора, что послѣ закрытія имъ каѳедры правовѣденія въ 1846 и 1848 годахъ, молодые люди ведутъ себя хорошо, "не думаютъ о независимости и не дѣлаютъ заговоровъ."

Такимъ образомъ онъ настоялъ, чтобъ юридическое преподаваніе свести на начальные курсы и когда графъ Скарбекъ, директоръ юстиціи, замѣтилъ недостаточность такого ученія, Мухановъ пожаловался на него, и графъ Скарбекъ лишился мѣста.

Очень замѣчателенъ анекдотъ, разсказываемый авторомъ письма, какъ усердно Мухановъ исполняетъ волю государя. Извѣстно всѣмъ какъ Николай въ своемъ дикомъ преслѣдованіи науки, ограничилъ число вступающихъ въ учебныя заведенія, извѣстно тоже и то, что со вступленіемъ Александра II, позорныя стѣсненія эти тотчасъ пали. Въ Польшѣ какъ и во всей Россіи было предписано принимать учениковъ и студентовъ, не ограничивая ихъ числа. Мухановъ сообщилъ оффиціально объ этомъ по своему вѣдомству, призвалъ келейно директоровъ учебныхъ заведеній и каждому сказалъ съ глаза на глазъ, что такія распоряженія дѣлаются для Европы, и что они должны принимать по прежнему ограниченное число, отталкивая подъ разными вздорными предлогами излишнее число кандидатовъ.

Польскій языкъ велѣно ввести во всѣ школы для преподаванія, Мухановъ не исполнилъ этого до сихъ поръ. Въ гимназіяхъ начальство старается преимущественно принимать дворянъ и проч.(*)

Мы помнимъ какой-то старинный портретъ императора Павла, подъ которымъ была надпись: "D'autres ont fait le mal, il a mal fait le bien,"—поневолѣ приходитъ въ голову эта характеристика, думая объ Александрѣ II. Слыхали мы, что неспособные старики слѣпо привязываются къ молоденькимъ дѣвчонкамъ, но чтобъ человѣкъ въ цвѣтѣ мужескихъ лѣтъ имѣлъ такое пристрастіе къ неспособнымъ старикамъ, никогда не слыхивали!

Ну есть-ли тѣнь здраваго смысла оставлять и гдѣ-же, въ Польшѣ николаевскихъ опричниковъ, которыхъ имя связано со всѣми ужасами его правленія!

ПАРТИЗАНЪ И. И. ДАВЫДОВЪ ВО ВРЕМЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

> Киверъ звѣрски на бекрень,
> Ментикъ съ вихрями играетъ.
>
> Д. В. ДАВЫДОВЪ.

> . . . . въ Петербургѣ институтъ,
> Пе—да—го—ги—ческій, такъ кажется зовутъ?
>
> ГОРЕ ОТЪ УМА.

Пріятно возвращаться въ спокойное и мирное время къ свѣжимъ воспоминаніямъ войны со всѣми ея лишеніями, самопожертвованіями, патріотическими порывами и коммиссаріатскими грабежами.

На сей разъ мы хотимъ вспомнить о рядѣ военныхъ подвиговъ нашего бывшаго наставника въ низшей части высшей алгебры, извѣстнаго самымъ многостороннимъ образомъ, И. И. Давыдова—но еще мало знакомаго публикѣ въ военномъ качествѣ партизана и защитника отечества.

Съ той легостью, съ которой почтенный профессоръ отъ философіи перешелъ во второй томъ франкеровой математики и потомъ изъ Невтонова бинома въ курсъ елоквенціи, сдѣлался Иванъ Ивановичь изъ мирнаго "учителей учителя," военнымъ агитаторомъ. Подражая во всемъ Фихте, котораго Wisenschaftslehre онъ до того усвоилъ, что издалъ ее по русски безъ имени автора, Давыдовъ схватилъ мечь и сказалъ: "Теперь не до науки ... отечество въ опасности ... идемъ маршировать!"

Мы бы этого ничего не знали, истинный героизмъ бѣжитъ

(*) Cause atténuante, — въ извиненіе Муханову мы должны сказать, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ убилъ своего швейцара палкой. Вся Варшава знала это. Виноватъ-ли же этотъ кандидатъ каторжной работы, не попавшій на нее, что есть правительство, которое ему поручаетъ "просвѣщеніе"?

свѣта; но читая отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1854 годъ, мы прочли слѣдующую фразу: "Студенты главнаго педагогическаго института изъявили единодушное желаніе служить государю на военномъ поприщѣ, оставаясь при томъ вѣрными обязанности своего званія."

Долго думали мы, что это значитъ, и наконецъ рѣшили, что педагоги наши должны были читать лекціи зуавамъ и англійскимъ матросамъ для того, чтобы усыпить ихъ, и тѣмъ дать время нашимъ войскамъ приблизиться. Но потомъ случилось намъ спрашивать одного пріѣзжаго изъ Петербурга: "Какъ педагоги наши были вѣрны обязанности своего званія и съ тѣмъ вмѣстѣ служили на военномъ поприщѣ?" Оказывается, что все это усердіемъ и патріотизмомъ Ивана Ивановича.

Сначала Иванъ Ивановичь предложилъ студентамъ щипать корпію, потомъ потребовалъ отъ всѣхъ служащихъ въ институтѣ десятую часть жалованья въ пожертвованіе на защиту Севастополя, все это ему не удалось. Остановленный въ первомъ порывѣ патріотизма, Давыдовъ не унылъ, а придумалъ новую штуку. Онъ сообщилъ у себя на дому тремъ или четыремъ приближеннымъ къ нему студентамъ, что министръ ожидаетъ отъ института изъявленія его патріотическихъ чувствъ, и что такъ какъ студенты ничего жертвовать не могутъ по бѣдности, то они сами должны проситься въ военную службу. Требованіе директора было передано студентамъ и на другой день человѣкъ двадцать отправилось къ нему; нѣкоторые чтобы оказать послушаніе директору, другіе изъ любопытства, третьи съ тѣмъ, чтобы посмѣяться надъ всей этой комедіей. Комедія дѣйствительно разыгралась. Давыдовъ показалъ видъ крайняго изумленія, сказалъ, что исполнить желаніе студентовъ едва-ли возможно, но что онъ доложитъ министру о столь похвальномъ рвеніи. Зная Николая, Давыдовъ могъ предполагать, что онъ пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ всѣхъ студентовъ въ солдаты отдастъ и тогда самъ Давыдовъ потерялъ бы хлѣбное мѣстечко. Соображая это, Давыдовъ доложилъ министру, что студенты единодушно желаютъ, не прерывая своихъ учебныхъ занятій, учиться маршировать и артиллерійской и ружейной стрѣльбѣ, чтобъ быть готовыми защищать отечество въ случаѣ нужды. Когда студенты узнали объ этой штукѣ, негодованіе было всеобщее, многіе хотѣли явно протестовать противъ единодушнаго директорскаго патріотизма, находя, что учиться шагистикѣ въ институтѣ вовсе не сладко. Ждали съ ужасомъ чѣмъ кончится дѣло. Къ счастію на Николая Павловича нашелъ тогда какъ-то добрый стихъ, онъ не захотѣлъ воспользоваться усердіемъ студентовъ и только поблагодарилъ институтъ за искусную продѣлку директора.

Долгое время, продолжалъ нашъ знакомый, Давыдовъ распространялъ вокругъ себя какой то священный страхъ. Въ конференціи профессоровъ онъ распоряжался совершенно произвольно, — судьбою студентовъ игралъ безъ всякой отвѣтственности, хозяйственную и учебную часть одинаково прибралъ къ своимъ рукамъ. Со времени его поступленія институтъ перестала выписывать замѣчальныя книги — потому что большая часть библіотечной суммы употреблялась на натираніе паркетныхъ половъ въ институтѣ, на подкраску стѣнъ и проч., а на остальное покупались чтенія о "Словесности" Ив. Давыдова, по первоначальной цѣнѣ, сотнями экземпляровъ, да его-же "Общесравнительная грамматика," изданная имъ на счетъ академіи, но въ свою пользу, такъ что академія должна была покупать у него изданную ею книгу. Столъ, экипировка студентовъ, учебныя пособія были въ самомъ жалкомъ видѣ при Давыдовѣ, учебная и нравственная часть была имъ доведена до невѣроятныхъ нелѣпостей и гадостей. Мѣра терпѣнія студентовъ наконецъ истощилась, и они вздумали возстать противъ злоупотребленій Давыдова. Въ то самое время, какъ медицинскіе студенты собрались въ армію фельдшерами, въ ордонансъ-гаузѣ посѣтили ихъ нѣкоторые студенты института и при приставникахъ горячо разсуждали о средствахъ раскрыть злоупотребленія. Рѣшили наконецъ дѣйствовать путемъ законнымъ. Въ нѣсколько дней общими силами составили подробное и откровенное описаніе положенія института и отослали къ князю Вяземскому въ видѣ письма. Письмо было не подписано, но въ немъ были факты именные, съ указаніями на живыя лицы. Содержаніе состояло вотъ въ чемъ: Институтъ извѣстенъ съ хорошей стороны, но есть два важныя обстоятельства, противорѣчащія этому хорошему мнѣнію. Первое то, что студенты постоянно стараются отъ него избавится, — и насчитано въ письмѣ 28 человѣкъ (изъ числа 108, составляющихъ всѣ курсы), вышедшихъ, пытавшихся выйти изъ института или умершихъ въ немъ отъ чахотки въ теченіе двухъ лѣтъ. Другое обстоятельство то, что начальство всѣхъ округовъ недовольно учителями вышедшими ихъ института. Что-же это значитъ что въ заведеніи ученіе такъ трудно, а результаты такъ плохи? Это значитъ что директоръ притѣсняетъ студентовъ, препятствуетъ ихъ развитію (на все это приводятся факты), и потому въ институтъ идетъ теперь только тотъ, кому некуда дѣваться. Набираютъ всякую дрянь неприготовленную къ университетскому курсу и потомъ начинаютъ морить ее на занятіяхъ, превращая институтскіе курсы въ гимназическіе или еще меньше. Толку никакого и не выходитъ. Все это подтверждено было многими десятками фактовъ.

Черезъ нѣсколько дней Вяземскій явился въ институтъ къ обѣду, попробовалъ супъ, съѣлъ кусокъ пирога, сходилъ на кухню, помычалъ и уѣхалъ. Давыдовъ насторожилъ уши. На другой день опять пріѣзжаетъ Вяземскій на лекцію, и садится возлѣ каѳедры, не подавъ руки встрѣтившему его Давыдову. Студенты были въ восторгѣ. Послѣ лекціи Вяземскій опять отправился въ столовую и спросилъ одного изъ студентовъ: хорошъ-ли супъ? Тотъ, разумѣется, отвѣчалъ, что хорошъ. Вяземскій уѣхалъ ничего не сказавши. Видя, что толку отъ посѣщеній князя не много, студенты послали ему еще письмо, въ которомъ объяснили, что не мѣшало бы ему приступить къ ревизіи посерьезнѣе, что впослѣдствіи его надуютъ.

Черезъ нѣсколько дней Вяземскій опять явился въ институтъ и пошелъ смотрѣть студентскій цейхгаузъ. Опять, разумѣется, таже исторія, что и прежде: пришли, понюхали и ушли... Все это совершалось въ Мартѣ 1856 года. Студенты ждали что будетъ, но ничего хорошаго не было. Только Вяземскій говорилъ нѣкоторымъ студентамъ, являвшимся къ нему по частнымъ дѣламъ, что онъ слѣдитъ за институтомъ, и что преобразованія въ немъ будутъ. Ждали студенты до конца учебнаго курса, но ничего не дождались. Давыдовъ по прежнему властвовалъ, кормилъ студентовъ по прежнему— дурно, и на экзаменахъ по прежнему ставилъ и переправлялъ профессорскія отмѣтки по своему усмотрѣнію. Это студентовъ взорвало до нельзя и вызвало на штуку не совсѣмъ хорошую. Посланы были безъименныя письма къ разнымъ лицамъ

Digitized by Google

и между прочимъ въ редакцію "С. Петербургскихъ Вѣдомостей," съ увѣдомленіемъ, что въ ночь съ 23 на 24 Іюня (день ангела Ивана Давыдова), директоръ института, предсѣдательствующій во второмъ отдѣленіи академіи наукъ, членъ консультаціи и проч., тайный совѣтникъ Давыдовъ былъ высѣченъ студентами. Исторія эта разошлась по городу. Норовъ позвалъ къ себѣ Давыдова. Что между ними было, не извѣстно, но результатомъ было то, что Давыдовъ обѣщалъ представить министру удостовѣреніе, что его не сѣкли.

Пріѣхавши въ институтъ, Давыдовъ призвалъ къ себѣ 4 студентовъ, на которыхъ особенно могъ полагаться, показалъ имъ письмо и разсказалъ съ рыданіями о томъ, до чего можетъ простираться неблагодарность и злоба человѣческая. "Министръ, говорилъ онъ въ заключеніе, чрезвычайно гнѣвается на студентовъ института за то, что въ средѣ ихъ нашелся мерзавецъ написавшій это. Я старался всячески отклонить его гнѣвъ отъ института и увѣрить, что это ударъ чьей-нибудь посторонней руки, но онъ не вѣрилъ уже моему ходатайству и сказалъ, что онъ тогда только повѣритъ, когда сами студенты тоже засвидѣтельствуютъ. Вамъ остается теперь одно средство умилостивить министра: написать къ нему самое смиренное и откровенное письмо, въ которомъ изложить, что одинъ слухъ о подобной клеветѣ производитъ въ васъ омерзеніе, и что вы напротивъ, проникнуты живѣйшими чувствами любви и благодарности къ своему начальству."

Четверо студентовъ удостоенныхъ директорской довѣренности, поклонились и написали смиренное письмо о томъ, что они никого не увѣдомляли о сѣченіи Давыдова и считаютъ сей поступокъ гнуснымъ и омерзительнымъ. Но Давыдову и этого было мало: въ дополненіе къ письму студентовъ, онъ представилъ уже отъ себя Норову, что въ доказательство своей любви и уваженія, студенты просятъ позволенія отлитографировать портретъ Давыдова. Получивъ на это разрѣшеніе отъ министра, вполнѣ успокоеннаго объясненіями директора, Давыдовъ изготовилъ свой портретъ на свой собственный счетъ. Но издержки надо же было покрыть, и онъ придумалъ для этого новую продѣлку. Это было какъ разъ во время каникулъ когда кончившіе курсъ студенты опредѣлялись на должности и получали изъ правленія института прогоны и третное жалованье на первоначальное заведеніе. Экономму выдающему эти деньги, приказано было навязывать студентамъ портретъ директора и вычитать за него по два цѣлковыхъ. Человѣкъ пять-шесть попались на эту штуку, но большинство возопило противъ такого притѣсненія, и экономъ долженъ былъ отступиться. Вслѣдъ за тѣмъ въ "Московскихъ Вѣдомостяхъ" (III No. 1856 г.) напечатано было объявленіе: "Московскій купецъ Иванъ Давыдовъ-сѣченый принимаетъ съ большою пользою и на выгодныхъ условіяхъ казенные подряды. Спросить въ С. Петербургѣ, возлѣ перваго кадетскаго корпуса, въ квартирѣ Өедора Ильина." Өедоръ Ильинъ—это экономъ института, занимающійся вмѣстѣ съ Давыдовымъ темной экономіей и потому въ институтѣ пользуется большою властью.

Въ Августѣ стали говорить о ревизіи, и студентовъ стали кормить лучше. Около того же времени Давыдовъ созвалъ въ конференцъ-залу студентовъ и держалъ къ нимъ рѣчь такого рода: "Съ нѣкотораго времени нарушено доброе согласіе между начальствомъ и студентами. Между вами нашлись двѣ-три паршивыя овцы, которыя хотятъ заразить все стадо буйствомъ, непокорствомъ и проч., недовольны и учебной, и нравственной, и хозяйственной частью. Учебная часть до меня собственно не относится, но если что отъ меня зависитъ, то всякій можетъ мнѣ прямо сказать и я употреблю всѣ мѣры. Профессора у васъ самые почтенные, ученые, извѣстные въ Европѣ; кѣмъ изъ нихъ вы можете быть недовольны?" И за тѣмъ началась выкличка по именамъ, начиная разумѣется съ самыхъ смиренныхъ людей. Оказалось, что на профессоровъ жалобъ нѣтъ и Давыдовъ заключилъ: "и такъ учебную часть мы покончили. Теперь нравственная. Мнѣ многіе говорятъ, что я поступаю съ вами слишкомъ кротко, отечески, но я все-таки, если изъ васъ кого-нибудь оскорбилъ своимъ обращеніемъ, то прошу прощенія. Затѣмъ кто же васъ оскорблять можетъ? Неужели инспекторъ, неужели надзиратели?" За тѣмъ слѣдовали панагирики инспектору и старшему надзирателю и опять вопросы, по образцу прежнихъ. Само собой разумѣется, что неловко человѣку говорить: ты меня обидѣлъ, когда онъ самъ напередъ извиняется, да кромѣ того и опасались обвинить Давыдова лично въ конференціи, въ присутствіи разнаго начальства.(*) Недовольныхъ и тутъ не оказалось. "Теперь хозяйственная часть. Я самъ знаю, что столъ у васъ спартанскій, но что же дѣлать? Столько намъ изъ казны денегъ отпускается. Вы говорите, что нѣсколько времени предъ тѣмъ столъ былъ лучше (это было когда начали ждать ревизіи), да это я нарочно дѣлалъ, чтобъ вы могли сравнить и видѣть, что мы хотѣли бы дѣлать лучше, но средствъ у насъ нѣтъ..." Тутъ опять пошли именные допросы въ такой формѣ: "Кто же изъ васъ особенно пышно воспитанъ, что не можетъ переносить здѣшняго стола,—вы что ли? Или вы, такой утонченный гастрономъ? Или вашъ желудокъ такъ нѣженъ?....." Всѣ отвѣчали: нѣтъ, не я. И Давыдовъ рѣшилъ: "И такъ я съ радостью вижу, что между нами только было недоразумѣніе. Вы всѣ довольны, а смущаютъ наше спокойствіе нѣсколько мерзавцевъ, зашедшихъ въ ваше общество, которые при первомъ удобномъ случаѣ и будутъ извергнуты....."

Мѣсяцевъ черезъ пять наконецъ назначили ревизію. Давыдовъ давно къ ней приготовился, и, говорятъ самъ уже хлопоталъ о ней, доказывая чистоту своей совѣсти. Ревизорами назначены были два чиновника; они нашли все въ исправности и замѣтили только, что неудовлетворительность матеріальнаго содержанія зависитъ отъ недостаточности средствъ, (на институтъ содержащій до 100 студентовъ съ 40 начальствующими и учащими, отпускается болѣе 75,000 р. сер.), и потому во время самой ревизіи прибавлено было на улучшеніе стола до 1,000 р. с., изъ которыхъ половина (не больше) пошла въ дѣло.

Вмѣсто преобразованій, недавно задуманъ былъ проэктъ уничтоженія института, какъ учрежденія вовсе ненужнаго при существованіи университетовъ и до самой сердцевины изъѣденнаго разными Давыдовыми. Проэктъ этотъ былъ представленъ попечителемъ с. петербургскаго округа въ ученый комитетъ и потомъ въ главное правленіе училищъ. Давыдовъ засѣдалъ тамъ же и между прочими возраженіями представилъ такого рода вопросъ: "Что же выпустить студентовъ изъ закрытаго заведенія, изъ подъ контроля — для того, чтобъ они пускались во всѣ тяжкія, какъ университетскіе

(*) По несчастію этотъ неприличный страхъ и эта смиренная скромность — стоятъ продѣлокъ Давыдова.—Ред.

студенты подъ вашимъ начальствомъ?" Этотъ вопросъ былъ обращенъ къ попечителю, который конечно могъ бы отвѣтить —что поведеніемъ студентовъ института хвалиться нельзя, потому что хороши они или дурны, все это дѣло закрытое... Послѣ того Давыдовъ собралъ въ самомъ институтѣ конференцію изъ профессоровъ и предложилъ имъ подписать составленную имъ докладную записку министру. А въ запискѣ говорилось, что нѣкоторые злонамѣренные люди не видятъ пользы института, но что это именно злонамѣренность и что всѣ профессора считаютъ существованіе главнаго педагогическаго института подъ управленіемъ Давыдова, не только полезнымъ, но и необходимымъ. Большая часть профессоровъ института читаетъ лекціи и въ университетѣ, а потому они не согласились оскорбить своего попечителя и даже возстали противъ неприличія такой записки. Видя, что сила не беретъ, Давыдовъ согласился и на прощанье благодарилъ профессоровъ за то, что они его научили уму-разуму, и прибавилъ, что справедлива пословица: "Умъ хорошъ, а два лучше." Впрочемъ записку свою онъ все-таки подалъ министру.

Прибавлять къ этому простому разсказу о труженической жизни истинно русскаго ученаго и патріота, намъ нечего. Но онъ напомнилъ намъ забавный анекдотъ иныхъ временъ. Въ московскомъ университетѣ было лице не безъ дарованій, но чрезвычайно комическое, Ѳ. Л. Морошкинъ. Онъ глубоко восхищался дипломатическими талантами Ивана Ивановича. Тогда былъ въ ходу анекдотъ, что Давыдовъ при рожденіи сына, назвалъ его Сергѣемъ и написалъ Филарету, что онъ его назвалъ такъ въ честь Сергія-чудотворца, князю Сергій Михайловичу Голицыну, что это въ его честь; потомъ всѣмъ великимъ Сергіямъ — Сергію Григорьевичу Строгонову, Сергію Семеновичу Уварову тоже самое. Морошкинъ, подъ вліяніемъ этого разсказа, съ глубочайшимъ вниманіемъ слушалъ какой-то мастерскій assaut d'armes Давыдова—противъ кажется Шевырева, и сказалъ въ заключеніе: "А вы Иванъ Ивановичь, примѣрно несчастливо служите, съ вашими способностями вамъ давно бы слѣдовало быть государственнымъ канцлеромъ."

Вѣроятно Іаковъ Ростовцевъ найдетъ средство употребить эту прекрасную способность.

INTER PARES AMICITIA.

Мы получили слѣдующее письмо, интересное какъ характеристическое воспоминаніе николаевскаго времени и его нравственности.

"Чтеніе Колокола невольно возбуждаетъ въ памяти возвратъ къ прошедшему и передъ нею какъ панорама разстилаются козни и ужасы нашей гражданской жизни. Нынѣ припомнимъ одно только дѣло Клевенскаго, имѣвшее въ свое время (въ сороковыхъ годахъ) большую извѣстность.

"Клевенскій былъ хорошій и даже честный чиновникъ; министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій, назначилъ его предсѣдателемъ Управы благочинія. Въ началѣ все шло хорошо; но къ несчастію Клевенскаго, онъ познакомился съ г. М. Альбрехтомъ и сталъ посѣщать его карточные вечера. Тутъ постоянно бывали: Гедеоновъ, Дуббельтъ, Болотниковъ другъ и пріятель Дуббельта, с. петербургскій полицмейстеръ Трубачеевъ и проч. Это въ высшей степени порядочное общество понравилось Клевенскому и нерѣдко проводилъ онъ ночи играя и проигрывая ихъ превосходительствамъ. Послѣднее часто повторялось и скоро чести Клевенскаго стала угрожать опасность быть несостоятельнымъ карточнымъ должникомъ. Онъ рѣшился на отчаянное средство — украсть казенныя деньги и попробовать отыграться.

"Сказано, сдѣлано. Изъ казеннаго ящика Управы исчезли 150,000 руб. и были въ два вечера проиграны. Клевенскій приведенный въ отчаяніе сознался ихъ превосходительствамъ, что проигралъ казенныя деньги и умолялъ возвратить ихъ ему. Ихъ превосходительства закипѣли отъ гнѣва и тотчасъ разъѣхались, поручивъ Болотникову отвѣчать Клевенскому. Подойдя къ несчастному, трепетно ожидавшему отвѣта, Болотниковъ сказалъ ему на ухо: застрѣлись братецъ, иначе ступай на каторгу.

"Клевенскій въ безпамятствѣ пріѣхалъ домой, чуть не исполнилъ совѣта Болотникова, но видъ нѣжно любимаго имъ семейства, удержалъ его отъ самоубійства. Онъ думалъ еще спастись, написалъ себѣ анонимное письмо о кражѣ въ казенномъ ящикѣ и самъ доложилъ о томъ Перовскому. Но было поздно, III отдѣленіе уже держало ухо востро и полиція Дуббельта уже доносила ему о своихъ подозрѣніяхъ на Клевенскаго. Перовскій арестовалъ его и поручилъ слѣдствіе Липранди. (Столь знаменитому потомъ по дѣлу Петрашевскаго и по проэкту семинаріи шпіонства). Клевенскій былъ человѣкъ слабаго сложенія, любилъ комфортъ и семейную жизнь. Липранди на этомъ основалъ свой образъ дѣйствій. Клевенскаго заперли въ сырой казематъ, не давали ни чаю, ни кофею, ни сигаръ и не пускали къ нему ни жены, ни дѣтей. Несчастный заболѣлъ отъ изнеможенія и горя. Тогда Липранди привелъ его къ себѣ на квартиру, посадилъ у камина, напоилъ чаемъ, далъ сигару и предложилъ смягченному узнику полное прощеніе, если сознается въ винѣ. Клевенскій колебался. "Семейство ваше здѣсь, сказалъ Липранди, сознайтесь, и черезъ секунду вы увидите жену и дѣтей." Клевенскій на все согласился, подписалъ сознаніе и цѣною его купилъ мгновенное и послѣднее свиданіе съ семействомъ.

"Вотъ дальнѣйшая участь актеровъ этой драмы:

"Клевенскій былъ прощенъ: его вмѣсто каторги послали въ арестантскія роты. Онъ не могъ вынести этого помилованія и вскорѣ умеръ. Жена и дѣти его остались безъ всякихъ средствъ.

"Г. М. Альбрехтъ по прежнему даетъ вечера на Мойкѣ въ собственномъ домѣ.

"А. М. Гедеоновъ, отпраздновавъ 25 лѣтній юбилей, оставилъ дирекцію театровъ и получилъ званіе Оберъ-гофмейстера, 12,000 руб. сер. пенсіи и табатерку съ портретомъ Александра II.

"Л. В. Дуббельтъ по неволѣ оставилъ дѣла съ чиномъ полнаго генерала. Онъ жалуется на бездѣйствіе и надѣется, что новая лѣстница Іаковля откроетъ ему путь Зимняго Дворца.

"Полицмейстеръ Трубачеевъ въ началѣ отрѣшенный отъ должности, нынѣ предсѣдателемъ Могилевской Казенной Палаты."

СМѢСЬ.

ДУХОВНЫЙ ПАСТЫРЬ СЛОВЕСНАГО СТАДА И ОДНА ИЗЪ ПАСОМЫХЪ ИМЪ ОВЕЦЪ.

[Грязная комната, въ углу въ безпорядкѣ разбросаны книги; вездѣ толстые

Digitized by Google

слеи пыли. Студентъ входитъ, не снимая шинели, становится у стола; духовный отецъ встрѣчаетъ его въ засаленномъ подрясникѣ и, не пригласивъ гостя сѣсть, становится тоже у стола].

Духовный Отецъ. А г. студентъ! мое почтеніе!... Это на счетъ Богословія.....

Студентъ. Такъ точно, г. профессоръ, я пришелъ васъ безпокоить.

Духовный Отецъ. Хорошо, хорошо... Я вамъ "переправлю"... Скажите же что вамъ угодно и какъ?

Студентъ. Да, я бы васъ просилъ, нельзя ли избавить меня отъ труда читать весь предметъ.

Духовный Отецъ. Гм!.. и это можно... только... Значитъ —хотите приготовить только три вопроса. Ну, какіе же?

Студентъ. Да вотъ, я хорошо знаю: О промыслѣ, о злыхъ духахъ и о потопѣ. Эти бы я васъ и просилъ предложить мнѣ на экзаменѣ.

Духовный Отецъ. (Повторяя каждое слово медленно и съ разстановкой) О Промыслѣ, о злыхъ духахъ и о потопѣ.— (скороговоркой) Промыслъ, злые духи и потопъ.— Ну, чтожъ, это можно уладить... только я васъ попрошу пособить и моему горю. Вотъ видите ли: я набралъ много книгъ изъ библіотеки и многія изъ нихъ порастерялъ; а теперь требуютъ съ меня уплаты... такъ, не можете ли и вы мнѣ взаимно пособить?

Студентъ. Помилуйте, г. профессоръ, я считаю своею обязанностью васъ благодарить. (Вынимаетъ изъ кармана десятирублевый кредитный билетъ и кладетъ его на столъ).

Духовный Отецъ. (Вздыхая и съ растановкой) Де—сять рублей,—гм! (Скоро) Не можете ли еще пять?

Студентъ. Нѣтъ, г. профессоръ, право, не имѣю больше.

Духовный Отецъ. Ну, чтожъ дѣлать? (Накрываетъ деньги листомъ бумаги) Такъ о Промыслѣ, о злыхъ духахъ и о потопѣ, (повторяетъ нѣсколько разъ) Это значитъ: 6ой, 8ой и 12ый. 6, 8, 12... хорошо, хорошо... Да, можетъ, еще есть пять?

Студентъ. Нѣтъ-съ, увѣряю васъ, что нѣтъ.

Духовный Отецъ. Ну, ну, ну, ну... На нѣтъ и суда нѣтъ. Такъ, будьте покойны.— О Промыслѣ, о злыхъ духахъ и о потопѣ... Помню, помню. Это же я васъ и спрошу: 6, 8 и 12. Такъ... Не забуду, не забуду, будьте покойны! А сколько же вамъ записать: 4 или 5?

Студентъ. О, лучше ужъ пять запишите.

Духовный Отецъ. Хорошо, хорошо. Запишу и пять, (Приподнявъ двумя пальцами листъ, прикрывающій деньги, въ полголоса)— Слѣдовало бы еще пять...

Студентъ. Увѣряю васъ честью, что не имѣю... И это я занялъ у товарища.

Духовный Отецъ. Ну, ничего, ничего. Это же вы только и просмотрите: О Промыслѣ, о злыхъ духахъ и о потопѣ, а я — не безпокойтесь — не забуду... Вотъ даже и запишу. (Пишетъ) 6, 8, 12. Ну, теперь будьте покойны, и приходите 2 Іюня на экзаменъ... Только вы никому не говорите, г. студентъ! За мною слѣдятъ... но мы ихъ надуемъ... завтра надуемъ... вмѣстѣ надуемъ...

Студентъ. Помилуйте, я столько вамъ обязанъ, что не позволю себѣ...

Духовный Отецъ. (Перебивая его) И я вамъ все сдѣлаю. Будьте покойны, что не забуду: О Промыслѣ, о злыхъ духахъ и о потопѣ... 6, 8, 12... 2 числа... Не забуду... нѣтъ, нѣтъ.

Студентъ. Мое почтеніе, г. профессоръ!

Духовный Отецъ. Мое вамъ почтеніе, (кланяется въ поясъ. Студентъ уходитъ. Духовный Отецъ возвращается въ слѣдующую комнату. Къ сыну:

"Куй желѣзо, пока горячо."

О УСЕРДНОМУ, О ПАСТЫРЮ БЛАГОРЕВНОСТНОМУ!

Едва успѣли мы предать тисненію о подвигахъ высокопреосвященнаго Григорія - газетоборца, Григорія - клянуща геологію, какъ получили драгоцѣнный ревности его документъ — свидѣтельствующій о томъ, что и Маія пятнадцатаго уже спасительное безуміе его было въ той же каникулярной степени. Касаясь всего перстомъ вѣры своея, онъ не побоялся и адской одежды Евы, высокопреосвященый владыко разоблачя по картинкѣ женщину волосы плятущую и драгія ткани носящую, совлекъ съ нея одежду соблазнительную, не смотря на то, что она лицемѣрно якобы отженяется знаменіемъ креста отъ похоти грѣховной.

Газетоборче, юбкоборче, модоненавистнику, землезнанія гонителю—моли Богу о насъ!

Конфиденціально.

Ваше Высокопревосходительство

Милостивый Государь,

При послѣднемъ (19) номерѣ, издаваемаго здѣсь журнала подъ названіемъ: "Сынъ отечества," разослана къ подписчикамъ картинка парижскихъ модъ, на которой одна женская фигура представлена въ платьѣ, украшенномъ вмѣсто обыкновенныхъ женскихъ уборовъ—крестами, подобно тому, какъ изображаются они на церковныхъ священныхъ облаченіяхъ.

Находя таковое злоупотребленіе священнаго знамени креста крайне неприличнымъ, оттого долгомъ считаю препроводить доставленную мнѣ картинку къ вашему высокопревосходительству съ тѣмъ, не признаете-ли нужнымъ воспретить въ здѣшнихъ мастерскихъ устройство означенныхъ платьевъ и принять другія, по усмотрѣнію вашему, мѣры, чтобы платья эти не были въ употребленіи.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Вашего высокопревосходительства, покорнѣйшій слуга

No. 1107. ГРИГОРІЙ

(Митрополитъ Новгородскій и С. Петербургскій.)

15 Маія 1858.

ОТВѢТЪ.

Конфиденціально.

Ваше Высокопреосвященство

Милостивый Архипастырь,

При почтеннѣйшемъ отношеніи вашего высокопреосвященства отъ 15 числа сего мѣсяца за No. 1107, получивъ возвращаемую при семъ картинку, принадлежащую къ 19 No. періодическаго изданія "Сынъ Отечества," долгомъ поставляю доложить вамъ, высокоуважаемый мною Архипастырь, что воспрещеніе изготовленія въ здѣшнихъ мастерскихъ подобныхъ женскихъ убранствъ оказывается неудобнымъ, ибо многія таковыя бываютъ привозимы изъ за границы, или по иностраннымъ рисункамъ изготовляются въ домашнемъ быту. При томъ воспрещеніе сіе дало бы поводъ къ неумѣстной отговоркѣ, что изображеніе уподобляется не церковному облаченію, а математическому знаку умноженія.

Тѣмъ не менѣе, сообщилъ я министру просвѣщенія, что замѣчаніе ваше надлежало бы предписать къ руководству цензурѣ, при пропускѣ рисунковъ всякаго рода.

Примите увѣреніе въ душевномъ уваженіи и пр.

ПАВЕЛЪ ИГНАТЬЕВЪ

(С. Петербургскій генералъ-губернаторъ.)

—А. Дюма.— Со стыдомъ, съ сожаленіемъ читаемъ мы какъ наша аристократія стелится у ногъ А. Дюма, какъ бѣгаетъ смотрѣть "великаго и курчаваго человѣка" сквозь рѣшетки сада — просится погулять въ паркъ къ Кушелеву - Безбородкѣ. Нѣтъ, видно образованнымъ не станешъ какъ ни соединяй по нѣскольку аристократическихъ фамилій, и какъ ни раззоряй по нѣсколько тысячь душъ,—

Digitized by Google

Nation of flunkeys, говоритъ "Daily Telegraph," разсказывая объ этомъ. Наши аристократы дѣйствительно составляютъ дворню, и оттого у нихъ немного больше такта какъ вообще въ переднихъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ la fine fleur нашей знати праздновала въ Парижѣ свадьбу. Рюриковскіе князья и князья вчерашняго дня, графы и сенаторы, литераторы, увѣнчанные любовью народной и чины, почтенные его ненавистію, все русское населеніе, гуляющее въ Парижѣ, собралось на домашній, русскій пиръ къ послу; одинъ иностранецъ и былъ приглашенъ, какъ почетное исключеніе—Гекеренъ, убійца Пушкина!

Ну найдите мнѣ Пошехонцевъ, Ирокезовъ, Лилипутовъ, Нѣмцевъ, которые бы имѣли меньше такта!

— Струна изъ графской лиры Ростопчиной.—Ценсура выпустила изъ стихотворенія графини Ростопчиной, напечатаннаго въ "Сѣверной Пчелѣ" слѣдующія строфы, направленныя противъ насъ :

Въ учители, въ апостолы, въ Мессіи
Пошли теперь поэты и писцы,
И ужъ у насъ чрезъ мѣру по Россіи
Незванные плодятся мудрецы;
Ученье ихъ—безсмыслый недоносокъ,
Плодъ чужихъ странъ, и дико имъ самимъ,
Любовь ихъ къ меньшей братьи—отголосокъ
Отчаянной вражды къ большимъ.

*

Легко бѣжать съ милльономъ на чужбину
И клеветой оттуда насъ громить,
Ложь съ истиной мѣшать на половину,
Чтобъ нищихъ духомъ съ толку сбить,
Чужую жизнь легко переиначить
И ближняго не трудно очернить,
Толпы трескучимъ словомъ одурачить,
И даже на ходули взгромоздить.

*

Легко корить того, кто не отвѣтитъ
И какъ легко позорить мертвеца,(*)
И тайной цѣли(?) свѣтъ въ томъ не примѣтитъ
И подтакнуть всѣхъ простачковъ сердца.
Вотъ, напримѣръ, вотъ подвигъ знаменитый
Встревожить женскій неостывшій прахъ,†
Метнуть въ него стрѣлою ядовитой
И желчь излить въ язвительныхъ стихахъ.

— По дѣлу московскаго полицмейстера Огарева.—Въ 21 листѣ Колокола мы напечатали : "правда-ли что московскій полицмейстеръ Огаревъ истязалъ мѣщанина..." Намъ пишутъ теперь въ отвѣтъ на нашъ вопросъ разныя подробности этого отвратительнаго поступка.

Послѣ театра полицмейстеръ Огаревъ отправился въ гости къ актрисѣ Медвѣдевой. Одинъ купеческій сынъ, желавшій на ней жениться, увидя у подъѣзда сани съ казакомъ, побоялся взойти, и прислалъ ей записку, которую горничная имѣла неосторожность передать ей въ присутствіи Огарева. Огаревъ, узнавъ отъ горничной адресъ купеческаго сына, поѣхалъ къ нему, взялъ съ собой по дорогѣ еще двухъ казаковъ, пріѣхалъ, взошелъ въ квартиру своего соперника и спросилъ его какъ онъ смѣетъ писать записки къ Медвѣдевой, и когда тотъ отвѣчалъ, что не обязанъ давать ему отчета, Огаревъ велѣлъ казакамъ держать несчастнаго, и взявши нагайку собственноручно такъ его исколотилъ, что голова оказалась проломленною.

Жаль, что нѣтъ имени купеческаго сына, ему нечего краснѣть отъ этихъ побоевъ, Россіи надобно отъ нихъ краснѣть, Александру Николаевичу надобно краснѣть отъ нихъ. Гдѣ во всей Европѣ, не исключая Вѣны и Парижа, не исключая самаго Неаполя — возможно что-нибудь подобное?

И послѣ этого насъ упрекаютъ за то, что мы бранимъ Закревскаго — этого покровителя Беринга, Сечинскаго и наконецъ этого Огарева.

(*) О Николаѣ, что-ли?

† Стихотвореніе Н. Огарева въ IV Полярной Звѣздѣ въ "Отступницѣ."

¿Правда ли, что новгородскій помѣщикъ, Неклюдовъ, давно прилагавшій всѣ старанія, чтобъ раззорить свое имѣніе въ Боровичахъ на берегу Меты, переводитъ крестьянъ на неудобную землю въ виду освобожденія;—князь Орловъ, правда ли это; вѣдь вы предсѣдатель комитета, предлагающаго свободу и 10 ударовъ розгами?

Спѣшимъ извѣстить нашихъ читателей, что Н. Трюбнеръ издаетъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ на французскомъ языкѣ :

MÉMOIRES DE L'IMPÉRATRICE CATHERINE II,

ÉCRITS PAR ELLE-MÊME.

(1744—1758.)

Записки эти давно извѣстныя въ Россіи по слухамъ, и хранившіяся подъ спудомъ, печатаются въ первый разъ. Мы взяли мѣры, чтобъ онѣ тотчасъ были переведены на русскій языкъ.(*)

Нужно ли говорить о важности, о необычайномъ интересѣ 'записокъ' той женщины, которая больше тридцати лѣтъ держала въ своей рукѣ судьбы Россіи и занимала собою весь міръ отъ Фридриха II и энциклопедистовъ до крымскихъ хановъ и кочующихъ Киргизовъ.

Въ 'запискахъ' описана молодость ея, первые годы замужества, — тутъ въ зачаткахъ, въ распускающихся почкахъ можно изучить ту женщину, о которой Пушкинъ сказалъ :

Насильно Зубову мила
Старушка милая жила,
Пріятно, по наслышкѣ блудно,
Вольтеру лучшій другъ была,
Писала прову, флоты жгла
И умерла, садясь на судно.
И съ той поры въ Россіи мгла
Россія, бѣдная держава
Съ Екатериною прошла
Екатерипенская слава.

(*) Тѣ же записки предлагаетъ намъ другой корреспондентъ котораго замѣчательное письмо будетъ въ слѣдующемъ листѣ—мы благодаримъ его за добрую готовность. Объ убіеніи Павла I у насъ есть двѣ статьи—одна писанная современникомъ. Подробности мало разнятся отъ разсказа Тьера. Статью Воейкова—"Революція 1801 Марта 12" мы бы желали имѣть.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

No. 25. **THE BELL** OCTOBER 1, 1858.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, *W. C.*

ЛИСТЪ 25.

1 Октября 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 17, Frith Street, Soho Square, London. Price six-pence.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.(*)

...У насъ все идетъ такъ дурно, что не знаешъ съ чего начать. Всѣ надежды на преобразованія — лопнули, какъ мыльные пузыри. Напрасно сохранять еще вѣру въ Александра. Какъ ни тяжело сознаться въ своей ошибкѣ, но полно ребячиться, теперь не до того. Три года прошло съ того дня, какъ Россія вздохнула свободнѣе, что же сдѣлано въ это время? Гдѣ же прогрессъ и обѣщанное преуспѣяніе? Ужъ не въ томъ ли оно, что Александра Ѳедоровна подымается на спекуляціи? Да, на спекуляціи,— вполнѣ впрочемъ пристойныя для полковника прусскихъ войскъ. Недавно здѣсь, въ Петербургѣ, была раздача акцій новаго страховаго отъ огня общества; толпа народу собралась въ Большой Морской, у дома Вревской, въ надеждѣ купить акціи, но удалось это не многимъ, большая часть акцій заранѣе была роздана однимъ изъ учредителей, генералъ-губернаторомъ Игнатьевымъ, и роздана Александрѣ Ѳедоровнѣ, принцу Ольденбургскому и другимъ великимъ князьямъ. У насъ, т. е. не у насъ въ Россіи, а у насъ при дворѣ, это называется—поддерживать народную промышленность.

Вотъ въ подобныхъ дѣлахъ и заключается весь нашъ прогрессъ. Немного разшевелило насъ начало царствованія Александра; протерли мы глаза послѣ 30 лѣтней слѣпоты, оглянулись—тамъ гадко, здѣсь скверно! Александръ посулилъ все исправить, а мы и поддались на эту посулу! Онъ наобѣщалъ, распустилъ было немного возжи, такъ крѣпко натянутыя его папенькой, а мы и повѣрили, разрюмились, ждемъ и въ него вѣруемъ! Въ настоящее время Александръ точно задалъ себѣ задачу: пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ, идти на перекоръ ему. Вотъ вамъ одинъ изъ нѣсколькихъ случаевъ: какъ только Іаковъ Ростовцевъ вернется изъ за границы, то будетъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Скажите, можно ли болѣе желать зла Россіи и русскому народу? Іаковъ, этотъ Іуда въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ, этотъ энтузіастъ, доносомъ начавшій свою карьеру, этотъ "пылкій юноша," заклейменный вѣчнымъ позоромъ, будетъ держать въ рукахъ своихъ судьбу Россіи! Мы никогда не думали, чтобъ Александръ могъ грубо потоптать общественное мнѣніе, такъ нагло надсмѣяться надъ нимъ. Славный выборъ! И чего хочетъ государь? Того ли, чтобы искра любви къ нему, не совсѣмъ еще загасшая, окончательно угасла? Того ли, чтобъ эспинасовскими распоряженіями возстановить всѣхъ противу себя? не расчетливо! Вѣдь прошла николаевская спячка, — ежели не попробовали мы, то по крайней мѣрѣ понюхали свободы; натяни онъ опять возжи — вѣдь ни Іаковъ, ни Тимашевъ не удержатъ общаго взрыва. Будутъ случаи скоропостижной смерти въ III отдѣленіи, но и они не спасутъ его.

Не спроста говорю я о скоропостижной смерти. Въ началѣ прошлаго Іюня юнкеръ лейбъ-гвардіи Стрѣлковаго батальона Борисъ Скуратовъ, 22 лѣтній мальчикъ, взятъ изъ гвардейскаго лагеря подъ Краснымъ Селомъ въ III отдѣленіе. Никто не знаетъ навѣрное за что онъ арестованъ; но спрашивается что могъ сдѣлать серьезнаго юноша 22 лѣтъ? 18 Іюня этотъ несчастный скоропостижно умеръ въ штабѣ корпуса жандармовъ! Тимашевъ сообщилъ въ батальонъ объ исключеніи его изъ списковъ, а оберъ-полицмейстеръ г. Шуваловъ въ ежедневной вѣдомости о приключеніяхъ по С. Петербургу, отъ 20 Іюня, написалъ: "Литейной части, по 2му кварталу,* содержавшійся подъ присмотромъ при штабѣ корпуса жандармовъ, юнкеръ лейбъ-гвардіи стрѣлковаго батальона, Борисъ Скуратовъ, 18 Іюня скоропостижно умеръ." Чтобы ваше сіятельство велѣть вамъ вскрыть его тѣло, какъ вскрываете вы тѣла всѣхъ скоропостижно умершихъ, да и добавить бы—отъ чего послѣдовала смерть? Рука бы чай не дрогнула написать—отъ холеры. Кровь стынетъ въ жилахъ, когда подумаешь, что долженъ былъ перенесть бѣдный мальчикъ для того, чтобы умереть скоропостижно!

У меня есть доказательства того, что подобные случаи скоропостижной смерти будутъ теперь чаще случаться: невинный и благородный Іаковъ приметъ на себя обязанности холерины, а генералъ Тимашевъ — этотъ инквизиторъ въ голубомъ мундирѣ — всѣ остальныя обязанности холеры; первый—пришибетъ, второй—добьетъ! Вотъ на чемъ основываю я мое предположеніе. Прочтите, что писалъ недавно

(*) Мы опускаемъ начало письма, слишкомъ лестное для насъ и нашей дѣятельности, но искренно и душевно благодаримъ писавшаго за его теплыя слова. — Ред.

* Литейной части, во 2 кварталѣ, у Пантелеймонской церкви, помѣщается штабъ жандармовъ.

отъ 17 прошлаго Мая, къ министрамъ юстиціи (за No. 164) и внутреннихъ дѣлъ (No. 165).* Бутковъ—этотъ богъ всѣхъ петербургскихъ камелій, этотъ государственный Казанова, улучшающій бытъ крестьянъ и знакомый съ Россіею отъ Коломякъ до Петербурга включительно. Выписываю цѣликомъ его отношеніе къ Панину, къ Ланскому написано тоже.

Посмотрите, какъ сбили съ толку Александра II! Подъ какой прессъ сбирается онъ положить своихъ вѣрноподданныхъ! Не помню я что-то, чтобы народъ, которому даютъ ежели не полную, то полусвободу, бунтовалъ бы противу этого. Откуда-же эта необходимость принимать сильныя мѣры для прекращенія безпорядковъ между помѣщичьими крестьянами? Или чуетъ правительство, что крестьянинъ никакъ не можетъ удовлетвориться тою мнимою свободой, которую оно такъ великодушно жалуетъ ему? Кто же виноватъ въ этомъ? Зачѣмъ же было сулить многое и не сдѣлать ничего? Такою свободою можно надуть камергера, генералъ-адъютанта, любаго изъ министровъ: можно дать имъ какую-нибудь блестящую бляху на лобъ, на животъ или куда на другое мѣсто, они будутъ счастливы, но 12,000,000 крестьянъ на это не поддѣнешь! Или скажутъ, пожалуй, что и теперь есть случаи возмущеній и что по этому въ будущемъ ихъ надо ожидать большее число. У насъ, съ давнихъ поръ, каждое выраженіе неудовольствія, всякій громкій разговоръ—называютъ возстаніемъ, бунтомъ. Этого страшнаго призрака постоянно боялся Николай; имъ же, кажется, пугаютъ и Александра II. Безпорядки между крестьянами дѣйствительно были, но во 1хъ) до сихъ поръ ихъ было не болѣе того, что бываетъ ежегодно; во 2хъ) причиною ихъ было не освобожденіе крестьянъ, а притѣсненіе ихъ. Какъ доказательство, я избираю тѣ случаи, которые мнѣ удалось прослѣдить по оффиціальнымъ бумагамъ. До сихъ поръ самыя сильныя возстанія крестьянъ были въ Эстляндіи (онѣ продолжаются еще); начались въ первыхъ числахъ Іюня, въ Зюдъ-гарріенскомъ дистриктѣ. Гринвальдъ послалъ войско, крестьяне убили 14 солдатъ и 1 офицера. Гринвальдъ по телеграфу запросилъ помощи; къ нему послали сперва генерала Исакова, а потомъ и войско. Крестьяне усмирѣли. Но за то въ другихъ помѣстьяхъ дистриктовъ Ландъ-вирляндскаго, Гарріенскаго, Остъ-ервенскаго и на островѣ Даго неповиновенія не прекращаются: крестьяне отказываются отъ барскихъ работъ, или произвольно распоряжаются ими; на долю уральскихъ казаковъ и ревельскаго гарнизона пало усмирять т. е. сѣчь и бить несчастныхъ. Гринвальдъ мечется какъ угорѣлый, ежеминутно проситъ войскъ, а неповиновенія въ одномъ мѣстѣ прекращаются, въ другомъ возникаютъ. Гдѣ же ихъ причина? Для Эстляндіи составлено новое Положеніе о крестьянахъ, которое должно быть приведено въ дѣйствіе въ нынѣшнемъ году; но не во всѣхъ частяхъ: все что относится до отбыванія крестьянами повинности помѣщику можетъ быть введено только послѣ кадастраціи земель. Гринвальдъ не разбирая ничего, объявляетъ въ мѣстной газетѣ, что "новое положеніе съ 23 Апрѣля 1858 года, должно замѣнить всѣ прежнія постановленія," не упоминая ни слова о необходимости кадастра. Крестьяне ждутъ новаго положенія. Гринвальдъ распоряжается, чтобы оно было объявлено народу торжественно, въ церквахъ, послѣ обѣдни; пасторы повѣщаютъ крестьянамъ и назначаютъ для того одно изъ Воскресеній.

* См. приложеніе No. 1.

Народъ въ нетерпѣніи. Между тѣмъ нѣсколько приходскихъ судей доносятъ губернатору, а ландраты подтверждаютъ тоже, что этотъ способъ обнародованія оказывается опаснымъ, такъ какъ при большомъ стеченіи народа могутъ встрѣтиться неумѣстные разговоры. Гринвальдъ пугается, отмѣняетъ свое распоряженіе и приказываетъ мірскимъ старостамъ явиться къ приходскимъ судьямъ, а симъ послѣднимъ прочесть имъ новое положеніе и выдать по два экземпляра. Народъ начавшій сбираться въ церкви, разошелся, не узнавъ новаго положенія. Начался ропотъ, толки о томъ, что крестьянамъ намѣренно скрываютъ дарованныя правительствомъ облегченія; отъ ропота недалеко и до неповиновенія. Кто же произвелъ его? Сами-ли крестьяне поднялись? Неподняли-ли ихъ безтолковыя распоряженія? Не вышло-ли возстаніе именно отъ того, что его боялись и хотѣли предупредить?

Вотъ вамъ другой случай, подъ который болѣе или менѣе подходятъ всѣ остальные. Крестьяне г^{жи} Энгельгардъ, с. петербургской губерніи, лугскаго уѣзда, взбунтовались такъ, что предводитель дворянства Пантелѣевъ перепоролъ всѣхъ ихъ отъ мала до велика; исправникъ поклялся имъ, что онъ, не взирая на царя и бога, сотретъ ихъ съ лица земли... а они все таки бунтуютъ! Дѣло въ томъ, что г^{жа} Энгельгардъ хочетъ переселить ихъ (по случаю предстоящаго выкупа усадьбъ) на болото, а они—бунтовщики эдакіе!—не хотятъ. Госпожа отняла у нихъ землю, предводитель перепоролъ, исправникъ нашумѣлъ, вѣроятно и подрался... а они, неучи! все таки не хотятъ на болото и бунтуютъ!(*)

Вотъ еще третій случай. Судогодскій (владимірской губ.) уѣздный предводитель дворянства, Задаево-Кошанскій, въ Апрѣлѣ этого года, по той же причинѣ какъ и г^{жа} Энгельгардъ, вздумалъ перенести въ имѣніе жены своей 11 крестьянскихъ дворовъ на новыя мѣста, за версту отъ старыхъ мѣстъ. Крестьяне просили его отсрочить переселеніе до конца уборки хлѣба, чтобы успѣть снять жатву съ засѣянныхъ ими полей. Кошанскій не согласился на это, а такъ какъ крестьяне продолжали просить, то онъ прибѣгъ къ земской полиціи. Исправникъ (замѣтьте, подчиненный того же предводителя) налетѣлъ какъ снѣгъ на голову и перепоролъ бунтовщиковъ. Крестьяне вышли изъ терпѣнія: 70 человѣкъ пошли искать защиты у губернатора. Тиличѣевъ оказалъ имъ защиту самую полную: перепоролъ ихъ, по его словамъ, за своеволіе, отослалъ ихъ черезъ земскую полицію на мѣсто жительства, выдалъ помѣщику главныхъ зачинщиковъ, донесъ Ланскому о бунтѣ и послалъ туда войско. Крестьяне были усмирены, но за то взбутовался помѣщикъ: 5 человѣкъ изъ бунтовщиковъ отданы имъ въ солдаты, а 9 семействъ, въ числѣ 26 душъ представлены въ губернское правленіе для ссылки въ Сибирь на поселеніе. Крестьяне изъ тюрьмы писали къ нему просьбы, изъявляя раскаяніе и прося прощенія. Кошанскій не сдался, и бѣдняки (за исключеніемъ 3 женщинъ съ грудными дѣтьми, оставленныхъ на время въ заведеніяхъ Приказа) сосланы въ Сибирь, по постановленію губернскаго правленія 14 Іюня

(*) Посылаю вамъ копію со всеподданнѣйшей просьбы крестьянъ госпожи Энгельгардъ. Будете ли въ силахъ прочесть ее равнодушно. Сколько покорности у бѣдныхъ крестьянъ! Просьба эта получена отъ государя въ коммиссіи прошеній 1 Іюня и записана во входящемъ журналѣ за No. 4244. Ранетъ, 19 Іюня за No. 5,899—передалъ ее въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ она тоже, вѣроятно пролежитъ съ мѣсяцъ. У насъ, на службѣ, всякій вздоръ торопятся сдѣлать въ одинъ день, а подобная вопіющая просьба 18 дней покоится въ коммиссіи прошеній, которая ничего по ней и не дѣлаетъ! (Просьба въ приложеніи No. 2.)

Digitized by Google

состоявшагося. Подпора престола—дворянинъ Кошанскій не насытился: землю оставшуюся послѣ сосланныхъ онъ отобралъ себѣ, дома ихъ сломалъ, мѣста бывшія подъ усадьбами запахалъ такъ, чтобы и слѣда не осталось. (*) Вотъ они — благородные-то дворяне!

Противу подобныхъ бунтовъ, Александръ II хочетъ установить новую власть неограниченную въ своихъ дѣйствіяхъ, и уполномоченную съ полной силою энергически принимать всѣ мѣры къ отвращенію безпорядковъ и главное къ отвращенію причины и повода къ онымъ. Да и какія же это всѣ, энергическія мѣры? Розги, да палки вѣроятно. Замѣтьте 3ій пунктъ: "ассигновать достаточныя суммы, дабы они (генералъ-губернаторы) имѣли средства и возможность получать вѣрныя свѣдѣнія о положеніи умовъ," т. е., говоря безъ канцелярскихъ фразъ, сдѣлать изъ нихъ высшихъ шпіоновъ и дать имъ возможность безнаказанно душить все живое и благородное. Славно мы идемъ впередъ! Тяжелый упрекъ беретъ на себя Александръ II; исторія напишетъ о немъ неотрадныя строки: онъ могъ, ежели не все, то многое сдѣлать и вмѣсто того, онъ задушитъ все, затянетъ николаевскую петлю, надѣтую имъ на всю Россію еще 14 Декабря 1825 года.

Вы постоянно писали о смягченіи цензурныхъ гоненій. Первое время царствованія Александра II, дѣйствительно начали появляться въ печати статьи посвободнѣе; стали осуждать по крайней мѣрѣ то, что въ глаза бросается своимъ уродствомъ. Посмотрите же что дѣлается теперь, въ какія цензурныя колодки опять заковывають насъ! Я не пойду слишкомъ далеко: начну съ конца прошлаго года и ограничусь передачею вамъ циркулярныхъ и разумѣется секретныхъ распоряженій министра народнаго просвѣщенія.

До Января настоящаго года, Авраамъ Сергіевичъ дѣйствовалъ самъ, безъ товарищества государя. Въ Ноябрѣ 1857 г. взволновался онъ: страшны ему стали періодическія изданія и вотъ помолясь спасу нерукотворному и наслушавшись медоточивыхъ рѣчей Кисловскаго, разразился онъ 14 Ноября слѣдующимъ циркулярнымъ предложеніемъ ко всѣмъ попечителямъ Учебныхъ Округовъ:

"Съ нѣкотораго времени начали появляться въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ сужденія слишкомъ смѣлыя, касающіяся вопросовъ государственныхъ и также стремящіяся къ нововведеніямъ. Эти сужденія весьма часто несогласны съ видами правительства. Конечно (!), не надлежитъ смѣшивать благороднаго желанія улучшеній съ тенденціями къ политическимъ преобразованіямъ, но сіи послѣднія не рѣдко облекаются въ благовидныя наружныя формы и потому гг. цензоры обязаны съ неослабною прозорливостію вникать въ духъ сочиненій и, покровительствуя наукѣ, не давать хода вреднымъ умозрѣніямъ. Обязываюсь покорнѣйше просить ваше....., обративъ особенное вниманіе на сочиненія, въ которыхъ могутъ скрываться означенныя направленія, предписать гг. цензорамъ усугубить просвѣщенную строгость при разрѣшеніи оныхъ къ печати."

Добрались ли цензора до смысла этой секретной галиматьи? Богъ ихъ знаетъ. Но все таки подобная бумаженка, какъ ни глупа она, давала имъ поводъ крючкотворничать; болѣе того —требовала отъ нихъ слова запретнаго. Не понимая хорошенько пресловутаго циркуляра, они чуяли только, что велятъ построже смотрѣть и поменѣе позволять печатать. Такъ они и дѣйствовали.

Но вотъ явились знаменитые рескрипты къ генералъ-губернаторамъ: виленскому (отъ 20 Ноября) и петербургскому (отъ 5 Декабря). Нельзя же и министру народнаго просвѣщенія не принять участія въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Недолго думалъ Норовъ, или, правильнѣе, Кисловскій, — Норовъ никогда не думалъ, онъ только молился,—и разразился новымъ циркуляромъ отъ 27 Декабря по цензурному вѣдомству. Онъ снова "считаетъ обязанностію обратить строжайшее вниманіе цензурнаго вѣдомства на всѣ представляемыя статьи и стихотворенія, въ которыхъ могутъ появляться рѣзкіе и язвительные отзывы объ отношеніяхъ господъ и помѣщиковъ къ ихъ служителямъ и крестьянамъ." За симъ идетъ слѣдующій монологъ, ухитритесь понять его: "Излишнимъ было бы входить въ ближайшее указаніе на тѣ причины, по которымъ журналы и печать(!!) вообще должны остерегаться отъ всего, что можетъ возбуждать враждебныя предубѣжденія и страсти (предубѣжденія у кого и противу чего? У крестьянъ противу розогъ что-ли?), въ то самое время, когда правительство приступило къ разрѣшенію вопроса, столь близкаго всѣмъ(?) по государственному своему значенію. Просвѣщенной предусмотрительности и благоразумной заботливости вашей предоставляется оцѣнить всю важность современныхъ обстоятельствъ и согласовать съ ними дѣйствія ввѣренной вамъ цензуры."

Что, поняли? Норовъ, давши такой славный образецъ набора словъ, умылъ ручки, а Кисловскій водицы подалъ. Сдѣлали государственное дѣло: циркуляръ сочинили! да и какой... поди ты тамъ, пойми его кто хочетъ! Не смотря на это, изъ циркуляра можно догадаться о желаніи правительства, чтобы не смѣли обсуждать его дѣйствій; ему самому и страшно: ну, ежели да поймутъ, что оно морочитъ только освобожденіемъ крестьянъ! Страшно ему на столько, что объявленіе Академіи наукъ, назначившей премію за сочиненіе на русскомъ языкѣ объ отмѣнѣ помѣщичьихъ правъ въ разныхъ государствахъ Европы, государь разрѣшаетъ напечатать только на французскомъ языкѣ въ бюллетеняхъ Академіи; въ русскихъ же газетахъ не позволяетъ... Въ это время безсмысленный комитетъ по крестьянскому дѣлу выступаетъ на сцену болѣе и болѣе; вмѣшивается во все и запутываетъ все, начиная съ самаго крестьянскаго дѣла. Но чтобы свалить вину на чужія плечи, онъ во всемъ дѣйствуетъ именемъ государя, такъ что подивишся дѣятельности Александра II: онъ и генералъ-губернаторовъ изобрѣлъ, выдумалъ новую полицію, онъ же накладываетъ руки и на цензуру! Норову уже ничего не остается выдумывать отъ себя: остается только исполнять. Посмотримъ что же натворилъ Александръ II.

14 Января 1858 г., Бутковъ (по крестьянскому комитету) сообщилъ Норову, а тотъ 16 Января передалъ по всѣму цензурному вѣдомству слѣдующія правила, "данныя государемъ для руководства внутренной цензуры, при разсмотрѣніи и пропускѣ статей, относящихся до предпринятаго освобожденія крѣпостнаго состоянія: 1) Статей, гдѣ будутъ разбирать, осуждать и критиковать распоряженія правительства по этому дѣлу, къ напечатанію не допускать. 2) Не позволять также

(*) Мы недавно слышали, что въ полтавской губерніи, помѣщикъ, котораго фамиліи намъ не сказали, (знаемъ только что онъ графъ и генералъ) заставляетъ 200 душъ крестьянъ переселиться на неудобную землю, съ земли, которой они владѣли больше ста лѣтъ. Не сообщитъ ли кто намъ имя его сіятельства?—Рвд.

Digitized by Google

печатать тѣхъ статей, преимущественно литературнаго содержанія, гдѣ въ формѣ разсказа или какой либо другой, помѣщаются событія (!) и сужденія, могущія возбудить крестьянъ противу помѣщиковъ. 3) За тѣмъ, всѣ сочиненія и статьи чисто ученыя, теоретическія и статистическія, гдѣ будутъ разбираться и разсматриваться вопросы хозяйственные о теперешнемъ и будущемъ устройствѣ крестьянъ, дозволять печатать, какъ отдѣльными книжками, такъ и во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ . . . и 4) Статьи написанныя въ духѣ правительства, допускать къ печатанію во всѣхъ журналахъ."

Здѣсь, прежде всего, бросается въ глаза, ничѣмъ необъяснимый страхъ государя, что его дѣйствія по освобожденію крестьянъ разберутъ, разкритикуютъ и осудятъ. Откуда же этотъ страхъ? Ежели онъ боится противудѣйствія помѣщиковъ, то оно никакъ не проявится въ литературѣ: большая часть нашихъ помѣщиковъ умѣютъ только подписывать векселя, а никакъ не писать что-либо для печати. Чтобы парализировать ихъ дѣйствія, надо было бы принимать мѣры не Норову съ братіей и не по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, съ которымъ наши помѣщики совершенно не знакомы. Нѣтъ, здѣсь страхъ отъ другой причины. Явно, что Александръ II понимаетъ вздорность распоряженій по освобожденію крестьянъ и смерть боится, что крестьянамъ откроютъ глаза и взволнуютъ ихъ. Напрасенъ и этотъ страхъ, ибо наши крестьяне слишкомъ неграмотны и журналовъ не читаютъ. Ежели взволнуетъ ихъ, то никакъ не литература журнальная, а оффиціальная, скрывающаяся въ высочайшихъ рескриптахъ: эти произведенія императорскаго пера они читаютъ внимательно и понимаютъ какъ ихъ морочатъ. Людей, ожидающихъ столько времени свободы, выстрадавшихъ ее потомъ и кровью, взволнуешь не статьями въ формѣ разсказа, а тѣмъ, что не дашь имъ свободы, торжественно обѣщавъ ее. Не литераторы, печатающіе свои статьи въ журналахъ, а литераторы — въ родѣ Ростовцева, Блудова, Буткова и другихъ гонителей свѣта и свободы крестьянской, произведутъ у насъ бунты, пожалуй и революцію. Неужели же наконецъ опытъ гласности, едва начатый "Морскимъ Сборникомъ," не доказалъ, какъ полезно возбуждать полемику по самымъ серьезнымъ государственнымъ вопросамъ? — Неужели надо еще доказывать ребенку извѣстную истину, что полемика не препятствуетъ, а напротивъ, облегчаетъ рѣшеніе всякаго дѣла? Все это хорошо извѣстно государю; но разъ поставленный своими совѣтниками на ложный путь, разъ сбившись на гонительныя идеи своего папеньки, онъ не только не вернется назадъ, но пойдетъ все далѣе и далѣе. Богъ вѣсть гдѣ онъ остановится! Отъ неограниченнаго самодержавія легко одурѣть, это угаръ самый убійственный для способностей человѣка.

Бродя почти ощупью, въ чаду государственныхъ дѣлъ, государь 23 Января вновь приказываетъ Норову (а этотъ 25 Января передаетъ циркулярно по цензурному вѣдомству): вышеизложенныя правила, изобрѣтенныя для статей, касающихся собственно крѣпостнаго состоянія, "распространить и на прочіе предметы современныхъ государственныхъ вопросовъ и правительственныхъ распоряженій, и на этомъ основаніи не допускать къ печати статей, содержащихъ въ себѣ какое либо противудѣйствіе мѣрамъ правительственнымъ, порицаніемъ оныхъ и такихъ, кои могутъ ставить различныя сословія въ государствѣ во враждебное или непріязненное положеніе противу правительства, или между собою." Какимъ же чудомъ цензурное вѣдомство дозволило печатать рескрипты объ освобожденіи крестьянъ, ибо они ставили во враждебное и непріязненное положеніе противу правительства—сословіе крестьянъ, которымъ не давалась свобода, и сословіе помѣщиковъ, у которыхъ обѣщались отнять дорогое имъ право сѣчь и отдавать въ солдаты?!

День 23 Января былъ какимъ-то особенно тяжелымъ днемъ для цензуры. Въ этотъ же день государь приказалъ въ видахъ упрощенія цензурнаго производства, назначить отъ каждаго министерства и отдѣльнаго вѣдомства по одному чиновнику съ тѣмъ, чтобы чиновники эти, состоя въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ цензорами и редакторами періодическихъ изданій въ С. Петербургѣ, получали прямо отъ нихъ для просмотра всѣ сочиненія и статьи, относящіяся къ вѣдомству мѣстъ ихъ служенія. За тѣмъ идутъ упрощенія: чиновникъ этотъ въ случаѣ сомнѣній, испрашиваетъ разрѣшеніе своего главнаго начальника, и передаетъ свое мнѣніе цензору; цензоръ вноситъ въ цензурный комитетъ; комитетъ испрашиваетъ разрѣшенія главнаго управленія цензуры; главное управленіе представляетъ министру народнаго просвѣщенія, а этотъ — государю... Ну — упростили! Можете по этому примѣру судить, что значитъ у насъ неупрощенное производство!....

Но вотъ добрались мы до самаго важнаго: 17 Апрѣля этого года стукнуло Александру II сорокъ лѣтъ; едва переступя черезъ порогъ этого роковаго дня, первымъ его дѣломъ было принять новыя гасительныя мѣры. Бутковъ, отъ 19 Апрѣля, за N. 138, по отдѣленію дѣлъ государственнаго секретаря, сообщилъ министру народнаго просвѣщенія новую высочайшую волю относительно цензурныхъ правилъ. Документъ этотъ такъ важенъ, въ немъ правительство такъ ясно высказалось, что—не боясь утомить васъ его длиннотой—я списываю вамъ его отъ слова до слова. Вотъ онъ: (*)

"Отношеніемъ отъ 14 Января сего 1858 года, сообщены бывшему министру народнаго просвѣщенія правила, указанныя государемъ императоромъ для руководства цензурѣ при разсмотрѣніи и пропускѣ къ напечатанію статей, относящихся до предпринятаго правительствомъ улучшенія и устройства крестьянскаго быта.

"Нынѣ его величество изволилъ замѣтить, что правила сіи не исполняются цензурою съ надлежащею точностію.

"Въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ начали появляться статьи, гдѣ предлагаются для этого дѣла (!!) не тѣ начала, кои указаны правительствомъ; излагается необходимость освободить крестьянъ вполнѣ отъ всякой зависимости помѣщиковъ, (а этого-то и не хочетъ правительство) и даже отъ полицейской ихъ власти (правительство же, оставляя за собою право сѣчь помѣщиковъ, квитается съ ними, предоставляя имъ сѣчь крестьянъ); помѣщаются противу дворянъ и помѣщиковъ рѣзкія сужденія и наконецъ стараются доказать право собственности крестьянъ на помѣщичью землю и на пріобрѣтеніе усадьбъ въ собственность безъ выкупа, (замѣтьте же слова.) Въ нѣкоторыхъ литературныхъ статьяхъ начали помѣщаться весьма неприличные разсказы случаевъ злоупотребленія помѣщичьей власти (не описка-ли это? Правильнѣе было бы сказать: разсказы весьма неприличныхъ

(*) Текстъ этого циркуляра былъ помѣщенъ въ 20 листѣ Колокола. Протвердить его еще разъ не мѣшаетъ.—Ред.

Digitized by Google

случаевъ злоупотребленій помѣщичьей власти). Такое направленіе печатаемыхъ нынѣ статей, можетъ возбудить крестьянъ противу помѣщиковъ, оскорбляетъ сословіе дворянъ и вселяетъ въ умы крестьянъ такія надежды, кои впослѣдствіи едва-ли могутъ осуществиться. Кромѣ того дошло до высочайшаго свѣдѣнія е. и. в., что цензура разрѣшая къ печатанію статьи написанныя въ видахъ пользы крестьянскаго сословія, запрещаетъ всѣ тѣ статьи, кои пишутся въ пользу помѣщиковъ.

"Государь императоръ, признавая необходимымъ, чтобы при настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса, не были рѣшительно допускаемы къ напечатанію такія статьи, въ какой бы формѣ онѣ ни были, кои могутъ волновать умы и помѣщиковъ и крестьянъ, разсѣевая между сими послѣдними нелѣпые толки и сужденія (о полной ихъ свободѣ и о правахъ на землю! И Александръ II рѣшился назвать это нелѣпымъ толкомъ!?), изволитъ желать, дабы ваше прво. дали по этому предмету самыя строгія наставленія цензурѣ, предписавъ ей ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ духа и смысла правилъ, указанныхъ уже по сему предмету его императорскимъ величествомъ въ минувшемъ Январѣ. Его величеству угодно, чтобы съ изданіемъ нынѣ особой программы для занятій дворянскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, цензура дозволяла къ печатанію только тѣ чисто ученыя, теоретическія, историческія и статистическія сочиненія и статьи, гдѣ обсуживаются исключительно предметы сельскаго хозяйства и благоустройства; статьи непротивныя духу и направленію означенной программы, не вдаваясь отнюдь въ сужденія о предметахъ будущаго устройства крестьянъ въ окончательномъ періодѣ предпринятаго правительствомъ преобразованія (т. е. разсуждай—не разсуждая! чтобы сказать прямѣе и проще: дозволять только тѣ статьи, въ которыхъ выхваляется его и. в. и весь августѣйшій домъ!). Вмѣстѣ съ тѣмъ его и. в. изволитъ признавать необходимымъ, чтобы цензура, разрѣшая печатаніе статей, написанныхъ въ пользу крестьянскаго сословія, не препятствовала печатать статьи написанныя въ пользу помѣщиковъ (т. е. его величество становится въ рядъ защитниковъ помѣщиковъ, признавая ихъ пользу. Неудивительно: его величество изволитъ быть помѣщикомъ надъ нами; немудренно, что ему дороги и помѣщики подъ нимъ состоящіе: лишивъ ихъ помѣстнаго права, онъ пожалуй лишится и своего), запрещая критику главныхъ началъ, въ высочайшихъ рескриптахъ и въ означенной выше программѣ указанныхъ, и вообще сочиненія, кои могутъ возбуждать одно сословіе противу другаго, но всегда обращая вниманіе на духъ и благонамѣренность сочиненія. Сверхъ того государю императору благоугодно, чтобы въ отдѣльныхъ листкахъ, продаваемыхъ нынѣ на улицахъ и перекресткахъ, не было вовсе допускаемо сужденій и статей, вообще до крестьянскаго вопроса относящихся, и чтобы было обращено особое строгое вниманіе на отдѣльныя книжки, издаваемыя для простаго народа, дабы въ нихъ не было допускаемо не только ничего несогласнаго съ постановленными для устройства крѣпостнаго сословія началами, но и ничего такого, что могло бы давать поводъ, хотя и намеками, къ превратнымъ толкованіямъ."*

"О таковой высочайшей волѣ, я имѣю честь сообщить вашему прву. для зависящихъ распоряженій."

Оставляя въ сторонѣ неграмотность этого отношенія, я прежде всего попрошу васъ обратить вниманіе на то, что всѣ эти распоряженія дѣлаются отъ имени государя. Зная очень хорошо наши канцелярскія формы, я могу утвердительно сказать, что тутъ имя Александра II впутано не безъ основанія: всѣ эти мѣры ему доложены, онъ ихъ читалъ или слушалъ, непремѣнно сдѣлалъ свои замѣчанія, исправленія, дополненія; отъ того-то онѣ и пущены отъ его имени. Не знаю, самъ ли онъ, собственнымъ разсужденіемъ дошелъ до необходимости ихъ, или доведенъ до того внушеніями и убѣжденіями кого-либо изъ ставленниковъ своихъ. Но это почти все равно для меня. Вся бумага писана отъ его имени, онъ изволитъ желать; ему угодно; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изволитъ признавать необходимымъ; сверхъ того, ему благоугодно..... Все это подлинныя выраженія Бутковской бумаги. Господи, что за выраженія! Что за рабская, унизительная вѣжливость! Немудрено, что съ подобными господами никогда не освободишь крестьянъ, они и говорить то вѣжливо не умѣютъ безъ униженія.

Далѣе, отношеніе это весьма важно во 1ыхъ какъ документъ, выражающій взглядъ Александра II на крѣпостное право, его предначертанія въ этомъ отношеніи въ будущемъ—и во 2ыхъ какъ актъ, изобличающій цензуру. Я васъ предупреждалъ, что на подобную бумагу я не могу смотрѣть легко, шутя.

Отношеніе это ясно доказываетъ, что Александръ II никакъ не признаетъ необходимости освободить крестьянъ вполнѣ отъ всякой зависимости отъ помѣщиковъ и никакъ не признаетъ правъ крестьянъ на землю. Необходимость той и другой мѣры была столько развита, такъ уяснена, что я не прибавлю уже ни слова къ тому, что было сказано прежде меня. Александръ II ничего этого не признаетъ, а бѣдные крестьяне надѣясь на его отеческую къ нимъ любовь, ждутъ, что манифестъ о полномъ ихъ освобожденіи нѣкогда послѣдуетъ (слова изъ просьбы крестьянъ гжи Энгельгардъ). Ждите, бѣдные труженики! Не дождаться вамъ этого дня: царь, тотъ самый царь, который въ Мартѣ 1856 года говорилъ дворянамъ въ Москвѣ—лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу,—тотъ же царь, теперь, надежду вашу на свободу называетъ нелѣпымъ толкомъ и объявляетъ, что она врядъ-ли когда можетъ осуществиться. Слышите-ли, бѣдняки—нелѣпы ваши надежды на меня—говоритъ вамъ царь. На кого же надѣяться теперь! На помѣщиковъ? Никакъ—они за одно съ царемъ и царь явно держитъ ихъ сторону. На себя только надѣйтесь, на крѣпость рукъ своихъ: заострите топоры, да за дѣло—отмѣняйте крѣпостное право, по словамъ царя, снизу! За дѣло, ребята, будетъ ждать, да мыкать горе; давно уже ждете, а чего дождались?....

Далѣе, отношеніе это также неоспоримо доказываетъ, что

* Вѣроятно, что это памекъ на брошюру: "Печатная Правда" князя Голицына, гдѣ на стр. 31—32 говорилось слѣдующее: "Земля, молъ, вся помѣщичья..... коли въ законѣ такъ ужъ споконъ вѣку установлено, да и въ царской грамотѣ подтверждено, то кому же, развѣ вору какому придетъ въ голову дурь такая, чтобы на чужое добро да протягивать руки."

"Царь съ того и началъ... и пр." Страница эта была замѣчена, когда брошюра уже поступила въ продажу. Оставшіеся экземпляры перепечатали и двусмысленность сгладили. У меня нѣтъ подъ рукою 2 изданія. Но стр. 46—47 остались безъ перемѣны, на нихъ его сіятельство грозитъ кому-то слѣдующими словами: "Слово сказано ради свѣта и предостереженія, а на прощаніе молвить надо еще одну поговорку: бушка баранъ, не ходи по горамъ, убьютъ тебя, не пеняй на меня. Да еще и другую: говорили Афанасью, быть де ненастью, знай поскакалъ, да колесы растералъ."

Digitized by Google

Александръ II держитъ безусловно сторону помѣщиковъ: онъ не хочетъ освободить крестьянъ отъ полицейской власти помѣщиковъ; онъ называетъ неприличными разсказы о томъ, какъ помѣщики дерутъ крестьянъ; онъ хлопочетъ не о томъ, чтобы крестьяне не страдали отъ этого, а о томъ, чтобы сословіе дворянъ не оскорбилось такимъ неприличіемъ, забывая даже безсмысліе подобной заботы: пори—это прилично, но не печатай о томъ что поришь—это не прилично! Нѣтъ, воля ваша, въ этихъ словахъ я не вижу благодушнаго государя! Мало того, Александръ II становится на одну доску съ г. стат. совѣ. Бланкомъ и г. Безобразовымъ, онъ приказываетъ печатать статьи въ пользу помѣщиковъ, и въ тѣхъ листкахъ, которые скорѣе всего дойдутъ, ежели не до крестьянъ, то до дворовыхъ и мѣщанъ, не смѣть и говорить о крестьянскомъ дѣлѣ.

Такъ вотъ на какихъ основаніяхъ должна совершиться отмѣна крѣпостнаго состоянія сверху! Не могу надивиться, не говоря уже ни о чемъ другомъ, неблагоразумію, неосторожности Александра II! Лучше бы ему и не затрогивать крѣпостнаго права; а разъ затронулъ, разъ забросилъ въ народъ мысль объ уничтоженіи его—веди дѣло какъ можно шире, если хочешь остаться цѣлымъ. Не дворянъ надо ему бояться, это шавки; брось имъ вмѣсто косточки, ордена, чины —съ которыми они не могутъ растаться,—и они угомонятся. Но надо бояться озлобить 12,000,000 крестьянъ; они страшны потому, что ихъ революція перевернетъ все вверхъ дномъ, а съ ними не сладишь, ежели обѣщалъ имъ болѣе, нежели сколько даешь. У насъ ежеминутно слышимъ: крестьяне наши—бараны! Да, бараны они до перваго Пугача. Баранами они были, пока не давали имъ никакой надежды на освобожденіе; не то будетъ теперь, когда имъ обѣщали свободу, да потомъ только по губамъ помазали. Бараны— не стали бы волками! Войскомъ не осилишь этихъ волковъ! Перенесъ бы я васъ сюда въ казармы, въ лагерь, на парадъ, на ученье, далъ бы вамъ потолкаться между солдатами, прислушаться къ ихъ рѣчамъ... и вы бы согласились со мной, что солдаты за крестьянъ, а не за царя.

Другая часть этого отношенія — обвиненіе ценсоровъ, забавна до слезъ. Кто не разсмѣется, что нашихъ ценсоровъ обвиняютъ въ послабленіи, въ неточномъ исполненіи данныхъ имъ правилъ? Кто повѣритъ, что наши ценсора разрѣшаютъ печатать только то, что согласно съ ихъ убѣжденіями? Можно шутить и въ оффиціальной бумагѣ, но не такъ, чтобы клеветать будто ценсора не позволяли печатать статьи въ пользу помѣщиковъ. Чтобы назвать хоть одну подобную статейку! Всѣ эти нападки на ценсуру такъ глупы, что не хочется и говорить объ нихъ. Достаточно одного убѣжденія, ясно истекающаго изъ всего этого, это то, что государь недоволенъ ценсурой, находитъ ее слабою и стѣсняетъ свободу писать еще болѣе. Никто другой, а онъ самъ хочетъ этого. Безъ доказательства я ничего не говорю; вотъ оно и на эти подчеркнутыя слова. Въ Маѣ этого года, въ европейскомъ комитетѣ (слыхали ли вы о немъ?), въ одномъ журнальномъ постановленіи было помѣщено представленіе министра финансовъ (Брока), по статьѣ объ отмѣнѣ разныхъ ограниченій, которыя стѣсняя промышленность и торговлю, препятствуютъ общей народной дѣятельности и, по словамъ Брока, находятся въ противорѣчіи съ прогрессомъ гражданственности. Когда журналъ этотъ былъ представленъ на утвержденіе государя, то онъ взялъ и подчеркнулъ эти слова и, по выраженію Блудова, соизволилъ начертать собственноручно слѣдующую отмѣтку карандашомъ: "Что за прогрессъ!!! прошу слова етого (это не описка, написано е, а не э) не употреблять въ оффиціальныхъ бумагахъ." Такое начертаніе карандашемъ, Блудовъ, какъ высочайшее повелѣніе, сообщилъ 18 Мая, всѣмъ министрамъ. Съ тѣхъ поръ, мы не смѣемъ писать слова прогрессъ и всячески обходимъ его.

Подумайте надъ всѣмъ, написаннымъ мною, и скажите— увеличивалъ-ли я, начавъ письмо мое словами: слишкомъ грустно наше настоящее положеніе, слишкомъ безотрадно будущее. Въ настоящемъ нѣтъ ничего утѣшительнаго, все по старому: таже гниль, тоже зашиваніе старыхъ прорухъ дырявымъ тряпьемъ, и — не дерзая преступить высочайшее начертаніе, не смѣю говорить прогрессъ—преуспѣяніе только въ отчетахъ. Это грустное положеніе наводитъ тоску, отчаяніе, усиливающееся несбывшимися ожиданіями. Любитъ-ли Александръ II свою Россію? Я крѣпко сомнѣваюсь въ этомъ: едва-ли не болѣе любитъ онъ свою власть. А какъ отрадно начиналъ онъ свое царствованіе! Бывало прочтешь гдѣ его резолюцію человѣчную, здравую; бывало услышишь его слова о крѣпостномъ правѣ, о ценсурѣ... и думаешь: ну, слава богу, пришла пора переворота, совершится онъ мирно, безъ крови..... А теперь..... теперь что?! Вездѣ ропотъ, вездѣ справедливое негодованіе; крестьяне ждутъ не дождутся и теряютъ терпѣніе; солдаты негодуютъ и ждутъ за одно съ крестьянами!... Одни чиновники, да помѣщики подымаютъ головы. Плохо, очень плохо!... А въ будущемъ-то что? Въ главѣ крестьянскаго дѣла станутъ Ростовцевъ и Муравьевъ. Вамъ издали отвратительны эти личности; посудите же, что терпимъ мы вблизи, почти ежедневно узнавая ихъ дѣйствія и видя какъ вліяніе ихъ, особенно Муравьева, съ каждымъ днемъ ростетъ. Первый изъ нихъ вамъ довольно извѣстенъ; вѣроятно не менѣе знакомъ и второй, но я до сихъ поръ не встрѣчалъ ничего о немъ въ вашихъ изданіяхъ. Знаете ли вы хоть что-нибудь изъ того, что творитъ Муравьевъ? Для образца, разскажу вамъ одинъ случай.

До сихъ поръ ни одинъ государственный крестьянинъ не могъ быть переселенъ въ наказаніе въ другія губерніи, иначе какъ по приговору своего общества. Законъ допускалъ эту мѣру, какъ наказаніе только за неисполненіе крестьяниномъ обязанностей въ отношеніи къ обществу. Безспорно, при исполненіи этого закона бывали случаи злоупотребленій. Не противу нихъ возсталъ Муравьевъ: его звѣрской натурѣ досадно, что нельзя самому соеевольничать, нельзя вдругъ безъ суда, ни за что, ни про что, сослать крестьянина. Вотъ онъ и испрашиваетъ высочайшее разрѣшеніе, тѣхъ крестьянъ, которые будутъ оказывать дерзость и не повиновеніе властямъ и вообще признаны будутъ вредными для общественнаго порядка, ссылать въ отдаленныя губерніи, безъ суда, безъ приговора общества, а единственно по постановленію палаты, съ согласія губернатора и съ утвержденія министра. Мало того, онъ ужь отъ себя приказываетъ прежде выпороть крестьянина, а потомъ сослать. Сердце обливается кровью, когда читаешь это распоряженіе безсовѣстнаго, бездушнаго негодяя. При другомъ случаѣ разскажу вамъ, какъ онъ воспользовался этимъ разрѣшеніемъ, и безъ суда, безъ постановленія палаты, вопреки согласію губернатора, сослалъ одного голову въ архангельскую губернію; теперь же, для того, чтобы вы не

Digitized by Google

могли усомниться въ справедливости моихъ словъ, прилагаю (прилож. No. 3.) копію съ его секретнаго циркулярнаго отношенія къ губернаторамъ. Онъ не находитъ нужнымъ оглашать его — видно есть еще остатокъ совѣсти — такъ не откажитесь напечатать его у себя. Циркуляръ этотъ такъ подлъ, такъ гнусенъ, что я не имѣю силъ разбирать его и издѣваться надъ нимъ: въ глазахъ рябитъ отъ слезъ и жгучей горечи. Замѣтьте, онъ тоже отъ 19 Апрѣля.

Что не говори кто другой, а я все твержу свое: слишкомъ грустно наше настоящее, слишкомъ безотрадно будущее!

Примите увѣреніе въ чувствѣ глубокаго уваженія и — простите за выраженіе—братской къ вамъ преданности.

Іюль, 1858 года.

P. S. Распечатываю письмо мое чтобы сообщить вамъ очень интересную новость. Ланской узнавъ о вышеразсказанныхъ мною поступкахъ Задоево-Кошанскаго, вышелъ изъ себя, и въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ довелъ о нихъ до свѣдѣнія государя. Вотъ послѣдствія его доклада (я его читалъ, онъ во всемъ сходенъ съ тѣмъ, что я сообщилъ вамъ) —Кошанскаго приказано отрѣшить отъ должности предводителя; поступокъ его отдать на судъ дворянства; имѣнье его и жены взять въ опеку; сосланныхъ крестьянъ остановить тамъ, гдѣ будутъ застигнуты и, не возвращая на прежнее мѣсто жительства, приписать въ государственные крестьяне съ надѣленіемъ землею и водвореніемъ на счетъ бывшаго помѣщика... Каковъ Александръ! Каковъ Ланской! Кстати о послѣднемъ; свѣдѣнія которыя сообщались вамъ о немъ не во всемъ были вѣрны,* такъ что вы составили о немъ не совсѣмъ справедливое понятіе. Это, единственный можетъ быть, честный, правдивый и не деспотичный министръ. Еслибы не боясь повредить дѣлу, можно было сообщить вамъ всѣ закулисныя подробности по освобожденію крестьянъ, то вы бы примирились съ Ланскимъ: онъ одинъ горячо настаивалъ въ немъ, онъ одинъ хотѣлъ вести дѣло шире, чѣмъ оно ведется. Этимъ-то онъ и нажилъ себѣ враговъ вездѣ—между владѣльцами и между высшими чиновниками; съ помощію интригъ его оттираютъ отъ этого дѣла. Какъ только будетъ можно, повторяю — безъ вреда для крестьянскаго дѣла — я сообщу вамъ нѣкоторыя подробности о томъ, какъ вынудилъ Ланской начать освобожденіе крестьянъ.

Приложеніе N. 1.

Государственная Канцелярія, Отдѣленіе Дѣлъ
Государ. Секретаря.—17 Мая 1858 года.
N. 164.

ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ ЮСТИЦІИ,

Государь Императоръ, принявъ во вниманіе, что со введеніемъ въ дѣйствіе составляемыхъ нынѣ по губерніямъ положеній объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, будутъ необходимо приняты особыя сильныя мѣры, какъ для наблюденія на мѣстѣ за порядкомъ исполненія означенныхъ положеній, когда они будутъ утверждены, и за сохраненіемъ при этомъ спокойствія и общественной безопасности, такъ въ особенности для прекращенія какихъ либо безпорядковъ, и волненій, особенно между помѣщичьими крестьянами, если бы оные обнаружились,—изволилъ найти, что существующая нынѣ въ губерніяхъ мѣстная власть, ограниченная въ своихъ дѣйствіяхъ и обремененная подробностями текущаго управленія, едва ли можетъ дѣйствовать при этомъ съ полнымъ успѣхомъ. Считая полезнымъ чтобы при такихъ обстоятельствахъ существовала въ губерніяхъ власть сильная, которая, сосредоточивая въ себѣ высшій надзоръ за ходомъ всего управленія, могла бы не только наблюдать за приведеніемъ въ исполненіе новыхъ положеній, и тотчасъ разрѣшать всѣ могущіе встрѣтиться при томъ вопросы и недоразумѣнія, и дѣйствовать энергически, съ полною силою къ прекращенію безпокойствъ и волненій, если бы они случились, и главное къ отвращенію причины и повода къ онымъ,—его императорское величество изволитъ признавать существенно полезнымъ и необходимымъ учредить для сего временныхъ генералъ-губернаторовъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ званіе это нынѣ не существуетъ.

Предоставляя главному Комитету по крестьянскому дѣлу составить подробное о семъ положеніе, государь императоръ изволилъ поручить мнѣ, по соглашенію съ вашимъ сіятельствомъ и съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, составить и представить Главному Комитету:

1.) Предположеніе о раздѣленіи между временными генералъ-губернаторами губерній, гдѣ будутъ вводимы новыя положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ. Въ вѣдѣніе каждаго подобнаго генералъ-губернатора могутъ быть назначены, три или даже четыре губерніи, смотря по ихъ населенію, сходству мѣстнаго положенія и удобствамъ. Въ тѣ губерніи, гдѣ число помѣщичьихъ крестьянъ вообще незначительно, можно будетъ не назначать временныхъ генералъ-губернаторовъ, давъ начальникамъ тѣхъ губерній особыя уполномочія и инструкціи.

2.) Проэктъ инструкціи генералъ-губернаторамъ.—Инструкція, по которой дѣйствуютъ нынѣшніе генер.-губер., весьма не опредѣлительна, почти не присвоивая имъ никакой власти и никакихъ правъ. Государь императоръ изволитъ признать полезнымъ дать всѣмъ вообще генер.-губер. внутреннихъ губерній новую инструкцію, на основаніи коей они, будучи освобождены отъ дѣлъ мелочныхъ и текущихъ, сосредоточивали бы въ лицѣ своемъ высшій надзоръ за ходомъ управленія, будучи уполномочены дѣйствовать всѣми средствами къ введенію и сохраненію порядка и благоустройства въ губерніяхъ, имъ ввѣряемыхъ. Въ этой инструкціи должны быть указаны обязанности и права генералъ-губернаторовъ по надзору за введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ положеній, какъ о помѣщичьихъ крестьянахъ, такъ объ уѣздныхъ управленіяхъ и полиціи. На ихъ обязанность и отвѣтственность долженъ быть въ особенности возложенъ выборъ и приготовленіе лицъ, для замѣщенія должностей полицейскихъ управленій вообще, такъ какъ отъ качества сихъ лицъ будетъ зависѣть весь успѣхъ предположеннаго нынѣ преобразованія, и—

3.) Предположеніе о расходахъ, кои потребуются по случаю учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ, при этомъ его императорское величество изволитъ считать необходимымъ назначить генералъ-губернаторамъ достаточныя суммы на экстраординарные расходы, дабы они имѣли средства и возможность получать вѣрныя свѣдѣнія о положеніи умовъ въ краѣ имъ ввѣренномъ.

Его величеству благоугодно, дабы вся эта работа была кончена главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу въ одно и тоже время, какъ будутъ имъ окончены предположенія объ устройствѣ уѣздныхъ управленій, полиціи и учрежденій для разбора недоумѣній между помѣщиками и крестьянами.

О таковой высочайшей волѣ, принятой мною къ надлежащему исполненію, я имѣю честь сообщить вашему сіятельству для вашего милостивый государь, свѣдѣнія.

(Подписалъ): Государственный секретарь В. Бутковъ.

(Скрѣпилъ): Исправ. Д. Статсъ-Секретарь Жуковскій.

Приложеніе N. 2.

ПРОСЬБА КРЕСТЬЯНЪ ГОСПОЖИ ЭНГЕЛЬГАРДЪ.

Августѣйшій монархъ! Всемилостивѣйшій государь!

Лугскаго уѣзда, Солнцева берега, помѣщицы гжи. Энгельгардши нижеозначенные крестьяне преклоняемъ колѣна и дерзаемъ утруждать ваше императорское величество своею всеподданнѣйшею нижайшею нашею просьбою.

Ваше императорское величество, мы крестьяне гжи. Энгельгардши, которая до всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества манифеста объ отпущеніи насъ на волю сильно притѣсняетъ, а именно: выводитъ насъ туда, гдѣ нѣтъ никакого клочка земли удобной для хлѣбопашества, кромѣ болота, на коемъ одинъ мохъ и тотъ плохъ; на что мы и не соглашаемся перемѣститься до всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества манифеста, который надѣемся на вашу отеческую любовь къ вѣрноподданнымъ нѣкогда послѣдуетъ.

Ваше императорское величество! За это несоглашеніе наше, мы претерпѣли казнь, которая несправедлива, мы не бунтовщики, готовы всегда повиноваться и знаемъ—нѣсть власти аще не отъ Бога,—на то и рождены. Но за живо съ голода и холода умереть не желаемъ, имѣя женъ, дѣтей и матерей, должны по обязанности кормить, воспоить и одѣть ихъ, а если не будемъ имѣть къ тому средствъ, то какими промыслами должны будемъ снискивать себѣ пропитаніе и насущный хлѣбъ, а равно и для домашнихъ своихъ думаемъ и надѣемся, что не только православный царь нашъ и отецъ, но и другіе помазанники міра сего любятъ и уважаютъ когда вѣрноподданные ихъ живутъ исправно.

Ваше императорское величество! Дерзаемъ объяснить вамъ настоящую нашу жизнь и претерпѣваемое нами наказаніе какъ выше упомянули: по соизволенію гжи. помѣщицы и дворянскаго предводителя г. Пантелѣева, 65 и 70 лѣтъ старцевъ по 50, а молодымъ безъ числа дали розогъ, за то, что не согласились и не соглашаются выйти въ болото для обдѣлки онаго. Послѣ чего велѣно было намъ явиться въ уѣздный лугскій судъ. Здѣсь г. исправникъ объявилъ намъ невз-

* Душевно жалѣемъ, что помѣстили ихъ, но съ удовольствіемъ печатаемъ слѣдующія строки письма.—Ред.

Digitized by Google

вѣстный присланный отъ военнаго г. генералъ-губернатора указъ, котораго не читавъ, между прочимъ сказалъ намъ: "Я сотру васъ съ лица земли, не боясь ни бога, ни царя,— ступайте вонъ и подумайте о судьбѣ своей." Мы повинуясь приказанію и власти, вышли на улицу и по первому требованію его опять явились въ присутствіе, выжидая отъ него справедливости; но онъ не внимая намъ повторялъ тѣже нелѣпыя слова—что я не боюсь ни Бога ни царя, истреблю васъ съ лица земли, принудилъ насъ уйти изъ г. Луги.

Явившись въ свою вотчину, гжа. помѣщица лишила насъ земли, а потому мы остались безъ посѣва, какъ то: яроваго хлѣба, овса, ячменя, пшеницы, гороха и гречи и другихъ потребностей, необходимыхъ для крестьянина; слѣдовательно чѣмъ мы должны будемъ пропитывать себя и семейство свое?

Ваше императорское величество! Вникните въ трудное положеніе наше; излейте всемилостивѣйшую любовь къ вѣрноподданнымъ вашего императорскаго величества дѣтямъ, которые безпрекословно повинуются всякой власти. Если прикажете вы, ваше императорское величество, выйти въ болото, мы всегда готовы повиноваться помѣщицѣ на узаконенныхъ правахъ и основаніи и будемъ усердно исполнять обязанности крестьянина.

Всемилостивѣйшій монархъ! Предъ стопами вашими преклоняемъ мы и сердца наши, ожидая отъ вашего императорскаго величества всемилостивѣйшей резолюціи. 1858 года, Маія 19 дня. Къ сему прошенію нижеозначенные крестьяне гжи. Энгельгардши руку приложили: Алексій Өедоровъ, Никита Өедоровъ, Иванъ Өедоровъ, Алексѣй Анисимовъ, Өедоръ Ефимовъ, Иванъ Гурьяновъ, Иванъ Кондратьевъ, Борисъ Ивановъ, Кондратій Гурьяновъ.

М. Г. И. Приложеніе N. 3.

1й. Департ., по секретной части.

19 Апр. 1858 г. [Секретно.

ГГ. НАЧАЛЬНИКАМЪ ГУБЕРНІЙ,

Въ числѣ мѣръ взысканія съ государственныхъ крестьянъ за порочное поведеніе и неплатежъ податей, предоставлено сельскимъ обществамъ (Сб. Зак. Т. XII. Уст. о благоустр. въ казен. сел., ст. 391 и 392) составлять приговоры объ удаленіи виновныхъ изъ общества переселеніемъ въ другія губерніи, которое и совершается по распоряженію палатъ государственныхъ имуществъ, по утвержденіи приговоровъ начальниками губерній.

Наказаніе это допускается въ отношеніи тѣхъ государственныхъ крестьянъ, которыхъ исправительныя мѣры не могли удержать отъ проступковъ и дурнаго поведенія.

Случаи, когда эта мѣра взысканія допускается, въ законѣ поименованы; но всѣ они относятся лишь къ неисполненію государственными крестьянами обязанностей ихъ къ самому обществу; за проступки же противъ власти, то есть дерзость и неповиновеніе поставленнымъ надъ ними начальствамъ, виновные отсылаются къ суду, производство котораго бываетъ болѣе или менѣе продолжительно, между тѣмъ какъ немедленное удаленіе виновнаго изъ общества составляетъ первую потребность для сохраненія порядка.

Для устраненія сего неудобства, я полагалъ полезнымъ предоставить палатамъ государственныхъ имуществъ, въ отношеніи государственныхъ крестьянъ, въ особенности же сельскихъ и волостныхъ писарей и иныхъ должностныхъ лицъ крестьянскаго сословія, которые будутъ оказывать дерзость и неповиновеніе властямъ и вообще признаны будутъ вредными для общественнаго порядка, дѣлать, по надлежащемъ на мѣстѣ о нихъ дознаніи и съ согласія начальника губерніи, постановленія объ удаленіи ихъ изъ общества, переселеніемъ въ отдаленныя губерніи, порядкомъ, установленнымъ для переселяемыхъ по приговорамъ обществъ, и постановленія сіи приводить въ исполненіе съ утвержденія министра государственныхъ имуществъ.

Предположеніе сіе, по всеподданнѣйшему о семъ докладу моему, въ 31 день прошлаго Марта, удостоено высочайшаго его императорскаго величества утвержденія.

Не находя нужнымъ преждевременно оглашать изъясненное высочайшее повелѣніе имѣю честь сообщить объ ономъ вашему ....., покорнѣйше прося, къ тѣхъ случаяхъ, гдѣ примѣненіе онаго будетъ признано вами необходимымъ и вполнѣ соотвѣтствующимъ своей цѣли, предоставить палатѣ составлять постановленіе объ удаленіи изъ обществъ вредныхъ поселянъ и постановленіе это, по изъявленіи вами на оное согласія, представлять на мое утвержденіе.

Къ этому присовокупляю, что изъясненная мѣра должна быть принимаема только при совершенномъ убѣжденіи въ необходимости оной, для примѣра и въ видахъ предупрежденія безпорядковъ и вреднаго на прочихъ вліянія, съ тѣмъ чтобы назначенные къ выселенію были въ нужныхъ случаяхъ предварительно подвергаемы мѣстными начальствами исправительнымъ наказаніямъ и что палаты, въ представляемыхъ на утвержденіе мое постановленіяхъ по сему предмету, обязаны объяснять: были-ли и какія именно принимаемы исправительныя мѣры, и если не были, то по какимъ уваженіямъ.

(Подписано): Министръ Государственныхъ Имуществъ,
Генералъ отъ Инфантеріи, Муравьевъ.

СМѢСЬ.

ИЗЪ ВНУТРЕННОСТИ РОССІИ

(отрывки изъ письма.)

Работы петербургскаго и московскаго комитетовъ плетутся кое-какъ; они показываютъ по крайней мѣрѣ признаки жизни. Дѣло останавливается за вопросомъ объ усадьбахъ. Помѣщики никакъ не хотятъ отдѣлить ихъ крестьянамъ въ собственность, какъ слѣдовало бы по смыслу правительственныхъ постановленій, и желаютъ напротивъ, сохранить право собственности за собою, а крестьянамъ предоставить только право вѣчнаго пользованія ими за опредѣленное вознагражденіе. Легко понять къ чему это клонится.

За глубочайшею таинственностью, покрывающею намѣренія правительства, не извѣстно, какъ смотритъ оно на означенныя тенденціи; носятся только слухи о готовности его сдѣлать уступки помѣщикамъ.

Нижегородское дворянство не смотря на то, что комитетъ существуетъ съ ранней весны, ничего не сдѣлало; большинство проникнуто сознаніемъ о необходимости выработать такія начала, которыя заставили бы крестьянъ жалѣть о теперешнемъ порядкѣ. Такими же чувствами одушевлены Тамбовцы, Саратовцы и, въ особенности Пензенцы.

Крестьяне ожидаютъ свободы терпѣливо, но горячо и страстно радуются наступленію ея въ будущемъ. Если правительство обманетъ ихъ, то долготерпѣніе переполнитъ наконецъ возможные предѣлы, и послѣдствія будутъ весьма плачевны. Ненависть къ помѣщичьему праву съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе укореняется въ сознаніи крестьянъ, не смотря на внѣшнее ихъ спокойствіе. Эти слова внушены мнѣ ближайшимъ соприкосновеніемъ къ крестьянамъ въ послѣдніе два мѣсяца.

Между тѣмъ правительство ровно ничего не дѣлаетъ для обузданія свирѣпости и алчности помѣщиковъ. Наиболѣе смышленые, или наиболѣе трусливые, правда, ослабили барщинные уроки, отказались въ извѣстной мѣрѣ отъ отнятія у крестьянъ рабочихъ дней, отъ искалечивающихъ тѣлесныхъ наказаній, но есть удальцы твердо придерживающіеся прежней системы. Имъ-то правительство даетъ совершенный просторъ.

Въ Маѣ, на вопросъ — довольна ли Москва Закревскимъ, ближайшій къ нему чиновникъ отвѣтилъ: "Боготворитъ!"

— За что же? — Всѣмъ исправникамъ приказано пороть мужиковъ, чтобъ о освободѣ говорить не смѣли!

— Въ пензенской губерніи, саранскаго уѣзда, въ с. Пушкинѣ помѣщицы Полянской, крестьянамъ пришла прошедшею весною охота избрать изъ своей среды уполномоченныхъ для взноса въ уѣздное казначейство податей. Убѣдившись при этомъ, что управляющій въ теченіи нѣсколькихъ предшествовавшихъ лѣтъ собиралъ подати въ большемъ противу закона размѣрѣ и по взносѣ ихъ лично въ казначейство, остатка не возвращалъ, крестьяне обратились мирно и тихо съ просьбою о возвратѣ имъ таковаго за всѣ годы. На это управляющій отвѣтилъ зуботычинами, а крестьяне выведенные крайнимъ нахальствомъ изъ терпѣнія, вломились въ контору, вскрыли денежный сундукъ и вынувъ изъ него то, что приходилось по расчету, разошлись. При производствѣ по этому дѣлу чиновникомъ Карауловымъ слѣдствія, человѣкъ 15 были засѣчены до полу-смерти военною командою, и человѣкъ 30 засажены въ острогъ? Говорятъ, что при донесеніи объ этомъ происшествіи министру, была утаена побудившая крестьянъ къ насилію причина и дѣло представлено какъ бунтъ; говорятъ наконецъ, что губернаторъ Панчулидзевъ удостоился получить за усмиреніе сего бунта благоволеніе?

¿Правда-ли, что государственный контролеръ Анненковъ, получившій по ссылкѣ въ Сибирь своего двоюроднаго брата (по 14 Декабря 1825) большую часть его имѣнья, думаетъ (около двухъ лѣтъ) какъ бы поделикатнѣе отдать это имѣнье возвратившемуся изъ ссылки Анненкову? И правда-ли, что въ этомъ отношеніи на него сильно подѣйствовалъ примѣръ Кушелевой, болѣе отдаленной чѣмъ онъ родственницы ex-ссыльнаго, которая возвратила полученное отъ него имѣнье? Говорятъ, что достойный ревнитель гражданскаго устройства находитъ опрометчивымъ такой поступокъ своей родственницы, которая такъ неделикатно взяла, да и отдала имѣнье, не употребивъ на обсужденіе этого поступка подобно ему нѣсколько лѣтъ?

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

No. 26. **THE BELL** **OCTOBER 15, 1858.**

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, *W. C.*

ЛИСТЪ 26.

15 Октября 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 17, Frith Street, Soho Square, London. Price six-pence.

МАТЕРІАЛЫ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

. . . Не такъ ли, господа, я полагаюсь на васъ, вы меня не обманете?

(Рѣчь Александра II—къ нижегородскому дворянству.)

Навѣрное обманутъ. Развѣ въ самомъ дѣлѣ Александръ II не видитъ ростущую силу дворянскаго противудѣйствія всякому дѣйствительному освобожденію крестьянъ, развѣ онъ не видитъ какъ они утягиваютъ въ долгой ящикъ пустыхъ комитетскихъ собраній, бюрократическихъ формъ — весь вопросъ?

Развѣ Долгоруковъ съ Тимашевымъ не донесятъ ему о томъ несдерживаемомъ ропотѣ противъ него за то, что онъ осмѣлился коснутся священныхъ правъ дворянства. Дикая брань доходитъ до насъ, сюда, въ Лондонъ . . . и будто она не извѣстна въ Зимнемъ Дворцѣ.

Дворянство тѣмъ больше обманетъ, что Александръ II находится въ совершено оригинальномъ положеніи, со всѣмъ своимъ самодержавіемъ—онъ стоитъ одинъ. Его министры и совѣтники, т. е. его помощники принадлежатъ (за исключеніемъ можетъ быть Ланскаго) къ яростнѣйшимъ защитникамъ правъ барщины и розогъ. И на это его добрая воля. Чему же государь удивляется, что Москва и не на первомъ, и не на второмъ и не на третьемъ планѣ. Развѣ не онъ держитъ тамъ Закревскаго, который соединившись съ нашими плантаторами, противудѣйствуетъ освобожденію. Онъ это знаетъ, онъ посылалъ Долгорукова, который "не выдумаетъ пороху" узнавать—тайну повѣденія Закревскаго, о которой въ Москвѣ говорили всѣ—отъ Бутырокъ до Плющихи.

Сколько мы ни говорили объ этомъ, сколько ни обличали, но тѣмъ не меньше не дурно иной разъ снова подтвердить подробности этого заговора.

Въ числѣ бумагъ доставленныхъ намъ, у насъ есть мнѣніе, приписываемое князю Меньщикову — по крестьянскому вопросу и письмо разсказывающее съ новыми подробностями исторію комитета. Начинаемъ съ послѣдняго.

А.) Письмо о подробностяхъ исторіи комитета.

. . . Цирнуляръ отъ 17 Февраля 1858 года по крестьянскому вопросу былъ составленъ коммиссіей, въ которой Ланской не находился. Въ коммиссіи дѣйствовали въ корню: генералъ-адъютантъ Ростовцевъ и министръ гос. им. Муравьевъ, а на пристяжкѣ старый грѣшникъ Блудовъ и молодой, но ретивый и подающій надежды Чевкинъ. Эти почтенные 4 сановника собирались не одинъ разъ, говорили горячо и обильно, спорили до глубокой ночи, (каждый изъ нихъ глумился надъ остальными за глаза) каждый предлагалъ свою редакцію, но энтузіастъ Іаковъ восторжествовалъ надъ другими.

Когда они во всемъ согласились, то съ высочайшаго одобренія послали готовый циркуляръ къ министру внутреннихъ дѣлъ, который съ особеннымъ наслажденіемъ подмахнулъ снизу красивымъ почеркомъ С. Ланской, а Гвоздевъ, чтобъ и его трудъ былъ тутъ же, написалъ не меньше красиво сверху —циркулярно.

Составленіе правилъ для занятія губернскихъ комитетовъ было возложено на Ланскаго и Муравьева. Ланской, усердный къ письменнымъ занятіямъ министръ, поспѣшилъ увѣдомить Муравьева, что онъ приказалъ составить по министерству внутреннихъ дѣлъ полное соображеніе по сему предмету, которое и будетъ препровождено на заключеніе Муравьева. Дѣйствительно крестьянскій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ составилъ програму въ духѣ просвѣщеннаго прогресса. Программа была Ланскимъ доставлена къ Муравьеву и послѣднимъ положена подъ сукно. Между тѣмъ Муравьевъ по соглашенію съ Ростовцовымъ, поручилъ Позену составленіе другой программы по этому же предмету. Когда эта жалкая, многосложная и неповоротливая программа, извлеченная изъ инвентарныхъ правилъ кіевской губерніи, гдѣ эти правила на дѣлѣ такъ плохо удались,— была готова, то Ланскому предложили подписать ее, вмѣсто проэкта составленнаго въ министерствѣ в. д.; онъ подписалъ ее въ видѣ проэкта, незадумавшись; программу доложили царю, и—съ высочайшаго одобренія пустили ее въ свѣтъ.

Какъ вамъ конечно не безъизвѣстно, тайный совѣтникъ, Мих. Павл. Позенъ, человѣкъ весьма практическій и весьма мало разборчивый въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей, нажилъ себѣ значительное состояніе, и какъ владѣлецъ нѣсколькихъ тысячь душъ очень заинтересованъ въ крестьянскомъ вопросѣ. Вѣроятно основываясь на финансовыхъ способностяхъ, доказанныхъ составленіемъ собственнаго полнаго обезпеченія, М. П. Позенъ считаетъ себя непремѣннымъ и

Digitized by Google

законнымъ кандидатомъ въ министры финансовъ. Стоитъ только нѣсколько прихворнуть министру финансовъ или разнестись городскому слуху о томъ, что кредитъ его колеблется, тотчасъ Михаилъ Павловичъ скачетъ изъ полтавской губерніи въ столицу и въ союзѣ съ другомъ своимъ Я. И. Ростовцовымъ и родственникомъ М. Н. Муравьевымъ (дочь Позена за сыномъ Муравьева) хлопочетъ всякими путями о министерствѣ. Такъ было и этотъ разъ. Составленіемъ вышеупомянутой многосложной программы, столь враждебной успѣшному развитію крестьянскаго вопроса, Позенъ надѣялся достичь двѣ цѣли: толкнуть вопросъ въ безконечную проволочку, прикрываемую невозможными короткими сроками, опредѣленными для окончанія занятій комитетовъ, и—обратить на себя вниманіе государя. Надежды были сильно возбуждены. Ростовцевъ ожидалъ быть министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ подчиненіемъ министерству III отдѣленія и корпуса жандармовъ. Позенъ считалъ себя уже министромъ финансовъ.

Втроемъ съ Муравьевымъ, который во время путешествія своего съ Іюня по Сентябрь 1857 года успокоивалъ всѣхъ предводителей дворянства, что вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права отложенъ на долго, втроемъ эти весьма не глупые люди составили бы вредный союзъ въ министерствѣ. Но настало 17 Апрѣля — Ланской и Долгоруковъ остались для подписанія разныхъ казенныхъ бумагъ, писанныхъ хорошимъ почеркомъ. 70 лѣтній Княжевичъ замѣнилъ Брока и Позенъ воротился въ полтавскую губернію, увѣряя не безъ ироніи, что, имѣй онъ 40 лѣтъ, онъ бы согласился быть министромъ финансовъ, но такъ какъ ему уже 60, то онъ считалъ бы безчестнымъ взять на себя такую отвѣтственность.

Крестьянскій вопросъ поведетъ насъ безъ всякаго сомнѣнія къ самымъ значительнымъ затрудненіямъ, если государь не обратится къ инымъ людямъ и не обновитъ составъ министерства и государственнаго совѣта, ибо въ настоящее время всѣ безъ исключенія высшія правительственныя лица противъ освобожденія, хотя, чтобы сохранить свое вліяніе, каждый и старается въ глазахъ государя казаться преданнымъ этому вопросу.

. . . . . У насъ, къ сожалѣнію, не дошли еще до яснаго пониманія истины, что для достиженія прочнаго успѣха въ чемъ бы то ни было, нужно призвать на помощь живыя силы общества. Обратитесь къ обществу, союзники найдутся всегда. У насъ всякій человѣкъ хочетъ сдѣлать все одинъ, собственными силами, да еще если можно секретно, въ безгласности совѣта или канцеляріи; а потому ничто и не удается. Нѣтъ сомнѣнія, что и Александръ Павловичъ и Николай Павловичъ желали отмѣны крѣпостнаго состоянія, но въ цѣлыхъ 50 лѣтъ они не сдѣлали ничего. Дай богъ чтобы всѣ усилія нынѣшняго царствованія не кончились тоже фантасмагоріей.

Повѣрите-ли вы, что заговоръ и стачка чиновъ государственнаго совѣта противъ благихъ намѣреній государя такъ единодушны и могущественны, что еще въ Августѣ 1857 г. состоялось положеніе, по коему дѣло освобожденія крестьянъ предполагалось раздѣлить на три періода: приготовительный, переходный и окончательный.

Въ теченіи всего приготовительнаго періода предполагалось только разрѣшать помѣщикамъ входить въ добровольныя соглашенія съ крестьянами, съ тѣмъ, чтобы каждое частное условіе восходило черезъ губернское начальство, министерство в. дѣлъ и комитетъ министровъ, на высочайшее утвержденіе. Срока этому періоду опредѣлено не было, но было поставлено, что когда значительное количество частныхъ условій изъ разныхъ губерній будетъ такимъ образомъ утверждено, то, соображаясь съ ними, министерство в. д. составитъ проэктъ правилъ измѣненія крестьянскаго быта для каждой губерніи, которыя по утвержденію государемъ и будутъ приведены въ исполненіе обязательно, но постепенно въ теченіи втораго и третьяго періодовъ. Слѣдовательно весь результатъ этого проэкта, обусловливался предварительнымъ успѣхомъ мѣры, по которой помѣщикамъ только разрѣшалось вступать въ добровольныя условія съ крестьянами. Если вспомнить, что указы Александра Павловича о свободныхъ хлѣбопашцахъ и Николая Павловича объ обязанныхъ крестьянахъ не повели почти ни къ какимъ результатамъ, то понятно, что весь этотъ протоколъ 17 Августа 1857, подписанный избранными членами государственнаго совѣта, созванными въ высшій секретный комитетъ и утвержденный государемъ 19 Августа 1857, клонился ни къ чему иному, какъ къ бумажному погребенію крестьянскаго вопроса.

Производитель дѣлъ комитета, государственный секретарь, Бутковъ, очень хорошо понималъ подвигъ комитета, и когда состоялось высочайшее утвержденіе этого протокола, то онъ говорилъ, потирая руки, своимъ пріятелямъ: "Ну вчера мы похоронили этотъ вопросъ на долго." Такъ думали всѣ эти господа. Но мѣсяца черезъ три главное начальство бѣлорусскихъ губерній испортило все, представивъ свои предположенія, за которыя государь ухватился съ радостью, а положеніе 19 Авгаста осталось comme non-avenue, какъ любопытный историческій памятникъ темныхъ интригъ партіи реакціонеровъ, для которыхъ не существуетъ ничего, кромѣ самаго узкаго сословнаго интереса.

Въ прекрасной статьѣ о программѣ занятій губернскихъ комитетовъ, напечатанной въ 19 и 20 листахъ Колокола, объяснены такъ ясно и отчетливо всѣ роковыя уступки, которыя государь сдѣлалъ этой партіи въ теченіи послѣдняго полугода.

Великое историческое дѣло, начатое въ концѣ 1857 года, принимаетъ съ каждымъ днемъ характеръ все болѣе и болѣе несогласный съ дѣйствительными пользами общества и государства. Только люди, ослѣпленные педальновиднымъ дворянскимъ сословнымъ эгоизмомъ и равнодушные къ благоденствію и спокойствію Россіи, могутъ желать, чтобы крестьянское сословіе было оставлено безъ поземельной собственности. Вы знаете какіе благодѣтельные плоды принесла честная и обдуманная реформа, начатая въ Пруссіи Штейномъ въ 1807 году, продолженная Гарденбергомъ въ 1811 и конченная въ наше время принятіемъ необходимыхъ финансовыхъ мѣръ. Взгляните на Пруссію. Въ этомъ государствѣ крестьянинъ пользуется благосостояніемъ; какъ собственникъ, крестьянинъ самая надежная опора правительства,—а не мѣшаетъ, чтобы фундаментъ зданія былъ проченъ,—и между тѣмъ имѣнія, оставшіяся въ рукахъ прежнихъ помѣщиковъ, не только не понизились въ цѣнѣ, но напротивъ значительно поднялись.

Вамъ не менѣе извѣстенъ плачевный результатъ такъ называемой эманципаціи, достигнутой въ Остзейскихъ губерніяхъ приведеніемъ въ исполненіе неудовлетворительныхъ положеній 1816, 1818 и 1819 годовъ.

Въ Пруссіи реформа шла отъ мыслящаго правительства,

Digitized by Google

въ Остзейскомъ краю она была предоставлена дворянству, какъ нынѣ въ Россіи.

Положенія, составленныя для остзейскихъ губерній, были дѣйствительно введены безъ потрясеній, наружный порядокъ былъ соблюденъ, но прошло 40 лѣтъ, и передъ вами жалкое населеніе крестьянъ, неимѣющихъ собственности, зависящихъ совершенно отъ корпораціи дворянства, пребывающей въ организованной стачкѣ противъ населенія крестьянъ. По этому весьма естественно, что сельское населеніе нищее, жалкое, недовольное, можно сказать неосѣдлое,—все ожидаетъ чего-то, волнуется и готово отказаться отъ вѣры отцовъ для полученія казенныхъ земель въ Россіи. Словомъ передъ вами то, чего не бывало, остзейскимъ дворянствомъ созданный и правительствомъ узаконенный классъ пролетаріевъ. Особенно жалко положеніе значительнаго класса бездомныхъ работниковъ, (knecht).

И имѣя въ виду эти два столь противуположные примѣра, наши мудрые государственные люди очевидно клонятся все болѣе и болѣе къ остзейской системѣ, которая не даромъ поминается въ циркулярахъ усерднаго, ничего несознающаго и все подписывающаго министра в. д., и начало крестьянской поземельной собственности, служившее исходной точкой великимъ государственнымъ мужамъ Штейну и Гарденбергу, столь почетно и столь полезно исполнившимъ для блага своего отечества важную государственную реформу—служитъ у насъ въ настоящее время пунктомъ обвиненія въ неблагонамѣренности, чуть не въ государственной измѣнѣ. И такъ какъ ни одинъ просвѣщенный и благомыслящій человѣкъ не можетъ по совѣсти отказаться отъ этого начала, то крестьянскій комитетъ призналъ за лучшее запретить обсужденіе въ печати всего живаго, касающагося крестьянскаго вопроса.

Спрашивается: отъ кого же, разумѣется кромѣ Колокола, государь услышитъ теперь правду? когда запрещено въ Россіи говорить гласно о самомъ трепещущимъ вопросѣ, ибо только одна гласность имѣетъ въ себѣ поруку истины, и если въ томъ что дѣлается безгласно, въ канцеляріяхъ и комитетахъ встрѣтится изрѣдка что-нибудь дѣльное, то это счастливая случайность, пропадающая между хламомъ намѣреннаго и необличеннаго обмана и пристрастія и неосвѣженной критикою безнамѣренной односторонности.

Штейнъ былъ министромъ менѣе года и долженъ былъ отступить, гонимый Наполеономъ, который великимъ своимъ инстинктомъ деспотизма чувствовалъ въ немъ мужа преобразованія раздавленной Пруссіи и слѣдовательно врага французской диктатуры, но за эти 10 мѣсяцевъ Штейнъ составилъ себѣ имя въ исторіи; онъ принялъ столько мѣръ обдуманныхъ, послѣдовательныхъ и рѣшительныхъ и окружилъ себя такими помощниками, что сразу обезпечилъ правильное разрѣшеніе возбужденнаго вопроса.

Съ проницательностію истиннаго государственнаго мужа онъ обставилъ себя такими помощниками, что при насильственномъ изгнаніи его декретомъ Наполеона изъ прусской службы, за нимъ осталась цѣлая школа опытныхъ и мыслящихъ чиновниковъ, готовыхъ поддержать новое министерство и это обстоятельство по преимуществу обезпечило полезную дѣятельность Гарденберга.

У насъ же нѣтъ ни одного министра, который чувствовалъ бы необходимость окружать себя людьми со способностями и съ убѣжденіями. Мѣста существуютъ только для раздачи чиновникамъ, доползшимъ до извѣстнаго чина по табели о рангах или счастливцамъ, состоящимъ въ родствѣ или въ связяхъ съ начальниками главныхъ управленій. Замѣчательно что изъ министровъ, имѣющихъ вліяніе, ни одинъ не окруженъ даже посредственно.

Во время пребыванія моего въ Пруссіи въ 1855 году, я имѣлъ случай говорить съ многими старыми помѣщиками разныхъ провинцій, и всѣ въ одинъ голосъ повторяли, что въ началѣ столѣтія королевскіе эдикты, изданные подъ вліяніемъ Штейна и Гарденберга, были до того несогласны, что они пугали не только всѣхъ безъ исключенія помѣщиковъ, но даже и многихъ крестьянъ-хозяевъ. Дѣйствительное приведеніе въ исполненіе мѣръ, предписанныхъ въ министерство Гарденберга съ 1811 года, начались повсемѣстно только по заключеніи мира, т. е. съ 1816 года. Но всѣмъ позволено было говорить, писать, печатать, выражать свои недоумѣнія и неудовольствія. Начались подробныя объясненія, живые споры. Стали ко всему прислушиваться, все разъяснять, другъ другу уступать и помогать, и наконецъ, благодаря рѣшительности мудраго правительства, принявшаго всѣ необходимыя мѣры и обратившагося къ наученіямъ гласности,—все разъяснилось и все устранилось.

И нынѣ во всей Пруссіи имя Штейна произносится всѣми сословіями не иначе, какъ съ признательностію и благоговѣніемъ.

Неужели наше высшее правительство, очевидно желающее блага страны, неужели не дойдетъ оно до пониманія этой простой истины, что для узнанія дѣйствительныхъ нуждъ страны и средствъ къ ихъ удовлетворенію необходима и ничѣмъ незамѣнима гласность, полная, честная гласность.

(Отзывъ князя Меньшикова, въ слѣдующемъ листѣ.)

— Виленское дворянство окончило свои занятія по комитету объ освобожденіи крестьянъ. Оно не даетъ имъ ни усадьбъ ни даже хаты. (Allg. Zeitung.) Если рѣчи Александра II не пустыя слова, пусть онъ покажетъ примѣръ надъ виленскимъ дворянствомъ, пусть онъ объявитъ ихъ имѣнья со всею землею и крестьянами вольными. Грозный примѣръ необходимъ! По міру пустить плантаторовъ, осмѣлившихся перечить великому дѣлу! Горе, если это посягательство сойдетъ съ рукъ.

ДВОРЯНСКО-ЧИНОВНИЧІЙ РАЗБОЙ

въ селѣ Дѣдновѣ.

(Рязанской губерніи, зарайскаго уѣзда.)

Въ 1858 году, въ то время, когда Александръ II хочетъ освобождать крѣпостныхъ людей,—въ ста верстахъ отъ Москвы происходятъ ужасы: крестьянъ, которые по всѣмъ правамъ чести и закона должны быть вольные, подвергаютъ неистовымъ истязаніямъ для того, чтобъ сдѣлать ихъ крѣпостными.

Извѣстный странностью и жестокостью барской жизни—Измайловъ завѣщалъ село Дѣдново своему племяннику графу Толстому съ тѣмъ, чтобы по смерти Толстаго немедленно, если онъ умретъ бездѣтенъ, или послѣ третьяго колѣна, если у него останутся дѣти,—крестьяне должны быть обращены въ вольные хлѣбопашцы. Толстой умеръ бездѣтенъ; но братьямъ его захотѣлось воспользоваться богатымъ имѣньемъ вопреки завѣщанію. Крестьяне стали отыскивать свое право на свободу судебнымъ порядкомъ. Вслѣдствіи этого губернаторъ Новосильцовъ явился въ Дѣдново съ военной коман-

Digitized by Google

дой; пошли невѣроятныя истязанія. Пьяный онъ не только сѣкъ на смерть стариковъ крестьянъ, но билъ палками солдатъ, которые легко наказывали. Говорятъ, что Новосильцова за это отставили; но много-ли помогла эта отставка? Дальнѣйшее слѣдствіе, при новомъ губернаторѣ, поручено опять тому же жандармскому полковнику, который производилъ слѣдствіе при Новосильцовѣ!... Чего смотрятъ всѣ эти Долгорукіе, Тимашевы? За чѣмъ вся эта тайная полиція, когда она не знаетъ, что возлѣ столицы совершаются злодѣйства, въ которыхъ участвуютъ ихъ подчиненные? Или эти господа существуютъ только для того, чтобы открывать кто читаетъ Колоколъ и доносить на "либеральныя" статьи?

И это все происходитъ въ то время, когда государь ораторствуетъ объ освобожденіи въ Костромѣ и Нижнемъ, въ Твери и Москвѣ!!

Помѣщаемъ здѣсь подробную записку о дѣлѣ дѣдновскихъ крестьянъ.

"Съ Петра I дѣдновскіе крестьяне были дворцовые рыбаки. Екатерина II подарила Дѣдново Измайлову (Михайлѣ Дмитріевичу). По смерти его оно досталось его племяннику Льву Дмитріевичу Измайлову, который не былъ женатъ, и въ 1836 году умеръ, оставивъ, по духовному завѣщанію, имѣніе —родственнику своему полковнику и кавалеру графу Александру Дмитріевичу Толстому, съ условіемъ, что крестьяне по смерти его будутъ обращены въ вольные хлѣбопашцы и получатъ въ свое владѣніе всѣ дѣдновскія земли и угодья безъ исключенія. Толстой умеръ не женатый, въ Москвѣ, въ 1856 году въ Августѣ мѣсяцѣ, скоропостижно, не оставивъ отъ себя никакихъ распоряженій. Того же года въ Октябрѣ явился въ Дѣдново исправникъ Зарайскаго уѣзда и объявилъ крестьянамъ, что по распоряженію московской гражданской палаты 1го Департамента, наслѣдники послѣ покойнаго графа —его братья: Михайло, Павелъ и Николай.

"По этому дѣдновское общество, зная завѣщаніе, рѣшилось прибѣгнуть къ высшему начальству и подавало просьбы разнымъ особамъ и самому государю. Потомъ общество выбрало повѣреннаго одноотчиннаго крестьянина Василья Николаева Юсова и дало ему довѣренность на ходатайствованіе объ отысканіи свободы по духовному завѣщанію. Въ Іюнѣ 1857 года Юсовъ взялъ изъ Рязанской гражданской палаты съ духовнаго завѣщанія копію, за скрѣпою присутствующихъ и съ приложеніемъ казенной печати; потомъ явился въ Москву и представилъ эту копію въ 1ой Департаментъ Московской гражданской палаты. Въ 1мъ Департаментѣ ему было велѣно явиться черезъ двѣ недѣли. Юсовъ опять уѣхалъ на это время домой въ Дѣдново, куда прибылъ, 26 Іюня.—27 Іюня, въ полночь, по приказанію бурмистра Якова Мамонтова взяты были въ контору повѣренный Юсовъ и крестьянинъ Николай Копыловъ. По какому безвременному позыву перепугались ихъ и домашніе и ближайшіе сосѣди, и пошли за ними въ контору. Бурмистръ въ конторѣ, для арестантовъ уже приготовлены лошади и стоятъ запряженныя. Куда ихъ повезутъ неизвѣстно. Крестьяне принуждены были пойти къ колокольнѣ и кричать находившемуся тамъ на пожарный случай караульщику, чтобы ударилъ благовѣстъ для извѣщенія общества. Десять минутъ звонили въ большой колоколъ. Собралось общество и стало спрашивать бурмистра въ чемъ дѣло. Бурмистръ отвѣчалъ: 'Если мнѣ этихъ двухъ человѣкъ нельзя взять, то я самъ должень пропасть.'—Эти слова слышали многіе мірскіе люди. Потомъ бурмистръ Мамонтовъ изъ конторы ушелъ куда неизвѣстно. Остались въ конторѣ староста Бакунинъ и два земскихъ писаря. Въ телѣгѣ, запряженной для арестантовъ, крестьяне нашедъ колъ, три сажени веревки и ножныя кандалы, объявили сотскому, призвали изъ трехъ церквей священниковъ съ причетами для свидѣтельства, и требовали отъ старосты конторской печати, чтобъ запечатать колъ, веревку и кандалы; но староста печати не далъ. Общество отнеслось рапортомъ объ этомъ происшествіи къ становому приставу.—Въ Іюлѣ было произведено слѣдствіе земскимъ судомъ; съ крестьянъ отбирали показанія. Староста Бакунинъ на нѣкоторыхъ крестьянъ показывалъ ложь, за что получилъ отъ бурмистра въ награжденіе сто рублей серебромъ. Также и конторскіе писаря говорили ложно. Повѣренный Юсовъ, оставя свою довѣренность и копію съ духовнаго завѣщанія въ 1мъ Департаментѣ московской гражданской палаты, отправился хлопотать въ Петербургъ. Но тамъ былъ взятъ подъ стражу и отправленъ по этапу въ Рязанской тюремный замокъ, и теперь содержится подъ стражею въ городѣ Зарайскѣ.—Общество дало приговоръ крестьянину Егору Радіонову Бронину ходатайствовать по тому же самому дѣлу. Между тѣмъ бурмистръ Мамонтовъ выбралъ изъ среды общества восемъ человѣкъ и предалъ ихъ суду, какъ будто дѣйствующихъ за одно съ захваченнымъ повѣреннымъ Юсовымъ. Шесть человѣкъ были судимы; двое не были допрошены. Общество, видя безвинность всѣхъ этихъ людей подало три прошенія о переслѣдованіи дѣла: одно въ Рязанское губернское правленіе, другое губернскому прокурору, третье въ Зарайскій уѣздный судъ, но ни на одно не получило отвѣта."

"Вмѣсто законнаго удовлетворенія, 17 Февраля 1858 года, пригнали въ Дѣдново стоявшій въ окрестностяхъ стрѣлковый батальонъ. Крестьяне были выведены на площадь жандармскимъ полковникомъ. Явился начальникъ губерніи Новосильцовъ и велѣлъ батальону обойти и стать вокругъ крестьянъ. Начальникъ батальона скомандовалъ солдатамъ зарядить ружья боевыми зарядами. Крестьяне (хотя и не знали за собой никакой вины, потому что, не смотря на искъ, ни на минуту не выходили изъ повиновенія и новымъ господамъ заплатили обычный оброкъ за 1857 и даже частію за 1858 годъ) упали на колѣни. Новосильцовъ приказалъ солдатамъ ихъ сѣчь безъ всякой пощады. Солдаты принимались сѣчь по два и по три раза.—Бывшаго церковнаго старосту Степана Ларіонова Свирина шестидесяти трехъ лѣтъ, служившаго церквѣ десять лѣтъ, имѣвшаго два похвальныхъ листа отъ синода—били три раза. По высѣченіи каждаго крестьянина солдаты выводили его на фронтъ нагаго, —а морозу было около 20°,—и водили передъ народомъ (а на площади стояли, кромѣ мужиковъ, и женщины и дѣвицы). Потомъ нагаго ставили на колѣни и оставляли въ этомъ положеніи по часу и болѣе—на снѣгу, босаго. Бурмистръ Мамонтовъ обращался съ губернаторомъ за панибрата, ходилъ съ нимъ рядомъ въ картузѣ и указывалъ—кого сѣчь, кого нѣтъ. По высѣченіи тридцати человѣкъ—начальникъ губерніи Петръ Петровичь Новосильцовъ, жандармскій полковникъ, и зарайскій исправникъ Улитинъ, также и бурмистръ Мамонтовъ пошли вмѣстѣ на квартиру обѣдать. Послѣ обѣда къ нимъ былъ потребованъ крестьянинъ Гордѣевъ,

Digitized by Google

пятидесяти трехъ лѣтъ, бездѣтный, платившій помѣщику ежегодно оброку 405 рублей ассигнаціями съ 1836 по 1858 годъ бездоимочно. Губернаторъ не могъ найти за нимъ никакой вины, но только твердилъ ему: 'почему ты меня не встрѣтилъ съ прочими?' И вотъ по этому случаю нарочно была собрана рота солдатъ и Гордѣева наказали жестоко. Еще до наказанія исправникъ Улитинъ таскалъ его за бороду и билъ головою объ стѣну!—Послѣ наказанія двадцать человѣкъ изъ наказанныхъ были оставлены въ Дѣдновѣ подъ стражею, и десять человѣкъ отправлены въ Зарайской тюремной замокъ. Изъ числа послѣднихъ—бывшій церковный староста Свиринъ—отъ жестокихъ побой на другія сутки къ вечеру умеръ. Слѣды этихъ побой въ тюремномъ замкѣ видѣли: Зарайской градской лѣкарь, смотритель тюремнаго замка Салчиковъ и управляющій питейными сборами Ѳедоръ Герасимовъ Осетровъ. Батальонный командиръ также видѣлъ мертвое тѣло: нарочно приходилъ глядить въ тюремный замокъ.

"По окончаніи истязаній батальонъ былъ оставленъ въ селѣ Дѣдновѣ. Солдатъ ставили въ домъ по пяти и до двадцати человѣкъ. Въ многихъ дворахъ они оставались двѣ недѣли и требовали отъ хозяевъ разнаго жалованья, рыбы, чаю съ подливкою, вина, бѣлаго хлѣба, холста и деньгами на каждаго солдата по рублю серебромъ. А если кто дать не въ состояніи, то солдаты брали коровъ со двора и рѣзали, чтобы продать кожу. Бѣдные жители закладывали свои шубы, чтобы ублаготворить солдатъ. Общество, видя эти притѣсненія, приходило къ бурмистру и просило о выводѣ солдатъ. Бурмистръ велѣлъ написать прошеніе къ исправнику Улитину и поставить виновнымъ крестьянина Егора Бронина, который тогда былъ въ Питерѣ у императора; общество не могло ослушаться бурмистра и изъявило согласіе. Бурмистръ впослѣдствіи, подъ угрозами, бралъ росписки съ мужиковъ, призывая каждаго отдѣльно въ контору. Потомъ бурмистръ Мамонтовъ сдѣлалъ съ вотчины денежной сборъ, съ каждаго дома по состоянію крестьянина—отъ 5 и до 50 руб. сер., говоря, что много издержалъ денегъ на секуцію (экзекуцію) офицерамъ, и что солдаты были на вотчинномъ содержаніи.—20 Апрѣля изъ зарайскаго тюремнаго замка девятью человѣками через стряпчаго было подано прошеніе новому рязанскому губернатору, который, на ихъ прошеніе, прислалъ переслѣдовать дѣло—того же рязанскаго жандармскаго полковника, который былъ на экзекуціи! Вторымъ членомъ коммиссіи этого переслѣдованія былъ чиновникъ особыхъ порученій Славушинскій и еще былъ третій какой то чиновникъ. Эти господа ни о раззореніи крестьянъ солдатами, ни о денежномъ сборѣ ничего не спрашивали, а спрашивали только—кто подавалъ прошеніе объ отысканіи свободы. Потомъ говорили, что въ 1842 году, 31 Декабря, утверждено мнѣніемъ государственнаго совѣта и отдано графу на волю, о каковомъ утвержденіи общество не слыхало.

"Дѣдновскіе крестьяне посылали депутатовъ въ Питеръ къ царю. Одинъ изъ нихъ дождался выхода государь у Зимняго Дворца. Государь отослалъ его къ кн. Долгорукову, который приказалъ депутату ѣхать домой, гдѣ онъ и былъ взятъ и посаженъ въ Зарайскій тюремный замокъ."

Такъ кончается записка неизвѣстнаго намъ кореспондента Очень жаль, что въ ней не названо имя жандармскаго полковника; имена подобныхъ злодѣевъ хорошо выставлять на лобное мѣсто для современниковъ и на проклятіе потомству. Также очень жаль, что мнѣніе государственнаго совѣта выражено смутно. Что значитъ: "отдано графу на волю?" Вѣроятно—исполнить, или не исполнить завѣщаніе Измайлова. Чѣмъ руководствовался государственный совѣтъ? Статьями-ли 773 Т. IX и 890 Т. X Свода Законовъ, воспрещающими отпускать крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы по духовному завѣщанію и указомъ 18 Ноября 1839 года, года, по которому даже и благопріобрѣтенное имѣніе, по смерти наслѣдника считается родовымъ, Да! съ этой стороны существуетъ формальный законъ. Но съ другой стороны, по ст. 1040 и 1042 Т. X, наслѣдникъ по завѣщанію принимаетъ наслѣдство только подъ обязательствомъ выполнить условія завѣщанія, а разъ принявши, обязанъ выполнить. И какимъ образомъ это дѣло достигло до совѣта, въ 1842 году тогда, когда крестьяне и не думали еще начинать иска? Стало Толстой, предупреждая, опасаясь иска и желая, возпользовавшись имѣньемъ, не исполнять завѣщанія,—представлялъ завѣщаніе въ совѣтъ, по мимо всякихъ инстанцій. Совѣтъ долженъ былъ: 1) возвратить завѣщаніе какъ дѣло до него не касающееся, или 2) такъ какъ Толстой пользовался имѣньемъ уже пять лѣтъ, заставить его исполнить завѣщаніе на основаніи ст. 1042 Т. X.—Если же совѣтъ видѣлъ тутъ спорный пунктъ, то на основаніи ст. 917 Т. X, онъ долженъ быть, предоставивъ споръ обычному ходу судопроизводства, отдать имѣнье до окончанія онаго въ опекунское управленіе. Но можетъ быть между двумя противурѣчіями свода, совѣтъ не умѣлъ ничего лучше сдѣлать какъ отдать рѣшеніе на волю одной изъ тяжущихся сторонъ? Странное рѣшеніе! Странный юридическій смыслъ у государственнаго совѣта.

Я очень хорошо знаю село Дѣдново и его исторію. Государственный совѣтъ выпустилъ изъ виду еще одно обстоятельство: это имѣнье не можетъ стоять въ разрядѣ прочихъ; оно ни родовое, ни благопріобрѣтенное, — оно уголовнопріобрѣтенное. Оно было подарено Измайлову Екатериной II за участіе въ убіеніи Петра III, такъ какъ за то же обстоятельство было подарено по сосѣдству съ Дѣдновымъ село Бѣлоомутъ (также дворцовые рыбаки) моему дѣду Баскакову. Эти имѣнья уголовно-пріобрѣтенныя; ихъ помѣщику держать за собой не честно. Государственный совѣтъ, хотя для примиренія памяти великой императрицы съ мнѣніемъ благородныхъ людей, долженъ былъ бы рѣшить дѣло въ пользу завѣщанія, т. е. въ пользу крестьянъ, а не въ пользу какаго бы то ни было графа. Никакое присутственное мѣсто не имѣетъ права полагаться, при рѣшеніи права, на честность тяжущихся лицъ, а должно основывать свои рѣшенія на смыслѣ обстоятельствъ и законовъ. Опытъ доказалъ справедливость моего замѣчанія: семейство графовъ Толстыхъ не захотѣло исполнить завѣщанія. Но рѣшеніе совѣта не было рѣшеніемъ, а скорѣе выраженіе какаго-то сомнѣнія. Слѣдственно крестьяне имѣли полное право начать искъ, что доказывается уже и тѣмъ, что Рязанская гражданская палата выдала ихъ повѣренному, за скрѣпою, копію съ духовнаго завѣщанія Измайлова. За начатіе иска крестьяне не могли быть преслѣдуемы какъ бунтовщики, потому что по ст. 2181, Т. X—"всѣ тяжущіеся, безъ различія званій и чиновъ, пользуются судомъ равнымъ, справедливымъ и безотлагательнымъ."

Digitized by Google

Крестьяне не бунтовали, и платили оброкъ новымъ владѣльцамъ, но начали тяжбу. Они были не бунтовщиками, а истцами. Въ какомъ же государствѣ видано, что для рѣшенія тяжебнаго дѣла истца сажаютъ въ тюрьму и порятъ розгами? И это въ 1858 году? Все что слѣдовало сдѣлать — это взять имѣнье въ опеку на основаніи помянутой 917 ст. Т. X.

Петра Петровича Новосильцова уволили въ отставку; но не въ томъ дѣло: его надо было по суду сослать на каторгу, 1) за превышеніе власти, 2) за жестокое обращеніе и наказаніе людей безъ всякаго судебнаго опредѣленія и 3) за убійство одного изъ истцевъ по тяжебному дѣлу (церковнаго старосты Свирина). Той же участи слѣдовало подвергнуть и остальныхъ слѣдователей, участвовавшихъ въ истязаніи дѣдновскихъ крестьянъ, не исключая и жандармскаго полковника, котораго новый Рязанскій губернаторъ послалъ на переслѣдованіе того же дѣла, гдѣ оный полковникъ помогалъ Новосильцову злодѣйствовать. Можетъ быть новый рязанскій губернаторъ (не имѣю чести знать его имени) и очень добрый человѣкъ, но при такихъ административно-юридическихъ понятіяхъ нельзя быть губернаторомъ.

Хорошъ и князь Долгорукій! Государь ему поручаетъ участь депутата людей, законнымъ путемъ отыскивающихъ свободы; а онъ этого депутата (завѣдомо или незавѣдомо — все равно) отправляетъ въ тюрьму!

Бѣдная Россія! Н. ОГАРЕВЪ.

ПОСЛѢДСТВІЯ СѢЧЕНІЯ ЯРОСЛАВСКОЙ ПОМѢЩИЦЫ.

Въ ярославской губерніи крѣпостные люди высѣкли помѣщицу. Наряжено было слѣдствіе, тянулось оно долго, помѣщицѣ и мужикамъ оно стоило дорого, и виновныхъ не отыскивалось. Помѣщица нѣсколько разъ жаловалась губернатору и нѣсколько разъ перемѣняли слѣдователя. Наконецъ губернатору это дѣло надоѣло; онъ призвалъ исправника Любимова, приказалъ ему во что бы ни стало найти виновныхъ. Любимовъ отправился въ деревню, отобралъ нѣсколько дворовыхъ и мужиковъ, предварительно ихъ посѣкъ, а потомъ заперъ въ холодную баню и началъ кормить одними селедками. На другой и третій день, тѣ, кого сильнѣе мучила жажда, — повинились. Любимовъ имѣлъ счастіе представить губернатору пятерыхъ виновныхъ, добровольно сознавшихся не только въ сѣченіи своей барыни, но и въ намѣреніи убить ее. За такое ревностное исполненіе службы Любимовъ получилъ признательность начальства, опубликованную въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и внесенную въ его формуляръ.

Пятеро мнимовиновныхъ были приговорены судомъ къ наказанію плетьми и къ ссылкѣ въ Сибирь. Одного изъ нихъ наказали такъ жестоко, что онъ былъ отнесенъ безъ чувствъ въ градскую больницу и получилъ горячку, а въ бреду онъ имѣлъ несчастіе упасть съ кровати и повредить себѣ ногу. Потомъ, по выпускѣ изъ больницы, эта поврежденная нога, худо вылеченная, была причиною, что его не отправили въ Сибирь вмѣстѣ съ его товарищами, но посадили въ острогъ впредь до выздоровленія, какъ будто русскій острогъ имѣетъ цѣлительную силу минеральныхъ водъ, а посадивши въ острогъ, о немъ забыли.

Однажды этотъ арестантъ видитъ, что въ одну съ нимъ камеру сажаютъ новаго арестанта, котораго лице показалось ему чрезвычайно знакомо, не смотря на то, что новоприбывшій былъ человѣкъ исхудавшій, блѣдный, чахоточный. Послѣ обыкновенной взаимной рекомендаціи и короткихъ разспросовъ оказывается, что новоприбывшій изъ одной деревни и однихъ господъ съ изувѣченнымъ арестантомъ: онъ находился въ бѣгахъ и не встрѣтивъ никакой возможности устроить самому своей судьбы, рѣшился, подобно многимъ другимъ, подсунуться въ руки полиціи и заявиться бродягою, непомнящимъ родства, съ тѣмъ, чтобы быть на казенный счетъ устроеннымъ въ Сибири въ числѣ пересселенцевъ. Разумѣется эта откровенность была ограждена клятвою изувѣченнаго арестанта никому не сказывать, что въ бродягѣ онъ нашелъ земляка. Но этой тайны не пришлось скрывать долго. Вскорѣ по поступленіи въ острогъ, чахоточный бродяга внезапно занемогъ такъ, что почувствовалъ приближающуюся смерть. Онъ попросилъ, чтобы ему дали священника, говоря, что имѣетъ открыть важную тайну. На исповѣди онъ признался священнику, что онъ совсѣмъ не есть бродяга, непомнящій родства, но такой-то крестьянинъ, такой-то деревни, такой-то помѣщицы и при этомъ признался, что барыню свою высѣкъ онъ въ сообществѣ такихъ-то и такихъ крестьянъ, которыхъ всѣхъ назвалъ по имени, въ отмщеніе за жестокое съ нимъ обращеніе; но теперь находясь уже въ бѣгахъ, онъ въ этомъ поступкѣ раскаявается, видя, что за него невинно пострадали другіе, а изъ дѣйствительно виновныхъ ни одинъ не попалъ въ руки правительства. Умирая, онъ убѣдительно просилъ священника открыть всю истину кому слѣдуетъ и взять на себя хлопоты для оправданія невинно-наказанныхъ; а въ доказательство чистосердечнаго раскаянія, подозвалъ къ своей нарѣ своего земляка, при священникѣ просилъ у него прощенія, повторивъ все тоже, что разсказалъ священнику; а какъ подобныя событія въ острогѣ рѣдки, то по окончаніи исповѣди, прочіе арестанты обступили нару умирающаго и онъ, также въ присутствіи священника, повторилъ имъ свой разсказъ, просилъ прощенія и поименно назвалъ какъ невинно-наказанныхъ такъ и виновныхъ. Послѣ онъ умеръ.

Несчастный арестантъ пересказалъ все что слышалъ смотрителю острога, но смотритель прикрикнулъ на него говоря: "Что ты здѣсь заводишь дрязги? и безъ тебя хлопотъ много!" Но въ Россіи, во всѣхъ казематахъ, тюрьмахъ, острогахъ и гауптвахтахъ арестанты очень скоро другъ отъ друга научаются практическому судопроизводству. Несчастный арестантъ настоятельно, ссылаясь на статью свода законовъ, потребовалъ отъ смотрителя бумаги и чернилъ, чтобы написать просьбу къ прокурору. Самъ онъ былъ безграмотный, но просьбу за него брались написать другіе арестанты. Смотритель счелъ долгомъ предварительно доложить объ этомъ прокурору Купріянову и испросить его согласіе на полученіе письма.

Прокуроръ также какъ и смотритель, имѣлъ болѣе отвѣтственныя занятія, чѣмъ доискиваться юридической истины. "Высѣчь его дурака, отвѣчалъ онъ на докладъ смотрителя,— росписать ему задницу такъ, чтобы отбить охоту утруждать своимъ письмомъ начальство." Ни прокурора, ни смотрителя винить нельзя. Въ Россіи никакія словесныя показанія не имѣютъ силы, все должно быть изложено на бумагѣ, да еще изложено не иначе, какъ по установленной формѣ; чуть не соблюдена форма, то самая истина принимается за ложь. При этомъ каждая входящая бумага, какъ бы она ни была очевидно глупа и нелѣпа, порождаетъ за собою цѣлую кипу

Digitized by Google

другихъ входящихъ и исходящихъ. И смотритель, и въ особенности прокуроръ завалены этими бумагами; волей, неволей они осуждены за разсмотрѣніемъ этихъ бумагъ насиживать геморой тогда, какъ нужда заставляетъ ихъ насиживать одни деньги. На иную входящую бумагу они смотрятъ какъ на врага, нарушителя ихъ спокойствія и возмутителя ихъ здоровья; разумѣется, письмо отъ мужика-арестанта, лица по закону безгласнаго, должно было казаться имъ звѣремъ.

Между тѣмъ въ городѣ пошли слухи, что барыню N. высѣкли не тѣ люди, которые сосланы въ Сибирь, а другіе, преспокойно проживающіе въ ея деревнѣ; стали поговаривать о какомъ-то умершемъ въ острогѣ и объ его громогласной исповѣди; появились въ обществѣ идеи о неправосудіи, о взяткахъ и богъ знаетъ какія. Прокуроръ Купріяновъ былъ не въ ладахъ съ губернаторомъ Бутурлинымъ и радъ былъ насолить ему при первомъ удобномъ случаѣ, а теперь случай представлялся самъ собою. Купріяновъ вспомнилъ о докладѣ смотрителя острога и объ арестантѣ желавшемъ писать къ нему; онъ отправился въ острогъ и посвятилъ цѣлый часъ на распросы арестанта съ изувѣченной ногой и на очныя ставки его съ другими арестантами, слышавшими разсказъ умершаго арестанта.

Отобравъ всѣ нужныя показанія отъ арестантовъ, Купріяновъ отправился къ тюремному священнику дополнить эти показанія его подтвержденіемъ. Къ удивленію его священникъ всѣ ихъ подтвердилъ. "Какъ же вы оставили показаніе арестанта безъ вниманія, не сообщили его мнѣ?" спросилъ Купріяновъ. "Я не могу имѣть прямыхъ сношеній съ прокурорскою частію, совершенно для меня постороннею," отвѣчалъ священникъ, "но обо всемъ этомъ я донесъ по начальству благочинному." Прокуроръ отправился къ благочинному. Тотъ подтвердилъ слова священника и присовокупилъ, что обо всемъ этомъ онъ также донесъ по начальству архіерею. Прокуроръ отправился къ архіерею. Его преосвященство отвѣчалъ, что имъ все дѣло передано въ консисторію, которая навела справку, подвела законы и подавала ему докладъ, въ слѣдствіе чего онъ и сообщилъ обо всемъ этомъ губернатору. Справляться у губернатора, значитъ было передать дѣло на произволъ правителя губернаторской канцеляріи, который изъ личныхъ выгодъ имѣетъ полную возможность дать дѣлу какое хочетъ направленіе, а въ случаѣ надобности, пожалуй, и вовсе уничтожить бумагу архіерея. Купріяновъ обратился къ архіерею съ вопросомъ: "Если я отъ имени прокурорскихъ дѣлъ сдѣлаю надлежащій запросъ въ консисторію, можете-ли ваше преосвященство отвѣчать мнѣ, что объ этомъ происшествіи сообщено вами губернатору отъ такого-то числа, за такимъ-то нумеромъ?" "Могу," отвѣчалъ владыко. Тогда Купріяновъ съ подобными же предложеніями обратился сначала къ благочинному, потомъ къ тюремному священнику. Всѣ они отвѣчали, что дадутъ на бумагѣ такой-же отвѣтъ, какъ давали на словахъ.

Послѣ всѣхъ этихъ продѣлокъ, продолжавшихся нѣсколько дней, Купріяновъ отправился въ острогъ и отобралъ уже формальный допросъ отъ всѣхъ лицъ прикосновенныхъ къ дѣлу, въ томъ числѣ и отъ смотрителя острога. Потомъ онъ написалъ запросъ къ священнику, говоря: что по дошедшимъ до него слухамъ и по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ оказывается, что такой-то арестантъ (нынѣ умершій), будучи у него на исповѣди, говорилъ то-то и то-то, а какъ таковыя показанія необходимы для пополненія производимаго въ Уголовной Палатѣ дѣла, то проситъ онъ сообщить ему какія имъ сдѣланы распоряженія относительно показаній арестанта, нынѣ умершаго. По полученіи отъ священника отвѣта, онъ обратился съ такимъ же оффиціяльнымъ запросомъ къ благочинному, а потомъ къ архіерею, и когда уже онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ оффиціальные отвѣты отъ всѣхъ трехъ духовныхъ лицъ, отвѣты на бланкахъ и за нумеромъ, отвѣты помѣченные, записанные, занесенные въ реэстръ и слѣдовательно нисколько несомнѣнные, то онъ всѣ эти обстоятельства изложилъ въ подробномъ докладѣ на имя министра юстиціи, графа Панина и отправилъ по почтѣ въ Петербургъ. Купріяновъ торжествовалъ, восхищаясь тѣмъ, что дѣло обдѣлалъ ловко: слѣдствіе и судъ, веденные подъ руководствомъ губернатора, оказались явно пристрастными и вопіюще-несправедливыми, въ чемъ представлены безспорныя доказательства духовника, который свидѣтельствами благочиннаго и архіерея поставленъ въ невозможность отпереться, и наконецъ все это сокрыто отъ губернатора: онъ обойденъ запросомъ отъ прокурора и слѣдовательно выговоръ отъ министра будетъ для него не ожиданъ, а выговоръ казался неизбѣженъ. Мало того, Купріяновъ даже мечталъ, что губернаторъ слетитъ съ мѣста. Не тутъ-то было. Для губернатора нѣтъ секретовъ въ его губерніи: у него вездѣ шпіоны, а за недостаткомъ шпіоновъ найдутся предатели. Правитель губернаторской канцеляріи пронюхалъ о грозѣ, приготовленной прокуроромъ, и вотъ немедленно полетѣла въ Петербургъ къ тому же министру юстиціи секретная бумага отъ губернатора, что прокуроръ Купріяновъ ведетъ себя неприлично своему званію, вмѣшивается въ дѣла неподлежащія его вліянію и поселяетъ раздоры между служащими лицами и т. н. Съ одною и тою же почтою министръ получилъ обѣ секретныя бумаги, отъ прокурора и отъ губернатора. У русскихъ министровъ свой взглядъ на дѣла, лица и вещи, у нихъ все опредѣляется и оцѣнивается по связямъ. Смѣнить, уволить губернатора или сдѣлать ему выговоръ, значитъ огорчить графиню N., обидѣть князя NN. и т. п., а у Бутурлина родство обширное, связи сильныя. Уволить прокурора—также огорчить или обидѣть того и того. Чтоже придумалъ г. Панинъ? Онъ перевелъ Купріянова изъ Ярославля въ Рязань на открывшуюся тамъ ваканцію прокурора и перевелъ въ видахъ пользы службы, а рапортъ его о невинно сосланныхъ и о преступникахъ, оставшихся на свободѣ ненаказанными, передалъ на заключеніе департамента и консультація по установленному порядку.

Чрезъ пять лѣтъ (въ Іюнѣ 1857) ярославскій прокуроръ получилъ отъ министра юстиціи увѣдомленіе, что представленіе его предмѣстника Купріянова, отъ такого-то числа, за такимъ-то нумеромъ, заключающее въ себѣ обстоятельства уже разсмотрѣнныя судомъ и получившія законное направленіе, оставлено безъ дальнѣйшаго хода по неимѣнію уважительныхъ причинъ и ясныхъ доказательствъ. Новый прокуроръ почислилъ у себя это дѣло рѣшеннымъ и сдалъ въ архивъ.

ІАКОВУ РОСТОВЦОВУ

въ день его юбилея, 23 декабря 1856 года. (*)

Когда Деспотъ отъ власти отрекался,
Желая Русь, какъ жертву, усыпить,

(*) Іаковъ-энтузіастъ вздумалъ два года тому назадъ отпраздновать свой

Digitized by Google

Чтобы потомъ вѣрнѣй ее сгубить,—
Свободы голосъ вдругъ раздался
И Русь на громкій, братскій зовъ
Могла бъ воспрянуть изъ оковъ:
Тогда, какъ тать ночный, боящійся разсвѣта,
Позорно ты бѣжалъ отъ друга, отъ поэта
Взывавшаго: "грѣхи Жидовъ,
Отступничество Униатовъ,
Всѣ преступленія Сарматовъ
Принять я на душу готовъ,
Лишь только бъ русскому народу
Вновь возвратить его свободу!"
Ты убѣжалъ! Кудажъ?—Въ Аничковскій дворецъ.
И пріумножилъ ты грѣхи Жидовъ, Сарматовъ,
Отступничество Униатовъ:
Ты деспоту скрѣпилъ шатавшійся вѣнецъ.
И какъ презрительна, подла твоя услуга!
Ты указалъ ему на друга,
По пальцамъ жертвы сосчиталъ;
Деспотъ ихъ всѣхъ арестовалъ
И пала русская свобода,
И другъ твой, честь, краса народа,
Повисъ на петлѣ роковой!...

Скажи, ужель ни въ размышленьяхъ,
Бѣдахъ съ собственной душой,
Ни покаянья въ часъ святой,
Ни даже въ темныхъ сновидѣньяхъ
Ни разу ты не вспоминалъ,
Какъ другъ твой въ воздухѣ качался,
Какъ онъ весь корчился, дрожалъ
И какъ мучительно скончался?
Ужель тебѣ гласъ совѣсти твоей,
Во весь періодъ долгой жизни,
Ни разу не шепнулъ, что ты—Злодѣй,
Продажный врагъ своей отчизны?

Печальныхъ двѣ картины знаю я:
Въ одной, ты самъ; рука твоя
Рылѣеву сжимаетъ руку;
Въ другой—Іуда во уста
Лобзающій Христа:
И другъ и ученикъ равно ведутъ на муку!...
Но нѣтъ! Съ Іудой не сравню
Я душу черствую твою!
Въ раскаяньи Іуда удавился,
А ты всегда своимъ предательствомъ гордился,
И возвышалъ тебя деспотъ,
Какъ самовластія и подлости оплотъ.
Потомъ, чтобы не дать опомниться народу,
Чтобъ окончательно убить его свободу,
Онъ поручилъ тебѣ воспитывать дѣтей!
Сынамъ Россіи благородной
Онъ указалъ идти твоей тропой позорной,
Сосать млеко души твоей,
Души безправственно-тлетворной!
Ты долгъ свой выполнилъ предъ деспотомъ-царемъ:
Программы всѣхъ наукъ раздуты пузыремъ,
Подчинены науки барабану,
Въ младенчествѣ задавленъ человѣкъ
И ходъ открытъ бездушному болвану;
Умы отдвинуты назадъ на цѣлый вѣкъ,
А нравы чистые, а чувства семьянина,
А долгъ и доблесть гражданина
Убиты на поваль!...
Теперь, исполненный отваги самохвалъ,
Ты вздумалъ самъ себя потѣшить юбилеемъ:
Ты приказалъ своимъ лакеямъ,
Чтобъ въ честь твою они задали пиршество,
Чтобъ каждый, позабывъ нужду свою, Злодѣйку,
На пиръ твой отдавалъ послѣднюю копѣйку
И восхвалялъ тебя, какъ будто божество!
Но ты забылъ: дѣла и помыслы людскіе
Разсудитъ Богъ, узритъ потомства вѣрный взоръ.
Твой юбилей есть стыдъ Россіи
И человѣчеству позоръ.
Придетъ пора—и лѣтопись науки
Предастъ тебя проклятью, Геростратъ,
И отъ тебя твои родные внуки
Откажутся не трижды, но стократъ!

юбилей. Для этого онъ приказалъ своей канцеляріи написать во всѣ подвѣдомственные ему кадетскіе корпуса приглашенія о присылкѣ "добровольныхъ пожертвованій на устройство предполагаемаго торжества въ честь любимаго начальника." Въ той же бумагѣ было сказано, что директора корпусовъ могутъ жертвовать не менѣе 100 руб., баталіонные командиры не менѣе 50 р., штабъ-офицеры 25 р., оберъ-офицеры 10 р. и кадеты не менѣе 25 коп. серебромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ штабъ военно-учебныхъ заведеній отнесся также бумагою ко всѣмъ командирамъ гвардейскихъ полковъ, напоминая, что большая часть гвардейскихъ офицеровъ получила образованіе подъ начальствомъ Іакова Ив. и также назначая размѣръ пожертвованія по чинамъ.

Всѣ русскія газеты за два мѣсяца до назначеннаго дня юбилея возвѣстили о немъ особыми статьями, присланными отъ имени Ростовцева на бланкахъ его канцеляріи.

Денегъ однако было собрано мало. Полковые командиры, объявляя приглашеніе офицерамъ, прибавляли, что лично отъ себя они не даютъ ни гроша; большая часть лицъ, служащихъ въ вѣдомствѣ Ростовцева, предоставляла дѣлать вычетъ изъ жалованья не свыше суммы назначенной къ пожертвованію; многіе смѣло отзывались бѣдностію; кадеты начисто отказывались. На пополненіе неизбѣжныхъ расходовъ пришлось захватить изъ казенныхъ суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе военно-учебныхъ заведеній. Не смотря однако на такой видимый неуспѣхъ затѣи, ни въ комъ не возбудившей участія, были заранѣе приготовлены описанія блистательнаго торжества, и Ростовцевъ аппробовалъ ихъ для напечатанія въ "Русскомъ Инвалидѣ" и въ "Сѣверной Пчелѣ."

Наступилъ день юбилея. Ростовцевъ съ утра былъ мраченъ, пріѣхалъ на обѣдъ еще мрачнѣе; по окончаніи его тотчасъ же уѣхалъ домой, сказавшись больнымъ, и тогда же подъ видомъ скромности, запретилъ посылать въ газеты описанія, которыя наканунѣ казались ему недостаточно краснорѣчивыми. Никто изъ участвовавшихъ въ обѣдѣ не понималъ почему этотъ тщеславный человѣкъ, не пропускающій ни малѣйшаго случая высказать свою важность, въ самый день своего торжества походилъ на мокрую курицу; въ городѣ носились различные слухи; газеты промолчали объ юбилеѣ, какъ будто его не было. А вся причина заключалась въ томъ, что въ Ростовцевѣ на одно мгновеніе пробудилась совѣсть; пробудилась же она въ слѣдствіе того, что рано утромъ въ день своего юбилея онъ получилъ печатаемое здѣсь стихотвореніе, которое поэтому пріобрѣтаетъ уже историческое или, пожалуй характеристическое значеніе.

— О бородѣ А. А. Иванова.— Когда мы писали наши печальныя строки о кончинѣ Иванова, (Колоколъ листъ 22), мы не знали еще одной гнусной подробности его пріема въ Петербургѣ. Одинъ изъ петербургскихъ сановниковъ нагрубилъ ему за то, что онъ носилъ бороду.

Ради имени Христова, подайте намъ фамилью этого осла!

Теряемся, теряемся въ этомъ омутѣ глупости, преступленій, грубости и поневолѣ повторимъ—стихи, ходившіе по рукамъ въ Петербургѣ, тѣмъ больше, что не видимъ никакого конца этому народонаселенію сѣдыхъ идіотовъ.

Грустно матушкѣ Россіи,
Грустно юному царю.
Царь покойный гнуть лишь выи
Дворню выучилъ свою.

Грустно! думаю я часто
Про отечество отцевъ:
Незабвенный лѣтъ вѣдь на сто
Заготовилъ дураковъ.

— ¿Правда-ли,—что во время путешествія государя въ Архангельскъ, просьбы поданныя въ Лодейномъ-Полѣ, были забыты флигель-адъютантомъ Сколковымъ, и когда ему напомнили объ нихъ черезъ двѣ недѣли, онъ велѣлъ ихъ бросить? Что за барство такое отдавать подаваемыя просьбы опричникамъ,— въ этихъ просьбахъ стонъ поколѣній, слезы цѣлой жизни, и чтобъ какой-нибудь шутникъ смѣлъ ихъ не читая, бросить въ помойную яму?...

— Отвѣтъ князю З. Вр.—Мы будемъ чрезвычайно рады обѣщаннымъ свѣдѣніямъ, и впередъ благодаримъ за нихъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

No. 27. THE BELL NOVEMBER 1, 1858.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, *W. C.*

ЛИСТЪ 27.

1 Ноября 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 17, Frith Street, Soho Square, London. Price six-pence.

ПИСЬМО

КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

Государыня,

У насъ нѣтъ настоящаго, и по этому не удивительно, что насъ, больше всего занимаетъ будущее нашей родины. Первые всходы, послѣ суровой и продолжительной зимы — поблекли, едва давъ ростки... и мы стали бѣднѣе чѣмъ были прежде, бѣднѣе всей ненавистью—которую утратили, всѣмъ негодованіемъ—которое смягчилось. Мы поддались весеннему вѣянію, — раскрыли давно закалившіяся сердца чувствамъ незнакомымъ съ дѣтства... но намъ не было суждено видѣть исполненіе ни этихъ мечтаній, ни другихъ... Народы и цари въ наше промежуточное время остаются при воззваніяхъ и афишахъ. Слѣдующему поколѣнію можетъ будетъ принадлежать дѣйствіе и драма.

Мы не завидуемъ. Наше дѣло близко къ концу... скоро пройдемъ мы, истощенные, но не низложенные тридцатилѣтней борьбой. Пусть новое поколѣніе идущее обновить насъ найдетъ лучшее употребленіе своихъ силъ. И вы, Государыня, можете этому способствовать на первомъ планѣ.

По несчастію очень многое въ судьбахъ самодержавныхъ монархій зависитъ отъ личности царя. Петръ I недаромъ жертвовалъ своей реформѣ династическимъ интересомъ и жизнію своего сына. "Je ne suis qu'un heureux hazard" Александра I^го^ перешло въ исторію. Вотъ въ этой-то азартной игрѣ, Вы можете увеличить счастливые шансы — въ пользу ближайшаго будущаго Россіи.

До сихъ поръ воспитаніе Наслѣдника престола въ Вашихъ рукахъ, года черезъ два оно ускользнетъ изъ нихъ.

Подумайте объ этомъ... однѣ — когда шумъ дворцовой уляжется, когда весь этотъ ненужный вихрь пріемовъ, пустыхъ рѣчей, пустыхъ отвѣтовъ успокоится, когда сядутъ всѣ андреевскія и владимірскія звѣзды, и Вы — женщина и мать — останетесь однѣ съ Вашей совѣстью... Подумайте тогда о великой отвѣтственности, о великомъ долгѣ лежащемъ на Васъ...

О Васъ говорятъ, что Вы умны, что современное вѣяніе идей недаромъ проходило сквозь двойныя рамы Зимняго Дворца, о Васъ говорятъ, что Вы желаете освобожденія крестьянъ. Это очень много.

Вы любите Россію, это не можетъ быть иначе. Какъ же Вамъ не любить ту страну, которая окруживъ Васъ всѣми благами, надѣла на Васъ императорскую мантію. И это не все; у Васъ съ народомъ образовалась другая связь. Корона падшая на главу Вашу въ мрачную годину войны и внутренняго запустѣнія, представляла для народа исходъ къ новой жизни. Онъ съ дѣтской вѣрой встрѣтилъ новое царствованіе. Вы дѣлили вмѣстѣ съ государемъ тѣ взрывы народнаго восторга, которые въ Россіи не были слышны съ тѣхъ поръ, какъ Александръ I, усталый отъ торжества, возвращался въ 1815 году изъ Парижа на пепелище Москвы. Какъ же Вамъ не любить Россіи! Къ тому же въ этой странѣ пульсъ бьется сильно; въ самомъ ея неустройствѣ, въ ея неловкихъ движеніяхъ чувствуется молодая мощь, чувствуется, что въ этой колыбели, въ этихъ туго затянутыхъ свивальникахъ расправляетъ члены будущая исторія. Участвовать въ ростѣ и судьбахъ такаго народа—огромное, великое дѣло.

Вамъ, Ваше сердце матери давно указало, что Вы можете сдѣлать, чѣмъ вы должны благодарить народъ. Вы сдѣлали опытъ спасти Вашего сына, будущаго царя отъ худшаго воспитанія въ свѣтѣ, отъ воспитанія велико-княжескаго, т. е. солдатскаго, окруженнаго военной дисциплиной и нѣмецкимъ кліэнтизмомъ. Вся Россія радовалась, услышавъ, что люди высокаго и притомъ штатскаго образованія, призваны Вами. Многіе думали даже, что увидятъ Вашего сына на лавкахъ московскаго университета, этого Севастополя науки и образованія, свято, самоотверженно продержавшаго свое знамя—истины и мысли въ продолженіе тридцатилѣтняго гоненія. И увидятъ его тамъ безъ пикета генералъ-адъютантовъ, безъ прикрытія тайной и явной полиціи, такъ какъ видятъ въ аудиторіяхъ сына королевы Викторіи. И мы издали благословляли Васъ... Но это не могло нравиться черному кабинету — чему же тутъ дивиться? Развѣ Вы прежде не знали этихъ людей, которые какъ бревно мѣшаютъ всякому прогрессу, гласности, открытымъ судамъ, препятствуютъ освобожденію крестьянъ? Какъ же они могли равнодушно смотрѣть на то, что сынъ Вашъ получитъ человѣческое образованіе? Довольно того, что Лагарпъ чуть не испортилъ Александра I. Но Вы то зачѣмъ такъ скоро измѣнили Ваше мнѣніе, и такъ запнулись на первомъ шагу? Зачѣмъ же въ дѣлѣ такой важности Вы не

Digitized by Google

только допустили, чтобъ закулисная интрига, подтасованная въ застѣнкѣ третьяго отдѣленія, вытолкнула изъ учебной Вашего сына людей, на которыхъ Россія и Вы сами смотрѣли съ довѣріемъ, но допустили чтобъ ихъ мѣсто занялъ какой-то бездарный нѣмецкій школяръ?

Вѣдь не Гессенъ - Дармштатскаго наслѣдника Вы ему ввѣряете . . . да и того было бы жаль. Что же знаетъ этотъ нѣмецъ о Россіи, что онъ понимаетъ въ ней, что ему за дѣло до нея? — Онъ по вольному найму пошелъ бы точно также учить сына алжирскаго Дея... Бьется-ли его сердце отъ русской пѣсни и обливается-ли оно кровью при слухѣ о рекрутскомъ наборѣ, о неистовствахъ помѣщичьихъ, о чиновничьемъ грабежѣ? Стихъ Пушкина родной ли ему и понятенъ ли ему быть нашего мужика?... Чему научитъ этотъ чужой Вашего русскаго сына... или Вы не знаете высокомѣрную ненависть Нѣмцевъ ко всему русскому, ихъ отвращеніе къ намъ, которое они едва могутъ скрывать подъ личиной кліэнтизма и низкопоклонства, напоминающихъ рабовъ-грамматиковъ древняго міра?

Да, но Нѣмецъ Нѣмцу рознь, конечно, но вѣдь Вы не Шиллера какого-нибудь взяли, или не Форстера — а Августа Теодора фонъ Гриммъ.

Посмотримъ, что это за фонъ Гриммъ. Я развертываю его: "Wanderungen nach Südosten."(*) Вотъ что онъ говоритъ въ своемъ посвященіи Константину Николаевичу. "Но эти прекрасныя воспоминанія помрачаются черно-печальной мыслію, что великій мужъ, подъ покровительствомъ и благословеніемъ котораго мы путешествовали, не существуетъ болѣе въ средѣ нашей, тотъ великій императоръ, котораго вы называете отцомъ, въ которомъ Россія находила свою гордость и славу и на котораго Европа, обуреваемая смутами, смотрѣла какъ на незыблемую полярную звѣзду. Величіе его созданій и дѣлъ всего лучше измѣряются числомъ и усиліемъ его противниковъ, которые, желая разрушить его творенія, только уничтожаютъ свою славу."

Государыня, будьте откровенны и скажите, неужели какой нибудь Нѣмецъ могъ искренно, добросовѣстно сказать такую пошлую, такую неумѣренную лесть... Я увѣренъ, что Вы этого не думаете; если же Вы не думаете, то какъ же Вы могли допустить этого сладкоглаголиваго льстеца до участія въ воспитаніи Наслѣдника? Грубая похвала иногда можетъ нравиться, за нее даютъ табатерку, перстень, но какъ же награждать душою отрока. Бѣдный мальчикъ, Вашъ сынъ! Да будь онъ кто нибудь другой, намъ дѣла не было бы до него; мы знаемъ, что большая часть аристократическихъ дѣтей у насъ воспитывается очень дурно. Но вѣдь съ его развитіемъ связаны судьбы Россіи, и вотъ оттого-то у насъ на душѣ тяжело, когда мы слышимъ, что къ нему приставленъ человѣкъ, который могъ напечать эти строки. Что, если сынъ Вашъ повѣритъ, что Николай былъ величайшимъ мужемъ XIX вѣка, да и захочетъ ему подражать?

Или можетъ сторону государственной мудрости и пониманья Руси вперитъ ему Зиновьевъ? Ну, а этотъ гдѣ сталъ педагогомъ и отчего онъ способенѣе пятидесяти . . . пятисотъ дивизіонныхъ и всяческихъ генераловъ, командующихъ сиплымъ голосомъ и воспитывающихъ палкой солдатъ? Мы знаемъ за нимъ одну добродѣтель—нѣжную любовь къ брату, котораго онъ всѣми неправдами вывелъ изъ какихъ-то смотрителей смирительнаго дома въ попечители харьковскаго округа, и отстоялъ его противъ правыхъ студентовъ. Но эти семейныя добродѣтели, цѣнимыя въ Аркадіи, равняются преступленіямъ въ государственныхъ сферахъ. Да наконецъ будь Зиновьевъ образованъ — какъ Закревскій, ораторъ — какъ Панинъ, чистъ — какъ Ростовцевъ и цѣломудренъ — какъ Бутковъ,—развѣ нельзя было сыскать на мѣсто людей оттертыхъ имъ и интригой Чернаго Кабинета—Русскихъ, образованныхъ, любящихъ отечество и неносящихъ эполетъ?

Эполеты великое дѣло, военный мундиръ какъ ряса монаха —отрѣзываетъ человѣка отъ прочихъ людей; ни монахъ, ни военный не равные намъ, для того они и помѣчаны. Они оба не полные люди, люди въ исключительномъ положеніи. У одного руки сложены какъ у мертвеца, у другаго вѣчно подняты, какъ у дерущагося. Ни смерть, ни убійство не составляютъ лучшей минуты жизни.

Званіе русскаго царя не есть военный чинъ. Пора оставить дикую мысль завоеваній, кровавыхъ трофей, городовъ взятыхъ приступомъ, раззоренныхъ деревень, потоптанныхъ жатвъ, — что за мечтанія Нимврода и Атилы, время этихъ бичей человѣчества въ родѣ Карла XII и Наполеона минуетъ. Все что требуетъ Россія—основано на мирѣ, возможно при мирѣ; Россія жаждетъ внутреннихъ перемѣнъ, ей необходимо новое гражданское и экономическое развитіе, а войско и безъ войны мѣшаетъ тому и другому. Войско раззореніе, насиліе, притѣсненіе; его основаніе—безмолвная дисциплина; солдатъ потому и вреденъ гражданскому порядку, что не разсуждаетъ, съ него снята отвѣтственность, отличающая человѣка отъ животнаго.

Научите Вашего сына носить фракъ, перечислите его въ гражданскую службу, Вы сдѣлаете ему великое благо. Займите его умъ чѣмъ нибудь болѣе благороднымъ, нежели вѣчная игра въ солдаты; учебная наслѣдника престола не должна походить на кордегардію. Эта особенность прусскихъ принцевъ и другихъ мелко-нѣмецкихъ князьковъ. Королевскій домъ въ Англіи, не хуже, кажется, другихъ, отчего же принцъ Вельскій вмѣсто того, чтобъ учить какихъ нибудь Horse-Gard, Royal-Blue или Cold-Stream, — сидитъ за микроскопомъ и занимается зоологіей?

Съ какимъ глубокимъ огорченіемъ слышимъ мы разсказы какъ къ наслѣднику посылаютъ кадетъ для игры, и какъ они въ залахъ Зимняго Дворца играютъ въ войну... въ Черкесовъ и Русскихъ . . . Какая пустота, какая бѣдность интересовъ, какое однообразіе... и при томъ какой нравственный вредъ! Неужели Вы никогда не подумали, что значитъ эта игра, что она представляетъ . . . зачѣмъ ружья, штыки, сабли, зачѣмъ эти биваки, для которыхъ камерлакей зажигаетъ спиртовую лампу на полу вмѣсто костра? Вся эта игра представляетъ несчастіе сраженій т. е. гуртовое убійство, торжество грубой силы . . . тутъ не достаетъ одного — крови по колѣна, стона раненыхъ, груды труповъ и дикихъ криковъ побѣдителей. Что-же это за дѣтская игра, что за дрессировка въ безчеловѣчье, или въ безсмысліе—когда это вырождается въ одно капральство?

Къ тому-же все это окружено ложью, обманомъ,—кадетамъ подъ страхомъ наказаній приказываютъ хвалить начальниковъ и содержаніе, говорить что у нихъ всегда такое тонкое бѣлье и проч... полнѣйшее растлѣніе дѣтства! Вы этого не знаете, очень можетъ быть; но согласитесь, что если мы въ Лондонѣ

(*) Berlin, 1855.

Digitized by Google

можемъ знать, то Вамъ черезъ улицу еще легче. Но въ этомъ то и задача—шайки стариковъ и интригантовъ, окружающихъ Васъ обоихъ . . . они темная вода въ вашихъ глазахъ, они застятъ истину; спросите кого-нибудь изъ Гриммовъ—правда ли все это, онъ навѣрное скажетъ, что нѣтъ . . . что кадеты благоденствуютъ, вознося къ небу молитвы за августѣйшій домъ и Іакова Ростовцева, и что у нихъ только одна печаль и есть, печаль о "Незабвенномъ" отцѣ отечества, величайшемъ монархѣ XIX столѣтія.

Не думайте, чтобъ увлеченные сентиментальностью, мы хотѣли сказать, что военная наука и военное ремесло безполезны для наслѣдника. Нѣтъ! Печальная необходимость—середь мира держать себя наготовѣ къ отпору, обусловливаетъ необходимость военнаго устройства. Готовясь быть главою государства, наслѣдникъ долженъ знать и военную часть, но какъ часть, финансовые и гражданскіе вопросы, судебные и соціальные имѣютъ гораздо больше правъ на то, чтобъ онъ ихъ зналъ и зналъ хорошо.

Не жалко ли видѣть великихъ князей, изучившихъ до мелочей форму каждаго полка, постигнувшихъ всѣ тайны метанья ружьемъ, командованія повзводно и побатальонно, и незнающихъ ни гражданскаго дѣлопроизводства, ни предѣловъ разныхъ властей, ни хозяйственнаго состоянія разныхъ странъ Россіи, чуждыхъ русской литературѣ и тѣмъ современнымъ вопросамъ, которые колеблятъ міръ, потрясаютъ весь родъ людской. Спросите любаго изъ нихъ, и Вы увидите, правы-ли мы. Да и зачѣмъ спрашивать, посмотрите какъ безплодна ихъ жизнь, какъ безполезны ихъ скитанія по Россіи...одинъ ѣдитъ смотрѣть конскіе заводы, другой—стѣны какой-нибудь цитадели, третій—выправку пятой дивизіи или пятнадцатой.....

Страшно подумать до чего дошла стертая пустота великокняжескихъ существованій у насъ... Возлѣ Васъ жилъ и умеръ человѣкъ, можетъ отъ природы одаренный добрымъ сердцемъ, но котораго вся жизнь прошла въ какомъ-то ненужномъ недосугѣ, въ безцѣльной суетѣ . . . Чѣмъ Михаилъ Павловичъ отмѣтилъ свою біографію, прошедшую возлѣ самаго трона?.. Развѣ своимъ фельдцейхместерствомъ?

Михаилъ Павловичъ не зналъ Россіи, онъ и Петербурга не зналъ, онъ зналъ гвардейскій корпусъ, артилерію, кадетъ... и умеръ пріѣхавъ съ ученья и отдавъ императорскую честь Паскевичу . . . Онъ никогда не былъ употребленъ ни на что дѣльное. Попавши съ молодыхъ лѣтъ въ марсово колесо—фрунтовъ и ученій, ему не было времени одуматься: въ семь часовъ раппортъ, въ восемь пріемъ, въ девять парадъ, въ десять ученье со стрѣльбой, а тутъ чистота кадетскихъ корпусовъ, выправка ребятишекъ, а тамъ пятнадцать верстъ въ часъ,—ямщики избиты, лошади надорваны, лѣтитъ за двѣ тысячи верстъ, — что случилось? — осматривать вторую армію! Опять ученіе, опять маршируютъ солдаты тихимъ и скорымъ шагомъ—пыль столбомъ—скука, распеканье.—Это ужасно!

Есть дѣйствительно что-то зловѣщее и тупое въ этой страсти къ солдатамъ, она невольно напоминаетъ несчастнаго голштинскаго принца, невзначай попавшаго вмѣсто прусскихъ каптенармусовъ въ русскіе императоры, который цѣлые дни игралъ въ деревянные солдаты и вѣшалъ по военному суду крысъ—на стѣнахъ крѣпости изъ картонной бумаги...

Государыня, спасите Вашихъ дѣтей отъ этой будущности!

Я очень знаю, что мои слова, если онѣ дойдутъ до Васъ, удивятъ Васъ своей дерзостью; рѣзкая рѣчь свободнаго человѣка какъ-то дико раздается въ залахъ Зимняго Дворца. Но побѣдите Ваше негодованіе и вникните въ смыслъ моихъ печальныхъ словъ, Вы можетъ въ нихъ найдете слѣды великой скорби, разъѣдающей сердце и больше чистаго желанія блага Россіи безъ всякихъ личныхъ видовъ—чѣмъ обиды и дерзости.

Вы стоите слишкомъ высоко, чтобъ обидѣться; я слишкомъ независимо, чтобъ быть дерзкимъ.

Въ стары годы цари снимали съ себя иногда порфиру и одѣваясь простыми смертными, ходили по рынкамъ и площадямъ, вслушиваясь въ говоръ народный и поучаясь житейской мудрости въ толпѣ. Нынче это вывелось, да оно и не нужно, свободная рѣчь сама проникаетъ за кавалергардовъ. Не отталкивайте ее, подумайте объ ней, и если Вамъ это пріятнѣе—забудьте кто ее писалъ, хотя онъ искренно желаетъ Вамъ добра.

1 Ноября, 1858, Лондонъ, ИСКАНДЕРЪ.
Вольная Русская Типографія.

НАСЪ УПРЕКАЮТЪ.

Насъ упрекаютъ либеральные консерваторы въ томъ, что мы слишкомъ нападаемъ на правительство, выражаемся рѣзко, бранимся крупно.

Насъ упрекаютъ свирѣпо красные демократы въ томъ, что мы мирволимъ Александру II, хвалимъ его, когда онъ дѣлаетъ что-нибудь хорошее и вѣримъ что онъ хочетъ освобожденія крестьянъ.

Насъ упрекаютъ Славянофилы въ западномъ направленіи.

Насъ упрекаютъ Западники въ славянофильствѣ.

Насъ упрекаютъ прямолинейные доктринеры въ легкомысліи и шаткости, оттого что мы зимой жалуемся на холодъ, а лѣтомъ совсѣмъ напротивъ—на жаръ.

На сей разъ только нѣсколько словъ въ отвѣтъ послѣднему упреку.

Онъ вызванъ двумя или тремя признаніями, что мы ошиблись, что мы были увлечены; не станемъ оправдываться тѣмъ что мы ошибались и увлекались со всей Россіей, мы не отклоняемъ отвѣтственности, которую добровольно взяли на себя. Мы должны быть послѣдовательны, единство необходимое условіе всякой пропаганды, съ насъ въ правѣ его требовать. Но принимая долю вины на себя, мы хотимъ ее раздѣлить съ другими виновниками.

Идти по одной линіи легко, когда имѣешь дѣло съ спѣтымъ порядкомъ дѣлъ, съ послѣдовательнымъ образомъ дѣйствія,—что труднаго взять рѣзкое положеніе относительно англійскаго правительства или французскаго императорства? Трудно-ли было быть послѣдовательнымъ во время прошлаго царствованія?

Но мы этого единства не находимъ въ дѣйствіяхъ Александра II; онъ, то является освободителемъ крестьянъ, реформаторомъ, то заступаетъ за николаевскую постромку и грозитъ ростоптать едва всходящіе ростки.

Какъ согласить рѣчь его къ московскому дворянству и генералъ-губернаторство Закревскаго?

Какъ согласить облегченіе цензурныхъ путъ и запрещеніе писать объ освобожденія крестьянъ съ землею?

Какъ согласить амнистіи, желанія публичности съ проэктомъ Ростовцева, съ силой Панина?

Digitized by Google

Фридрихъ II говорилъ, что онъ не боялся ни одного генерала такъ, какъ Салтыкова, потому что никогда не могъ догадаться за минуту впередъ, какое движеніе онъ сдѣлаетъ: Салтыковъ всѣ ихъ дѣлалъ зря.

Шаткость въ правительствѣ отразилась въ нашихъ статьяхъ. Мы слѣдуя за нимъ, терялись и откровенно досадуя на себя, не скрывали этого. Въ этомъ была своего рода связь, между нами и нашими читателями. Мы не вели, а шли вмѣстѣ; мы не учили, а служили отголоскомъ думъ и мыслей, умалчиваемыхъ дома. Ринутые въ современное движеніе Россіи, мы носимся съ нимъ по перемѣнному вѣтру, дующему съ Невы.

Конечно, тотъ кто останавливая надежду и страхъ, молча выждетъ результата, тотъ не ошибется. Надгробное слово—исторіи, гораздо больше предохранено отъ промаховъ, нежели всякое участіе въ совершающихся событіяхъ.

Доктринеры на французскій манеръ и гелертеры на нѣмецкій, люди производящіе слѣдствія, составляющіе описи, приводящіе въ порядокъ, твердые въ положительной религіи или религіозные въ положительной наукѣ, люди обдуманные, точные—доживаютъ до старости лѣтъ не сбиваясь съ дороги и не сдѣлавъ ни орѳографическихъ, ни иныхъ ошибокъ; а люди брошенные въ борьбу, исходятъ страстной вѣрой и страстнымъ сомнѣніемъ, истощаются гнѣвомъ и негодованіемъ, перегораютъ быстро, падаютъ въ крайность, увлекаются и мрутъ на полдорогѣ—много разъ споткнувшись.

Не имѣя ни исключительной системы, ни духа партіи — все отталкивающаго, — мы имѣемъ незыблемыя основы, страстныя сочувствія, проводившія насъ — отъ ребячества до сѣдыхъ волосъ, въ нихъ у насъ нѣтъ легкомыслія, нѣтъ колебанія, нѣтъ уступокъ! Остальное намъ кажется второстепеннымъ; средства осуществленія безконечно различны, которое изберется . . . въ этомъ поэтическій капризъ исторіи,—мѣшать ему неучтиво.

Освобожденіе крестьянъ съ землею—одинъ изъ главныхъ и существенныхъ вопросовъ для Россіи и для насъ. Будетъ-ли это освобожденіе "сверху или снизу"— мы будемъ за него! Освободятъ ли ихъ крестьянскіе комитеты, составленные изъ заклятыхъ враговъ освобожденія—мы благословимъ ихъ искренно и отъ души. Освободятъ-ли крестьяне себя отъ комитетовъ во-первыхъ, а потомъ отъ всѣхъ избирателей въ комитеты — мы первые поздравимъ ихъ братски и также отъ души. Прикажетъ-ли наконецъ государь отобрать имѣнья у крамольной аристократіи, а ее выслать—ну хоть куда-нибудь на Амуръ къ Муравьеву — мы столько-же отъ души скажемъ: "Быть по сему."

Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что мы рекомендуемъ эти средства, что нѣтъ другихъ, что это лучшія, совсѣмъ нѣтъ,— наши читатели знаютъ, какъ мы думаемъ объ этомъ.

Но такъ какъ главное дѣло въ томъ, чтобъ крестьяне были освобождены съ землею, то изъ за средствъ спора мы не подымемъ.

При такомъ отсутствіи обязательной доктрины, предоставляя такъ сказать, самой природѣ дѣйствовать, и сочувствуя каждому шагу согласному съ нашимъ воззрѣніемъ, мы можемъ часто ошибаться, всегда будемъ очень рады когда "ученые друзья наши"—спокойно сидящіе въ сторожкахъ на берегу, прокричатъ намъ "правѣе или лѣвѣе" держаться; но мы желали бы, чтобъ и они не забывали, что имъ легче дѣлать наблюденія надъ силой волнъ и слабостью пловцевъ, нежели намъ плыть... и при томъ такъ далеко отъ берега.

Изъ за стѣнъ доктрины, какъ изъ за монастырскихъ стѣнъ сполугоря смотрѣть на треволненіе мірское. Доктринеры счастливы, они не увлекаются и... не увлекаютъ другихъ.

И—ръ.

ТАНѢЕВСКОЕ ДѢЛО.

Въ III[а] книжкѣ "Голосовъ изъ Россіи," напечатано было описаніе этого дѣла, по слишкомъ коротко, для того, чтобъ составить о немъ надлежащее понятіе. Странно попавшаяся намъ просьба чиновника Земскаго Суда, Румянцева, можетъ объяснить новую сторону этого дѣла, — дѣла вопіющаго, не смотря на то, что оно уже рѣшено Сенатомъ и крестьяне сосланы какъ убійцы. Нѣтъ надобности говорить, что ежелибъ кого нужно было ссылать, то это исправника Федорчукова во-первыхъ, потомъ начальника пензенской губерніи Панчулидзева, источника всѣхъ несправедливостей, дѣлающихся въ продолженіи его 27-лѣтняго въ пензенской губерніи царствованія, а наконецъ чиновника его особыхъ порученій Караулова, его правую руку, въ точности, безъ страха и упрека исполняющаго всѣ приказанія его.

Помѣщикъ Карабьинъ, которому въ 4ой части принадлежало село Танѣевка, былъ человѣкъ простой, имѣвшій любовницей солдатку, а въ послѣдствіи мѣщанку Анну Николаеву, а отъ нея трехъ дочерей. Имѣя около 100 душъ въ Танѣевкѣ, и озабочиваясь объ участи Николаевой и дочерей своихъ, онъ Федорчукову предоставилъ, убѣжденный въ его честности, исполненіе своего духовнаго завѣщанія, съ тою цѣлію, чтобъ продавши крестьянъ и землю, дать возможность уплатить по данному имъ Николаевой заемному письму, деньги, которымъ онъ думалъ облегчить участь несчастныхъ сиротъ. Послѣ его смерти, случившейся почти внезапно, Федорчуковъ подпаивая Николаеву, выпудилъ отъ нея просьбу въ уѣздный судъ, (не забывайте что судьей былъ зять его, Борисовъ, и зять вполнѣ достойной своего тестя)— которою она предоставляла Федорчукову и право ходатайства по ея заемному письму, и право полученія, и наконецъ право рѣшать сколько получить надо, предоставляя это вполнѣ его усмотрѣнію.

Какъ опекунъ и душеприкащикъ по завѣщанію Коробьина и исправникъ по должности, Федорчуковъ распорядился имѣніемъ покойнаго какъ своею собственностію. Началъ съ того что весь хлѣбъ изъ Танѣевки перевезъ къ себѣ; мужиковъ танѣевскихъ заставлялъ ходить къ себѣ въ деревню (Жмакино) за 15 верстъ на барщину, смотря по надобности, два и три дни въ недѣлю, все движимое имущество Карабьина прибралъ себѣ, за 500 р. с., взятыя съ Чарвекова, промѣнялъ ему землю карабьинскихъ крестьянъ, бывшую подъ ихъ дворами, на другую, дальнюю, и довелъ имѣніе до конечнаго раззоренія. Это продолжалось нѣсколько лѣтъ. Мужики ненавидѣли его до того, что онъ зная объ этомъ, не смѣлъ больше ѣздить въ Танѣевку, а требовалъ старосту къ себѣ въ городъ и давая ему приказанія, черезъ земскую полицію наблюдалъ за ихъ исполненіемъ. Румянцевъ, писавшій приложенную при семъ просьбу, обвинялся въ томъ, что онъ самовольно привезъ тѣло Бахвостова (становаго пристава) изъ Танѣевки въ городъ (12 верстъ). Спрашивается: осмѣлился-ли бы это сдѣлать мелкой чиновникъ земскаго суда при томъ самовластіи, какое начальники мѣстъ (особенно послѣ возмущающаго душу закона,

Digitized by Google

изданнаго Николаемъ) имѣютъ надъ своими подчиненными. Да и для чего ему это было? Федорчукову же была явная выгода похоронить поскорѣе тѣло — во-первыхъ для того, чтобъ какъ убійцъ погубить крестьянъ, уже и прежде писавшихъ на него просьбы и подавшихъ ихъ даже императору, просьбы остававшіяся безъ отвѣта и послѣдствій,— слѣды же дроби въ тѣлѣ могли бы доказать, что убійцы были не они, а дружественная рука непремѣннаго засѣдателя Разумова;— во-вторыхъ для того, чтобъ кончить и наружной осмотръ и вскрытіе тѣла прежде пріѣзда губернскихъ чиновниковъ. Конечно, пріѣзда Караулова ему бояться было нечего, онъ очень хорошо зналъ, что Панчулидзевъ за него, а слѣдственно и Карауловъ; но тутъ могъ быть членъ Врачебной Управы, лице все таки постороннее и не совсѣмъ подъ вліяніемъ губернатора находящееся.

При этомъ возможенъ очень естественный вопросъ: да за чтожъ Панчулидзевъ такъ благоволилъ къ Федорчукову, что на всѣ жалобы крестьянъ о притѣсненіяхъ, отвѣчалъ только косвеннымъ приказаніемъ пороть ихъ до тѣхъ поръ, пока замолчатъ. Отвѣчать на это не трудно: Федорчуковъ былъ покорнѣйшій и самый униженный слуга губернаторскій. Лакей не только передъ нимъ, но и передъ совѣтникомъ Андрѣевымъ (лѣвая рука губернаторская и бравшій для него по дѣламъ губернскаго правленія точно такъ, какъ Карауловъ бралъ для него по слѣдствіямъ) и передъ Карауловымъ и передъ правителемъ канцеляріи Мѣшковымъ и передъ камердинеромъ губернаторскимъ—онъ давалъ всюду, чтобъ ему не мѣшали брать самому, что разумѣется ему и дозволялось. А каковъ былъ (и есть по несчастію) губернаторъ Панчулидзевъ — можетъ служить слѣдующій анекдотъ, случившійся, если не ошибаюсь въ 1840 или 1841 году.

Въ пензенской губерніи всѣ откупщики обязаны были давать Панчулидзеву по 2000 р. асс. въ годъ. Чембарской откупщикъ Ненюковъ, какъ-то позамѣшкался присылкою оброка, почему и былъ немедленно потребованъ въ Пензу. Не желая ѣхать самъ, онъ послалъ своего сына, молодаго человѣка, съ 1000 р. и съ извиненіемъ, что въ настоящее время денегъ нѣтъ, но что достальная тысяча будетъ доставлена въ непродолжительномъ времени. Молодаго человѣка, дожидавшагося доселѣ въ залѣ въ бель-этажѣ, позвали въ кабинетъ губернаторскій, (для большаго удобства въ 3 этажѣ) когда уже отпущены были всѣ просители и чиновники и слѣдственно никакое нескромное ухо, не могло подслушать разговора. Онъ вошелъ и объяснилъ губернатору порученіе отца, вручая приказанные къ отдачѣ 1000 руб. Такъ какъ въ расчетъ губернаторскій не входило получить дробь, вмѣсто цѣлаго числа, да и дурной былъ бы примѣръ, то онъ и потребовалъ настоятельно остальной тысячи. У молодаго человѣка ее не было, а потому онъ и отвѣчалъ, что у него денегъ нѣтъ. Тогда губернаторъ бросился на него, своими превосходительными руками, выхватилъ у него изъ кармана бумажникъ и взялъ оттуда всѣ деньги, какія тамъ были, уже безъ счета. Разумѣется молодой человѣкъ не давалъ, но былъ тѣмъ не менѣе ограбленъ и сбѣжавъ съ лѣстницы, растрепанный и изорванный, величалъ губернотора грабителемъ и разными другими нѣжными наименованіями. Его въ самую эту минуту видѣли тѣ, которые намъ разсказывали это происшествіе, по происшествіи же нѣсколькихъ лѣтъ, при встрѣчѣ съ г. Ненюковымъ, онъ повторилъ намъ это слово въ слово самъ.

Въ заключеніе не лишнимъ считаемъ сказать, что Румянцевъ не смотря на то, что онъ чиновникъ, т. е. личной дворянинъ, былъ посаженъ сперва въ трубную, т. е. сарай, гдѣ хранятся пожарныя трубы, куда къ нему не допускали никого, а потомъ перевели въ острогъ.

Сенатъ, рѣшившій дѣло ссылкою крестьянъ, покрылъ себя позоромъ, прикрывши дѣйствія исправника, губернатора и слѣдователей своимъ рѣшеніемъ. Конечно оправданіе его въ томъ, что онъ судилъ по написанному: лучшее доказательство какъ гнусенъ порядокъ слѣдственный и какъ необходимо измѣнить его; лучшее доказательство, что отъ слѣдователя зависитъ и обвинить и оправдать подсудимаго и сдѣлать это такъ, что всѣ суды міра, рѣшающіе заглазно, непремѣнно подтвердятъ только то, что онъ задумалъ сдѣлать съ подсудимымъ.

Въ пензенскую палату уголовнаго суда,

губернскаго секретаря Николая Семенова Румянцева

объясненіе.

Въ присланныхъ мнѣ оною Уголовною Палатою въ Ноябрѣ прошлаго 1855 года вопросныхъ пунктахъ, по дѣлу о самовольномъ будто увозѣ мною изъ села Танѣевки въ г. Саранскъ тѣла убитаго становаго пристава Бахвостова, не извѣстно мнѣ по какому случаю было ограничено, чтобъ я въ отвѣтахъ не распространялся. Затѣмъ саранскій городничій г. Ветлицкій заставилъ меня писать отвѣты въ присутствіи полиціи и не давалъ ни отдыху, ни сроку. Теперь, по соображеніи обстоятельствъ дѣла, въ дополненіе къ тѣмъ отвѣтамъ, долгомъ считаю присовокупить слѣдующее:

Я никогда не увозилъ тѣла Бахвостова, а оно поднято и увезено было сотскими и понятыми по приказанію исправника Федорчукова. Хотя я по приказанію исправника дѣйствительно ѣздилъ въ с. Танѣевку, но собственно для наблюденія отъ лица исправника, такъ какъ ему самому явиться въ с. Танѣевку было невозможно, потому что крестьяне танѣевскіе были озлоблены на него. Дѣло было вотъ какъ. Когда былъ убитъ Бахвастовъ, сотскій деревни Монастырской явился въ Саранскъ къ исправнику. Исправникъ тотчасъ призвалъ къ себѣ въ домъ меня, секретаря земскаго суда Крыловскаго и столоначальника Полянскаго. Затѣмъ туда же пріѣхалъ отецъ убитаго Бахвастова и при насъ просилъ исправника привезти тѣло сына въ Саранскъ и исправникъ при насъ же обѣщался. Исправникъ просилъ сперва становаго пристава Попова съѣздить за тѣломъ, или приказалъ бы сотскимъ, а наружный осмотръ предлагалъ ему сдѣлать послѣ; но тотъ не выполнилъ. На третій день уже послѣ убійства, исправникъ опять призвалъ меня къ себѣ въ домъ и просилъ меня съѣздить въ Танѣевку. Я боялся крестьянъ танѣевскихъ и отказывался, но исправникъ меня успокоилъ тѣмъ, что тамъ уже собраны понятые и отданъ приказъ. Приказаніе на этотъ предметъ дѣйствительно отдано было исправникомъ напередъ сотскимъ: танѣевскому, зыковскому и монастырскому. Когда я пріѣхалъ въ Танѣевку, то означенные сотскіе были тамъ съ понятыми и у нихъ уже была готова подвода для тѣла. Я сказалъ только сотскимъ, что исправникъ велѣлъ везти тѣло, и оно положено было понятыми на телѣгу и ими же отвезено въ Саранскъ; въ Саранскѣ городничій и частный приставъ

Digitized by Google

благовременно дожидались привоза тѣла и встрѣчали оное, и по ихъ распоряженію оно отвезено въ домъ отца покойнаго.

Теперь позволяю себѣ спросить: сколько моего участія въ этомъ дѣлѣ, когда началось дѣло съ исправника и отца покойнаго, совершено сотскими и понятыми, и кончено полиціею? Могъ-ли бы я увезти тѣло самовольно или тайно, когда при немъ были караульные, понятые и сотскіе? и наконецъ могло ли быть по моему личному распоряженію, когда полиція нарочно приготовлена была къ встрѣчѣ тѣла?

Обращаюсь къ другому вопросу: нужно-ли было мнѣ увозить тѣло? Нужно было отцу и онъ просилъ исправника; необходимо было исправнику и членамъ временнаго отдѣленія — стряпчему Федулову и засѣдателю Разумову, бывшимъ въ Танѣевкѣ при убійствѣ Бахвостова, но рѣшительно никакой не было нужды съ моей стороны. Но положимъ, что я вздумалъ бы увезти тѣло самовольно, въ такомъ случаѣ долженъ бы сдѣлать это тайно и не только не имѣлъ бы содѣйствія, но былъ бы остановленъ понятыми, караульными и сотскими. Приказывать я не имѣлъ права, равно какъ и никто не могъ давать мнѣ ни порученій, ни приказаній на этотъ счетъ, потому что я не имѣлъ полицейской власти. Но я знаю, что причиною возмущенія танѣевскихъ крестьянъ самъ исправникъ Федорчуковъ; Бахвостовъ убитъ, какъ говорятъ понятые и сами эти крестьяне, не ими крестьянами, а будто ружейнымъ выстрѣломъ засѣдателя Разумова, крестьяне уже били мертвое тѣло. Помянутый сотскій деревни Монастырской, при донесеніи исправнику объ убійствѣ, при мнѣ и бывшихъ тутъ секретарѣ Крыловскомъ и столоначальникѣ Полянскомъ утвердительно говорилъ, что еслибы не Разумовъ застрѣлилъ Бахвостова, то и онъ бы (Бахвостовъ) ушелъ. Въ слѣдствіе сего тѣло по привозѣ въ Саранскъ было вскрыто саранскимъ врачемъ и похоронено не дождавшись коммиссіи изъ Пензы. Вотъ для чего нужно было увезти тѣло исправнику Федорчукову, стряпчему Федулову и засѣдателю Разумову. Въ слѣдствіи едва-ли упомянуто о выстрѣлахъ Разумова. Но свидѣтели тому всѣ понятые и въ доказательство дробь есть на лицахъ у танѣевскихъ крестьянъ, содержащихся нынѣ въ пензенскомъ тюремномъ замкѣ.* Когда же меня исправникъ посылалъ въ Танѣевку, я видѣлъ лежащее изломанное ружье возлѣ Бахвостова.

Меня обвиняютъ, будто я билъ въ Танѣевкѣ сотскихъ — танѣевскаго, зыковскаго и монастырскаго. Но это неправда. На другой день послѣ привоза тѣла въ Саранскъ, исправникъ приказалъ означеннымъ сотскимъ явиться къ нему въ судъ и предварительно научилъ ихъ подать рапортъ о избитіи ихъ будто мною, и отобралъ отъ нихъ въ томъ допросы въ присутствіи суда, при чемъ былъ за стряпчаго секретарь уѣзднаго суда Тарховъ, служившій подъ дирекціей зятя Федорчукова, судьи Борисова. Федорчуковъ при этомъ предварилъ сотскихъ, что если они сего не будутъ показывать, то не минуютъ отвѣтственности за увозъ тѣла, съ цѣлію это дѣло возвести на мою отвѣтственность и такимъ образомъ отстранить себя. Сотскіе точно такъ подтвердили производившему слѣдствіе чиновнику Караулову при штабъ-офицерѣ корпуса жандармовъ. Но на очныхъ ставкахъ, я уличилъ во лжи означенныхъ сотскихъ и сказалъ имъ, что показываютъ то изъ страха и по наставленію исправника. Сотскіе сознались въ своей лжи, и я просилъ Караулова записать о томъ въ журналъ, но Карауловъ не исполнилъ моего требованія и сказалъ только, что сотскіе обязаны бояться исправника.

Карауловъ былъ пристрастенъ къ исправнику и слѣдствіе обо мнѣ производилъ въ домѣ исправника, гдѣ спрашивалъ о моемъ поведеніи служащихъ земскаго суда, которые изъ страха къ исправнику, поведеніе мое не одобрили, кромѣ одного чиновника Цвѣткова, тогда какъ служащіе изъ другихъ мѣстъ всѣ одобрили. По этому же пристрастію Карауловъ не обратилъ вниманія на самыя причины возмущенія танѣевскихъ крестьянъ и послѣдовавшаго отъ того убійства Бахвостова.

На основаніи 914 ст. XV Т. Свод. Зак. Угол. (изд. 1842), имѣю честь объяснить о причинахъ возмущенія танѣевскихъ крестьянъ слѣдующее:

Коробьинъ составилъ духовную, душеприкащикомъ назначилъ Федорчукова. По духовной уполномочилъ Федорчукова уплатить долги московскому опекунскому совѣту и саранской мѣщанкѣ Аннѣ Николаевой, а для этого продать крестьянъ съ землею, или безъ земли на вывозъ, съ отпущеніемъ нѣкоторыхъ на волю. По смерти Корабьина Федорчуковъ доходы съ имѣнья собиралъ, по долга Николаевой не платилъ, крестьянъ употреблялъ какъ своихъ крѣпостныхъ на свои работы въ селѣ Жмакинѣ и обѣщалъ за то предоставить вольную, а вмѣсто того отпустилъ одного старосту Федора Осипова съ семействомъ, вовсе не назначеннаго Коробьинымъ по духовному завѣщанію. Вольная семейства Осипова актъ подложный, и Федорчуковъ могъ засвидѣтельствовать этотъ актъ только потому, что уѣздный судья Борисовъ зять ему. Землю Федорчуковъ перемѣжевалъ безъ всякой надобности и промѣнялъ г. Дмитрію Емельяновичу Чарыкову безвыгодно, потомъ землю продалъ саранской купчихѣ Коровиной, оставивъ крестьянъ безъ хлѣба, что все болѣе и болѣе озлобляло крестьянъ, такъ что Федорчуковъ нѣсколько лѣтъ не смѣлъ ѣздить въ Танѣевку. Наконецъ Федорчуковъ и крестьянъ продалъ г. Алексѣю Григорьевичу Теплову и взялъ въ задатокъ 300 р. сер. Крестьяне при пріѣздѣ Теплова въ Танѣевку объявили, что къ нему не пойдутъ, Тепловъ отказался и лишился задатка. Затѣмъ Федорчуковъ продалъ ихъ г. Николаю Ивановичу Чарыкову, а Чарыковъ перепродалъ гг. Лубеновскому и Злецову. Сіи послѣдніе купили на деньги крестьянъ своихъ, для отдачи въ рекруты за крестьянъ своихъ. Такъ какъ танѣевскіе крестьяне во все время хлопотали въ Петербургѣ, то и къ симъ послѣднимъ также не шли. Повѣренный Лубеновскаго просилъ судъ выслать крестьянъ къ мѣстамъ имъ назначеннымъ. Потомъ по распоряженію Суда засѣдатель Разумовъ разкрылъ у нихъ избы, изломалъ печи и увезъ нѣкоторыя вещи въ свою деревню, понятые при этомъ промѣнивали свою одежду и обувь самовольно у крестьянъ Коробьина, и такимъ образомъ крестьяне были озлоблены рѣшительно. Становой приставъ Бахвостовъ донесъ затѣмъ Суду, что крестьянъ взять нѣтъ возможности, потому что будто они стояли у околицы вооруженные. 22 Мая засѣдатель Разумовъ, становой Бахвостовъ и стряпчій Федуловъ отправились въ Танѣевку для взятія крестьянъ насильственно. Остановились въ имѣніи г. Селиванова. Было 200 человѣкъ понятыхъ съ палками, взяли съ собой священника съ крестомъ. У Бахвостова и Разумова были ружья, за Разумовымъ вели верховую лошадь. Становой и священникъ шли впередъ, за ними понятые, а Разумовъ и Федуловъ позади. Крестьяне

* Теперь сосланныхъ.

Digitized by Google

Коробьина были всѣ вмѣстѣ и приложились къ кресту. Когда крестьяне бросились на Бахвостова, Разумовъ выстрѣлилъ на встрѣчу ружьемъ и подстрѣлилъ Бахвостова. Разумовъ послѣ выстрѣла ускакалъ въ Зыково, Федулову также подана была лошадь его человѣкомъ и уѣхалъ въ Зыково же.

—Чиновникъ Карауловъ, какъ мнѣ извѣстно, открылъ преступниковъ по этому дѣлу 9 человѣкъ, тогда какъ ихъ было болѣе 20 человѣкъ. Это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы дѣло рѣшить въ Уголовной Палатѣ, не представляя въ Сенатъ, и тѣмъ закрыть поступки исправника Федорчукова, признаннаго по слѣдствію какъ не участвующимъ въ дѣлѣ въ отношеніи распоряженія крестьянами. Притомъ какая была цѣль Федорчукова уклоняться отъ Временнаго Отдѣленія, когда на это была его прямая обязанность? Судя по этому, онъ вѣроятно зналъ намѣреніе крестьянъ, не менѣе знали и другіе члены, которые запаслись на этотъ разъ ружьями, чего по закону быть не должно. Если исправникъ будетъ оправдываться тѣмъ, что онъ былъ душеприкащикъ, то въ это время онъ уже не былъ, когда имѣнье перешло къ другимъ владѣльцамъ.

МАТЕРІАЛЫ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

(продолженіе.)

в.) Отзывъ князя Меньщикова.—Въ числѣ обращающихся въ публикѣ предложеній объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, встрѣчается мысль объ обязательномъ отчужденіи крестьянъ прежде мелкопомѣстныхъ, а теперь и прочихъ имѣній. Какимъ образомъ совершится сіе отчужденіе, единовременнымъ ли выкупомъ, или срочнымъ, по какой нормѣ цѣнности, съ какимъ землянымъ надѣломъ? не извѣстно; но подъ какою бы формою ни состоялась, мѣра сія была бы не только въ высшей степени неправосудною, но и по послѣдствіямъ своимъ не безопасною для государства. Едва-ли даже можно объяснить раціональную ея цѣль и поводъ.

Осуществить такую мысль значило бы низвергнуть всѣ законы о собственности: мелкопомѣстные пріобрѣли свои имѣнія тѣмъ же порядкомъ законнымъ, какимъ пріобрѣтены всѣ вообще дворянскія имѣнія;(1) за тѣмъ лишить ихъ таковой собственности нельзя иначе, какъ съ сознаніемъ, что законъ не ограждаетъ малоимущихъ, какъ съ указаніемъ народу, что законъ не есть законъ, что право собственности не есть право, что это только случайность до первой произвольной мѣры.

Безъ довѣренности къ собственности не можетъ существовать никакое гражданское общество, ибо общества сіи имѣютъ первою основою увѣренность въ сохраненіи законнаго достоянія. Въ отношеніи внутренняго спокойствія и благоустройства, вредность мѣры сей столь-же разительна, сколько вредна ея неправосудность. Изъ отчета министра внутреннихъ дѣлъ видно, что въ числѣ 109,000 дворянскихъ имѣній, состоятъ 55,000 съ населеніемъ имѣній 21 души и 30,000 съ крестьянами отъ 21 до 100 душъ, и того 85,000 имѣній; отчужденіе ихъ раззоритъ 85,000 дворянскихъ семей; полагая 4 человѣка въ семьѣ, 350,000 душъ останутся безъ крова, безъ пропитанія, и за что, за какія преступленія?(2)

(1) Онѣ пріобрѣтены первоначально посредствомъ правительственнаго произвола — раздачею земель и людей! тутъ было первое нарушеніе собственности. Ложная собственность имѣла своихъ наслѣдниковъ; новыя собственности большею частію пріобрѣтались людьми, ограбившими народъ и казну на службѣ. Теперь освобожденіе креститянъ съ землею было бы возстановленіемъ права собственности.

(2) Ктожъ это вамъ сказалъ? А тѣ земли, которыя у васъ останутся за надѣ-

По какому праву владѣтели законные будутъ лишены имѣній, которыя могутъ достаться тѣмъ, кто не имѣетъ никакихъ правъ? Взять у однихъ и продать другимъ потому только, что число послѣднихъ болѣе, не значитъ ли учить, что сила есть право(3) и законъ, и что она выше права и закона, не значитъ-ли дать въ руки оружіе толпѣ бездомныхъ, побуждаемыхъ къ возстанію чувствами негодованія и голодомъ, на которыя будутъ обречены неправосудіемъ?... Стоитъ заглянуть въ формулярные списки генераловъ, штабъ и оберъ офицеровъ, чтобы убѣдиться, сколько семействъ служащихъ лицъ обратятся въ бездомныхъ пролетаріевъ. Не должно полагаться на вознагражденіе денежное, какое можетъ быть имѣютъ въ виду поборники мысли вынужденнаго отчужденія собственности: какъ бы оно ни было соразмѣрно, оно представитъ капиталъ скудный, ибо теперь мелкопомѣстный имѣетъ кровъ, хотя бы въ хижинѣ; онъ кормится своимъ полемъ и домашнею живностью,(4) а тогда ему придетъ и пища и жилище въ городѣ. Не должно разсчитывать на то, что это малолюдство будетъ безсильно и что крестьяне будутъ на сторонѣ правительства;(5) конечно тѣ, которымъ достанется чужое достояніе,(6) будутъ на первый разъ довольны, но ознакомившись съ произволомъ они могутъ распространять свои притязанія до границъ теперь нами непредвидимыхъ.(7) Останутся ли въ отчаяніи своемъ неподвижными лишенные имѣній дворяне, не будутъ ли они искать себѣ улучшеній быта въ смутахъ и возстаніяхъ подъ вліяніемъ распространяемыхъ идей соціалистовъ? Предвѣденіе человѣческое не въ силахъ напередъ обозрѣть границы послѣдствій.(8) Исторія всѣхъ народовъ показала, что общество держится свѣтскими понятіями, онѣ однѣ обуздываютъ неистовыя слова. Указавъ примѣръ произволу, ни какое правительство не могло еще начертать рубежа, на которомъ произволъ долженъ остановиться, онъ идетъ по указанной стезѣ, безгранично, безщадно и безсознательно. По сему долгъ каждаго повелѣваетъ открыть въ мѣрѣ своихъ понятій, опасность мѣры — столь насильственной, дабы пресѣчь пути преуспѣванію мыслей революціонныхъ и въ настоящемъ случаѣ еще болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ, ибо здѣсь нѣтъ надобности въ отчужденіи собственности. Злоупотребленія помѣщичьей власти могутъ

леніемъ крестьянъ землею, а ваше образованіе купленное на крестьянскій оброкъ, которое дѣлаетъ васъ способными на всякій трудъ и всякое предпріятіе? Или у васъ ни образованности, ни способности нѣтъ, и вы живете только насиліемъ? Тогда всякое здравое понятіе права требуетъ отстранить васъ.

(3) И великій адмиралъ не замѣчаетъ, что сила становится правомъ, когда меньшинство, вооружаясь мнимою законностію и гарнизонами, давитъ большинство; а когда большинство перестаютъ давить—это значитъ, что право входитъ въ силу. Это ясно для каждаго школьника.

(4) . . . и тѣснитъ и сѣчетъ своихъ несчастныхъ крестьянъ.

(5) Нѣтъ! правительство очень должно на это разсчитывать.

(6) Читай: тѣ, которымъ будетъ возвращено ихъ достояніе.

(7) А! вы хотите запугать правительство! Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Посмотрите какъ еще спокойно крестьяне ожидаютъ часа избавленія, а дворянство кричитъ отъ недоросля до адмирала, боясь потерять право бить и клочекъ земли.

(8) Послѣдствія отъ упорства будутъ тѣ, что крестьяне перевѣшаютъ дворянъ и тутъ нечего такъ безсмысленно пугать привидѣніемъ соціализма. Но этихъ послѣдствій и самъ адмиралъ не можетъ видѣть подъ вліяніемъ своекорыстія. Положимъ, что не смысля военнаго дѣла, можно было взяться командовать арміей и не бывъ на морѣ сдѣлаться адмираломъ, но зачѣмъ же сверхъ того соваться въ граждане, безъ всякаго чутья гражданственности и перечить спокойному русскому развитію помѣщичьимъ узенькимъ мнѣньицемъ? Вы не гражданинъ, вы просто баринъ, не суйтесь не въ свое дѣло. Живите по прежнему для острыхъ словъ, но не для годныхъ дѣлъ.

Digitized by Google

быть устраняемы какъ инвентарями, такъ и наблюденіемъ законовъ, умѣряющихъ произволъ вотчинниковъ.(9)

СМѢСЬ.

— Сѣкущее Православіе.—Англійскіе, бельгійскіе и нѣмецкіе журналы (Morning Advertiser, Independance, Allgemeine Zeitung и др.) — разсказываютъ, заимствуя изъ Позенской газеты — страшную исторію новаго злодѣйства русской администраціи въ западныхъ краяхъ. Гродненской губ., Волковицкаго уѣзда, деревня Пороцево перешла изъ уніи къ греческой церкви — въ то душеспасительное время, когда Николай съ благочестивымъ свирѣпствомъ всѣкалъ уніатъ въ православіе. Попъ имъ достался какой то мошенникъ, притѣснявшій ихъ и грабившій. Мужики услышавъ, что новый государь поладилъ съ католическимъ духовенствомъ, перешли опять въ унію. Попъ донесъ. Генералъ-губернаторъ Назимовъ отправилъ туда отрядъ солдатъ, шайку полиціи и своего адъютанта Попова. Вооруженная арава эта напала на деревню и безъ суда и слѣдствія перепорола всѣхъ, говорятъ что нѣсколько человѣкъ умерли подъ наказаніями.

Если это выдумано или увеличено, пусть Назимовъ оправдывается, а до тѣхъ поръ мы будемъ считать это — со всей Европой — за истину. Впрочемъ тутъ невѣроятнаго ничего нѣтъ, это все совершенно въ нравахъ аракчеево-бибиковской школы. Давно-ли Симашко свирѣпствовалъ тому же сѣкущему православію? Разумѣется раскольники правы,—презирая полицейскую церковь, благославляющую розгами и поддерживаемую разбойниками съ аксельбантами и сыщиками въ камилавкахъ.

Кстати, мы слышали на дняхъ, что не только Рязанскіе, но и Московскіе крестьяне моляться за убіеннаго Новосильцовымъ и его сообщниками старца въ Дѣдновѣ (см. Колоколъ лис. 26) —причисляя его къ святымъ мученикамъ! . . . . Несчастная Русь!—сколько страдательческой крови пролито на пажитяхъ твоихъ! твои нивы—поля битвы, битвы свирѣпой, въ которой все злодѣйство съ одной стороны. Сколько устъ замкнулось на вѣки вѣковъ подъ позорной розгой твоихъ палачей-помѣщиковъ, воровъ-чиновниковъ и пьяной полиціи?

Забудь это, когда наступятъ дни твоего свѣтлаго воскресенія —прости дѣтямъ свирѣпыхъ враговъ твоихъ, просто потому, что месть, чтобъ быть достойной зла, — была бы слишкомъ велика!

И—ръ.

— Говорятъ, что извѣстный дипломатъ нашъ, Фонтонъ, осужденный докторами на самую тощую діэту изъ всѣхъ діэтъ, съ негодованіемъ отвергаетъ приписанное нами ему вліяніе на преслѣдованіе въ Франкфуртѣ "Колокола", о чемъ мы въ свое время и утруждали правительствующій сенатъ того города—всепокорнѣйшимъ нашимъ прошеніемъ. Мы съ искреннимъ удовольствіемъ услышали о негодованіи г. Фонтона (само собою разумѣется, мы говорили не о лицѣ, а о русскомъ резидентѣ, и это такъ справедливо, что въ первой статьѣ назвали его Лабенскимъ). Мы были увѣрены, что всѣ дѣльные русскіе дипломаты (въ числѣ которыхъ считаемъ и г. Фонтона) ясно понимаютъ, что ничего нѣтъ общаго между сношеніями Россіи съ другими державами и вертепомъ III отдѣленія. Дѣлать жандармовъ изъ пословъ — изобрѣтеніе Николая. Поццо du Борго, Паленъ и др. старались ему объяснить, что не всякій способенъ быть Дупельтомъ. — Покойникъ этого не понималъ и съ тѣмъ изволилъ отбыть въ петропавловскую крѣпость.

(9) т. е. такими полумѣрами, которыя непремѣнно вызовутъ мужиковъ на вѣшаніе господъ. Этого-то правительство и не хочетъ. Да полноте кичиться: отдайте землю, да спасите свою жизнь.

— Приглашеніе къ сотрудничеству.—Насъ увѣряютъ —что рѣчь государя къ московскимъ плантаторамъ не была напечатана въ русскихъ газетахъ. Государь подъ надзоромъ полиціи, подъ цензурой помѣщиковъ, испытываетъ теперь на себѣ каково жить въ странѣ безъ гласности.

Вѣрные нашей программѣ, мы предлагаемъ Александру II всякій разъ когда цензура не пропуститъ его рѣчь или что другое, присылать въ Колоколъ. Запрещенную рѣчь его— мы помѣстимъ съ удовольствіемъ; мы только не принимаемъ то, что имѣетъ цѣлью поддерживать рабство и самоуправство въ Россіи,—все это можетъ безъ нашего содѣйствія печататься въ Россіи.

— ¿Правда-ли, что православное духовенство, скопившее страшныя богатства по монастырямъ, обирающее—свѣчами, масломъ и другими поборами — народъ русскій, предлагаетъ христолюбиво всѣ сіи богатства на выкупъ крестьянъ съ землею?—Нѣтъ, не правда!

— Отъ часу не легче—кража восмидесяти верстъ!! —Англійскіе журналы съ гомерическимъ смѣхомъ разсказываютъ, что при новомъ измѣреніи разстояній между Москвой и Петербургомъ, сдѣланномъ извѣстнымъ астрономомъ Струве —оказывается, что казна заплатила за восемдесять лишнихъ верстъ!

Что, почтенный Петръ Андреевичъ, астрономія-то подъѣла,—недаромъ вы съ Николаемъ Павловичемъ такъ ненавидѣли науку.

"Усердіе все превозмогаетъ," даже растягиваетъ пространство!

Мы покорнѣйше просимъ г. Чевкина сообщать намъ о слѣдствіи назначенномъ по этому дѣлу; неужели и тутъ виновные будутъ скрыты, какъ по дѣлу крымскихъ злоупотребленій, потому что замѣшаны все полные генералы; должно быть они самому государю даютъ взятки?. . Безнаказанность воровъ, поставленныхъ такъ высоко, что ихъ какъ адмиралтейскій шпицъ видно отовсюду — служитъ особеннымъ поощреніемъ маленькимъ воришкамъ.

Вновь поступили въ продажу у Трюбнера & Co., 60 Paternoster Row:

V книжка "Голосовъ изъ Россіи", въ ней находится одна статья "Объ освобожденіи крестьянъ."

VI книжка выйдетъ къ 1 Декабря, въ ней будетъ напечатанъ между прочимъ "Отвѣтъ вяземскаго крестьянина—к. Голицыну, автору Печатной правды."

Вскорѣ выйдутъ на французскомъ языкѣ:

MÉMOIRES DE L'IMPÉRATRICE CATHERINE II,

ÉCRITS PAR ELLE-MÊME.

— Мы отправили прошлый листъ Колокола въ конвертѣ на имя Государя. Важность "Дѣдновскаго дѣла" побудила насъ къ этому. Надѣемся, что Долгорукій не скрылъ его.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

No. 28. THE BELL NOVEMBER 15, 1858.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, *W. C.*

ЛИСТЪ 28.

15 Ноября 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard street), London. Price six-pence.

Посторонитесь, господа, посторонитесь, Его Сіятельство, Графъ Викторъ Никитичь изволитъ идти . . . дайте дорогу министру! . . . . и мы всѣ статьи Колокола подвинули . . . Пожалуйте ваше Сіятельство—на первое мѣсто.

НЕСЧАСТНЫЙ ОПЫТЪ ДОМОКРАДСТВА.

(Эпизодъ изъ жизни графа В. Н. Панина.)

Въ одномъ изъ имѣній графа Владиміра Григорьевича Орлова, (меньшаго брата Алексѣя, Григорья и Θедора), былъ зажиточный крестьянинъ Марининъ, онъ купилъ, на имя Графа, домъ въ Петербургѣ противъ Казанскаго Собора, а потомъ дачу у Карповскаго моста, на углу Песочнаго переулка. У графа Орлова, человѣка умнаго и честнаго, была заведена особая книга въ вотчинной конторѣ, въ которую вписывались всѣ подобныя покупки, а крестьянину выдавалась квитанція. Марининъ получилъ такую-же и спокойно владѣлъ домами. Послѣ смерти Графа имѣніе его раздѣлилось на три части, старшей дочерѣ его, Екатеринѣ Владиміровнѣ Новосильцовой досталась та часть, по которой числился Марининъ.

Новосильцова предложила Маринину откупится. Марининъ внесъ за себя требуемую сумму и записался въ 1ю гильдію купцомъ. Новосильцова напомнила ему, чтобъ онъ переписалъ домы на свое имя. Но имѣя полное довѣріе къ честности и юстиціи — дочери графа Орлова, Марининъ не торопился. Новосильцова умерла, и имѣніе досталось ея родному племяннику графу Виктору Панину — министру юстиціи. Марининъ приходитъ къ нему и спрашиваетъ, какъ ему будетъ угодно — оставить дома его на свое имя или переписать? "Какіе дома?"—спрашиваетъ юстиція. "Да вотъ, батюшка, что купилъ я на имя покойнаго Графа, когда числился его крѣпостнымъ: то какъ прикажете, переписать ихъ, или такъ оставить, по прежнему?"—"Какіе дома? опять возражаетъ уже разсерженный графъ, я не знаю тебя, а дома я получилъ съ имѣніемъ, это дома мои."—"Да помилуйте, батюшка, вѣдь купилъ-то я ихъ на мои деньги, у меня и квитанція есть."—"Я ничего не знаю, никакихъ квитанцій, дома мои и далѣе съ тобою искать не хочу."

Пошелъ вонъ Марининъ отъ отвернувшейся Юстиціи, и началъ дѣло судебнымъ порядкомъ съ первой инстанціи. Судъ придерживаясь буквы закона, т. е. на основаніи купчей крѣпости, отказалъ Маринину. Марининъ перенесъ дѣло въ Гражданскую Палату. Палата, на томъ-же законномъ основаніи, утвердила рѣшеніе суда. Дѣло пошло въ Сенатъ. Сенаторы соглашаются, почти единогласно, съ рѣшеніемъ Палаты; только одинъ, умный и добросовѣстный сенаторъ, (ужъ не опять-ли Жемчужниковъ?)—говоритъ остальнымъ: "Господа, изъ квитанціи выданной Маринину изъ конторы графа Орлова, мы видимъ, что дома куплены, хотя на имя графа, но Марининымъ, и остались не перечисленными только по безпечности собственника, свойственной нашему простому народу, еще слишкомъ довѣрчивому къ честности своихъ господъ. Хотя по закону дома дѣйствительно должны принадлежать графу Панину, какъ доставшіеся ему по наслѣдству; по какъ подобныя покупки есть дѣло совѣсти, то пусть министръ, удостовѣрившись въ подлинности квитанціи по конторскимъ книгамъ, приметъ очистительную присягу, ровносильную представленному Марининымъ акту, въ томъ, что дома купленны графомъ Орловымъ и на его деньги, тогда ихъ и отдадимъ ему."

Не понравилась эта рѣчь его сіятельству. Не хотѣлъ онъ, видите, солгать подъ колокольнымъ звономъ, вѣдь это на улицѣ, среди бѣла дня, раздѣть человѣка, да еще и побожится, что онъ отроду не одѣвался,—отступился отъ домовъ.

А, позволили вы, г. министръ, идти дѣлу по всѣмъ судебнымъ инстанціямъ? Вы хотѣли присвоить чужую собственность, да еще на законномъ основаніи. Какъ это Топильской допустилъ васъ на это посягательство! Не звонили о вашей кривдѣ колокола петербургскіе, пусть-же прозвонитъ надъ вами Колоколъ лондонскій." Такъ заключаетъ корреспондентъ, котораго усердно благодаримъ за открытіе неудачной попытки—Министра Юстиціи.

РЕФОРМА СВЕРХУ ИЛИ РЕФОРМА СНИЗУ? (*)

Теперешнее состояніе Россіи, послѣ 30 лѣтняго оцѣпенѣнія, очень похоже на состояніе соннаго человѣка, внезапно облитаго холодной водой и съ просонья еще не успѣвшаго придти

(*) Помѣщая эту очень замѣчательную статью въ Колоколѣ, мы должны признаться, что не во всемъ согласны съ авторомъ.—Ред.

Digitized by Google

въ себя. Мы чувствуемъ, что проснулись, но не можемъ еще опомниться, — протираемъ себѣ глаза, озираемся вокругъ, хотимъ понять гдѣ мы и что съ нами, — но вотъ уже почти четыре года протекли, а мы все таки не вышли изъ этого состоянія просонокъ, и до сихъ поръ не понимаемъ по какой дорогѣ и куда идемъ. Впрочемъ, куда идемъ—этотъ вопросъ въ общихъ чертахъ, можно еще уяснить : идемъ къ реформѣ; по какой дорогой — вопросъ вполнѣ темный для многихъ изъ насъ. А разрѣшить его очень любопытно.

Реформа достигается двоякимъ путемъ : или путемъ насильственнымъ, революціей, или путемъ мирнымъ, постепенными преобразованіями учрежденій, добровольнымъ принятіемъ правительствами новыхъ, живыхъ началъ, въ замѣнъ старыхъ, отжившихъ. Который изъ этихъ двухъ путей суждено намъ пройти? Разумѣется желательно было бы избрать послѣдній, ибо всякій насильственный переворотъ, какъ бы ни были благотворны его послѣдствія, самъ по себѣ приноситъ столько зла, что благой результатъ его никогда не искупитъ бѣдствій, обрушивающихся во время революціи на милліоны невинныхъ жертвъ. Но всегда-ли возможно избѣгнуть этого кроваваго пути, и возможно-ли это именно для насъ, въ теперешнемъ положеніи нашемъ? Должны-ли мы надѣяться, что правительство доведетъ насъ до желанной цѣли безъ пролитія крови, или должны мы готовиться къ повторенію того зрѣлища, какое дала Франція Европѣ въ концѣ прошлаго столѣтія? Вотъ вопросы, которые волнуютъ теперь умы всѣхъ мыслящихъ людей въ Россіи. Посмотримъ, какіе на нихъ даютъ отвѣты дѣла, во очью теперь совершающіяся предъ нами?

Вы говорите, что Россія представляетъ въ настоящее время явленіе не слыханное въ исторіи : правительство хочетъ реформы, народъ жаждетъ реформы, но сѣкущее дворянство и ворующее чиновничество не хотятъ ея, а реформа, благодаря усиліямъ этого ничтожнаго по числу и тупоумнаго меньшинства, нейдетъ впередъ, не смотря на стремленія царя и народа. Дѣйствительно, явленіе по видимому необъяснимое въ такомъ государствѣ, гдѣ правительство — все, а подданные—ничто! Но полно такъ-ли? Въ настоящемъ-ли свѣтѣ представляется вамъ это загадочное явленіе? Находясь вдалекѣ отъ нашего общества, и не имѣя по этому возможности услѣдить за нашей повседневной жизнію, вы поневолѣ иногда взглянете на многое съ неправильной точки зрѣнія, увидите только крупное, и пропустите то мелкое, въ которомъ заключаются тайныя пружины, двигающія нашими судьбами. Мы-же видя все ближе, ежедневно натыкаемся на многообразныя мерзости, которыя кишмя-кишатъ въ нашей родной навозной кучѣ, на собственныхъ спинахъ чувствуемъ кнутъ самодержавія, собственными ушами слышимъ проповѣдь православія, пропаганду Іакововъ Ростовцевыхъ о народности въ дѣлѣ воспитанія, собственными очами видимъ подвиги нашихъ безсмысленныхъ судовъ, буйной полиціи (явной и тайной), — по всему этому мы можемъ точнѣе опредѣлить, гдѣ то мѣсто, въ которомъ слѣдуетъ прорубить отдушину для реформы, и что именно ее задерживаетъ, и вѣрнѣе оцѣнить тѣ благія стремленія правительства, о которыхъ такъ сладко оно разглагольствуетъ въ разныхъ манифестахъ, циркулярахъ и другихъ сочиненіяхъ подобнаго рода.

Дѣло въ томъ, что правительство, т. е. царь, вовсе не такъ пламенно жаждетъ реформы, какъ о томъ говорится въ манифестахъ, и вотъ истинная причина почему реформа не осуществляется. А что онъ не искренно ея желаетъ, или желая, понимаетъ ее не въ томъ смыслѣ, въ какомъ она представляется всѣмъ чающимъ прогресса, то въ этомъ легко убѣдиться если попристальнѣе взглянуть на все то, что до сихъ поръ у насъ сдѣлано послѣ громкихъ провозглашеній о прогрессивномъ стремленіи правительства. "Реформа должна начинаться сверху," говоритъ оно. Совершенно справедливо. Во имя этой идеи потребовали отъ дворянъ, чтобы они начали дѣло освобожденія крестьянъ, не дожидаясь, чтобы эти послѣдніе сами приступили къ разрѣшенію вопроса объ уничтоженіи своего рабства. Прекрасно и это! Но вѣдь какъ ни важенъ, какъ ни настоятеленъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, — вопросъ этотъ не единственный, разрѣшеніемъ котораго мы интересуемся. Реформы въ одномъ этомъ дѣлѣ намъ мало ; мы хотимъ освобожденія не однихъ 11 милліон. людей, а всѣхъ 60,000,000, хотимъ чтобы не одни дворяне были лишены права воровать и сѣчь, но чтобы и чиновники лишились права грабить и эксплуатировать другіе классы,—хотимъ чтобы личная свобода, честь и состояніе каждаго были обезпечены и ограждены закономъ, а не зависѣли бы отъ произвола чьего бы то ни было, хотимъ чтобы всѣ члены общества были равны предъ закономъ, чтобы правый судъ существовалъ для всѣхъ безъ различія сословій, —чтобы министръ и князь, за безчестное дѣло, подлежали той-же карѣ закона, какая угрожаетъ и крестьянину и чиновнику 14 класса, словомъ : хотимъ правильнаго государственнаго благоустройства, которое не зависѣло бы отъ произвола одной головы, возвышающейся надъ 60 милліонами головъ, а утверждалось бы на непоколебимыхъ основаніяхъ справедливости и положительнаго закона. Но вотъ тутъ-то и лежитъ камень, о который преиинаются soi-disant либеральныя стремленія самодержавнаго правительства, та граница, начиная съ которой оно отрѣкается уже отъ принципа "начинанія сверху," робѣетъ передъ начатой реформой, и останавливается на полъ-дорогѣ, отставъ отъ одного берега и не подвигаясь къ другому. Тутъ уже дѣло не въ Орловыхъ и Паниныхъ съ компаніею, которые будто бы отводятъ руку царя, протянутую къ народу—нѣтъ! Эти люди ничего не могли бы сдѣлать еслибы рука та смѣло была протянута ; противъ напора 60 милліоновъ, которые ухватились бы за эту протянутую руку, не устояли бы никакіе Орловы, Панины и прочіе иже съ ними ; въ настоящемъ-же случаѣ люди эти—ничто иное, какъ дворня холоповъ, которые видя, что самому барину не очень то хочется разставаться со всѣми привычками, завѣщанными ему предками, но предчувствуя, что скоро уже волей-неволей житье въ барскомъ домѣ должно измѣниться, стараются покуда —лестью, угодничествомъ, въ нужныхъ случаяхъ и наушничествомъ, удерживать своего господина въ томъ нерѣшительномъ положеніи, которое хоть на нѣкоторое время отдалитъ роковую для нихъ перемѣну ; вѣдь всякому своя рубашка близка къ тѣлу! Такимъ образомъ роль царской дворни въ дѣлѣ замедленія реформы, есть по нашему мнѣнію, не болѣе какъ отрицательная и обусловливаемая притомъ недостаткомъ въ самомъ царѣ искренняго сочувствія къ радикальной реформѣ ; приписывать-же этой дворнѣ роль открытой, сознательной оппозиціи положительнымъ стремленіямъ своего барина—было бы, намъ кажется, слишкомъ большою честію для такихъ людей какъ Орловы, Панины, Ростовцевы, Адлерберги и проч., людей, которые по своей бездарности и прав-

Digitized by Google

ственному ничтожеству, не способны ни къ какому энергичному заявленію своихъ убѣжденій, благородныхъ-ли, низкихъ ли—все равно. Явись завтра на престолъ человѣкъ съ убѣжденіями твердыми, искренно преданный дѣлу реформы, и мы увидѣли бы, что тѣ-же самые Орловы и Панины сдѣлались бы усердными миссіонерами либеральной пропаганды.

Но можетъ ли явиться такой человѣкъ на престолѣ самодержавія, съ котораго съ столь забавною наивностью и вмѣстѣ безстыдною наглостію провозглашается, какъ первый изъ основныхъ государственныхъ законовъ, слѣдующій законъ: "Императоръ Всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный; повиноваться ему, не только за страхъ, но и за совѣсть, самъ Богъ повелѣваетъ." (св. зак. осн. III. I. ст. I.) — Почти положительно можно сказать, что трудно ожидать появленія на такомъ престолѣ человѣка, который съ молокомъ матери всосавъ непреложное убѣжденіе въ истинѣ подобнаго ученія, впослѣдствіи добровольно рѣшился бы отказаться отъ него, какъ за себя самаго, такъ и за семейство и все потомство свое. Такого самоубійства нельзя и требовать отъ человѣка, какъ бы хорошъ онъ ни былъ. Слѣдовательно весь либерализмъ автократа можетъ заключаться лишь въ стремленіи къ половинной реформѣ, т. е. такой, которая, касаясь второстепенныхъ золъ укоренившихся на почвѣ самодержавія, оставила бы самое самодержавіе неприкосновеннымъ, другими словами: либеральный автократъ есть умѣренный деспотъ, но все-таки деспотъ. Александръ II находится именно въ такомъ положеніи. По природѣ своей онъ человѣкъ добрый, желающій блага народу, и совершенно не склонный къ проявленію того дикаго деспотизма, который въ "незабвенномъ" его родителѣ не имѣлъ никакихъ предѣловъ. Онъ, съ самаго вступленія на престолъ, дѣлами заявилъ, что не намѣренъ, въ пользованіи правами самодержавія, доходить до совершеннаго попранія всѣхъ человѣческихъ правъ своихъ подданныхъ; — началъ освобожденіе крестьянъ, простилъ политическихъ преступниковъ, 30 лѣтъ испытывавшихъ на себѣ злопамятство рыцаря Николая; далъ, относительно, довольно большую свободу печатному слову, позволилъ учиться, отклонилъ предложенныя услуги Липранди, нѣсколько ограничилъ неистовства тайной полиціи, — вообще показалъ, что желаетъ быть человѣкомъ, а не коронованнымъ ефрейторомъ. Но при всемъ этомъ онъ все-таки не отказывается быть самодержцемъ, не желаетъ добровольно лишить себя тѣхъ обольстительныхъ личныхъ выгодъ, которыхъ и на долю умѣреннаго автократа довольно много еще остается; онъ говоритъ народу: "Я готовъ облегчить твои бѣдствія, но съ условіемъ, чтобы льготы, которыя ты получишь, не затрогивали моихъ личныхъ интересовъ, моихъ самодержавныхъ правъ." Грустная близорукость! Вслѣдствіе этого что-же выходитъ? Начались обѣщанныя преобразованія; поднятъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, громко заговорили о многообразныхъ мерзостяхъ чиновничьяго самовластья, о взяткахъ, о притѣсненіяхъ слабаго сильнымъ, обнаружены многія гнусности, бывшія доселѣ священной тайной канцелярскихъ вертеповъ. Ждутъ, что вотъ вотъ грянетъ громъ правосудія отъ царскаго престола; зло изобличено, выведено на свѣтъ божій; остается только покорять его и истребить съ тѣмъ, чтобы оно уже не возвращалось! Ничего не бывало! Толкуютъ на словахъ, пишутъ въ книгахъ, а на дѣлѣ—все тоже что и прежде было: чиновники грабятъ, полиція грабитъ и бьетъ, мужиковъ сѣкутъ, суды мошенничаютъ. Что за притча? Откуда такая рьяность на словахъ, и такое безсиліе на дѣлѣ? А оно вотъ откуда: провозгласивъ реформу, и во главѣ ея поставивъ освобожденіе крестьянъ, правительство почувствовало (чего сначала не ожидало, расчитывая на дѣтскій возрастъ подданныхъ, и надѣясь, что дѣти и тому уже рады будутъ, что хоть на ноги позволили имъ встать), что на полъ-дорогѣ трудно остановиться въ дѣлѣ реформы, что дѣло это подчиняется неотразимой логикѣ, которая шагъ за шагомъ ведетъ отъ одного вопроса къ другому; принявъ принципъ начинанія сверху, нельзя начинать съ середины, и ежели оставаться вѣрнымъ тому принципу, то необходимо доберешься до самаго верха. Логика эта прежде всего высказалась въ помѣщикахъ, изъ которыхъ нынче всѣ, кто поумнѣе, весьма справедливо разсуждаютъ такъ: "правительство хочетъ сдѣлать крестьянъ свободными, потому что владѣніе человѣка человѣкомъ — противно началамъ справедливости;—мы согласны съ этимъ, но во имя тѣхъ-же началъ хотимъ, чтобы правительство, освобождая крестьянъ отъ рабства, освободило вмѣстѣ съ тѣмъ и насъ,—хотимъ, чтобы и мы сами не подлежали отнынѣ безотчетному произволу одного человѣка, который сегодня хоть и хорошъ, но завтра можетъ сдѣлаться негоднымъ; даруя права крестьянамъ, даруйте и намъ права, обезпеченныя твердымъ закономъ, а независящія отъ прихоти одного лица, которому будто бы самъ Богъ велѣлъ намъ повиноваться;— такаго повелѣнія мы не слыхали,—да и вы не принимали отъ Бога какъ Моисей, скрижалей завѣта?" Тоже самое могутъ сказать и всѣ остальныя сословія; та-же мысль отзовется и при учрежденіи судовъ, ибо судъ — ежели ужъ вводитъ судъ настоящій — прежде всего провозгласитъ начало законности, а начало законности исключаетъ существованіе начала неограниченнаго произвола, иначе для чего же и учреждать суды, если приговоры ихъ, основанные на справедливости и законѣ, могутъ быть во всякое время, чрезъ происки и ходотайства, обращены въ ничто? А можетъ-ли истинный судъ существовать безъ гласности? Если же допустить гласность, то изъ подъ бича ея нельзя исключить и министровъ: иначе она будетъ пустымъ звукомъ. По какъ же будемъ мы осуждать министровъ за тѣ ихъ беззаконія, которыя прикрыты ими повелѣніями государя, стоящаго выше закона? Слѣдовательно и государь долженъ быть подчиненъ закону? А если такъ, то принципъ самодержавія уже упраздняется; отнынѣ намъ нуженъ уже будетъ монархъ-правитель, а не самодержавный помѣщикъ 60 милліоновъ душъ.

Всѣ эти вопросы такъ просто представляются уму каждаго, что правительство наше не могло не наткнуться на нихъ, когда провозгласивъ реформу, приступило къ приведенію ея въ исполненепіе. Наткнувшись-же, оно изумилось этому новому положенію своему, ибо не ожидало, что народъ, котораго оно вознамѣрилось постепенно отучать отъ помочей, окажется вдругъ до того зрѣлымъ, что не только слушаться, но и самъ разсуждать кое-какъ умѣетъ. Оно думало, что съ нимъ можно поступать какъ съ ребенкомъ, начинающимъ ходить, которому папаша или мамаша говорятъ, чтобъ онъ былъ покуда въ одной только комнатѣ и запрещаютъ подходить къ лѣстницѣ, на томъ благоразумномъ основаніи, что онъ можетъ съ нея свалиться. Но оказалось, что учить народъ не тоже самое что учить ребенка ходить,—ребенокъ послушается, а народъ не остановишь представленіемъ ему опасности свалиться съ лѣстницы. Очутившись лицемъ къ лицу

съ этими неотразимыми вопросами, Александръ II не имѣлъ на столько рѣшимости и на столько безкорыстной твердости въ своихъ убѣжденіяхъ, чтобы смѣло встрѣтить свое новое положеніе, и безстрашно дойти до послѣдняго логическаго вывода въ дѣлѣ провозглашенной имъ реформы. Онъ испугался, и не имѣя мужества отказаться, для блага народа, отъ личныхъ прерогативъ неограниченнаго автократа, но съ другой стороны сознавая, что данное уже разъ трудно взять назадъ, и при томъ будучи на столько честенъ, чтобы не желать покуситься на такое нарушеніе довѣрія, — рѣшился остановиться на половинѣ пути; принципъ "начинанія сверху" оказался въ глазахъ его несостоятельнымъ, по крайней мѣрѣ неудобоисполнимымъ для него. И вотъ причина безплодности начатой реформы, даже самое дѣло освобожденія крестьянъ представляется теперь въ такомъ положеніи, что окончательнаго рѣшенія его нельзя ждать отъ правительства, которое само испугалось своей смѣлости.

Остановясь въ своихъ благихъ начинаніяхъ, или по крайней мѣрѣ, значительно ограничивъ кругъ ихъ,—мудрено-ли, что Александръ II оставляетъ подлѣ себя такихъ людей какъ — Орловы, Панины, Ростовцевы и пр.? Повторяемъ сказанное выше: людей этихъ, какъ они ни вредны сами по себѣ, нельзя считать исключительною причиною остановки въ дѣлѣ реформы, единственнымъ препятствіемъ для Александра II въ стремленіяхъ его къ благимъ преобразованіямъ. Вѣдь умѣлъ-же онъ отдѣлаться отъ Клейнмихеля и Бибикова, какъ скоро не захотѣлъ имѣть ихъ при себѣ. Точно также имѣетъ онъ полную возможность удалить и Орлова съ Панинымъ и Закревскимъ; но дѣло въ томъ, что онъ самъ этого не хочетъ, а не хочетъ потому, что отступился отъ своихъ прежнихъ убѣжденій, и порѣшивъ остаться на полъ-дорогѣ, не видитъ, почему бы эти люди, при такомъ положеніи его, могли быть для него вредны. Они-же, видя это безмолвное дозволеніе своего повелителя, не станутъ проситься прочь; ихъ оставляютъ въ покоѣ, и они въ свою очередь, не тревожа себя никакими оппозиціонными стремленіями, продолжаютъ только до поры до времени дѣлать то, что и прежде дѣлали при Николаѣ; правда, дѣлаютъ-то они все гадко, вреда отъ нихъ много, прогнать ихъ слѣдуетъ, какъ слѣдовало и прежде,—но, относительно самаго Александра II роль ихъ ничтожна; если онъ не таковъ, какимъ ожидали его видѣть, то онъ самъ тому причиной, и возвратись онъ на прежнюю дорогу, ни Орловы, ни Панины, ни Закревскіе помѣхой не будутъ.

Вышеизложенными размышленіями стараясь уяснить себѣ настоящее положеніе Россіи, относительно будущей судьбы ея на пути реформъ, приходимъ къ слѣдующему отвѣту на заданный нами себѣ вопросъ: реформа, къ которой мы идемъ, согласно съ теперешнимъ положеніемъ правительства, добровольно принятымъ имъ, не можетъ развиваться по принятому было сначала принципу "начинанія сверху," обезпечивающаго мирный путь дѣлу преобразованія; забыть начатыя уже преобразованія также нельзя; правительство при всей своей силѣ, не въ состояніи попятить назадъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ; слѣдовательно дальнѣйшей реформѣ, которую неизбѣжно долженъ этотъ вопросъ повлечь за собою, суждено, по рѣшенію самаго-же правительства, совершиться путемъ "начинанія снизу." И такъ сколько по теперешнему положенію, въ какое нерѣшимостью своею, поставилъ Александръ II себя и Россію, столько и по самой природѣ самодержавнаго правительства вообще, которому трудно поднять на самаго себя руку, намъ угрожаетъ путь революціонный.

Духъ смущается при этой тяжелой мысли; смущается и за народъ и за Александра II, государя добраго, снискавшаго себѣ любовь подданныхъ, которому никто изъ нихъ не пожелаетъ горькой участи монарховъ, ниспровергнутыхъ потокомъ революцій. Но сила обстоятельствъ, неумолимая логика событій не разбираютъ личныхъ пріязней,— судьбы народовъ совершаются независимо отъ желаній отдѣльныхъ лицъ; задержать ростъ народа также невозможно, какъ воспрепятствовать посѣянному и взошедшему уже зерну превратиться въ свое время въ зрѣлый колосъ; человѣку дана только власть пособлять силамъ природы, а не останавливать ихъ. Вотъ этою-то властью пособлять и должны пользоваться государи въ дѣлѣ развитія управляемыхъ ими народовъ. Когда народъ созрѣлъ и явственно заявляетъ требованія свои на лучшую жизнь, тогда правительству надо смѣло рѣшаться на требуемыя улучшенія, и давать ихъ народу вполнѣ, а не клочками, не торгуясь изъ-за тѣхъ уступокъ, въ которыхъ приходится жертвовать своими личными интересами. Въ такой роли и желали бы мы видѣть Александра II, давшаго намъ право ожидать отъ него много хорошаго. Не покидаемъ надежды, что онъ наконецъ приметъ-таки эту благородную роль, и вполнѣ понявъ свое назначеніе, рѣшится оставить узкій, извилистый путь полумѣръ, и мужественно пойдетъ по широкой дорогѣ искренней и радикальной реформы. Все дѣло только въ томъ, чтобы онъ ясно взглянулъ на свое положеніе и проникнулся убѣжденіемъ, что поддерживать одряхлѣвшія, отжившія формы неограниченнаго самодержавія—сдѣлалось невозможностію, и что упорствуя въ поддержаніи этихъ формъ, онъ не возвратитъ имъ жизни, а навлечетъ лишь на народъ и на себя самаго бѣдствія, которыхъ вѣрно не желаетъ. Но самъ онъ, можетъ быть, не доживетъ до нихъ, и потому не сильно заботится о томъ, что будетъ дѣлаться послѣ его смерти? —Мы слишкомъ увѣрены въ его честности, чтобы предположить въ немъ такой грубый эгоизмъ и преступную безпечность, и не хотимъ допускать мысли, что пословица: après moi le déluge—принята имъ за руководительный принципъ.

Но если Александръ II обратится къ истиннымъ убѣжденіямъ и рѣшится выдти на указываемую ему провидѣніемъ широкую дорогу радикальной реформы, то какъ приняться ему за это дѣло?

Заранѣе опредѣлить въ этомъ всѣ подробности исполненія, разумѣется невозможно; но въ общихъ чертахъ, думаемъ, можно теперь же указать на главныя основанія требуемыхъ преобразованій.

Во-1хъ надо дать народу хорошіе законы, и для того пересмотрѣть, отъ альфы до омеги, всю ту путаницу нелѣпѣйшихъ и одно другому противорѣчащихъ постановленій и учрежденій, которыя составляютъ необъятную массу нашего нынѣшняго свода законовъ. А какъ хорошіе законы пишутся не канцеляріями и разными отдѣленіями, а самими народами, то созвать для предполагаемаго пересмотра земскій совѣтъ изъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій. Этотъ совѣтъ пересмотрѣвъ и исправивъ законодательство, постановитъ вмѣстѣ съ тѣмъ на будущее время опредѣлительныя правила, по которымъ должна быть организована постоянная законодательная власть, исходящая единственно отъ народныхъ представителей

Digitized by Google

и вполнѣ независимая отъ исполнительной власти, не только въ лицѣ министровъ, но и въ лицѣ самаго государя.

Во 2хъ, до окончанія этой работы, которая не можетъ быть совершена въ скорое время, обезпечить для народа строгое, нелицепріятное исполненіе существующихъ теперь законовъ, ибо, какъ они ни дурны, во все таки лучше управляться какими нибудь законами, нежели какъ теперь, вовсе не быть подчинену имъ и зависѣть отъ неограниченнаго произвола каждаго министра, который по своему вѣдомству издаетъ подъ покровомъ высочайшей власти, законы какіе ему вздумается. Для этого же обезпеченія строгаго исполненія законовъ существующихъ, теперь же учредить самостоятельные суды, которые были бы вполнѣ независимы отъ исполнительной власти, и потому имѣли бы возможность свободно и нелицепріятно преслѣдовать и карать всякое беззаконіе, кѣмъ бы оно совершено ни было. Для этого, чтобы и отъ суда отнять возможность кривить передъ закономъ—учредить надъ судами не надзоръ множества апелляціонныхъ институцій, изъ которыхъ теперь самая высшая—дворцовая передня, а контроль общественнаго мнѣнія, и для этого допустить въ судахъ безусловную гласность.

Въ 3хъ, уничтожить всѣ особенные суды, въ томъ числѣ и военные, подчинивъ всѣ сословія одинаковому суду, уничтожить существующіе теперь для военнослужащихъ уголовные законы по частнымъ преступленіямъ, поставить лишь тѣ изъ нихъ, которые касаются собственно преступленій противъ военной службы. Не понятно, почему военный и невоенный, за одно и тоже преступленіе должны подлежать различнымъ наказаніямъ? Еще менѣе понятно, почему лица вовсе не принадлежащія къ военному сословію, предаются часто военному суду. Наши императоры всѣ отличались ефрейтерскимъ направленіемъ, но никто не довелъ этого направленія до столь крайнихъ предѣловъ какъ Николай I. Онъ рѣшительно всю Россію хотѣлъ отдать въ солдаты, а казарму ставилъ идеаломъ всѣхъ государственныхъ учрежденій. Подъ вліяніемъ такаго мудраго взгляда составились и наши уголовные законы (составители знали, чѣмъ угодить барину); въ нихъ, между родами дѣлъ, отнесенныхъ къ вѣдомству особенныхъ судовъ, изчислены сорокъ одинъ родъ дѣлъ, въ которыхъ лица невоенныя подлежатъ военному суду (Св. Зак. изд. 1857 г. Т. XV, кн. II, ст. 761)! Такое уродство въ устройствѣ судебной части едва-ли гдѣ, кромѣ Россіи, найти можно,—что это за вѣчное осадное положеніе! Еслибы еще это нелѣпое устройство грѣшило только противъ общепринятыхъ здравыхъ понятій о судѣ—бѣда была бы не велика; но дѣло въ томъ, что оно заключаетъ въ себѣ зло существенное, ибо окончательно лишаетъ подсудимаго всякой надежды на правый судъ. И въ обыкновенныхъ нашихъ судахъ правды не легко добиться, но тамъ по крайней мѣрѣ паціентъ имѣетъ право жаловаться на несправедливый приговоръ, и этого права онъ никогда не лишается: по всякому дѣлу, какъ бы оно ничтожно ни было, жалоба осужденнаго можетъ дойти не только до сената, но и до самаго государя. Въ военныхъ же судахъ и этой гарантіи нѣтъ. По приговору, составленному пьянымъ взяточникомъ-аудиторомъ, и подписанному безграмотными невѣждами презусомъ съ ассесорами, осужденнаго порятъ шпицрутенами безапелляціонно, и зачастую запарываютъ до смерти. Такимъ образомъ военный судъ употребляется какъ самое удачное средство, когда хотятъ, чтобы обвиняемый непремѣнно найденъ былъ виноватымъ; а такія невинныя желанія очень часто приходили въ голову Николая, на пр. во всѣхъ случаяхъ, когда приходилось разбирать какое нибудь дѣло по обвиненію въ политическомъ преступленіи; подъ разрядъ-же такихъ дѣлъ подводилось многое: и неузаконенный образъ мыслей, и вольный духъ, и храненіе Поляками оружія, и дерзость противъ начальства, и шумъ произведенный школьниками въ какомъ нибудь казенномъ заведеніи изъ-за дурнаго ужина, и наконецъ дѣйствительные заговоры. Такъ между прочимъ рѣшено было и дѣло Петрашевскаго, потому что, судись онъ въ обыкновенныхъ судахъ, по общему порядку, то много — много еслибъ былъ приговоренъ къ шестимѣсячному заключенію въ крѣпости. А его надо было во чтобы то ни стало найти подлежащимъ смертной казни и, въ видѣ монаршаго милосердія сослать въ каторжную работу. Безъ суда-же не желали этого сдѣлать, злодѣйство нужно было довершить еще лицемѣріемъ (кого они обманули имъ?)—вотъ и отдали подъ военный судъ, да еще съ повелѣніемъ судить по полевымъ военноуголовнымъ законамъ. Спрашивается, что-же это за судъ, коль скоро въ силу существованія въ одно и тоже время, въ одномъ и томъ же государствѣ, нѣсколькихъ сортовъ уголовнаго кодекса, можно уже однимъ преданіемъ суду сдѣлать обвиняемаго — обвиненнымъ? Не есть-ли это злая насмѣшка безумнаго деспота и надъ правдою и надъ несчастными жертвами, которыхъ онъ топчетъ ногами?....

Въ 4хъ установить отвѣтственность министровъ, и кругъ дѣйствія ихъ ограничить единственно исполнительною властью, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова; власть-же законодательную, а тѣмъ болѣе судебную, рѣшительно отнять, воспретивъ имъ право какъ испрашивать высочайшія повелѣнія помимо подлежащихъ административныхъ или судебныхъ инстанцій, такъ и имѣть голосъ въ судебныхъ мѣстахъ (на пр. въ сенатѣ, какъ это нынѣ существуетъ; тамъ не только министръ юстиціи въ качествѣ генералъ-прокурора, но и каждый изъ прочихъ министровъ по дѣламъ касающимся до вѣдомства ихъ министерства, имѣетъ право произносить свое veto, и такимъ образомъ парализировать судебные приговоры сената какъ въ департаментахъ, такъ и въ общихъ собраніяхъ; (въ послѣднихъ впрочемъ голоса министровъ, кромѣ министра юстиціи, считаются на равнѣ съ голосами сенаторовъ при исчисленіи узаконеннаго большинства двухъ третей). Такое смѣшеніе законодательной, судебной и исполнительной власти и полная безотвѣтственность министровъ, на которыхъ нѣтъ суда, есть одна изъ главныхъ причинъ, почему законы у насъ существуютъ только на бумагѣ и совершенно безсильны на дѣлѣ.

Въ 5хъ, даровать безусловную свободу совѣсти, и прекратить гнусныя преслѣдованія раскольниковъ.

Въ 6хъ, уничтожить касту духовенства, открывъ доступъ въ среду его всякому, кто окончилъ курсъ богословскихъ наукъ, и для этого учредить богословскіе курсы при университетахъ, упразднивъ семинаріи какъ отдѣльныя кастовыя школы, и преобразовавъ ихъ на правилахъ гимназіи. Тогда будетъ у насъ духовенство образованное и не отчужденное китайскою —какъ теперь—стѣною отъ всѣхъ прочихъ сословій.

Въ 7хъ, уничтоживъ касту духовныхъ, освободить и всѣ прочія сословія отъ тѣхъ разграниченій между ними, которыя

Digitized by Google

дѣлаютъ изъ нихъ тоже нѣчто въ родѣ кастъ, или точнѣе — цѣховъ, враждебныхъ одинъ другому.

Въ 8ыхъ, отмѣнить, для всѣхъ безусловно, унизительное тѣлесное наказаніе, которое тѣмъ болѣе представляется гнуснымъ, что дѣлается закономъ; въ этомъ отношеніи изъятія для нѣкоторыхъ привилегированныхъ классовъ основаны на самыхъ нелѣпыхъ различіяхъ. Такъ на пр. купцовъ первыхъ двухъ гильдій нельзя пороть ни плетьми, ни розгами, а купца 3й гильдіи—можно. Но все различіе между гильдіями зависитъ отъ количества взносимыхъ гильдейскихъ пошлинъ, а количество этихъ пошлинъ зависитъ отъ болѣе или менѣе богатаго состоянія купца. Такимъ образомъ человѣкъ, котораго торговыя дѣла идутъ хорошо, изъятъ отъ тѣлеснаго наказанія, но лопни завтра какое нибудь торговое его предпріятіе, или сгори у него домъ со всѣмъ его имуществомъ — и тотъ-же самый человѣкъ, сдѣлавшись менѣе богатымъ и записываясь вслѣдствіе этого въ 3ью гильдію, подлежитъ уже наказанію плетьми въ случаѣ совершенія уголовнаго преступленія. Что за тупоумное законодательство!

Наконецъ въ 9ыхъ, скиньте, государь, со всѣхъ насъ эти ливреи, которыя подъ названіемъ мундировъ, раздѣляютъ вашихъ подданныхъ на безчисленное множество враждебныхъ другъ другу классовъ; мундиръ у насъ есть символъ, дающій мундирному человѣку право безнаказанно грабить и бить всѣхъ немундирныхъ; покуда на человѣкѣ мундиръ — онъ неприкосновененъ, особенно если мундиръ тотъ — военный. Мы дѣлаемся черезъ это похожи на дворовую челядь барскую, которая гордясь своей ливреей, съ презрѣніемъ глядитъ на своего-же брата крѣпостнаго крестьянина. Наружныя отличія много значатъ; они неизбѣжно раздѣляютъ людей, ставятъ ихъ въ непріязненныя отношенія между собою; правительство же должно стараться не раздѣлять, а соединять. Что ни говорите, а всякій мундиръ есть эмблема какого-то ни для кого непонятнаго превосходства, даваемаго правительствомъ одному надъ другимъ—эмблема кулачнаго права. По крайней мѣрѣ у насъ это такъ, и учрежденіе это много зла приноситъ. Въ особенности военный мундиръ долженъ быть совершенно изгнанъ изъ общества, и оставленъ только для употребленія на службѣ, ибо этотъ мундиръ по преимуществу есть эмблема кулачнаго права, непризнающаго законовъ: а чувство уваженія къ законности и есть именно то, что прежде всего надо водворить между нами. Николай I всѣхъ хотѣлъ одѣть въ военный мундиръ; многихъ и успѣлъ одѣть, на пр. губернаторовъ, инженеровъ горныхъ и путей сообщенія, землемѣровъ, оберъ-прокурора Синода, всѣ полиціи, разныхъ министровъ. А лучше-ли сдѣлались отъ того всѣ эти люди, меньше ли воровали? Одежда никогда не сдѣлаетъ изъ негодяя хорошаго человѣка, но очень часто можетъ хорошаго человѣка сдѣлать негодяемъ.

Въ изчисленныхъ девяти пунктахъ мы старались передать только главныя стороны реформы, за которую предстоитъ Александру II приняться единовременно съ освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ. Ближайшее приложеніе этихъ главныхъ началъ къ дѣлу опредѣлятъ сами обстоятельства, когда приступлено будетъ къ осуществленію предполагаемыхъ преобразованій, и въ этомъ отношеніи правительству должно ожидать содѣйствія отъ упоминаемаго выше земскаго совѣта, который будетъ пересматривать законодательство во всѣхъ частностяхъ и по всѣмъ отраслямъ управленія.

Принявшись такимъ образомъ за радикальную реформу, Александръ II можетъ уже смѣло вести своихъ подданныхъ по пути прогресса, не страшась ни за себя, ни за будущее своего народа, не только не теряя пріобрѣтеннаго имъ народнаго довѣрія къ его благимъ стремленіямъ, но еще болѣе скрѣпляя союзъ съ своими подданными неразрывными узами любви и взаимнаго уваженія. Тогда только реформа можетъ совершиться чрезъ "начинаніе сверху," т. е. тѣмъ единственнымъ путемъ, который обезпечиваетъ благополучный и мирный исходъ великаго дѣла.

Въ дополненіе къ высказаннымъ выше замѣчаніямъ касательно устройства у насъ судебной части, не излишне будетъ привести нѣкоторые вопіющіе примѣры той нелѣпой, гнусной неурядицы, какая представляется нашими уголовными законами.

До 1845 года у насъ дѣйствовали уголовные законы, изложенные въ XV Т. св. законовъ. Этотъ XV томъ представлялъ собою самый грубый матеріалъ, самыя первобытныя попытки къ начертанію уголовныхъ законовъ. О теоріи тамъ и помину не было, о системѣ въ постепенности наказаній — тоже; за многія преступленія опредѣлялись наказанія въ такой формѣ: "наказать по мѣрѣ вины," или: "наказать по всей строгости законовъ," или: "наказать яко преступника закона." Наконецъ стали подумывать, что не мѣшало бы изобрѣсти что нибудь поумнѣе этихъ патріархальныхъ законоположеній, — и вотъ Николай призвалъ извѣстнаго у насъ вѣчнаго законодательнаго цѣха мастера Блудова, и заказалъ ему сдѣлать новое уложеніе, по послѣднимъ, какіе только онъ знаетъ, образцамъ. Блудовъ тотчасъ же нанялъ подрядчиковъ и принялся за работу. Работа шла живо, и черезъ 4 года была готова. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1845 года мастеръ Блудовъ повезъ свою работу на высочайшее воззрѣніе высокаго Николая. Николай нашелъ, что бумага и печать хороши, императорскій титулъ въ надлежащихъ мѣстахъ оттиснутъ большими буквами и за тѣмъ признавая, что книгу можно пустить въ ходъ, послалъ ее для обнародованія въ сенатъ при трогательномъ указѣ, въ которомъ съ свойственною великому мужу скромностію, объявлялъ, что онъ съ самаго вступленія на прародительскій престолъ, старался приводить всѣ законы своей имперіи въ стройный порядокъ и ясность, и въ этихъ стараніяхъ призналъ заблаго пересмотрѣть законы уголовные "коихъ правосудное неослабное исполненіе есть одно изъ вѣрнѣйшихъ ручательствъ благоустройства общественнаго и спокойствія частныхъ лицъ"—далѣе въ указѣ говорится, что составленное нынѣ новое Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ соотвѣтствуютъ предположеніямъ его, (Николая) и вслѣдствіе того утверждено имъ и препровождается въ сенатъ для обнародованія.

Такимъ образомъ мы получили новые уголовные законы. Но какія-же новыя начала и усовершенствованія противъ XV тома нашли мы въ нихъ?—Очень многія и очень разумныя, на пр. кнутъ замѣненъ трехъ-хвостною плетью; налагаемыя на преступниковъ клейма изъ буквъ В. О. Р. замѣнены буквами К. А. Т.; плетьми драть велѣно не просто на землѣ, какъ бывало драли прежде кнутомъ, а на эшафотѣ, да притомъ еще не по спинѣ, а непремѣнно по ягодицамъ, потому дескать, что доктора сказывали, будто въ спинѣ мозгъ есть; далѣе: всѣ противузаконныя дѣянія раздѣлены, по новѣйшимъ, присланнымъ изъ-за границы образцамъ, на преступленія и

Digitized by Google

проступки, а наказанія — на уголовныя и исправительныя, съ подраздѣленіемъ на роды, виды и степени. Чего же кажется лучше? За преступленіе откатають тебя по уголовному, а за проступокъ — по исправительному. Такъ по крайней мѣрѣ сказано въ началѣ Уложенія. Но читая далѣе находимъ что-то не то: на пр. за жестокое обращеніе съ крестьянами — что кажется слѣдовало бы считать за преступленіе, а не за проступокъ — полагается наказаніе исправительное: заключеніе въ смирительномъ домѣ; за мелкую кражу — проступокъ — изъятые отъ тѣлеснаго наказанія подвергаются ссылкѣ на вѣчное житье въ отдаленныя губерніи съ лишеніемъ личныхъ и по состоянію присвоенныхъ правъ навсегда: хорошо исправительное наказаніе! предоставить исправляться всю жизнь! За поджегъ—преступленіе—въ нѣкоторыхъ случаяхъ (ст. 2114) опредѣляется тюремное заключеніе, наказаніе исправительное. Подобныя несообразности на каждомъ шагу, и по всему видно, что классификаціей преступленій и наказаній мастеръ Блудовъ хотѣлъ только прихвастнуть предъ бариномъ своею исправностію, показавъ, что работа дѣлана дѣйствительно съ иностранныхъ образцевъ — какъ было заказано.

Но вотъ еще кое-что получше: Несовершеннолѣтнимъ опредѣлено смягчать наказанія; такъ вмѣсто отдачи въ арестантскія роты или рабочій домъ, велѣно всѣхъ несовершеннолѣтнихъ отдавать въ солдаты (ст. 146). Блудовъ забылъ, что кромѣ преступниковъ бываютъ тоже и преступницы. Такимъ образомъ, по буквѣ закона, несовершеннолѣтнія женщины должны были быть отдаваемы въ солдаты. Не знаемъ, успѣли-ли бы когда нибудь Николай и Блудовъ сформировать гдѣ либо роту или баталіонъ изъ этихъ новыхъ амазонокъ, — но только законъ тотъ просуществовалъ благополучно три года. Наконецъ какому-то уѣздному суду вздумалось не на шутку принять слова законодателя Блудова въ буквальномъ смыслѣ, и постановляя приговоръ, какъ велѣно, на точномъ основаніи закона, присудить какую-то дѣвку къ отдачѣ въ солдаты, а при негодности къ военной службѣ — въ писцы военнаго вѣдомства. Приговоръ пошелъ на ревизію и тогда только законодатели спохватились, что дали маху, и отмѣнили, для женщинъ, 146 статью Уложенія: Fiat justitia, pereat mundus!

СМѢСЬ.

— Мы получили на дняхъ нѣкоторыя подробности о дѣлѣ православнаго разбоя въ Гродненской губерніи, о которомъ мы писали въ прошломъ листѣ. И такъ эта ужасная исторія справедлива, и гнусный Симашко высѣкъ себѣ новый памятникъ на спинѣ беззащитныхъ жертвъ. Со стороны гражданскаго начальства истязаніемъ завѣдывалъ окружной Новицкій. Этотъ полицейскій апостолъ сѣкъ людей до тѣхъ поръ, пока мучимый соглашался принять причастіе отъ православнаго попа. Одинъ 14-лѣтній мальчикъ послѣ двухъсотъ розогъ, отказался отъ такого общенія со Христомъ, его снова начали сѣчь, и тогда только, уступая страшной боли, онъ согласился. Православная церковь восторжествовала! "Все дѣло скрыто", прибавляетъ кореспондентъ. Но все дѣло можно открыть, прибавляемъ мы!

А каковъ попъ - разбойникъ, стоявшій съ потиромъ во время пытки! Симашко, во Христѣ православный митрополитъ Іосифъ, во Іудѣ предатель, палачь, заслужившій европейскую извѣстность,—мастерски выбираетъ и хиротонисаетъ по святому восточной церкви обряду своихъ заплечныхъ Іереевъ. Позоръ! Позоръ!

Въ какихъ отношеніяхъ съ Симашкой состоятъ наши сладкоглаголивые Іерархи, и есть-ли между ними круговая порука, на это передаемъ мы нашимъ читателямъ одинъ интересный документъ. Когда Назимовъ былъ назначенъ въ Литву, онъ получилъ слѣдующее письмо отъ Филарета митрополита московскаго.

Секретно-конфиденціально

Ваше Превосходительство,

Милостивый государь,

До меня дошло отношеніе преосвященнаго Іосифа митрополита литовскаго къ графу Протасову, о неблагопріятномъ для блага отечества состояніи управленія литовскаго края.

Предметъ сей не принадлежитъ къ кругу дѣлъ возложеннаго на меня служенія, но долгъ вѣрности престолу заставляетъ меня не иначе, какъ съ крайнею заботою помышлять о томъ, извѣстно ли сіе государю императору.

Отношеніе писано 10 Генваря сего 1855 года. Нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ, что графъ Протасовъ представилъ оное въ бозѣ почившему государю. Но какъ сіе было не задолго до его кончины, то принято ли это въ разсужденіе? Извѣстно ли оно нынѣ царствующему государю императору? Вотъ о чемъ забота.

Назначеніе вашего превосходительства въ управленіе литовскимъ краемъ, открываетъ мнѣ случай исполнить возможнымъ для меня образомъ долгъ вѣрности престолу, препровожденіемъ къ вамъ списка вышеозначеннаго отношенія и успокоить мою заботу вашею вѣрностію престолу и ревностію о благѣ отечества.

Усердно призывая на васъ благословеніе божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Превосходительства, покорнѣйшій слуга,

ФИЛАРЕТЪ

(митрополитъ московскій.)*

Въ Москвѣ, Декабря 15, 1855 года.

— Аугсбургская газета разсказываетъ о страхѣ, наведенномъ на крестьянъ въ Оренбургской губерніи, распространившимся слухомъ о киргизскомъ возстаніи и набѣгѣ. И черезъ нѣсколько дней таже газета говоритъ объ амнистіи Исету Кутибарову. Жаль, что она не сообщила страшной исторіи — почему Исетъ Кутибаровъ откочевалъ къ Хивинской границѣ. Со временъ вѣтхозавѣтныхъ войнъ или монгольскихъ набѣговъ ничего не было гнуснѣе въ свирѣпости, какъ набѣгъ полковника Кузмина и маіора Дерышева, которымъ заправлялъ, (еще при Перовскомъ) сидя въ своей канцеляріи бывшій помощникъ Липранди — Григорьевъ. Этотъ кровавой эпизодъ еще ждетъ описанія.

— Отвѣтъ.—Хотя къ моему великому сожалѣнію обѣщанныхъ книгъ я еще не получилъ, но на замѣчаніе, что въ одной изъ моихъ статей "ошибочно сказано, что добросовѣстный билъ мужика за недоимку, потому что добросовѣстный не имѣетъ отношенія къ сбору податей,"—я приношу мое оправданіе: по положенію дѣйствительно добросовѣстные не имѣютъ отношенія къ сбору податей, но что они были употребляемы для сбора податей поспѣшности ради въ Корсунскомъ уѣздѣ — это фактъ. Тогда даже еще не было и Муравьева, но теперь, при геніальномъ пониманіи правосудія — какимъ отличается Муравьевъ — вѣроятно всякій будетъ употребленъ для сбора податей, кто только согласенъ бить,

* У насъ есть и доносъ Симашки и рѣшеніе Николая, мы ихъ напечатаемъ при случаѣ.

Digitized by Google

пороть и раззорять въ конецъ и безъ того большей частію очень бѣдныхъ мужиковъ.

Понятія о правосудіи Муравьева дѣйствительно замѣчательны. Кромѣ предписанія о ссылкѣ мужиковъ въ Сибирь безъ суда, новое распоряженіе его (въ Сенат. Вѣдомостяхъ отъ 5 Сентяб.) о лѣсничихъ доходитъ до геніальности безсмыслія: офицеры лѣснаго корпуса "за дурную нравственность и вообще служебную неблагонадежность" переводятся тѣмъ же чиномъ въ гражданскую службу. И такъ въ гражданской службѣ негодяи могутъ имѣть мѣсто! Ужъ не по чувству-ли собственнаго достоинства такая нелѣпость пришла въ голову г. министра? А потомъ: на какомъ основаніи лѣсной корпусъ относится къ военной службѣ? Что военнаго въ изученіи лѣсоводства и смотрѣнія за лѣсами? Мундиръ? Ужъ не дать ли мундиръ чиновникамъ гражданской палаты—и они будутъ военные. Но за то предписаніе министра о лѣсничихъ ужасно развязываетъ руки: попался лѣсничій въ воровствѣ,—его тотчасъ переименуютъ въ гражданскій чинъ и сдѣлаютъ окружнымъ, онъ и пойдетъ себѣ опять воровать безнаказанно. Если же Муравьевъ этого не имѣлъ въ виду, то его предписаніе о переводѣ лѣсныхъ негодяевъ въ городскіе праведники—чистая безсмыслица. Вотъ какимъ образомъ человѣкъ отъ внутренняго злодѣйства доходитъ до тупоумія! И такому человѣку поручено управленіе большей половины Россіи! Да это преступленіе противъ отечества.*

Н. ОГАРЕВЪ.

— Иванова борода и Гурьева лобъ.— Въ 26 листѣ Колокола мы спрашивали имя того образованнаго придворнаго, который осмѣлился нагрубить Иванову за то, что онъ не брилъ бороды. Мы получили въ отвѣтъ на нашу просьбу слѣдующее письмо.

"Наканунѣ освященія Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ, Ивановъ представлялся в. к. Маріѣ Николаевнѣ. Она между прочимъ спросила его: будетъ-ли онъ завтра въ соборѣ на освященіи храма. "Я не могу быть, в. в., отвѣчалъ художникъ, тамъ будутъ только особы первыхъ пяти классовъ." Она, какъ образованная и умная женщина, возразила: "что за пустяки, вы художникъ перваго класса, вамъ слѣдуетъ быть," и написала записку къ графу Дмитрію Александровичу Гурьеву, члену государственнаго совѣта, президенту всѣхъ возможныхъ веселыхъ и грустныхъ церемоній въ Петербургѣ о дозволеніи Иванову присутствовать при освященіи храма.

"Ивановъ отъ в. княгини отправился прямо къ г. Гурьеву и передалъ записку. Графъ прочтя ее, и оглядѣвъ Иванова съ головы до ногъ, преважно спрашиваетъ: "Вы Нѣмецъ, или Французъ?"—"Вы можете судить, графъ, по фамиліи, я Русскій, Ивановъ."—"А борода, говоритъ онъ грубо,—вы знаете, что въ церкви будетъ государь, вся царская фамилія, васъ съ бородой не пустятъ, обрѣйтесь." Ивановъ скромно замѣтилъ, что онъ имѣлъ честь представляться такъ государю императору и царской фамиліи, и брить бороды не намѣренъ. —"Я поставленъ вашимъ рѣшеніемъ въ необходимость,—прибавилъ онъ—явиться снова къ ея высочеству и доложить, что я не могу исполнить ея приказанія. Ну постойте, постойте —сказалъ недовольный графъ, видя, что художникъ хотѣлъ удалиться—вотъ вамъ билетъ."

И эти герои мыла, гребенки и бритвы, гонители сигаръ на улицахъ, фанатики форменныхъ пуговицъ и голыхъ подбородковъ,—все еще существуютъ на святой Руси? Говорятъ, что гдѣ заведется въ грядахъ хрѣнъ, такъ его не выведешь—хрѣнъ по крайности съ говядиной можно ѣсть,—ну а что прикажете дѣлать съ эдакими Гурьевыми?—Нельзя-ли выдумать въ pendant къ оберъ-форъ-шнейдеру—чинъ генералъ-фельдшеръ-мейстера,—а потомъ..... ну потомъ сдать ихъ въ сумасшедшій домъ.....

* Отчего же послѣ этого "за дурную нравственность и вообще служебную неблагонадежность" гражданскихъ чиновниковъ по усмотрѣнію Панина не постригать въ причетники и церковнослужители, притомъ наблюдая, чтобы преступники восьмаго класса постригались въ діаконы, а низшихъ—въ дiячки и понамари. Неимѣющіе-же класса поступятъ въ просвирни.

— Въ 25 листѣ Колокола читатели приглашались сообщить имя помѣщика полтавской губерніи, заставляющаго крестьянъ переселиться на неудобную землю.

Помѣщикъ этотъ — графъ Мусинъ-Пушкинъ, генералъ, живущій въ Петербургѣ. Крестьяне сидятъ на усадьбахъ болѣе ста лѣтъ, развели на нихъ сады и нынѣ принуждаются помѣщикомъ къ переселенію на новыя мѣста, хотя и не неудобныя, но совершенно пустынныя, съ цѣлью завладѣть богатыми и крайне доходными садами.

— Письма изъ Россіи говорятъ о томъ, что наконецъ Панину дозволяется отдохнуть отъ своего длиннаго министерства и что должность его, времено по крайней мѣрѣ, будетъ исправлять Замятинъ. Замятинъ въ нынѣшнемъ году назначенъ товарищемъ министра юстиціи, по представленію Панина. На предварительномъ совѣщаніи между Панинымъ и Топильскимъ, первый спросилъ: "Удаченъ-ли выборъ?" а послѣдній отвѣчалъ: "Ваше с-во., г. Замятинъ, сколько мнѣ извѣстно, человѣкъ вполнѣ удоборуководимый."

Вновь поступили въ продажу у Трюбнера & Co., 60 Paternoster Row:

V книжка "Голосовъ изъ Россіи", въ ней находится одна статья "Объ освобожденіи крестьянъ."

I, II, III и IV Голосовъ (второе изданіе)

ФРАНЦІЯ или АНГЛІЯ? Искандера, (переводъ съ французскаго).

Записки: М. ЩЕРБАТОВА и А. РАДИЩЕВА (изъ екатерининскаго вѣка), Изданіе Трюбнера, съ предисловіемъ Искандера.

Полное собраніе Стихотвореній Н. ОГАРЕВА, съ портретомъ автора, гравированномъ на стали.

VI книжка Голосовъ выйдетъ къ 1 Декабря, въ ней будетъ напечатанъ между прочимъ "Отвѣтъ вяземскаго крестьянина — к. Голицыну, автору Печатной правды."

Окончены печатью на французскомъ языкѣ:

MÉMOIRES DE L'IMPÉRATRICE CATHERINE II,

ÉCRITS PAR ELLE-MÊME.

(1744—1759.)

На русскомъ же онѣ выйдутъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ.

— Письмо заключающее описаніе злодѣйствъ, сдѣланныхъ совѣтникомъ Швебсомъ, въ сообщничествѣ генерала Залца, по просьбѣ барона Унгерна Стернберга въ Ревелѣ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, будетъ помѣщено въ слѣдующемъ листѣ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

No. 29. THE BELL DECEMBER 1, 1858.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, *W. C.*

ЛИСТЪ 29.

1 Декабря 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard street), London. Price six-pence.

АМЕРИКА и СИБИРЬ.

"Когда окончится желѣзная дорога къ Тихому Океану и Россія съ своей стороны будетъ имѣтъ открытый берегъ на немъ, тогда Русскіе и Американцы могутъ, спокойно обращаясь спиной къ Европѣ, протянуть другъ другу руку черезъ него и да будетъ самое имя океана (Pacific) добрымъ знаменіемъ будущаго союза!

. . . "Нашъ вѣкъ—вѣкъ быстросовершающихся событій; новые государства возникаютъ на берегахъ невѣдомыхъ морей, едва сбыточные планы не только замышляются, но и приводятся въ исполненіе, Россія и Америка далеко оставляютъ за собой другія государства въ выполненіи ихъ. Если управленіе русской колоніей на Амурѣ еще лѣтъ десять пойдетъ тѣмъ быстрымъ шагомъ къ развитію, какъ въ прошломъ году, то мы двинемся на полстолѣтія впередъ. Трактатъ заключенный Муравьевымъ, со временемъ будетъ имѣть міровое значеніе."

Вотъ что говоритъ филадельфской Daily Evening Bulletin отъ 8 Октября 1858 въ статьѣ подъ заглавіемъ: "Our western neighbor"—"Трактату этому, прибавляетъ авторъ статьи,—мы имѣемъ столько-же причинъ радоваться, какъ жители Иркутска и всей Сибири."

Мы не избалованы сочувствіемъ другихъ народовъ, не избалованы также и ихъ пониманіемъ. Причинъ на это было много и на главномъ планѣ вся петербургская политика съ 1825 года. Но Россія изъ этого періода выходитъ, отчего же одна Америка догадывается объ этомъ и первая привѣтствуетъ?

Оттого, что Россія съ Америкой встрѣчаются по ту сторону. Оттого, что между ними цѣлой океанъ соленой воды, но нѣтъ цѣлаго міра застарѣлыхъ предразсудковъ, остановившихся понятій, завистливаго мѣстничества и остановившейся цивилизаціи.

Скоро будетъ десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы высказали нашу мысль о взаимномъ отношеніи этихъ будущихъ въ подорожной современной исторіи. Мы говорили, что у Россіи въ грядущемъ только и есть одинъ товарищъ, одинъ попутчикъ—Сѣверные Штаты, мы повторяли это много разъ и еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ (*) имѣли случай сказать: "Одно пустое, раздражительное, дипломатическое самолюбіе и притомъ нѣмецкое заставляетъ Россію мѣшаться во всѣ западныя дѣла. Въ предстоящей борьбѣ, къ которой невольно влечется Европа, Россіи вовсе не нужно принимать дѣятельнаго участія. Намъ тутъ нѣтъ наслѣдства, и мы равно не связаны ни воспоминаніями, ни надеждами съ судьбами этого міра. Если Россія освободится отъ петербургской традиціи, у ней есть одинъ союзникъ—Сѣверо-Американскіе Штаты."

Умнѣйшіе люди нашего времени, люди смѣлаго прогресса, какъ Мацципи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ слушали, слегка улыбаясь, наши сужденія, они въ нихъ видѣли несчастный патріотизмъ, утѣшающійся несбыточными мечтами, и не отнимали у насъ изъ состраданія этой "мыши колодника." Россія съ запертыми воротами, занесенными снѣгомъ, передъ которыми шагалъ грозный часовой въ мѣдной каскѣ и ботфортахъ, пугала издали, оставаясь какимъ-то непонятнымъ, зловѣщимъ зданіемъ изъ-за едва вырѣзывающагося полуночнаго мрака.

До крымской войны никто не подозрѣвалъ внутренней работы Россіи, за нѣмыми устами предполагали нѣмой умъ и нѣмое сердце, а между тѣмъ мысли посѣянныя 14 Декабремъ—зрѣли, разъѣдали грудь и подтачивали незамѣтно дубовыя ворота николаевскаго острога. Прежде чѣмъ кончилась эта работа, стѣны его треснули. Ихъ пробили ядра союзниковъ. Скрытое, спертое броженіе вырвалось наружу, неправильно забѣгая, отставая, отклоняясь, но со всею мощью сгнѣтенной силы.

Все о чемъ мы свидѣтельствовали, поднимая рѣчь на свой страхъ въ непріязненномъ Западѣ, все что мы предсказывали—отъ тайно бродящихъ силъ, отъ неминуемаго освобожденія крестьянъ съ землею, до избирательнаго сродства съ Сѣверо-Американскими Штатами—все совершается очью.

Это хронологическое право давности намъ слишкомъ дорого, чтобъ мы его уступили, именно въ то время, какъ листъ исторіи перевертывается, и съ новой страницей забудутся работники пришедшіе на трудъ, предваривши утро.

Впрочемъ особеннаго дара пророчества не надобно было имѣть, чтобъ догадаться; для этого только надобно было освободится отъ домашнихъ предразсудковъ и отъ чужихъ,

(*) Въ предисловіи къ русскому переводу: "Франція или Англія?"

Digitized by Google

отъ свинцовой петербургской атмосферы и отъ забитыхъ понятій старой цивилизаціи. Для этого достаточно было независимо взглянуть на міръ. Чередъ былъ явнымъ образомъ за Америкой и Россіей. Обѣ страны преизбыточествуютъ силами, пластицизмомъ, духомъ организаціи, настойчивостію — незнающей препятствія, обѣ бѣдны прошедшимъ, обѣ начинаютъ вполнѣ разрывомъ съ традиціей, обѣ расплываются на безконечныхъ долинахъ, отыскивая свои границы, обѣ съ разныхъ сторонъ доходятъ черезъ страшныя пространства, помѣчая вездѣ свой путь городами, селами, колоніями — до береговъ Тихаго Океана, этого "Средиземнаго моря будущаго" (какъ мы разъ назвали его и потомъ съ радостью видѣли, что американскіе журналы много разъ повторяли это).

Противуположность петербургской военной диктатуры, уничтожающей всѣ лица въ лицѣ самодержца, съ американскимъ самодержавіемъ каждаго лица—огромна. И это не все, самая роковая антиномія, которой оканчивается исторія Запада, не является ли снова какъ личная разсыпчатость Америки съ одной стороны и съ другой какъ русскій общинный сплавъ?

Если вы обратите вниманіе на особенность американской мысли — (она собственно не оригинальна, а таже мысль англо-саксонскаго племени и философіи XVIII столѣтія, — одну вы видите въ Вашингтонѣ, другую въ Франклинѣ и Джеферсонѣ) и именно на ту особенность, которая заявила себя въ послѣднее время, то васъ поразятъ двѣ вещи: первое, что федеральная демократія съ самозаконностію каждаго мѣстечка, каждаго избирателя — есть форма гражданскаго быта совершенно соотвѣтствующая заатлантическому колонисту Соединеннаго королества (мы нарочно такъ выражаемся, чтобъ напомнить Ирландцевъ). Вторая вещь—это свѣжесть и простота, которую вноситъ въ схоластическій хламъ политическихъ вопросовъ американскій умъ. (*) Точно изъ тунеля или Позилипова подземелья снова выходишь на утренній свѣтъ, на освѣжительный вѣтеръ, читая американскую брошюру или газеты — послѣ прусско-королевской философіи права Стара, феодальныхъ требованій Герлаха, споровъ о династіяхъ, о централизаціи и пр. Это простое, жизненное, здоровое отношеніе американскаго ума къ вопросамъ государственнымъ и экономическимъ, совершенно соотвѣтствуетъ понятію демократической республики.

Можно-ли по совѣсти сказать также, что всепоглащающая диктатура въ Россіи, окончательная форма ея гражданскаго устройства, вполнѣ соотвѣтствующая ея генію? Не есть-ли эта диктатура только опека, оканчивающаяся съ совершеннолѣтіемъ?

Въ силу и прочность того абсолютизма, который достигъ своего высшаго предѣла при Николаѣ, которому вѣрила вся Европа и большая часть Россіи, мы никогда не вѣрили. Мы постоянно указывали, что такое судорожное самовластіе дошло уже до того предѣла крученія, послѣ котораго винтъ снова слабѣетъ, что въ этомъ затягиваніи поводій не было исторической необходимости, а одно чувство самосохраненія, что внутренная мысль его была чисто отрицательная. Отпоръ можетъ устоять, удержаться на мѣстѣ, но онъ безплоденъ, лишенъ всякой инициативы, всякой возможности идти впередъ.

(*) Для примѣра очень рекомендуемъ The science of Society — Culey, Philadelphia 1858.

До начала крымской войны (†) говорили мы, что императорская власть даже матеріально несостоятельна. Николай сдѣлавъ всѣхъ солдатами и писарями, не имѣлъ ни арміи, ни канцелярскаго порядка. Онъ растлилъ гражданскую службу, превращая ее въ шпіонство или подчиняя ее ему, и убилъ армію шагистикой и фрунтомъ. Могла-ли же à la longue существовать такая нелѣпость?

Будь мы какое нибудь несчастное племя безъ будущности, Келты, Финны—еслибъ мы и пережили татарское иго — то вѣроятно сломились бы подъ игомъ императорскимъ, подъ игомъ крѣпостнаго состоянія, чиновничьяго растлѣнія и не вынесли бы напора непріятельскаго. Но событія обличаютъ зародышь сильный и мощный. Не въ Петербургѣ — тамъ умирала старая Россія, маловѣрная, потерявшая голову при первой неудачи — нѣтъ, онъ двигался и заявилъ себя въ блиндажахъ Севастополя, на его стѣнахъ. Развѣ слабые народы дерутся такъ? — Николай умеръ, и наступило утро ожиданій и пробужденія. Вопросы эти вообще рѣшаются самими событіями, а не теоріями. Является кризисъ, одинъ больной умираетъ, другой обновляется имъ. Россія уступившая въ неравномъ бою съ четырмя союзниками, почувствовала себя вдвое здоровѣе, а Турціи тѣ-же союзники такъ хорошо помогли, что она на ладонъ дышитъ.

Война застала русскій умъ за крѣпкой думой. Событія европейскія, не смотря на всѣ уродливыя мѣры съ 1825 года, сильно отражались на черномъ фондѣ русской жизни. Іюльская революція и паденіе Бурбоновъ во Франціи, девятимѣсячная борьба съ воставшей Польшей и двадцатилѣтняя казнь ея, напоминавшая своихъ мучениковъ, своихъ страдальцевъ, наконецъ новое движеніе соціальной и философской литературы во Франціи и Германіи, эти послѣдніе энергическіе звуки западнаго разумѣнія, все это очень не даромъ проходило по той закраинѣ Россіи, которая была освѣщена.

Но какая же живая, самобытная мысль во всей этой подземной работѣ? Какое-то сумашествіе овладѣваетъ людьми: вмѣсто того, чтобы придти въ отчаяніе за себя, за Россію, русская мысль осмѣливается сомнѣваться въ Европѣ, ищетъ въ грубыхъ началахъ своей жизни элементы для будущаго, и когда наконецъ событія слѣдовавшія за 1848 г. такъ ясно доказали, что европейскіе народы несостоятельны осуществить ту мысль экономическаго и государственнаго устройства, до котораго дошла наука—русская мысль начала нравственно освобождаться отъ авторитета.

Замѣтимъ, что середь этого внутренняго развитія, ударила крымская война, которая доказала въ свою очередь всю несостоятельность Россіи бороться противъ Европы. Ничего не могло быть больше на мѣстѣ. Нравственное освобожденіе отъ Европы было началомъ освобожденія отъ петербургской традиціи, основанной на подчиненіи всего русскаго всему иностранному и на мысли превосходства русскаго войска надъ всѣми въ мірѣ, сокрушенной неудачной войной. Начать вѣрить въ свою нравственную самобытность и перестать вѣрить въ грубую силу и превосходство своего кулака, въ самомъ дѣлѣ начало премудрости.

Пока мы только подражали Западу, мы не знали своей почвы подъ ногами. Такъ еще теперь найдутся помѣщики, съ завистію думающіе о каменистомъ грунтѣ Италіи, стоя на

(†) Рѣчь произнесенная мною 29 Ноября 1853 года, на Польскомъ митингѣ въ Hanover room's.

черноземѣ. Какъ только мы обратились къ своей почвѣ, такъ встрѣтились съ послѣднимъ вопросомъ всей западной жизни, съ вопросомъ поземельнаго владѣнія, владѣнія общиннаго, общиннаго устройства.

Изъ сказаннаго никакъ не слѣдуетъ, чтобъ намъ перестать учиться западной наукѣ, или выдумывать свою; во-первыхъ наука по той мѣрѣ и наука, по которой она не принадлежитъ никакой странѣ, а во-вторыхъ, учится человѣкъ собственно цѣлую жизнь, но въ извѣстный возрастъ людямъ не нужны учители, уроки. При выходѣ изъ школы человѣкъ вступаетъ въ дѣятельный обмѣнъ, въ рядъ дѣловыхъ отношеній, тутъ онъ прикладываетъ, повѣряетъ свои теоріи, заимствуетъ новыя, и дѣйствуя расширяетъ кругъ своего вѣдѣнія. Выходя изъ подъ гувернерства Запада, мы вовсе не дальше отъ него становимся, а скорѣе ближе всѣмъ растояніемъ, которое дѣлитъ позирующій оригиналъ отъ уничиженнаго подражателя.

Дома у насъ бездна дѣла, не оберешься. Наука Запада столько же наша, сколько и его. Но теперь спрашивается — гдѣ у насъ общее дѣло съ Европой? Вѣчный вопросъ о "больной Турціи" или о "смердящей Австріи", или хуже борьба французской солдатчины съ англійскими учрежденіями —и все опять война, война и кровь... налоги и голодъ...

О выборѣ тутъ не можетъ быть рѣчи, на Западѣ нѣтъ другаго дѣла . . . "да это у него пройдетъ это болѣзнь," ну тогда и поговоримъ объ этомъ, а до сихъ поръ она не проходила. И въ тоже время дѣло само набивается, стучится въ ворота, дѣло творческое, живое и которое нисколько не мѣшаетъ намъ рубить свою новую избу и продолжать нашу коренную великую работу внутренняго пересозданія, починъ котораго начался съ освобожденіемъ крестьянъ.

Имя Муравьева, Путятина и ихъ сотоварищей внесено въ исторію, они вбили сваи для длиннаго моста... черезъ цѣлый Океанъ. Во время мрачныхъ, европейскихъ похоронъ, гдѣ каждый что нибудь оплакивалъ, они съ одной стороны, Американцы съ другой—сколочивали колыбель!

ИСКАНДЕРЪ.

ГЕРМАНСКІЕ РЫЦАРИ XIX СТОЛѢТІЯ ВЪ ЭСТЛЯНДІИ.

Мы получили на дняхъ письмо, въ которомъ разсказано слѣдующее:

Въ 30 верстахъ отъ Ревеля находится имѣнье Анніо, называемое тоже Ганниіогги и припадлежащее потомку извѣстныхъ на островѣ Даго—бароновъ Унгернъ Стернбергъ. Іюля 20, нынѣшняго года, Унгернъ потребовалъ поголовной сходъ крестьянъ, для уборки господскаго хлѣба. Крестьяне просили помѣщика выслать только часть работниковъ на барщину, а другой дозволить убрать свою рожь, которая совсѣмъ была зрѣла. Помѣщикъ не согласился. Крестьяне явились на работу всѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ предупредили его въ намѣреніи жаловаться въ городѣ и просить защиты. Унгернъ не противясь исполненію этого намѣренія, отправился самъ въ Ревель, чтобы происками своими парализировать жалобу крестьянъ.

Крестьяне пришедшіе въ Ревель въ количествѣ 61 человѣка, отправились къ жандармскому генералу Грессеру, къ нему они обратились собственно за совѣтомъ, какъ къ человѣку пользующемуся въ томъ краю хорошей репутаціей. Грессеръ замѣтилъ имъ, что они дурно сдѣлали, явившись въ городъ въ такомъ числѣ, посовѣтовалъ имъ избрать трехъ повѣренныхъ и поручить имъ просьбу къ губернскому начальству. Крестьяне такъ и сдѣлали, и трое изъ нихъ явились за отсутствіемъ эстляндскаго губернатора Грюневалдта къ исполнявшему его должность, дряхлому старику, барону Розену.

Совѣтникъ правленія, Швебсъ, назначенный 6 Іюля вице-президентомъ лифляндскаго надворнаго суда (Hofgericht) былъ уже предупрежденъ Унгерномъ, что крестьяне его отказываясь отъ работы, пошли въ городъ съ пустою жалобой. Швебсъ, назначенный въ Лифляндію, разумѣется не имѣлъ права являться судьей въ дѣлѣ такой важности, но не смотря на то, онъ въ присутствіи вице-губернатора сталъ распоряжаться всемъ дѣломъ. Выслушавъ повѣренныхъ, онъ спросилъ: "не пришло-ли еще крестьянъ съ ними въ городъ," и узнавъ, что пришло, велѣлъ имъ всѣхъ привести въ Правленіе — подъ предлогомъ выслушанія рѣшенія начальства. Крестьяне ничего не подозрѣвая, пришли по зову повѣренныхъ, но ихъ остановили на Вышгородской площади, допрашивая не о жалобѣ, а о томъ — по собственному-ли желанію они пришли или кто ихъ подбилъ. Крестьяне отвѣчали, что они пришли по собственному желанію. Цѣль Швебса состояла въ томъ, чтобы вмѣнить крестьянамъ въ преступленіе ихъ появленіе массой въ городъ. Такъ какъ главнаго секретаря Ноттбека не было на лице, Швебсъ своей рукой написалъ протоколъ, который оканчивался приговоромъ: "Прогнать сквозь строй всѣхъ до одного крестьянъ, пришедшихъ въ городъ."

Совѣтники Винтеръ и Гилденстуббе возражали на эту противузаконную сентенцію и когда Швебсъ упорно настаивалъ на своемъ, они встали и вышли изъ присутствія. Собственноручный свой протоколъ Швебсъ представилъ на подписаніе барона Розена. Старикъ, привыкнувшій подписывать все, что ему подавалъ Швебсъ, утвердилъ приговоръ, въ силу котораго шестьдесятъ одинъ невинныхъ человѣкъ должны были получить по сту ударовъ.

Между тѣмъ комендантъ генералъ-маіоръ Залца, (котораго настоятельно просили Унгернъ и другіе помѣщики примѣрно наказать бунтовщиковъ) частнымъ письмомъ увѣдомилъ вице-губернатора, что нужное войско для наказанія—готово. Генералъ Грессеръ узнавъ о чудовищной сентенціи, произнесенной беззаконно, безъ прокурорскаго просмотра, протестовалъ противъ исполненія приговора, грозя въ противномъ случаѣ довести до свѣдѣнія государя; комендантъ отвѣчалъ ему: "Доводите, я все беру на мою отвѣтственность."

Крестьянъ окружили солдатами, съ музыкой провели по городу и на рынкѣ за Нарвскими воротами началась безобразная казнь.

Плацъ-адъютанту Бринкманну поручилъ Залца присутствовать при наказаніи, но Бринкманнъ просилъ Залца его уволить, говоря, что онъ не можетъ по совѣсти считать всѣхъ этихъ несчастныхъ людей виноватыми. Баронъ Залца послалъ благороднаго офицера подъ арестъ и отправился самъ предводительствовать наказаніемъ. Оно началось, при огромномъ стеченіи народа, въ пять часовъ по полудни. Не станемъ передавать гнусныя подробности, звѣриную жестокость главныхъ палачей — мы Русскіе знаемъ эти сцены, — довольно сказать, что чиновникъ особыхъ порученій при гражданскомъ губ. Стакелбергъ, спрашивалъ мучимыхъ крестьянъ: "Будешь теперь работать на барина?" И если тотъ не отвѣчалъ

Digitized by Google

просто "да", Стакелбергъ обращался къ солдатамъ съ приказаніемъ "бить его еще."

Семь человѣкъ не были сѣчены за болѣзнію.

Что намъ тутъ прибавлять, тутъ все гнусно, все преступно, все отвратительно. Но что же сдѣлалъ Грессеръ съ своей угрозой? Неужели правительству надобно ждать Колокола, чтобъ узнать объ этомъ и велѣть произвести слѣдствіе?

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ.

Я являюсь передъ нашими читателями съ обвинительнымъ актомъ въ рукѣ.

На этотъ разъ обвиняемый не Панинъ, не Закревскій — обвиняемый я самъ.

Обвиненіе это высказанное отъ имени "значительнаго числа мыслящихъ людей въ Россіи," для меня имѣетъ большую важность. Его послѣднее слово состоитъ въ томъ, что вся дѣятельность моя, т. е. дѣло моей жизни — приноситъ вредъ Россіи.

Еслибъ я повѣрилъ этому, я нашелъ бы самоотверженіе передать свое дѣло другимъ рукамъ и скрыться гдѣ нибудь въ глуши, скорбя о томъ, что ошибся цѣлой жизнію. Но я не судья въ своемъ дѣлѣ, мало-ли есть маньяковъ увѣренныхъ, что они дѣлаютъ дѣло — тутъ ни горячей любовью, ни чистотой желанья, ни всемъ существованіемъ ничего не докажешь. И потому я, безъ комментарій передаю обвиненіе на судъ общественнаго мнѣнія.

До тѣхъ поръ, пока оно не станетъ громко со стороны обвиненія—я упорно пойду тѣмъ путемъ, которымъ шелъ.

До тѣхъ поръ, пока на одно такое письмо, я буду получать десятки самыхъ пламенныхъ выраженій сочувствія—я буду упорствовать.

До тѣхъ поръ, пока число читателей будетъ возростать, какъ оно теперь возростаетъ—я буду упорствовать.

До тѣхъ поръ, пока Бутеневъ въ Константинополѣ, Киселевъ въ Римѣ, не знаю кто въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ — будутъ выбиваться изъ силъ, метаться къ визирямъ и трехъбунчужнымъ пашамъ, къ министерскимъ секретарямъ и кардинальскимъ послушникамъ, прося и вымаливая запрещеніе "Колокола" и "Полярной Звѣзды"—до тѣхъ поръ, пока аугсбурская газета и герлаховская Kreuz-Zeitung не перестанутъ оплакивать гибельное вліяніе "Колокола" на нервы петербургскихъ сановниковъ—я буду упорствовать.

Я стою передъ вами въ моей "неисправимой закоснѣлости"—такъ меня характеризовалъ въ 1835 году, когда я былъ подъ судомъ слѣдственной коммиссіи Голицынъ junior.* Будьте строги, жестоки, несправедливы, но объ одномъ я прошу, будемъ-те на англійскій маперъ говорить о дѣлѣ, не прибавляя личностей.

Я готовъ все печатать что качественно и количественно возможно.

"Обвинительное письмо" — печатаемое нами сегодня, существенно отличается отъ прошлыхъ писемъ противъ "Колокола". Въ тѣхъ былъ дружескій упрекъ и тотъ дружескій гнѣвъ, въ негодованіи котораго звучала знакомо и привѣтливо родная струна.

Ничего подобнаго въ этомъ письмѣ.

Тѣ были писаны съ нашей стороны, оттого въ самыхъ несогласіяхъ и упрекахъ было сочувствіе. Это письмо писано съ совершенно противной точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія административнаго прогресса, гувернементальнаго доктринаризма. Мы ее никогда не принимали, что же удивительнаго, что мы не ея путями и шли. Мы не представляли себя никогда ни правительственнымъ авторитетомъ, ни государственными людьми. Мы хотѣли быть протестомъ Россія, ея крикомъ освобожденія и крикомъ боли, мы хотѣли быть обличителями злодѣевъ останавливающихъ успѣхъ, грабящихъ народъ — мы ихъ тащили на лобное мѣсто, мы ихъ дѣлали смѣшными, мы хотѣли быть не только местью русскаго человѣка, но его ироніей—не больше. Какіе мы Блудовы и Панины—мы книгопечатальщики "значительной части людей страдающихъ въ Россіи."

Но и тутъ я долженъ прибавить, мы совсѣмъ не находимся въ томъ исключительномъ положеніи, которое намъ часто даютъ, которое даетъ авторъ письма, и противъ котораго я протестую всѣми силами моими. Что въ самомъ дѣлѣ за монополь русскаго печатанія у насъ, точно мы взяли русскую рѣчь въ чужихъ краяхъ на откупъ?

Если мы, какъ говоритъ авторъ письма, "сила и власть въ Россіи," то причина этого вовсе не въ томъ, что у насъ у однихъ есть органъ.

Съ нашей легкой руки теперь можно печатать по русски въ Берлинѣ, въ Лейпцигѣ, въ самомъ Лондонѣ. (*) И если по совѣсти, нельзя рекомендовать какъ русскій журналъ, для помѣщенія статей брюссельскій Le Nord, то что же препятствуетъ помѣщать ихъ въ "Заграничномъ Сборникѣ"?

Намъ принадлежитъ честь почина и честь успѣха, а вовсе не монополь.

И—ръ.

Милостивый государь,

Въ послѣднемъ листѣ Колокола вы съ свойственной вамъ энергіей отвѣчали на упрекъ въ шаткости, въ легкомысліи, который слышится вами съ разныхъ сторонъ. Упрекъ этотъ, съ нѣкоторыми другими повторяется, смѣю сказать, значительною частію мыслящихъ людей въ Россіи. Признаюсь, я также въ немъ виновенъ, и не отступаюсь отъ своего мнѣнія послѣ вашего отвѣта; мнѣ кажется даже, что вы не совсѣмъ поняли въ чемъ васъ именно упрекаютъ или, можетъ быть, упрекъ дошелъ до васъ въ искаженномъ видѣ. Позвольте же мнѣ объяснить это нѣсколько подробнѣе. Здѣсь рѣчь идетъ о различныхъ направленіяхъ русскаго общества, о различіи взглядовъ на современные вопросы, скажу болѣе, о различіи политическихъ темпераментовъ, что, можетъ быть, глубже всего раздѣляетъ людей. Потому надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить это письмо въ своемъ журналѣ. Обращаюсь къ вамъ, ибо другаго свободнаго органа у насъ нѣтъ; иначе я съ вами спорить не могу.

Заранѣе предупреждаю васъ, что я приступлю къ вамъ съ довольно высокими требованіями. Знаю, что удовлетворить имъ не легко, но знаю также, какъ велики обязанности, которыя на васъ лежатъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе ваше исключительное, можно сказать, почти единственное въ мірѣ. Вспомните значеніе и характеръ той эпохи, въ которую мы живемъ въ Россіи, послѣ севастопольскаго разгрома, послѣ бѣдствій послѣдней войны, старая система

* Тюрьма и Ссылка.

(*) Сверхъ нашей Типографіи, въ Лондонѣ, какъ вѣроятно наши читатели знаютъ, существуетъ Типографія З. Свентославскаго.

Digitized by Google

управленія рушилась сама собою. Стало очевиднымъ, что прежнимъ путемъ идти невозможно, что военный порядокъ и бюрократическій формализмъ одни не въ состояніи упрочить государственное благоустройство, что общее дѣло не можетъ обойтись безъ содѣйствія всѣхъ живыхъ силъ народа. Между тѣмъ правительство не рѣшается еще прямо и явно вступить на новую дорогу; оно ни въ себѣ, ни въ обществѣ не находитъ для этого достаточной опоры; оно идетъ какъ будто ощупью, колеблясь, дѣлая шагъ впередъ и шагъ назадъ, но прислушиваясь однакоже къ разнымъ голосамъ, до него долетающимъ и готовое подъ часъ принять благоразумно высказанное мнѣніе. Таковъ по крайней мѣрѣ результатъ, который можно вынести изъ наблюденій надъ современнымъ положеніемъ дѣлъ. Съ другой стороны народъ съ ужасомъ увидѣлъ внутреннее свое растлѣніе, онъ проситъ свѣта, проситъ лекарства отъ наболѣвшихъ ранъ. Какая почва для политическаго писателя — правительство, ищущее опоры; народъ, жаждущій гласности! И передъ этими требованіями стоите вы одинъ, далеко отъ стѣсненій, вдали отъ партій, отъ мгновенныхъ страстей, отъ сплетенъ и дрязгъ, окружающихъ ежедневную жизнь. Вы можете взвѣсить каждое свое слово, спокойно и безпристрастно высказать правду всѣмъ и каждому, обличать злоупотребленія, дѣйствовать на правительство, давать направленіе обществу, развивать зрѣющую политическую мысль, наконецъ вы можете показать, что такое свободное русское слово. Въ вашемъ положеніи все, что вы говорите, имѣетъ значеніе; вы сила, вы власть въ русскомъ государствѣ.

Какъ же исполняете вы свою задачу? Какую пищу вы намъ даете? Что мы отъ васъ слышимъ?

Мы слышимъ отъ васъ не слово разума, а слово страсти. Вы сами въ этомъ сознаетесь; мало того, вы даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ выставляете это на показъ, и съ презрѣніемъ отзываетесь о людяхъ обдуманныхъ, точныхъ, которые, не увлекаясь сами, не увлекаютъ и другихъ. Вы человѣкъ брошенный въ борьбу, вы исходите страстной вѣрой и страстнымъ сомнѣніемъ, истощаетесь гнѣвомъ и негодованіемъ, впадаете въ крайность, спотыкаетесь много разъ. Это ваши собственныя слова. Но неужели этого требуется для политической дѣятельности? Я полагалъ, что здѣсь именно необходимы обдуманность, осторожность, ясное и точное пониманіе вещей, спокойное обсужденіе цѣли и средствъ; я полагалъ, что политическій дѣятель, который истощается гнѣвомъ, спотыкается на каждомъ шагу, носится туда и сюда по направленію вѣтра, тѣмъ самымъ подрываетъ къ себѣ довѣріе, что впадая въ крайность, онъ губитъ собственное дѣло. Необузданные порывы могутъ имѣть свою поэтическую прелесть, но въ общественныхъ дѣлахъ прежде всего требуется политическій смыслъ, политическій тактъ, который знаетъ мѣру и угадываетъ пору; здѣсь нужна не страсть, влекущая въ разныя стороны, а разумъ познающій и созидающій.

И неужели вы думаете, что Россія въ настоящее время нуждается въ людяхъ съ пылкими страстями, которые отъ избытка чувствъ перегораютъ быстро и умираютъ на полдорогѣ? Вспомните еще разъ, въ какую эпоху мы живемъ. У насъ совершаются великія гражданскія преобразованія, распутываются отношенія, созданныя вѣками. Вопросъ касается самыхъ живыхъ интересовъ общества, тревожитъ его въ самыхъ глубокихъ его нѣдрахъ. Какая искусная рука нужна, чтобы примирить противоборствующія стремленія, согласить враждебные интересы, развязать вѣковые узлы, чтобы путемъ закона перевести одинъ гражданскій порядокъ въ другой! Здѣсь также есть борьба, но борьба другаго рода, безъ сильныхъ эффектовъ, безъ гнѣвныхъ порывовъ, борьба обдуманная, осторожная, озаренная мыслію, неуклонно идущею по избранному пути. Въ такую пору нужно не раздувать пламя, не растравлять язвы, а успокоивать раздраженіе умовъ, чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли. Или вы думаете, что гражданскія преобразованія совершаются самою страстью, кипѣніемъ гнѣва?

Впрочемъ я забываю, что вы къ гражданскимъ преобразованіямъ довольно равнодушны. Гражданственность, просвѣщеніе не представляются вамъ драгоцѣннымъ растеніемъ, которое надобно заботливо насаждать и терпѣливо лелѣять, какъ лучшій даръ общественной жизни. Пусть же это унесется въ роковой борьбѣ, пусть вмѣсто уваженія къ праву и къ закону водворится привычка хвататься за топоръ, — вы объ этомъ мало тревожитесь. Вамъ во что бы ни стало нужна цѣль, а какимъ путемъ она достигнется — безумнымъ и кровавымъ или мирнымъ и гражданскимъ, это для васъ вопросъ второстепенный. Чѣмъ бы дѣло ни развязалось—невообразимымъ актомъ самаго дикаго деспотизма, или свирѣпымъ разгуломъ разъяренной толпы,—вы все подпишите, вы все благословите. Вы не только подпишите, вы считаете даже неприличнымъ отвращать подобный исходъ. Въ вашихъ глазахъ это поэтическій капризъ исторіи, которому мѣшать неучтиво. Поэтическій капризъ исторіи! Скажите пожалуста, когда вы писали эти слова, какъ вы на себя смотрѣли: какъ на политическаго дѣятеля, направляющаго общество по разумному пути, или какъ на артиста, наблюдающаго случайную игру событій?

Политическій дѣятель имѣетъ въ виду не только цѣль, но и средства. Зрѣлое обсужденіе послѣднихъ, точное соображеніе обстоятельствъ, избраніе наилучшаго пути при извѣстномъ положеніи дѣлъ—вотъ въ чемъ состоитъ его задача и ею онъ отличается отъ мыслителя, изучающаго общій ходъ исторіи и отъ художника, наблюдающаго движенія человѣческихъ страстей. То, что вы называете поэтическимъ капризомъ исторіи, дѣйствіемъ самой природы, есть дѣло рукъ человѣческихъ. Сама природа здѣсь вы, я, третій, всѣ, кто приноситъ свою лепту на общее дѣло. И на каждомъ изъ насъ, на самыхъ незамѣтныхъ дѣятеляхъ лежитъ священная обязанность беречь свое гражданское достояніе, успокоивать бунтующія страсти, отвращать кровавую развязку. Такъ ли вы поступаете, вы, которому ваше положеніе даетъ болѣе широкое и свободное поприще, нежели другимъ? Мы въ правѣ спросить это у васъ и какой дадите вы отвѣтъ? Вы открываете страницы своего журнала безумнымъ воззваніямъ къ дикой силѣ; вы сами, стоя на другомъ берегу, съ спокойной и презрительной ироніей указываете намъ на палку и на топоръ, какъ на поэтическіе капризы, которымъ даже мѣшать неучтиво. Палка сверху и топоръ снизу—вотъ обыкновенный конецъ политической проповѣди, дѣйствующей подъ внушеніемъ страсти! О, съ этой стороны вы встрѣтите въ Россіи много сочувствія. Спросите у самаго тупаго и закоснѣлаго врага просвѣщенія, военнаго или штатскаго, но въ особенности военнаго, который вслѣдъ за другими кричитъ противъ взятокъ и злоупотребле-

Digitized by Google

ній, спросите его: какое отъ нихъ лекарство? У него одинъ отвѣтъ: палка! Топоръ еще не въ такомъ ходу; мы къ нему не такъ привыкли, но судя по письму, которое вы напечатали въ Колоколѣ, и это средство начинаетъ пріобрѣтать популярность. Нѣтъ, всякій, кому дорога гражданская жизнь, кто желаетъ спокойствія и счастія своему отечеству, будетъ всѣми силами бороться съ такими внушеніями и пока у насъ есть дыханіе въ тѣлѣ, пока есть голосъ въ груди, мы будемъ проклинать и эти орудія и эти возванія.

И откуда вся эта тревога? По какому поводу возгорѣлось негодованіе? Право, когда подумаешь объ этомъ, становится и грустно и смѣшно. Не прошло еще года, съ тѣхъ поръ, какъ государь высказалъ твердое намѣреніе преобразовать старое крѣпостное право, и тогда вы восклицали: "ты побѣдилъ, Галилеянинъ!" Дѣло пошло въ ходъ, собрались созванные правительствомъ комитеты, обсуждаются новыя мѣры. Казалось бы, прежде, нежели комитеты представятъ свои работы, прежде, нежели правительство сдѣлаетъ свое заключеніе, нельзя объ этомъ вопросѣ сказать ничего положительнаго. Вѣдь вы, надѣюсь, не воображаете, что освобожденіе крестьянъ дѣло такое же легкое, какъ написать статейку въ Колоколъ. Вѣковыя запутанныя учрежденія, отношенія, обхватывающія жизнь до самой ея глубины, нельзя переворотить въ два, три мѣсяца. Тутъ замѣшаны люди, тутъ дѣйствуютъ страсти, тутъ заживо задѣты самые противоположные, и притомъ животрепещущіе интересы. Нужно время, чтобы все изслѣдовать, обдумать, согласить и устроить; нужно терпѣніе, чтобы дать преобразованію мирный и законный исходъ. Но терпѣніе, умѣніе выжидать, эта первая политическая добродѣтель зрѣлыхъ народовъ, не въ правахъ людей, которые привыкли истощаться гнѣвомъ и негодованіемъ. Прежде, нежели что либо успѣло совершиться, вы уже забыли тревогу, вы отъ восторга перескочили къ отчаянію: все пропало, — правительство пошло назадъ, Александръ II не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ, крестьяне, точите топоръ! Что же случилось въ этотъ промежутокъ? Закрыты ли комитеты? Измѣнены ли существенныя условія преобразованія? Ничуть не бывало. Муравьевъ разослалъ циркуляръ, который вовсе не относится къ вопросу; Ростовцевъ, говорятъ, приготовилъ плохой проэктъ; нѣкоторые помѣщики продолжаютъ употреблять во зло свою власть, что неизбѣжно пока ихъ власть неограниченна, и тому подобное. Вотъ что произвело такой внезапный переворотъ. Ну, скажите, не похоже ли это на шутку? Въ послѣднемъ листѣ Колокола вы написали къ императрицѣ письмо, исполненное прекрасныхъ мыслей и чувствъ. Съ трепетомъ ожидаю появленія слѣдующаго листа. Боюсь, что и она не оправдаетъ надеждъ, которыя вы на нее возложили. Ваши надежды воспламеняются такъ легко и исчезаютъ такъ быстро!

Въ пылу страсти вы забываете не только время, людей, обстоятельства, вы забываете даже собственное свое положеніе. Слѣдовать за минутными увлеченіями общества, носиться по вѣтру, который измѣняется въ ту или другую сторону, можно еще, когда журналистъ живетъ среди этого общества. Но когда станокъ его на другомъ концѣ Европы, когда слово его едва доходитъ въ отечество спустя два, три мѣсяца, къ чему ведетъ подобная тактика? Удары по неволѣ должны разразиться въ пустотѣ. Положимъ на примѣръ, что статьи, въ которыхъ вы говорите, что все пропало, что Александръ II не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ, дошли въ Москву въ то время, когда государь говорилъ свою рѣчь дворянству. Какое впечатлѣніе произведутъ они на читателей? Звонятъ въ набатъ, а поводъ къ трезвону не только давно забытъ, но оказывается, что это просто пуфъ, подхваченный легковѣріемъ. Какъ вы думаете, увлекаясь такимъ образомъ сами, въ состояніи ли вы увлекать другихъ?

Къ несчастію, даже эти промахи не остаются безъ печальныхъ послѣдствій. Умѣренностію, осторожностію, разумнымъ обсужденіемъ общественныхъ вопросовъ вы могли внушить къ себѣ довѣріе правительства; въ настоящее время вы только его пугаете. Все, что есть въ Россіи невѣжественнаго, отсталаго, закоснѣлаго въ предразсудкахъ, погрязшаго въ мелкихъ интересахъ, все это съ торжествомъ указываетъ на васъ и говоритъ: вотъ послѣдствія либеральнаго направленія, вотъ что производитъ слово, освобожденное отъ оковъ. Грустно сказать, что первый свободный русскій журналъ служитъ самымъ сильнымъ доказательствомъ въ пользу цензуры, если только въ пользу цензуры могутъ быть сильныя доказательства.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что вы, который увлекаетесь и увлекаете другихъ, увлекли бы за собою русское общество и Россія наполнилась бы людьми, которые кидаются въ крайность, истощаются гнѣвомъ и негодованіемъ, перегораютъ быстро и умираютъ на полудорогѣ. Представьте себѣ, что въ нѣдрахъ нашего отечества завелось бы нѣсколько Колоколовъ, которые бы всѣ въ разныя голоса стали звонить по вашему примѣру, которые бы наперерывъ стали раздувать пламя, разжигать страсти, взывать къ палкѣ и топору для осуществленія своихъ желаній. Что будетъ правительство дѣлать съ такимъ обществомъ? Къ чему можетъ повести разгаръ общественныхъ страстей, какъ не къ самому жестокому деспотизму? Каждая почти революція представляетъ этому примѣръ. И точно, если больной, вмѣсто того, чтобы спокойно и терпѣливо выносить леченіе, предается бѣшенымъ порывамъ, растравляетъ себѣ раны и хватается за ножъ, чтобы отрѣзать страдающій членъ, съ нимъ нечего больше дѣлать, какъ связать его по рукамъ и по ногамъ.

Въ обществѣ юномъ, которое не привыкло еще выдерживать внутреннія бури и не успѣло пріобрѣсти мужественныхъ добродѣтелей гражданской жизни, страстная политическая пропаганда вреднѣе, нежели гдѣ либо. У насъ общество должно купить себѣ право на свободу разумнымъ самообладаніемъ, а вы къ чему его пріучаете? Къ раздражительности, къ нетерпѣнію, къ неуступчивымъ требованіямъ, къ неразборчивости средствъ. Своими желчными выходками, своими незнающими мѣры шутками и сарказмами, которые носятъ на себѣ заманчивый покровъ независимости сужденій, вы потакаете тому легкомысленному отношенію къ политическимъ вопросамъ, которое и такъ уже слишкомъ у насъ въ ходу. Намъ нужно независимое общественное мнѣніе, это едва ли не первая наша потребность, но общественное мнѣніе умѣренное, стойкое, съ серьезнымъ взглядомъ на вещи, съ крѣпкимъ закаломъ политической мысли, общественное мнѣніе, которое могло бы служить правительству и опорою въ благихъ начинаніяхъ и благоразумною задержкой при ложномъ направленіи. Вотъ чего у насъ недостаетъ, вотъ къ чему мы должны стремиться. Бранью-же, боже мой! и безъ того полнится русская земля. Всѣ бранятъ, отъ малаго до

Digitized by Google

великаго во всѣхъ сферахъ, на всѣхъ ступеняхъ общества, вездѣ слышишь одно и тоже—критику безцѣльную, безплодную, безтолковую. Тошно становится отъ этого хора. Потому не удивляйтесь что васъ находятъ еще слишкомъ умѣреннымъ, не радуйтесь, что ваши шутки, насмѣшки встрѣчаютъ себѣ отзывъ и одобреніе. Этою пищею мы всегда готовы пользоваться, она дается и принимается такъ легко и остроуміе у насъ въ такомъ почетѣ! Оно замѣняетъ всю государственную мудрость, образованіе, трудомъ добытую мысль, знаніе дѣла; на немъ основывались блистательныя карьеры, колоссальныя репутаціи; на немъ выѣзжали въ министры, въ генералы, въ дипломаты. У насъ нѣтъ болѣе вѣрнаго средства пріобрѣсти себѣ всеобщую дань благодарности и удивленія, какъ рѣшать всѣ государственные и философскіе вопросы остроумными выходками. Это избавляетъ читателя отъ работы, отъ умственнаго напряженія. Легко и пріятно получается готовый и притомъ услаждающій результатъ, который служитъ отвѣтомъ на всѣ возраженія. Неистощимый запасъ остротъ—вотъ самое надежное ручательство за успѣхъ журнала. Приглашайте Александра II къ сотрудничеству, пойте акаѳисты Норову или Вяземскому, печатайте фарсы, сочиненныя на Панина, — все это будетъ принято съ восторгомъ, все это будетъ переходить съ устъ въ уста. Только врядъ ли подобное направленіе встрѣтитъ сочувствіе просвѣщенныхъ людей въ Россіи. Они смотрятъ на дѣло нѣсколько серьезнѣе. Имъ кажется, что привычка замѣнять дѣло эффектнымъ бездѣліемъ опасна для политическаго образованія народа, что общество воспитанное на остроумныхъ выходкахъ, становится неспособнымъ къ разумному рѣшенію тяготѣющихъ надъ нимъ вопросовъ; наконецъ имъ хотѣлось бы, чтобы свободное русское слово отвѣчало на благородную потребность политической мысли, а не на безплодную потребность брани и остроты.

Вотъ, милостивый государь, объясненіе тѣхъ упрековъ, въ которыхъ вы сочли нужнымъ оправдываться передъ публикой. Существенный смыслъ ихъ тотъ, что въ политическомъ журналѣ влеченія страсти должны замѣнятся зрѣлостью мысли и разумнымъ самообладаніемъ. Если подобное требованіе есть доктрина, пусть это будетъ доктринерствомъ, объ словѣ нечего спорить. Вамъ такой образъ дѣйствія не нравится, вы предпочитаете быстро перегорать, истощаться гнѣвомъ и негодованіемъ. Истощайтесь! таковъ вашъ темпераментъ; его не перемѣнишь. Но позвольте думать, что это не служитъ ни къ пользѣ Россіи, ни къ достоинству журнала, и что во всякомъ случаѣ нечего этимъ величаться.

За симъ всякій охотно признаетъ за вами существенную заслугу—раскрытіе злоупотребленій. Передъ вашей уликой задумается лихоимецъ и притѣснитель въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ Россіи. Правительственнаго контроля онъ не боится, онъ съ молоду привыкъ его обходить, но онъ не уйдетъ отъ контроля гласности, которая невидимо сторожитъ его въ лицѣ всѣхъ окружающихъ, и обличитъ преступленіе на другомъ концѣ Европы, на островѣ, который хранитъ неприкосновеннымъ ея священное знамя. Съ этой стороны, повторяю, вы имѣете право на благодарность всѣхъ и каждаго, каково бы ни было различіе политическихъ направленій.

Ч.

СМѢСЬ.

— Молодой купецъ Кривоносовъ имѣетъ старика дядю, который управлялъ торговыми дѣлами ихъ дома и завѣдывалъ общимъ ихъ имѣніемъ. Нужно замѣтить, что старикъ Кривоносовъ былъ назначенъ опекуномъ по духовному завѣщанію своего брата, отца молодаго Кривоносова. Но племянникъ захотѣлъ присвоить себѣ власть дяди, разумѣется для того, чтобы имѣть возможность мѣшаться въ дѣла своихъ сонаслѣдниковъ, меньшихъ братьевъ и сестеръ, которые и теперь всѣ еще малолѣтные. Для этого онъ вотъ что придумалъ:

Въ Петербургѣ докторъ Штейнъ содержитъ заведеніе для леченія сумасшедшихъ, подъ названіемъ: "Больницы страждущихъ душевными болѣзнями." Онъ беретъ за каждаго больнаго не менѣе 100 р. с. въ мѣсяцъ, а молодой Кривоносовъ обѣщалъ ему платить втрое, и вотъ, въ темный осенній вечеръ, подъ предлогомъ нездоровія, заманилъ онъ старика-дядю съѣздить къ доктору Штейну, умѣлъ оставить его тамъ и самъ уѣхалъ домой, взявъ отъ Штейна свидѣтельство, удостовѣряющее, что такой-то Кривоносовъ, по случаю помѣшательства ума, находится въ больницѣ страждущихъ душевными болѣзнями. Свидѣтельство это, по словамъ молодаго Кривоносова, было ему нужно для отмѣтки въ полиціи перемѣны мѣстожительства дяди. Дѣйствительно, с. петербургская полиція строго слѣдитъ за прописками и отмѣтками паспортовъ, но эта-то самая строгость и служитъ поводомъ къ безчисленному множеству разныхъ злоупотребленій. Молодому Кривоносову она послужила очень ловко.

Получивъ отъ доктора свидѣтельство, въ которомъ упоминалось о помѣшательствѣ дяди, нужно только было это свидѣтельство скрѣпить авторитетомъ. Но какъ-же это сдѣлать? Заведеніе Штейна, какъ частное, не имѣетъ права рѣшить кто находится въ здравомъ или разстроенномъ состояніи ума. По закону, свидѣтельство людей подозрѣваемыхъ въ разстройствѣ ума, производится каждую пятницу въ губернскомъ правленіи въ присутствіи губернатора, предсѣдателей всѣхъ палатъ и одного изъ членовъ врачебной управы. Обрядъ испытанія совершается посредствомъ вопросовъ, предлагаемыхъ осматриваемому, и отвѣты его тутъ-же записываются въ протоколъ передъ лицомъ всѣхъ присутствующихъ. Племянникъ не надѣялся, чтобы коллегіальное освидѣтельствованіе удовлетворило его желанію. Онъ представилъ свидѣтельство Штейна, вмѣсто полиціи. въ Физикатъ, съ просьбою удостовѣриться въ степени умопомѣшательства его дяди, а ему выдать въ томъ новое свидѣтельство для представленія въ полицію къ отмѣткѣ о перемѣнѣ мѣстожительства; разумѣется, эта просьба была сопровождена приложеніемъ тѣхъ несомнѣнныхъ доказательствъ, которыя одни только имѣютъ силу въ глазахъ русскихъ судей и администраторовъ. Физикатъ далъ молодому Кривоносову желаемое свидѣтельство, а ловкій плутъ, опять вмѣсто полиціи, представилъ его въ Сиротскій судъ, который не имѣя права отвергать свидѣтельство Физиката, уже находилъ законный поводъ отрѣшить помѣшаннаго старика отъ опекунства и всѣ дѣла общаго торговаго дома передать въ руки старшаго наслѣдника, т. е. просителя-племянника.

Но старикъ-дядя успѣлъ какимъ-то образомъ изъ строгаго заключенія, въ которомъ онъ находился, отправить по городской почтѣ просьбу въ губернское правленіе, въ которой просилъ освидѣтельствовать его законнымъ порядкомъ. Губернское правленіе вытребовало старика изъ больницы

Digitized by Google

Штейна, освидѣтельствовало его и нашло его въ полномъ здравомъ умѣ и совершенной памяти, но отмѣнить рѣшеніе сиротскаго суда оно не могло, потому что о немъ вовсе не знало, также, какъ не зналъ и старикъ Кривоносовъ, даже не упомянувшій о немъ въ своей просьбѣ. За то губернское правленіе горячо вступилось за свои права: оно донесло министру внутреннихъ дѣлъ о противузаконныхъ и пристрастныхъ дѣйствіяхъ физиката и просило впредь таковыя оному воспретить.

Министръ, по установленному порядку, передалъ дѣло на разсмотрѣніе медицинскаго департамента, куда опять молодой Кривоносовъ поспѣшилъ представить несомнѣнныя доказательства. Департаментъ рѣшилъ, что губернское правленіе не имѣетъ никакого права оспоривать и уничтожать опредѣленія физиката, потому что большинство членовъ губернскаго правленія, каковы губернаторъ и предсѣдатели палатъ, вовсе не зная медицины, не могутъ дѣлать правильнаго заключенія о состояніи сумасшедшихъ, тогда какъ физикатъ состоитъ изъ медиковъ, имѣющихъ докторскіе дипломы и которые одни, какъ спеціалисты, имѣютъ возможность и право опредѣлить всякую степень помѣшательства. Министръ согласился съ мнѣніемъ департамента, но такъ какъ это мнѣніе возбудило законодательный вопросъ: кто вѣрнѣе и безпристрастнѣе можетъ судить о степени помѣшательства, губернское правленіе или физикатъ, и кому изъ нихъ по справедливости должно принадлежать это право, то дѣло пошло своимъ порядкомъ: сначала обсудитъ его комитетъ министровъ, а потомъ государственный совѣтъ.

Между тѣмъ старикъ Кривоносовъ лишенъ всякаго голоса въ торговыхъ дѣлахъ, а племянникъ его погрѣваетъ около нихъ руки, и прежде чѣмъ законодательный вопросъ будетъ окончательно рѣшенъ (на что потребуются годы), общіе барыши всѣхъ Кривоносовыхъ перейдутъ въ карманъ ловкаго плута, и опека надъ малолѣтними упразднится сама собою по случаю достиженія ими совершеннолѣтія.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

— Насъ извѣщаютъ, что одинъ помѣщикъ Херсонской губерніи запрещаетъ въ своемъ имѣньи браки, чтобы не прибавлять тяголъ и слѣдственно не быть въ необходимости удѣлять землю на новыя тяглы при освобожденіи крестьянъ. Вѣроятно этотъ примѣръ найдетъ послѣдователей и потому спѣшимъ обратить вниманіе правительства на это грязное варварство, которое легко можно предупредить наложеніемъ значительнаго штрафа съ помѣщика за непозволеніе свадебъ въ своихъ имѣньяхъ, тѣмъ болѣе, что даже и скаредный московскій комитетъ объ улучшеніи быта крестьянъ рѣшилъ: "невмѣшательство помѣщика въ бракосочетанія крѣпостныхъ людей."(*)

— Усердный рабъ Бутеневъ и великій визирь.— Аугсбурская газета разсказываетъ, какъ Бутеневъ упрашивалъ великаго визиря запретить въ Турціи нашъ Колоколъ и другія русскія изданія. Великій визирь, какъ слѣдуетъ государственному человѣку, отвергнулъ дикую просьбу. Однакоже пора бы Горчакову, сколько нибудь лучше выбирать людей, или построже смотрѣть за своими чиновниками внѣ границъ. Довольно, что Турція побѣдила при Николаѣ Россію въ отношеніи гуманности, не выдавъ Кошута, Бема и др., неужели она должна при Александрѣ II учить терпимости? Судьба Хребтовича могла бы служить примѣромъ Бутеневу.

(*) Мы имѣемъ перечень его засѣданій.

— Мы получили очень дѣльное письмо, въ которомъ опровергается возможность прибавки 80 верстъ на московской желѣзной дорогѣ. Мы взяли эту новость изъ Times и Allgemeine Zeitung, и помѣстили ее потому, что привыкли слѣпо вѣрить, когда идетъ рѣчь объ административныхъ кражахъ въ Россіи. Еслибъ кто нибудь сказалъ, что петербургская или московская полиція отрѣзала хвостъ у кометы и потомъ продала его—и тутъ призадумался бы... "а что, какъ въ самомъ дѣлѣ?" Мы видѣли своими глазами какъ въ вятской губерніи пропадали строевые лѣса и мачтовыя рощи, какъ въ казенной палатѣ было дѣло о "потерѣ нѣсколькихъ оброчныхъ статей"—каждая въ нѣсколько верстъ...

— ¿Правда ли, что въ инкерманскомъ сраженіи, два англійскія орудія, взятыя нашими войсками, встрѣтили одного изъ нашихъ генераловъ, большаго охотника до лошадей, который прельстившись красотою англійскихъ лошадей, велѣлъ ихъ выпрячь, обѣщая прислать за орудіями людей. Сраженіе приняло дурной оборотъ и орудія были взяты обратно Англичанами, но лошади спокойно достигли конюшни его превосходительства?

— Графъ Гуровскій въ письмѣ къ редактору Нью-іоркскаго журнала Evening Post, говоритъ между прочимъ, что я пріобрѣлъ богатство продажею крестьянъ въ Россіи и взявъ вырученныя деньги съ собою за границу, проповѣдую освобожденіе крестьянъ; на эту гнусную клевету я отвѣчалъ письмомъ, посланнымъ мною въ американскіе, англійскіе и нѣмецкіе журналы. Наши русскіе читатели быть можетъ вспомнятъ, что въ I книжкѣ Полярной Звѣзды, стр. 214, я объяснялъ одному "анониму", что я никогда во всю мою жизнь ни продалъ, ни заложилъ ни одного крестьянина, ни одного крѣпостнаго человѣка, и что мое Костромское имѣнье находится подъ секвестромъ, въ слѣдствіе чего я и не могу имъ распоряжаться. Прилагая при нынѣшнемъ листѣ Колокола мое объясненіе по этому дѣлу, я не счелъ нужнымъ переводить его. Самые противники мои въ Россіи знаютъ, что это клевета.

И—ръ.

Вновь поступили въ продажу у Трюбнера & Co., 60 Paternoster Row:

V книжка "Голосовъ изъ Россіи", въ ней находится одна статья "Объ освобожденіи крестьянъ."

VI книжка, въ ней напечатанъ между прочимъ "Отвѣтъ вязниковскаго крестьянина—князю Голицыну, автору Печатной правды."

I, II, III и IV Голосовъ (второе изданіе)

Записки: М. ЩЕРБАТОВА и А. РАДИЩЕВА (изъ екатерининскаго вѣка), Изданіе Трюбнера, съ предисловіемъ Искандера.

Полное собраніе Стихотвореній Н. ОГАРЕВА, съ портретомъ автора, гравированномъ на стали.

MÉMOIRES DE L'IMPÉRATRICE CATHERINE II,

ÉCRITS PAR ELLE-MÊME.

На русскомъ же онѣ выйдутъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

Digitized by Google

A LIBEL.

On the 16th of November I received—under cover of an envelope posted at Vienna, a Newspaper-Slip, containing a letter from *Count Gurowsky* to the Editor of the *New York Evening Post*. At the bottom of the slip I found pencilled: "Was transmitted to me for you. A. Kolatschek, Gumpendorf, Haupt-strasse, 368."

One passage in M. de Gurowski's letter runs thus: "But these *noisy* philanthropists, such as *Herzen*, and even Tourgeneff (1) illustrate their character by *selling their serfs* which they could have individually emancipated, and now they are abroad preaching emancipation, and living on the money *derived from the sale*."

I solemnly declare, that this assertion is *a calumny*; that neither previous to nor after my leaving Russia, did I ever sell or cause to be sold any estate, tenanted or non-tenanted, or any serf of any class whatsoever; nay, more, I not only never sold, but I never mortgaged or transferred any estate or peasant, nor did I make any sham-sale, or do any clandestine act having such sale for its object.

In 1846, after the decease of my father I came into possession of two dwelling-houses in Moscow, of a capital desposited at the Imperial Bank, and of some landed property (viz. a few villages) in the Government of Kostroma. This property has not only never been sold, but not a single peasant has been alienated from the Commune, and, moreover, this property has not even been mortgaged. In 1849, it was sequestrated by Government on the ground of my having left the country;—it has ever since continued under sequestration, and never added a single farthing to my income. In 1855, I published in the 1st. Volume of the "Polar Star," a letter stating that I should deem myself happy, if Government would permit me to resign all my rights of land-owner in favour of the Commune—being *outlawed* by my position, it was not in my power otherwise. If Alexander II. would take me at my word, and grant me that permission—I should accept it as a great boon indeed.

I defy all Russian agents, officials, officious, all correspondents, diplomatists, vice-consuls, juris-consuls, pro-consuls to *contradict or controvert one word of this my statement*, or to produce one title of evidence to disprove it. All deeds of this description are duly registered, and the law records dating from 1833, (the year when I came of age) are extant.

M. Gurowski, with whom I am not in the least acquainted—may have been led into error—he must be very well pleased to see my vindication. At all events he will feel that I could not remain impassive under the weight of such an imputation.

As for M. Kolatschek, the conveyor of the slip, I know not what can have compelled him to undertake to deliver an unpleasant message, but I have only to thank him for the opportunity he has afforded me to expose the slander.

19 *November*, 1858. ALEXANDER HERZEN.

Park-House, Percy-Cross,
Fulham.

(1) The well known N. Tourgeneff—a statesman of the time of Alexander I., a friend of the Freiherr von Stein—one of the most zealous champions of the cause of Serf-emancipation, who in 1826 was sentenced (*en contumace*) to hard labour for life. A. H.

Digitized by Google

CALOMNIE.

J'ai reçu, le 16 Novembre dernier, sous une enveloppe jetée à la poste à Vienne, un fragment de journal contenant une lettre adressée, le 19 Octobre, par le Comte Gourowsky, à l'Editeur du *New York Evening-Post*. Au bas de ce fragment se trouve, écrite au crayon, la phrase suivante: — *M'a été envoyé pour vous. (Wurde mir für sie zugesandt). A. Kolatchek, Gumpendorf, Hauptstrasse*, 368."

Dans ce fragment lui-même se trouve le passage que voici: " But these noisy philantropists, such as Herzen and even Tourguéneff, illustrate their character by *selling their serfs*, which they could have individually emancipated, and now they are abroad preaching emancipation — and living on the money *derived from the sale*." (Traduction: " Mais ces bruyants philantropistes, tels que Herzen et même Tourguéneff, (1) illustrent leur caractère en *vendant leurs serfs*, qu'ils auraient pu émanciper individuellement, et maintenant ils sont à l'étranger prêchant l'émancipation — tout en vivant sur l'argent *tiré de la vente*.")

Je déclare formellement que tout ceci est une *calomnie;* que je n'ai *jamais*, ni avant mon départ de la Russie, ni depuis, vendu une terre quelconque, habitée ou non habitée, un serf quelconque de quelque dénomination que ce soit.

Bien plus, non seulement je n'ai jamais vendu de propriété seigneuriale, mais je n'en ai jamais rien hypothéqué, rien transmis, rien cédé, et je n'ai fait ni vente simulée, ni acte détourné quelconque, ayant pour but *la vente* d'un serf ou d'une terre habitée.

Cela n'est pas tout.

En 1846 — après la mort de mon père — j'entrai en possession de deux maisons situées à Moscou, d'un capital déposé à la Banque Impériale, et d'une propriété foncière (c'est-à-dire de quelques villages) située dans le gouvernement de Kostroma. Non seulement cette propriété n'est pas vendue, aucun paysan n'a été aliéné de la Commune, mais cette propriété n'est pas même hypothéquée. Ma propriété de Kostroma a été séquestrée, en 1849, par le gouvernement, à cause de mon émigration, et, depuis cette époque, elle est restée sous le séquestre. Je n'ai jamais perçu un *liard* de revenu.

En 1855, je publiai, dans le premier volume de *l'Etoile Polaire*, une lettre dans laquelle je disais que je serais fort heureux que le gouvernement voulût bien me permettre d'abdiquer en faveur de la commune tous mes droits sur la terre. Etant *hors la loi* par ma position, je n'avais pas le droit de l'exiger. Si Alexandre II., me prenant au mot, eût permis cela, je l'en aurais remercié comme d'un bienfait.

Je défie tous les agents russes, officieux, officiels, correspondants, diplomates, consuls, vice-consuls, jurisconsultes, proconsuls et autres, de répondre à un seul mot de ce que j'avance, ou de produire un seul document d'où on puisse inférer quelque chose de contraire aux faits que j'affirme. Pourtant, tous les actes du genre de ceux auxquels il est fait allusion, sont notariés, et les archives depuis 1833, (l'année de ma majorité) n'ont pas été brûlées.

M. Gourowsky — que je ne connais pas du tout — a été *peut-être* induit en erreur. Dans ce cas, il sera content, sans doute, de voir ma justification. En tout cas, il comprendra que je ne pouvais rester sous le coup d'une pareille accusation.

Quant à M. Kolatchek — le transmetteur du fragment — j'ignore la raison qui a pu le décider à se charger d'une commission désagréable; mais je n'ai qu'à le remercier de m'avoir fourni l'occasion de faire justice de cette *calomnie*.

19 *Novembre* 1858.

ALEXANDRE HERZEN.

Editeur de l'*Etoile Polaire* et de la *Cloche*.

Park-House, Percy-Cross,
Fulham.

(1) Celui auquel il est fait allusion ici, est N. Tourguéneff, homme d'Etat connu du règne d'Alexandre I., ami de Stein, et l'un des avocats les plus zélés de l'émancipation des paysans. Il a été condamné (par contumace) aux travaux forcés, en 1826, et amnistié seulement en 1856.
A. H.

Digitized by Google

No. 30 & 31. THE BELL DECEMBER 15, 1858.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна (за двойной листъ) 1 ш. Получается въ Вольной Русской Типографіи—2, Judd Street, Brunswick Square, *W. C.*

ЛИСТЪ 30 & 31.

15 Декабря 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard street), London. Price One Shilling.

МОСКОВСКІЙ КОМИТЕТЪ.

Обнародованіе засѣданій московскаго комитета "объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ"— безъ сомнѣнія дѣло великой важности, потому что, кромѣ мѣстныхъ разницъ и оттѣнковъ, комитеты прочихъ губерній повторятъ тоже самое, или весьма подобное,(*) и мы совершенно въ правѣ считать положенія московскаго комитета за общій помѣщичій взглядъ на освобожденіе крестьянъ. Обнародываніе засѣданій московскаго комитета покажетъ народу, образованному меньшинству и правительству—чего можно ожидать отъ помѣщиковъ при рѣшеніи основнаго вопроса русскаго возрожденія, и на сколько помѣщики имѣютъ право претендовать на названіе полезнаго и самаго просвѣщеннаго сословія въ государствѣ. Мы постараемся еще болѣе уяснить эти два пункта въ нашихъ примѣчаніяхъ; покамѣсть скажемъ только, что труды московскаго комитета доказываютъ, что наше образованное меньшинство не принадлежитъ исключительно дворянству: оно состоитъ изъ тѣхъ немногихъ—изъ какаго бы сословія они ни происходили—которые, учившись, приняли науку и нераздѣльное съ ней понятіе справедливости, къ сердцу. Только эти немногіе составляютъ передовой отрядъ русскаго движенія, съ которымъ народъ можетъ всегда сочувствовать и на который правительство можетъ положиться во всѣхъ случаяхъ, когда оно хочетъ сдѣлать шагъ впередъ для блага общаго. Большинство же помѣщиковъ можетъ только мѣшать народному развитію и мѣшать тѣмъ болѣе, что, нося фракъ, или — еще хуже — мундиръ, оно совершенно ложно ставитъ себя въ умственномъ отношеніи выше народа и стремясь устроить его на свой салтыкъ, т. е. стремясь къ сохраненію своей власти, равно тупой при любви къ старымъ обычаямъ какъ и при нововведеніяхъ, — мѣшаетъ народу устроиться свободнымъ, человѣческимъ образомъ. Это ведетъ къ одному необходимому заключенію, что правительство, которое поставило вопросъ, давно бродившій въ умѣ народа—обязано развязать крестьянъ съ помѣщиками общей финансовой мѣрой, если не хочетъ, чтобъ народъ развязался по своему. Опытъ намъ доказываетъ, что это мнѣніе всѣхъ добросовѣстныхъ и образованныхъ людей русскихъ и мы готовы повторять его безпрестанно, пока еще не поздно, пока комитеты и дворянство не вывели народъ изъ терпѣнія, и конечно не насъ, а развѣ комитеты и дворянство, можно обвинять въ вызовѣ кровавыхъ мѣръ для народнаго освобожденія.

Н. ОГАРЕВЪ.

(*) Мнѣніе Воронежскаго депутатскаго собранія подтверждаетъ наши слова.

ГЛАВНЫЯ ОСНОВАНІЯ, ПРИНЯТЫЯ МОСКОВСКИМЪ КОМИТЕТОМЪ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДѢЛУ, НАЧАВШИМЪ ЗАСѢДАНІЯ СВОИ СЪ 26 АПРѢЛЯ 1858.

Примѣчаніе 1.—Изъ какихъ источниковъ истекли эти основанія, или постановленія комитета, записанныя въ хронологическомъ порядкѣ, видно изъ нижеслѣдующихъ мнѣній, а какъ истекли эти основанія, необходимо сказать нѣсколько словъ о занятіяхъ членовъ комитета. Комитетъ сбирается два раза въ недѣлю, по вечерамъ, и засѣдаетъ отъ 7 до 10½ часовъ. Когда члены сберутся, предсѣдатель П. П. Воейковъ обыкновенно говоритъ, что: "въ прошломъ засѣданіи былъ обсуждаемъ и не рѣшенъ вопросъ, на примѣръ объ отдачѣ крестьянъ въ рекруты. Поэтому не слѣдуетъ-ли постановить, чтобы отдавать ихъ въ такомъ-то случаѣ?" Начинается чтеніе письменныхъ мнѣній, въ это же время представленныхъ; излагаются мнѣнія изустно, возникаетъ споръ — и дѣло страшно запутывается. Немудрено: большинство членовъ, отстаивая обветшалое крѣпостное право, вооружается софизмами тогда, какъ противники ихъ, на пр. князь П. Д. Крапоткинъ, мнѣнія свои основываетъ если не на началахъ чистаго разума, то на началахъ указанныхъ государемъ. Чтобы привести членовъ къ нѣкоторому единству, предсѣдатель, остановясь на какомъ нибудь обстоятельствѣ, высказанномъ въ мнѣніяхъ, "не слѣдуетъ ли, говоритъ, предложенное измѣнить такъ-то?" Начинается балотировка—и вопросъ рѣшается большинствомъ голосовъ, и т. д. Но вотъ засѣданіе кончилось. Правитель дѣлъ въ редакціонной коммиссіи, составленной изъ 4 членовъ, сочиняетъ журналъ засѣданія, въ который помѣщаетъ все, что отвергнуто, и все что принято большинствомъ голосовъ. Въ журналѣ, обыкновенно говорится: "Читаны мнѣнія гг. членовъ такихъ то, по предмету отдачи крестьянъ въ рекруты, каковыя мнѣнія въ подлинникѣ при семъ прилагаются." О томъ-же, приняты-ли эти мнѣнія, рѣшительно несогласныя между собою, или отвергнуты, ни слова не упоминается. Затѣмъ редакціонная коммиссія изъ журналовъ засѣданій комитета составля-

Digitized by Google

етъ проэктъ положенія. Спрашивается, что же именно должно войти въ составъ проэкта положенія : одни-ли постановленія, утвержденныя большинствомъ голосовъ, или съ тѣми несогласными между собою подробностями, которыя высказаны въ письменныхъ мнѣніяхъ? Согласить мнѣнія — чистая невозможность, оставить ихъ втунѣ... Но зачѣмъ же онѣ прилагаются къ журналамъ? Трудно это разгадать.

Вопросы въ засѣданіяхъ комитета рѣшаются большинствомъ голосовъ. Но можно-ли положиться на это большинство, на этихъ избранныхъ людей, отъ приговора которыхъ зависитъ улучшеніе быта крестьянъ? и могло ли дворянство выбрать людей благонамѣренныхъ? На всѣ эти вопросы нельзя иначе отвѣчать, какъ отрицательно, потому что большинство дворянства, развращенное крѣпостнымъ правомъ и привыкшее смотрѣть на рабство, какъ на что-то необходимое, а на отмѣненіе его, какъ на моровую для себя язву, испугалось повелѣній новаго государя какъ пожара, и переполошенное выбрало въ члены комитета такія личности, которыхъ слѣдовало бы за безчеловѣчность изгнать изъ христіанскаго міра посредствомъ астракизма. Правда, есть исключенія, но онѣ въ массѣ незамѣтны, а благонамѣренные люди попали въ члены комитета, вѣроятно по ошибкѣ. Члены же отъ правительства, назначенные Закревскимъ, играютъ самую пассивную роль : они истуканы, на которыхъ члены не обращаютъ никакаго вниманія.

И выходитъ, что одинъ, на пр. князь Меньшиковъ, лавируя какъ осторожный морякъ, выѣзжаетъ на законахъ, тогда какъ освобожденіе крестьянъ требуетъ измѣненія существующихъ законовъ о крестьянахъ и созданія новыхъ; другой прибѣгаетъ къ софизмамъ, которыхъ никто умышленно или по безсилію не опровергаетъ; третій ссылаясь на объясненія министра, перетолковываетъ слова государя, тогда какъ въ главномъ петербургскомъ комитетѣ рѣшено, чтобы никакъ не отступать отъ объявленныхъ началъ. И могутъ-ли члены по новости вопроса и по незнанію спеціально большею частію изъ нихъ науки земледѣлія, смотрѣть съ правильной точки зрѣнія на предметъ улучшенія быта крестьянъ? Въ состояніи ли они, безъ обиды для себя и для крестьянъ, опредѣлить подробности отношеній, какія должны существовать между ними и ихъ бывшими рабами, когда при даровомъ, ни во что не цѣнимомъ трудѣ, въ ихъ хозяйствѣ не велось даже правильнаго счетоводства?

Путнаго для крестьянъ, слѣдовательно, московскій комитетъ мало сдѣлаетъ.

I. Предоставить крестьянамъ вступать въ бракъ на основаніи общихъ узаконеній, безъ вліянія помѣщичьей власти, (единогласно).

II. Срочно-обязанные крестьяне не могутъ быть отдаваемы въ услуженіе постороннимъ лицамъ (единогласно).

Примѣчаніе 2. Первыя засѣданія комитета были безъ всякаго систематическаго порядка, и съ мѣсяцъ разсуждали члены о томъ лишь, что должно за чѣмъ слѣдовать. Только по присылкѣ программы, пошли болѣе правильныя занятія.

III. Воспретить переселеніе крестьянъ противъ ихъ воли— по составленіи и утвержденіи акта о переходѣ ихъ въ срочно-обязанные и послѣ отведенія имъ по сему акту земель подъ поселеніе (единогласно).

Примѣчаніе 3. Министръ внутреннихъ дѣлъ секретно предписывалъ г. Закревскому, отъ 20 Марта за No. 42, о внушеніи помѣщикамъ, что для собственной ихъ пользы весьма желательно, дабы усадебная осѣдлость крестьянъ оставалась именно въ теперешнемъ положеніи, и переселеніе крестьянъ допускалось не иначе, какъ по очевидной въ томъ для хозяйственныхъ распоряженій надобности, безъ малѣйшаго обремененія крестьянъ. (а)

IV. Съ переходомъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ срочно-обязанные, прекратить продажу, дареніе, и всякое отчужденіе крестьянъ отдѣльно отъ земли, какъ цѣлыми селеніями на свозъ, такъ и въ разницу (единогласно).(б)

V. Предоставить срочно-обязаннымъ крестьянамъ право пріобрѣтать въ полную собственность всякое движимое и недвижимое имущество, согласно общимъ узаконеніямъ для прочихъ подданныхъ сословій.

VI. Дальнѣйшее развитіе и исчисленіе правъ крестьянъ предоставлено редакціонной коммиссіи при составленіи проэкта положенія.

VII. Проэктъ о выкупѣ усадьбы съ землею, не болѣе одной десятины на ревизскую душу, посредствомъ финансовой мѣры, поставленъ на ряду съ проэктомъ предоставленія земельныхъ угодій въ пользованіе, съ тѣмъ, чтобы каждый помѣщикъ могъ принять тотъ или другой проэктъ для своего имѣнія, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ.

Примѣчаніе 4. По предмету способа удовлетворенія крестьянъ усадебною землею и прочими угодьями, необходимыми для обезпеченія ихъ быта, члены говорятъ различно, а именно :

Н. Головинъ, членъ отъ дворянъ московскаго уѣзда : "Въ высочайшемъ рескриптѣ, отъ 16 Января 1858, къ московскому в. г.-губернатору изображено : помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа. Министерство въ своихъ соображеніяхъ полагаетъ, что подъ словами "усадебная осѣдлость," кромѣ жилыхъ и хозяйственныхъ строеній, должно разумѣть и землю подъ оными и огородами, которую оно предлагаетъ предоставить на выкупъ крестьянамъ

а) Это положеніе нисколько не мѣшаетъ помѣщику, до составленія акта, перевести крестьянъ съ удобной на неудобную землю и потомъ совершить актъ по общей оцѣнкѣ земли, что сдѣлаетъ выкупъ усадебной земли очень выгоднымъ для помѣщика и совершенно разсорительнымъ для крестьянъ, которые, не имѣя никакаго голоса въ этомъ дѣлѣ, все же не могутъ отказаться отъ положеннаго на нихъ, хочешь—не хочешь, обязательнаго для нихъ выкупа усадебной земли. Если даже помѣщикъ и не переведетъ крестьянъ на неудобную землю, то все же усадебная земля можетъ быть выгодна только въ близь-столичныхъ деревняхъ ; но въ селеніяхъ, на столько отдаленныхъ отъ столицъ, что торгъ огородными произведеніями не возможенъ, выкупъ одной усадебной земли будетъ для крестьянъ новымъ прикрѣпленіемъ къ землѣ, не только безвыгоднымъ, но совершенно разсорительнымъ, потому что, не имѣя права отказаться отъ ничего не стоящей усадьбы и не имѣя средствъ для переселенія на другія земли, крестьяне должны будутъ согласиться на всякія, самыя тяжелыя условія, налагаемыя помѣщикомъ за пользованіе пахатной землею. Такое освобожденіе будетъ для крестьянъ удвоеннымъ рабствомъ, обманомъ— хуже обмана при освобожденіи остъ-зейскихъ крестьянъ. Другое дѣло выкупъ всей земли, какою нынѣ пользуются помѣщичьи крестьяне,—земли и пахатной и усадебной ; такой выкупъ дѣйствительно положитъ прочное основаніе самостоятельности села, этого зерна развитія русской жизни. Что же касается до секретнаго предписанія министра внутреннихъ дѣлъ о внушеніи помѣщикамъ не переселять крестьянъ на неудобныя земли,—оно только смѣшно ; запретить переселенія указомъ—было бы дѣйствительною мѣрою ; а что такое внушеніе?... Ну! извольте внушать! Я все же имѣю право оставаться невнушаемымъ.

б) А о дворовыхъ людяхъ ни слова?

Digitized by Google

для удержанія ихъ отъ бродяжничества. (в) Но вмѣстѣ съ тѣмъ г. министръ объясняетъ, что мысли и предположенія его не должны быть почитаемы какъ бы предрѣшеніемъ предлежащихъ вопросовъ, и что развитіе сихъ вопросовъ и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ условіямъ предоставляется высочайшимъ рескриптомъ самому дворянству, безъ стѣсненія тѣми, такъ сказать, совѣтами, которые изложены въ его отношеніяхъ, и что комитетъ можетъ отмѣнить ихъ, объяснивши только причины отмѣненія. Получивъ отъ министра разрѣшеніе не принимать его соображеній за предрѣшеніе сихъ вопросовъ,(г) мы находимъ, что уступка крестьянамъ огородной и усадебной земли для помѣщика стѣснительна, тѣмъ болѣе въ московскомъ уѣздѣ, а еще болѣе въ окрестностяхъ Москвы, гдѣ крестьянинъ почти не занимается хлѣбопашествомъ и платитъ оброкъ болѣе за свои сады, огороды и усадебную осѣдлость. Въ Москвѣ онъ покупаетъ печеный хлѣбъ и занимается разными промыслами, добывая такимъ образомъ всѣ средства къ жизни несравненно легче, чѣмъ отъ хлѣбопашества. И теперь всѣ заботы крестьянъ устремлены на усадебную землю.

Получивъ же усадебныя земли и огороды въ собственность, крестьяне не станутъ нанимать наши полевыя земли, или обработывать ихъ для помѣщика за плату, которую можно дать по оцѣнкѣ хлѣба; слѣдствіемъ чего будетъ совершенное раззореніе помѣщиковъ. И какую опредѣлить цѣну за уступленныя земли? Скорѣе надо опредѣлить, какую цѣнность и достоинство потеряетъ имѣніе, когда среди дачи будутъ отдѣльные собственники? Между тѣмъ министерство полагаетъ, что крестьянамъ можно предоставить право платить за усадебныя земли и огороды въ теченіе 12 и болѣе лѣтъ извѣстную сумму, пока не выкупятся, но только до совершенной уплаты крестьяне не будутъ полными владѣльцами земли. Что должно разумѣть неполными владѣльцами? т. е. будутъ владѣть и не платить,—это самое выгодное право, хотя и не полное. Вотъ почему мы и не можемъ согласиться уступить собственныя свои земли на таковой безденежный выкупъ.(д) Къ тому же усадебныя земли (безъ другихъ правительственныхъ мѣръ) не удержатъ крестьянъ отъ бродяжничества, потому что крестьянинъ получивъ усадебную и огородную землю, имѣетъ право, какъ собственникъ, продать ее другому крестьянину того же общества. Слѣдствіемъ сего будетъ: богатый крестьянинъ купитъ у одного или у многихъ усадьбы, заведетъ конопляники. сады или огороды, а подъ Москвою фабрики, и не будетъ имѣть нужды пользоваться оброчною господскою землею; продавшіе же, по праву выхода перейдутъ въ другія мѣста. Тогда помѣщикъ, чтобы имѣть людей для обработки земли, хотя и найдетъ работниковъ, но гдѣ онъ поселитъ ихъ? На прежней усадебной землѣ—но она не принадлежитъ ему;

в) Мы еще послѣ укажемъ не недобросовѣстность всѣхъ разсужденій гг. Головина и ему подобныхъ; теперь замѣтимъ только, что пора наконецъ взвѣшивать слова и выражать вещи опредѣленно, а не въ видѣ какаго то смутнаго представленія. Что такое бродяжничество? Если крестьянину въ какомъ нибудь селеніи жить худо, или ему представляется въ другомъ мѣстѣ болѣе выгодное дѣло и вслѣдствіе этого онъ оставитъ свое мѣстожительства и перейдетъ на другое—развѣ это бродяжничество? Развѣ можетъ быть какое нибудь разумное, человѣческое право удерживать его отъ такаго перехода? Если же крестьянину на своемъ мѣстѣ жительства хорошо и нѣтъ у него въ виду ничего лучшаго, то онъ и не перейдетъ не будучи съумашедшимъ. Слѣдственно смутное представленіе бродяжничества, перешедшее въ понятія министерскія и помѣщичьи изъ малоизвѣстныхъ имъ временъ до "Юрьева дня," сводится въ настоящее время на то, что всякое поползновеніе мужика найти болѣе удобное мѣстожительства и болѣе выгодный заработокъ—есть бродяжничество; изъ этого ложнаго положенія выводится ложный результатъ, что цѣль выкупа крестьянъ съ землею не есть освобожденіе крестьянъ, а ихъ прикрѣпленіе къ землѣ для избѣжанія бродяжничества. Изъ за такаго результата нечего хлопотать. Этотъ ложный выводъ и произвелъ то жалкое и неосуществимое воззрѣніе, что для крестьянъ достаточно выкупить усадебную землю, и такимъ образомъ связать ихъ удободвижимость мѣстомъ жительства, не предоставивъ имъ никакихъ выгодъ землевладѣнія. Что это воззрѣніе жалкое—доказывается тѣмъ. что въ немъ не лежитъ освобожденія крѣпостнаго состоянія и что правительство, имѣя въ виду освобожденіе, приходитъ только къ новому крѣпостному праву, за которое крестьяне еще должны будутъ заплатить деньги. Что оно неосуществимо—это доказывается тѣмъ, что оно невыгодно ни для помѣщиковъ, ни для крестьянъ: выкупить всю землю, какой въ настоящее время помѣщичьи крестьяне владѣютъ, значило бы упрочить собственность и тѣхъ и другихъ, однихъ денежнымъ, другихъ земельнымъ капиталомъ; а заставить одного купить клочекъ земли, большей частью ничего для него не стоющій, а другаго продать этотъ клочекъ, полагая, что покупщикъ по недостаточности этого клочка, поставленъ въ неоплатное положеніе,—это неосуществимо; ни та ни другая сторона не можетъ на это согласиться. И все это вышло изъ смутнаго представленія, призрачно вѣющаго въ словѣ: бродяжничество, и въ сущности не имѣющаго никакаго положительнаго смысла. Никто однако не называлъ до сихъ поръ бродягою помѣщика, который скачетъ—ну хоть изъ Тульской губерніи—въ Петербургъ и поступаетъ на службу, ну хоть въ III отдѣленіе и тамъ предпочитаетъ административный грабежъ всякой обработкѣ тульскихъ полей; а вѣдь это больше похоже на бродяжничество, чѣмъ какіе бы то ни были крестьянскіе переходы.

г) Новое доказательство невозможности писать законы и предписанія неопредѣленно, невозможности полу-мѣръ, которыя всегда сводятся на то, чтоб разомъ сказано и да и нѣтъ, и дѣло приравнивается нулю. Здѣсь помѣщикъ очевидно своекорыстно пользуется административной ошибкою, потому что изъ общаго смысла рескриптовъ и предписаній—такаго вывода сдѣлать нельзя.

д) Безъ сомнѣнія сады и огороды дороже простой полевой земли; очень корыстный помѣщикъ могъ бы изъ этого вывести, что крестьяне за сады и огороды должны заплатить дороже чѣмъ за полевыя земли; но спрашивается—что отдавалъ помѣщикъ въ пользованіе крестьянамъ: сады и огороды, или полевую землю? Кто виноватъ, что простая полевая земля обратилась въ сады и огороды—воля помѣщика или трудъ крестьянина? Продавшій кусокъ дерева столяру—можетъ-ли требовать, чтобы столяръ заплатилъ ему за этотъ кусокъ цѣну стула или стола, изъ него сдѣланнаго? На какихъ юридическихъ понятіяхъ основываютъ гг. помѣщики подобныя притязанія на присвоеніе себѣ цѣнности не только земельной собственности, но и обработки земли, въ которой сами не повинны? Въ Англіи, гдѣ аристократія имѣетъ болѣе силы и привиллегій чѣмъ у насъ, землевладѣлецъ отдающій въ наймы землю, требуетъ съ наемщика плату за землю. а не за домъ, который на ней наемщикъ выстроилъ, и притязаніе на такой домъ никакому помѣщику не войдетъ въ голову. Но г. Н. Головинъ идетъ далѣе чѣмъ даже эта претензія на трудъ крестьянина: изъ того, что подмосковные крестьяне имѣютъ сады и огороды, онъ выводитъ заключеніе, что они достаточно богаты, чтобъ нейти добровольно работать къ помѣщику за безцѣнокъ, и что слѣдственно помѣщикъ раззорится; но это только доказываетъ, что теперь, при недобровольномъ трудѣ, крестьянинъ работаетъ себѣ въ убытокъ: на какомъ же правѣ общество, государь, государство, правительство (назовите какъ хотите) должно покровительствовать раззоренію крестьянина, умѣвшаго и при стѣсненномъ положеніи обратить свои земли въ сады и огороды, для того чтобъ обогатить помѣщика, который только тѣмъ и держится, что мужикъ работаетъ на него за безцѣнокъ? На какомъ основаніи государство будетъ покровительствовать лѣнтяю во вредъ дѣльнаго человѣка? Но кромѣ этого притязанія на то, чтобъ государство, ради помѣщика, впало въ ложь и преступленіе, г. Головинъ не замѣчаетъ, что крестьяне другихъ губерній, не имѣющіе огородовъ, въ силу того, что онъ называетъ бродяжничествомъ, придутъ къ нему работать за разумную цѣну, или, что крестьяне имѣющіе огороды, наймутъ у него землю и станутъ ее обработывать лучше чѣмъ онъ, и что во всякомъ случаѣ онъ не разворится, а только доходы съ земельнаго капитала и труда придутъ въ болѣе нормальное равновѣсіе.

Что г. Головинъ опасается, что крестьяне не купятъ усадебной земли, т. е. не станутъ платить—совершенно противурѣчитъ его положенію о выгодности для нихъ садовъ и огородовъ, потому что крестьяне станутъ платить если выкупъ выгоденъ;—если же купятъ въ убытокъ, то конечно имъ не изъ чего платить. Говоря, что крестьяне не станутъ платить, г. Головинъ долженъ предполагать, что крестьяне выкупятъ свои земли не сходно, и тутъ очевидно кроются два случая: или, что для крестьянъ выкупъ только усадебной земли невыгоденъ, или что затаенная мысль помѣщиковъ—содрать съ нихъ за землю въ три-дорога. Къ сожалѣнію эти два случая оба дѣйствительны, т. е. разомъ—и выкупъ только усадебной земли для крестьянъ не выгоденъ, и помѣщики хотятъ содрать съ нихъ въ три-дорога.

Digitized by Google

на новыхъ мѣстахъ неудобныхъ, неудобренныхъ—работники не согласятся. Слѣдствіемъ сего будетъ общее бродяжничество людей ненашедшихъ себѣ пріюта.(е) Почему, прочная осѣдлость крестьянъ обезпечивается лишь неотъемлемостію усадебной земли отъ помѣстій: и усадебныя и огородныя земли должны поступать во владѣніе крестьянъ точно такъ, какъ поступаютъ казенныя земли къ казеннымъ крестьянамъ подъ ихъ селенія, на основаніи Т. Х, Зак. гр. ст. 437, въ которой постановлено: "когда отводится казенная земля городамъ или казеннымъ селеніямъ, тогда право собственности на сіи земли сохраняется казнѣ, а тѣмъ городамъ и селеніямъ принадлежитъ одно право владѣнія."(ж)

Почему крестьянамъ слѣдуетъ оставить усадебную осѣдлость состоящую въ жилыхъ и хозяйственныхъ строеніяхъ, со всѣмъ ихъ движимымъ имуществомъ, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; огороды же и земли, состоящія подъ строеніемъ, предоставить крестьянамъ въ пользованіе лишь за извѣстныя повинности, а не въ собственность.(з) Притомъ же ст. 566 Т. Х говоритъ: "всѣ способы пріобрѣтенія правъ, закономъ опредѣленныхъ, тогда только дѣйствительны, когда они утверждены на непринужденномъ произволѣ и согласіи."(и) И мы твердо увѣрены, что правительство не отвергнетъ столь справедливаго заключенія нашего, вполнѣ согласнаго съ выраженною въ рескриптѣ высочайшею неизмѣнною волею государя императора: "помѣщику сохраняется право собственности на всю землю."

Н. Пальчиковъ и В. Даниловъ, члены отъ Рузскаго уѣзда, согласно мнѣнію дворянъ, между прочимъ говорятъ: "Земли, подлежащія выкупу, отводить непремѣнно къ однимъ мѣстамъ. Усадебныя строенія для сего должны быть со временемъ перенесены тамъ, гдѣ по мѣстности это будетъ необходимо. Земли для новыхъ усадьбъ отводить по усмотрѣнію помѣщика къ однимъ мѣстамъ, въ количествѣ, равномъ старымъ усадьбамъ. При переселеніи усадьбъ на счетъ крестьянъ, новая усадебная земля дается безвозмездно, а равно и строенія предоставляются имъ безвозмездно.(і) Усадебная земля предоставляется въ неотъемлемое пользованіе крестьянъ нераздѣльно съ полевою землею. А потому крестьянамъ пріобрѣтать усадебной земли не настоитъ надобности. Въ противномъ случаѣ крестьяне были бы въ срединѣ имѣнія посторонними дачниками, и чрезъ это уменьшилась бы цѣнность имѣнія. Для крестьянъ подобное пріобрѣтеніе далеко не соотвѣтствовало бы цѣли улучшенія ихъ быта. Крестьяне пріобрѣтя недвижимую собственность и не любя земледѣльческіе труды, поспѣшатъ воспользоваться случаемъ поискать средства къ жизни не отъ земли, но легчайшимъ способомъ. Близость столицы еще болѣе увѣритъ ихъ въ безошибочности такаго предположенія. Землю крестьяне бросятъ, привыкнутъ къ бродяжничеству; помѣщикъ раззорится, сами крестьяне обѣднѣютъ; земледѣліе, основа государственнаго благосостоянія, придетъ въ совершенный упадокъ, что поведетъ къ упадку торговли и другимъ народнымъ бѣдствіямъ. "Помѣщикамъ, сказано въ рескриптѣ, предоставляется право собственности на всю землю." Между тѣмъ въ ст. 353, Х Т. сказано: "недвижимыми имуществами признаются—земля и всякія угодія, домы, строенія, деревни, заводы и т. п." А посему и крестьянскія строенія отнесены къ недвижимымъ имуществамъ, и пріобрѣтеніе ихъ безъ земли составляетъ усадебную осѣдлость крестьянъ, на тѣхъ же основаніяхъ какъ и строеніе и осѣдлость другихъ государственныхъ крестьянъ и другихъ лицъ, поселившихся на казенныхъ земляхъ. Другаго толкованія быть не можетъ, иначе будетъ противорѣчіе рескрипту, гдѣ сказано, что помѣщикамъ предоставляется право собственности на всю землю.

"Дворяне, прибавляютъ эти два члена, сочувствуя благимъ намѣреніямъ государя упрочить бытъ помѣщичьихъ крестьянъ и желая доказать всю вѣрноподданическую готовность споспѣшествовать отеческой цѣли обожаемаго монарха, безвозмездно жертвуютъ въ пользу крестьянъ не только жилыя и хозяйственныя строенія, но и самое ихъ движимое имущество, земледѣльческія орудія, скотъ и проч., принадлежащія помѣщикамъ по закону, въ томъ впрочемъ случаѣ, если помѣщикамъ сохранится право собственности на всю землю, безъ исключенія усадебной, которая всегда должна служить обезпеченіемъ и источникомъ дохода съ имѣнія для помѣщика и крестьянъ."(к)

П. Максимовъ и П. Азанчевскій, члены Бронницкаго уѣзда, принимаютъ въ основаніе: 1, что всѣ принадлежащія

е) Слѣдствіемъ этого будутъ только иныя условія найма, а совсѣмъ не безпріютность крестьянъ. Забудьте эту благодѣтельную точку зрѣнія о пріютщенія людей; люди пріютятся сами собою, вы только не мѣшайте имъ помѣщичьимъ насиліемъ, общимъ безсудіемъ и чиновничьимъ грабежемъ.

ж) Ссылка на 437 стр. Т. Х, какъ бы въ упрекъ правительству, совершенно не состоятельна. Казна есть миѳъ, и если государь завтра объявитъ, что казенныя земли, находящіяся въ пользованіи крестьянскихъ общинъ, или городскихъ обществъ, принадлежатъ имъ какъ собственность, то выгоды казны нисколько не измѣнятся; подати—дѣйствительный доходъ казны—останутся тѣже, отношеніе казны къ крестьянамъ не измѣнится въ ущербъ казны; если казна до сихъ поръ этого не сдѣлала, или напротивъ того настаивала на названіи казенной собственности, то это относится чисто къ историческимъ помѣшательствамъ, въ которыхъ нѣтъ смысла; это названіе—скорѣе источникъ раззоренія для казны, чѣмъ выгоды (что мы надѣемся доказать въ другой статьѣ.) Разница между помѣщикомъ и казной огромная. Казна, или иначе,—государство выражаетъ понятіе общности всѣхъ народныхъ интересовъ, а помѣщикъ есть частный человѣкъ точно также какъ и крестьянинъ. Всѣ земли въ сущности государственныя земли. Что такое помѣщичьи земли? Это жалованныя земли—государствомъ, или представителемъ его—государемъ. Тутъ помѣщикъ становится на одну доску не съ казною, а съ крестьяниномъ. И оба относятся къ государству, какъ частное къ общему. Слѣдственно ссылаться на 437 ст. для примѣра, да еще на статью, проникнутую историческимъ помѣшательствомъ, отъ котораго всякій порядочный человѣкъ хочетъ освободиться,—чисто недобросовѣстный поступокъ.

з) Такъ и движимое то имущество, имъ пріобрѣтенное, крестьянинъ обязанъ выкупить?... Знаете что?—Это просто мерзко!

и) Ссылка на 566 ст. точно также лицемѣрна и безсмысленна. Да развѣ крестьяне поступили въ крѣпостное состояніе по добровольному согласію? Какже ссылаться на законъ, который спервоначала нарушенъ? А не угодно-ли сослаться на ст. 568 и 570, по которымъ, (ужъ если пошло на строгое соблюденіе закона) за всякое наложеніе оброка или работы на крестьянъ,—можно помѣщика отдать подъ уголовный судъ и заставить заплатить крестьянамъ безчестье?

і) Тутъ уже не надо быть очень хитрымъ, чтобы понять, что цѣль помѣщиковъ, пользуясь желаніемъ правительства улучшить бытъ крестьянъ,—перевести ихъ на неудобныя земли подъ предлогомъ отмежеванія къ однимъ мѣстамъ. Да гдѣ же эти господа нашли русскія селенья, гдѣ крестьянскія усадьбы и безъ того не были бы вмѣстѣ слѣдственно, на однихъ мѣстахъ? Если бы тутъ имѣлось въ виду только то, что помѣщику не хочется имѣть крестьянскія усадьбы въ серединѣ своихъ земель, а только съ краю, то легко понять, что это развѣ капризъ помѣщика, а не выгода, потому что это затруднило бы хожденіе работниковъ, изъ конца въ конецъ, на господскія полевыя работы; очевидно, что тутъ другая цѣль, т. е. цѣль свести крестьянъ на неудобныя земли. Нечего сказать—цѣль благородная, ярко выставляющая нравственную высоту образованнаго класса русскихъ помѣщиковъ!

к) Не говоря уже о томъ, что то, что въ ст. 353 названо недвижимымъ имуществомъ, то въ ст. 355 названо принадлежностями населенныхъ имѣній,

Digitized by Google

дворянамъ земли составляютъ нашу законную крѣпостную неприкосновенную собственность, пріобрѣтенную нами трудами цѣлой жизни или заслугою отечеству; 2, что и нынѣ сохраняется помѣщикамъ право собственности на всю землю, и принуждать помѣщиковъ къ продажѣ, а крестьянъ къ покупкѣ (выкупу) усадьбъ было бы не только противно высочайшей волѣ, но и нарушеніемъ правъ собственности.(л) 3, что есть имущества улучшенныя, переходящія изъ рода въ родъ, которыя не могутъ быть и цѣнимы, какъ драгоцѣнность наша. Отчуждать ихъ, значитъ нарушать ихъ завѣтныя фамильныя воспоминанія, связующія дворянскія семейства съ ихъ родовыми вотчинами.(м) 4, что крестьяне получивъ усадьбы даромъ, не захотятъ по добровольной сдѣлкѣ выкупать ихъ, а принужденіе ихъ къ тому сочтутъ мѣрою стѣснительною и примутъ его съ ропотомъ и негодованіемъ. Да большая часть крестьянъ вовсе не въ состояніи внести надлежащаго выкупа. 5, что помѣщики лишась усадебной земли, которая въ уѣздахъ Бронницкомъ, Богородскомъ, Коломенскомъ и другихъ составляетъ все достоинство и главную цѣнность имѣній, должны будутъ лишиться лучшей части ихъ, а бѣдные мелкопомѣстные дворяне и всего своего достоянія. Существованіе послѣднихъ для нихъ самихъ и для государства будетъ тягостью, и они должны будутъ поневолѣ сдѣлаться пролетаріями.(н) 6. Въ промышленныхъ имѣніяхъ, крестьяне, получивъ усадьбу, т. е. все лучшее и цѣнное въ имѣніи, откажутся отъ пользованія другими землями, которыя останутся невоздѣланными, въ ущербъ помѣщикамъ и государству. Въ земледѣльческихъ же имѣніяхъ надѣленіе крестьянъ усадьбою не остановитъ отъ самовольныхъ переходовъ и бродяжнической жизни, если празднoшатающихся не будутъ подвергать наказаніямъ какъ бродягъ.

"Впрочемъ, не бѣгаютъ же однодворцы и крестьяне государственныхъ имуществъ и другаго вѣдомства оттого, что не имѣютъ своихъ усадьбъ и пользуются землями государственными, отбывая за нихъ и всѣ повинности, и если существуютъ свободные крестьяне на государственныхъ земляхъ, то почему же не можетъ быть свободныхъ крестьянъ на земляхъ помѣщичьихъ?(о)

"Почему думаемъ, что земли помѣщиковъ могутъ отчуждаться лишь въ силу законовъ по взаимному добровольному непринужденному согласію; иначе—будетъ нарушеніе правъ собственности, правъ, закономъ освященныхъ. Поэтому, земля слѣдуетъ предоставить крестьянамъ не въ собственность, а только въ настоящее, безсрочное, потомственное пользованіе изъ платежа оброка или за урочныя работы, по обоюдному согласію, какъ это дозволено всѣмъ сословіямъ и дворянству курляндской губерніи, положеніемъ 1817 года, которое доставило этой странѣ самыя благодѣтельныя послѣдствія, возвысивъ благосостояніе крестьянъ."(п)

Кн. П. Д. Крапоткинъ и П. Замятнинъ вопреки предъидущимъ членамъ понимаютъ и освобожденіе крестьянъ, и указанія государя, и потому говорятъ: "Разсматривая въ рескриптѣ выраженіе высочайшей воли и соображая оное съ правилами, указанными въ высочайше утвержденной программѣ, мы находимъ, что правительство чрезвычайно ясно указываетъ на способъ надѣла крестьянъ землею, и что другаго толкованія принять не возможно; способъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: усадебная осѣдлость не только должна быть назначена къ продажѣ крестьянамъ, но и на самомъ дѣлѣ куплена послѣдними; земля же пахатная и луговая должна быть отведена крестьянамъ въ пользованіе, за которую они обязаны платить помѣщику оброкъ или отбывать работу. Таковой способъ надѣла, какъ выраженіе высочайшей воли, мы считаемъ обязательнымъ для помѣщиковъ и для крестьянъ.

"Имѣя предъ собою историческія данныя, послужившія основаніемъ освобожденія крестьянъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, Россіи легко и удобно извлечь изъ примѣровъ тѣ способы и основанія, на которыхъ должно воздвигнуться обширное государственное зданіе. Укажемъ на нѣкоторыя изъ сихъ данныхъ: крѣпостное право отмѣнено почти въ цѣлой Европѣ, но въ тѣхъ странахъ, гдѣ дворянство общими силами старалось содѣйтвовать правительству въ его цѣляхъ, напримѣръ въ Пруссіи, Германіи, мы видимъ самый благопріятный исходъ и разрѣшеніе этого великаго вопроса; напротивъ того, гдѣ дворянство боролось съ правительствомъ и старалось уклониться отъ содѣйствія, на пр. во Франціи, исходъ дѣла разрѣшился самымъ пагубнымъ для государства послѣдствіемъ. Съ другой стороны, тѣ государства, которыя, вмѣстѣ съ освобожденіемъ лица, давали ему способы сдѣлаться осѣдлыми и обработывать собственную землю—пришли спокойно къ разрѣшенію вопроса, и бытъ ихъ сельскихъ жителей показалъ намъ не только усовершенствованіе сельско-хозяйственной промышленности, но и развитіе народнаго благосостоянія. Тамъ же, гдѣ личность была освобождена безъ земли, на пр. въ Англіи, мы видимъ возникновеніе пролетаріята въ страшныхъ размѣрахъ, не смотря на ежегодныя громадныя переселенія въ Америку. Вотъ почему русское правительство должно было принять освобожденіе крестьянъ съ землею, и на самомъ дѣлѣ оное приняло, указавъ на этотъ способъ надѣла словами рескрипта.... Что касается до развитія сихъ основаній, то усматривая съ одной стороны, что правительство русское (какъ явствуетъ изъ бумагъ обнародованныхъ по сему предмету) желаетъ соблюсти всѣ права владѣльцевъ и крестьянъ и взаимныя выгоды этихъ главныхъ въ государствѣ сословій, а съ другой, что продажа усадьбъ крестьянамъ дѣлаетъ ихъ не на словахъ, а на дѣлѣ

не говоря уже объ этомъ произвольномъ коверканіи и безъ того смутнаго и на каждомъ шагу себѣ противурѣчащаго свода законовъ; но злонамѣренные выводы и душевная низость въ представителяхъ бѣднаго рузскаго уѣзда такъ очевидны, что намъ прибавлять къ ихъ словамъ нечего; достаточно ихъ напечатать, чтобъ выставить всю ихъ гнусность на судъ общественнаго мнѣнія и народной немезиды.

л) Какой же высочайшей волѣ это противно? прошедшей, или настоящей? На прошедшую высочайшую волю также нельзя ссылаться какъ на законъ уничтоженный и замѣненный новымъ. Эхъ! господа помѣщики! хочется поіезуитничать, да ума не хватаетъ!

м) Можетъ быть—но государству некогда сентиментальничать. Въ чувствительность частныхъ лицъ государство не можетъ входить и предоставляетъ въ этомъ отношеніи полную свободу хотя бы до истерики, всѣмъ отъ Азанчевскаго до Маріи Бредау.

п) Да ктоже имъ мѣшаетъ самимъ заняться садоводствомъ и огородствомъ? Ихъ усадьбы будутъ все же больше крестьянскихъ; а крестьянинъ, имѣющій садъ и огородъ—не считается пролетаріемъ; почему же помѣщикъ, у котораго больше земли, вдругъ сдѣлается пролетаріемъ?

о) Мы не станемъ повторять то, что уже сказали о всей нелѣпости сравненія помѣщика съ государствомъ и о всей нелѣпости фантастическихъ понятій о бродяжничествѣ.

п) Пора перестать ссылаться на мнимое освобожденіе крестьянъ остзейскихъ губерній, которое отдало крестьянъ подъ безусловный гнетъ помѣщиковъ на законномъ основаніи. Цѣль Россіи совсѣмъ не то — цѣль ея освобожденіе крестьянъ съ землею и распространеніе этого правила и на остзейскія губерніи.

А

Digitized by Google

крѣпкими землѣ—мы находимъ, что, при надѣлѣ крестьянъ землею, должны быть постановлены слѣдующія правила.

1. Владѣльцы должны продать, а крестьяне обязаны купить усадебную осѣдлость, т. е. строеніе и огороды съ землею, подъ ними лежащею.

2. Владѣлецъ долженъ дать, а крестьянинъ обязанъ взять въ пользованіе пахатныя и луговыя земли, вознаграждая за сіе пользованіе владѣльца деньгами или работою.

3. Таковой обязательный со стороны крестьянъ наемъ сельскихъ угодій долженъ быть нераздѣльно связанъ съ пріобрѣтеніемъ усадебной земли.

4. Усадебная осѣдлость пріобрѣтается посредствомъ выкупа не отдѣльными лицами, но цѣлымъ обществомъ, и потому—

5. Общество обязано нанимать постоянно у владѣльца сельскія угодья, одинъ разъ навсегда ему отведенныя.

6, Земли, такимъ образомъ отведенныя въ пользованіе крестьянъ, подлежатъ измѣненію только при обоюдномъ согласіи владѣльца и нанимателей ; и

7. Увеличеніе поземельныхъ участковъ, по мѣрѣ приращенія населенія, зависитъ отъ обоюднаго помѣщика и крестьянъ согласія, но не обязательно для помѣщика.

Постараемся еще привести нѣкоторыя доказательства, подтверждающія нашъ образъ мыслей. Русскій крестьянинъ вообще не любитъ переселеній ; онъ становится бродягою тогда, когда условія мѣстности не позволяютъ ему обрабатывать землю, когда трудъ его погибаетъ въ землѣ, и она не приноситъ ему достаточнаго вознагражденія. Но получа въ свою собственность усадебную землю, скажутъ многіе, крестьянинъ станетъ обработывать лишь ее, и не найметъ у помѣщика пахатной земли ? Или, продавъ свою усадьбу другому, болѣе богатому, пойдетъ въ городъ, дабы заниматься какимъ-либо инымъ промысломъ. Вотъ почему мы и думаемъ, что усадебная осѣдлость должна быть выкупаема не отдѣльнымъ лицомъ, но цѣлымъ обществомъ, и такимъ образомъ дѣлаться принадлежностію общества, а не лица ; и что общество, вмѣстѣ съ выкупомъ усадьбъ, обязано нанимать у владѣльца извѣстное количество пахатной и луговой земли. Въ слѣдствіе сего возникнутъ тѣсныя отношенія каждаго лица къ обществу, и переходъ отдѣльныхъ лицъ будетъ сопряженъ съ обязательствомъ міра принять на себя повинности выходящаго изъ его состава. Едва ли міръ отпуститъ одного изъ своихъ членовъ, не обезпечивъ себя какимъ либо способомъ для выполненія повинностей въ отношеніи къ владѣльцу, и такимъ образомъ опредѣлится самъ собою способъ перехода крестьянъ изъ одного общества въ другое.

"При этомъ обязательномъ со стороны крестьянъ наймѣ сельскихъ угодій, доходъ помѣщика будетъ обеспеченъ трудомъ или деньгами до тѣхъ поръ, пока онѣ самъ съ согласія крестьянъ не пожелаетъ прекратить своихъ условій. Напротивъ того, крестьянинъ, освобожденный безъ усадьбъ и безъ обязанности нанимать у помѣщика сельскихъ угодій, и сознавая, что онъ уже не обязанъ работать даромъ, естественнымъ образомъ будетъ искать случая пріобрѣсти гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ уголъ земли, который и станетъ обработывать, зная навѣрно, что законъ ограждаетъ его собственность, что трудъ его не пропадетъ даромъ и что потомки его могутъ воспользоваться его благосостояніемъ. Въ семъ только случаѣ неразрывная связь, долженствующая привязать каждаго члена къ обществу, ослабѣваетъ сама собою, и доходы помѣщика не могутъ уже быть обеспечены ни обществомъ, ни лежащею на каждомъ членѣ его обязанностію.

"Всѣ эти побужденія и заставляютъ насъ думать, что для отвращенія бродяжничества и для обеспеченія доходовъ помѣщика и благосостоянія крестьянскаго сословія, слѣдовало бы принять способъ надѣла землею, выше нами изложенный, и который мы можемъ формулировать сими словами : ' Продажа и покупка усадьбъ и неразрывная съ этимъ отдача и принятіе сельскихъ угодій въ пользованіе должны быть обязательны какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянскихъ обществъ."

Д. Равинскій и В. Гвоздевъ, дѣлая выписку изъ какаго-то проэкта, составленнаго дворянами, говорятъ : "1. Помѣщикъ отрѣзываетъ крестьянамъ своимъ разной земли, въ томъ числѣ и усадебной, на пр. по 2 десятины на ревизскую душу въ полную собственность общины за опредѣленный выкупъ ; 2. Отдѣленному такимъ образомъ имѣнію дѣлается оцѣнка, основаніемъ которой служитъ доходъ получаемый помѣщикомъ съ имѣнія (въ 6 %). Каждая душа съ двумя десятинами, если при этомъ имѣніи нѣтъ особыхъ промысловыхъ выгодъ, оцѣнивается въ звенигородскомъ уѣздѣ примѣрно въ 130 руб. сер. (съ одною десятиною въ 80 руб. сер.) Въ этой суммѣ помѣщику выдается изъ комитета земскій листъ. (Если имѣніе заложено—два земскихъ листа : одинъ опекунскому совѣту, другой помѣщику по расчету) ; 3. Все крестьянское строеніе застраховывается по примѣру казенныхъ крестьянъ, или въ какомъ либо страховомъ обществѣ ; 4. Перенесеніе крестьянскихъ усадьбъ на другое мѣсто допускается только въ случаѣ крайней необходимости. Необходимость эта должна быть признана уѣзднымъ предводителемъ, управляющимъ съ его помощникомъ и выборными : тремя отъ крестьянъ и тремя отъ помѣщика. При этомъ земскій листъ выдается помѣщику въ половинной суммѣ противъ оцѣнки ; 5. Для управленія освобожденныхъ крестьянъ, помѣщики выбираютъ на цѣлый уѣздъ одного управляющаго и одного помощника. Затѣмъ, всѣ прочія отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ прекращаются ; 6. Каждое селеніе болѣе 20 душъ* считается отдѣльной общиной и управляется по прежнему однимъ старостой по выбору общества. Въ большихъ имѣніяхъ на каждые 200 душъ выбирается еще подстароста. Они завѣдуютъ вотчинной полиціей, сбираютъ подати, смотрятъ за хлѣбными магазинами и т. п. Кромѣ ихъ никакихъ властей, правленій, головъ и волостей, изнуряющихъ народъ излишними поборами, не учреждать ; 7. Крестьяне платятъ управляющему, кромѣ казенныхъ и мірскихъ сборовъ, 6 % съ оцѣнки (съ 130 рублей 7 р. 80 к. съ души.) Изъ этихъ денегъ 5 % выдаются помѣщику въ видѣ ежегоднаго дохода съ отчуждаемаго имѣнія, а съ 6го составляется капиталъ, на которой ежегодно выкупается нѣсколько земскихъ листовъ по жребію (если желающихъ продать листы свои будетъ много) ; 8. За своевременный взносъ денежныхъ сборовъ отвѣчаетъ вся вотчина. Въ случаѣ же невзноса шести процентнаго сбора за цѣлый годъ, съ общества взыскивается рекрутъ ; выданная на него квитанція продается, а вырученныя деньги, за вычетомъ недоимки, обращаются въ

* Мы слышали, что изъ имѣній мелкопомѣстныхъ (менѣе 20 душъ) правительство хочетъ переселить крестьянъ на свои земли.—Прим. Кор.

выкупной капиталъ общины; 9. Земскіе листы могутъ быть продаваемы лицамъ всѣхъ сословій посредствомъ надписей, удостовѣренныхъ крѣпостнымъ порядкомъ со взысканіемъ одного процента на увеличеніе выкупнаго капитала; 10. Чтобы рѣзкій переходъ къ оброку не повредилъ хозяйствамъ, работающимъ барщиною, установить для нихъ на первые 7 лѣтъ право призыва на барщину положеннаго числа работниковъ за установленную плату; 11. Право перехода крестьянъ въ другое сословіе начинается съ выдачи помѣщику земскаго листа. Желающій оставить общину долженъ внести въ выкупной капиталъ за каждую ревизскую душу своего семейства по оцѣнкѣ земскаго листа* и уплатить слѣдующія съ него денежныя сборы за годъ впередъ. Земля выходящаго остается въ пользованіе общины; строеніе же свое онъ продаетъ кому хочетъ.

"Всѣ эти основанія вполнѣ согласны съ волею государя, изъясненною въ 3 ст. высочайшаго рескрипта.

"Крестьянинъ получитъ достаточное количество земли, за которое платитъ въ пользу помѣщика оброкъ, а по истеченіи выкупныхъ лѣтъ, пріобрѣтаетъ и эту землю въ полную собственность.

Вотчинная полиція предоставляется избраннымъ отъ помѣщиковъ управляющимъ, которые соединяютъ въ одномъ лицѣ власть правительственную и помѣщичью. Они отвѣчаютъ какъ за оброкъ въ пользу помѣщика, такъ и за неправильный взносъ казенныхъ и мірскихъ сборовъ. Помѣщику, по возможности, сохраняется прежній его доходъ и въ помощь хозяйству его остается на 7 лѣтъ обязательная барщина.

"Но дѣйствуя столь искренно предъ правительствомъ, отказываясь во имя убѣжденія отъ всѣхъ видоизмѣненій крѣпостнаго права и дѣлая крестьянина сразу и гражданиномъ и земледѣльцемъ, мы ожидаемъ такой же искренности и со стороны правительства. Мы надѣемся, что правительство не откажется обезпечить намъ 5 % изъ шести процентнаго сбора по земскому листу (т. е. 4 % помѣщику и 1 % на выкупъ) на томъ же основаніи, какъ это сдѣлано имъ для общества постройки желѣзныхъ дорогъ.§ Дѣйствіемъ этимъ правительсто выразитъ довѣріе свое къ новому порядку вещей, разсѣетъ сомнѣнія помѣщиковъ и вызоветъ ихъ на хозяйство трудомъ свободнымъ."(р)

О мнѣніи этомъ, приложенномъ къ журналу, въ комитетѣ не было ни какихъ сужденій. По крайней мѣрѣ о немъ болѣе ничего не сказано въ журналахъ.(с)

Гр. Строгоновъ и Е. Чельцовъ добродушно предлагаютъ предоставить добровольному согласію* крестьянъ и помѣщиковъ разрѣшить вопросъ о выкупѣ усадебной земли, съ другою землею не раздѣльно. Такое же мнѣніе подали Булыгинъ, Масоловъ, Урусовъ.

В. Г. Высотскій, этотъ образецъ спекулятизма русскихъ дворянъ, теряющій апетитъ въ тотъ день, когда не посѣчетъ провинившагося крестьянина, разсуждая о томъ, чтобы дать крестьянину осѣдлость, обезпечить его способы въ исправленіи платежа повинностей, сохранить помѣщикамъ права собственности, не нарушить хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній и не допустить дробленія полей—говоритъ: "Крестьянамъ оставить въ пользованіе все количество земли, полагая въ томъ числѣ нераздѣльно и усадебные участки, и стараясь пріурочить къ однимъ мѣстамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оставить исправленіе повинностей предъ помѣщикомъ приблизительно въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ нынѣ, а для того нужно разсмотрѣть и опредѣлить: не отяготительны-ли нынѣ возложенныя на нихъ въ каждомъ имѣніи обязанности? И въ случаѣ несоотвѣтственности тѣхъ обязанностей промысловымъ выгодамъ и прибыткамъ отъ земельныхъ угодій, уменьшить повинности, или предоставить большія средства къ ихъ выполненію. Если помѣщикъ найдетъ выгоднымъ уменьшить угодья, то слѣдуетъ опредѣлить, чтобы и повинности крестьянъ были уменьшены.....

"При такомъ способѣ устройства крестьянъ нѣтъ надобности въ выкупѣ усадебныхъ участковъ, а потому такой выкупъ не долженъ быть обязателенъ ни для помѣщика, ни для крестьянъ. Въ видахъ большаго облегченія крестьянъ, упроченія ихъ усадебной осѣдлости и споспѣшествованія ихъ благосостоянію, отдать имъ въ собственность всѣ усадебныя строенія безвозмездно. А въ тѣхъ случаяхъ гдѣ на постройку домовъ были выданы деньги и лѣсъ, помѣщикъ долженъ быть вознагражденъ.

"Дальнѣйшія льготы объяснятся сами собою, и можно надѣяться, что настоящее преобразованіе введется въ полную силу тихо и спокойно и для крестьянъ почти незамѣтно, и измѣненіе въ личныхъ ихъ отношеніяхъ къ землевладѣльцу, уничтожающее произволъ послѣдняго и составляющее одну изъ главныхъ основъ благосостоянія поселянина, не будетъ имѣть тѣхъ послѣдствій, которыя могутъ произойти съ переворотомъ хозяйства и крестьянъ и помѣщика. Въ избѣжаніе полевыхъ участковъ, поля раздѣляются на тягловые участки, въ составъ коихъ выдать сѣнокосные и другіе, которые хотя

* Не менѣе однако 300 р, съ тягла; съ богатыхъ крестьянъ, переходящихъ въ купечество, община можетъ требовать и болѣе этой суммы. Излишекъ зачитается въ выкупъ той деревнѣ, къ которой принадлежитъ выходящій.—Прим. кор.

§ Гарантія эта необременительна. Если недоимка дойдетъ до 20 процентовъ всего 6 процентнаго сбора, то правительству придется приплатить 78,000 р. с. на всю губернію, т. е. по 26 к. с. на 300,000 душъ крестьянъ. При недоимкѣ въ 16⅔ процентовъ. правительство не платитъ ни копѣйки, а больше этой недоимки по московской губерніи трудно и предполагать. Гарантія при освобожденіи съ 1 десятиною (при оцѣнкѣ въ 80 р.с.) еще ничтожнѣе: при 20 процентахъ недоимки, она составитъ 48,000 р. с. на всю губернію.—Прим. кор.

р) Болѣе утѣшительное явленіе въ средѣ помѣщиковъ—явленіе господъ: Крапоткина, Замятнина, Равинскаго, Гвоздева—доказываетъ, что правительство сдѣлало большую ошибку, связавъ по рукамъ и ногамъ порядочныхъ людей своимъ рескриптомъ объ усадьбахъ. Если бы правительство объявило, что оно предписываетъ освобожденіе крестьянъ съ землею, не ограничивая земли одной усадьбою, и требуетъ мнѣнія комитетовъ о томъ какъ это привести въ исполненіе, вознаградивъ помѣщиковъ: очевидно порядочные люди заговорили бы о дѣйствительномъ надѣлѣ крестьянъ землею, о дѣйствительномъ выкупѣ земель въ пользу крестьянъ, что сдѣлало бы изъ крестьянина земельнаго собственника, а не тварь, прикрѣпленную къ землѣ. Теперь же рескрипты и программа налагаютъ цѣпь на благородныхъ дѣятелей, нисколько не убѣждая противниковъ освобожденія и нисколько не утѣшая крестьянъ. Къ сожалѣнію мы должны еще замѣтить какъ трудно даже и порядочному человѣку отдѣлаться отъ узкопомѣщичьей точки зрѣнія. Такъ напримѣръ гг. Равинскій и Гвоздевъ полагаютъ за недоимку взыскать съ общества рекрута и уплатить недоимку продажей рекрутской квитанціи; помѣщичья привычка по произволу отдавать людей въ солдаты, считая это ни во что, взяла верхъ, и эти господа хотятъ заставить общество по гражданскому дѣлу, т. е. по взысканію недоимки, взысканію, которое можетъ только подвергнуть описи и продажѣ имущества, употребить уголовное наказаніе лица—солдатчиной. Странно!

с) За чѣмъ же разсуждать, когда это помѣщичьему большинству не по нутру.

* "Такъ! замѣтилъ Равинскій, но едва ли можно достигнуть добровольнаго согласія тамъ, гдѣ съ одной стороны всѣ права, а съ другой однѣ обязанности."—Прим. кор.

Digitized by Google

могутъ дѣлиться ежегодно, но всегда на то число, на какое и полевыя угодья. Число тягловыхъ участковъ должно быть сообразно числу тяголъ, какое при приведенiи въ исполненiе постановленныхъ правилъ окажется въ селенiи, считая за тягло всякаго работника отъ 18 до 60 лѣтняго возраста. Число тягловыхъ участковъ никогда не должно быть измѣняемо. Въ случаѣ убыли тяголъ, пустые участки обращаются въ распоряженiе землевладѣльца. Съ пополненiемъ же тяголъ, землевладѣлецъ обязанъ дать, а новотягольные взять въ пользованiе по тягловому участку. Если же число тяголъ слишкомъ увеличится, такъ что запасныхъ участковъ не хватитъ, новыхъ участковъ изъ оставшейся помѣщичьей земли не отводится, съ тѣмъ вмѣстѣ не требуется отъ крестьянъ исправленiя на помѣщика повинности. Изъ этого положенiя видно, что земли однажды отведенныя, не должны всегда оставаться въ распоряженiи мiра, чего не возможно достигнуть и потому, что такое вѣчное владѣнiе было бы отчужденiемъ, а высочайшимъ рескриптомъ 16 Января право собственности помѣщикамъ предоставлено на всю землю. На основанiи тогоже правила и предохраненiя интересовъ помѣщика, крестьяне должны заниматься только хлѣбопашествомъ, и имъ слѣдуетъ воспретить: рыть камень, глину, песокъ и проч; рубить при дорогахъ деревья, лѣсныя загородки и рощи для защиты полей, ловить рыбу гдѣ-бы то ни было, рыть канавы, ямы для чего-бы ни было, кромѣ хозяйственныхъ потребностей; оставлять дороги и мосты безъ поддержки; застроивать земли и отдавать оныя подъ постройку другимъ; имѣть промыслы, могущiе причинить вредъ одновотчинникамъ, какъ то: топку сала, бой скота, лошадей. открывать заведенiя, уже учрежденныя помѣщикомъ.....

"Въ безповоротномъ состоянiи земля не можетъ быть еще потому, что въ ней могутъ открыться руды, минеральные источники, каменныя ломни и проч.; крестьянинъ не согласится на добровольную перемѣну; даже обмѣнъ слѣдуетъ допустить для округленiя дачи, на пр. при порубкѣ лѣса и расчисткѣ сѣчи подъ пашни и сѣнокосы, или при прiобрѣтенiи сосѣдственныхъ угодiй. Если обстоятельства приведутъ къ тому концу, что крестьяне будутъ имѣть право перейти куда захотятъ, то тягловые участки поступаютъ въ распоряженiе помѣщика, отъ усмотрѣнiя коего будетъ зависѣть отдать ихъ другимъ, или обратить въ собственное хозяйство. Желающiе оставить селенiе обязаны извѣстить о намѣренiи своемъ помѣщика за 3 мѣсяца до истеченiя переходнаго состоянiя. Но тѣ крестьяне, которые пожелаютъ остаться въ селенiи, сохраняютъ въ теченiе 6ти лѣтъ свое прежнее право на пользованiе тягловыми ихъ участками, съ выполненiемъ тѣхъ же повинностей, кои исправляли на помѣщика работою или оброкомъ во время срочно-обязаннаго состоянiя. Взамѣнъ таковаго права обязываются въ теченiе послѣднихъ 6 лѣтъ, безъ согласiя помѣщика, на другое мѣсто-жительства не переходить. По истеченiи 6 лѣтъ они опять имѣюта право на возобновленiе того же условiя, которое всегда остается обязательнымъ для помѣщика, если только поселянинъ исправно исполняетъ принятыя имъ обязанности. Изъ всего вышесказаннаго достаточно выясняется цѣль предлагаемаго способа къ устройству крестьянскаго быта; эта цѣль — на мѣстахъ настоящаго жительства доставить крестьянину, во время срочно-обязаннаго состоянiя, всевозможныя удобства, а къ изысканiю по истеченiи того времени лучшаго положенiя устранить всѣ сопряженныя съ опымъ способомъ устройства препятствiя."(т)

Предсѣдатель, относительно усадебной земли, сказавъ, какъ одно мнѣнiе противорѣчитъ другому, говоритъ: "Необходимо однако, чтобы комитетъ пришелъ къ болѣе единодушному рѣшенiю. Не лежитъ ли оно въ срединѣ, которая, совмѣщая въ себѣ то и другое, давала бы рѣшенiю вопроса правильный исходъ? Мы всѣ стремимся къ одной цѣли: во 1хъ — удовлетворить требованiю вѣчной справедливости, по которой одинъ человѣкъ не долженъ принадлежать другому, на сторонѣ одного не должны быть почти исключительно только права, а на сторонѣ другаго почти исключительно только обязанности; и во 2хъ — совершить это безъ матерiальнаго ущерба для дворянъ-землевладѣльцевъ, удостоившихъ насъ своимъ довѣрiемъ. Для достиженiя этой цѣли необходимо, уничтоживъ крѣпостное право, предоставить нашимъ крестьянамъ сколь возможно болѣе свободы, и опредѣлить справедливѣе вознагражденiе за ущербъ при этомъ въ матерiальномъ интересѣ помѣщиковъ."

Сказавъ затѣмъ, что свобода безъ прочной осѣдлости — не свобода, что обязательная повинность частному лицу по извѣстной нормѣ не есть свободный трудъ, о которомъ идетъ дѣло, и что крестьянамъ трудно выкупить усадьбу, говоритъ о способѣ удовлетворенiя крестьянъ землею: "Усадьба, сама по себѣ, не представляетъ сколь-нибудь прочной земельной собственности, по сему, при отдачѣ земли на выкупъ, не должно ограничиваться одною усадебною землею, но слѣдуетъ увеличить количество ея и пахатною и другою землею. А такъ какъ выкупъ затруднителенъ, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ этимъ крестьяне должны выкупить и право помѣщика на ихъ трудъ, то всего лучше было бы все количество однажды навсегда надѣленныхъ угодiй распредѣлить на двѣ половины, и одну изъ нихъ, со включенiемъ усадьбы, отдать на выкупъ тотчасъ же вмѣстѣ съ выкупаемымъ правомъ на трудъ, при посредствѣ финансовой кредитной мѣры, согласной съ высочайше одобренной программой, въ коей предоставлено разсмотрѣть удобнѣйшiй для выкупа способъ, и при томъ съ гарантiей отъ правительства въ платежѣ выкупа; другую же половину предоставить въ пользованiе крестьянъ, съ обязанностiю отбывать повинности помѣщику, съ тѣмъ однако, чтобъ крестьянинъ и эту часть могъ въ послѣдствiи выкупить по цѣнѣ не выше той, которая для сего должна быть нынѣ установлена комитетомъ.

"Этотъ способъ долженъ представлять менѣе затрудненiй въ исполненiи его чрезъ финансовую мѣру, и совмѣщая въ себѣ выкупъ съ пользованiемъ, соглашаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ

(т) Эта iезуитская проповѣдь, начавшая съ вопроса не отяготительны ли для крестьянъ нынѣ возлагаемыя на нихъ обязанности, сводится на то, чтобъ сдѣлать новыя обязанности еще отяготительнѣе; искажая смыслъ рескрипта, она отказываетъ крестьянамъ въ правѣ владѣнiя, чтобъ не нарушить высочайшей воли; предоставляя, въ случаѣ убыли тяголъ, помѣщику право обратно прибирать къ рукамъ крестьянскую землю, она даетъ помѣщику возможность урѣзать эту землю при всякомъ случаѣ; она отнимаетъ у крестьянъ право на всякiй мѣстный промыселъ; она не допускаетъ крестьянина воспользоваться даже тѣмъ вознагражденiемъ за то, что можетъ открыться въ нѣдрахъ принадлежащей ему земли (руды, источники и пр.) какое даетъ казна землевладѣльцамъ по продолженiю XV Ч. 2 Т. X Св. Зак.; она отдаетъ мужика совершенно въ руки помѣщика и даже даетъ помѣщику право нарушить всякое условiе подъ предлогомъ, что крестьянинъ не исполнилъ своихъ обязанностей; эта проповѣдь отмѣтитъ позоромъ ея автора въ глазахъ всѣхъ благородныхъ людей. Хорошо, что она попалась въ Колоколъ; можетъ быть хоть гласность проберетъ немножко нашихъ заскорузлыхъ помѣщиковъ.

правило постепенности, необходимой въ дѣлѣ освобожденія. Но крестьянина нельзя заставлять выкупить землю. Крестьянинъ не имѣетъ никакихъ правъ, и трудно ему разомъ освоиться съ ними и понять необходимость прочной собственности, и потому надо самимъ намъ позаботиться о его участи, заставить его непремѣнно пріобрѣсть хотя небольшую собственность, и давъ ему возможность увеличить ее потомъ по доброй волѣ, одну половину земли вмѣнить ему въ обязанность купить вмѣстѣ съ правомъ на его трудъ, а покупку другой половины цѣлымъ міромъ или, отдѣльными семействами, оставить на добрую волю крестьянъ, облегчивъ однако эту куплю установленіемъ болѣе безобидной цѣны."

VIII. Подъ усадебною осѣдлостью слѣдуетъ разумѣть одно строеніе, а не землю (15 голосовъ противъ 14).

Примѣчаніе 5. Такое пониманіе "усадебной осѣдлости" вышло изъ предъидущихъ мнѣній, и на сторонѣ 15ти голосовъ были: И. Г. Головинъ, А. Карепинъ, Я. Скорняковъ, А. Ефремовъ, князь Б. Мещерскій, М. Замятнинъ, Е. Чельцовъ, А. Валицкій, А. Вейденгамеръ, В. фонъ Визинъ, П. Максимовъ, П. Азанчевскій, М. Поливановъ, В. Высотскій и В. Мажаровъ.(у) А. Вейденгамеръ въ доказательство справедливости своего мнѣнія, говоритъ, что и по академическому словарю подъ усадебною осѣдлостію слѣдуетъ разумѣть одно строеніе безъ земли. Это смѣшно, но по крайней мѣрѣ, говоритъ мой пріятель, правительство можетъ убѣдиться, до какой степени русскіе юристы могутъ быть, въ нужныхъ случаяхъ, увертливы, и пойметъ, какъ легко вести процесныя дѣла бѣдному челобитчику, отыскивающему свою собственность, когда каждый засаленный секретарь присутственнаго мѣста ловко подвертываетъ статьи закона, уничтожающія искъ, когда самый немногосложный и ясный рескриптъ государя стараются передѣлать на свою канцелярскую колодку.

(Продолженіе впредь.)

"РЕФОРМА СВЕРХУ ИЛИ РЕФОРМА СНИЗУ?"

(прибавленіе къ статьѣ помѣщенной въ 28 листѣ Колокола.)

Еще два слова о тѣхъ же уголовныхъ законахъ: въ 1853 году Николай разъѣзжалъ по разнымъ губерніямъ своей вотчины и замѣтилъ, что въ тюрьмахъ, арестантскихъ ротахъ и рабочихъ домахъ содержится слишкомъ много арестантовъ. Это ему не понравилось. "Отъ чего такъ много людей?"— спросилъ онъ. Ему объяснили, что накопленіе арестантовъ происходитъ отъ того, что большая часть преступниковъ приговориваются къ заключенію на продолжительные сроки. Надобно знать, что по Уголовному Уложенію заключеніе въ арестантскихъ ротахъ, соотвѣтственно раздѣленію на 5 степеней, опредѣляется на сроки отъ 1 года до 10 лѣтъ, въ рабочемъ домѣ и тюрьмѣ отъ 3 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ. Николай, узнавъ причину такъ непріятно поразившаго его явленія, въ туже минуту нашелъ средство какъ помочь злу: "Всѣхъ тѣхъ, кому остается сидѣть въ тюрьмахъ, ротахъ и рабочихъ домахъ болѣе 2 лѣтъ, сослать въ Сибирь." Повелѣніе это тотчасъ было разослано во всѣ губерніи, и вотъ изо всѣхъ угловъ Россіи толпами погнали въ Сибирь людей, которые, на основаніи состоявшихся о нихъ судебныхъ рѣшеній, должны бы были, по окончаніи опредѣленныхъ для нихъ сроковъ заключенія, возвратиться къ своимъ семействамъ на прежнее мѣсто жительства. Такъ какъ при этомъ переселеніи браки не могли быть расторгнуты, то за мужьями погнали въ Сибирь и женъ, но изъ дѣтей позволено было брать только малолѣтнихъ, не свыше извѣстнаго возраста (кажется не свыше 8 лѣтъ)— остальные должны были остаться на попеченіи помѣщиковъ или обществъ, и такимъ образомъ навсегда разлучиться съ отцами и матерями. Вмѣстѣ съ этимъ дикимъ распоряженіемъ, достойнымъ великаго "деспотическихъ дѣлъ мастера," отдано было другое повелѣніе какому-то особому комитету при мастерской составленія законовъ: изобрѣсти подробныя правила о замѣнѣ заключенія въ арестантскихъ ротахъ, рабочихъ домахъ и тюрьмахъ другими наказаніями, къ предупрежденію на будущее время накопленія арестантовъ въ сихъ мѣстахъ заключенія. Комитетъ тотчасъ приступилъ къ работѣ, пригласивъ къ участію съ нимъ, въ качествѣ эксперта, и графа Панина. Какъ слѣдуетъ разсудили, и приказали слѣдующее: всѣхъ преступниковъ, которые по закону будутъ подлежать отдачѣ въ арестантскія роты на сроки свыше 2 лѣтъ, держать въ ротахъ только отъ 6 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ, и за симъ ссылать навсегда въ Сибирь, гдѣ они должны быть употребляемы въ работы въ продолженіи остальнаго срока, который слѣдовало имъ, по общему закону, высидѣть въ арестантской ротѣ. Кромѣ этого заключенія и этой ссылки, осуждаемые должны еще подвергаться тѣлесному наказанію розгами отъ 60 до 100 ударовъ. Чтобы вполнѣ понять всю нелѣпость такаго закона, надо пояснить, что, по общему закону, заключеніе въ арестантскихъ ротахъ отъ 1 года до 10 лѣтъ, съ тѣлеснымъ наказаніемъ розгами, опредѣляется за тѣ преступленія, за которыя лица, изъятыя, по правамъ своимъ, отъ тѣлеснаго наказанія, подлежатъ ссылкѣ на житье въ Сибирь, съ временнымъ тюремнымъ заключеніемъ на мѣстѣ уже ссылки. Для этихъ послѣднихъ лицъ тюремное заключеніе, правилами комитета, отмѣнено совсѣмъ, и вмѣсто того опредѣлено воспрещать такимъ сосланнымъ на житье въ Сибирь отлучаться въ теченіе извѣстнаго времени изъ мѣста жительства. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ измѣненій и замѣнъ вышло вотъ что: лицо изъятое отъ тѣлеснаго наказанія, и лицо неизъятое отъ тѣлеснаго наказанія, обвиненныя въ одномъ и томъ же преступленіи, положимъ хоть въ кражѣ со взломомъ кровли дома, подлежатъ: первое, т. е. изъятое, на пр. дворянинъ, ссылкѣ въ Сибирь на житье, безъ тѣлеснаго наказанія, безъ заключенія и безъ употребленія въ работы; а второе, т. е. неизъятое, на пр. крестьянинъ — наказанію розгами, заключенію въ арестантскія роты, ссылкѣ въ Сибирь и еще употребленію тамъ на работы. Какова равномѣрность въ назначеніи наказаній! И все вѣдь въ пользу дворянина!

Эта страшная уродливость до сихъ поръ никому изъ нашихъ законодателей не кинулась въ глаза, и суды съ 1853 года до настоящаго времени продолжаютъ расточать свое правосудіе по такому нелѣпому закону, а правила изданныя комитетомъ и названныя въ 1853 году временными, вошли теперь въ новое (1857 года) изданіе Свода Законовъ. Хвала вамъ графы Блудовъ и Панинъ! Vous avez bien mérité de la patrie!

(у) Мы надѣемся, что Россія не забудетъ этихъ милыхъ именъ и запишетъ ихъ на черную доску. Но обратимъ вниманіе на цифру 15 голосовъ противъ 14. Это значитъ что большинство составляетъ 53 или 54 процента: прибавьте же къ меньшинству мнѣніе всѣхъ остальныхъ сословій, мнѣніе народа—и вы увидите, что общественное мнѣніе все противъ помѣщичьяго большинства; дайте только гласность и это мнимое большинство, противурѣчащее и народу и правительству, замолкнетъ передъ общимъ мнѣніемъ.

Digitized by Google

APPEL À LA PUDEUR.

(издателямъ русскихъ газетъ)

Духа же празднословія не даждь ми!

Всякій разъ когда намъ приходится читать нѣсколько листовъ русскихъ газетъ, нами овладѣваетъ какая-то безконечная тоска, намъ становится стыдно, становится жаль и русскихъ читателей и русскій языкъ. Наконецъ мы рѣшились сказать объ этомъ нѣсколько словъ во имя благопристойности, здраваго смысла и человѣческаго достоинства. Рѣчь идетъ объ особой, изысканой невоздержности въ подобострастныхъ выраженіяхъ, съ которой пишутъ у насъ новости, касающіяся до государя или царской фамиліи. Какъ встарь у насъ развился церковный языкъ, такъ въ прошломъ столѣтіи разцвѣлъ и при Николаѣ достигъ высокой степени совершенства языкъ ливрейный. Пора положить ему предѣлъ. Пора отбросить это византійское низкопоклонство, смѣшанное съ монгольскимъ уничиженіемъ, приведенное въ систему и порядокъ нѣмецкимъ канцелярскимъ стилемъ.

Для чего это дѣлаеться? Государю не можетъ это правится, всѣ члены царской фамиліи слишкомъ образованы, чтобъ требовать этой тяжелой, обязательной, японской болтовни. Посмотрите на новыя рѣчи государя, онъ не говоритъ этимъ языкомъ; посмотрите на приказы Барятинскаго, и онъ не говоритъ имъ. Кому же это правится? Нельзя-же подличать безкорыстно—какъ соловей щелкаетъ въ лѣсу?

Теперь—уничтожая крѣпостное состояніе, мечтая объ освобожденіи Россіи отъ тѣлесныхъ наказаній, ценсурныхъ преслѣдованій, теперь думая о гласности въ судѣ, о законности, надобно пріучаться къ мужественной рѣчи свободнаго человѣка и бросить языкъ, которымъ перестаютъ говорить въ переднихъ.

Фактъ очень замѣчательный, что языкъ русскій разомъ перешелъ отъ патріархально-дѣтскаго, неуравновѣшеннаго ни въ грубости, ни въ уничиженіи, къ сильному и простому языку, исполненному достоинства во всемъ неоффиціальномъ—и палъ въ какое-то безграмотное пресмыканіе передъ предержащими властями и притомъ не на патріархальный крестьянскій ладъ, а на подхолюзой, нѣмецко-подъяческій. Всѣ утонченно-уничижительные обороты, всѣ чиновничьи фіоритуры формальнаго чинопочитанія старшихъ, богопочитанія царской фамиліи—рѣшительно противны духу русскаго языка. Русскія слова, употребляемыя на эти подлости, такъ и напоминаютъ вчера обритаго и остриженнаго крестьянина, одѣтаго въ уродливую ливрею и неумѣющаго держать тарелку (къ великому увеселенію истыхъ официантовъ, забывающихъ, что человѣческое дѣло ѣсть съ тарелки, а не подавать ее.)

Долею издатели не виноваты, сообщая новости, составленныя впередъ, гдѣ нибудь въ министерствѣ двора, но можно же наконецъ объяснить Адлербергу, dass es ominös ist und sclavisch писать такимъ вычурно-принижающимся языкомъ, что истинное уваженіе никогда такъ не выражается, что вздору не надобно прибавлять важности, упомянуть объ немъ можно слегка, вскользь, а не то онъ сдѣлается скучный вздоръ и весь надетъ на голову паціента, о которомъ разсказываютъ. Напримѣръ:

"С. Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ, повергнувъ къ слопамъ Его Императорскаго Величества вѣрноподданническія поздравленія жителей С. Петербурга, по случаю торжественнаго дня тезоименства Государя Императора, получилъ сего 30-го Августа, въ половинѣ перваго часа по полудни, отъ Министра Императорскаго Двора, изъ Москвы, слѣдующую "телеграфную" депешу, которою спѣшитъ порадовать жителей С. Петербурга, какъ выраженіемъ благосклоннаго къ нимъ вниманія Его Величества: "Государь Императоръ благодаритъ васъ и жителей Столицы за принесенное поздравленіе." (Русск. Инв.)

Или:

"Въ Высочайшемъ Указѣ, 12-го Августа, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, даннымъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, изображено: "Рожденіе Любезнѣйшаго Племянника Нашего, Великаго Князя Константина Константиновича, повелѣваемъ праздновать въ 10-й день Августа, а тезоименитство въ 21-й день Мая."

(Тутъ поневолѣ приходитъ въ голову вопросъ, да развѣ онъ родился въ другой день, что надобно было высочайшее утвержденіе числа, утвержденнаго самимъ рожденіемъ?)

Послѣднее путешествіе государя и царской фамиліи дало случай развернуться ливрейному краснорѣчію дворцовыхъ хронографовъ съ такимъ напоромъ, съ такимъ яростнымъ усердіемъ, что всѣ плотины разума, приличій, грамматики, были снесены "вѣрно-преданностію" (выраж. Сѣв, Пчел.) и въ то время, какъ путешествіе государя было исполнено дѣйствительнаго интереса, они насъ подчивали самыми пустѣйшими подробностями обычныхъ церемоній, придавая имъ какую-то эпическую важность и какую-то третьяковскую отдѣлку.

Возмите случайно Инвалидъ или Пчелу, вѣсти изъ Тулы или изъ Владиміра,—все одно:

Владиміръ—"Въ половинѣ пятаго часа у Ихъ Императорскихъ Величествъ былъ большой обѣденный столъ, послѣ котораго Государь Императоръ удостоилъ Своимъ присутствіемъ бѣгъ рысистыхъ лошадей, на Владимірскомъ бѣговомъ мѣстѣ."

Тула—"Въ двѣнадцатомъ часу, Ихъ Императорскія Высочества, привѣтствуемыя густыми толпами народа, изволили прибыть въ церковь оружейнаго завода, для слушанія божественной литургіи и оттуда, по окончаніи богослуженія, изволили отправиться въ Успенскій Каѳедральный Соборъ. Здѣсь Ихъ Высочества были встрѣчены Преосвященнѣйшимъ Алексіемъ, Епископомъ Тульскимъ и Бѣлевскимъ, съ старшимъ духовенствомъ г. Тулы, съ крестомъ и св. водою. (не съ сигарой же было выйти) Послѣ краткаго молебствія и возглашенія многолѣтія Его Императорскому Величеству и всему Августѣйшему Дому, Ихъ Высочества прикладывались къ мѣстнымъ св. иконамъ, а потомъ Его Преосвященство поднесъ государю Великому Князю Св. Икону Спасителя, а Государынѣ Великой Княгинѣ просфору."

Троица—"Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Великою Княжною прибыли къ началу литургіи въ началѣ девятаго часа утра, и слушали оную и молебное пѣніе съ благоговѣніемъ, которое приводило въ умиленіе братію обители и всѣхъ предстоящихъ въ храмѣ. По молебномъ пѣніи Ихъ Величества и Ея Высочество прикладывались къ св. иконамъ и къ мощамъ Преподобнаго Сергія, причемъ поднесены иконы Государю Императору и Великой Княжнѣ. Шествіе Ихъ Величествъ во храмъ и изъ храма оглашаемо было радостными восклицаніями многочисленнаго народа."

Вологда—"За нѣсколько минутъ до представленія, Губернскій Предводитель Дворянства, Багряновъ былъ черезъ Его Сіятельство (творительный падежъ видно хорошъ для обыкновенныхъ смертныхъ, а въ такихъ экстренныхъ случаяхъ куда онъ годится!) Графа Адлерберга введенъ во внутренніе покои (кабинетъ) (а вѣдь нѣтъ того, чтобъ сказать просто въ кабинетъ) Его Величества, гдѣ и былъ встрѣченъ милостивыми словами Государя Императора: "Я исполнилъ свое обѣщаніе быть у васъ." На что Губернскій Предводитель отвѣчалъ: "Мы ужъ давно ожидали этого счастливаго времени..."

Ну можно ли записывать эдакой вздоръ и эдакимъ слогомъ? Впрочемъ что Тула, Вологда,—вотъ что будетъ интересно, государь въ Варшавѣ. Ему многое надобно тамъ сдѣлать, чтобъ многое загладить. Что же онъ дѣлалъ въ Варшавѣ?

Варшава—"14/26 Сентября. (Сообщено) 11/23-го Сентября, Государь Императоръ, по пріѣздѣ въ Варшаву, въ три часа по полудни, изволилъ прибыть въ Православный Святотроицкій Соборъ. Храмъ едва могъ вмѣстить собравшихся для вожделѣннаго лицезрѣнія Благочестивѣйшаго Монарха. Преосвященный Арсеній, Архіепископъ Варшавскій и Новогеоргевскій, съ высшимъ духовенствомъ ожидалъ съ крестомъ и св. водою шествія Царя земнаго въ домъ Царя небеснаго. Когда Государь Императоръ ступилъ на прагъ церковный, Архіепископъ, осѣнивъ Его Величество св. крестомъ, произнесъ привѣтственную рѣчь, въ которой кратко, но сильно выразилъ чувство всеобщей благодарности

Digitized by Google

за щедроты и попеченія Государя о благѣ Богомъ ввѣреннаго державному Его скипетру народа. Сердце Царево, выну хранимое въ руцѣ Божіей, съ умиленіемъ внимало словамъ служителя Божія. Приложившись къ св. кресту, по окропленіи св. водою, Государь Императоръ, предшествуемый духовенствомъ при соотвѣтственномъ церковномъ пѣніи двумя хорами: Спаси, Господи, люди твоя… вошелъ въ церковь. Здѣсь совершено краткое моленіе о здравіи Его Величества и всего Августѣйшаго Дома. Государь Императоръ по произнесеніи многолѣтія, снова приложился къ кресту, коимъ былъ осѣняемъ отъ Архіепископа; причемъ Архіепископъ поднесъ Его Величеству снимокъ съ чудотворной иконы Почаевской Божіей Матери, и съ крестомъ же сопровождалъ Государя къ самымъ дверямъ храма. Послѣ сего отслуженъ благодарный молебенъ о благополучномъ прибытіи Помазанника Божія.

14/26-го числа, въ одиннадцать часовъ утра Преосвященный Архіепископъ Арсеній представлялся Его Императорскому Величеству въ Бельведерскомъ Дворцѣ."

Пощадите, милые Несторы и Коммины Зимняго Дворца, какъ же вамъ не стыдно, даже осмѣянное, опошленное "въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ" не забыто.

Можно ли повѣрить послѣ этихъ образцовъ, что иногда оффиціальные журналы бываютъ умѣреннѣе партикулярной пчелы съ товарищами. Пчела, порхая тамъ и тутъ, не ограничивается лицами упоминаемыми на эктиньѣ, но распространяетъ благодѣянія камердинерскаго обращенія на иностранныхъ принцовъ и принцессъ, курфирстовъ и фирстовъ. "Его высочество, говоритъ она, принцъ прусскій и принцесса пожаловали Іенскому Университету бюсты—Фихте, Шеллинга и Гегеля." Намъ дѣла нѣтъ до пошлости дѣлать двуспальные подарки, какъ будто Принцъ самъ по себѣ, а Принцесса сама по себѣ не могли подарить бюсты, — насъ занимаетъ слово пожаловали, которое такъ красиво становится между именемъ университета и именами трехъ философовъ, и тѣмъ больше, что оно мнѣ напоминаетъ родительскій домъ и нашего стараго лакея Бакая.

Покойникъ училъ мальчишекъ "пчелиному" языку и таская иногда за волосы, приговаривалъ: "А ты мужикъ знай, я тебѣ даю„а баринъ изволитъ тебѣ жаловать; ты ѣшь, а баринъ изволитъ кушать; ты спишь, щенокъ, а баринъ изволитъ почивать." Этотъ лексиконъ былъ у него вполнѣ выработанъ и Бакай никогда не ошибался, когда надобно было сказать рубашка и когда сорочка.

Но я полагаю, что и Бакай далѣе перевода словъ не шелъ, и что на пр. такіе сложные періоды были ему не подсилу, какъ всѣ эти: "изволили соблаговолить одобрительнымъ ободреніемъ," или что-нибудь въ родѣ: "Е. И. В., принцъ Петръ Олденбургскій изволилъ отбыть послѣ обѣденнаго стола слѣдуя по калужскому тракту." Неужели въ самомъ дѣлѣ учтивѣе сказать "послѣ обѣденнаго стола, послѣ ужиннаго стола," нежели послѣ обѣда, послѣ ужина, или "отбылъ по калужскому тракту" благолѣпнѣе нежели поѣхалъ въ Калугу.

Иногда, кажется, у правительства просыпается сознаніе вкуса, накапливается злоба за все это вѣрно-преданное вранье и оно вдругъ мститъ редактору тою-же монетой, но съ какимъ то особеннымъ казеннымъ чеканомъ. Напримѣръ оно пишетъ анонимное письмо слѣдующаго содержанія:

М. Г. Петръ Семеновичъ,

"Посѣтивъ 15-го Іюня сего года Больницу Всѣхъ Скорбящихъ, вы, при видѣ ея устройства, преисполнились благоговѣнія къ царственному состраданію безпримѣрнаго по энергіи, въ Бозѣ почившаго Монарха Николая Павловича, и къ безпримѣрной, по любви къ человѣчеству, Государыни Матери Царей, Вѣнценосной Покровительницы отверженныхъ сиротъ и всѣхъ несчастливцевъ, безъ разбора причинъ злополучій каждаго, приснопамятной Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

"При таковомъ одушевленіи выраженный вами благонамѣренный вызовъ — начертать Историческое Сказаніе о семъ благотворномъ учрежденіи, вы привели нынѣ въ дѣйство, издавъ Историческій Очеркъ о Больницѣ, посвященный вами памяти Августѣйшихъ Основателей ея и Благодѣтелей. Въ немъ, съ историческою точностью, съ теплымъ сочувствіемъ къ цѣли установленія и къ заботамъ предстателей, справедливо оцѣнены заслуги и подвиги цѣленія и призора несчастливцевъ, постигнутыхъ омраченіемъ ума.

"Въ семъ уваженіи, Статсъ-Секретарь по дѣламъ Управленія Учрежденій Императрицы Маріи, Членъ Государственнаго Совѣта, Андрей Логиновичъ Гофманъ, благоволилъ поднесть Историческій Очеркъ вашъ Государю Императору и Государынямъ Императрицамъ, и по его предстательству благоугодно было Его Императорскому Величеству удостоить трудъ вашъ Монаршимъ благоволеніемъ во Всемилостивѣйшемъ пожалованіи вамъ препровождаемаго при семъ драгоцѣннаго перстня, бриліантами украшеннаго." (Русск. Инв.)

Ужъ не Андрея-ли Логиновича постигнуло такое краснорѣчіе? За нимъ не угонится и самъ Теодоръ-Амедій Гофманъ, писавшій "Кота Мура."

Мы очень серьезно обращаемъ вниманіе русскихъ журналистовъ на необходимость воздержаться отъ этихъ цвѣтовъ подобострастія. Въ порядочномъ обществѣ выводится низкопоклонный кліентизмъ, поднявшійся въ залы и гостинныя изъ канцелярскихъ болотъ и крѣпостныхъ подземелій. Гдѣ теперь "бакаевская" манера въ словахъ, движеніяхъ, улыбкѣ, въ образѣ садиться на стулъ и вставать со стула, въ образѣ держать шляпу въ рукахъ и спину на ногахъ, въ кашлѣ и смѣхѣ выражать безпредѣльное подобострастіе, свою ничтожность, теряющуюся "какъ капля въ морѣ опущенна" въ благодѣтельныхъ лучахъ его превосходительства. И не только мимика низкопоклонства исчезла, но и самыя слова: "благодѣтель, отецъ и начальникъ, покровитель," не употребляются больше.

Ссылаться въ этомъ на Нѣмцевъ нечего, отъ нихъ-то мы и заразились вполовину принижающимся сквернословіемъ. Нѣмцы вообще люди безъ такта. Ни Гёте, ни Гегель не умѣли себя держать съ достоинствомъ. Старикъ Арендтъ разсказывающій, какъ мѣщански Гёте обращался съ аристократами которыхъ ему представлялъ Штейнъ, самъ называетъ Штейна то "милостивымъ господиномъ своимъ" — то просто "мой господинъ."

Но вѣдь мы не-нѣмцы.

Указавши на эту наружную, декораціонную грязь нашихъ газетъ, мы когда нибудь перейдемъ къ ихъ нравственной сторонѣ. Она наводитъ не меньше грусти. Едва, едва позволили людямъ говорить, заявлять свое мнѣніе,—у насъ явилось нордовское направленіе, одна газета дошла до того что помѣстила leading article въ пользу торговли черными подъ прикрытіемъ французскаго флага. Поверхностная брань Англіи, ея учрежденій встрѣчается на каждомъ шагу рядомъ съ удивленіемъ передъ казарменной централизаціей деспотическихъ государствъ.

Не лучше ли предоставить одной Управѣ Благочинія находить образованность въ "порядкѣ" и защищать его не литераторами, а безграмотными квартальными?

И—ръ.

ДѢЯТЕЛИ ПРОШЛАГО ЦАРСТВОВАНІЯ ВЪ РОССІИ.

[Леонтій Васильевичъ Дуббельтъ, начальникъ штаба корпуса жандармовъ, Вердеревскій, начальникъ секретнаго отдѣленія, служившій во время войны во провіантскомъ вѣдомствѣ крымской арміи, нынѣ находится подъ судомъ.]

Дуббельтъ. Графъ Александръ Христофоричъ не совсѣмъ здоровъ; что-то не въ духѣ. Докладъ надобно сдѣлать ему небольшой. Отложите, любезнѣйшій Вердеревскій, текущую

Digitized by Google

переписку и дѣла не очень важныя, а къ докладу шефа приготовьте что поважнѣй.

Вердеревскій (докладываетъ) Донесеніе агента, наблюдающаго за Mademoiselle Cécile. Перехвачена записка отъ нея къ адъютанту.

Дуббельтъ. Jolie écriture, style charmant. Mademoiselle Cécile молода и безпечна, обожжетъ крылышки. Графъ протежируетъ ее; заставилъ публику полюбить ее. Сколько передарили ей фермуаровъ и брошекъ; псише ея самое большое въ цѣломъ городѣ; сколько переплочено пчелѣ денегъ за статейки въ фельетонѣ. Адъютантъ молодъ и любезенъ и поклялся отбить у Графа. Надо удалить его.

Вердеревскій. Не послать ли его на Кавказъ. На лѣвомъ флангѣ готовится большая экспедиція.

Дуббельтъ. Нѣтъ, это слишкомъ круто. Въ прошломъ году онъ просился за границу, государь не пустилъ. (думаетъ) Жаль что онъ безграмотенъ, но это ничего. Послать молодца въ Парижъ, пусть слѣдитъ за ходомъ улучшеній по военной части и забудетъ Mlle. Cécile. (пишетъ резолюцію и читаетъ) Выдать прогоны, единовременно пять тысячь и опредѣлить большое содержаніе. Заготовить къ первой почтѣ сильное рекомендательное письмо отъ Графа — къ посланнику въ Парижѣ.

Вердеревскій. Письмо изъ Рязани отъ чиновника, посланнаго для извѣщенія въ какомъ видѣ откупа. Въ рязанской губерніи откупъ идетъ шибко, въ курской очень дурно. У вашего превосходительства кажется есть паи въ Рязани. Позвольте поздравить.

Дуббельтъ. Благодарю. О себѣ я не думаю. Но вы забываете. mon cher, что у Александра Христофоровича есть паи въ Курскѣ; это гораздо важнѣе. Наша священная обязанность думать о выгодахъ начальника. Надо что нибудь сдѣлать для Курска, а то откупъ запутается. Разрѣшить въ Курскѣ постройку богоугоднаго заведенія, о чемъ давно проситъ губернаторъ, собора и еще чего нибудь, заберите справки. Если овесъ дешевъ, расположить въ губерніи дивизію кавалеріи. (думаетъ) Нельзя ли устроить тамъ высочайшій смотръ въ будущемъ году. Написать куда слѣдуетъ, а о высочайшемъ смотрѣ я сегодня на балѣ переговорю съ министромъ.

Вердеревскій. Курской откупщикъ жалуется, что губернаторъ пикируется съ нимъ и не поѣхалъ на балъ.

Дуббельтъ. Перевести его въ другую губернію . . .* въ нижегородскую, а нижегородскаго въ курскую. Этотъ уменъ и ладитъ съ откупщиками.

Вердеревскій. Золотые пріиски, въ Барнаулѣ даютъ пять золотниковъ со ста пудовъ песку.

Дуббельтъ. Графиня заинтересована тамъ на сто тысячь. Учредить въ Барнаулѣ жандармское управленіе въ чинѣ полковника. Пусть выберетъ Владиславлевъ (†) и дастъ наставленіе.

Вердеревскій. Письмо въ собственныя руки шефа отъ генералъ-губернатора В.

Дуббельтъ. (распечатываетъ и читаетъ тихо:) Начальникъ округа жандармовъ . . . что это значитъ . . . интрига противъ шефа . . . неблагодарный . . . пять лѣтъ былъ адъютантомъ у Графа и не могъ оцѣнить доброты его души . . . Долой его... уволить отъ службы. Завтра же внести въ высочайшій приказъ.

Вердеревскій. Письмо отъ вашего брата. Губернаторъ Лонгиновъ притѣсняетъ его.

Дуббельтъ. Братъ мой величайшій кляузникъ, всю жизнь со всѣми ссорился. Удалить Лонгинова отъ мѣста. Жаль его, дѣльный человѣкъ; но нельзя же брата предать въ обиду. Написать, за то что не умѣлъ ладить съ дворянствомъ.

Вердеревскій. Письмо чиновника посланнаго на слѣдствіе въ тамбовскую губернію. Выборы прошли благополучно, дворяне задали губернатору обѣдъ, и всѣ чиновники выбранные дворянствомъ утверждены.

Дуббельтъ. Что за дуракъ! Какъ можно всѣхъ утверждать—того и смотри дворянство подумаетъ, что выборы вещь серьезная. Написать чиновнику, чтобъ переговорилъ конфиденціяльно съ губернаторомъ.

Вердеревскій. Князь Сергій Михайловичъ пишетъ, что студенты девять мѣсяцевъ содержащіеся въ заключеніи, оказываются невинными.

Дуббельтъ. Бѣда съ этими добрыми и глупыми людьми. Можно-ли, продержавъ ихъ подъ арестомъ столько времени по высочайшему повѣленію, найти ихъ невинными. Написать конфирмацію въ смыслѣ перваго доноса.

Вердеревскій. Викулинъ, сынъ воронежскаго откупщика пишетъ, что у отца его было восемь милліоновъ чистыми деньгами, но мачиха составила фальшивую духовную и скрыла деньги. На словахъ Викулинъ сказалъ мнѣ, что жертвуетъ четвертую часть.

Дуббельтъ. Написать Перфильеву, чтобъ лично сдѣлалъ строжайшій обыскъ.

Вердеревскій. Важнаго больше ничего нѣтъ. Вотъ акціи Общества Любенскаго Пароходства къ подписанію шефа, предсѣдателя общества.

Дуббельтъ. Mon cher Вердеревскій, я вами доволенъ и выпросилъ у шефа награду для васъ. Вы нуждаетесь въ деньгахъ.

Вердеревскій. (кланяясь) Признаться, Леонтій Васильевичъ, не везетъ.

Дуббельтъ. Каждую ночь вы играете въ банкъ, проигрались и нуждаетесь въ деньгахъ. Шефъ даритъ вамъ сто акцій, до времени безденежно. Штиглицъ увѣряетъ, что къ концу года акціи удвоятся въ цѣнѣ, и тогда вы внесете первоначальную стоимость.

Вердеревскій. (кланяясь) Вы нашъ отецъ и благодѣтель, Леонтій Васильевичъ. Позвольте кстати напомнить о дѣлѣ Владиславлева.

Дуббельтъ. Онъ проситъ разрѣшенія издавать Утреннюю Зарю и на будущій годъ. Я выпросилъ уже позволеніе. Помѣстить тамъ портретъ княжны Софьи Александровны. Пусть разошлетъ по 10 экземпляровъ каждому губернскому жандармскому штабъ-офицеру, но съ условіемъ не прилагать своихъ сочиненій. Не далась ему литература; повѣстей его нельзя читать; а какъ онъ дежурный штабъ-офицеръ въ

* И нынѣ тоже дѣлается. Въ Іюлѣ 1858 года Пермская губернія взята на откупѣ однимъ лицемъ, который въ долѣ съ директоромъ департамента хозяйственныхъ дѣлъ, Гвоздевымъ, и вице-губернаторъ пермскій, неладившій съ откупомъ, тотчасъ смѣненъ.

(†) Дежурный штабъ-офицеръ штаба корпуса жандармовъ.

корпусѣ жандармовъ, то это дѣлаетъ дурной эфектъ. Подумаютъ, что мы беремъ взятки. — Adieu. — Прежде всего обдѣлать дѣло Mademoiselle Cécile.*

СМѢСЬ.

— Варшава.—Намъ пишутъ: "Вы помѣщаете иногда въ вашемъ Колоколѣ извѣстія изъ Польши. Послѣднее письмо, котораго отрывки напечатаны были въ 23 и 24 листахъ, очень вѣрно набрасываютъ эскизъ злоупотребленій, которыя подъ покровительствомъ Горчакова, расточаетъ на этотъ несчастный край Мухановъ. Если въ Россіи реформа кое-какъ плетется, за то у насъ всѣ дѣла идутъ какъ при Николаѣ и рѣшительно нѣтъ надежды на улучшеніе. Кажется Мухановъ напугалъ Александра II и онъ рѣшился подождать съ преобразованіями въ Польшѣ. Долго-ли будутъ ждать милость царскую Поляки?—Не знаю. Еслибы дѣло было въ милости, еще бы подождать можно; но здѣсь въ Варшавѣ и въ провинціи существуютъ вопіющія несправедливости, раззоряющія жителей, притѣсняющія ихъ и отравляющія всѣ силы жизненныя народа. Доколѣ настоящее положеніе существовать будетъ, этому краю нельзя ни устроиться, ни завести гражданскій порядокъ; напротивъ: онъ съ каждымъ днемъ утопаетъ глубже и глубже въ тотъ самый нравственный развратъ и взяточничество, которымъ подвержена Россія. Мухановъ, кажется, поставилъ себѣ задачею разстроить до нельзя существовавшій въ Польшѣ порядокъ, а ума его не хватаетъ, чтобъ создать на развалинахъ что-либо новое.

"Но самымъ свирѣпымъ гонителемъ оказался Мухановъ въ цензурѣ. Онъ не только не допускаетъ никакихъ преобразованій по этой части въ Варшавѣ, но еще болѣе стѣсняетъ книги и журналы. Объ улучшеніи быта крестьянъ западныхъ губерній нельзя въ варшавскихъ журналахъ сказать ни одного слова; нельзя даже перевести и напечатать статьи этого рода изъ русскаго журнала. Многіе-помѣщики въ западныхъ губерніяхъ не знаютъ русскаго языка и по этому не могутъ изучить столь важнаго для нихъ въ настоящее время предмета. Всѣ польскіе журналы хотѣли разработать этотъ вопросъ и уяснить его елико возможно, обще съ журналами нашими, но Мухановъ не позволилъ! Когда государь позволилъ издать въ Польшѣ сочиненія Мицкевича, въ пользу оставшихся по немъ дѣтей, вамъ можетъ быть не извѣстно, что тогда же въ первый разъ позволено было напечать фамилію этого поэта. До сихъ поръ ни одинъ писатель не могъ произнести имени: Мицкевичъ, и если его иногда заставляла необходимость, то оговоривался, называя Мицкевича "поэтомъ литовскимъ," авторомъ "Гражины" и т. п. Мерцбахъ купилъ у опекуновъ дѣтей Мицкевича право на изданіе его сочиненія —и общиталъ ихъ. Всѣ вознегодовали и хотѣли упрекнуть торгаша, но Мерцбахъ похлопоталъ у Муханова, далъ взятку цензору Собѣщанскому и всѣмъ редакторамъ приказано не печатать ничего противъ Мерцбаха. Эти сочиненія Мицкевича уже оканчиваются печатаніемъ. Цензура съ ножницами въ рукахъ прошла по всѣмъ страницамъ и сдѣлала страшныя опустошенія!

"Періодическія изданія здѣсь бѣдны и по содержанію и по средствамъ. Есть много даровитыхъ писателей, но они связаны законами цензуры; что же касается газетъ, то удивляться слѣдуетъ, какъ онѣ могутъ существовать подъ гнетомъ безпримѣрнаго въ финансовыхъ учрежденіяхъ налога! Австрійцы обложили пошлиною свои журналы и на нихъ возстали всѣ просвещенныя партіи; но какая же разница пошлины австрійской отъ здѣшней! Вообразите только, что варшавскія газеты на 16 р. с., получаемыхъ отъ подписчика, платятъ казнѣ и почтамту 10ть! Возможно-ли существованіе (не говорю: процвѣтаніе) литературы при такомъ налогѣ?

— Мы получили изъ Познани интересный очеркъ карьеры Муханова. — Что это за смѣсь "возсоединеннаго" Симашки съ Пеликаномъ, Новосильцовымъ, Трубецкимъ, Муравьевымъ — въ этомъ ядовитомъ наукѣ подъ именемъ Муханова. Улучшенія ограничиваются орлами на гербахъ, и гербами на орлахъ. Pas de reveries! Pas de reveries.

Неизвѣстный кореспондентъ прислалъ намъ изъ Германіи отвѣтъ г. Ч. на "Обвинительненный актъ" его противъ насъ. Мы были прежде увѣрены, что строгій судья нашъ, если и найдетъ себѣ симпатію въ стану нашихъ противниковъ, то въ той средѣ, которую мы считаемъ нашей, ее не найдетъ,— а все таки намъ, было дорого прочитать слова дружеской защиты. Жаль намъ, что авторъ отвѣта тоже требуетъ, чтобъ мы напечатали его письмо. Если noblesse oblige печатать противъ себя, то decorum oblige не печатать статей за себя. Еслибъ у насъ и оставалось что нибудь непріятнаго не отъ статьи г. Ч., а отъ ея строгаго тона, все это старицей вознаграждено нѣсколькими полученными письмами, и больше всего отвѣтомъ анонимнаго друга. Вотъ письмо, при которомъ прислана статья.

Милостивый Государь.

Въ 29 листѣ "Колокола" напечатанъ "Обвинительный актъ" отъ лица "значительной части мыслящихъ людей въ Россіи". Многіе, считая себя мыслящими, точными и обдуманными людьми, нашли оскорбительнымъ для нихъ, принять на себя участіе въ "обвинительномъ актѣ;" а потому поручили мнѣ написать протестъ, который при семъ прилагается и который мы требуемъ напечатать въ "Колоколѣ".

Можетъ быть для васъ покажется нѣсколько щекотливымъ, напечатать такой протестъ, въ которомъ излагаются взгляды

* Къ этому разсказу намъ остается прибавить о зимующемъ характерѣ Дуббельта; онъ пережилъ Бенкендорфа и до самой кончины Николая занималъ то-же мѣсто при Орловѣ. Что-же слѣдуетъ изъ этого заключить о самомъ Орловѣ?...—Ред.

Digitized by Google

на характеръ вашей дѣятельности. Но позвольте вамъ сказать: во-первыхъ изложеніе этихъ взглядовъ требовалось сущностью дѣла; во-вторыхъ — вопросъ касается не столько васъ, сколько пасъ, а главнѣе всего принципа. "Обвинительный актъ" предаетъ посмѣянію то, что бьется въ груди. Это посмѣяніе высказано Русскимъ и, какъ говоритъ авторъ, отъ лица русскихъ мыслящихъ людей. Послѣ этого мы не можемъ и не должны молчать, а вы не можете и не имѣете права отказать намъ высказать, во всеуслышаніе, наше слово, на которое, мы увѣрены, отзовутся всѣ теплыя сердца, которыми не бѣдна русская земля. Печатая "Обвинительный актъ", вы печатали его не за одного себя, вы печатали его также на насъ и на самой принципъ, а потому вы обязаны напечатать и нашъ протестъ.

Вмѣстѣ съ этимъ посылаю вамъ первое письмо къ автору статьи "Реформа сверху или реформа снизу". Это письмо есть тоже выраженіе мнѣнія многихъ, хотя и не вполнѣ всѣхъ тѣхъ, которые требуютъ печати протеста. Съ перваго взгляда содержаніе этого письма можетъ показаться, для многихъ, не согласнымъ съ вашими убѣжденіями, и потому это обстоятельство можетъ остановить васъ напечатать его. Но мнѣ кажется, что вы давно уже высказывали совершенно подобные взгляды, которые служатъ только подтвержденіемъ убѣжденій высказываныхъ въ письмѣ къ автору статьи "Реформа сверху или реформа снизу". Вспомните вашъ справедливый судъ надъ временнымъ правительствомъ и надъ національнымъ собраніемъ 1848 года во Франціи; вспомните также то, что во всѣхъ вашихъ сужденіяхъ, вы ясно выражаете, что желаете не формъ, а сущности. Во всякомъ случаѣ содержаніе самой моей статьи покажетъ вамъ, что вопросы тронутые ею требуютъ диспута, и диспута свободнаго не стѣсняемаго цензурой. Вашею жизнію и дѣятельностью вы доказали вашу любовь къ Россіи; а потому если бы даже сущность мнѣній высказываемыхъ въ этой статьѣ и не согласовалась вполнѣ съ вашими убѣжденіями, то изъ любви къ Россіи вы должны допустить въ вашемъ журналѣ свободный диспутъ.

— О евреяхъ (письмо къ редактору.)* — "Позвольте мнѣ сдѣлать одну неважную поправку и высказать нѣсколько мыслей, тѣснившихся въ моей головѣ по поводу одной маленькой фразы въ 22 листѣ вашего Колокола. "Дозволяется только, сказано тамъ, хвалить программу, составленную евреемъ Позенымъ." Позенъ не еврей, а если и былъ когда либо, то его съ такимъ-же правомъ можно назвать евреемъ, какъ сотрудника и покровителя его Ростовцева, товарищемъ мучениковъ 14 Декабря.

"Благодаря какому-то странному изувѣрству, приставшему къ христіанской религіи почти съ самой ея колыбели, и не мало содѣйствовавшему къ искаженію ея первоначальной чистоты, имя еврей у христіанскихъ народовъ стало общимъ нарицаніемъ для всякаго мерзавца, или отверженца общества. Этотъ обвѣтшалый анахронизмъ, который на Западѣ едва-ли еще раздается на толкучихъ рынкахъ, не удивилъ бы меня въ какой-нибудь доморощенной губернской вѣдомости. Но онъ удивляетъ, а вмѣстѣ и огорчаетъ въ вашемъ благородномъ органѣ добра и правды, которому столько сочувствуютъ у насъ въ Россіи. Жизненная сила этого анахронизма повидимому должна быть еще велика, судя по тому, что отъ него не могутъ освободиться даже тѣ, которые пишутъ статьи въ Колоколѣ, что даже вы еще терпите его въ вашемъ журналѣ. Этотъ фактъ заставилъ меня призадуматься. Обнаруживая несовершенное пониманіе общечеловѣческаго достоинства, онъ способенъ возродить вопросъ въ томъ, достоенъ-ли пользоваться своею свободой народъ, неумѣющій уважать племя, которое, отстаивая свободу своихъ убѣжденій, столь долгое время переносило физическій и нравственный гнетъ. Къ счастію едва-ли какой либо народъ можетъ сравниться съ русскимъ по своему гуманному инстинкту и по своей терпимости. Если мы кой-гдѣ встрѣчаемъ признаки фанатизма, то этимъ мы обязаны искуственному пробужденію его правительствомъ, особенно николаевскимъ. Но слава богу, кажется, минулъ періодъ глубокаго и тяжкаго сна народнаго. Самое правительство, кажется, начинаетъ сознавать, что истинно народному духу (не православному и не самодержавному) слѣдуетъ дать больше свободы и простора. Пробужденіе же народнаго самосознанія должно быть полное. Рвущійся къ свободѣ народъ не можетъ отказать въ уваженіи никакому народу, а тѣмъ менѣе такому, который лишенъ политической самобытности, и который защищать себя не можетъ.

"Надѣюсь, что вы не откажете удѣлить этому письму мѣсто въ вашемъ журналѣ, и прошу васъ принять увѣреніе и пр.

(*) Охотно помѣщаемъ мы это письмо въ Колоколѣ. Безъ сомнѣнія, не отъ насъ авторъ его услышитъ слово дикой нетерпимости къ Евреямъ. Помѣщая письмо, въ которомъ говорилось о Позенѣ, мы не измѣнили выраженіе писавшаго —вотъ и все. Какъ могъ писавшій къ намъ заподозрѣть насъ въ христіанской нетерпимости?—Ред.

— Крѣпостнымъ людямъ находящимся за предѣлами Россіи. — Мы слышали о разныхъ продѣлкахъ, сдѣланныхъ въ послѣднее время русскими помѣщиками и помѣщицами съ своими людьми, не только крѣпостными, но и свободными. Такъ княгиня Урусова (урожденная Нарышкина) довела свою горничную, московскую мѣщанку Черкасову въ Висбаденѣ до того, что она сошла съ ума; дѣло это доходило до коммисара полиціи, и было очень извѣстно въ тамошнемъ русскомъ кругу. Такъ, говорятъ, великій Клейнмихель въ Виши тузилъ своего слугу за то, что онъ его поздно разбудилъ и пр.

Что касается до свободныхъ, они все еще могутъ какъ нибудь выпутаться изъ дѣла, могутъ даже иногда получить защиту отъ посольства боящагося худой славы и огласки. Но мы слышали, что и крѣпостные слуги иногда относились къ русскимъ миссіямъ или консуламъ съ жалобами на дурное содержаніе. Изъ такова рода просьбъ не только не можетъ

Digitized by Google

выйти никакой пользы, но непремѣнно вредъ. Помѣщикъ отомститъ дома за жалобу—а дома есть конюшня, да есть и цѣлое правительство, нанимающееся сѣчь крѣпостныхъ по приказу ихъ господъ. Это заставляетъ насъ дать имъ совѣтъ.

Беззаконіе крѣпостнаго права не существуетъ во всей христіанской Европѣ. Поэтому во всякомъ случаѣ обиженный человѣкъ, или вообще желающій остаться, можетъ безусловно покинуть своего барина, потому, что внѣ родины онъ вольный. Иногда правительства выдаютъ другъ другу преступниковъ, убійцъ и т. п., а человѣка ничего не сдѣлавшаго выдать невозможно. Въ посольство ни въ какомъ случаѣ ходить не надо, кромѣ для вытребованія паспорта, теперь же паспорты для прислуги выдаются особо, имъ стыдно передъ чужими краями писать людей въ числѣ пожитокъ принадлежащихъ такому-то. И такъ, нашъ совѣтъ состоитъ въ томъ, чтобъ предупредупредивши барина, идти въ полицію и просить коммисара принять показаніе и дать дозволеніе остаться въ городѣ. Незнаніе языка конечно затруднитъ объясненіе, но большаго краснорѣчія не надо чтобъ растолковать въ чемъ дѣло. Весьма можетъ быть, что баринъ при такомъ объясненіи, вспомнивъ прежнюю привычку, ударитъ. Въ такомъ случаѣ, по старинному французскому правилу, что оплеуху не берегутъ,—въ туже минуту бить барина; отвѣтственность, по здѣшнимъ законамъ, падаетъ на того, кто первый ударилъ.

Что касается до Англіи, мы совѣтовались съ извѣстнымъ легистомъ W. Ashurst, 6 Old Jewry, City; онъ обѣщалъ намъ помогать во всякомъ случаѣ, когда крѣпостные люди пожелаютъ остаться; мы съ своей стороны предлагаемъ имъ нашу братскую услугу.

Ред.

— Виленское Дворянство, не довольно нашимъ отзывомъ, сдѣланнымъ въ слѣдствіе двухъ статей въ Allgemeine Zeitung.—Если фактъ, что Виленское Дворянство отказывается не только дать землю, но и самую усадьбу крестьянамъ, несправедливъ,—то нашъ отзывъ до нихъ и не относится. Сколько же земли даютъ въ Виленской Губерніи и на какомъ основаніи переходятъ усадьбы, домъ и проч? Какъ только намъ доставятъ эти свѣдѣнія, мы ихъ помѣстимъ.

— Графъ Татищевъ и предводитель Пантелѣевъ. — Управитель Татищева въ его имѣніи, Лужскаго уѣзда, приказалъ молодому крестьянину идти въ воду подъ запруду водяной мельницы для исправленія поврежденій; — работа тяжелая, съ которой одному справится нельзя; крестьянинъ опрокинутый быстриною, свалился съ ногъ и потонулъ. Все это произошло на глазахъ его родныхъ, они бросились на управляющаго и поколотили его. Отсюда слѣдствіе, при чемъ предводитель Пантелѣевъ дралъ бунтовщиковъ, заключилъ нѣкоторыхъ въ острогъ, говорятъ даже, что Татищевъ брата потопленнаго управляющимъ отдалъ въ солдаты. Нѣмецъ управляющій остался въ селѣ Ретеняхъ.

Правда ли это, г. губернскій предводитель, г. военный генералъ-губернаторъ — вѣдь это въ двухъ шагахъ отъ столицы? Ну какъ это дойдетъ до нѣжнаго сердца еманципатора Буткова и другихъ вольнодумовъ комитета ..... А Нѣмецъ все сѣчетъ!.....

— Allgemeine Zeitung возвращается опять въ своемъ No. отъ 12 Декабря къ необходимости, чтобъ цензура позволила отвѣчать въ русскихъ журналахъ на статьи "Колокола." Это одно изъ самыхъ горячихъ желаній нашихъ. Въ случаѣ ошибки мы всегда готовы покаяться, не смотря на то, что насъ въ этомъ упрекаютъ. Нѣмецкая газета говоритъ съ тѣмъ вмѣстѣ о какомъ-то политическомъ бюро, которое будетъ ex officio сообщать не только новости, но и давать направленіе журналамъ, и этотъ домашній "Колоколъ" будутъ издавать тоже двое Долгорукій и Тимашевъ. Они хорошо учатся, если такъ скоро переходятъ изъ слушателей въ репититоры.

Въ той же статьѣ Allgemeine Zeitung увѣряетъ, что "Колоколъ" и наши публикаціи далеко не производятъ такаго дѣйствія въ Европѣ, какъ въ Россіи ..... Это совершенная правда. Мы вообще замѣтили, что русскихъ книгъ въ Англіи гораздо меньше читаютъ нежели въ Россіи.

— Мы съ большимъ вниманіемъ, съ благодарностью и уваженіемъ прочли статью, напечатанную въ Польскомъ Обозрѣніи: "Przegląd Rzeczy Polskich", выходящемъ ежемѣсячно въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: ALEKSANDER HERCEN I WOLNA ROSSYJSKA DRUKARNIA W LONDYNIE. На эту замѣчательную статью мы будемъ отвѣчать въ слѣдующимъ листѣ Колокола.

КОЛОКОЛЪ БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ

1859.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЕ О РУССКИХЪ КНИГАХЪ

Н. ТРЮБНЕРА и К-ній., 60, PATERNOSTER ROW, LONDON.

Второе изданіе Полярной Звѣзды и сочиненій ИСКАНДЕРА (А. Герцена.) Н. ТРЮБНЕРА И К°.

Изданія Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ разошлись съ быстротою въ послѣдніе два года. Н. Трюбнеръ и Ко. пріобрѣли отъ Г. Герцена право на второе изданіе его Сочиненій и Сборника подъ заглавіемъ:

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

На 1855, 1856, 1857, годы.

Цѣна одной Книжки...... ... ... 8s. 0

У нихъ можно найти кромѣ Сборника слѣдующія сочиненія 2го изданія пересмотрѣнныя Авторомъ:

ПРЕРВАННЫЕ РАЗСКАЗЫ (съ портретомъ автора). Цѣна. 5s. 0
ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ И ИТАЛІИ (1847-1852). Съ портретомъ автора. 8s. 0
СЪ ТОГО БЕРЕГА... ... ... 6s. 0
ТЮРЬМА И ССЫЛКА (съ портретомъ автора) 7s. 6
КРЕЩЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. 3 изд..... ... ... 2s. 0
ГОЛОСА изъ РОССІИ Книжка I... ... ... 2s. 0
— — — II... ... ... 2s. 0
— — — III. 2s. 0
— — — IV. 2s. 0

Новыя изданія:

ЮМОРЪ (De l'Humeur). Н. Огарева... ... ... 2s. 0
СТАРЫЙ МІРЪ И РОССІЯ. Письма А. Герцена къ В. Линтону. (переводъ съ французскаго.) 2s. 0
РУССКОЙ НАРОДЪ И СОЦІАЛИЗМЪ. Письмо къ П. Мишле Искандера (Переводъ съ Французскаго)..... 2s. 0
14 ДЕКАБРЯ 1825 И ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ. Издано редакціей Полярной Звѣзды, по поводу книги Барона Корфа 7s. 6
ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА на 1858. Книжка IV 8s. 0
КОЛОКОЛЪ на 1857 и 1858 (прибавочные листы къ Полярной Звѣздѣ.) Выходитъ два раза въ мѣсяцъ. 0 6
КНЯЗЬ М. ЩЕРБАТОВЪ и А. РАДИЩЕВЪ (съ предисловіемъ Искандера)... ... ... 10s. 6
СТИХОТВОРЕНІЯ Н. ОГАРЕВА (съ портретомъ автора). 10s. 6
ФРАНЦІЯ или АНГЛІЯ? Переводъ съ Французскаго съ новымъ предисловіемъ Искандера (А. Герцена.) ... 1s. 6
ГОЛОСА ИЗЪ РОССІИ Книжка V 2s. 0
— — — VI 2s. 0

На французскомъ языкѣ:

DU DÉVELOPPEMENT des Idées Révolutionnaires en Russie, par Iscander. 3e édition... ... 2s. 6
LE PEUPLE RUSSE et le Socialisme. Lettre à M. Michelet, par Iscander. 2e édition. 1s. 0
LA CONSPIRATION RUSSE de 1825, suivie d'une Lettre sur l'Émancipation des Paysans en Russie, par Iscander 1s. 0
LA FRANCE OU L'ANGLETERRE? Variations Russes sur le thême de l'attentat du 14 Janvier 1858, par Iscander (A. Herzen). 1s. 0

MÉMOIRES
DE L'IMPERATRICE CATHERINE II,
ÉCRITS PAR ELLE-MÊME.
(1744—1759)... .... 10s. 6

На Англійскомъ:

FRANCE OR ENGLAND? (Переводъ съ французскаго). 0 6

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

(Переводъ съ Французскаго).

АМЕРИКАНСКАЯ И КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ АГЕНЦІЯ.

Н. ТРЮБНЕРЪ и К-нія извѣщаютъ что особымъ постановленіемъ Остъ Индской Компаніи, директоры ея назначили ихъ единственными агентами для продажи всѣхъ ихъ изданій. Съ тѣмъ вмѣстѣ они просятъ обратить вниманіе на каталогъ книгъ изданныхъ по распоряженіямъ Компаніи.

Всякаго рода книги на восточныхъ языкахъ, могутъ быть выписаны черезъ Г. Трюбнера.

Сверхъ того Агенція Трюбнера и К-ніи въ постоянномъ сношеніи съ Америкой и предлагаетъ свои услуги для доставки книгъ (старыхъ и новыхъ) журналовъ, картъ, физическихъ снарядовъ. Она равномѣрно находится въ прямомъ сношеніи съ Вѣной, Берлиномъ, Амстердамомъ, Лейпцигомъ, Копенгагеномъ, и пр. вслѣдствіе этого она можетъ доставлять книги, карты и пр. въ Англію, Америку и обратно, по болѣе сходнымъ условіямъ нежели обыкновенно. Заказы могутъ быть дѣлаемы черезъ каждаго книгопродавца въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Англіи и на континентѣ.

Г. Г. ТРЮБНЕРЪ и Ко., уже извѣстный Русской публикѣ какъ издатель сочиненій Искандера, доводитъ до ея свѣдѣнія, что онъ готовъ печатать всѣ замѣчательные русскіе манускрыпты. У него же можно найти полный каталогъ сочиненій на Англійскомъ и Американскомъ языкахъ о Россіи.

Въ Книжной торговлѣ Н. ТРЮБНЕРА, поступилъ въ продажу, (прилагаемый къ Письмамъ изъ Франціи и Италіи) портретъ

А. ГЕРЦЕНА (Искандера).

Гравированный на стали съ Лондонской фотографіи.

и

Портретъ Н. ОГАРЕВА.

МЕМУАРЫ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ.

Этотъ рѣдкій и въ высшей степени интересный историческій памятникъ доселѣ былъ извѣстенъ Русской публикѣ очень мало. Первое изданіе его на Англійскомъ языкѣ давно уже разошлось. Г. ТРЮБНЕРЪ и Ко., удовлетворяя какъ требованіямъ науки, такъ и любознательности всѣхъ Русскихъ читателей, рѣшился издать его въ полномъ Русскомъ переводѣ. Переводъ 'Мемуаровъ княгини Дашковой,' съ предисловіемъ ИСКАНДЕРА явится въ самомъ непродолжительномъ времени.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, London.

